АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ

ПРИНЦИПЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1965

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ 41—47*

(41. Укр. *бру́нька*; 42. Слав. *dvigati*; 43. Русск. *реполо́в* и вопрос отражения праслав. **rępь/ъ* в восточнославянском; 44. Русск. диал. *брыла́*, мн. *бры́лы*; 45. Сербско-хорв. *поре́кло*, *подриjе̏тло*; 46. Русск. диал. *лѐньга́с*; 47. Болг. *бу́ло*).

41. УКР. *бру́нька*

Слово *бру́нька* является основным названием древесной почки в украинском языке[1]. Расхождение с великорусским названием того же предмета — *почка* (праслав. **pъtjьka* < **pъtja*) — отражает, по-видимому, в отличие от ряда других примеров лексических украинско-русских различий, не позднюю дифференциацию, а лексический диалектизм большой древности. Вполне возможно, что современное значение слова *брунька* оказалось результатом взаимодействия семантически близких слов, ср., например, праславянскую основу **pъtj-*, также проделавшую длительную семантическую эволюцию, в результате которой русск. *по́чка* по значению уже отличается от польск. *pestka*, стар. *pecka* 'семячко', чеш. *pecka*, даже от укр. *по́чка* 'тыквенное зернышко'. Принимая во внимание вторичный характер семантической конкретизации укр. *бру́нька* 'почка на дереве', мы получаем возможность установить этимологические связи исходного праслав. диал. **brunь* (< **brouni-* < **br-ou-ni-*) с др.-

* Предыдущие статьи этой серии: «Славянские этимологии 1—7» — ВСЯ 2, 1957, стр. 29—42; «Славянские этимологии 8—9». — «Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов». София, 1957, стр. 337—339; «Slawische Etymologien 10—19». — ZfS 3, 1958, стр. 668—681; «Slawische Etymologien 20—23». — ZfS 4, 1959, стр. 83—87; «Славянские этимологии 24—27». — «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски». София, 1960, стр. 137—143; Славянские этимологии. 28. Болг. диал. *така́*». — «Этимологические исследования по русскому языку» I. М., 1960, стр. 87—89; «Славянские этимологии 29—39». — Там же 2. М., 1962, стр. 26—43; «Славянские этимологии. 40. Слав. *gotovъ*». — PF XVIII, 1964, стр. 153—156.

[1] Ср. ст.-укр. *брунька* 'пупяшок' (XVIII в.), см.: Є. Тимченко. Історичний словник українського язика, т. I. Харків—Київ, 1930, стр. 144.

инд. *bhrūṇá-* 'зародыш', лтш. *braũna* 'чешуя, шелуха, рубашка (в которой иногда рождаются дети)', чеш *brnka* 'послед' в границах словопроизводной активности одного исходного и.-е. **bher-* 'нести, приносить (на свет); рожать', ср. гот. *baíran* и др.[2]

42. СЛАВ. *dvigati*

известно во всех славянских языках. Этимологически это очень трудное слово, во всяком случае, если судить по имеющимся в литературе объяснениям, которые все без исключения сомнительны в высшей степени[3]. Когда одинаково безнадежны различные этимологии, а дальнейшее умножение числа попыток этимологизации не выводит исследование слова из тупика, уместно задуматься, верны ли отправные посылки этимологий этого слова. В такой ситуации наиболее уязвима обычно семасиологическая сторона, поскольку именно семасиологическая концепция этимолога влияет затем на его выбор из числа доступных ему фонетико-морфологических ассоциаций и сближений в каждом конкретном случае. Имея в виду прежде всего эту ответственность реконструкции семантической истории слова, обратимся к пересмотру исследований праслав. **dvigati*. Дело в том, что известные этимологии **dvigati*, при всех своих коренных различиях, имеют общую семантическую базу, исходят из значения 'двигать, передвигать, перемещать'. Таковы предпринимавшиеся с разными натяжками старые и новые сближения **dvigati* с др.-в.-нем. *zwangan* 'колоть, щипать', ирл. *dedaig* 'oppressit', с предлогом и.-е. **ad* и др.-инд. *vējate* 'спешит', авест. *vaeg-* 'махать', греч. οἴγνυμι 'открываю', др.-в.-нем. *wihhan* 'трогать', др.-исл. *vīkia* 'двигаться', а также мысль о заимствовании праслав. **dvigati* из гот. *du-wigan* 'двигать', родственного нем. *be-wegen*[4]. Особенно последняя этимология основывается на молчаливом убеждении, что первоначальным и исконным значением праслав. **dvigati* было 'двигать, перемещать (в горизонтальной плоскости)'. Однако уже беглое ознакомление с засвидетельствованным семантическим содержанием продолжений праслав. **dvigati* по отдельным языкам показывает ошибочность этого убеждения. В значительной части славянских языков продолжения **dvigati* выступают в значении 'поднимать', а не 'двигать горизонтально' и тем более не 'дви-

---

[2] См.: F. Specht. Ursprung der indogermanischen Deklination. 2. Aufl. Göttingen, 1947, стр. 148 (без славянских и украинского слов); о чеш. *brnka* см. еще: V. Machek. Etymologický slovník..., стр. 44.

[3] См.: Berneker I, стр. 240—241; Преображенский I, стр. 175; Vasmer I, стр. 330—331.

[4] См.: В. В. Мартынов. Гото-славянское лексическое взаимопроникновение. — «Тези доповідей V міжвузівської республіканської славістичної конференції». Ужгород, 1962, стр. 11.

гать вообще'. Так, значение 'поднимать' представлено у этого глагола в польском, чешском, словацком, лужицких, сербскохорватском, болгарском. Конечно, могут возразить, что значение 'поднимать' могло явиться у **dvigati*, **dvignǫti* вторично тогда как значение 'двигать, перемещать' здесь исконно, ср. ст.-слав., ц.-слав. двигати, двизати, двигнѫти 'двигать, двинуть, movere, κινῆσαι'. Но это мнение в общем не трудно уличить в ошибочности. Вескими аргументами в пользу точки зрения согласно которой **dvigati* исконно означало 'поднимать', затем на части славянской территории получило значение 'двигать', служат свидетельства отдельных сложений и производных с этой основой. Общим положением словообразовательно-этимологического и семантического анализа (если говорить в первую очередь о внутренних резервах реконструкции) можно считать первостепенную важность значений сложений и производных в вопросе восстановления первоначального значения самой основы. Мы имеем в виду лучшую сохранность древнего значения, которая характеризует обычно именно производные и прочие связанные формы основы сравнительно с ее непроизводной формой. Так, нам представляется, что ст.-слав., ц.-слав. подвигъ, подвигнѫти, подвигнѫти сѧ содержат в своих значениях и примерах словоупотребления ясное указание на движение вверх, подъем, поднятие; подвизати соответствует, например, греч. φέρειν 'нести' (Срезн. II, стб. 1034). В диалектах восточного Полесья часть сохи, дубовая развилка, подпирающая одним своим концом правую полицу, называется, по свидетельству Мошинского, *pȍdwih*[5]. Наконец, мысль о возможности семантической эволюции **dvigati* 'поднимать' > 'двигать вообще, перемещать по горизонтали' находит подтверждение в наблюдениях над некоторыми внешними аналогиями, ср., например, др.-в.-нем. *reisa* 'отправление, поездка', нем. *reisen* 'ездить, путешествовать'— иными словами, 'двигаться вообще' — при, очевидно, более старых значениях гот. *urreisan* 'вставать', англ. *rise* 'подниматься вставать'.

Резюмируя изложенное выше, мы можем сказать, что мнение о семантической эволюции праслав. **dvigati* 'поднимать' > 'двигать вообще' опирается на три аргумента: 1) наличие значения 'поднимать' у продолжений праслав. **dvigati* в значительной части славянских языков; 2) наличие значений, родственных 'поднимать', у производных и сложений с основой **dvig-* в других славянских языках; 3) некоторые общие наблюдения над семантической эволюцией глаголов 'двигать(ся)'.

Теперь об этимологии праслав. **dvigati*. В свете семантической реконструкции последнего, приведшей нас к древнему празначению 'двигать вверх, поднимать', и указаний отдельных

---

5 K. Moszyński. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928, стр. 58.

современных диалектных форм, например полесск. *pòdwih* 'дубовая развилка, подпорка', мы можем понять праслав. **dvigati* как отыменный глагол, образованный от существительного **dvigъ* 'развилка, разветвленная ветка'. То, что такая ветка могла использоваться как подпорка или рычаг, объяснит нам реальную сторону образования **dvigъ* > **dvigati* 'поднимать'. Праслав. **dvigъ* точно соответствует нем. *Zweig* 'ветка' и другим родственным германским, восходящим вместе с прасл. **dvigъ* к и.-е. **du̯īgho-s*/**du̯u̯īgho-s*, собственно **du̯-ī-gh-o-s*, производное от и.-е. **du̯ō* 'два'. Любая ветвь образует с основным стволом парную развилку, поэтому мотивы такого называния вполне ясны. Прекрасную семантическую аналогию отношению праслав. **dvigъ* 'ветка, развилка' : **dvigati* 'поднимать' можно указать в слвц. диал. *posošit' sa* 'подняться', *sošit'* 'поднимать' : *socha* 'развилка' (см. Machek, стр. 463).

43. РУССК. *реполов* И ВОПРОС ОТРАЖЕНИЯ ПРАСЛАВ. **tęrъ/ь* В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ

У слова *реполóв* не было собственной этимологии, причиной чего служило ощущение прозрачности его структуры. В соответствии с этим слово членили как сложение *репо-лов* (см. Vasmer REW II, стр. 514). Однако достаточно несколько подольше присмотреться к этому слову, чтобы задуматься над справедливостью такого понимания или восприятия. Мы постараемся показать, что ощущение прозрачности структуры в данном случае ложно и может быть классифицировано как одна из разновидностей народной этимологии. *Реполóв*, согласно Далю, — *рéполов* или *рéпел* м. 'одна из певчих пташек, Sylvia rubecola' (Даль² IV, стр. 123). Об этой птичке, которую называют еще коноплянкой, известно, что она относится к семейству вьюрковых, питается зерном, имеет пестрое оперение, небольшой черноватый хвостик, отличается веселым нравом, распространена во всей Европейской России[6]. Уже в свете хотя бы одних только этих данных прозрачность сложения *репо-лов* скорее вводит нас в заблуждение, чем дает какую-либо информацию, а связь с репой выглядит абсурдной. К счастью, перед нами, по-видимому, наиболее легко обнаружимый вид народной этимологии — осмысление без реально-логической мотивации, поскольку внешняя связь с репой опровергается сведениями об обозначаемой реалии, птичке Sylvia rubecola. Дальнейшая проверка лингвистической стороны вопроса позволяет найти довольно близко лежащие, сугубо внутренние данные, вполне отводящие связь с *рéпа* как вторичную. Это прежде

---

[6] Ф. Ф. Остапов. Певчие птицы нашей Родины. М., 1960, стр. 52—55.

всего — варианты названия птицы: *ре́пел* (Даль), *реполиха* 'самка реполова'. Цезура словопроизводного членения формы *реполов* в свете этих показаний перемещается: не *репо-лов*, а *репол-ов*. Уже одни эти данные довольно авторитетно говорят о том, что основой слова следует считать *репел-/репол-*. Прежде чем перейти к этимологии, необходимо учесть все, что известно по истории нашего названия птицы. Прямыми свидетельствами о древнерусских формах современного слова *реполов*, *репел* мы, к сожалению, не располагаем, однако есть достаточно косвенных указаний, причем важных для новой этимологии названия птицы. Мы имеем в виду княжескую фамилию *Ряполовский*, неоднократно встречающуюся в русских летописях, ср. следующие примеры: и послѣ того князь Өеодоръ Семеновичь Хрипунъ Ряполовскый билъ Татаръ на Волзѣ, iюня 4... (Софийская I летопись под 1469 г. — ПСРЛ, т. 5. СПб., 1851, стр. 275); царь же Магамедъ Аминь Казаньскый отпусти воеводу великого князя из Казани, князя Семена Ивановичя Ряполовского... (Софийская I летопись под 1495 г. — ПСРЛ, т. 6. СПб., 1853, стр. 40). В этих и во многих других примерах упоминания этой фамилии в XV в. абсолютно последовательно соблюдается такая черта, как отражение вокализма [*а*]: *Ряполовский*. Названная древнерусская фамилия интересна для нас в двух по крайней мере отношениях: во-первых, не оставляет сомнений ее родство с современным апеллативом *реполов*, *репел*, а во-вторых, древний корневой вокализм основы *ряпол-* в фамилии *Ряполовский* окончательно кладет конец внешне очевидному сближению *реполов* : *репа* и направляет наши дальнейшие этимологические поиски по иному пути. Так, мы считаем возможным производить современное название *реполов*, *репел* из старого **ряпол*, **ряпел*. Эта последняя форма продолжает, по нашему мнению, более древнее имя **rępelъ*/**rępolъ*, образованное с суффиксом *-el-/-ol-* от праслав. **rępъ*/**rępь* 'хвост'. Праслав. **rępъ*/**rępь* известно по своим продолжениям в западно- и южнославянских языках, ср. польск. *rząp* (род. *rząpia*) 'копчик', с.-хорв. *rȇp* 'хвост', в.-луж. *rjap* 'спинной хребет'. До сих пор мы как будто не располагали материалом для того, чтобы утверждать, что и в восточнославянских языках сохранились следы праслав. **rępъ* 'хвост'. С того момента, как перед нами встает описанная выше возможность этимологизации слова *реполов*, *репел*, ставится вопрос о реальном наличии также восточнославянских форм от праслав. **rępъ* 'хвост'.

Кстати, о первоначальном семантическом наполнении, этимологии и реально-семантическом субстрате праслав. **rępъ*. Это уточнение необходимо ввиду многочисленности названий хвостов, лексем со значением 'хвост' в праславянском. Мы можем попытаться уяснить себе место лексемы **rępъ* 'хвост' среди прочих названий хвостов, каковы, например, **xvostъ* (русск.

хвост и родственные), **obgonъ* (польск. *ogon*), **obpašь(ka)* > болг. *опа́шка*, **otjasъ* (чеш. *ocas*). Праслав. **rępъ/*rępь* не было абсолютным синонимом всех прочих названий хвостов, но означало, вероятно, короткий хвост, обрубок хвоста, сам хвост как продолжение позвоночного столба, без шерсти и волос, ср. значение польск. *rząp* 'копчик', а также вероятную этимологию праслав. **rępъ*, которое, очевидно, родственно праслав. **rǫbiti* (русск. *рубить*) — с иным губным расширителем *-b-*, а также нем. *Rumpf* 'туловище'. Праслав. **rępъ* обозначало тем самым первоначально лишь основание хвоста или короткий хвост, но во всяком случае не опушку хвоста, т. е. не то, чем машут (праслав. **xvostъ*, **obgonъ* и др.). Семантическая реконструкция и этимология праслав. **rępъ* как будто соответствуют тому, что известно о реполове, этой птичке с явно небольшим хвостиком. Дальнейших мотивов обозначения лексемой **rępelъ/*rępolъ* именно птички Sylvia rubecola мы не можем да и не чувствуем себя обязанными доискиваться здесь; разумеется, данное называние так же произвольно — в известных пределах, — как и всякий другой акт номинации в языке. Кстати, курьезнейшее по формальной полноте соответствие нашему прарусск. **rępolъ*, **rępelъ* мы имеем в польск. *rzępoła* 'тот, кто пиликает, скверно играет (на скрипке)', которое еще Брюкнер связал с *rząp* 'копчик, зад'[7]. Экспрессивная мотивация, различимая в польском слове, могла иметь место и в русском, столь близком к польскому, при всем их семантическом различии.

Итак, *реполов*, *репел* отражают праслав. **rępъ*. Единственные ли это продолжения праславянского слова в восточнославянских, в русском? — Вполне возможно, что нет. Обратим внимание, во-первых, на русск. *ре́пица* 'хвост позвоночного животного, кроме шерсти и волосу; вся связь хвостовых косточек, продолжение позвонков' (Даль[2], IV, стр. 123). Как видим, близость значения русск. *ре́пица* и польск. *rząp*, в.-луж. *rjap* очень велика. Отклонения в вокализме — *ре́пица* вместо ожидаемого **ряпица* — представляются нам в любом случае вторичными, хотя мотивы и условия их еще недостаточно ясны. Во-вторых, к числу восточнославянских, русских следов праслав. **rępъ* можно отнести, вероятно, местное название *Урюпинск*, точнее — лежащее в его основе древнерусское личное собственное имя **Урюпа* (посредствующее звено — фамилия *Урюпин*?)[8]. Здесь наступает момент, когда, говоря о рефлексах праслав. **rępъ* в русском, мы вынуждены, правда, на очень короткое время, отвлечься в область апофонии. Это вызвано необходимостью

---

[7] Brückner, стр. 474.

[8] В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (СПб., 1903, стр. 410) мы, действительно, находим имя *Урупа*, чернобыльский мещанин (1552 г.). Эта белорусская форма (Чернобыль!) может отражать как **Урюпа*, так и **Урупа*.

правильно оценить характер формы **у-рюп-* в русском в связи с реконструируемой праславянской формой **rępъ*. Наряду с этой последней мы вправе предположить существование иной ступени вокализма — праслав. **rǫp-*, мотивированного производным характером содержащих его образований. Праславянские отношения **ręp-/*rǫp-* должны были нормально отразиться на восточнославянской почве как *ряп-/*руп-*. Первая ступень, как мы показали выше, реально засвидетельствована в русском языке. Надо сказать, что и вторая ступень тоже существовала, как о том говорят косвенные данные, а именно форма *-рюп-* в сложении с предлогом (*Урюпинск*, *Урюпино*, **Урюпа*). Природу этого варианта *-рюп-* мы объясняем следующим образом. Если апофоническая соотнесенность **ręp-/*rǫp-* на праславянском уровне не оставляет сомнений и, видимо, носила характер прозрачной связи, то в отношениях *ряп-/*руп-* на восточнославянской почве представлены лишь разрушающиеся остатки древней апофонии. Внешним следствием и как бы противодействием этому разрушению в языке явилась замена двойственного отношения **ręp-/*rǫp-* тройственным *ряп-/*руп-/рюп-*, где *рюп-* получено путем контаминации двух исконных ступеней. Эта перестройка осуществилась столь же закономерно на восточнославянской почве, как в случае с праслав. **blęd-/*blǫd-* > вост.-слав. *бляд-/блуд-/блюд-*, откуда объясняется наличие, кроме регулярных форм *блядь*, *блуд*, также и контаминированного *ублюдок*.

44. РУССК. ДИАЛ. *брыла́*, МН. *бры́лы*,

довольно распространенное народное слово со значением 'губа', 'губы', также в форме дв. числа *брылé* 'губы' (тамб., «Опыт областного словаря»), в некоторых говорах — только о собаках (напр., вятск.), в значении 'рыло' — в костромских говорах; костр. (Чухл. у.) *брила́* 'половина уст', мн. *бри́лы* 'уста'; в русских пословицах XVII в., изданных П. Симони, читаем выражение: «ел смерд блины да засалил брилы»[9]. Этимология слова оставалась неясной, во всяком случае сближения с созвучным словом, обозначающим глыбу[10], ее не проясняют. Тем не менее это областное русское название губы у человека или животного этимологизируется очень просто. Наиболее авторитетна в плане этимологии форма, которая последовательнее всего представлена в большом числе говоров — *брыла́* 'губа' (волог., вятск., перм., тульск., енисейск.), ср. также выше. Самым строгим образом придерживаясь сведений о форме

[9] Обстоятельную подборку географического распространения форм и значений находим в ст.: S. Obnorskij. Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen. — ZfslPh II, 1925, стр. 67.

[10] См. Vasmer I: *брыла*.

и значении слова, мы можем объяснить его из **обрыла* = 'то, что вокруг рыла' (*об-рыла*), ср. значение *брыла́* 'губа', а также диал. *брылы́* 'рыло'.

45. СЕРБСКО-ХОРВ. *поре́кло, подриjѐтло*

продолжает по-прежнему представлять собой загадку для этимологов, несмотря на то, что им уже занимались опытные ученые, которые выдвинули внешне бесспорные объяснения[11]. Дело в том, что известное толкование *порекло* < *по* + *рећи* (Маретич), основанное на признании первичности значения 'прозвище, (родовое) имя', во-первых, оставляет без объяснения ряд старых форм, не знающих этого значения и вместе с тем определенно связанных с нашим словом, и, во-вторых, это старое толкование, как нам кажется, упрощает действительную сложность взаимоотношений форм. Не претендуя на исчерпывающую ревизию материала и его интерпретации, мы хотели бы выдвинуть новую возможность объяснения хотя бы части фактов, явно остающихся в тени, если принять однозначную старую этимологию. Суть этой старой этимологии состоит в том, что с.-хорв. *поре́кло* (воеводинск., Вук), *подриjѐтло*, *подриjѐкло*, *podrēklo*, *podriklo* с современным значением 'происхождение' явилось результатом сербско-хорватской семантической инновации при исконности значения для всех названных форм 'прозвище'. Нарушение связей с глаголом *порећи* повлекло семантическую и словообразовательную перестройку, откуда форма на *под-*, тогда как форму *подриjѐтло* объясняют контаминацией *порекло* и *podrijet*. Нам кажется, что в своей основе эта этимология может быть принята, во всяком случае форма *порекло* проще всего этимологизируется действительно от *порећи*, первоначально 'назвать'. Ошибкой было стремление распространить эту этимологию на все формы и значения. Если *порекло* еще имеет также значение 'прозвище', то *по̏дриjетло* (исключительно 'происхождение') своими формальными, семантическими особенностями, а главным образом своим распространением сопротивляется толкованию контаминацией восточного *порекло* и локального дубровникского *podrijet*, что признает и сам автор толкования Скок. Если же мы обратимся к обособленным, достаточно старым и самостоятельным формам *podrilo* (XVIII в.), *podrìtolica* (Мостар) и уже упомянутому *podrijet* ж. р. (Дубровник), которые все значат лишь 'происхождение, род' (см. «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika» Югославянской Академии, т. X, стр. 313), то свести их к единому *порекло* еще труднее, чем в случае с *подриjѐтло*, точнее — совсем невоз-

---

[11] См: P. Skok. Leksikologijske studije. — «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti» 272. Zagreb, 1948, стр. 21—25.

можно. Сознательных преобразований в связи с отталкиванием от непристойной лексики, которые Скок принимает для мостарского *podrìtolica*, нельзя предполагать для *podrilo*, *podrijet*. Нам кажется уместным допустить в целом для всех относящихся сюда слов более или менее сильное вторичное сближение с *порекло*, причем *подриjетло* этим сближением затронуто в наибольшей степени, тогда как такие формы, как *podrilo*, *podrijet*, еще вполне сохраняют свою самобытность. Эти последние, особенно икавское *podrilo* 'происхождение, род', мы этимологизируем особо — из праслав. *podrědlo/*porědlo (где *pod-* — инновация вм. *po-*) ⩽ *po-roi̯-tlo. Дубровникск. *podrijet* в свою очередь из *po-roi̯-to-. Названные слова родственны лит. *rìstis* 'вылупляться (из яйца)', 'катиться, кататься', *išsi-rìsti* то же, *raidà* 'развитие', *riedě́ti* 'катиться', *pa-riedě́ti* 'покатиться', *paristi* то же (сврш.). Основа и.-е. *roi̯-/*rei̯-/*rī- представлена в балтийском и славянском с расширениями *-t-/-d-* и без них. О возможности семантического развития 'катить, кататься' > 'рождать(ся), происходить' говорит полная аналогия слав. *kotiti (sę), русск. *котиться*[12].

46. РУССК. ДИАЛ. *лéньгáс* 'ЛЕНТЯЙ'

— неясное слово, для которого предполагалось иноязычное происхождение[13]. Нам не хотелось бы умножать число гадательных и беспочвенных этимологий, но, имея в виду невыясненность слова, полезно обратить внимание на возможную его близость к с.-хорв. диал. (икавск.) *linguza* 'лентяйка' ж. р. (Босния)[14]. Сербско-хорватское слово из прасл. *lenьgǫzъ, сложение *lěnь + *gǫzъ 'гузно, задница', можно было бы считать тождественным русск. диал. *лéньгáс* при условии, если последнее — из *леньгуз* с теми же древними компонентами (ср. диал. курск. *ленгýз* 'лодырь'; псковск., тверск. *лынгýз* 'лентяй'). Преобразования в северновеликорусском слове могли наступить в условиях заударного слога или в результате сознательного отталкивания от слова *гуз*?

47. БОЛГ. *бýло* 'ПОКРЫВАЛО НЕВЕСТЫ, ФАТА'

признается неясным[15], однако обычные в таких случаях для болгарской лексики ресурсы объяснения заимствованием из соседних балканских языков или из турецкого здесь как будто

---

[12] О последнем: В. Н. Топоров. О праславянском *kot-. — ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 174.

[13] См.: Vasmer II, стр. 31. — Этимология Пизани из *лень* + нем. *Geist* едва ли заслуживает упоминания.

[14] I. Klarić. Narodne pripovijetke. — «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena» XXII. Zagreb, 1917, стр. 300.

[15] В. Георгиев и др. Български етимологичен речник, св. 2. София, 1963: *було*; ср.: Младенов, стр. 49.

отказывают. Нам кажется, что мы имеем тут дело с древним исконно славянским элементом болгарского словаря. В связи с этим представляется возможным этимологизировать болг. *бу́ло* < **обуло*, собственно говоря, — **об-уло* (ср., помимо широко известного в разных славянских языках *bagniti* < **ob-agniti*, еще типично болгарское *бе́ся, беси́лка* < **ob-vĕsiti* и т. д.). Несохранившееся болг. **об-уло* восходит к праслав. диал. **ob-u-dlo*, ср. **obuti*, а главным образом родственное и тождественное *-tl-* производное лит. *auklẽ* 'портянка' < **ou-tl-*, к которому восходит в конечном счете и болг. *бу́ло* 'покрывало невесты'. И.-е. **eu̯-/*ou̯-*, помимо ранней специализации в значениях 'обувь', 'надевать обувь', имело, несомненно, и более общее значение 'надевать, повязывать' (ср. лат. *sub-uculum* 'нижняя туника'), сохраненное в болг. *бу́ло*.

Г. Якобссон

ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА НА ПРИМЕРЕ НЕСКОЛЬКИХ ДРЕВНЕРУССКИХ СЛОВ

Нельзя отрицать, что этимология в настоящее время занимает все меньшее место в науке о языке и в своем развитии подошла к критической точке; однако было бы слишком рано утверждать, что этимологические исследования уже сыграли свою роль[1]. Верно, что этимологическая наука, пытавшаяся найти формальную связь между исследуемым словом и его этимоном при само собой разумеющемся условии если не семантической идентичности, то во всяком случае непроблематичной семантической зависимости слова и этимона, — эта наука, считающаяся ныне классической, исчерпала себя. Этимологические исследования в этой области, напротив, игнорировали огромный материал, содержащий слова, слишком большое семантическое расхождение которых препятствовало предположению генетического родства между ними, несмотря на формальные соответствия, или не обладали достаточной компетентностью, чтобы охватить этот материал.

Если, таким образом, вполне естественно, что этимологическая наука проявляет все больший интерес к семантике, — красноречивым выражением этой новой ориентации может послужить высказывание такого классика этимологии, как Фасмер, относительно его «Русского этимологического словаря»: «Hätte ich die Arbeit von neuem zu beginnen, dann würde ich... der semasiologischen Seite grössere Beachtung schenken»[2], — то нельзя закрывать глаза и на тот факт, что и семантически направленная этимологическая наука находится в тяжелом положении. Стремление к объективному описанию явлений, характеризующее многие разделы современной лингвистики и покоящееся в конце концов на представлении о языковых явлениях как о составных частях одной системы, давно уже ощущалось как необходимое именно в семантически направленной этимо-

[1] Ср.: В. Н. Топоров. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ 1960, № 3, стр. 44—59.
[2] Vasmer III, стр. 507.

логии, для которой, к сожалению, вера была более характерна, нежели знание. Так как внеязыковая сфера стоит в тесной связи со значением слова, до сих пор не представлялось возможным перенести семантику полностью в чисто языковый план и описывать семантические явления как независимые от субъективности исследователя. Однако делались попытки создать определенные объективные критерии внутри семантики, семантические законы или тенденции, или описывать семантические явления как члены семантического поля, определяющего значения отдельных компонентов. Однако пройдет еще много времени, прежде чем можно будет установить какую-либо общую систему с возможностью контроля в семантике; вместо этого приходится следовать некоторым определенным линиям, которые постепенно можно будет привести к более стройной зависимости.

Что касается этимологизации с привлечением семантического поля, иногда бывает полезно применить взаимную мотивированность слов в качестве контрольного фактора. Чем больше обнаруженная мотивированность, тем сильнее доводы в пользу предложенной семантико-этимологии. Это особенно верно, когда дело касается определения конкретной основы абстрактного значения.

В древнерусском языке нередко встречаются слова, этимология которых не вызывает затруднений, и на ее основе устанавливается приблизительное значение. Изучение семантической истории таких слов рисует, однако, другую картину их значений и развития значений, что одновременно ведет к восполнению их этимологии. Древнерусский словарный запас с семантической стороны не исследован основательно, и это во многих случаях зависит от такой банальной причины, как отсутствие в течение долгого времени надежных и легко доступных изданий древнерусских текстов. Правда, в последние годы было много сделано для устранения этого недостатка, но движущей силой в этом направлении был не лингвистический интерес, а историко-экономические или историко-социальные соображения.

Мы выбрали несколько древнерусских слов, принадлежащих к определенному кругу значений, исследовали их семантико-этимологию и в особенности обращали внимание на их взаимную семантическую мотивированность.

Погренути, которое обычно переводится как 'предать забвению'[3], насколько мы могли установить, уникально, так как встречается только в древнерусском языке, и только в двух различных контекстах[4]. Существование этого глагола, однако, не вызывает никаких сомнений, если сличить его формально и по значению с древнерусским существительным *погребъ* в одном

---

[3] Срезневский II, под словом *погрен*ти*.

[4] Срезневский II и Картотека Древнерусского словаря Институт русского языка АН СССР, Москва.

из его значений, а именно 'забвение'. Это значение слова *погребъ* не обычно в древнерусском, а ограничивается одной группой текстов, а именно междукняжескими договорными грамотами XIV—XV вв. Срезневский формально истолковывает *погренути* как *погребнути*, ссылаясь на вышеупомянутое *погребъ*, которое, кроме того, означает 'похороны', и глагол *погрести*, имеющий значения: '1. зарыть, скрыть; 2. похоронить; 3. положить; 4. погребсти, уничтожить'[5]. Подобные мысли высказывал уже Даль, хотя он под знаком вопроса отнес *погренути* 'не попомнить, предать забвению' к *погребсти* 'предавать земле, зарывать, закапывать, хоронить, отправлять похороны со всѣми обрядами'[6]. Хотя против формального соединения, с одной стороны, *погренути*, *погребъ* и, с другой стороны, *погрести*, *погребъ* нечего возразить, возникает, однако, проблема семантического порядка: как совместить появляющееся только в русском языке значение 'предать забвению, забыть' — с первоначальным корневым значением в славянском *grebǫ* 'greifen (raffen); harken; rudern; scharren, kratzen (kämmen), graben'[7]?

Так как примеры как с *погренути*, так и *погребъ* (в значении 'забвение') очень немногочисленны, неизбежно возникает вопрос: как могли установить особые значения 'предать забвению' или 'забвение'? Насколько мы могли разузнать, значение 'забвение' в слове *погребъ* появляется впервые у Карамзина[8], и это значение затем повторяется в обычных словарях и справочниках и до наших дней[9]. Однако Карамзин не дает пояснения к значению 'забвение'. *Погренути* в значении 'предать забвению' мы нашли зафиксированным в словаре 1847 г., но без какого-либо дальнейшего комментария[10]. Однако кажется

---

[5] 'Положить', конечно, не является каким-то новым значением *погрети*, а лишь результатом перевода в другую семантическую систему (ср.: E. Benveniste. — «Word» 10, 1954, стр. 252, § 3). Срезневский цитирует пример: съзъмъшї жена погребе въ мѫчьныихъ ситѣхъ трьхъ, Мтф. 13 : 33 из Юрьевского евангелия. *Погребе* соответствует в Мариинском четвероевангелии *съкры*, которое является переводом греч. ἐνέκρυψεν. Срезневский позаимствовал 'положить' из русского перевода библии.

[6] Даль III, под словом *погрену́ти*, соотв. *погреба́ть*.

[7] Berneker под словом *grebǫ* 1 и 2.

[8] Н. М. Карамзин. Исторія Государства Россійскаго, I—XII. Изд. 2-е. СПб., 1818—1828 (далее — ИГР), V, примеч. 35, стр. 18: «погребъ (предается забвенію)».

[9] Кроме словарей Даля и Срезневского, см., например, «Словарь церковно-славянского и русского языка», сост. Вторымъ отд. имп. Академіи наукъ. СПб., 1847 (мы пользовались вторым изданием — I—IV. СПб. 1867—1868, — которое полностью совпадает с первым изданием), III, под словом *погребъ* '. . . 2) преданіе забвенію'; «Памятники русского права» (I. Памятники права киевского государства. М., 1952; II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953. Далее — ПРП), II, стр. 414: *погребъ* ('конец, забвение').

[10] «Словарь церковно-славянского и русского языка», под словом *погренути*.

вероятным, что значение 'предать забвению' (соотв. 'забвение') понималось как абстрагировавшееся из конкретного значения 'похоронить'. Так, например, в словаре под словом *погребъ* стоит на первом месте значение 'погребение', а на втором 'предание забвению'[11], и подобная градация соблюдается Далем, который отличает фразу со словом *погребъ* 'забвение' звездочкой, как известно, указывающей на переносное значение[12]. Как уже упоминалось, Срезневский дает для *погрести* особое значение — 'погребсти, уничтожить', и в приведенном примере ясно просвечивает первоначальное значение 'похоронить':

Погреблъ ѥси неприꙗзниныхъ бѣсовъ лаꙗниꙗ пощениѥмь (и) многыими млтвами (Служебная минея за ноябрь по рукописи Типографской библиотеки 1097 г.)[13]. Хотя греческий текст к этому отрывку отсутствует[14], все равно *погреблъ ѥси* должно восходить к значению 'похоронить', как показывает продолжение того же отрывка: оче. мьртвъ въ гробѣ лежа, и т. д.[15] В другом из цитированных Срезневским примеров — Вьсе ветъхааго Адама да *погребеть* въ водѣ (XIII словъ Григорiя Назiанзина по сп. Имп. публичной библ. XI вѣка) — ἐνθάπτειν в греческом тексте подтверждает значение 'похоронить'[16].

В этих примерах, без сомнения, глагол *погрести* имеет переносный смысл, который, так сказать, передает переход от конкретного исходного значения 'похоронить' к специальному переносному значению 'предать забвению' (соотв. 'забвение') в древнерусских словах *погренути* и *погребъ*. Известно из многих источников, что конкретное значение 'похоронить' легко приобретает переносный смысл, причем, однако, метафора легко различима. Так, например, в русском языке XIX в. мы находим, что *погрести* 'похоронить' имеет переносное значение 'предать забвению, забыть'.

---

11 «Словарь церковно-славянского и русского языка», под словом *погребъ*; подобным образом: Срезневский II.

12 Даль I, стр. 15. В третьем издании слово пишется как *погрёбъ*.

13 Служебныя Минеи за сентꙗбрь, октꙗбрь и ноꙗбрь. Въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ... И. В. Ягича. СПб, 1886 (= «Памятники древнерусскаго языка», т. I), стр. 436.

14 Там же, стр. 600.

15 Там же, стр. 436.

16 В качестве комментария к предложению известного антинорманиста С. А. Гедеонова отождествить др.-русск. *погренути* с чеш. *pohrdnouti* 'отбросить, презреть' Срезневский еще ранее изложил свои взгляды на этимологию и значение *погренути* и *погребъ*: «... и глаголъ *погрети* и сущ. *погребъ* употреблялись для обозначенiя забвенiя прошедшаго, прощенiя, и въ этомъ отношенiи слово *погрен҃ѫти* можетъ быть считаемо общеславянскимъ» («Замѣчанiя о книгѣ С. А. Гедеонова «Варяги и Русь» Академика И. И. Срезневскаго» = «Отчетъ о двадцатомъ присужденiи наградъ графа Уварова». СПб, 1878, стр. 692).

Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне (Пушкин, Бородинская годовщина);

Этакой срам, да еще нести его на суд... Надо его *погребсти*, надо совсем забыть этот срамный угар (Салтыков-Щедрин, Письма)[17].

Или пример из старинной хорватской литературы: Dlžni jesmo... naše grihe nutri u nas umarati, *pogresti* je, od ńih uskrsnuti i ostaviti se (Postila... štampana v Tobingi 1562)[18] 'Мы должны наши грехи внутри у нас убить, похоронить их, воскреснуть от них и отказаться'.

Этот набросок семантического анализа может с первого взгляда показаться заманчивым, но было бы слишком поспешным применить его к древнерусским словам *погренути* и *погребъ* без предварительного исследования их семантической среды. Указанное развитие значений строится по существу на предположении, что исходным значением слова *погренути* было 'похоронить'. Можно ли доказать, что этот древнерусский глагол имел именно данный смысл? Что касается *погребъ*, это слово, несомненно, обнаруживает значение 'погребение, похороны', но можно ли показать, что это значение находится в прямой связи с тем значением, которое заставляет нас соединять это слово с *погренути?* Важно подчеркнуть, что метафорическое употребление *погренути*, цитированное Срезневским, и *pogrepsti* в древнехорватском относятся исключительно к церковной литературе, а примеры из современного русского языка по своему метафорическому характеру приближаются к более высокому книжному стилю. С другой стороны, древнерусские слова *погренути* и *погребъ* (в значении 'забвение') принадлежат в высшей степени бытовому словарю и по причине объективного характера юридического стиля ни в коем случае не производят впечатления метафорически употребленных. Примеры, приведенные ниже, ясно иллюстрируют деловой стиль. В связи с этими примерами мы обсудим другие, синонимические, переводы слова *погренути*. Существование таковых и отсутствие объяснения их происхождения свидетельствуют о том, что первоначальное значение *погренути* или *погребъ* не было ясно.

О мѣсѧчныи рѣзъ. оже за мало то імати ѥму. заидуть ли сѧ куны. до тогѡ же года. то дадѧть ѥму куны въ треть а мѣсѧчныи рѣзъ *погренути*. В этой статье, встречающейся только в пространной редакции Русской Правды и цитируемой по Троицкому списку (XIV в.), *погренути* Срезневским переводится

---

[17] Эти примеры взяты из «Словаря современного русского литературного языка», т. 10. М., 1960, стр. 195.

[18] RJA X, стр. 424.

как 'предать забвению'. Однако уже в конце XVIII в. эта статья передается следующим образом: «Мѣсячныя росты брать позволяется только за малое число дней, а ежели кто взявъ у кого деньги, изъ платежа мѣсячныхъ ростовъ, на краткое время, продолжитъ ихъ до другаго года, съ таковаго взыскать третныя росты, а мѣсячныя уничтожить»[19]. В комментарии[20], как и в «указаніе всѣхъ, находящихся въ сей книгѣ матерій, также словъ и названій древнихъ изъ употребленія вышедшихъ...»[21], стоит только: *погренꙋти* 'отставить, уничтожить'. Нам не представилось возможности установить, на чем основывает Болтин свой перевод, так как мы не нашли *погренути* ни в одном словаре того времени[22]. Другие переводчики и комментаторы Русской Правды повторяют, очевидно, перевод Болтиным слова *погренути*, как, например, Довнар-Запольский[23]. Встречаются и другие переводы, например 'отвергнуть'[24], 'отменить, аннулировать'[25], хотя мы не знаем, каким путем получены именно эти варианты.

Даже если в существовании *погренути* нет никаких сомнений — это слово существует, кроме того, во множестве других рукописей[26], — стоит упомянуть, что в древнейшем списке пространной редакции Русской Правды, так называемом Синодальном списке 1282 г., вместо *погренути* стоит *отъгрѣнути* (*ѿгрѣноути*). Кажется вероятным, что это слово в древнерусском должно было быть ἅπαξ λεγόμενον, отнесенное Карским к «более редким словам»[27], хотя возвратные глаголы *отъгренꙋтисѧ* 'уда-

---

[19] Правда Русская или законы великихъ князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, съ преложенїемъ древняго оныхъ наречія и слога на употребительные нынѣ, и съ объясненіемъ словъ и названій изъ употребленія вышедшихъ. Изданы любителями отечественной исторїи. Печатаны въ Московской Сѵнодальной тѵпографіи 1799 года, стр. 51—52. — Известно, что основная заслуга в создании этой книги, которая, кстати, вышла уже в 1792 г. в Санкт-Петербурге, принадлежит И. Н. Болтину.

[20] Там же, стр. 55.

[21] Там же, стр. X.

[22] *Погренути* и *погребъ* отсутствуют в «Словаре Академіи Россійской», ч. I—IV. СПб, 1789—1794.

[23] «а месячный рез *погренути*», т. е. счет процентов за месяц уничтожается, см.: М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. За неимением этой книги, цитата заимствована из Правды Русской, II. Комментарии. М.—Л. 1947 (далее — ПР II), стр. 422.

[24] «Кіевская Русь». Сб. подъ редакціей В. Н. Сторожева. Томъ первый[2]. М., 1910, стр. 586 : 47.

[25] ПРП I, стр. 161: *погренути* 'уничтожить'; стр. 127 : 51: «а месячный рез аннулируется»; II, стр. 414: *погренути* 'отменить, аннулировать'.

[26] Ср., например: Н. Калачовъ. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Выпускъ первый[2]. СПб, 1880, стр. 139.

[27] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 19.

литься, воздержаться' и *огрен8тиса* 'удержаться, удалиться' также встречаются[28]. Относительно этого слова мы также не всегда знаем, каким образом получались варианты перевода. Хотя у нас нет под рукой работы Раковецкого[29], мы знаем, что в этом месте у него стоит odrzucić, т. е. 'отбросить'. Хотя он позаимствовал текст из издания Болтина, он использовал также варианты из Синодального списка[30]. Этот перевод напоминает позднейшие переводы, о чем будет сказано ниже. *Отъгренути* тем не менее было И. Платоновым переведено как 'уничтожить' («а месячные уничтожаются»)[31], что явилось переводом с написанной И. Ф. Г. Эверсом на немецком языке работы («und die monatlichen Zinsen erlöschen»)[32].

Единственный, кто, насколько нам известно, пытается поставить перевод слова *отъгрѣнути* на этимологическую почву, это А. Соболевский, сопоставляющий его со словами *съгренути* (Срезневский III, под словом *съгрьн8ти* 'сбить, сорвать'), *огрьбатиса* (Срезневский II, под словом *огребатиса* 'удалиться, удерживаться, избегать') и переводящий его как 'отбросить, оставить'[33]. Однако Соболевский не рассматривает ближе семантические взаимоотношения. В тогдашней этимологической науке считалось, что здесь речь идет о другом гнезде слова *greb-* с первоначальным значением 'хватать', в отличие от *greb-* в *погребъ* и др.[34] Гетц последовал толкованию Соболевского и перевел *отгрѣнути* как 'tilgen'[35]. Срезневский перевел это слово как 'отринуть, уничтожить'[36], а Карский — как 'отринуть, уничтожить, отбросить, оставить'[37].

Несмотря на то, что некоторые исследователи при взаимном сравнении многочисленных списков пространной редакции Русской Правды склоняются к тому, чтобы отдать предпочтение Синодальному списку[38], все же преобладает мнение, что *погре-*

---

[28] Однако не в собственно древнерусском языке, ср.: Срезневский II, под цитируемыми словами.

[29] Rakowiecki. Prawda Ruska... I—II. Warszawa, 1820—1822: «a miesięczne procenta odrzucić». Цит. по ПР II, стр. 419.

[30] Н. Калачовъ. Указ. соч., стр. 15.

[31] И. Платоновъ. Древнѣйшее русское право въ историческомъ его развитіи. СПб. 1835. Цитата из ПР II, стр. 419.

[32] I. F. G. Evers. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dorpat, 1826, стр. 323. — К этому переводу не дается комментариев.

[33] А. И. Соболевский. Язык Русской Правды. — ЖМНП 1886, 4, стр. 381—382.

[34] Miklosich, стр. 77; A. Meillet. — MSL 14, 1906—1908, стр. 333.

[35] L. K. Goetz. Das russische Recht, III. Stuttgart, 1912, стр. 237.

[36] Срезневский II, под словом *отъгренѣти*.

[37] Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 110.

[38] Например, Карский (указ. соч., стр. 21).

нути — более раннее слово, отражающее протограф, общий как для Троицкого, так и для Синодального списка[39].

Третий вариант — *поринути* — встречается в Пушкинском списке (XIV в.). Это слово употребляется значительно чаще, чем *погренути* и *отъгрснути*, и встречается как в церковнославянском, так и в собственно русском языке. По Срезневскому, оно означает: 'I. столкнуть, низвергнуть; 2. толкнуть; 3. бросить, оставить, покинуть; 4. изгнать; 5. отвергнуть, отмѣнить' (в цитированном примере из Русской Правды).

Создается впечатление, что при переводе *погренути* и *отъгрѣнути* оба глагола недостаточно разграничивались, а кроме того, оказал влияние более часто встречающийся и более известный по значению глагол *поринути*[40]. С точки зрения контекста три древнерусских глагола — *погренути*, *отгрѣнути* и *поринути* — и их различные переводы равно приемлемы, но они не разрешают вопроса о семантическом происхождении *погренути*.

В другой связи встречается *погренути* в так называемых междукняжеских договорных грамотах XIV и XV вв.:

А что судилъ Киприанъ митрополит соудеи наших ѡбщихъ, Полукарпа, и Михаила, и Ивана, и Клементиꙗ, и что соудили соуды наши ѡбчие и грамоты подавали, и что будет взѧт(и), то взѧти, а что боудетъ не взѧт(и), а то есмы погреноули (Докончание великого князя Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем около 1396 г. Грамота в. кн. Василия Дмитриевича в. кн. Михаилу Александровичу)[41].

Почти слово в слово читаем мы в грамоте от примерно 1439 г.:

А что судил Кипрꙗнъ митрополитъ судеи наших ѡбчих, Поликарпа, Михаила, Ивана, Климентиꙗ, или что судили суд(ь)и наши ѡбчии и грамоты подавал(и), что будет взѧт(о), то взѧт(о), а что будет не взѧт(о), то есмѧ погренули (Докончание великого князя Василия Васильевича с великим князем тверским

---

[39] Ср. Н. (= М.) Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941, стр. 233 и сл.; стр. 242, примеч. 8: *отърѣнути* должно быть *отъгрѣнути*.

[40] Ошибочное этимологическое тождество между *отъгрѣнути* и *поринути*, предполагаемое П. Мрочек-Дроздовским, — «Изъ сопоставленія этихъ чтеній оказывается, что звукъ *г* здѣсь — бѣглый; — что касается до отношенія ѣ и *и*, то оно общеизвестно, а слитные предлоги *от* и *по* въ данномъ случаѣ безразличны, ибо и то и другое слова были въ употребленіи единовременно и въ одномъ смыслѣ» («Изслѣдованія о Русской Правдѣ», вып. II. М., 1885, стр. 223) — было немедленно опровергнуто Соболевским (указ. соч., стр. 375).

[41] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» М.—Л., 1950, № 15, стр. 41—42 (далее — ДДГ).

Борисом Александровичем. Грамота в. кн. Бориса Александровича в. кн. Василию Васильевичу)[42].

Именно в этом примере Карамзин первый, насколько нам известно, перевел *погренули* как 'оставили'[43] без каких-либо дальнейших пояснений. Не исключена возможность, что его вдохновили на такой перевод другие обороты подобного типа, например: что будет взѧто право, то ѡстало, а что будет взѧто криво, то ѡтдати по исправѣ (Докончание в. кн. Василия Васильевича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем 1428 г.)[44], где непереходный глагол *ѡстало* стоит в том же положении, что и переходное *погренули*, которое получает таким образом вполне логично значение 'оставили'. Никакой связи между *погренули* и комментированным им в другом месте *погребъ* он, видимо, не установил. Те же фразы со словом *погренути* повторяются позднее (около 1456 г.) в другом докончании, а также в «противне» между теми же князьями[45].

Примеры на *погребъ* в значении 'забвение' все принадлежат одной и той же эпохе и одному жанру, а именно упомянутым выше междукняжеским договорным грамотам, где они встречаются довольно часто, например: А как есми стал под городом под Тфѣрью до Семенѧ дни за мѣсѧц, что будеш(ь) оу мене взѧл воинои в тот мѣсѧць, тому всему межи нас *погребъ*. А как еси к нам сложил целован(ь)е, а что мы оу тобе поимали и повоевали, а тому всему межи нас *погреб* (Докончание великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем тверским Михаилом Александровичем 1375 г. Грамота в. кн. Дмитрия Ивановича в. кн. Михаилу Александровичу)[46]. Карамзин переводит *погребъ* как 'забвение' ('предается забвению') именно в этом примере[47]. В другом примере — тому всему *погребъ*, — относящемся к 1471 г., кроме перевода 'забвение', современным переводчиком предлагается вариант 'конец'[48].

По всей вероятности, можно предположить, что *погребъ* в сохранившихся примерах входит в устойчивое выражение. Вероятно, то же самое наблюдается и со словом *погренути* в так называемых междукняжеских договорных грамотах: повторяются одни и те же стереотипные фразы. Поэтому добраться до первоначального смысла слов *погренути* и *погребъ* в этих устойчивых сочетаниях можно лишь косвенным путем. Единственный пример, который мог бы дать ключ к их первона-

---

[42] ДДГ, № 37, стр. 106.

[43] ИГР V, примеч. 332, стр. 210.

[44] ДДГ, № 24, а) стр. 65, б) стр. 67.

[45] ДДГ, № 59, а) стр. 187, б) стр. 190.

[46] ДДГ, № 9, стр. 27.

[47] ИГР V, примеч. 35, стр. 18.

[48] Коростынский договор великого Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире. — ПРП II, стр. 256.

чальному значению, это выражение *рѣзъ погренути* в Русской Правде. Прежде чем вплотную заняться этой фразой, необходимо установить, какое из предложенных первоначальных значений слова *рѣзъ* правильно. Дело в том, что хотя нельзя, конечно, ничего возразить против предположения, что это слово формально соотносимо с *резать*[49], семантические связи между 'резать' и 'рост' (='процент') не вполне уяснены.

Миклошич считал, что зависимость между корнем *rěz* и *рѣзъ* неясна[50]. Преображенский, однако, понимал ее таким образом: «м.-б., это значитъ вначалѣ *верхъ*, *вершокъ* в сыпучихъ тѣлахъ, *срѣзываемый* линейкой и служащій процентомъ заимодавцу. Не совсѣм ясно»[51]. Против этого предположения Преображенского можно, во-первых, возразить, что мы не знаем, было ли «срезывать верх» техническим термином при определении ренты на сыпучие товары[52]; во-вторых, в древнерусском языке уже имелся термин для ренты при займе сыпучих товаров, а именно *присопъ*. Это слово — если мы придерживаемся цитированного объяснения Преображенского — должно было бы в первую очередь получить общее значение 'рента'. Кроме того, существовало еще несколько слов для обозначения ренты в специальном смысле соответственно типу товара, например *наставъ* при займе меда, *приплодъ*[53].

М. Ф. Владимирский-Буданов еще раньше объяснял *рѣзъ* как 'прирезку, прибавление к металлической монете или шкурам ценных зверей'[54]. Это объяснение не дает, однако, ответа на вопрос, почему слово *рѣзъ* получило общее значение 'рента', в то время как слова, обозначающие особые виды ренты (для различных товаров), продолжали существовать. Действительное основное значение слова *рѣзъ* по Фасмеру — 'Einschnitt, Kerbe', но он не рассматривает семантически связь между значениями слов *Einschnitt* и *рента*[55].

Однако уже Даль предложил правильное толкование слова *рѣзъ*, толкование, которое, кроме того, поддерживается его верным представлением о природе этих «нарезок». А именно, он считал, что *рѣзъ* — это нарезка или врез, которые делались на бирке для обозначения долга; Даль цитирует фразу: «есть

---

49 Преображенский, под словом *рѣзъ*.

50 Miklosich, стр. 278.

51 Преображенский, под словом *рѣзъ*.

52 У Даля (I, стр. 348) говорится: «*Гребло́* ср. дощечка, брусокъ, палочка, которою сгребаютъ верхи, ровняютъ сыпучій товаръ (хлѣбъ, муку) съ краями мѣры».

53 Ср.: П. Мрочек-Дроздовский. Изслѣдованія о Русской Правдѣ, вып. II, стр. 260.

54 «Хрестоматия по истории русского права» I, 1899. — За неимением этой книги, сведения почерпнуты из ПР II, стр. 418.

55 Vasmer II, под словом *рез*.

на моей биркѣ и твой рѣзъ»[56]. Общеизвестно, что нарезка сыграла и все еще играет важную роль в общественных организациях всего мира, независимо от их принадлежности к определенной культуре и цивилизации, в качестве числового обозначения самых различных предметов и явлений. Корни этой особой области применения уходят вглубь, к самому зарождению человеческой культуры; нарезка была, вероятно, предшественницей цифр и букв, которые она в некоторых случаях может заменить и сейчас[57].

Если мы в этой связи ограничимся только славянской культурой, то известно, что черноризец Храбр уже нашел у славян «черты и рѣзы», с помощью которых они «чтѣху и гатааху», и Ягич с полным правом считал, что под «чтѣху» подразумевается счет. К этому Ягич прилагает показательные примеры с бирками, на которых врезанные нарезки обозначали различные числовые величины и, что особенно для нас интересно, различные долги и платежи[58]. Когда нужно было на палочке, разделенной на две одинаковые половинки — одну для заимодавца, другую для должника, — обозначить, что долг заплачен, поступали следующим образом: или просто уничтожали бирку[59], или вычеркивали нарезку[60], или перечеркивали ее[61]. Последний вариант напоминает об упомянутом Ягичем случае: «Въ случаѣ, если должникъ заплатилъ только часть той суммы, которая отмѣчена на рабошѣ [т. е. на бирке], эта часть знаковъ подрѣзывается внизу. . .»[62].

На фоне всего сказанного выражение *рѣзъ погренути* в Русской Правде первоначально значило, вероятно, 'острым орудием вычеркнуть или перечеркнуть нарезку (обозначающую на бирке ренту)'. Отглагольное существительное *погребъ* в таком случае означало исконно 'вычеркивание, перечеркивание'. Когда затем конкретная ситуация забылась, *погренути* и *погребъ* могли означать 'уничтожить' и 'уничтожение', как показывают примеры из междукняжеских договорных грамот. В предполагаемом нами первоначальном значении глагола *погренути* не заключается ничего неожиданного, поскольку это только одна из возможных конкретных реализаций общего значения 'царапать, скрести' (пальцами, руками или каким-либо орудием), харак-

---

56 Даль IV, стр. 109.

57 Ср., например: M. Verworn. — «Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» 42, 1911, стр. 53.

58 И. В. Ягич. Вопросъ о рунахъ у Славянъ. — ЭСФ 3 : 1, 1911, стр. 26.

59 Там же, стр. 31.

60 Этот способ известен, между прочим, в Скандинавии.

61 Ср., например, «Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ethnographische Studien». Budapest, 1961, стр. 623.

62 И. В. Ягич. Указ. соч., стр. 34, с иллюстрацией на стр. 32, рис. 7.

терного для славянского *greb-*. Само собой разумеется, что 'похоронить' — только другая реализация того же значения, которая в особенности закрепилась за словами с основой *pogreb-*. Третье значение, того же происхождения, что и только что упомянутые, находится в русском «грести все к себе» ('an sich raffen'). Будет, конечно, совершенно правильно отнести оба последние глагола к одному и тому же этимону[63], так же как нет повода предполагать существование третьего славянского глагола *grebǫ*, который якобы встречается в русск.-цслав. *о-гренути ся*, и др.[64], к которым Соболевский ранее присоединил др.-русск. *отгрѣнути* и *съ-гренути*[65].

Наше истолкование семантического развития древнерусских слов *погренути* и *погребъ* подтверждает в некоторой степени и еще одно слово, также принадлежащее древнерусскому периоду и имеющее юридическое содержание, а именно *дерть*. Древнерусскому слову *дерть* посвящена статья финляндского лингвиста Ю. Вихманна, который, однако, не занимался его семантическим происхождением[66]. Судя по всему, это слово встречается только в XV в., и, за исключением одного примера, только в междукняжеских договорных грамотах:

А что будуть на ваши люди, которые вам служить, пени старые или суды, и хто отъ судов и отъ пень оутекли, и отъ порук, или в нашо нелюбье межи нас и наших людеи суды, и воины, и гра (sic!) и грабежи, и тому всему *дерть* по нашо докоњчанье (1434 г. Докончание великого князя Василия Васильевича с князьями галицкими Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичами. Грамота в. кн. Василия Васильевича князьям Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному Юрьевичам)[67].

Подобные выражения встречаются во многих докончаниях между Василием Васильевичем и русскими князьями, например:

А што, брате, в наше розмирье в наших ѡтчинах воины или грабежи чинилисѧ, а тому всему *дерть* по се наше докончание на ѡбѣ стороны (1441—1442 гг. Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем. а) Грамота в. кн. Василия Васильевича кн. Дмитрию Юрьевичу)[68].

---

63 Vasmer I, под словом *гребу*.

64 Berneker, под словом *grebǫ* 3.

65 См.: А. И. Соболевский. Указ. соч., примеч. 33 и 34.

66 Y. Wichmann. — «Mélanges de philologie, offerts à M. J. J. Mikkola à l'occasion de son 65 anniversaire, le 6 juillet 1931». Helsinki, 1931 (=Ann. Ac. Sc. Fenn., Serie B., 27), стр. 347—348.

67 ДДГ, № 34, стр. 88.

68 ДДГ, № 38, стр. 109.

Карамзин именно в этом месте переводит *дерть* как 'забвение'[69], т. е. это слово становится синонимом к разобранному выше *погребъ*. Срезневский хотя и не дает перевода к слову *дерть*, ссылается, однако, на Карамзина[70]. Причиной молчания Срезневского относительно значения *дерть* могло быть то, что он воспринимал перевод Карамзина как слишком приблизительный и не раскрывающий первоначального смысла этого слова. Дело в том, что даже если понимать *дерть* и *погребъ* как синонимы, перевод Карамзина становится неуклюжим, когда эти слова встречаются в одном контексте: а войнѣ и грабежу учинилъ *дерть* и *погребъ* всему (1471 г.)[71].

Ясно, что примеры со словом *дерть* представляют собой такое же застывшее выражение юридического характера, как это было в случае с *погребъ*; и хотя можно не сомневаться, что *дерть* связано с *драти*[72], первоначальное значение этого существительного трудно различимо в таких стереотипных оборотах. Но подобно тому, как определенный контекст дал нам ключ к первоначальному значению *погренути* и *погребъ*, таким же образом один пример проливает свет на семантическое происхождение слова *дерть*: это продолжение уже цитированного примера, относящегося к 1396 г.:

(А что судилъ Киприянъ..., а то есмы *погренули*), и грамоты *подрати* и тѣх соудовъ 'и судебные письма порвать'. Так как *подрати* в значении 'порвав, юридически сделать документ недействительным' хорошо известно в древнерусском языке[73], не будет ошибкой утверждать, что *дерть* первоначально значило 'разрывание' и позднее через особое юридическое применение в смысле 'порвание документа с целью сделать его недействительным' получило абстрактное значение 'прекращение, конец, забвение, амнистия'[74].

Древнерусские слова *погренути*, *погребъ*, *рѣзъ* и *дерть*, принадлежащие к одному и тому же семантическому полю, как обнаружилось, встречаются исключительно в юридическо-бытовых документах, не относящихся к русской церковной литературе. Путем изучения этих слов в их семантической среде,

---

69 ИГР V, примеч. 277, стр. 182.

70 Срезневский I, под словом *дерть*.

71 Сказано о великом князе Иоанне Васильевиче после завоевания Новгорода согласно Лѣтописцу Новгородскому Церквамъ Божiимъ (=Новгородскiя лѣтописи. Изданiе Археографической Комиссiи. СПб., 1879, стр. 301).

72 Bernek er, стр. 257.

73 Срезневский I, под словом *драти*.

74 Три первые значения имеются: А. Верещагин. Древнiе акты, относящiеся къ исторiи Вятскаго края. Приложенiе къ 2-у тому сборника «Столѣтiе Вятской губернiи». Вятка, 1881. — За неимением этой книги цит. по Ю. Вихманну (указ. соч.). Последний перевод, например: Berneker, стр. 257.

которая, таким образом, принадлежит живому древнерусскому народному языку, мы пришли к выводу, что эти слова обладали таким конкретным первоначальным значением, что добавочные их значения предстают просто как приблизительные описания. Вероятность такого конкретного первоначального значения в каждом слове зависит от взаимной мотивированности слов, которая в первую очередь лежит не в языковом плане, а связана с внеязыковой сферой.

Нашим исследованием мы хотели показать, что этимология анализируемых слов перестает быть только формальным сопоставлением, когда она опирается на раскрытие их семантической истории.

Ж. Ж. Варбот

ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

(слав. **naglъjь*, **naprasьnъjь*, **pakostь*, **lězo*, *lězivo*)

СЛАВ. **naglъjь*

Относительно происхождения слав. **naglъjь* в этимологической литературе существует две гипотезы. С одной стороны, предлагаются неславянские соответствия: санскр. *añjas*, *añjasā* 'проворный, внезапный, скоропостижный', гот. *anaks* 'внезапный, быстрый'[1]. С другой стороны, было высказано предположение о собственно славянском образовании от глагола **legti*, так что **naglъjь* < **nalьglъjь*[2]. Поскольку эти гипотезы не считаются бесспорными, представляется допустимым рассмотрение других возможных родственных связей слав. **naglъjь*.

Соответствующие прилагательные (или производные от них) представлены почти во всех славянских языках: ст-слав. нагль 'praeceps'[3], с-хорв. *нâгао*, *нáгла* 'спешный'[4], словен. *nágəl* 'внезапный, быстрый, стремительный'[5], польск. *nagły* '1) внезапный, неожиданный, 2) спешный, неотложный, 3) проворный, горячий, вспыльчивый, 4) мед. (acutus) острый, с быстрым течением'[6], чеш. *náhlý* 'неожиданный, спешный, стремительный, вспыльчивый; диал. чувствительный; крутой, отвесный'[7], слвц. *náhly* '1) быстрый, неожиданный; 2) торопливый'[8], в.-луж. *nahły* 'обрывистый, крутой; быстрый, внезапный; вспыльчивый'[9], н.-луж. *nagły* '1) крутой; 2) быстрый; 3) внезапный, необдуманный, го-

---

[1] См.: J. Schmidt. Über Metathesis von Nasalen und die Flexion vocalisch auslautender Wurzeln im Griechischen. — KZ XXIII, 3, 1876, стр. 268—269.

[2] См.: P. Tedesco. Slavic **pilьnъ* and *naglъ*: two Etymologies based on Meaning. — «Language» 27, 1, 1951, стр. 28—33.

[3] Miklosich LP, стр. 400.

[4] Вук Караџић[3], стр. 395; Iveković — Broz I, стр. 734.

[5] Glonar, стр. 226.

[6] Karłowicz — Kryński — Niedźwiedzki III, стр. 69—70.

[7] «Příruční slovník jazyka českého», díl III. Praha, 1938—1940, стр. 76.

[8] «Slovník slovenského jazyka», II. d. Bratislava, 1960, стр. 236.

[9] Pfuhl, стр. 397.

рячий'[10], др.-русск. *нагло* 'быстро, скоро, тотчас'[11], соврем. русск. *наглый* 'нахальный, дерзкий, бесстыдный'[12], укр. *на́глий* '1) внезапный, неожиданный; 2) быстрый, стремительный; 3) обл. спешный, неотложный; 4) обл. настоятельный'[13], блр. *наглиць* 'принуждать, насильно заставлять'[14].

Из представленных значений — 'быстрый, стремительный', 'неотложный, спешный', 'неожиданный, внезапный', 'горячий, вспыльчивый', 'дерзкий, бесстыдный', 'обрывистый, крутой' — выделяется группа 'быстрый, спешный, внезапный', которая объясняет развитие прочих, экспрессивных, значений. Для праслав. **naglъjь* можно, следовательно, предполагать значения 'быстрый, спешный, внезапный', очень близкие друг другу. Обособленным остается зафиксированное для русского диалектного (яросл.) *наглый* значение 'чистый, настоящий, подлинный'[15]. Относительно структуры праславянского **naglъjь* можно a priori предполагать суффиксальный характер элемента *-l-* и адъективное происхождение образования в целом.

В качестве возможного родственного для слав. **naglъjь* небезынтересно рассмотреть слав. **snaga*. Это имя представлено также почти во всех славянских языках (отсутствует в лужицких): с.-цслав. снага προκοπή profectus, ἔργον opus[16], болг. *снага́* 'тело', *сна́жа са* 'приобретаю, почерпаю силы'[17], с.-хорв. *сна́га* '1) сила, 2) тело, 3) (в хорв.) опрятность'[18], словен. *snága* '1) опрятность, 2) украшение'[19], польск. *snaga* 'опрятность, украшение', *snażność* 'усилие, старание'[20], чеш. *snaha* 'усилие, старание, стремление'[21], слвц. *snaha* 'стремление, усилие, попытка'[22], русск. диал. *снага* южн. 'сила', *сна́жный* влд.-юр. 'видный, дородный, здоровый, сильный'[23], укр. *снага́* 'сила'[24].

Представленные значения четко разделяются на две группы: 'сила, деятельность, усилие, старание, стремление, успех' (от-

---

10 Мука I, стб. 969.
11 Срезневский II, стр. 274.
12 «Словарь современного русского литературного языка», т. 7. М., 1958, стб. 101—102.
13 «Українсько-російський словник», т. II. Ред. I. М. Кириченко. Київ, 1958, стр. 576.
14 Носович, стр. 302.
15 См.: Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 116.
16 Miklosich LP, стр. 866—867.
17 См.: А. Дювернуа. Словарь болгарского языка, вып. VIII. М., 1889, стр. 2207—2208.
18 Вук Караџић[3], стр. 720; Iveković—Broz II, стр. 439.
19 Pleteršnik II, стр. 524.
20 Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki VI, стр. 251.
21 Jungmann IV, стр. 202.
22 Isačenko II, стр. 342.
23 Даль IV, стр. 243.
24 Гринченко IV, стр. 161.

куда, возможно, 'тело') и 'опрятность, украшение'. Близость значений 'сила, деятельность, стремление' (**snaga*) к 'быстрый, спешный' (**naglъjь*) очевидна: например, ст.-слав. снагота имеет значение 'стремительность' (служит для перевода греч. τάχος)[25], а в русском переводе библии прилагательное *снажь* (в форме род. ед. *снажа*) соответствует греч. ὀξύς[23]. Сходные отношения значений представлены в группе лит. *viẽkas* 'сила, жизнь': *véikus* 'проворный, быстрый'[27]. Ср. также русск. диал. *я́глый* 'ярый, ревностный, быстрый': лит. *jėgà* 'сила'[28]. С другой стороны, возможно, что и в **naglъjь* сохранились следы значения 'сильный, деятельный': ср. блр. *на́гля* 'очень' (Ляховицкий р-н, Брестская обл.)[29]. О типичности связи значений 'сила (сильный)' и 'очень' свидетельствует повторение этих семантических отношений: смол., тверск. *ду́же* 'очень, весьма' — смол. *ду́жій* 'сильный, крепкий'[30]; волог., вятск., тамб., яросл. *си́льно* 'очень'[31] — *сила*, русск. *зело́* 'очень'—др.-русск. *зѣлъ* 'сильный' (при лит. *gailùs* 'вспыльчивый, яростный, мстительный')[32]. Таким образом, слав. **snaga* в значении 'сила, деятельность, стремление' оказывается семантически близким слав. **naglъjь* в значении 'быстрый, спешный, внезапный'. Допустимо сравнение также и «вторых» значений рассматриваемых слов: значению 'чистый, настоящий, подлинный' русск. диал. *наглый* (см. выше) соответствует значение 'опрятность, украшение' слав. **snaga* в хорватском, словенском и польском языках. Следовательно, семантически сближение **snaga* и **naglъjь* представляется вполне оправданным.

С точки зрения морфологической структуры можно допустить опосредованное родство **naglъjь* и **snaga*, а именно: образование прилагательного с суффиксом *-l-* (**naglъjь*) и корневого имени (**snaga*) от утраченного в славянских языках глагола с корнем ***(s)nag-*, содержащим так называемое s-movable (ср. **mъknǫti* — **smykъ*, **kolti* — **skala*, **kora*—**skora*).

Возможно, что этот корень представлен в литовском глаголе *nogė́tis* 'желать, хотеть'[33], который Махек считает родственным слав. **snaga*[34].

---

25 Срезневский III, стб. 452.

26 Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия. Ркп. б. Синод. биб-ки, № 1. Притч. XXII. — Материалы картотеки ДРС.

27 Trautmann, стр. 339.

28 Vasmer III, стр. 480.

29 См.: «Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы». Пад рэдакцыяй Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, стр. 126.

30 См. Опыт, стр. 51.

31 Там же, стр. 203.

32 Vasmer I, стр. 452.

33 Niedermann — Senn II, стр. 192.

34 Machek, стр. 461: *snažiti*.

Из рассмотренных выше значений *naglъjь и *snaga к значению 'желать, хотеть', вероятно, наиболее близки значения 'деятельность, стремление, старание' (*snaga, ср. мнение Махка[35]) и 'неотложный, спешный, быстрый' (*naglъjь). Объединение подобных значений представлено, например, в этимологическом гнезде славянского *tъsk-: др.-русск. *тъснутися* 'спешить, стремиться, стараться, быть готовым на что', русск.-цслав. *тъскомь* 'торопливо, быстро', *натъщь* 'сильно желаемый, завидный', *тъщаньныи* 'желательный'[36]. Значение 'сила' (слав. *snaga) может быть результатом вторичного развития значений 'деятельность, стремление, старание'. Труднее объяснить отношения значений 'хотеть, желать' и 'чистый, опрятный, настоящий, подлинный' (как и отношения последних к значениям 'деятельность, стремление, старание' и 'быстрый, спешный, внезапный'). Вероятно, значения 'чистый, опрятный, настоящий, подлинный' также вторичны, и можно предположить следующий путь развития значений: 'хотеть, желать' → 'стремиться' → 'деятельный, быстрый' → 'сильный, здоровый' (см. выше о значениях русск. диал. *сна́жный*) → 'чистый, настоящий'.

СЛАВ. *naprasьnъjь

Праслав. *naprasьnъjь является южно-восточнославянским диалектизмом, реконструируемым на основании следующих лексем: русск. *напра́сный* 'тщетный, бесполезный', укр. *напра́сний* 'внезапный', ст.-слав. напрасьнъ δριμύς, αἰφνίδιος, с.-хорв. *на́прасан* 'вспыльчивый, неукротимый'[37], болг. *напра́сен* 'скоропостижный, внезапный, неожиданный'[38]. В статье *напрасный* словаря Фасмера приведены также русск. *напра́с* 'клевета' и блр. *напраслина* 'поклеп'.

Авторы гипотез, касающихся происхождения этого праславянского слова, исходят из первичности значения 'внезапный': Маценауэр и Шарпантье предлагают связь с др.-инд. *prasabhám*

---

[35] Machek, стр. 461: *snažiti*.

[36] Срезневский III, стб. 1057, 1061; II, стб. 342. — Примечательно, что проведенный Г. Стерном тщательный анализ истории и семантических отношений прилагательных и наречий со значением 'быстрый', resp. 'быстро', в английском языке также свидетельствует о связи этих значений со значениями 'сильный' и 'желающий, стремящийся, жаждущий': «...the proximate source of the sense of speed ... is the idea of physical excellence or eminence (vigour), blended with the idea of mental efficiency, energy, eagerness, etc. ...or with the idea of intensification» (Gustaf Stern. Swift, swiftly, and their synonyms: A contribution to semantic analysis and theory. — «Göteborgs högskolas årsskrift» XXVII. Göteborg, 1921, стр. 212—213).

[37] Vasmer II, стр. 197.

[38] А. Дювернуа. Указ. соч., вып. V. М. 1888, стр. 1336.

'насильственно, быстро, неожиданно'[39], Иокль предполагает родство с ц.-слав. напрадати 'прыгать вверх'[40]; Фасмер, считая недостоверными эти предположения, склонен поддерживать мнение Брюкнера о родстве праслав. **naprasьnъjь* с русск. *праск* 'треск', опять-таки при первичном значении 'вдруг'[41].

Прежде всего представляется необходимым расширить круг рассматриваемых родственных лексем. Параллельно с *на́прасан* 'горячий, вспыльчивый, крутой, внезапный' в сербско-хорватском языке употребляются еще *на́прасит* '1) вспыльчивый, горячий, 2) резкий, крутой, грубый'[42] и *напрасат* 'быстрый, сбросливый, скоропостижный'[43]. В старославянских и древнерусских памятниках широко представлены *напрасьнивъ* и *напрасьливъ* приблизительно с теми же значениями, что и *напрасьныи*[44]. Основа *напрас-*, таким образом, встречается в соединении с суффиксами прилагательных *-ьн-*, *-ьнив-*, *-ьлив-*, *-ит-*, *-ат-*.

Для рассмотрения возможных родственных связей праслав. **napras-* существенно расширение круга реконструируемых для этой основы значений, особенно за счет данных восточнославянских языков. Во-первых, они дают основание для реконструкции значения 'назойливый, настойчивый, навязчивый': ср. укр. *напра́сний* 'нав'язливий, набридливий, причепливий'[45]; русск. диал. (яросл.) *напра́сливый* 'неотвязно просящий'[46]; др.-русск. *напрасенъ* в тексте: По начинанию бо и конец его, понеже таковъ бѣ *напрасенъ* и наглъ, вкупѣ же и дерзъ, яко Іюда, иже на Таинѣи вечери дерзну[47]; др.-русск. *напрасьливъ:* в передаче Р. Джемса *naprásliïß* 'дерзкий, бесстыдный'[48]. Кажется, значение 'назойливый, настойчивый, навязчивый' более всего соответствует случаям употребления типа следующих: И рече Ааронъ Моvсею: не гнѣваися на мя, ... ты бо вѣси *напразньство* (вар.: *напрасньство*) людии сихъ, глаголаша бо ми: сътвори намъ богы... (1512 г.)[49]; Безество безочьственное, еже есть *напрасли-*

---

[39] См.: A. Matzenauer. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu. — LF 11, 1884, стр. 176; J. Charpentier. Kritische Bemerkungen zum urslawischen Entnasalierungsgesetz. — AfslPh XXIX, 1907, стр. 6.

[40] N. Jokl. Ein urslavisches Entnasalierungsgesetz. — AfslPh XXVIII, 1906, стр. 2; XXIX, 1907, стр. 16.

[41] Vasmer II, стр. 197.

[42] Вук Караџић³, стр. 415.

[43] Лавровский, стб. 361.

[44] Miklosich LP, стр. 409; Срезневский II, стб. 311.

[45] О. С. Мельничук. Словник специфічної лексики говірки села Писарівки (Кодимського району, Одеської області). — «Лексикографічний бюлетень», вип. II. Київ, 1952, стр. 86.

[46] Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 119.

[47] «Временник дьяка Ивана Тимофеева» (РИБ, т. 13, изд. 3-е. Л., 1925. Сп. XVII в.), стб. 367. — Картотека ДРС.

[48] Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959, стр. 183.

[49] «Русский хронограф», ч. I. Хронограф редакции 1512 года (ПСРЛ, т. 22. СПб., 1911), стр. 69. — Картотека ДРС.

вое кому о вещи коеи докучаніе[50]; Тиенъ тао ван и гао кне нбо^и^ ненавидитъ напрасливыхъ, любитъ смиренныхъ[51].

К значению 'назойливый, настойчивый, навязчивый' близко значение 'сильно, жестоко' др.-русского наречия *напрасьно*: Вѣтру же *напрасно* вѣющу на градъ (Ип. л. 6762); Данило бо бѣ очима *напрасно* боля и не видѣ бывшаго во вратѣхъ (там же)[52]; въсѣдъ же Јоанъ на конь и гнаше *напрасно*[53]. Ср. также: сего ра^д^ страшна и *напрасна* идеть на вы пагуба. ꙗко гневъ бии лютъ ѿ ба на вы придеть силнии бо силно испытани будуть[54].

Возможность связи значений 'сильный, жестокий', 'назойливый, настойчивый, навязчивый' и 'вспыльчивый, внезапный, быстрый' не вызывает сомнений, ср. семантические отношения в группе праслав. **naglъjь*: др.-русск., ст.-слав. нагль 'быстрый, скорый', словен. *nágəl* 'внезапный'[55], соврем. русск. *наглый* 'дерзкий, навязчивый, бесстыдный', блр. *нáгля* 'очень'[56] и т. д. (см. выше, слав. **naglъjь*).

Второе значение праславянской основы **napras-*, не зафиксированное для южнославянских языков, но представленное в восточнославянских, можно определить как 'ложно обвиняющий, клеветнический, ложный', ср. др.-русск. *напрасьныи* в текстах: Годуновъ самъ въ своей грамоте писати того не хотѣлъ, а тому добрѣ ся подивилъ, что такие лживые, *напрасные* слова вамъ не гораздо нѣкоторые воры сказывали (1587 г.)[57]; и преосвященный архіепископъ, по ихъ *напрасному* наговору насъ, холопей и богомольцовъ твоихъ и работниковъ, билъ безъ милосердного наказанія и безвинно... (1675 г.)[58]; ...все то ложное челобитье отъ него прежнего составщика Гришки Мылникова съ товарыщы и съ потаковщики составлено *напрасно*, не дѣломъ[59]; ср. также диал.: *напраслив, да несчастлив* — 'охоч кле-

---

[50] «Алфавит иностранных речей». Рукопись БАН, XVII в. Арх. Д. № 446, стр. 34. — Там же.

[51] «Краткое известие о хинском служении». Рукопись 1731 г. Библиотеки Смоленского педагогического ин-та № 121 (3/Б), стр. 253. — Там же.

[52] Срезневский II, стб. 311.

[53] «Пролог сентябрьской половины года». Финляндские отрывки. Рукопись БАН 4.9.20. XIII в., л. 8'. — Картотека ДРС.

[54] «Пролог мартовской половины». ЦГАДА, ф. 381, № 172 (Тип. № 367), л. 75а. — Картотека русского словаря XI—XIV вв.

[55] Vasmer II, стр. 193.

[56] Ф. Янкоўскі. Указ. соч., стр. 126.

[57] «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею», т. II (с 1581 по 1604 г.). Изд. под ред. К. Н. Бестужева-Рюмина («Сб. Русск. истор. об-ва», т. 38. СПб., 1883), стр. 194. — Картотека ДРС.

[58] А. Зерцалов. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. («Чтения ОИДР», 1890, кн. 3), стр. 1. — Там же.

[59] «Акты Холмогорской и Устюжской епархий», ч. I. 1500—1699 гг. (РИБ, т. 12), стр. 1250. — Там же.

ветать, да мало верят'[60], блр. *напраслина* 'клевета'[61], укр. *напрасний* '1) несправедливый...'[62].

Хотя в памятниках значение 'ложный, клеветнический' широко представлено только с XVI в., можно предполагать близкие значения — 'коварный, оскорбительный' — и для более раннего времени, ср.: ѿвещаеть Феодоръ с *напрасьемь*. се ли есть вѣра наша (в изд. 1795 г. вм. *напрасьемь — коварно!*)[63]; *напрасньство* есть, егда кто гнѣваеть сѧ и досажаеть.ни единого ради потребна ли себе ѿмьщаю.ли бес правды грозѧ сѧ[64].

Возможно, именно на основе значения 'ложный' русское *напрасный* приобрело значение 'тщетный, бесполезный, пустой', зафиксированное сравнительно поздно: оно не отмечено Срезневским, но Р. Джемс уже упоминает для *напрасный* (naprásnoi) только значение 'тщетный'[65]. Ср. также: дабы въ простойке время *напрасно* не праходило[66]; ...и вели, государь, се наше челобитьишко из Асторохани к себе великому государю отписать к Москве, чтоб те наши товары у того хивинсково Абыл-Газы-хана *напрасно* не пропали... (1646 г.)[67].

Вполне вероятно, однако, что и значение 'тщетный' старше XVI—XVII вв., ср.: камень же сеи многоцѣнныи с преже реч҇нными дѣиствы и силами. и ѥще к тому и сию имать крѣпость. не може҇т видѣти ѥго внезапу. иже не имать ... цѣла и здрава ѡка. ч҇та же тѣла и веста нескверна. аще бо кто ѡбоѥго сего добра не имыи *напрасно* възр҇ить на ч҇тныи тои камыкъ[68].

Относительно возможности сближения и объединения в одной основе значений 'ложный' и 'тщетный' ср. лат. *frustra* '1) обманом; 2) напрасно, тщетно, даром'.

Рассмотренные значения праслав. **napras-* можно сгруппировать следующим образом: 'внезапный, скорый, вспыльчивый'; 'сильный, жестокий, насильственный, настойчивый, назойливый'; 'ложный, клеветнический, тщетный'. Представляется, что некоторые из этих значений дают основание для сравнения праслав. **napras-* с праслав. **prositi*. В самом деле, основное значение праслав. **prositi*, как и его источника — и.-е. **prek'-*, — 'просить,

---

60 Даль II, стр. 454.
61 Носович, стр. 315.
62 Гринченко II, стр. 512.
63 «Пандекты Никона Черногорца», XIV в., л. 26а. — Картотека ДРС.
64 Там же, л. 30б.
65 Б. А. Ларин. Указ. соч., стр. 183.
66 «Письма и бумаги имп. Петра Великого», т. IV (1706 г.). СПб., 1900, стр. 985. — Картотека ДРС.
67 «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932, стр. 204. — Картотека ДРС.
68 «Житие Варлаама и Иосафа». XIV—XV вв. — «Сборник житий и слов, XIV—XV вв.». ГПБ, Соф. № 1365, л. 21б-в. — Картотека русского словаря XI—XIV вв.

требовать, домогаться' легко развивается в производных именах в значение 'назойливый, настойчивый': ср. русск. диал. *прослйвый* 'докучливый'[69], *напрбсистый* 'напросливый, кто неотступно просит' (псков., тверск.)[70], лит. *prašlùs* '1) склонный к просьбам, 2) настойчиво просящий'[71], *prašùs* '1) склонный к просьбам, 2) назойливый (в просьбах), склонный к нищенству, постоянно просящий, докучливый (просьбами)'[72], *prašnùs* '1) склонный к просьбам, 2) назойливый (в просьбах)'[73]. О закономерности подобной связи значений свидетельствуют тождественные отношения в группах: русск. диал. *наянить* 'выпрашивать, усильно, неотступно просить'—*наяноватый* 'бесстыдный, наянливый'[74], ст.-слав. трѣбовати—ст.-слав. прѣтрѣбьныи 'настойчивый'[75].

Интересно, что значение 'назойливый, настойчивый, докучающий просьбами', которое может быть одним из наиболее ранних значений праслав. **napras-*, представлено в диал. (яросл.) *напрасливый*[76].

Отношения значений в этимологических группах, семантически близких праслав. **prositi*, говорят о возможности развития при значении 'просить, требовать, домогаться' также значений 'скорый, спешный, вспыльчивый': ср. ст.-слав. трѣбовати—болг. *притребен* 'нужный, спешный'[77]; русск. диал. *зáркий* 'жадный, вожделеющий', также 'гневный, сварливый'[78]—*зáриться* 'жадно и завистливо глядеть'[79]. Что же касается значения 'ложно обвиняющий, клеветнический', то можно допустить, что оно является производным от значения 'жаловаться на кого-либо', которое присуще глаголу *просить* в русском языке: ср. *просить на кого* 'жаловаться, приносить просьбу, жалобу, просить суда и правды за обиду'[80]: Да пошли *просить* ко князю Владимиру да *на* этого калику перехожего[81].

Значение 'тщетный', как уже отмечалось выше, может быть сближено со значением 'ложный' как производное от него. С этим предположением согласуется как будто и относительно позднее появление значения 'тщетный' в памятниках. Следует, однако, учесть, что этимологические связи свидетельствуют о возможности развития значения 'тщетный' в производных от

---

69 Даль III, стр. 509.
70 Дополнение к Опыту, стр. 133.
71 Niedermann-Senn III, стр. 260.
72 Там же, стр. 262.
73 Там же, стр. 261.
74 Опыт, стр. 126.
75 Срезневский II, стб. 1706.
76 Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 119.
77 А. Дювернуа. Указ. соч., вып. VII, стр. 1925.
78 Vasmer I, стр. 443.
79 Даль I, стр. 628.
80 Даль III, стр. 509.
81 А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. СПб., 1873, стр. 1135.—Картотека ДРС.

глаголов со значением 'желать, домогаться', ср. др.-русск. *зърѣти* 'желать завладеть': Братья наши ходили с Святославомъ великимъ княземъ и билися с ними *зря* на Переяславль (Лавр. л. 6694 г.); Княжаста с матерью своею. . ., а на Володимерь *зряща*: се ли, ово ли, Володимерь будеть наю (Ип. л. 6719 г.)[82] — соврем. русск. *зря* 'тщетно, бесполезно'.

Формальному сближению праслав. **naprasь*- с праслав. **prositi* препятствует количественное различие в огласовке корня. Известно, однако, что и.-е. **prek'*- выступает с долгим вокализмом в др.-инд. *prāś*- '(судебный) допрос' и в германских производных: др.-в.-нем. *frāga* 'вопрос' и т. д.[83] Следует также учесть особую продуктивность ступени удлинения корневого гласного в некоторых морфологических категориях праславянского языка, в частности — что особенно существенно в данном случае — в каузативных и итеративных глаголах с суффиксом *-i-* и в корневых отглагольных именах[84]. Собственно славянские формы итеративных глаголов на *-i-* и корневые имена с долгим корневым вокализмом могут сосуществовать в славянских языках со старыми, индоевропейского характера, итеративами на *-i-*, сохранившими вокализм **o*: ср. русск. *води́ти—ва́дити—пова́дка*, русск. *кори́ти—ка́рити—ка́ра*, русск. *мори́ти*—чеш. *mařiti*.

Возможно, что оснований для реконструкции праславянского глагола ***prasiti* недостаточно, но предположение об образовании всех рассмотренных выше прилагательных — *naprasьnъjь*, *naprasьlivъjь*, *naprasьnivъjь*, *naprasitъjь*, *naprasatъjь* — от корневого имени с долгим корневым гласным ***napras*-, родственного глаголу *prositi*, кажется вполне вероятным. Следами этого корневого имени могут быть др.-русск. *напрась* 'ложно' (ср.: тѣмъ де его клеплють *напрась*[85]), диалектные (псков., тверск.) *напра́с* нар. 'напрасно'[86], *напра́с* 'напрасное обвинение, обнос, клевета, наговор'[87] и *напрасина* 'напраслина'[88].

В праслав. **napras*- выделяется приставка *na*-. Она соответствует предлогу *na*, с которым употреблялся иногда глагол *prositi* в древнерусском и старославянском языках. Предлог управлял именем, обозначавшим предмет просьбы или лицо, к которому обращена просьба: ср. ст.-слав. просити на брака[89], др.-русск. Того на мнѣ *не проси*, а ны" ѩ того тобѣ не творю

---

[82] Срезневский I, стб. 1013.

[83] Pokorny, Lief. 9, стр. 822; Feist, стр. 162.

[84] J. Kuryłowicz. Le degré long en balto-slave. — RSl XVI, 1, 1948, стр. 7—8.

[85] «Кунгурские акты XVII в.» (1668—1699 гг.). Изд. А. Г. Кузнецова. Ред. А. А. Титов. СПБ., 1888, стр. 75. — Картотека ДРС.

[86] Дополнение к Опыту, стр. 133.

[87] Даль II, стр. 454.

[88] Дополнение к опыту, стр. 133.

[89] Miklosich LP, стр. 704.

(Ип. л. 6657 г.)[90]. Шире распространено *na-* в качестве приставки при глаголе *prositi*: ср. ст.-слав. нaпросити 'просить' (*напросити* хлеба. — Жит. Андр. Юр. XXX. 117[91]), напрошениѥ 'desiderium'[92], др.-русск. *напросити* (... мы не вдавнѣ прошлыхъ денъ, от Ѳердинанда, Римского цѣсаря, писателно поисканы и приятелно *напрошены*... — 1559 г.[93]), словен. *naprositi* (lesa za novo stavbo[94]). Ср. также соврем. русск. *напроситься на* (с вин. пад.). Следовательно, можно предполагать, что праслав. **napras-*, лежащее в основе праслав. **naprasьnъjь*, является корневым именем, производным от праслав. **naprositi*.

СЛАВ. **pakostь*

Праслав. **pakostь* реконструируется на основании абсолютно тождественных по форме и близких по значению лексем, представленных почти во всех славянских языках: ст.-слав. пакость ἐνόχλησις molestia; βλάβη damnum; ζημία damnum[95]; болг. *пакост* 'вред, порча, ущерб, убыток, зло'[96]; с.-хорв. *па̏кост* malitia[97]; словен. *pákost* 'неприятность, зло'[98]; польск. *pakość* 'злость, зло, неприятность, упрямство, проказы, озорство'[99]; чеш. *pakost'* 'вред, убыток, ущерб, зло, несчастье, неприятность'[100]; н.-луж. *pakosć* 'лакомство', *pakosćiś* '1) бесчинствовать, 2) зариться на что, сильно желать чего'[101]; др.-русск. *пакость* 'вред, разорение, грабеж, несчастье, мука, болезнь, препятствие, обман, осквернение'[102]; в передаче Р. Джемса pakȣs 'злой, дикий'[103]; укр. *па́кість, -кости* 'пакость'[104]; блр. *пакосць* '1) испражнение, 2) вред, зло, 3) дрянь, ничтожность'[105]; соврем. русск. лит. *пакость*; русск. диал. *па́кость* '1) о детях: шалун, который портит что-либо (псков.), 2) потрава' (псков.), *па́кось, -сти* 'худое дело, пакость' (нижегор., новгор.)[106]. Исходя из этих лексем и остав-

---

90 Срезневский II, стб. 1568.
91 Там же, стб. 314.
92 Miklosich LP, стр. 410.
93 «Памятники дипломатических сношений России со Швецией» («Сб. Русск. истор. общ-ва», т. 129. СПб., 1910). 1556—1568 гг., стр. 62. — Картотека ДРС.
94 Glonar, стр. 231.
95 Miklosich LP, стр. 552.
96 «Речник на съвременния български книжовен език», св. 7. София, 1957, стр. 463.
97 Вук Караџиђ 3, стр. 500; Iveković — Broz II, стр. 4.
98 Pleteršnik, стр. 4.
99 Karłowicz — Kryński — Niedźwiedzki IV, стр. 13.
100 Kott 7, II, Dodatky, стр. 1351.
101 Мука II, стр. 10.
102 Срезневский II, стб. 863—865.
103 Б. А. Ларин. Указ. соч., стр. 191.
104 Гринченко III, стр. 88.
105 Носович, стр. 390.
106 Опыт, стр. 152.

ляя на время в стороне н.-луж. *pakosć* 'лакомство', можно предполагать для праслав. **pakostь* значение 'вред, порча, препятствие, ущерб, зло'.

Из существующих этимологий наиболее продуктивной представляется, несмотря на сомнения Фасмера, гипотеза А. И. Соболевского о связи **pakostь* с русск. *кости́ть*[107], которое имеет не только значение 'ругать, бранить', но и 'марать, пачкать, портить': ср. *кости́ть* '1) бранить, 2) пакостить, 3) марать, пачкать' (псков., тверск.), *кости́ться* 'испражняться' (псков.' тверск.)[108], *искости́ть* '1) испортить (тверск.), 2) изругать' (тверск., тамб.)[109]. В этом последнем значении — 'марать, пачкать, портить' — *костить* очень близко к **pakostь*.

Сопоставление **pakostь* и *kostitь* позволяет предполагать основу ***kostь* со значением 'вред, порча', омонимичную с **kostь* 'os, ossis'[110]. В славянских языках основа ***kostь* 'вред, порча' в свободном виде, кажется, не сохранилась. Но великорусские говоры знают в близком значении имя *кастъ* и производные от него: ср. *кастъ* '1) крыса или мышь (тверск.), 2) дрянь, гадость' (ряз.)[111]; *кастъ* '1) потрава хлебная, шалость, пакость, 2) кал, испражнение' (псков., тверск.)[112]; *кастъ* 'нечистота, сор, смрад, вонь'[113]; *касъ* 'нечистота, сор' (арханг.)[114]; *скастъ* 'змея, гадина'[115]; *ка́стный* 'гадкий, скверный, негодный' (псков., тверск.)[116]; *кастли́вый* 'пакостливый' (псков., тверск.)[117]. По говорам известен также глагол *каститъ*: ср. *кащу* 'испражняюсь'[118]; *касти́ть* 'бранить кого-либо, пачкать, грязнить'[119]. Для сопоставления с **pakostь* интересны образования от *кастъ* с приставкой *по-*: *по́каститъ* 'шалить; пакостить' (вост.-сиб.), *покастли́вый* 'вороватый' (вост.-сиб.), *по́кастъ* 1) 'гадкий человек' (тверск.), 2) 'ша-

---

107 А. Соболевский. Этимологические заметки. — ЖМНП 1886, сентябрь, стр. 152; Vasmer II, стр. 303—304.

108 Дополнение к Опыту, стр. 90.

109 Опыт, стр. 75.

110 Р. М. Цейтлин, выделяя в **pakostь* приставку *pa-*, отождествляет корень со слав. **kostь* 'os, ossis', не рассматривая *костить* и отрицая возможность сравнения с *касть* (Р. М. Цейтлин. К вопросу о значениях приименной приставки *па́-* в славянских языках. — «Уч. Зап. Ин-та слав.» IX, 1954, стр. 212).

111 Опыт, стр. 80.

112 Дополнение к Опыту, стр. 78.

113 Подвысоцкий, стр. 64.

114 Опыт, стр. 80.

115 М. К. Герасимов. Материалы лексикографические по новгородским говорам. Слова Череповецкие. — ЖСт 8, 3—4, 1898, стр. 397.

116 Опыт, стр. 80.

117 Дополнение к Опыту, стр. 78.

118 П. К. Симони. Два старинных областных словаря XVIII столетия. II. Вятский областной словарь (1772 г.) — ЖСт 8, 3—4, 1898, стр. 449.

119 Куликовский, стр. 34.

лун' (вост. сиб.)[120], *пóкась* — бранное слово[121]. Глагол *покастити* и производные от него имена представлены в русском переводе библии и в Кормчей Балашева: ср. *испокастити* 'погубить, опустошить', *испокаститися* 'погибнуть'[122], *покаститель* ἐξολοθρευτής qui vastat, *покаштение* ὄλεθρος pernicies[123], а также *покастити* в тексте: аще оубо мимограды[п] еппъ или ωбидимы[х] ради сирот же и вдовиць ... или инъ[х] ради таковы[х] ради полезных вещїи ... въ станъ црвъ градеть. да не *покастить* емоу никако[ж][124].

Таким образом, наряду с рефлексами праслав. **pakostь*, **pakostiti*, существуют в говорах (и иногда в очень близких территориально говорах[125]) *покасть*, *покастити*, а гипотетическому ***kostь* параллельно диалектное *касть*. Имена ***kostь* и *касть*, являющиеся производящими основами для *kostiti*, **pakostь*, **pəkostiti* и *покастити*, *покасть*, при тождестве значений, различаются лишь ступенью огласовки корневого гласного. Можно, следовательно, предполагать их родство. С другой стороны, оба имени могут быть, с формальной точки зрения, производными от глагола, образованными с помощью суффикса *-ть*. В отношении словообразовательной структуры ***kostь* и *касть* отождествляются, таким образом, с именами типа **pəstь*, **mastь*, а **pakostь* — с **pamętь*, **papьrtь*, **pəžitь*. Приставка *pa-* может иметь значение результата действия. Поскольку для имен с суффиксом *-ть* не характерно удлинение корневого гласного, чередование o//a приходится приписать производящему глаголу. Конечным согласным его корня могут быть как *t*, *d* (ср. **pasti*—**pastь*), так и *s*, *z* (ср. **mazati*—**mastь*). Из славянских глаголов заслуживают поэтому внимания пары **kosnǫti* (*sę*)—**kasati* (*sę*) и **čeznǫti*—**kaziti*.

С формальной точки зрения возможность сопоставления ***kostь*, **kastь* и **kosnǫti* (*sę*)—**kasati* (*sę*) не вызывает сомнений. Что касается семантики, то значение 'вредить, портить, причинять зло' может сопутствовать значению 'касаться': ср. др.-русск. *сѧщи*, *сѧгу* 'коснуться' и *посѧгати* 'злоумышлять, обижать'[126]. Действительно, к **kosnǫti (sę)*—**kasati (sę)* восходят др.-русск. *касатися* 'гнушаться'[127], диал. *прикос* 'несчастный случай, неожиданность'[128], 'болезнь, по убеждению староверов,

---

120 Опыт, стр. 166.

121 Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 154.

122 Срезневский I, стб. 1130.

123 Miklosich LP, стр. 608.

124 Кормчая Балашева, с прибавлениями. Рукопись БАН 21.5.4. XVI в., прибавл. XVII в., л. 100. — Картотека ДРС.

125 Ср., например, *пóкась* и *пáкось* в ростовских говорах: Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 140, 154.

126 Срезневский III, стб. 909—910; II, стб. 1285.

127 Срезневский III, дополнения, стб. 138.

128 Куликовский, стр. 92.

вследствие недоброго или завистливого взгляда'[129], *заприкоситься кому* — преимущ. безлич. о деле: 'не удаваться, встретить помеху'[130]. Но значение 'касаться' для праслав. **kosnǫti*, **kasati* вряд ли первично, этому противоречит его родство с **česati* 'скрести, драть, чесать'. Это первичное значение группы **česati*—**kosnǫti (sę)*—**kasati (sę)* 'скрести, драть, чесать' также может развивать вторичные значения, близкие к 'вредить, портить': ср. русск. диал. *чесану́ть* 'сильно ударить кого-либо' (псков., тверск.)[131], *коса́ть* 'сильно бить, колотить кого-нибудь'[132], *обко́сать* 'обобрать' (псков.)[133], *косе́ц* 'разбойник, грабитель по дорогам' смоленск.[134], с.-хорв. *искдсити* 'изорвать, истереть, истрепать, износить (одежду)'[135]. Если **pakostь* и **kastь* родственны этой глагольной группе, то исходное значение этих имен можно определить как 'очески, отрепье, отбросы' (см. выше о значениях *костить* и *касть* в говорах) и тогда значения 'вред, ущерб, порча, зло' вторичны. Наконец, обособленным значениям праслав. **pakostь*, **pakostiti*, сохранившимся в н.-луж. *pakosć* 'лакомство', *pakosćiś* '. . .2) зариться на что, сильно желать чего' (см. выше) соответствует одно из значений др.-польск. *kasać* '. . .2) impetum facere, petere'[136].

Поскольку, однако, для праслав. **česati*—**kosnǫti (sę)*—**kasati (sę)* значение 'вредить, портить' может быть лишь вторичным и факультативным и поскольку, с другой стороны, для праслав. **pakostь*, возможно, первичным является именно значение 'вред, ущерб, порча, зло', постольку семантически более убедительным представляется сопоставление ***kostь*, **pakostь*, **kastь* с глаголами **česnǫti*—**kaziti*.

Праслав. **kaziti* или производные от него представлены во всех славянских языках, преобладающие значения глагола — 'портить, искажать, уничтожать, препятствовать, разорять' — полностью соответствуют значениям праслав. **pakostь* 'вред, порча, ущерб, препятствие, зло'. Если эти значения праслав. **pakostь* первичны, то значение н.-луж. *pakosć* 'лакомство' может быть связано с ними довольно развитой в славянских языках тенденцией к сближению значений 'уничтожение, порча' и 'еда, пища': ср. ст.-слав. потрѣбити 'истребить, уничтожить' и 'принять в пищу'[137]; др.-русск. *отравити* 'повредить', ст.-слав. сътравити

[129] Подвысоцкий, стр. 138.
[130] Даль I, стр. 627.
[131] Дополнение к Опыту, стр. 299.
[132] Там же, стр. 90.
[133] Опыт, стр. 132.
[134] Даль II, 172.
[135] Вук Караџић³, стр. 243; Iveković—Broz I, стр. 407.
[136] Słownik staropolski, t. III, zesz. 4 (17). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, стр. 248.
[137] Срезневский II, стб. 1297—1298.

'злоумышлять'—ст.-слав. натравити 'накормить'[138], диал. *потрáва* '1) десерт (орл.), 2) рыболовная приманка' (псков., твер.)[139]. Отношения значений 'вред, порча, ущерб' (праслав. **pakostь*) и 'сильно желать' (н.-луж. *pakosćiś*) можно сравнить с семантическими отношениями в группах: ст.-слав. врѣдъ 'зло, болезнь, страсть', ст.-слав. прикрѣдиѥ 'стремление, страсть', прикрѣдьство 'стремление'[140]; праслав. **stradati—*strastь*. О возможности таких семантических связей в группе **čeznǫti—*kaziti* свидетельствуют с.-хорв. *чѐзнути* 'требовать, страстно желать'[141], макед. *чезнее* 'страстно желать, тосковать'[142].

Заслуживает внимания использование производных рассматриваемой группы ***kostь*, **kastь* в качестве названий хищных или приносящих ущерб человеку животных: например, русск. диал. *пáкссть* 'уклончивое название для пушного зверя, преимущественно для лисиц и песцов'[143], *касть* '1) крыса или мышь. . .' (твер.)[144], *скасть* 'змея, гадина'[145], ср. также др.-русск. *pakȣs* 'злой, дикий'[146]. Хотя не исключена возможность табуистического происхождения такого словоупотребления (ср. диал. олон. *худóй* 'змея'[147]), именно эти лексемы предполагают первичность для группы ***kostь—kastь* значения 'вред, ущерб, порча, зло'.

Таким образом, в сопоставлении группы ***kostь—kastь* с **kaziti* отношения значений достаточно прозрачны. Возражения касаются вокализма, так как на основании данных славянских языков для праславянского языка реконструируются только **čeznǫti—*kaziti—*-čězati* (ср. др.-русск. *ищазати*[148]). Значение и словообразовательная структура (суфф. *-i-*) характеризуют **kaziti* как каузатив к **čeznǫti*. Морфологический признак этой словообразовательной категории в общеиндоевропейском языке — огласовка **o*. В славянских языках в связи с развитием ступени удлинения во многих итеративно-каузативных глаголах **o* было удлинено в $*\bar{o} > a$[149], причем глаголы с вокализмом **o* иногда сохранились, в большинстве же случаев утрачены. Словообразовательными отношениями оказались поэтому связаны формы типа **gresti—*grabiti*. Однако самый тип чередований $*e \,||\, *\bar{o}$ пред-

[138] Срезневский II, стб. 759; III, стб. 847; II, стб. 342.
[139] Дополнение к Опыту, стр. 207.
[140] Срезневский I, стб. 317—318; II, стб. 1386.
[141] Вук Караџић³, стр. 849; Iveković — Broz I, стр. 161.
[142] Д. Толовски и В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. М., 1963, стр. 526.
[143] В. Г. Богораз. Областной словарь Колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС 68, № 4, 1901, стр. 102.
[144] Опыт, стр. 80.
[145] М. К. Герасимов. Указ. соч., стр. 397; Vasmer II, стр. 634.
[146] Б. А. Ларин. Указ. соч., стр. 191.
[147] Куликовский, стр. 130.
[148] Срезневский I, стб. 1165.
[149] J. Kuryłowicz. Le degré long en balto-slave. — RSl XVI, 1, 1948, стр. 8.

полагает утрату ступени *o. Поэтому в подобных случаях следует считаться с исчезновением промежуточных форм с огласовкой *o; к их числу относится и форма, предшествовавшая *kaziti[150], которую можно реконструировать как **koziti.

Древнейший каузатив **koziti я считаю производящей основой для праслав. **kostь (*kostiti) и *pakostь. Вторичный и единственно известный славянским языкам каузатив *kaziti мог послужить основой для образования *kastь, известного только великорусским говорам. *(pa)kostь и *kastь оказываются, таким образом, тождественными семантически и морфологически, но различными хронологически образованиями.

Если учесть, что производное от **koziti имя *pakostь и производные от *kaziti—*kastь, *skastь употребляются как названия хищных животных, грызунов и змей (см. выше), то можно предположить, что к **koziti восходят также диалектные *козю́ля* 'змея' и *козя́вка* 'мошка, букашка, жучок'.

СЛАВ. *lězo, *lězivo

Вариантность и прозрачность словообразовательной структуры восточнославянского названия лезвия (др.-русск. *лезъ* 'острие клинка'[151], русск. диал. *лез* 'бочарный струг'[152], каз. *ле́за, -ы*, ж. 'лезвие у ножа, бритвы'[153], яросл. *ле́зо* 'лезвие ножа или топора'[154], самар. *лёзо долота*[155], арх. *ле́зиво*[156], русск. лит. *лезвие*, укр. *ле́зо*[157], редк. *ле́зво* 'лезвие'[158], блр. *ле́зиво* 'лезвие'[159]), а также отсутствие точных соответствий в других славянских языках могут свидетельствовать о сравнительно позднем возникновении этого праславянского диалектизма. Поскольку иноязычное происхождение соответствующей группы слов остается недоказанным, представляется целесообразным рассмотреть их отношение к славянским глаголам *lězti—*laziti, которое может быть более существенным, чем просто внешнее, случайное сходство.

В большинстве славянских языков глаголы *lězti—*laziti имеют значение 'ползти, пробираться'. В качестве родственных этим глаголам обычно рассматриваются лтш. *lēžât* 'ползать', *lẽzêt, -ẽju* 'медленно идти, подкрадываться', др.-прусск. *līse*

---

150 J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 297—298.

151 Срезневский II, стб. 16.

152 Даль II, стр. 246.

153 Опыт, стр. 102.

154 Мельниченко. Указ. соч., стр. 103.

155 Шейн. Сказки Самарского края. — РФВ, XLI, 1899, стр. 56.

156 Преображенский, стр. 444.

157 Гринченко II, стр. 353.

158 «Українсько-російський словник» II. Ред. І. М. Кириченко. Київ, 1958, стр. 437.

159 Носович, стр. 267.

'ползет', а также лтш. *lêzens*, *lêzns* 'плоский, ровный', др.-исл. *lágr* 'низкий', ср.-в.-н. *laege* 'плоский', греч. λαχύς 'низкий'[160]. Связь значений 'ползти' и 'плоский, ровный (гладкий?)', возможно, аналогична отношениям значений др.-русск. *пълзти* и *пълзъкъıи* 'скользкий'[161].

Особого внимания заслуживает специфическое употребление производных от глаголов **lězti—*laziti* в двух семантических сферах: во-первых, почти во всех славянских языках представлено корневое имя **lazъ* (или производные от него) со значением 'тропа лесного зверя' или (и) 'поляна в лесу, расчищенное в лесу поле под пашню, просека в лесу', или (и) 'куча деревьев, срубленных и наваленных одно на другое[162]; во-вторых, в западно- и восточнославянских языках производные от рассматриваемых глаголов широко употребляются в терминологии бортничества и пчеловодства, ср. польск. *łażbić* 'вырезать соты', *łaziwo* 'приспособления для влезания на бортное дерево', *łaźbień* 'лавочка, на которой сидит бортник, вырезая соты'[163], блр. *лазбéнь* '... 2) кадочка, выдолбленная из липового дерева или сделанная из луба, употребляемая пчеловодами при подчищении и обирании ульев, для складки меду', *лазóбка* то же, *лáзиць* '... 3) подрезывать, подчищать пчел'[164], русск. диал. *улáз* 'подрезка, выемка сотов из ульев'[165] и т. д. Эти два круга производных свидетельствуют об осложнении значений 'ползти, пробираться' — через ступень 'вырубить, расчистить, выровнять, чтобы пробраться, пройти' и 'влезть, взобраться, чтобы вырезать' — вторичными значениями 'рубить, расчищать, ровнять, резать', которые хорошо согласуются со значениями родственных слов в балтийских и германских языках (ср. лтш. *lêzens* 'плоский, ровный'). Ср. также известное многим славянским языкам выражение *волосы, шерсть, мех лезут* и русск. диал. *лезныи крестьянин* 'одинокий и безземельный, бобыль'[166].

Представляется, что значение 'лезвие' может быть производным от этих вторичных значений глаголов **lězti—*laziti*: 'лезвие' как 'режущая сторона' ножа, клинка и т. п., 'то, что режет'. Восточнославянское название лезвия в словообразовательных вариантах **lězo*, **lězъ*, **lězivo*, **lězvo* является, следовательно, не случайно созвучным, а производным от глагола **lězti*[167].

---

160 Vasmer II, стр. 26—27.

161 Срезневский II, стб. 1746.

162 Vasmer II, стр. 6; Machek, стр. 260.

163 Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki II, стр. 803.

164 Носович, стр. 264.

165 Даль IV, стр. 487.

166 Даль II, стр. 246.

167 Реконструируя для восточнославянского названия лезвия корень **lěz-*, я предполагаю **ě* и в укр. *лез*, *лезиво* (см. ниже), хотя отклонение в данном случае от обычного отражения слав. **ě* как *i* в украинском языке требует особого рассмотрения.

Примечательно, что **lězivo*, которое является одним из вариантов названия лезвия, представлено также и с другими значениями: 1) польск. *leziwo* 'приспособления для влезания на бортное дерево'[168], укр. *лéзиво* 'лестница из лыка (у бортников)'[169], 2) др.-русск. *лезиво* 'земельный участок' в тексте: А которые три *лезива* Виленской земли держали панъ Сенько Гостскіи, а панъ Андрей Чапличь..., ино билъ намъ челомъ (панъ Петрашко Мыльскіи), ижъ быхъ подтвердилъ ему тые писаные три *лезива* и зъ ихъ землями (грамота 1445 г.)[170] (ср. укр. *лази* мн. 'нарезки полей, участки'[171]). Возможно, во всех трех случаях представлена одна и та же форма, унаследовавшая в каждом случае различные значения производящего глагола **lězti*.

---

168 Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki II, стр. 727.
169 Гринченко II, стр. 353.
170 Срезневский II, стб. 16.
171 Гринченко II, стр. 341.

Л. В. Куркина

О НЕКОТОРЫХ ПОЗДНИХ ОБРАЗОВАНИЯХ В СИСТЕМЕ СЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛОВ НА *-i*

В генетически тождественных языках однотипные классы глагольных основ образуют самостоятельные системы, вступающие в сложные взаимные отношения. Каждая такая система имеет по меньшей мере два измерения: она оценивается с точки зрения состава основ и типа характерных для них структурных отношений.

В данной работе в качестве объекта исследования избираются отдельные фрагменты инвентаря глагольных основ на *-i* в славянских языках.

Ряды глагольных основ на *-i* в этих языках на уровне инвентарных единиц образуют перекрывающие друг друга системы. При сопоставлении данных систем и наложении их друг на друга, с одной стороны, выделяется общая часть, единая и тождественная для всех сравниваемых языков, а с другой стороны, выявляются ряды глагольных основ, имеющие ограниченную локализацию в пределах избранного нами пространства.

Совпадающие части глагольных классов (они объединяют больше трети общего состава глагольных основ) сохраняют устойчивость во времени и составляют ядро генетически связанных систем.

Наиболее подвижные и изменчивые элементы характеризует ограниченное распространение. Эти элементы представляют одновременно тождество и различие, тождество для одних систем и различие для других. Проблема их идентификации сводится по существу к установлению частных подсистем, совпадающих для двух или нескольких глагольных рядов. В системах глагола на *-i* с неодинаковым набором исходных единиц одна и та же содержательная категория может передаваться разными типами основ — основами разнокорневыми и однокорневыми, но оформленными по разным классам. Ср.:

1. чеш. *dařiti* 'удаваться', польск. *(z)darzyć*, *wydarzyć się* (Machek 80); польск. *jątrzyć* 'раздражать; гноиться (о ране); подстрекать' (с XVI в.), в др.-польск. также 'свирепствовать, сердиться', чеш. *jitřiti* (арх. *jítřiti*) то же; слвц. *jatriť* (*sa*) то же;

н.-луж. *jětšiś se* 'гноиться (о ране)', в.-луж. *jětřić so*; укр. *játryty* (*sja*), блр. *za-játricь* 'раздразнить, возбудить', ст.-слав. *ob-ję̨triti* 'разжечь'; в юж.-слав. языках этот глагол не засвидетельствован (Sławski 541)[1].

2. польск. *lenić* (*się*), слвц. *lienit'sa*, словен. *leniti se*, укр. *linyty sja*, но: др.-чеш. *línati*, в.-луж. *línać*, н.-луж. *linaś*, русск. *линять*, с.-хорв. *linjati* (Machek 270); русск. *скользить*, с.-хорв. *kliziti*, но: польск. *oslizną́ć* 'становиться гладким', *zaślizgnąć*, *poślizać się*, н.-луж. *sliznuś*, чеш. *slznouti*, *klouzati*, укр. *poslyznuty* 'исчезать', блр. *posliznuć sa*, русск. диал. *склизнуть* (Miklosich 300).

Довольно трудно вывести какие-то твердые закономерности в территориальном распределении однокорневых глагольных основ, получающих различное оформление в разных частях славянской области, во всяком случае это требует тщательного изучения. Применительно к вопросу о средствах выражения основ, соотносимых в плане содержания, можно лишь наметить в самых общих чертах основные линии, по которым проходит различие между глагольными системами.

Глагольная система в каждом языке вырабатывает в ходе исторического развития основные типы глагольных отношений. В целом эти отношения образуют сложную многослойную иерархию взаимопроникающих подсистем, различающихся степенью активности. Неравноценность их с точки зрения продуктивности определяет давление системы в том или в другом направлении. В славянских языках преобладает распределение однокорневых основ между I и IV, IV и III (на *-ati*) классами. Более зыбки и подвижны соотношения между глаголами на *-iti* || *-nǫti*, *-iti* || *-vati*, *-iti* || *-ěti*, характеризующимися общностью корневой морфемы. Во всех этих случаях можно только констатировать, что глаголы на *-i* в одних славянских языках соответствуют образованиям на *-nǫ*, *-vati*, *-ěti* в других языках. При этом может и не быть полного тождества означаемых, так как функциональная нагрузка любого элемента определяется его положением в системе.

Из всех этих явлений нашему рассмотрению подлежит очень небольшая, территориально ограниченная группа глаголов на *-iti*, которой в других частях славянской языковой области соответствуют глаголы на *-sti*, *-chati*, *-skati*. Изучаемые нами явления относятся к сфере глагольной деривации. Для анализа были использованы материалы древнерусского, древнечешского, польского и сербско-хорватского словарей. Основные сведения о сфере распространения разнооформленных основ получены нами из этимологических исследований по данным языкам.

---

[1] Для всех языков, кроме русского и древнерусского, мы сохраняем латинскую транскрипцию используемых источников.

Класс глаголов на *-i* в целом носит производный характер. Он сформировался на базе именных и глагольных основ. Будучи продуктивным, этот класс постоянно пополнялся все новыми образованиями. Одним из источников его пополнения являются архаичные глаголы I класса. Во всех славянских языках основы на *-e/o* принадлежат к мертвому типу, состав их значительно сократился в силу экспансии глаголов других классов: на *-iti*, *-nǫti*, *-ěti*[2]. Общая тенденция к переключению глагольных основ из I класса в другие классы, и в особенности в IV класс, реализуется в славянских языках в разные хронологические периоды. Наиболее древние деривативные корреляции основ на *-i* и исходных для них основ на *-e/o* построены на фономорфологическом чередовании корневых гласных. Некоторые из этих производных глаголов IV класса получают очень узкое распространение, что в какой-то степени может свидетельствовать о диалектном их происхождении. Более многочисленны случаи оформления непродуктивных основ на *-e/o* по IV классу без чередования, обе основы, исходная и производная, отличаются только суффиксальным показателем. Как показывает сопоставительный анализ глагольных систем славянских языков, такой способ образования глаголов на *-i* складывается в период самостоятельного развития отдельных языков, когда вокалические чередования перестали быть живыми и продуктивными.

I. 1. В первую очередь рассмотрим глаголы на *-i*, произведенные от основ I класса с помощью вокалических чередований. В отличие от глаголов типа *носить*, *водить* данные образования не имеют повсеместного распространения. Они составляют принадлежность только некоторых славянских языков. Формирование их следует отнести к эпохе диалектного развития праславянского языка.

др.-русск. *ударити* (Срезневский III, 1145), но:	др.-русск. *дьрати*, *деру* (Срезневский I, 720)
чеш. *u-deřiti*	
польск. *uderzyć*	
н.-луж. *děriś* (Berneker 180)	

Только в древнерусском языке образование глагола на *-iti* сопровождается чередованием гласных в корне[3]. В других язы-

---

[2] Так, в старославянской грамматике представлено 70 глаголов I класса, из них только 37 сохранилось в современном польском языке. См.: Maria Malcówna. Archaizmy I konjugacji I kl. w języku polskim. — JP XXXVI, 5, 1956, стр. 325—345.

[3] В данной работе мы ограничиваемся констатацией представленных чередований. В наши задачи не входит рассмотрение природы вокалических чередований генетических отношений чередующихся рядов. Эти вопросы исследуются в работах: A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux slave. — MSL 14, fasc. 4, 1906, стр. 193—210; П. С. Кузнецов. Чередования в общеславянском языке-основе. — ВСЯ I, 1954.

ках переход этой основы в IV класс осуществляется без чередований. Разнооформленные основы на *-i*, видимо, принадлежат разным хронологическим срезам.

др.-русск. *проньзити*, с чередованием *нанозитисѧ* 'наколоться, наткнуться' (Срезневский II, 304), *сънузити* 'пронзить, поразить' (там же, III, 778)
чеш. *noziti*, *pronoziti* (Brückner 364)
др.-чеш. *nuziti* (Šimek 89)
др.-русск. *ньзти*, *ньзу* 'пронзить' (Срезневский II, 482—483)
ст.-слав. *nьsti*, *nьzěti*, *nьznǫti* (Miklosich 214)
др.-чеш. *nzieti* (Šimek 98)

В современных языках преобладают образования с этим корнем на *-ati*: русск. *низать*, укр. *nyzaty*, блр. *nizać*, польск. *nanižać*, с.-хорв. *nizati*; в чешском этот глагол имеет показатель II класса: *venznouti* (Miklosich 214).

др.-русск. *нырити* 'погружаться, устремляться' (Срезневский II, 482), *изнурити*, *пронурити* 'потерять, растратить' (там же, II, 1551)
укр. *ponúryty*
блр. *núrić*
др.-болг. *iznuriti*
польск. *nurzyć* (Vasmer II, 231), *norzyć* (Brückner 365)
чеш. *nořiti* 'лить слезы' (Šimek 98)
др.-русск. *понерети*, *понру* 'погрузиться' (Срезневский II, 1184)
ст.-слав. *vъnrěti*
укр. *nerty*
с.-хорв. *zanere* (Brückner 365)

Исходной основе I класса со ступенью редукции в корне соответствуют глаголы IV класса с разной огласовкой. Архаичная основа на *-e/o* вытесняется также итеративными образованиями на *-ati* с огласовкой, отражающей ступень удлинения корневого гласного: ср. русск. *нырять*, укр. *niráty*, ст.-слав. *nirjati*, с.-хорв. *p̀onirati*, *p̀onirêm* (Vasmer II, 233).

русск. *сучи́ть* 'вертеть, засучить' (Vasmer III, 42)
русск. *сука́ть*
укр. *sukáty*
с.-хорв. *súkati*, *sȗčêm*
словен. *súkati*, *sű̂kam*
чеш. *soukati*
польск. *sukać* (Vasmer III, 42; Miklosich 440)

Только русский язык переводит данный глагол в IV класс.

русск. *сторожить* с.-хорв. *stražiti* н.-луж. *strožiś* (Machek 481)	др.-русск. *стеречи* (Срезневский III, 513) ст.-слав. *strěšti* словен. *streči*, *strežem* польск. *strzeć*, *strzegę* др.-чеш. *střieci*, *střěhu* (Machek 481) укр. *sterečy* (Miklosich 293)

Вполне возможно, что данный глагол на *-iti* является производным от имени. Нет достаточно надежных оснований для решения вопроса о характере исходной основы.

русск. *про-торить* укр. *torýty* блр. *toric* 'прокладывать путь' (Miklosich 352—353)	русск. *тереть* блр. *cerci* ст.-слав. *trěti*, *tьrǫ* и др. (Miklosich 352—353)
ст.-слав. *otvraziti* 'открыть'	русск. *отверзти* ст.-слав. *-vrěsti*, *-vrьzǫ* с.-хорв. *vrsti se*, *vrzem* чеш. *vrzati* (Miklosich 386)

Узкую сферу распространения имеет также глагол *znobiti*, производный от основы *zęb-*:

др.-русск. *при-знобити* (Срезневский II, стб. 1401), параллельно представлена основа без чередования гласных в корне *зѧбити* 'производить, порождать' (Срезневский I, 1015) укр. *znobyty* (Miklosich 401)	русск. диал. *зябти*, *зябу́* блр. *źabci* ст.-слав. *zęti* с.-хорв. *zebsti*, *zebem* чеш. *zábsti* польск. *ziąbić*, *ziębić* (Miklosich 401)

Представлен и третий вариант этой основы — на *-nǫ*: ср. русск. *зябнуть*, укр. *źabnuty*, чеш. *zábnouti*, польск. *ziębnąć* (Miklosich 401).

К рассмотренным выше глаголам на *-iti* по своей структуре примыкают некоторые глаголы, образованные от основ III класса. Некоторые из этих образований представлены в очень немногих языках [4].

др.-чеш. *naviti* (Gebauer II, 515), *unaviti* 'утомлять' (Šimek 194)	русск. *ныть* ст.-слав. *nyti* и др.

[4] Но ср. *пити—поити*, *жити—гоити* и др., являющиеся принадлежностью всех славянских языков.

В следующих двух основах на *-i* представлено чередование конечных элементов основы *-i/v*:

чеш., слвц. *taviti* 'растоплять, плавить' (Vasmer III, 84)	др.-русск. *таяти* и др.
др.-чеш. *navš-čieviti* (Gebauer II, 518), *vš-čieviti* < *vъz-čeviti*, совр. navštíviti 'посещать'	с.-хорв. *čȕjem*, *čȕti* словен. *čújəm*, *čúti* чеш. *číti*, *čiji* др.-чеш. *-čúti*, *čuju* (Berneker 162)

2. Одним из возможных способов устранения непродуктивных основ I класса является оформление их по образцу IV класса без чередований гласных в корне. Такой способ образования был достаточно живым, хотя и не очень продуктивным.

с.-хорв. *blediti* (RJA I, 434) в.-луж. *bledźić* (Berneker 60)	с.-хорв. *blesti*, *bledem* (RJA I, 436) ст.-слав. *blęsti* и др.

Такой же тип отношений представлен в следующих глаголах:

с.-хорв. *bļuditi*, *bļudim* (XIII в.)	с.-хорв. *bļȕsti*, *bļúdem* ст.-слав. *blusti* и др. (RJA I, 456)

Ниже рассматриваются две глагольные основы, сохраняющие свое исконное оформление во всех языках, кроме сербского:

с.-хорв. *cvàtiti*, *càvtiti* с метатезой, *càvtjeti* (Berneker 657)	русск. *цвѣсти* укр. *cvýsty* др.-болг. *pro-cvisti* с.-хорв. *cvàsti*, *cvâtêm* словен. *cvẽsti*, *cvẽtem* др.-чеш. *kvísti*, *ktvu* польск. *kwiść* (Berneker 657—658)
с.-хорв. *čatiti čàtīm* 'читать' (RJA I, стр. 915)	с.-хорв. *čísti* др.-сербск. *čьtu*, позднее *čtêm* (XIII—XVI вв.) (RJA II, 44)

В некоторых языках эта основа получает показатель *-ati*.

русск. *долбить* блр. *dołbić*	с.-хорв. *dûbêm*, *dúpsti* словен. *dólbem*, *dólbsti* (Vasmer I, 359)

Данная корневая морфема представлена и в классе глаголов на *-ati*: ср. русск. *долбать*, болг. *dъlbѣ*, *dъlbájъ*, чеш. *dlubu*, *dloubati*, слвц. *dlbat'*, польск. *dłubię*, *dłubać*, н.-луж. *dłypaś* (Berneker 250—251).

др.-русск. *гудити* 'хулить' (Срезневский I, 608)
укр. *hudíty*
польск. диал. *gędzić*
в.-луж. *hudźić* (Berneker 340)

др.-русск. *густи*, *гуду* 'играть на струнном инструменте' (Срезневский I, 611)
укр. *husty*, *hudú*
ст.-слав. *gusti*
др.-серб. *gústi*, *gúdêm*
словен. *gǫ́sti*, *gǫ́dem* 'ворчать, гудеть'
чеш. *hudu*, *housti*
др.-польск. *gąść*, *gędę* (Berneker 340)

В связи с развитием в славянских языках корреляции глаголов на *-ati*, *-ěti* данная глагольная основа получает оформление по классу на *-ěti*: ср. др.-русск. *гудѣти*, совр. с.-хорв. *gȕdjeti*, *gúdīm* (Berneker 340).

чеш. *koliti* 'закалывать' (ČSAV II, 201)

др.-русск. *колоти* (Срезневский I, 1258)
чеш. *kláti*, *klám*, арх. *kolu* 'колоть, резать' (ČSAV II, 122)

Образования типа русск. *колотити* < **koltiti* являются общеславянскими.

русск. диал. *на-лячи́ть* 'натянуть'
чеш. *líčiti* 'строить ловушку, расставлять сети', редко *léčiti* (ČSAV II, 581)

др.-болг. *na-lęšti sъlęšti* 'изгибать'
др.-чеш. *léci*, *leku*
в.-луж. *lac*, *laku* 'ставить ловушку' (Berneker 707)

В соответствии с этими двумя вариантами основ, имеющими очень узкую локализацию, представлено общеславянское выражение корневой морфемы *-lęk-* по IV классу с чередованием: русск. *отлучить*, *разлучить*, с.-хорв. *lúčiti*, чеш. *loučiti*, польск. *łączyć* 'объединять'.

др.-русск. *умьрзити* 'осквернить' (Срезневский III, 1220)
укр. *merzýty*
с.-хорв. *mŕziti*, *mŕzīm* 'ненавидеть'

др.-русск. *намьрзти* 'замерзнуть' (Срезневский II, 300)
чеш. *mrzeti* 'быть отвратительным' (Machek 34)
слвц. *mrzet'* (Vasmer II, 121)

словен. *mrzíti* 'испытывать отвращение'
польск. *mierzić*
н.-луж. *mjerziś* (Vasmer II, 121)

В славянских языках данный непродуктивный глагол I класса более последовательно устраняется образованиями на *-nǫti*: ср. др.-русск. *мьрзнути*, др.-болг. *mrъznǫti*, с.-хорв. *mȑznuti se*, чеш. *mrznouti*, польск. *marznąć*. Следует заметить, что эти однокоренные основы на *-iti*, *-nǫti* семантически разошлись.

чеш. *plížiti se* 'подползать, подкрадываться' (ČSAV IV, 327)	русск. *ползти* блр. *poľzć* ст.-слав. *plъsti* (Miklosich, 237)

Общеславянским вариантом является основа на *-iti* с изменением корневого вокализма типа русского *полозить*.

чеш. *spasiti* (Šimek 170)	русск. *спасти* укр. *spastý* ст.-слав. *sъpasti* (Machek 466) др.-чеш. *spásti* (A. Lamprecht a D. Slosar. Vývoj českého hlaskosloví a tvarosloví. Praha, 1962, стр. 181)

В данном случае только чешский устраняет основу I класса, в других славянских языках эта основа устойчива и неизменна.

др.-русск. *сърѣтити* (Срезневский III, 571) русск. *встретить* укр. *sustrítyty* (Vasmer II, 244)	др.-русск. *сърѣсти* (Срезневский III, 818) блр. *vstreć* др.-болг. *sъrěsti*, *sъręštǫ* (Supr) с.-хорв. *srȅsti*, *srȅtêm* ст.-польск. *pośrześć* (Vasmer II, 244)

В чешском и словацком данная корневая морфема получает суффикс *-nǫti* (ср. чеш. *střetnouti*, слвц. *stretnut'*), а в словенском и польском — *-ati* (ср. словен. *srẹ̑čati*, польск. *pośrzatać się*).

с.-хорв. *sopiti* 'пыхтеть' чеш. *osapiti se* — с чередованием	русск. диал. *сопти* укр. *sopsti* ст.-слав. *sopsti* с.-хорв. *sopsti* (Miklosich 316)

Параллельно выступают основы на *-ěti*, *-ati* (русск. *сопѣти*, чеш. *sápati*, польск. *sapać*, укр. *zasapaty śa*).

русск. *стелить* укр. *postelyty* польск. *ścielić* (Brückner 493)	русск. *стлать* блр. *slać* польск. *posłać* в.-луж. *słać* чеш. *stláti* (Miklosich 320—321)
русск. *-шибить* 'бросить, ударить'	укр. *vyšybsty* 'выталкивать' (Miklosich 339)

В этих языках представлены и соответствующие образования на *-ati*: русск. *-шибать*, укр. *šybaty*, ст.-слав. *ošibatisę*.

в.-луж. *ćepić* 'стучать'	русск. диал. *утепти* укр. *tepsty*, *tety* ст.-слав. *teti* 'ударить' с.-хорв. *tepsti se* чеш. *tepsti*, *tepu* 'ударить' (Miklosich 352)

Как видно из приведенного материала, глаголы непродуктивного I класса в различной степени подвержены изменениям в славянских языках. В одних частях языковой области они неизменны, в других они более подвижны и подпадают под действие аналогических процессов, ведущих к устранению архаических элементов в системе, причем состав этих подвижных основ не совпадает для славянских языков.

II. Значительное место в системе славянского глагола принадлежит основам на *-chati* [5], *-skati*, разделяющим особенности глаголов III класса. Некогда показателями их производности служили суффиксальные элементы *-ch*, *-sk*, но на том хронологическом уровне, который отмечается словарями древнерусского, древнечешского и других языков, эти основы представляются неразложимыми. Для нас эти основы представляют интерес в том отношении, что некоторые из них переоформляются по образцу глаголов IV класса. Знаком деривации являются чередования согласных элементов в исходе корневых морфем. Многие из этих глаголов выступают в окружении образований на *-nǫti* со значением совершенного вида. Некоторые факты внутрисистемных отношений показывают, что эти основы на *-nǫ* относятся к более поздним образованиям, они не могут служить источником интересующих нас глаголов на *-iti*.

---

[5] V. Machek. Les verbes slaves en *-chati*. — LP IV, 1953, стр. 111—137.

1. с.-хорв. *bǜšiti* 'ударить, бросить'	русск. *бухать*
	укр. *búchaty*
чеш. *bušiti* 'бить молотком, стучать'	словен. *búhati* 'толкать, ударять'
	чеш. *bouchati*
	польск. *buchać* (Berneker 97)

Существует и основа на *-nǫ*: с.-хорв. *bűhnuti* 'откалывать', польск. *buchnąć*. При наличии этой основы в языке проводится противопоставление глаголов на *-nǫti* и *-šiti/-chati*. Последние не дифференцируются в плане содержания.

с.-хорв. *grûšīm*, *grúšiti* 'толочь, разрушать' (RJA III, 483)	болг. *grúham* 'толочь'
	с.-хорв. *grúhati*, *grûhām* 'с шумом ударить'
	словен. *grúšati* 'искрошить'
	польск. *gruchać* 'ворковать' (Berneker 358—359)

Очень распространено образование на *-nǫti* для этих глаголов: ср. русск. диал. *грухнуться*, укр. *hrúchnuty* 'шуметь, грохотать, каркать', с.-хорв. *grühnuti*, польск. *gruchnąć* 'сильно ударить, с шумом упасть' (Berneker 358—359).

с.-хорв. *jȁšiti*, *jȁšīm* (на севере с XVII в.) (RJA IV, 487)	с.-хорв. *jahati* (RJA IV, 487)
	др.-русск. *ѣхати* и др.
с.-хорв. *mȁšiti*, *mȁšīm* prf., ср. *mašati se* imprf. (RJA IV, 511)	с.-хорв. *mahati*, *máhnuti*
	русск. *махать* (RJA VI, 375)
с.-хорв. *ńȕšiti*, *ńȕšīm* / *nàńušiti*, *prìńušiti* 'нюхать' (RJA VIII, 286)	русск. *нюхать*
с.-хорв. *pášiti*, *pášīm* 'припахивать, вонять'	русск. *пахнуть*
	чеш. *pachnouti*
	польск. *pachnąć* (RJA IX, 695)

Приводимые примеры показывают, что наиболее последовательно проводятся образования на *-iti* от основ на *-ch-* в сербском языке.

ст.-слав. *vъznyšiti sę*, *vъznišiti sę*, *zanišiti sę*.	с.-хорв. *nihati*, *njihati* 'качать'
	словен. *nihati*
Сюда же относят	укр. *nišati* (Miklosich 218).

чеш. *konýšiti*, *konoušiti* 'качать, холить, баловать'	
ст.-слав. *vъsrašiti* словен. *nasršiti se* 'топорщиться' с.-хорв. *stršiti* блр. *šeršić* 'делать шероховатым' русск. *шерошить*	ст.-слав. *srъšati* словен. *sršati* 'быть шершавым' блр. *šerchać* (Miklosich 293)

Как видно, в некоторых языках глаголы на *-iti* вытеснили первоначальные образования на *-chati*.

др.-чеш. *kšíti*	чеш. *kýchati*, *kýchnouti* польск. *kchnąć* (Machek 252—253)

2. Те же особенности обнаруживают и некоторые глаголы с исходной основой на *-sk*. Как и глаголы на *-chati*, они втягиваются в сферу действия глаголов IV класса в некоторых славянских языках.

с.-хорв. *blij̀eštiti—lij̀eštiti se* (RJA I, 439; VI, 82) польск. *bleszczyć* (XVI—XVII вв.) (Berneker 63)	с.-хорв. *blijèskati*, *blȉjeskâm* (RJA I, 438) др.-русск. *блєстѣти* укр. *blestaty* польск. *bleszczeć się* (Berneker 63).

Исходная основа на *-sk-* может входить как в III, так и в IV класс (*-ěti*).

русск. *лощить* 'полировать' с.-хорв. *làštiti*, *làštîm* (RJA V, 918)	ст.-слав. *lьštati sę*

В польском и чешском данная корневая морфема на *-sk-* входит в класс глаголов на *-nǫ*: польск. *lsnąć*, чеш. *lsknouti se* (Brückner 302).

с.-хорв. *prâštiti*, *prâštîm* 'трещать, греметь, стрелять, трубить'	с.-хорв. *prȁskati* чеш. *praskati* польск. *praskać* (RJA XI, 372)
с.-хорв. *pištiti*, *pištim* (RJA IX, 891)	с.-хорв. *pîštati*, *pîštîm* 'пищать, визжать', *piskati*, *pisnuti* польск. *piskać*, *piszczeć* словен. *piskati*, *pištěti* (RJA IX, 889—90).

ст.-слав. *trěštiti* чеш. *třeštiti* 'ударить'	ст.-слав. *trěštati*, *trěskati* словен. *trêščati*, *trêskati* польск. *trzeszczeć* укр. *triščaty* блр. *treskać* русск. *трещать* (Miklosich 361)

Представлена с этим корнем и основа на *-nǫ*: ст.-слав. *trěsnǫti*, с.-хорв. *tresnuti*, польск. *strzasnąć*, русск. *треснуть*.

с.-хорв. *s-tištiti* (RJA XVI, 581)	с.-хорв. *tíštati*, *tíštīm* 'давить, жать' (Iveković—Broz II, 572) чеш. *tisknouti*
с.-хорв. *natuštiti se*, *stuštiti se* 'нахмуриться, помрачнеть'	русск. *тускнеть*, *тускнуть* н.-луж. *tuskaś*, *tusnuś* (Miklosich 365)

Из всего сказанного выше следует, что деривация некоторых глаголов на *-iti* от основ I класса и от основ с исходными элементами *-sk*, *-ch* непоследовательно проводится славянскими языками. Эти производные глаголы на *-i* можно отнести к наиболее позднему слою девербативных образований. Исключение составляют те немногие основы на *-iti*, которые связаны с исходными глаголами фономорфологическими чередованиями. Они сложились, видимо, в период диалектного развития праславянского языка.

Ст. Стаховский

ЗАМЕТКИ О МЕТОДОЛОГИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТУРЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЕРБСКО-ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. До сих пор нет еще этимологического словаря сербскохорватского языка[1], в котором нашли бы свое место турецкие заимствования в этом языке. Нет также отдельного этимологического словаря турецких заимствований в сербско-хорватском языке вроде этимологического словаря арабских заимствований в испанском языке[2] или этимологических словарей восточных заимствований во французском[3] и немецком[4] языках. Не удовлетворяет нас в этом отношении и «Этимологический словарь восточных слов в европейских языках» К. Локоча[5], в котором сербско-хорватский материал (а также и болгарский) очень скуден, тогда как македонского вообще нет. Хотя нет этимологического словаря сербско-хорватских турцизмов в полном смысле этого слова, но все-таки имеется несколько работ, написанных в виде такого словаря. Это работы Дж. Поповича[6], Л. Маринко-

---

[1] Об этимологическом словаре сербско-хорватского языка, написанном П. Скоком, см. ВЯ 1959, № 5, стр. 91—101. Словарь этот до сих пор еще не издан.

[2] D. B. de Eguilaz y Yanguas. Glosario etimológico de las palabras españoles de origen oriental. Granada, 1886; E. K. Neuvonen. Los arabismos del español en el siglo XIII (= «Studia Orientalia» X, 1). Helsinki, 1911.

[3] L. M. Devic. Dictionnaire étymologique des mots français d' origine orientale (arabe, persan, turc, hébreu, malais). Paris, 1876.

[4] E. Littmann. Morgenländische Wörter im Deutschen. Nebst einem Anhang über die amerikanischen Wörter. 2. Aufl. Tübingen, 1924.

[5] K. Lokotsch. Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.

[6] Ђ. Поповић. Турске и друге источанске речи у нашем језику. Грађа за велики српски речник. — «Гласник Српског ученог друштва» 59, 1884.

вича[7], Дж. Д. Принса[8], П. Скока[9], А. Шкалича[10], Н. К. Дмитриева[11], А. Кнежевича[12] и обобщающий труд Ф. Миклошича[13]. В этих работах собран огромный материал, хотя все-таки еще неполный. Но у этих работ большие недостатки как со стороны славистической, так и тюркологической.

§ 2. Относительно недостатков со славистической стороны нам хотелось бы сказать несколько слов о следующих проблемах, которые не учитываются авторами упомянутых выше работ.

а) В большинстве работ, написанных до сих пор, все турецкие заимствования в сербско-хорватском языке рассматриваются как свойственные только литературному языку, тогда как дело обстоит совершенно иначе. Большинство заимствований — это прежде всего слова, присущие разным диалектам сербско-хорватского, и только небольшое их количество принадлежит литературному языку. Авторы этих работ почти совсем не обращают внимания на фонетические и акцентологические варианты этих заимствований, а иногда даже и на семантические различия, которые встречаются в диалектах.

б) Второй большой недостаток этих работ — это полное отсутствие исторических данных. Ни в одной из них мы не

---

[7] Louka K. Marinkovitch. Vocabulaire des mots persans, arabes et turcs introduits dans la langue serbe. — «Verhandlungen des 5. Internationalen Orientalisten-Congresses gehalten zu Berlin im September 1881», 2. Teil, 2. Hälfte. Berlin, 1882, стр. 299—332.

[8] John Dyneley Prince. Surviving turkish elements in Serbo-croatian. — JAOS 51, 3, 1931, стр. 241—261.

[9] P. Skok. Prilozi proučavanju turcizama u srp.-hrv. jeziku. Dio prvi: Bosansko-hercegovački novi materijal.—«Slavia» XV, 1937 — 1938, стр. 166—190, 336—366, 481—505.

[10] A. Škaljić. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, I—II (= «Bilten Instituta za proučavanje folklora u Sarajevu». Dopunska izdanja 2). Sarajevo, 1957.

[11] Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию. — «Доклады АН СССР», серия В, 1928, стр. 17—22, 268—275; 1929, стр. 89—95, 103—108.

[12] A. Knežević. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben (= «Veröffentlichungen des slawisch-baltischen Seminars Münster i. Westfalen», 3). Meisenheim, 1962. — Эта книга была для меня недоступна, и поэтому мои замечания о работах по турецким заимствованиям в сербско-хорватском языке совсем не касаются работы Кнежевича.

[13] F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den süd-ost-und osteuropäischen Sprachen (Griechisch, Albanisch, Rumunisch, Bulgarisch, Serbisch, Russisch, Polnisch). — «Denkschriften der k. Akademie der Wissenschaften in Wien», philos.-hist. Classe XXXIV, 1884, стр. 239—338; XXXV, 1885, стр. 105—192; XXXVII, 1887, стр. 1—88; XXXVIII, 1888, стр. 1—188. Рецензии: Th. E. Korsch. — AfslPh VIII, 1885, стр. 637—647; IX, 1886, стр. 487—520, 653—682; F. von Kraelitz-Greifenhorst. Corollarien zu F. Miklosichs «Die türkischen Elemente . . .». — «Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften in Wien», philos.-hist. Classe 166. Wien, 1910.

найдем никаких указаний относительно хронологии турецких заимствований в сербско-хорватском языке[14], а ведь без исторической документации мы не в состоянии сказать что-нибудь об истории сербско-хорватских турцизмов.

в) Третий недостаток — это отсутствие сравнительных материалов из других балканских языков. В большинстве балканских языков имеются эквиваленты сербско-хорватских турцизмов, поэтому было бы целесообразным сопоставить сербско-хорватские турцизмы с турцизмами других балканских языков. Ведь очень часто, если не всегда, балканские турцизмы были заимствованы из одних и тех же турецких говоров на Балканах и более или менее в одно и то же время. Кроме того, в большинстве случаев у них тождественная фонетическая форма и тождественное или мало дифференцированное значение.

Таким образом, работы по турецким заимствованиям в сербско-хорватском (и в других балканских языках) нуждаются в привлечении географических, исторических и сравнительных балканских материалов.

§ 3. Еще больше недостатков в этимологическом объяснении сербско-хорватских турцизмов находим с тюркологической точки зрения. Как известно, большинство работ по вопросам тюркских заимствований в славянских языках было написано славистами, которые очень часто не были знакомы с историческим развитием тюркских (и прежде всего турецкого) языков. Этим и объясняются ошибки и недостатки в тюркологической части их работ. На эти недостатки и их источники обратил внимание уже тридцать лет назад польский тюрколог Т. Ковальский в своем докладе «W sprawie metodologii badań zapożyczeń tureckich w językach słowiańskich», прочитанном на I Съезде славянских филологов в Праге в 1929 г.[15] Но, к сожалению, с того времени мало что изменилось в области исследований тюркских заимствований в славянских языках. В течение последних тридцати лет было написано несколько работ по этому вопросу. Некоторые из них, как, например, статья Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря»[16],

---

[14] Некоторую историческую документацию мы можем найти в Словаре Югославской Академии наук, изданном в Загребе, но мы должны здесь сразу заметить, что не все турецкие заимствования в этом словаре имеют историческую документацию, а при тех турцизмах, где она имеется, она не всегда самая древняя. Поэтому этим словарем надо пользоваться очень осторожно.

[15] «Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929», sv. II. Praha, 1932, стр. 554—556; в новейшее время писал об этом Г. Хазаи (G. Hazai) в своей статье: «Remarques sur les rapports des langues slaves des Balkans avec le turc-osmanli». — «Studia Slavica» VII, 1961, стр. 97—138, особенно стр. 117—136.

[16] «Лексикографический сборник» III, 1958, стр. 3—47.

учитывают методологические замечания Ковальского; другие работы, как, например, недавно вышедшая в свет работа А. Шкалича о турецких заимствованиях в говорах Боснии и Герцеговины[17], совсем игнорируют эти замечания.

Ковальский справедливо замечает в своей статье, что все ошибки в тюркологической части этимологии славянских тюркизмов сводятся к трем основным пунктам: 1) не учитывается хронология заимствований; 2) в качестве источника славянских тюркизмов рассматривается исключительно турецкий язык без учета других тюркских языков; 3) как источник заимствования учитывается только литературный язык с упущением диалектов.

§ 4. Полностью соглашаясь с Ковальским, мы хотели бы несколько долее задержаться на каждом из названных выше пунктов, применяя их к турецким заимствованиям в сербско-хорватском языке.

ad 1. Турецкие слова в сербско-хорватском языке заимствовались в разное время. Самые старые заимствования относятся к XV в., а самые молодые — к первой половине XIX в. Можно поэтому сказать, что турецкие слова попадали в сербско-хорватский язык на протяжении почти пяти столетий. Объясняя все турецкие заимствования в сербско-хорватском языке исходя из форм современного турецкого языка, мы делаем большую ошибку, которая мешает нам объяснить правильно фонетические различия между сербско-хорватскими турцизмами и их современными турецкими эквивалентами. С этой ошибкой связана и другая ошибка, а именно: очень часто нам кажется, что эти различия возникли в сербско-хорватском языке, тогда как чаще всего дело обстоит совсем наоборот. Чтобы правильно этимологизировать турецкие заимствования в сербско-хорватском языке, мы должны помнить о тех фонетических изменениях, которые совершились в турецком языке от XV до XIX в. Здесь прежде всего надо помнить о таких фонетических явлениях, как: 1) гармония гласных, 2) губная ассимиляция, 3) негубная ассимиляция, 4) развитие *ö* в *ü*, 5) выпадение согласного *h*, 6) монофтонгизация дифтонгов и т. п. С этой точки зрения турецкие заимствования в сербско-хорватском языке обнаруживают значительные различия по отношению к современным турецким эквивалентам.

Большую помощь при исследовании этимологии турецких заимствований в сербско-хорватском языке (как и в других балканских языках) оказывают нам турецкие тексты, написанные иным алфавитом, чем арабский: это так называемые тран-

---

[17] A. Škaljić. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, I—II (=«Bilten Instituta za proučavanje folklora u Sarajevu», Dopunska izdanja 2). Sarajevo, 1957.

скрипционные тексты[18]. В этих текстах находим часто точные фонетические эквиваленты сербско-хорватских турцизмов.

ad 2. Уже Т. Ковальский правильно заметил, что нельзя искать источников тюркских заимствований в славянских языках только в турецком языке, опуская другие тюркские языки. Ведь славяне в своей истории соприкасались не только с турками-османами, но и со многими другими тюркскими народами. Следовательно, тюркские слова в славянских языках были заимствованы из разных тюркских языков: так, например, тюркские заимствования в польском языке происходят главным образом из языка татар Крымского ханства; в русском языке мы встречаем заимствования из разных тюркских языков (Средней Азии, Алтая и Кавказа), но прежде всего из татарского языка, тогда как заимствований из турецкого языка имеется очень мало. Только для южнославянских турцизмов (сербскохорватских, болгарских, македонских) почти единственным источником заимствования является турецкий язык; заимствования из других тюркских языков (например, из кыпчакских) в этих языках очень редки.

ad 3. Третий недостаток в исследовании славянских тюркизмов — это, по Ковальскому, стремление базироваться только на литературном языке, игнорируя полностью диалекты и повседневный разговорный язык. Из истории контактов балканских славян с турками нам известно, что южные славяне встречались прежде всего с языком турецких солдат, турецкой военной и гражданской администрации, а в восточной части Балканского полуострова также с языком турецких поселенцев (крестьян и торговцев), язык которых не был литературным языком. Это был разговорный язык крестьян, торговцев, чиновников и солдат. Объясняя этимологически южнославянские (и вообще балканские) турцизмы, мы должны об этом помнить и всегда учитывать — насколько это возможно — данные турецких говоров на Балканах. Для сербскохорватских турцизмов большую ценность представляют западнобалканские говоры (так называемые западнорумелийские говоры) турецкого языка, которые в прошлом были основным источником заимствования турецких слов в сербско-хорватский язык.

Подводя итог вышесказанному, нам хотелось бы заметить, что правильная этимология сербско-хорватских турцизмов должна учитывать следующие пункты:

---

[18] Относительно полный перечень турецких транскрипционных текстов находится в работах: W. Heffening. Die türkischen Transkriptionstexte des Bartholomaeus Georgievits aus den Jahren 1544—1548. Ein Beitrag zur historischen Grammatik des Osmanisch-türkischen. — «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes» XXVII, 2, 1942; G. Hazai. Указ. соч., стр. 136, примеч. 71.

1) со славистической точки зрения: а) историю заимствования в сербско-хорватском языке; б) географическое распространение турцизма в современном сербско-хорватском языке и его диалектах; в) сравнение с другими балканскими языками;

2) с тюркологической точки зрения: а) подбор исторических данных для сербско-хорватского турцизма, чтобы узнать, какова была фонетическая и морфологическая форма турецкого слова во время заимствования его сербско-хорватским языком; б) определение формы сербско-хорватского турцизма в современных турецких говорах, прежде всего в западнобалканских.

Но это — теоретические предпосылки, осуществление которых при современном состоянии наших знаний об истории и географии этих слов как в сербско-хорватском, так и в турецком языках не совсем еще возможно. Для сербско-хорватского языка у нас нет до сих пор исторического словаря[19] в полном смысле этого слова, нет также словаря сербских говоров; не лучше обстоит дело и с турецким языком, для которого также нет ни исторического словаря[20], ни словаря турецких говоров на Балканах[21]. Хотя наши работы в этом плане являются еще предварительными, нам хотелось бы показать на примере нескольких заимствований, как мы представляем себе построение статьи в этимологическом словаре турецких заимствований в сербско-хорватском языке, и тем самым доказать, что уже сегодня мы в состоянии сказать больше о турецких заимствованиях в сербско-хорватском языке, чем это сделано в работах, написанных до сих пор.

ȁбер (1759), *ȁбар* (1781), *хȁбер* (1818), диал. (цермничское) *х̣а̄бе̑р*, (кос.-мет.) *ȁбер* || *абе̑р* 'весть; известие; слух'. — Производные слова: *абѐрница*, *(х)абѐрњача* (уст.) 'сигнальная пушка или ружье', *(х)абрдо̀ноша* (уст.), диал. (Дучаловци — Сербия) *аброндо̀са̄ч* 'почтальон; разносчик слухов', (Босния и Герцеговина, далее — БГ) *хабернóса* 'женщина, которая разносит слухи', (Черногория, далее — ЧГ) *ȁберити*, *абѐрисати* 'сообщить, сообщать; поручить, поручать'.

---

[19] См. в сн. 14 мои замечания о Словаре Югославской Академии наук, изданном в Загребе, как историческом словаре.

[20] До известной степени таким словарем можно считать словарь, изданный «Обществом турецкого языка»: «XIII Asırdan günümüze kadar kitaplardan toplanmiş tanıklarıyle tarama sözlüğü» («Словарь слов, собранных из книг с XIII в. до наших дней, с примерами»), I—II. Изд. 3. Анкара, 1957.

[21] Большой семитомный словарь турецких говоров («Türkiyede Halk ağzından Söz Derleme Dergisi», I—VII. İstanbul, 1941—1957) и двухтомный словарь анатолийских говоров (M. Zübeyr — I. Refet, H. Koşay — O. Aydin. Anadilden Derlemeler, I—II. Ankara, 1932—1952) мало полезны для нас в этом отношении, потому что они не учитывают турецких говоров на Балканах.

Этот турцизм является общебалканским, ср.: болг. *хабе́р* 'весть, известие; новость', диал. *абе́р* 'сообщение'; макед. диал. (Сухо и Висока) *χabȇr* 'распоряжение', (н.-вард.) *(h)abȇr*, (макед.-алб.) *âbar*, (южн.) *хабар* || *хабер* 'весть, известие; сведение; новость'; рум. *habár*, *habȇr* 'представление, понятие; забота, беспокойство', диал. (куц.-вл.) χαμπᾶρε 'весть'; алб. *habȇr* 'весть, известие, сообщение; новость'; н.-греч. (разг.) χαμπάρι, χαμπέρι, диал. (Адрианополь) χαbάρι, χαbέρι 'новость; сообщение'; евр.-исп. (Битоль) *haber* 'новость'.

В работах, написанных до сих пор, этот балканский турцизм объясняется как заимствование из совр. тур. *haber* (⩽ араб. *ḫaber*). Но если это так, тогда мы должны объяснить: 1) колебание *а* ~ *е* в формах *(х)ӑбар* ~ *(х)ӑбер* и 2) отсутствие или присутствие начального согласного *х*-.

Нам кажется, что мы имеем дело не с одним, а с двумя (или даже тремя) заимствованиями. Во-первых, формы с гласным -*е*- заимствованы из ср.-тур. *haber*, в котором не совершилась ассимиляция гласных: араб. *а* ... *е* не изменилось в тур. *а* ... *а*; возможно, что заимствование совершилось из литературного, а не разговорного языка. Во-вторых, формы с гласным -*а*- надо объяснять как заимствование из ср.-тур. формы *habar*, в которой совершилась ассимиляция гласного: араб. *а* ... *е* ⩾ ср.-тур. *а* ... *а*. Такую форму мы встречаем уже в турецких текстах Георгиевича 1544—1548 гг.: *habar* 'novum' (Georg. § 21). В-третьих, надо объяснить отпадение начального согласного *х*-. Вопрос здесь сложнее, потому что это явление могло совершиться в сербско-хорватском языке (как и в других балканских языках), в говорах которого оно очень распространено, или уже в среднетурецком разговорном языке на Балканах, где и до сих пор это слово встречается без начального согласного *h*-, например *aber* (Михайловград — Болгария) 'весть' (ALH XI, 1961, 374). Возможно, что отпадение начального *h*- в среднетурецком языке совершилось под влиянием соседних славянских говоров, и лишь только тогда было заимствовано славянскими языками. Но мы не в состоянии это решить.

Литература: Miklosich TE 34, 306; Miklosich 84; Budmani RJA I 543; Бакотић 1317; Klaić RSR 468; Елезовић РКМД I 2; Škaljić TBH I 300; Младенов I; Дмитриев ДАН, сер. В, 1928 18; Berneker 380; Lokotsch 763; Sainéan, «Romania» XXXI 1902 565; Crews RJE 230, nr 727; Tiktin II 712; Cioranescu 388; Nikolaïdos EI 585; Andriotis 291; Ronzevalle ET 299.

а̀ргатин (1649) 'поденщик; батрак'. — Производные слова: *аргȁташ* (1874), *аргȁтāч* (1888), *аргȁтāр* || *а̀ргатāр* (1863), диал. (Банат) *а̀ргатнӣк*, (Лика) *аргѐтāр* || *а̀ргетāр* 'поденщик; батрак'; *а̀рготка* (1907), *а̀ргатица* (1932), диал. (Мостар) *а̀рг
аткиња* 'поденщица; батрачка'; *а̀ргаче, -ета* (1921) 'батрачонок'; *аргȁтāрскӣ* || *а̀ргатāрскӣ* (1865) 'относящийся к батраку; принадлежащий

батраку'; *аргатарија* (1898—1902), *аргатија* (1906) 'поденщики: батраки'; *аргаштина* || *аргаштина* (1858), *аргатија* 'выполнение натуральной повинности; поденная плата; батрачество'; *аргатовати* 'выполнять натуральную повинность; работать поденно; батрачить'. Ср. также диал. (БГ) *ıргат(ин)*, *ıргатовати*.

Слово встречается и в других балканских языках. Ср., например: болг. *аргат(ин)*, макед. *аргат(ин)*, рум. *argát*, диал. (куц.-вл.) αργάτ^{ου}, алб. *argát*, н.-греч. (разг.) ἀργάτης.

Происхождение этого слова в сербско-хорватском (и в других балканских языках) объясняется по-разному. Одни исследователи выводят с.-хорв. *аргатин* из тур. *ırgat*, а это из греч. ἐργάτης (Миклошич, Клаич, Шкалич, Диздари), другие — непосредственно из греч. ἐργάτης || ἀργάτης (Бакотич, Младенов, Чиоранеску, Тиктин).

Нам кажется, что пути заимствования с.-хорв. *аргатин* были немного другие. Мы согласны с тем, что последним источником с.-хорв. *аргатин* является греч. ἐργάτης, но не можем согласиться с тем, что заимствование совершилось непосредственно из греч. ἐργάτης или из тур. *ırgat*, потому что неясным остается тогда фонетическое изменение начального греч. ἐρ- или тур. *ır-* в с.-хорв. *ар-*. Непосредственно из совр. тур. *ırgat* происходит с.-хорв. диал. (БГ) *ıргат(ин)*. С.-хорв. *аргатин*, по нашему мнению, было заимствовано из ср.-тур. *argat*, засвидетельствованного уже в турецких текстах Георгиевича из 1544—1548 гг.: *argath* = *argat* 'mercenarius' (Georg. § 14), которое в свою очередь является заимствованием из ср.-греч. ἐργάτης. Изменение ср.-греч. *e* ... *a* ⩾ ср.-тур. *a* ... *a* (возможно, через стадию *i* ... *a* ⩾ *ı* ... *a*, отсюда современная турецкая форма *ırgat*) — это обыкновенное явление ассимиляции гласных в среднетурецком (особенно разговорном) языке.

Н.-греч. ἀργάτης, которое, по Андриотису, является обыкновенным продолжением ср.-греч. ἐργάτης, кажется нам скорее обратным заимствованием из турецкого в греческий язык, чем фонетическим развитием ср.-греч. ἐργάτης, потому что изменение начального ἐρ- в ἀρ- с точки зрения греческой фонетики невозможно.

Литература: Andriotis 22; Бакотић 29; Berneker 30; Cioranescu 35; Daničić RJA I 105; Dizdari BUT 3 1960 260; Klaić RSR 87; Miklosich 4; Miklosich TE 34, 294; Младенов 8; Škaljić TBH I 374; Tiktin I 92.

бёг (1484), *бёј* 'бей, турецкий господин', диал. (Дубровник) — так говорят каждому человеку, которому хотят выразить уважение, (Хорватия) 'жених', (кос.-мет.) 'турецкий господин; початок кукурузы с красными зернами'. — Производные слова: *бёговац* 'слуга бея, один из людей бея', *бёговица* (1886) 'жена бея'; (1844) 'форма вежливого обращения молодой невесты к другой молодой женщине'; диал. (Мали Пожаревац — Сербия) 'сорт

яблок'; *бѐгиница, бѐгиња* 'жена бея', *бѐговина* (1886) 'земля бея, имущество бея', *бѐговство* (1900) 'достоинство, должность, имущество бея', (1869) 'сословие беев', *бегдва̄т* (1913) 'сословие беев', 'власть беев', *бѐговић* (1898), *бѐгић* 'сын бея, потомок бея', *бѐгов, бѐговскӣ, бѐговићкӣ* (1947) 'который принадлежит бею, который относится к бею', *бегдвати* 'исполнять власть бея, быть беем'.

Кроме того, в старых сербско-хорватских текстах это слово встречается в турецких заимствованиях, где выступает как второй член сложных образований, например: *ешебег* (1468), *аиазбег* (1471), *санчак-бег* (1480), *беглербег* (XVI в.), *еминбег* (1534), *алаибег* (начало XVIII в.).

Это заимствование известно также во всех балканских языках: болг. *бег* (зап.), *бей* (вост.) 'мелкий вассальный князь в султанской Турции; господин'; макед. диал. (макед.-алб.) *beg* 'турецкий господин', (южн.) *бег, бей* 'князь, дворянин; бей, титул знати и высшего офицерства', *беофка* 'жена бея', (Сухо и Висока) *bêj* 'звание для турок-помещиков', (Сухо) 'трутень'; рум. *bĕi(u)* 'турецкий бей; (ирон.) господин'; алб. *bej* 'бей (турецкий титул); помещик'; ср.-греч. μπέης, πέχ, н.-греч. μπέης, βέης, диал. (Адрианополь) *bέïς* 'турецкий господин'; евр.-исп. (Скопле) *bey* 'господин (титул)'.

Обыкновенно это слово объясняют как заимствование из тур. *bey* или *beg*, не делая никаких различий между этими двумя формами, а ведь они хронологически не тождественны. Форма *bey* современна и развилась из ср.-тур. *beg* в результате перехода конечного *-g* в *-y*. Среднетурецкая форма *beg* хорошо засвидетельствована в турецких транскрипционных текстах, ср., например: 1450 г.: *beg* (Mühl. IV 268), *beglerbegi*, вин. п. ед. ч. (Mühl. IV 271); 1544—1548 гг.: *beg, begligidir* (Georg. § 23); 1551 г.: *beg* (Sul. 6), *begi*, вин. п. ед. ч. (Sul. 7); 1553 г.: *begler, beky* (Dern. 139). В современных западнорумелийских говорах это слово также встречается еще с конечным *-g*, а не *-y*, например: *beg* (Кюстендил и Михайловград — Болгария) 'господин', но уже мн. ч. *beyler* (ALH XI 1961 311).

Поэтому балканские языки представляют два пласта хронологически различных заимствований:

1) из ср.-тур. *beg* происходят: с.-хорв., болг., макед. диал. *бег* и ср.-греч. πέχ;

2) из совр. тур. *bey* происходят: болг., макед., диал. *бей*, рум., алб., евр.-исп. *bej*, ср.-греч. μπέης, н.-греч. μπέης, βέης.

Литература: Andriotis 152; Георгиев 40; Cioranescu 75; Crews RJE 268, nr 1296; Daničić RJA I 224; Dizdari BUT 4 1961 171; Klaić RSR 149; Lokotsch 282; Marinković 306; Младенов 20; Miklosich 9; Miklosich TE 34, 260; Ronzevalle ET 264; Škaljić TBH I 89; Tiktin I 174; Triandaphyllidis LMV 148.

бу̏на̄р, диал. (Карашево) *бýнар* (1577) 'колодец', (1614) 'источник', (1851) 'глубокая яма, в которой хранят деньги', в говоре

преступников также 'карман'. — Производные слова: *бунàрина* 'большой колодец', *бу̏нāрка* 'растение Montia fontana', *бу̏нāрскӣ* 'колодезный'.

Этот турцизм встречается также, хотя и редко, в других балканских языках, ср.: болг. *бунáр* 'колодец', макед. *бунар*, диал. (н.-вард.) *bunár*, (южн.) *бунар*, *бонар*, (макед.-алб.) *bŭnar* 'колодец', (Сухо и Висока) *bunár*, *bunar′* 'ручей; колодец', *бунарски* 'колодезный', алб. *bunár* 'колодец; источник'.

В работах по турецким заимствованиям в сербско-хорватском языке слово это объясняется как заимствование из тур. *bunar* || *bınar*. В основном такая этимология правильна, хотя она нуждается в дополнительных объяснениях. В современном турецком языке слово это не выступает в форме *bunar* || *bınar*, а только в форме *pınar*. Форма *bunar* встречается в современных турецких говорах на Балканах, ср.: (Скопле) *bunar* 'источник' (RO XXIII 1959 86). В среднетурецких текстах мы встречаем это слово в другой фонетической форме, а именно с совершенной ассимиляцией *u* ... *a* $\geqslant$ *ı* ... *a*: *bïŋar*, например: XIII в.: *bïŋar* (SV I 44), ±1330 г.: *byŋar* (KD 115) 'колодец; источник'. Поэтому с.-хорв. (и балк.) *бу̏нāр* надо выводить из ср.-тур. диал. (зап.-румел.) **bunar*, засвидетельствованного косвенно ср.-тур. *bïŋar* и совр. диал. *bunar*.

Литература: Бакотић 79; Daničić RJA I 734; Klaić RSR 187; Škaljić TBH I 120; Miklosich TE 34, 269.

дегѐнек (уст.), *дендерек* 'удар палкой'. — Производные слова: *дегѐнечити* 'бить палкой; дубасить', *изву̏ћи дегѐнек* 'быть битым'.

Это, кажется, только сербско-хорватский турцизм; по крайней мере нам не удалось найти его в других балканских языках.

С.-хорв. *дегѐнек* заимствовано из ср.-тур. *degenek*, а не (как пишет Будмани — RJA II 331) из тур. *degenek* или (Клаич — Klaić RSR 244) из тур. *degnek*. Ни один из авторов не определяет ближе, в каком смысле употребляет он термин «турецкий»; мы не знаем, думает ли он о современном или среднем турецком языке. Нам хотелось бы заметить, что в современном турецком языке нет форм ни *degenek*, ни *degnek*, а только *değnek* (произносится *дейнек*). Поэтому если оба автора употребляют термин «турецкий» в значении 'современный турецкий язык', они делают орфографическую ошибку, мешая *g* с *ğ*, а вследствие этого не учитывают фонетического изменения ср.-тур. *-g-* в совр. тур. *-ğ-* (= фонетически *-х-* или *-й-*). Но если думают о среднетурецком языке, тогда надо отметить, что в среднетурецком не было, насколько нам известно, формы *degnek*, а только *degenek*. Она хорошо засвидетельствована в турецких транскрипционных текстах, например: 1533 г.: *deghienéch* (Arg. I 22[r]); 1544—1548 гг.:

degeneg 'baculus' (Georg. § 23). В пользу среднетурецкого происхождения с.-хорв. *дегѐнек* выступает фонетика этого турцизма, а именно: 1) сохранение ср.-тур. *-g-*[22]; 2) присутствие гласного *-е-*, которого нет в совр. тур. *değnek*.

Литература: Budmani RJA II 331; Klaić RSR 244; Miklosich TE 34, 282.

jа̀рдум (1768, Босния) 'помощь', *jа̂рдьм*, род. п. *jа̄рдъ̏ма* (кос.-мет.) 'помощь, которую оказывают молодой невесте ее подруги при приготовлении свадебных подарков'.

Среди балканских языков этот турцизм встречается еще только в болгарских говорах: *ярдъ́м* 'помощь'.

В этимологических работах с.-хорв. *jа̀рдум* || *jа̂рдьм* выводят обыкновенно из тур. *yardım*, но не объясняют различия между формой с *-у-* и формой с *-ь-*. Это различие хорошо объясняется тем, что эти две формы представляют две различные турецкие формы, а именно:

1) с.-хорв. *jа̀рдум* — это заимствование из ср.-тур. *yardum*, хорошо засвидетельствованного в среднетурецких транскрипционных текстах, например: 1533 г.: *jardum* (Arg I 25ʳ); 1544—1548 гг.: *yardum* 'auxilium' (Georg. § 15); 1551 г.: *iardum* (Sul. 28); 1611 г.: *iardum* (Fer. 131ᵃ);

2) с.-хорв. диал. (кос.-мет.) *jа̂рдьм* и болг. *ярдъ́м* происходят из совр. тур. *yardım*, в котором совершилась негубная ассимиляция: *а . . . и* $\geqslant$ *а . . . ı*.

Литература: Budmani RJA IV 468; Елезовић РКМД I 254; Klaić RSR 566; Škaljić TBH I 393; Miklosich TE 34,316.

ка̀рва̄н (1398), *карвана* (1423) *кара̀ва̄н*, диал. (кос.-мет.) *ка̂рван* 'караван; транспорт'. — Производные слова: *кара̀ва̄нскӣ* 'караванный', *кара̀ва̄нскӣ спа̀на̄ћ* (бот.) 'дикий шпинат'.

В балканских языках встречаются следующие формы: болг. *керва́н* 'караван', *керва́нец*, *керва́нче*, уменьш., *керва́нка* 'некая звезда', *керва́нски* 'караванный'; макед. *карван* || *керван*, диал. (макед.-алб.) *kárvan*, (южн.) *кирван*; рум. *chervan* 'большой крестьянский воз; караван', диал. (макед.-рум.) *cărvane* 'караван', *cărvănar* 'погонщик верблюдов'; алб. *karván* 'караван; большое количество, множество'; ср.-греч. κάρβάνιον, н.-греч. καραβάνι 'караван'.

Обыкновенно объясняется как заимствование из тур. *karvan* или *kervan*, без учета каких-либо хронологических отношений.

---

[22] Здесь надо подчеркнуть, что большинство сербско-хорватских турцизмов очень хорошо сохраняет среднетурецкий согласный *g* в серодине или в конце слова. См. также примечания Г. Хазаи в его статье (указ. соч., стр. 122—124).

В современном турецком языке имеется только форма с *-е-*: *kervan*, нет формы *karvan*. Сербско-хорватские (и балк.) заимствования с гласным *-е-* происходят из совр. тур. *kervan*, тогда как заимствования с гласным *-а-* надо выводить из ср.-тур. **karvan*. Нам не удалось найти в турецких транскрипционных текстах форму *karvan*, потому что не все они нам доступны, но мы нашли ее в сложных словах, например: *charouámbasci* = *karvambaši* (Arg. I 18r) 'проводник, начальник каравана'; 1533—1555 гг.: *karwansarai* (Dern. 36, 21); 1544—1548 гг.: *karvansaray* 'постоялый двор' (Georg. § 21). На основе этих записей можем заключить, что в среднетурецком языке существовала форма **karvan* — источник сербско-хорватских (и балк.) заимствований с гласным *-а-*.

Совр. тур. *kervan* и ср.-тур. *karvan* происходят из двух разных персидских форм: *kārwān* и *kärwān* 'группа путешественников; караван верблюдов', которые обычно связывают с санскр. *karabhá-* 'верблюд'.

Литература: Andriotis 93 (ошибочно из араб. *kirvan*); Бакотић 397; Berneker 502; Budmani RJA IV 874; Елезовић РКМД I 283; Klaić RSR 605; Korsch AfslPh IX 1886 516; Lokotsch 1075; Miklosich TE 35, 109; Miklosich 115; Pascu II 119; Škaljić II 436; Tiktin I 336; Triandaphyllidis LMV 147.

лѐјлек || **ле́јлек** (1616), *ле́лек* (1649) 'аист'.

Это заимствование встречается также в других балканских языках: болг. диал. *лайлек* (Геров), *л'ълек'* (Хасковско), *лел'ак* (южн.-вост.); рум. диал. (куц.-вл.) λέλιxου; алб. *lejlēk*; н.-греч. λελέxι 'аист', λέλεxας 'аист', диал. (Адрианополь) 'человек с длинными худощавыми ногами'.

Обе эти формы — *лѐјлек* и *ле́лек* — объясняются обыкновенно в этимологических работах как заимствование из тур. *leylek* (иногда ошибочно транскрибируют как *leǵlek*, *lek'lek*). Такая этимология не совсем точна. Из совр. тур. *leylek* происходят с.-хорв. *лѐјлек*, болг. *лайлек*, алб. *lejlék*. Эти заимствования сохраняют турецкий дифтонг -еу-. Но уже с.-хорв. *ле́лек*, болг. *лел'ак*, *л'ълек'*, рум. диал. λέλιxου и н.-греч. λελέxι, λέλεxας надо выводить из среднетурецкой диалектной формы **lelek*, в которой совершилась монофтонгизация дифтонга *-ey-* ≥ *-e-*. Это фонетическое явление типично для турецких говоров на Балканах. Среднетурецкую форму **lelek* нам не удалось найти в турецких транскрипционных текстах, но в современных турецких говорах на Балканах это слово выступает прежде всего в монофтонгизированной форме (*-ey* ≥ *-e-* или *-ī-*), ср.: (Казанлык — Болгария) *lēlek* (AOH VIII 1958 174), (Родопы — Болгария) *līlek* (AOH IX 1959 210), (Шашаварлык — югосл. Македония) *līlek* (RO XXIII 1959 90) 'аист'. Поэтому нам кажется, что сербско-хорватские (и балк.) формы с дифтонгом *-ey-* являются заимствованиями

из (средне-) турецкого литературного языка, тогда как формы с монофтонгом *-е-* — это заимствования из среднетурецких говоров на Балканах.

Литература: Andriotis 123; Berneker 700; Budmani RJA VI 2; Klaić RSR 743; Korsch AfslPh IX 1886 520; Lokotsch 1294; Miklosich TE 35, 118; Miklosich 164; Младенов 272; Nikolaïdos EL 258; Ronzevalle ET 440; Škaljić TBH II 487.

па̀шмаг || **па̀шмага** (I пол. XVIII в.), диал. (БГ, кайк.) *па̀чмаге*, мн. ч. (1742) 'башмак'.

Встречается также, хотя редко, в других балканских языках: рум. *paşmáţi* 'башмаки, туфли' (по Тиктину, через славянское посредничество); алб. диал. (Шкодэр) *pashmangë* 'женские туфли, которые употребляют дома и на дворе'. — Относится ли сюда макед. *башмак* 'платок'?

Обыкновенно объясняется как заимствование из тур. *paşmak* || *başmak* || *başmag*. Но такое объяснение не удовлетворяет нас. Здесь надо сделать некоторые уточнения: 1) в современном турецком языке нет формы с согласным *-g* в конце слова, только с *-k*; 2) нет также формы с согласной группой *-čm-*. Поэтому правильнее было бы, по нашему мнению, с.-хорв. *па̀шмаг* считать заимствованием из ср.-тур. **pašmag*, а с.-хорв. *па̀чмаге* — заимствованием из ср.-тур. *pačmag*. Среднетурецкой формы **pašmag* мы не нашли в турецких транскрипционных текстах, но она засвидетельствована косвенно формой со звонким согласным в начале слова; ср. около 1450 г.: *bašmag* 'ременный башмак' (Mühl. IV 266); в этих текстах находим также форму *pačmag* — источник с.-хорв. диал. *па̀чмаге*: 1544—1548 гг.: *pačmag* 'sotularia, calciamenta' (Georg. § 24).

Макед. *башмак*, вопреки своему значению, происходит, однако, как нам кажется, из тур. *başmak*.

Литература: Баковић 761; Berneker 45; Cioranescu 607; Klaić RSR 942; Lokotsch 265; Maretić RJA IX 696; Miklosich TE 34, 258; Miklosich 8; Tiktin II 1130; Škaljić TBH II 599.

ћѐф (1791), *ћѐиф* (1818), *ћѐип* (1818), диал. (БГ) *ћѐф*, *ћѐ(ј)иф* 'прихоть, каприз; желание, охота'. — Производные образования: *тѐрати ћѐф* 'самовольничать, самоуправствовать'.

Этот турцизм очень распространен в балканских языках: болг. (разг.) *кеф* 'хорошее настроение, удовольствие, радость, блаженство'; макед. диал. (южн.) *кейф* || *кеф*, (южн.-зап.) *k'ef*, (макед.-алб.) *k'ef* 'удовольствие, веселье; здоровье, жизнерадостность', (н.-вард.) *kéfut* 'приказ', (Висока) *k'èf'ut*, (Сухо) *k'èjf'u* 'удовлетворенный'; рум. *chef* 'хорошее настроение; желание, охота; удовольствие; пирушка, кутеж; опьянение', *chefui* || *chefălui* 'кутить, гулять, пировать, веселиться', *a se* ~ 'выпивать', *chefuitór*

'гуляка, кутила', диал. (арум.) *k'ef* 'юмор', (куц.-вл.) κεφε 'хорошее настроение; аппетит, желание'; алб. *qejf*, диал. (чамское) *k'ejf*, (Лекурэси) *k'ef*, (Душмани) *ćef(t)* 'удовольствие; удовлетворение, радость; желание, охота; настроение, самочувствие', диал. (Лекурэси) 'аппетит'; н.-греч. κέφι, диал. (Адрианополь) κέφ' 'удовольствие, хорошее настроение; радость, веселость'; евр.-исп. (Битоль) *kyef* 'забава, развлечение, приятное времяпрепровождение'.

В этимологических работах объясняется как заимствование из тур. *keyif* || *kef*, и даже *kehif*, хотя в современном турецком языке существует только форма *keyif*, других форм в литературном языке нет. В основном здесь две группы заимствований. Первую группу составляют те заимствования, в которых сохраняется турецкий дифтонг *-ey-*. Все они заимствованы из (ср.-) тур. *keyif*. Другую группу составляют те заимствования, в которых турецкий дифтонг *-ey-* изменился в *-e-*. Источником заимствования для них является ср.-тур. диал. **kēf*, засвидетельствованное до сих пор в турецких говорах на Балканах, ср.: (Казанлык — Болгария) *kēf* (AOH VIII 1958 174) и с изменением *-ey-* ≥ *-ī-*: (Кочиок — Бухарест) *kīf* (MIO VII 1959 227).

Литература: Andriotis 101; Бакотић 1235; Berneker 499; Cioranescu 164; Klaić RSR 229; Lokotsch 1007; Miklosich TE 35, 107; Miklosich 114; Nikolaïdos 213; Ronzevalle ET 437; Škaljić TBH I 160; Tiktin I 332; Valjavac RJA II 127.

СОКРАЩЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Дмитриев ДАН — Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию. — «Доклады АН СССР», серия В, 1928 г.: I, стр. 17—22, II, стр. 268—275; 1929 г.: III, стр. 89—95, IV, стр. 103—108.

Елезовић РКМД — Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта I—II. Београд, 1932—1936.

Поповић ТИР — Ђ. Поповић. Турске и друге источанске речи у нашем језику. Грађа за велики српски речник. («Гласник Српског ученог друштва» 59). Београд, 1884.

Arg. — A. Bombaci. La «Regola del parlare turcho» di Filipo Argenti. Napoli, 1938,

Grews RJE — C. M. Crews. Recherches sur le Judéo-Espagnol dans les pays balkaniques. Paris, 1935.

Dern. — Dernschwam. Tagbuch einer Reise nach Konstantinopel und Kleinasien (Babinger's Ausgabe). München—Leipzig, 1923.

Fer. — A. Bombaci. Padre Pietro Ferraguto e la sua Grammatica turca. Publ. Istit. Univ. Orient. di Napoli, Annali, N. S. I, 1940, стр. 205—236.

Georg. — W. Heffening. Die türkischen Transkriptionstexte des Bartholomaeus Georgievits. — Abh. DMG XXII, 2, 1942.

KD — A. Zajączkowski. Studja nad językiem staroosmańskim, I. Wybrane ustępy z anatolijsko-tureckiego przekładu Kalili i Dimny (=«Prace Polskiej Komisji Orientalistycznej PAN», 17). Kraków, 1934.

Klaić RSR — B. Klaić. Rječnik stranih riječi, izraza i kratica. Zagreb, 1958.

Marinković — L. K. Marinkovitch. Vocabulaire des mots persans, arabes et turcs introduits dans la langue serbe. «Verhandlungen des 5. Internationalen Orientalisten-Congresses gehalten zu Berlin im September 1881», 2. Teil, 2. Hälfte. Berlin, 1882, стр. 299—332.

Miklosich TE — F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den süd-ost- und ost-europäischen Sprachen (Griechisch, Albanisch, Rumunisch, Bulgarisch, Serbisch, Russisch, Polnisch). — «Denkschriften der k. k. Akademie der Wissenschaften in Wien», philos.-hist. Classe, XXXIV—XXXV, 1884—1885; XXXVII—XXXVIII, 1887—1888.

Mühl. — K. Foy. Die ältesten romanischen Transcriptionstexte in gothischen Lettern. — «Mitteilung des Seminars für

orientalische Sprache» IV, Berlin—Stuttgart. 1901, стр. 230—277; V. Berlin, 1902, стр. 233—293.

Nikolaïdos EL — K. Νικολαΐδος. Ἐτυμολογικὸν λεξικὸν τῆς κουτσοβλαχικῆς γλώσσης. Ἀθῆναι, 1909.

Ronzevalle ET — P. L. Ronzevalle, S. J. Les emprunts turcs dans le grec vulgaire de Roumélie et spécialement d'Andrinople. — JA, Xᵉ sér., XVIII, 1911, стр. 69—106, 257—336, 405—462.

Sul. — A. Zajączkowski. List turecki Sulejmana I do Zygmunta Augusta w ówczesnej transkrypcji i tłumaczeniu polskim, z r. 1551. — RO XII, 1936, стр. 91—118.

SV — M. Mansuroğlu. Sultan Veled'in türkçe manzumeleri, I—II. İstanbul, 1958.

Škaljić TBH — A. Škaljić. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, I—II. Sarajevo, 1957.

Triandaphyllidis LMV — M. A. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärliteratur. Strassburg, 1909.

В. А. Меркулова

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

1. Методика этимологического исследования многообразна и определяется конкретными задачами, которые ставит перед исследователем анализируемое слово. Этимологизация определенной группы лексики отличается от этимологизации другой группы методическими приемами, вытекающими из особенностей построения самой группы. Так, народные названия растений (послужившие материалом для данной работы) образуют сложную совокупность, определенным образом организованную. Особенность этой организации заключается в наслаивающихся друг на друга микрополях с небольшим количеством единиц в каждом поле[1]. Отношения элементов внутри каждого поля различны, основаны на принципах равноправия, подчиненности или производности. Характер построения микрополей и выделение входящих в них единиц значительно отличается от принципов построения научной ботанической номенклатуры. Вся совокупность лексических единиц, входящих в одно микрополе в масштабах всех говоров одного языка, образует группу названий. Характерная черта каждой такой группы — повторяющиеся, устойчивые, типичные этимологические признаки для членов данной группы. Поэтому при этимологизации названия растения один из приемов проверки вероятности выдвигаемой гипотезы — соответствие избранного этимологического признака типичному признаку или признакам той группы, в которую входит данное название.

Особенности народных названий растений наглядно выявляются при сравнении их с научной ботанической номенклатурой. Терминологичность научной речи выражается в первую очередь в одноодпозначности. Народные названия растений характеризуются разной степенью терминологичности. Если названия культурных растений отличаются подчас даже большей детализацией, чем научная номенклатура, то названиям дикорастущих свойственна бо́льшая обобщенность и неопределенность.

---

[1] Ср. анализ микрополей в статье Н. И. Толстого, открывающий новые возможности для этимологии: Н. И. Толстой. Из опытов типологии славянского словарного состава. — ВЯ 1963, № 1, стр. 29—45.

Выявление микрополей в названиях растений можно пояснить на примере. Единицы значения условно выражены при помощи научной латинской терминологии как наиболее точно соотносимой с реальными предметами. Пользуясь такими единицами, мы обнаружим, что в границах говоров русского языка слова *сит*, *сита́* значат Juncus, Scirpus, Phragmites, Heleocharis; *треста́*, *троста́* — Phragmites, Typha, Scirpus; *рого́з*, *рогоза́* — Typha, Scirpus; *камы́ш* — Juncus, Scirpus, Typha и т. д. Совокупность значений этих слов ограничена: Typha, Phragmites, Scirpus, Juncus, Heleocharis. Эти значения образуют одно семантическое микрополе, которому в каждом конкретном говоре соответствует от одной до пяти лексем. К сожалению, современные лексикографические труды не содержат данных, которые давали бы возможность определить характер и отношение единиц конкретных микрополей для отдельных говоров. Единственное, что можно установить на основании печатных источников, это границы микрополя, совокупность составляющих его значений и список лексем, выражающих эти значения по всем говорам. Такой список образует группу имен, входящих в данное микрополе [2]. Так, для описанного выше микрополя этот список состоит из следующих лексем: *сит (сита́, си́тник)*, *рого́з (рогоза́)*, *треста́ (троста́*, *тресть*, *трость*, *тростни́к)*, *па́лки (па́лочник)*, *напа́лочник*, *чернопа́лочник*, *очере́т*, *верете́льник*, *камы́ш*, *ча́кан*, *куга́*, *бала́ш*, *лещу́к*, *пра́стечки*, *ка́ржла*, *ха́ньга*. Для данной группы (исключая заимствования) характерна следующая семантическая модель: 'плести' → 'название растения'. Эта модель типична не только для одного говора, но для целой группы языков:

'плести, вить, гнуть'	'растения, употребляемые для плетения: Juncus, Scirpus, Typha и др.'	'нечто сплетенное'
и.-е. *_sei-_, *_si-_ лит. _saistyti_	слав. *_sitъ_, *_sita_	лит. _saitas_ слав. *_sito_, *_sidlo_, *_sětь_
и.-е. *_k^{u}er-_ др.-инд. _kr̥ṇátti_, _cr̥táti_	слав. *_čertъ_, *_obcertъ_	др.-инд. _káṭaḥ_ греч. κόρτος, κάρταλος, κορτίᾱ и др.
лит. _regzti_	лат. _restis_, англосакс. _resc_	лит. _regztis_
	слав. *_rozga_, *_rogozъ_ (?)	лат. _restis_
и.-е. *_ned-_, *_nod-_	др.-инд. _nada-ḥ_, н.-перс. _nai_ лит. _néndrė_	

[2] Пример того, насколько народная группировка по микрополям отличается от научной систематики, можно видеть в том, что названные растения с точки зрения ботаники принадлежат к разным семействам.

лат. *scirpare*	лат. *scirpus*	
и.-е. **sner-*	греч. νάρθηξ	нем. *Schnur*

Для микрополя Angelica silvestris, Angelica archangelica, Aegopodium podagraria, Heracleum sibiricum, Anthriscus silvestris, Pastinaca, Chaerophyllum bulbosum типична модель 'стебель, дудка'→'название растения':

'ствол, стебель, дудка'	'название растения Angelica Heracleum и др.'
ствол	*ствóлья*
будыль	*будылья*
дудка	*дудка, дудки*
фин. *putki*	фин. *putki*,
нем. *Stengel*	нем. *Stengel*
нем. *Tuten*	нем. *Tuten*

Выявление закономерностей в рамках группы, подтверждая не случайность, а типичность наименования, нередко служит проверкой правильности этимологии.

Примером такой проверки может служить анализ слова *жерýха*. Так называется несколько сходных и близкородственных растений в восточнославянских и западнославянских языках. В русском и украинском это название Roripa, Lepidium и Cardamine, в чешском и словацком — Lepidium и Cardamine, в польском — Cardamine; русск. *жерýха*, укр. *жеруха*, *режуха*, чеш. *řeřicha*, слвц. *žerucha*, *žerušica*, польск. *żerzucha*, *rzeżucha*, н.-луж. *žeruš*, *žoruš*.

В южнославянских языках слово *жерýха* отсутствует, а растения эти называются *горýха*: болг. *горуха*, хорв. *gorušica*[3]. В большинстве этимологических словарей славянских языков слово *жерýха* не анализируется. Махек связывает это слово с чешским глаголом *žrati* 'разъедать'[4], в «Варшавском словаре» делается предположение о связи слова *жерýха* с корнями *żer-* или *żeg-*[5]. Нам кажется правдоподобной мысль о связи слова *жерýха* с вариантом праславянского корня **gor-* / **žer-* 'гореть'. Такая ступень корня с близкими значениями отражена в слове **žeravъjь* 'раскаленный, горящий', слвц. *žeravý* 'жгучий'[6], словен. *žerâvica* 'изжога'.

Для группы названий, в которую входит слово *жерýха*, типична следующая модель: 'горький, нечто горькое, жгучее' → 'название растения'.

---

[3] RJA 10, стр. 296.
[4] V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 60—61.
[5] Karłowicz—Kryński—Niedźwiecki V, стр. 820.
[6] Isačenko II, стр. 815.

'горький, нечто горькое'	'название растения'
праслав. **gor-*	**goruxa*
праслав. **gorькъjь*	**gorьčica*
русск. *горький*	*горькýшник*
русск. *свербеть*	*свербúга*
укр. *перец*	*перечниця*
укр. *хрін*	*хрініця*
укр. *гірчити*	*гірчак*
польск. *gorczyca*	*gorczycznik*
польск. *pieprz*	*pieprzyca*

Предположение, что растение этой группы — *жерýха* — называется горьким, жгучим (**gor-*/**žer-*), не противоречит общим соотношениям. Формально интересна вариантность корня при единстве модели **goruxa*, **žeruxa*, географически распределенная по славянским языкам следующим образом: восточнославянские и западнославянские языки — *жерýха*, южнославянские — *горýха*.

2. Не только знание типичной семантической модели рассматриваемой группы, но и знание характера построения семантического поля, в которое вхóдит данная лексема, чрезвычайно важно для этимологического анализа. Определение места лексемы в этом поле — задача некоторых, иногда уже решенных, этимологий. Так, происхождение слова *пырéй* установлено давно: оно восходит к старому индоевропейскому наименованию пшеницы — греч. *πυρός*, лит. *purai*. В старославянском языке слово *пыро* значило 'полба' (один из видов пшеницы — Triticum spelta), это же значение сохранилось в сербском и словенском языках: серб. *пӣр*, словен. *pîr*, *pîra*. В западнославянских и восточнославянских языках *пыреем* называют сорное растение (тоже один из видов пшеницы — Triticum repens). Однокоренные слова в древнепрусском и англосаксонском языках тоже выступают как названия сорняков: др.-прусск. *pure* 'костер', англосакс. *fyrs* 'пырей'.

Этот странный на первый взгляд перенос названия имеет объяснение. Слово *пырéй* из **pyrьjь* по форме есть прилагательное, образованное с суффиксом *-ьjь* от существительного *пыро*, сохранившегося лишь в части языков. Ту же производность форм можно наблюдать и в западнославянских языках: польск. *perz* из **pyrь* или **pyrjь* с суффиксами прилагательных *-ь* или *-jь*: аналогичное образование в чеш. *pyř*; блр. *пырник* — производное с суффиксом *-ик* от основы имени прилагательного. Таким образом, в восточнославянских и западнославянских языках мы имеем не основное, а производное слово, значение которого может быть сформулировано как 'пшеничный, хлебный'.

Принцип построения одного из семантических полей в группе названий злаков — отношение зависимости, производности между названиями культурных растений и названиями сорняков.

Ср. *жито* — *житéц*; *рожь* — *ржанéц*; *овес* — *овсю́к*, *овсю́г*, *овсюгáн*[7]. Triticum repens — это сорняк, сходный с пшеницей и засоряющий пшеничные поля. В представленной схеме он занимает место производного слова, тогда как название культурного растения отсутствует: ø — *пырей*. Процесс замены старых названий культурных растений другими можно проследить на судьбе слов *жито*, *рожь*, *ячмень* в славянских языках. Словообразовательная структура слова *пырей* и его место в схеме предполагают не перенос названия с культурного растения на сорное, а утрату в восточнославянских и западнославянских языках старого названия пшеницы или вида ее: **pyro*.

3. Нередки случаи, когда возникает необходимость выяснить первичные признаки для данного понятия, при этом особенно любопытны типологические схождения. Народные названия растений можно подразделить на две части: одни из них устойчивы на обширной территории, имеют незначительное число синонимов или не имеют их вовсе (ср. такие слова, как *крапива*, *щавель*, *лебеда*, *хвощ*, *папороть*), другие, напротив, очень неустойчивы, имеют огромное количество синонимов (50—100). Именно для последних характерно наличие определенной семантической модели, которая постоянно воспроизводится во времени и пространстве. Ср. например, названия Nuphar luteum и Nymphaea alba в славянских языках, где постоянно повторяется модель: 'название сосуда' → 'название растения': русск. *кубышка*, *кубышки*, *кувшинцы*, *кувшинки*; блр. *горлачики*, *жбанки*; укр. *збанок*, *збаночки*, *глечики*. Или названия мальвы с повторяющейся моделью: 'хлеб, печенье' → 'название растения'; ср. русск. *проскурка*, *проскурник*, *просвирки*, *просвирняк*, *калачики*, *пышечник*, *пышечка*, *пряничник*, *лепешник*, *плюшки*; чеш. *chlebík*, *chlebiček*, *pecenek*, *pagačky*, *kolačiky*. Та же повторяемость наблюдается и в названиях многих лекарственных растений, где в основу наименования положены не характерные особенности формы, а лекарственные свойства растения, характер их воздействия на человека. Выяснение типичной семантической модели для такого рода наименований может дать ключ к возможному этимологическому решению.

Мне кажется, что этот прием может быть применен для анализа слова *рдест*. *Рдест* — это обобщающее название для различных видов Potamogeton и Polygonum: русск. *рдест* (по-видимому, заимствование из польского); укр. *deresen*, *deres*, *drjasen*; польск. *rdest*, *grdes*, *derdes*, *dredeśnik*; чеш. *rdesno*, *rdest*, *hrdesen*, *rdesen*, *dresnek*; серб. *hrdeselj*, *rdesen*, *rdesalj*, *dresan*, *dresen*, *dreslin*;

[7] Даль III, 1684: *ржанец* — Phleum pratense, Alopecurus, Festuca и др.; II, стр. 1353: *житняк*, *житец* — Bromus secalinus; III, стр. 1647: *овсюк*, *овесец* — Bromus secalinus, Avena pubescens.

словен. *rdêsəlj*, *rdêsen*; в.-луж. *drost*, *drěst*; н.-луж. *drest* [8]. Вариантность форм слова многообразна и очевидна перестановка начальных согласных. Фасмер восстанавливает как возможную праславянскую форму **rъdъstъ*, предлагая, что русские и украинские примеры заимствованы из польского [9]. В отношении последнего это малоправдоподобно, потому что украинские формы не совпадают с польскими. Далее Фасмер сближает **rъdъstъ* с **rъděti*, **rъdja*. Можно предложить и другое объяснение. Фасмер, как и его предшественники (Миклошич, Мука, Брюкнер), исходит из формы **rděstъ* как основной, считая форму **drěstъ* вторичной. Махек, напротив, считает **rděstъ* производным от **drěstъ*, но последняя для него лишь этап эволюции из **nerstъ* [10]. Если не предполагать столь сложных преобразований слова, можно исходить из вариантов с начальным *d*, так как эти формы представлены шире по славянским языкам (ср. приведенные выше примеры). Мы вправе восстановить следующие праславянские формы: **dersьnъ*, **drěsьnъ*, **derstъ*, **drěstъ*, с позднейшей метатезой **drěstъ* > **rděstъ*. Формы с *-n-*, возможно, как предполагает и Махек, по происхождению субстантивированное прилагательное из словосочетания **drěstьno bylьje*. Ср. аналогичные образования названий лекарственных растений от наименования болезни: *урок—урочная трава; ураз—уразная трава*, *усов—усовная трава; жаба—жабная трава* и др.

Повсеместное использование корня Polygonum bistorta L. в качестве лекарства от расстройства желудка привело к образованию устойчиво повторяющихся названий этого растения по его употреблению: *завязный корень*, *завязник*, *животный корень*, *жолуничный корень* (из желудничный), *мутовое коренье* (ср. *мыт* 'понос'), *черевная трава* (*черевуха* 'понос'), *червунник* [11]. Ср. еще сербские названия того же растения: *прдељ*, *желудњак* [12] и *дриставец*; кроме того, украинские *drestun*, *drystun* то же [13]. Формальные трудности, вызванные предположением об образовании от глагола **dristati* форм с иным вокализмом, могут быть сняты параллельными балтийскими образованиями. Ср. лит. *dergti*, *derkti* 'гадить' наряду с *drėgti*, *drėkti* [14].

---

[8] S. Makowiecki. Słownik botaniczny łacińsko-małoruski. Kraków, 1936, стр. 284, 286, 290; Д. Симоновић. Ботанички речник. Београд, 1959, стр. 369; V. Machek. Указ. соч., стр. 86.

[9] Vasmer II, стр. 499.

[10] Machek, стр. 86.

[11] Н. Анненков. Ботанический словарь. М., 1859, стр. 263—264; В. М. Миртов. Донской словарь. Ростов н/Д., 1929, стр. 381; Б. А. Моисеев. Словарный состав говора с. Саратовки Соль-Илецкого района Чкаловской обл. Канд. дисс., рукопись. М., 1955, стр. 64.

[12] Симоновић. Указ. соч. стр. 369, 374.

[13] Makowiecki. Указ. соч., стр. 284—285.

[14] Pokorny, стр. 256.

4. Не всегда знание закономерностей организации лексических групп слов или семантических полей, в которые входит слово, оказывается достаточным для его этимологии. Нередко возникает необходимость семантической реконструкции. Абсолютная семантическая реконструкция невозможна, но относительная реконструкция развития значений слова не только необходима, но и постоянно производится этимологами при сопоставлении с элементами других языков. Многочисленные случаи утраты первичных значений и сохранение лишь второстепенных производных без реконструкции этих первичных лишало бы этимолога доказательств с точки зрения семантики. Возможности такой реконструкции содержатся в анализе памятников, фиксирующих изменения значения слова, в анализе фразеологических сочетаний, значений родственных слов и сопоставлениях с элементами этимологически родственными в том же языке.

Небольшой иллюстрацией может служить этимология слова *сурéпка*. Суренкой в говорах восточнославянских языков называют большое число сорных крестоцветных растений, внешне очень похожих друг на друга (это в первую очередь Barbarea vulgaris L., Sinapis arvensis L., Raphanus raphanistrum L., Bunias orientalis и др.). В пределах восточнославянских языков слово *сурепка* выступает в следующих вариантах: *сурéпа*, *сурéпка*, *сурéпица*, *свирéпа*, *свирéпка*, *свирéпица*. В польском языке *świerzop* м. р., *świerzopa* ж. р. имеют то же значение, что и названные выше восточнославянские формы. В чешском языке словом *sveřep* называют злостные сорняки, но не семейства крестоцветных, а семейства злаковых: Bromus, Festuca и др. Памятники старославянского языка сохраняют слово свѣрѣпица тоже в значении 'сорняк:' «Ихъ же (плевелъ) различни видове: кꙋколе, свѣрепица, сѣн'ца» (Феоф. Толк. Ев.; Срезн. III, 270).

Реконструированное для праслав. *sverěpъ,-a* (с деминутивами *-ъka*, *-ica*) 'название сорного растения' в формальном отношении естественно встает в зависимость от прилагательного *sverěpъ*, *-a*, *-o*, являясь его субстантивированной формой. Памятники показывают, что слово *sverěpъ* имело наряду с другими значениями и значение 'дикий, сорный'. Ср. у Срезневского пример из Жития Феодора: «Бѣ грызꙋще былие сверѣпое и пьюще водꙋ морскꙋю» (Срезн. III, 23), греч. ἀγριελαία калькировалось на славянский словом сверѣпомаслина (Срезн. III, 271), то же значение сохранилось и в современном польск. *rzodkiew świerzepa* 'дикая редька'.

Таким образом, современные слова *свирéпка*, *свирéпица* сохраняют старое значение прилагательного *свирепый* 'дикорастущий, сорный' и значат, собственно, 'сорняк, дикарь'. Ср. сербское название сурепки — *дйчак*. Вариант слова *сурéпка*, *сурéпица* (только в русском) объясняется наличием в русских говорах формы *сурéпый* с тем же значением, что и *свирепый*.

Само слово *свирéпый* не имеет единой и ясной этимологии. Фортунатов и Миклошич сопоставляли его с лит. *šiurpti*, *šiurpstu* 'содрогаться'[15], Шмидт — с лит. *sarpālius* 'драчливый петух'[16]. Младенов, более детально проведя анализ форм, связывает это славянское слово с большим числом балтийских и германских слов в значении 'тяжелый'[17]. Фасмер воздерживается от признания какой-либо из названных этимологий[18]. Оригинальную гипотезу выдвигает Махек, анализируя слово *свирепый* как сложение **sve-* (вариант к **svojь*) и корня **rĕp-* 'хватать, цеплять'. Ср. лит. *aprépti*, слав. *репéй*. Он справедливо опирается на первоначальное значение 'дикорастущий'[19]; некоторое сомнение вызывает лишь придаваемое корню **rĕp-* значение 'укореняться, приживаться'.

Формальное членение слова сводится к следующему: **sver-ĕp-*. Образование с этим суффиксом приводит Младенов: чеш. *skořepa* 'скорлупа'. Суффикс редкий и, возможно, экспрессивный. Ср. еще укр. *мазéпа* 'грязнуля', *дурéпа* 'дуреха'[20]. В Пермско-Вятской группе русских говоров в абсолютно том же значении слово *свирéпый* выступает с иной огласовкой корня — *сурéпый*[21]. С той же ступенью корня, но с иным суффиксальным оформлением мы находим слово в псковско-тверских говорах: *свирю́щий* (значение то же)[22]. Суффикс *-ущ* (*'ущ*) как усилительный выступает в отношениях слов: *злой—злющий*, *большой — большущий*. Огласовка корня *сур-*, которая вряд ли случайна, позволяет искать родственные формы с этим корнем. Таково слово *суровый*, представленное во всех славянских языках (польск. *surowy*, чеш. *surový*, н.-луж. *surowy*, болг. *сурав*, *суров*, с.-хорв. *сy̑ров*). Слова *суровый* и *свирепый*, близкие по значению в современных литературных языках, в памятниках выступают в совершенно идентичном значении — 'дикий, жестокий, яростный', они оба служат переводом греч. ἀγρίως. Например: съмьрти же лютѣи соуровьно мьстьць прѣдалъ ѥсть (Мин. 1093 г. 162; Срезн. III, 626).

Если возможно тождество слов *свирепый* и *суровый* со стороны формы (**sur-/*sver-*), то определенные связи должны быть и с родственным слову *суро́вый* словом *сыро́й*. Можно условно восстановить схему развития значений слов *суровый—сырой* в сла-

---

15 Ph. Fortunatov. Lituanica. — BB III, 1879, стр. 71; Миклошич, стр. 330.

16 I. Schmidt. Zur Geschichte des indogermanisches Vokalismus, Weimar, 1871—1875, стр. 67.

17 Младенов, стр. 572.

18 Vasmer II, стр. 594.

19 Machek, стр. 488, 433.

20 Гринченко I, стр. 456; II, стр. 396.

21 Даль IV, стр. 66.

22 Там же.

вянских языках и выявить их совпадение со значениями слова *свирепый*. Основным и первичным значением для первых двух было 'мокрый, влажный'. С этим значением слова **syrъ*, **syrovъ* выступают в восточнославянских, чешском, сербском и словенском языках. В том же значении слово **surovъ* отмечено в западнославянских и болгарском. В русском слово *суровый* утратило значение 'мокрый, влажный'; оно уцелело лишь в производных словах — названиях низин, болот: *суроток*[23] 'сырая моховина', *сýрошка* 'низина'[24]. Второе значение слов **syrъ*, **surovъ* — 'свежий, зеленый, незасохший', как антоним к *сухой* 'засохший'. Это значение отражено в памятниках старославянских и древнерусских и в южнославянских языках. Ср. Сѹшит древеса и оукладает травѹ соуровоу (о саранче) (Георг. Писид. Похв. Бог.); В сырѣ дрѣвеси[25]. Ср. хорв. *sirovo granje, trava suha i sirova*[26]; то же в сербском. В значении 'свежеть', 'цвести' употреблялся глагол сырѣти: «Срцю же веселящюся лице сырѣеть» (Панд. Ант. XI в. о. 268)[27]. Возможно, что то же значение — 'свежий, здоровый' — представлено и корнем **sver-*. *Свережий, сверюжий* 'здоровый, видный'[28]. Мне думается, что Фасмер неправ, предполагая, что *сверёжий* это контаминация слов *тверёзый* и *свежий*. Этому противоречат широта распространения слова (Арх., Вят., Влад., Пск., Твер., Сарат.) и необычность такой контаминации. В словах *сверёжий, сверюжий* выступают экспрессивные суффиксы *-ег, -уг* (*'уг*), так же как и в слове *свирепый, свирибый*.

Третье значение для слов **syrъ*, **surovъ* — 'необработанный, невыделанный, невареный' — представлено во всех славянских языках. Из значения 'необработанный' легко могло развиться значение 'дикорастущий, грубый'. Ср. русск. *суровец* Filago arvensis и целую группу названий растений, рассмотренных выше.

Здесь происходит изменение соотношений. Если вначале выступали последовательно две основы — **syr-* и **surov-*, а основа **sver-* находилась на периферии и только перекликалась с ними, то теперь основа **syr-* останавливается в своем развитии, а основы **sver-* и **surov-* сближаются и развивают несколько производных оценочных значений, внешне как бы ан-

---

[23] Даль IV, стр. 643 с пометой *арх.*

[24] Подвысоцкий, стр. 168.

[25] Срезневский III, стр. 626, 877.

[26] Iveković — Broz II, стр. 402.

[27] Срезневский III, стр. 877. — Может быть, в старых устойчивых словосочетаниях *сыр-бор* и *мать-сыра земля* прилагательное *сыр* несет именно это значение? *Сыр-бор* в значении 'зеленый бор, не засохший на корню', а земля *сырая*, т. е. 'свежая, зеленая, цветущая, не сухая, не бесплодная'. Торжественная ритуальность обращения к матери-земле противоречит современному значению слова *сырой*.

[28] Даль IV, стр. 56.

тонимичных, а на самом деле связанных[29]. С одной стороны *суро́вый*, *свире́пый*, *сурепый* 'дикий, жестокий, яростный', а с другой — *суро́вый*, *свире́пый*, *свирющий* 'страстный, горячий, бойкий, шаловливый' (но ср. русск. диал. *злой* 'усердный, страстный'; *лютый* 'проворный, резвый, охочий, склонный'[30]). Первое значение характерно для всех славянских языков в оценке качеств не только человека, но и животного. Ср. польск. *świerzopa* 'необъезженная лошадь' и русск. *суро́вый* 'бешеный, с норовом, с уросом (о лошади)'. Второе значение зафиксировано лишь в памятниках и широко в русских говорах: «свер҄ѣпое дѹши» 'страстность' (Никон. Панд. сл. 30)[31], русск. диал. *суро́вый* 'шаловливый, резвый, бойкий', *суро́виться* 'шалить' и *сверёжий*, *сверю́жий* 'бойкий, резвый'[32].

Отсутствие в славянских языках реконструированного для слова *свирепый* первичного значения 'мокрый, влажный' не должно лишать эту этимологию доказательности, точно так же как утрата в восточнославянских языках словом *суровый* значения 'влажный' не мешает нам считать его тесно связанным со словом *сырой*. Современные значения слов *суровый* и *свирепый* — оценочного характера, как бы давно они не возникли, вторичны и должны рассматриваться в качестве производных.

5. Как доказательство в этимологии постоянно используется аналогия как формальная, так и семантическая. С точки зрения семантики это аналогии устойчивых семантических переходов. Развитие семантически близких гнезд слов идет сходными, но не абсолютно идентичными путями, иначе это привело бы к тавтологии или к образованию большого числа абсолютных синонимов. Возможности дальнейшего развития заключены потенциально в семантике каждого слова, но эти возможности не всегда осуществляются.

В качестве примера можно привести несколько устойчивых связей значений, если брать за исходные значения 'сок'—'мочить'; 'сок'—'выжимать сок'; 'сок'—'сочный, мокрый', 'мочить'; 'мочить'—'квасить'; 'квасить'—'кислый'; 'кислый'—'тухлый'; 'тухлый'—'брезговать'. Эти отношения могут осуществляться в рамках одного слова, в пределах целого гнезда слов и нескольких гнезд. Так, отношения 'сок'—'выжимать сок' ср. в связях русск. *сок—сочи́ть* 'подрезать дерево, чтобы из него вытекала смола, сок'; серб. *кљук* 'виноградный сок'—*кљукати* 'выжимать сок'. Отношения 'мочить'—'тухнуть' ср. серб. *kišati se* 'испортиться, сгнить' (при *kiša* 'дождь'). Отправная точка семантического

[29] Пример аналогичного развития значений см. в лат. *crudus* 'сырой, невареный, необработанный' и 'грубый, суровый, строгий'.
[30] Опыт, стр. 70, 108.
[31] Срезневский III, стр. 281.
[32] Даль IV, стр. 641, 642.

развития может находиться в любом пункте. Для этимологии важно следующее: предполагая одно из значений, мы должны в качестве подтверждения найти хотя бы одно из связанных с ним значений. Предполагая для *x* значение 'сок', мы обязаны найти родственное ему слово со значениями или 'выжимать сок', или 'мокрый, сочный, мочить'. Семантический параллелизм — одно из существенных доказательств в этимологии.

Этимология слова *щавéль* встречает формальные трудности главным образом потому, что приходится признать для славянских языков, наряду со словом **sokъ* 'сок из растений', вариант корня **sъk-* с тем же значением. Именно это обстоятельство удерживает Фасмера от признания неоднократно уже выдвигавшейся этимологии (Потебня, Брандт, Ильинский). Брандт строит следующую схему: **sъkъ* 'сок'; **sъčь* ед. ч., **sъči* мн. ч. 'кислый суп'; **sъčavъ* / **sъčavь* 'кислота, кислая жидкость, кислое растение'; **sъčavьnъ* 'кислый' [33].

Для слова *щавéль* мы находим параллельные образования: 'сок'—'выжимать сок'. Ср. чеш. *šťava* 'сок' и укр. *щавити*, *чавити* 'жать, давить, выжимать сок' [34], русск. костр. *защавить* 'придавить' [35].

Со стороны формы известно, что сочетание *sъč-* в славянских языках упрощалось в *šč*, а затем в ряде языков в *č* или *š*. Именно этот процесс типичен для слов *щавель* и *щавить*. Ср. русск. диал. *чувéль* [36] и вариант глагола *щавити* — *чавити*, *вычавити* 'выжать, выдавить' [37]. Слова с этимологическим корнем **sok-* иногда дают сходную картину развития: **sočevica* > *čečevica* > *čevica* (результаты ассимиляции и упрощения). В большинстве говоров *щавель* как общее название растения Rumex L. противопоставлено названию одного из видов этого растения — *конский щавель*. Ср. *щавель* и *конский*, *коневий*, *конюшиный щавель*; *ки́слица* (= щавель)—*ки́слица коня́вья*. В вологодско-архангельских русских говорах во втором компоненте этой пары выступает название *кони́нный*, *кобылий сцец*, *счец*, *счеч* [38]. Это слово может быть реконструировано как **sъčьсь*. Явление цоканья, по-видимому, задержало процесс ассимиляции *šč*. Название щавеля выступает в ином оформлении — **sъčьсь* как вариант **sъčavъ*.

---

[33] Р. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича.—РФВ XXIV, 1891, стр. 164.

[34] Гринченко IV, стр. 522, 442.

[35] Опыт, стр. 69.

[36] Е. М. Иссерлин. Говоры Пензенской области. Канд. дисс., рукопись. Л., 1945, стр. 162.

[37] Гринченко I, стр. 199.

[38] Г. Н. Потанин. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — Ж. ст., год девятый, 1899; собственные наблюдения автора в говорах Виноградовского и Красноборского районов Архангельской области.

Если формальная сторона этимологии находит себе подтверждение в ряде примеров[39], то и со стороны развития значения данная этимология достаточно доказательна. Предполагая для слова *щавель* значение 'растение с кислым соком', мы находим подтверждение этому в значениях родственных слов: чеш. *šťava*, слвц. *šťava* 'сок', болг. *щава* 'кислота, жидкость для дубления', с.-хорв. *штава* то же, польск. *szczawa* 'углекислая вода'. Дополнительным аргументом в пользу именно такого развития значений служит и второе название щавеля — *ки́слица*, имеющее столь же широкое распространение в славянских языках. Ср. еще укр. *квасец* 'щавель'[40].

6. Лексика названий растений номинативна по своей природе и тесно связана с реальной действительностью. О чем бы ни шла речь — о типичной семантической модели для названий данного растения или целой группы, о положении единиц в микрополе, о типичных связях значения — все это отражение реальных свойств растений: их формы, цвета, вкуса, характера цветения, их употребления и т. д. Без знания этих свойств нередко невозможно разумно построить этимологию названия. Приведу несколько примеров.

Географические границы слова *купы́рь* — русские говоры к югу и востоку от Москвы и говоры Поволжья[41].

Слово выступает как название целого ряда растений семейства зонтичных, в первую очередь Anthriscus silvestris L.

Членение слова на морфемы может быть проведено следующим образом: *куп-* — корень, *-ырь* — суффикс (ср. *пупы́рь*, *волды́рь*, *мизги́рь* и др.). Идентификация корня без обращения к реальным свойствам растения представляется затруднительной. В ряде говоров Anthriscus silvestris L. носит названия, характеризующие его как пахучее растение. Ср. *вню́чка*[42], *воня́вка*[43], «купыр'и́ как маркви́, а св'е́рху ван'у́ч'ии»[44]. Если предположить, что и в данном случае растение названо по этой

---

39 Об отношениях *соч-/-щав*: О. Н. Трубачев. Несколько русских этимологий. — «Этимологические исследования по русскому языку» III. М., 1961, стр. 50.

40 Гринченко II, стр. 230.

41 В. М. Миртов. Указ. соч., стр. 161; Б. А. Моисеев. Указ. соч., стр. 64; Ю. Т. Листрова. Говор с. Отскочного Дмитряшевского района Воронежской области. Канд. дисс., рукопись. Воронеж, 1953, стр. 35; М. П. Рожкова. Лексика говоров Романского района Ростовской области. Канд. дисс., рукопись. Л., 1954, стр. 34; Даль II, стр. 221; Н. Анненков. Простонародные названия русских растений. М., 1856, стр. 17. Ср. еще у Есенина: «В терем темный, в лес зеленый, на шелковы *купыри*. . .» (Сочинения, I, стр. 49).

42 Н. И. Анненков. Ботанический словарь, стр. 40.

43 В. Ф. Барашков. Русский говор северной части Карсовайского района Удмуртской АССР. Канд. дисс., рукопись. М., 1958, стр. 271.

44 Б. А. Моисеев. Указ. соч., стр. 64.

особенности, то становится возможным сопоставление корня *куп-* с лит. *kvėpėti* 'пахнуть', *kvapas* 'запах'.

Слова с корнем **ku̯ep-*, **ku̯əp-*, **kup-* в значении 'запах, чад' довольно многочисленны в индоевропейских языках, но наиболее последовательно представлены в балтийских. Думается, что славянские языки, кроме общепризнанных *копоть*, *коптить*, тоже могут дать значительный материал. Ср. названия пахучих и медоносных растений: *копёр* 'укроп' (из **koprъ*), *кипрéй* (из **koprějь*)[45] и анализируемое в этой статье *купы́рь* (из **kupyrь* или **kuprь*). В корне последнего слова может быть и этимологическое *о*, так как мена *о* > *у* в предударном слоге характерна для ряда русских говоров (ср. *будыль* < *бодыль*). В таком случае современное слово *купы́рь* может продолжать **kopyrь* или **koprь*[46].

Еще один пример непосредственной связи наименования с реальными свойствами растения — слово *чи́на*. *Чи́на* это научное литературное название одного из бобовых растений — Lathyrus tuberosus. Ни этимологические, ни толковые словари не сообщают сведений о происхождении этого слова. Известно, что при составлении научной терминологии ботаники широко пользовались диалектным и иноязычным материалом. В русских говорах слово *чи́на* не отмечено, но оно известно на территории Украины, откуда, вероятно, и попало в русскую научную речь[47].

Особенность этого растения заключается в том, что оно имеет усики и, только цепляясь ими за другие растения и предметы, способно расти. Если предположить, что именно это свойство послужило основой наименования, то слово *чи́на* можно связать с глаголом укр. *чiпити*, *чипати* 'цеплять'. Ср. русск. *чипаться* 'зацепляться'[48]. В этом глаголе исконное *i* < *ě*, так что можно восстановить **čěpa*, что на украинской почве могло дать только *чiна* (с меной *i*/*и* по диалектам). Аргументом в пользу высказанной этимологии служит и русское народное название чины — *вязи́ль* от *вяза́ться* 'цепляться'[49].

---

[45] Ф. Славский считает слово *кипрей* производным от глагола *кипеть* 'буйно расти' (Славский II, стр. 169). Но глагол *кипе́ть*, судя по некоторым примерам, мог значить и 'пахнуть'. Ср. муро благовонно кыпить нам (Срезневский II, стр. 1418: Мин. 1096 г.). Мысль о возможности такого значения высказывал еще Погодин (РФВ XXXIII, 1895, стр. 330).

[46] Вариант суффикса *-ylь*, *-yrь*, может быть, вторичного и позднейшего происхождения из первоначальных *-lь*, *-rь* и отражает вокализацию сочетания согласного с плавным с позиционной долготой в ударном слоге. Если это так, то в словах *копёр*, *кипрéй*, *купы́рь* — единое суффиксальное оформление при единстве производящего гнезда.

[47] Гринченко IV, стр. 462: чи́на — Lathyrus tuberosus.

[48] Дополнение к Опыту, стр. 300.

[49] Н. И. Анненков. Простонародные названия русских растений, стр. 53.

Значительную часть названий растений составляют слова, образованные путем метафорических переносов значений слова в результате омонимии. Это случаи, когда формальный анализ бессилен, а необходимо выяснение фольклорных, мифологических образов, легенд, элементов быта, стилистической, эмоциональной оценки предметов, животных, экспрессивной характеристики личных собственных имен. Ср., например, этимологии таких названий, как *иван-да-марья*, *материна душка*, *дедóвник*, *волчье лыко*, *разрыв-трава*, *пан*, *бык*, *козлы*, *васюхи*, *иванчики*, *дуни*, *анютины глазки* и мн. др. Анализ этой лексики очень сложен, потому что в большинстве своем мотивировка названия давно забыта, легенды искажены, а форма слова не содержит в себе стимулов для поисков. Примером связи названия растения с условиями быта может служить вологодско-новгородское название осота — *дедéник*. Г. Н. Потанин подробно описывает патриархальную организацию семьи, когда старик, глава семьи, не выделяя сыновей, единовластно управляет большой семьей и хозяйством. Он приводит пример, когда 120-летний дед управлял семьей в 30 взрослых человек. «Такое деспотическое воспитание, — пишет далее Потанин, — оставило по себе память в народном названии растения *дедовник* Cirsium, которое своими колючками кровавит руки жнецов. . .»[50]

Должна быть принята во внимание и та огромная роль экспрессивных суффиксов, какую они играют в народной речи. Разговорная речь по сравнению с письменной обладает значительно большей степенью эмоциональности. Суффиксы уменьшительности нередко выступают в роли словообразующих: ср. *лисички*, *иванчики*. Слово в говоре не обладает той устойчивой словообразовательной структурой, какая свойственна ему в литературном языке. Синонимика словообразовательных моделей, ее богатство, свобода в построении слов — одна из отличительнейших черт диалектного словообразования. Реконструируя слово в праславянском, мы должны неизбежно считаться с тем, что это был язык разговорный, т. е. обладавший теми же закономерностями, что и современные говоры. Вариантность словообразовательных моделей не всегда предполагает географическое распределение этих моделей, хотя и этот момент не исключен.

7. В связи с реконструкцией встает вопрос о географических границах слова. Степень распространенности слов различна, наряду со значительным общеславянским пластом каждый язык и каждый говор создают очень большой процент новообразований. Велико число слов узкоместных, локальных. Это соотношение в равной мере относится к разным эпохам. Поэтому при

---

[50] Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 171.

этимологизации слов, существование которых отделено от нашего времени несколькими столетиями, можно тоже говорить об узкоместных диалектизмах. Возможно, что именно так следует расценивать летописное *оушь*.

В Новгородской летописи есть фразы: «и ꙗдꙗху люди листъ липовъ... инии оушь, мъхъ, конину» (6636 г.); «иниже мъхъ ꙗдꙗху, оушь, сосну, кору липову» (6738 г.). Летописные сведения о съедобных растениях ничтожны, тем более любопытно загадочное *оушь* Новгородской летописи. Из текста ясно, что это — название съедобного растения. Слово *оушь* уже подвергалось этимологизации. Г. А. Ильинский сопоставил его с литовским названием чертополоха *usnìs*[51]. Один из видов осота или чертополоха (Cirsium oleraceum) действительно съедобен. Лтш. *usna*, лит. *usnė* Carduus, Cirsium, вариант *ušņi* прекрасно этимологизируются как производные от корня 'жечь, колоть' и имеют соответствия в слав. **vъšь*[52].

Ф. П. Филин, приводя варианты этого текста из других летописей, где слово *оушь* заменено на *оужь*, *оужовои дягиль*, *рекше стволъ* (Новороссийский и Тверской списки летописи), считает слово *оушь* вариантом *оужь* с оглушением конечного согласного, а последнее субстантивированным прилагательным *оужовъ*, «раньше бывшее определением к общеславянскому *дягиль*»[53].

Мне представляется возможной третья гипотеза, отнюдь не снимающая правдоподобности первых двух. Судя по текстам летописей, слово *оушь* было новгородским диалектизмом, в других списках оно было заменено на свои, понятные термины. Современные русские говоры на территории расселения древних новгородцев имеют слова *ушéвник* Menyanthes trifoliata L.[54], *ушкó* то же[55], *ушня́к* то же[56]. Как область распространения термина, так и его значение очень четки. Нельзя ли предположить, что в говорах сохраняется старое новгородское название Menyanthes trifoliata, лишь осложненное вторичной суффиксацией? Интересна фраза из Вологодской летописи: «вахту ѥли и траву», где называется то же растение.

Со словообразовательной точки зрения мне кажется возможным произвести слово *оушь* от *оухо*. Ср. *óброть* от *рот* и при-

---

[51] Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — ИОРЯС 23, I, 1918, стр. 170, 171.

[52] Vasmer III, стр. 198; K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca XXXVI. Rīga, 1929, стр. 309.

[53] Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1939, стр. 752.

[54] М. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. СПб., 1910, стр. 90.

[55] Н. Анненков. Ботанический словарь, стр. 215 (олонецкое).

[56] Куликовский, стр. 126.

лагательные этого типа в древнерусском: *орьль* от *орьлъ*, *говѧжь* от *говѧдо* и т. д. Слово *ухо* в значении 'лист растения' и как элемент названия растения представлено очень широко. Ср. только чеш.: *ušica*, *babí ucho*, *babské ucho*, *psí ucho*, *sviní ucho*, *volí ucho*[57]; польск. *uszyca*, *uszne liscie*[58]; русск. *медвежье ухо* 'ландыш'[59], *заячьи уши* 'ландыш' и, наконец, польск. *łanie uszko* как предполагаемый источник слова *ландыш*.

Что касается идентификации этого термина, то речь может идти только о двух растениях: Menyanthes trifoliata и Calla palustris, нередко носящих общее наименование. У того и другого растения съедобны корневища, может быть, поэтому они и не названы в тексте травою или былием.

---

[57] V. Machek. Česká a slovenská jména rostlin, стр. 218, 199, 83, 218, 219.

[58] Там же, стр. 262.

[59] Куликовский, стр. 54.

В. А. Меркулова

ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ ГРИБОВ

(Вопросы лингвистической реконструкции и реконструкции материальной культуры)

Восстановление истории развития материальной культуры осуществляется совместными усилиями археологии, истории, этнографии и лингвистики, сохраняя при этом, как и всякая реконструкция, гипотетический характер. В рассматриваемом аспекте каждая из названных наук имеет свои преимущества, но и свои ограничения, и лишь взаимно дополняя и контролируя свои выводы, они достигают наиболее эффективных результатов. В то же время есть такие вопросы истории материальной культуры, которые могут быть решены на основании лингвистических данных по преимуществу, тогда как сведения смежных наук оказываются менее доказательными. Восстановление отдельных элементов культуры по данным языка непосредственно связано с проблемой слова и вещи. В этом отношении в наиболее выгодных условиях находится лексика терминологическая, где связь слова и вещи особенно тесна; набор элементов и характер отношений между ними отражает степень понимания действительности на определенном этапе, показывает принципы выделения объектов и определения связей между ними.

Для реконструкции древнейших состояний в лингвистике используют разнообразную методику: а) выявление структуры построения разбираемой группы лексики, сопоставление нескольких синхронных, но не совмещенных географически структур, установление их отношения по степени архаичности [1]; б) анализ данной группы лексики в плане лингво-географическом, что позволяет установить территорию распространения отдельных лексических единиц и тем самым провести разграничение лек-

[1] Последовательное снятие хронологических напластований в лексике см.: О. Н. Трубачев. К вопросу о реконструкции различных систем лексики. — «Лексикографический сборник» VI. М., 1963.

сики узкоместной, второстепенной, случайной и лексики, распространенной на значительных территориях. Существование разных слов для обозначения одного и того же понятия показывает границы не только этнических групп, но и самих реалий. Серьезный интерес представляет явление устойчивости того или иного термина, что может быть связано с постоянством использования самого предмета; в) анализ словообразовательной структуры всех элементов рассматриваемой группы позволяет установить хронологию образования всей группы в целом, выделить в ней архаический пласт, не поддающийся морфемному членению на современном этапе; г) этимологический анализ по сути дела продолжает анализ словообразовательный, но в случаях утраты или затемненности отношений между производным и производящим. Реконструируя не только форму, но там, где это возможно, и значение путем вскрытия этимологического признака, этимология в ряде случаев в состоянии разрешить вопрос о характере использования того или иного элемента действительности. Для установления относительной хронологии появления слова или целой группы слов этимология использует не только внутреннюю, но и внешнюю реконструкцию.

На недостатки лингвистических методов указал К. Мошинский, говоря о возможности позднего распространения слова на всей рассматриваемой территории и о случаях заимствований при двуязычии населения[2]. Хочется отметить еще несколько моментов, которые неизбежно приходится учитывать: неразработанность методов реконструкции значения, различную степень семантической устойчивости отдельных групп лексики, возможность утрат, определяемых лингвистическими и внелингвистическими факторами, и случаи заимствований при наличии реалии и исконного названия для нее.

В качестве попытки восстановить элементы материальной культуры на основании хронологии лингвистических данных можно провести разбор названий грибов в русских говорах. Выбор именно этой группы лексики определяется целым рядом обстоятельств. Широкое употребление славянами грибов представляет собой одну из черт, отличающих славянские народы от их соседей, так как финны, тюрки, германцы, народы Кавказа грибов не едят, балты и романские народы едят другие виды грибов[3]. Самобытность этого явления настолько привлекательна, что, естественно, вызывала желание определить его

---

[2] K. Moszyński. O sposobach badania kultury materialnej Prasłowian. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962.

[3] «This love of Russians for the earthy tribe of mushrooms is, I suggest, a distinctive trait of the Slavs and a significant one» (V. P. and R. G. Wasson. Mushrooms, Russia and History. New York, 1956, стр. 1).

хронологию[4]. Особенность этой этнографической черты заключается в том, что археология не в состоянии дать о ней какие-либо сведения; исторические свидетельства об употреблении грибов относятся к очень позднему времени (XIV—XVI вв.); этнография не может установить древность этого явления, поскольку это касается пищи, где достижения культуры обладают большой скоростью распространения.

Внеязыковая ситуация приводит к тому, что с лингвистической точки зрения группа названий грибов получает целый ряд преимуществ для исследования: она невелика по объему и относительно замкнута, не содержит иноязычных заимствований, обладает значительной семантической устойчивостью. Постоянство и частота употребления, близкая к употреблению культурных растений, приводит к точному выделению видов; их наименования по степени терминологичности близки к научным. Ср. однозначность отношений Boletus scaber — подберезовик, Agaricus piperatus — груздь, Agaricus flabellatus — лисичка и т. д.

С точки зрения структуры группа названий грибов представляет собой незамкнутый ряд равнозначных единиц, соотносимый с аналогичным рядом реальных предметов. В качестве родового выступает самостоятельное слово или же один из членов ряда, имеющий и частное значение. Ср. в русском литературном языке *гриб: белый гриб*, *подосиновик*, *подберезовик*, *масленок*, *рыжик*, *груздь*, *белянка*, *волуй* и т. п. По говорам в качестве обобщающих могут выступать слова *губá*, *блŷца*, *обáбок*, *рŷжик*, *пупŷрь*, *груздь* и др. В ряде говоров вся группа названий грибов делится на две и в качестве обобщающих выступают два слова: одно из них, а именно *гŷбы*, объединяет все названия грибов Agaricus, которые обычно идут в засол; другое, *грибŷ*, объединяет все названия грибов Boletus, которые обычно идут в сушку. Исторические памятники показывают, что это противопоставление *грибŷ—гŷбы* является достаточно старым. Ср.: «Луку и чесноку, *грибовъ* да сукно полтретья нацата алтына. Савѣ Збою дано на *губы* десять алтынъ»[5]. Иногда слово *гŷбы* выступает в роли обобщающего, а слово *грибŷ* означает лишь белые грибы. Ср.: «Изволь государь, Андрей Ильич, ко мнѣ

---

[4] К. Мошинский в одной из своих ранних работ относит употребление славянами грибов к праславянскому периоду (K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian, I. Kraków, 1929, стр. 21), но затем, опираясь на сведения о том, что в части Хорватии грибов не едят, а в некоторых районах Болгарии не различают и не едят виды Boletus, отказывается от своего мнения (K. Moszyński. O sposobach badania kultury materialnej Prasłowian, стр. 25—27).

[5] Павлов Обнорский монастырь. Книги расходные казначея Пахомия. 1568—1570, стр. 9. — Картотека ДРС.

отписать, будетъ надобно грузди и *грибы* сухiе»[6]; «за *грибы* и за грузди...»[7]

Если все названия грибов в русском языке рассмотреть с точки зрения широты распространения каждого термина по говорам, степени устойчивости отдельного термина в рамках русского языка, иными словами, положить «грибную лексику» на карту, обнаруживается любопытное явление. Все названия грибов распадаются на две четко противопоставленные друг другу группы: названия грибов Agaricus и названия грибов Boletus. Названия видов грибов Agaricus очень устойчивы во всех говорах, тогда как названия грибов Boletus очень неустойчивы, имеют большое число синонимов; так, например, Agaricus deliciosus во всех говорах русского языка называется *рыжиком*, Agaricus piperatus — *груздем* (имеются лишь словообразовательные, а не лексические варианты этого слова), Agaricus subdulcis — *белянкой* и т. д.; напротив, для названия такого распространенного гриба, как Boletus edulis, встречаем большое число местных, имеющих узкое распространение наименований: *гриб*, *белый гриб*, *пан*, *коровка*, *коровяк*, *бабка*, *печура*, *струень* и др.

Выход за границы русского языка показывает ту же картину: в украинских говорах Agaricus deliciosus устойчиво и повсеместно называется *рижик*, *рижок*, в говорах Польши термин rydz не имеет лексических синонимов[8].

Возможно, что существует какая-то связь между устойчивостью слова и постоянством использования предмета, обозначаемого этим словом. Во всяком случае такое противопоставление терминов по степени устойчивости вряд ли случайно.

Число словообразовательных моделей, чаще всего используемых в названиях грибов в русском языке, не так уже велико. Эти модели могут быть сведены к шести словообразовательным типам.

Сочетание основы имени прилагательного с суффиксом *-ик-*. В это сочетание включаются основы имен прилагательных с суффиксами *-ов-/-ев-/*, *-н-*, *-ен- -ат-*, *-оват-* и основы бессуффиксальных прилагательных. Ср. *моховúк*, *боровúк*, *берёзовик*, *елóвик*, *колосовúк*, *горóховик*, *дубóвик*, *дождевúк*, *ольхóвик* и др. С исторической точки зрения почти все эти образования относятся к эпохе самостоятельного развития русского языка с большой продуктивностью суффикса *-ов-/-ев-/*, активизацией суффикса *-оват-* в ряде северных говоров, широким распространением названий типа *подберезовик*, характерным только для восточнославянских

---

[6] Переписка стольника Безобразова. 1687, стр. 9. — Там же.

[7] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, IV. СПб., 1842, стр. 520.

[8] B. Bartnicka. Nazwy grzybów w dialektach wschodnich Polski. — «Poradnik językowy» 7. Warszawa, 1950, стр. 350.

языков, да и то не на всей территории. Старше других такие образования, как *боровик* (производное от слова *бор*, рано перешедшего в склонение на *-й*) и *красик* (с недифференцированной глагольно-именной основой).

Сочетание бессуффиксальной основы имени прилагательного с суффиксом *-ух-а*. Ср.: *желтýха, чернýха, серýха, краснýха, толстýха, свинýха, гладýха* и др. Будучи достаточно старым в славянских языках, суффикс *-уха* находит наибольшее развитие в ряде северозападных говоров русского языка, где он подчас вытесняет некоторые другие предшествующие образования.

Сочетание основы имени прилагательного с суффиксом *-янк-а* наиболее продуктивно в среднерусских говорах. Ср.: *белянка, серянка, дуплянка* и др. Из большего числа поздних образований можно выделить в качестве архаичных *горянка* и *волвянка*.

Сочетание основы имени прилагательного с суффиксом *-як-*, позднее по своему характеру, получило наибольшее распространение на периферии, в крайне северных, крайне западных и крайне восточных областях. Ср.: *серяк, синяк, песляк* и др.

Чрезвычайно продуктивный тип образования названий не только грибов, но растений вообще — создание слов-омонимов или к форме ед. числа существительного, или к уменьшительной форме существительного во мн. числе. В последнем случае суффиксы уменьшительности выступают как словообразующие. Ср.: *козел, кринка, колпак, кобыла, кубарь, пан* и др.; *овечки, зайчушки, кузовки, пальчики, стольцы* и др.

Последний продуктивный способ образования названий грибов — это словосочетания типа *белый гриб, красный гриб* и т. п. В названиях животных и растений словосочетания как средство словообразования достаточно стары, но среди обозначений грибов этого типа нет общеславянских элементов.

Непроизводных слов с точки зрения современного русского языка в названиях грибов очень мало: *губá, гриб, груздь, блúца, печýра, волýй*; в таких словах, как *волвянка, пóрховка*, живо ощущение суффикса, но основа остается неясной. Таким образом, словообразовательный анализ всей лексической группы в целом свидетельствует о ее позднем характере. Основная масса названий грибов образована в период самостоятельного существования русского языка. Архаическая часть названий очень невелика.

Сравнение этого архаичного пласта с материалами других славянских языков дает возможность восстановить праславянские формы: **gǫba; *smъržь/*smъrčь; *pečura/*pečerica*, **pečerъka; *syrojědja/*syrojěda* (эти формы отражены во всех славянских языках); **gribъ*, **rydjь*, **vьlnenъka/*vьlnenica* (реконструировано по материалам только восточнославянских и западнославянских языков); **bъdlъka/*bъdlica* (результаты развития этой лексемы

представлены лишь в западнославянских языках и части русских говоров).

Этимологический анализ этих лексем позволит определить их хронологию в рамках праславянского.

*gribъ

Ареал лексемы *гриб* — западнославянские и восточнославянские языки. В большинстве названных языков словом *гриб* называется только Boletus edulis — белый гриб.

Единое этимологическое решение для этого слова еще не найдено. Поиски были направлены главным образом на установление балто-славянских связей. Ф. Шпехт сопоставляет слав. **gribъ* с лит. *griẽti* 'снимать сливки', greĩmas 'сливки, слизистый осадок в воде'[9]. Обособленное положение южнославянских языков, где слово *гриб* как таковое в рассматриваемом значении отсутствует, а в качестве обобщающих слов для названий грибов выступают такие лексемы, как *gliva*, *varganj* и др., не имеющие аналогий в других славянских языках, естественно, вызывало желание найти единую общеславянскую форму. На этот путь стали польские лингвисты, которые связали **gribъ* с юж.-слав. *gliva*, выводя **gribъ* из **glibъ* с меной $r > l$. В этом случае считаются родственными лит. *glẽima* 'слизь', *gliẽti* 'лепить'. Склоняется к описанной точке зрения и М. Фасмер[10]. Недавно высказанная этимология Р. Якобсона решена в чисто формальном плане. Слово **gribъ* включается в ряд глагола **grebti* без должной семантической аргументации, а придаваемое ему значение 'то, что выцарапывается из земли' по крайней мере бездоказательно[11]. Мысль Махка, производящего **gribъ* из **skripъ*, напротив, кажется убедительной со стороны значения, но фантастична в формальном плане и предполагает большое число звуковых метаморфоз[12]. Х. Петерссон считает, что слово **gribъ* того же корня, что и слав. **gъrbъ*, с первоначальным значением 'морщина, складка'[13].

Почти во всех случаях слово *гриб* рассматривается изолированно, без учета родственных и производных форм. Такой подход не дает права для восстановления первоначального

---

9 F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 319.

10 Brückner, стр. 163; Sławski, стр. 373; K. Moszyński. [Рец. на кн.:] F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, zesz. 4. — IP 36, 1956, стр. 196; Vasmer I, стр. 308.

11 R. Jakobson. New Slavic etymological dictionaries. — «Word» 8, 1952, стр. 387.

12 Machek, стр. 148.

13 H. Petersson. Vergleichende slavische Wortstudien. Lund, 1922, стр. 12.

значения. Одни только русские говоры и памятники письменности дают большой материал однокоренных слов.

Первым среди родственных слов следует назвать омонимичное слову *гриб* блр. и зап.-русск. *гриб*, *гри́ба*, м. ж. 'губа у человека', мн. *гри́бы* 'губы'[14]. Отсюда *разгри́ба* 'имеющий отвислые губы, плакса' (пск., твер.)[15]; *грибáтый*, *грибáстый* 'губастый'[16]. Это любопытное явление омонимии названий грибов и губ у человека образует определенный семантический ряд:

гу́бы 'грибы'——————————*гу́бы* 'часть лица'
грибы́ 'грибы'——————————*гри́бы* 'часть лица'

Может быть, сюда же польск. *warga* 'губа' и серб. *варгањ* 'гриб'?

От слова *гри́ба* 'губа' образованы производные со значениями 'надувать губы, кривить губы, кукситься, капризничать, плакать, упрямиться, морщиться': *гри́биться*[17], *гри́баться*[18], *грибáниться*[19], *грибáн* 'кто постоянно угрюм, ничем не доволен'[20], *грибáнчик* 'сморщенный старик'. Аналогично образован глагол *гу́биться* 'надувать губы, сердиться, дуться'[21]. Ср. еще польск. *zgrzybiały* 'сморщенный, дряхлый' (о стариках). Широта распространения производных говорит, возможно, о первоначально более широком распространении слова *гриб*, *гри́ба* 'губа'.

Широко распространено по говорам слово *гри́бы* в значении 'оборки, складки, нашивки на платье'[22], *грибáтки* то же[23].

Имеется и слово *гриб* в значении 'нарост, болезнь лошадиная, нарост с нарывом'[24]; *грибатка* 'внутреннее сало'[25]. Значение здесь, возможно, связано с предыдущим, сало как 'нарост' или 'имеющий морщины, складки'.

И последнее значение слов *гриб*, *гри́ба* в русских говорах — 'возвышение, гряда'; *гри́ба* 'под мелководьем нанос песку с боль-

---

14 В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963, стр. 72; Носович, стр. 121; Добровольский, стр. 42.

15 Дополнение к Опыту, стр. 225.

16 Там же, стр. 37; Носович, стр. 121.

17 Опыт, стр. 42.

18 В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора. — Сб. ОРЯС 72, № 3. СПб., 1903, стр. 28.

19 А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС 83, № 5. СПб., 1903, стр. 129.

20 Подвысоцкий, стр. 35.

21 Дополнение к Опыту, стр. 38.

22 Куликовский, стр. 17.

23 Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губ. СПб., 1897, стр. 29; материалы записей студентов МГУ в Приозерном районе Архангельской области.

24 Опыт, стр. 42 (пенз).

25 А. И. Иванова, М. А. Кустарева и Б. А. Моисеев. Материалы для Смоленского областного словаря. — «Уч. зап. Смол. ГПИ», вып. 9, 1958, стр. 136.

шими уступами'[26]; *гриб* 'узкая гряда картофеля', 'возвышение на дороге между колеей и тропой лошади'[27]; *грибкй* 'замерзшая по дороге грязь'.

Если сопоставить вместе все рассмотренные выше слова, бросается в глаза их семантическое единство. Параллелизм, а может быть, и производность отношений *гриб* 'растение' — *гриб* 'часть лица' во всяком случае предполагает их восприятие как нароста, морщины. Связь слов *гриб* 'растение' и *гриб* 'оборка, складка' если и содержит в себе образный момент, то опять-таки предполагает для первого значение 'нарост, складка'. Непосредственную связь между словами *гриб* 'растение' и *гриб* 'гряда' установить трудно, а возможно, она никогда и не существовала, оба слова могли быть образованы независимо от корня, содержащего значение 'возвышаться, выступать'. Все эти рассуждения вынуждают нас вернуться к этимологии, высказанной Петерссоном, который выводил слав. **gribъ* < **greib-*, восходящего к и.-е. **ger-* 'гнуть, изгибаться'. Аналогичных образований в других индоевропейских языках мы не встречаем, но ближайшими родственными формами следует считать слав. **gъrbъ* 'горб', лит. *gárbana*, *garbina* 'завиток, локон', ирл. *gerbach* 'морщина'[28].

*gǫba

**gǫba* — слово общеславянское, оно выступает в двух основных значениях: 'гриб, нарост, трут' и 'губа, морда'. Большая часть этимологов согласны в том, что *губá* 'гриб' и *губá* 'часть лица' по происхождению одно слово. Ближайшие родственные формы находятся за пределами славянских языков: лит. *gembė* 'крюк', *gum̃bas* 'возвышение, сучок, нарост', *gum̃bras* 'шишка' и др. Приводят обычно и иранские формы: афг. *γumba* 'шишка' ср.-перс. *gumbad*, *gumbaδ* 'выпуклость', первичным значением считается 'нарост, край, выступ'[29].

*pečerъka/ *pečerica/ *pečura

Так называется в славянских языках гриб шампиньон. По выделении вторичных синонимичных суффиксов *-k-a/-ic-a* остаются основы **pečur-*/ **pečer-*, которые распределяются по языкам следующим образом: основа **pečur-* — русский и южнославянские языки; основа **pečer-* — украинский, белорусский и западносла-

[26] Дополнение к Опыту, стр. 37.

[27] Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятской губ. — Сб. ОРЯС 73. СПб, 1903, стр. 45; М. Д. Голубых. Говоры Белоярского р-на Свердловской обл. Канд. дисс., рукопись. Свердловск, 1953, стр. 269.

[28] Vasmer I, стр. 308.

[29] Там же, стр. 316.

вянские языки. Аналогично распределение и для лексемы **smъrčь/*smъržь*. Этимологически слово *печу́ра*, *печери́ца* связывается с глаголом *пеку*, *печь*, т. е. *печу́ра* 'нечто печеное' или 'то, что можно печь'[30]. Суффикс *-ур-а* в русском языке представлен главным образом как суффикс уменьшительности и лишь в редких случаях дает формы, которые могут считаться производными от имени или глагола. Ср. *снегурка* и *чапу́ра* 'цапля' (ср. *ча́пать*, *чапля*, *цапля*).

*smъrčь/ *smъržь

Форма **smъrčь*, как уже говорилось выше, встречается в русском и южнославянских языках, а вторая — **smъržь* — в украинском, белорусском и западнославянских. Обе формы производные от глаголов **smъrgati/*smъrkati* с продуктивным в праславянском языке суффиксом *-jь-*. Основное значение глагола *сморга́ть* по говорам — 'дергать'. Ср.: «насмо́ргали репы», «палядй, сколько канями... сена насморгана», «стала баба просмаргивать нитку в иголку»[31]; «смаргнутая материя» 'сморщенная, помятая'[32]. Возможно, что значение 'сморкаться' в глаголе *сморга́ть* развилось из первоначального значения 'дергать' (ср. *дергать носом*). Формальная связь глаголов **smъrgati/*smъrkati* и слов **smъržь/*smъrčь* очевидна, но какое из оттенков значений глагола легло в основание названия гриба, сказать трудно.

*vьlněnъka/ *vьlněnica

Гриб Agaricus torminosus носит в восточнославянских и западнославянских языках общее наименование: укр. *вовня́нка*, русск. *волня́нка*, *волня́ница*, польск. *wełnianka*, др.-чеш. *vlněnka*. Структура слова на праславянском уровне прозрачна: это производные с синонимичными суффиксами *-k-a/-ic-a* от прилагательного *vьlněnъ* 'шерстяной', в свою очередь образованного с помощью продуктивного суффикса отыменных прилагательных *-ěn-* от слова *vьlna* 'шерсть'. Гриб назван так потому, что его шляпка покрыта волосками.

*bъdla, *bъdlъka/ *bъdlica

Русское диалектное (северо-западное) обобщенное название грибов *бли́цы* долгое время считалось заимствованием из нем. Pilz 'гриб'. Так, вслед за Миклошичем высказывались Бернекер

---

[30] Vasmer II, стр. 352.

[31] Добровольский, стр. 463, 737.

[32] А. И. Иванова, М. А. Кустарева и Б. А. Моисеев. Указ. соч., стр. 150.

и Преображенский[33]. Фасмер совершенно логично отказался от этой точки зрения, считая, что это «невозможно ввиду фонетических особенностей и отсутствия географической опосредствованности». Он объединяет русск. *блйцы* с зап.-слав. *bedła* 'гриб Agaricus'[34]. Праславянская форма в таком случае **bъdla*, **bъdlica/*bъdlъka*. Вызывает некоторое смущение ограниченность территории распространения слова (только псковско-новгородские говоры, на всей остальной территории восточнославянских языков слово *блицы* отсутствует). Вероятно, следует предположить очень старое (может быть, VII в.) заимствование в говор древних словен из западнославянских языков. Слово проникло задолго до падения редуцированных и претерпело типичные для русского языка изменения; или же следует предположить лексическую общность между западнославянскими языками и диалектом словен; последнее представляется менее правдоподобным.

Ближайшие родственные формы слав. **bъdla* в балтийских языках: лит. *budẽ* 'древесная губа, гриб', *budìs* 'гриб'. Родство западнославянских форм с балтийскими было установлено давно[35]. При дальнейшем движении вглубь мнения расходятся. Фасмер связывает этот балто-славянский материал с древнеиндийскими и германскими формами со значениями 'раздуваться, набухать': др.-инд. *budbudas* '(водяной) пузырь', дат. *pude* 'подушка', шв. *puta* 'надуваться, набухать'[36]. Махек, сопоставляя слав. **bъdla* с греч. βολίτης и проводя аналогию **bъdla*—βολίτης, как **jedla*—ἐλάτη, считает это слово субстратным доиндоевропейским элементом[37].

**syrojěda/*syrojědja*

Последнее общеславянское название гриба — это *сыроежка*. Русск. *сыроежка*, укр. *сироїжка*, польск. *syrojadek*, др.-чеш. *syrojěd*, *syrojědka* (совр. чеш. *syrovinka*), слвц. *sirovojedka*, *sirovetka*, с.-хорв. *siro(vo)jedka*, *sirovka*, *sirnjaja*. Второй компонент слова в восточнославянских языках *jědja* 'еда, пища' (ср. укр. *їжа* то же), в других славянских *jěda* 'еда'. Значение слова прозрачно: 'сырая еда, то, что можно есть сырым'.

* * *

Используя полученные данные, можно выделить в рассматриваемой лексической группе разные хронологические пласты.

---

33 Miklosich, стр. 14; Berneker, стр. 61; Преображенский I, стр. 30.
34 Vasmer I, стр. 93.
35 Brückner, стр. 19.
36 Vasmer I, стр. 93—94.
37 Machek, стр. 28.

Культурно-исторические выводы, сделанные на основании относительной хронологии образования лексем, могут быть только осторожной гипотезой.

Словообразовательный анализ доказывает поздний характер образования большей части названий грибов. Создание всей группы в целом должно быть отнесено к периоду самостоятельного развития отдельных славянских языков. Возможно, что к этому же времени следует отнести факт широкого употребления в пищу многих видов грибов.

Четкое разграничение названий видов Agaricus и Boletus по говорам и памятникам с постоянной устойчивостью наименований первых в говорах всех восточнославянских языков, возможно, вскрывает факт относительной древности. Может быть, именно виды грибов Agaricus раньше вошли в употребление, может быть, их раньше научились заготовлять впрок. То, что в некоторых районах Болгарии не едят грибы Boletus и не различают их, но едят грибы Agaricus, возможно, есть сохранение древнейшего состояния и может служить косвенным подтверждением нашего вывода.

В праславянском языке позднего периода мы вправе восстановить только восемь (а считая южнославянские *гљива* и *варгањ* — 10) лексем. Из них пять прекрасно поддаются словообразовательному анализу на праславянском уровне: ясна не только структура слова, но можно выделить производящую основу и продуктивные для того периода аффиксы. См.: **vьlnenъka*, **pečerica*, **smъrčь*, **syrojědja*, **rydjь*. Для реконструкции характера использования самих предметов этимология этих слов дает разный материал. То, что слово **smъrčь*/**smъržь* на всей славянской территории обозначает только определенный вид грибов, может свидетельствовать о том, что в праславянский период этот вид грибов был известен, выделялся и обозначался, но употреблялся ли он в пищу, сказать невозможно. Обозначение многих видов грибов во всех славянских языках словом **syrojědja* с несомненностью говорит о том, что в поздний праславянский период многие недифференцированные виды грибов ели сырыми, как это делают и сейчас в ряде мест. Такое употребление грибов могло быть только случайным, вряд ли они играли существенную роль в питании. Устойчивое выделение и единое наименование во всех славянских языках гриба шампиньона свидетельствует о том, что этот вид в общеславянский период был известен, а правдоподобное произведение слова **pečerica* от глагола *печь* указывает и на способ употребления этого гриба. Возможно, что шампиньоны пекли на открытом огне, как это делают и сейчас в Словакии и на Украине.

Три лексемы — **gǫba*, **gribъ*, **bъdla* — не могут быть проэтимологизированны на основании внутренних данных славян-

ских языков. Словообразовательная структура этих имен уже в праславянский период была архаична. Внешнее сравнение позволяет установить, что местный западнославянский диалектизм **bъdla*, наряду с балтийскими **budē̃*, *budìs*, значил 'вид гриба, гриб'. Никаких данных о существовании других значений для этой основы ни в славянских, ни в балтийских языках нет. В противоположность этому слову лексема **gribъ*, судя по материалам, имела довольно широкий круг значений: 'уступ, возвышение, складка, морщина, нарост' и т. п. В какой-то момент у этой лексемы возникло, тоже в рамках группы диалектов, значение 'гриб'. Слово **gǫba* обладало по диалектам довольно широкой семантикой, частично сохраненной до наших дней: 'лишай, короста, трут, нарост, гриб, часть лица'.

Восстановление этимологических признаков, лежащих в основе этих трех названий (независимо от того, возникли ли они путем метафорического переноса или непосредственным словопроизводством от несохранившихся корней) показывает, что все они образованы приблизительно по одному и тому же признаку и означают 'вздутие, нарост, нечто изогнутое'. Отсутствие в других индоевропейских языках для этих лексем родственных слов со значением 'гриб' говорит о том, что эти значения — местная славянская, а в одном случае балто-славянская, инновация. Грибы вообще назывались, но никаких данных об их употреблении на этом этапе у нас нет. То, что в отдельных районах Хорватии грибов не едят, возможно, есть консервация архаичного явления.

Общий вывод может быть сформулирован следующим образом: судя по лингвистическим данным, широкое употребление славянскими народами грибов — явление сравнительно позднее, начало которому было положено в праславянский период.

К. Полянский

МАТЕРИАЛЫ ПО ПОЛАБСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

1. *krǫ̂pət*

Запись Хеннига Krumpat 'Pechdraht' Рост считает формой, сводимой к первоначальному *krǫpad*, и связывает ее со славянским *krǫpъ*[1]. Что касается структуры слова, то он связывает ее с русским *пестрядь* || *пестредь* 'цветное полотно'. После Роста эту этимологию повторяет Бернекер[2].

Этимология Роста малоправдоподобна. Она не убедительна ни с точки зрения семантики, ни с точки зрения формы. Славянский корень **krǫp-* связан со стороны значения скорее всего с 'уменьшать, уменьшенный, малый', а не с 'дратва, делать дратву, связывать'. Полабская запись Krumpat не может также фонетически соответствовать русским формам типа *пестрядь* или *пестредь*; она должна была бы тогда иметь вид Krumpiat, Krumpiant или Krumpit, в зависимости от того, представляет ли она формы, оканчивающиеся суффиксом, продолжающим первоначальные **-jadъ*, **-ędь* или **-edь*.

Запись Хеннига Krumpat скорее следует считать глагольной формой, именно инфинитивом, и реконструировать *krǫ̂pət* 'сшивать дратвой, связывать дратвой'. Реконструированное таким образом полаб. *krǫ̂pət* я считаю заимствованием из нижненемецкого, ср. прусск.-нем. *krumpen* 'krimpen, zusammenziehen, einschrumpfen machen, einschrumpfen', *krampen* 'mit Krampen verschliessen und dann zukrampen'.

Подобным заимствованием из немецкого является также польск. *krępować* 'крепко связывать'. Полабскую форму можно принять чуть ли не за точный эквивалент польского глагола, потому что в полабском языке глаголы на **-ovati* были вытеснены формами на **-ati*[3].

---

1 P. Rost. Die Sprachreste der Dravӓno-Polaben im Hannöverschen, Leipzig, 1907, стр. 142, примеч. 7.

2 Berneker, стр. 626.

3 Ср.: Fr. Lorentz. Die *ova*-Verba im Slovinzischen. — KZ XXXVII, стр. 331—334.

В полабских памятниках часто можно встретиться с примерами подачи значений неточным образом, ср., например, у Хеннига Stacia eydedêl (чит. *stag̑ə ai̯dě del* ⩽ **stьʒa idetъ, del* из немецкого) 'Abweg', Stôre Reigeria (чит. *storě rai̯geŕə*, причем *storě* ⩽ **starъjь*, а *rai̯geŕə* — это 3-е лицо ед. числа наст. времени на *-ə* ⩽ **-ajetъ*, образованное от заимствованного из немецкого языка глагола *rai̯geŕət* 'управлять, править') 'Ein alter Hausswirth' и т. п.[4]

2. *mümai̯stü*

Запись Хеннига Mimeístia 'Corall' H (в редакции B — Mimeistia, в редакции B_1 — Mimèistyga) Рост интерпретировал в словнике своего издания полабских памятников[5] двояко: как род. падеж ед. числа *müöměist'a* или как деминутив *müöměistḱö*.

Т. Лер-Сплавинский в своей «Полабской грамматике» (Львов, 1929, стр. 100, 143, 159) записи Хеннига транскрибирует как *mümai̯st'ə* и высказывается за второй вариант интерпретации Роста, т. е. полабскую форму выводит из первоначального **momistъko*.

Обе вышеназванные интерпретации представляют значительные трудности. Полабский суффикс, продолжающий первоначальное *-ko*, выступает в полабском или в форме с несокращенным вокализмом — *-t'ü* (чаще, ср., например, *büźǫtt'ü* ⩽ **božętъko*, *jopt'ü* ⩽ **jablъko*), или с сокращенным вокализмом — *t'ě* (ср., например, *nob́ortt'ě* ⩽ **nabŕdъko*).

Записи Хеннига Mimeístia, Mimeistia или Mimèistyga нельзя возвести ни к форме с суффиксом с полным гласным, ни к форме с суффиксом с краткостью гласного. В первом случае полабское слово должно было бы оканчиваться на *-ü*, которое в полабских памятниках передается через *ü*, *i*, *y*, *í*, *ỳ* и т. п., но никогда как *a*. Во втором случае слово оканчивалось бы на *-ě*, которое Хенниг записал бы, вероятно, с помощью буквы *e* (ср. его запись для цитированного выше *nob'ortt'e*: Nobiôrtge 'Weber-Lade').

Т. Лер-Сплавинский в своей «Полабской грамматике» утверждает, что все праславянские гласные, за исключением носовых, в открытых слогах (а может быть, и в конце слова) в полабском языке в слабой позиции дают *-ə*, и поэтому он мог записи Хеннига транскрибировать как *mümai̯st'ə*, выводя из первоначального **momistъko*. Как показал Н. Трубецкой в своей работе «Polabische Studien» (Wien und Leipzig, 1929, стр. 11—40),

---

[4] Ср. также: K. Polański. Morfologia zapożyczeń niemieckich w języku połabskim (Komitet Językoznawczy PAN, Prace Językoznawcze, 32). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, стр. 30—31, 79—80.

[5] P. Rost. Указ. соч., стр. 403.

в полабском языке существовала оппозиция двух редуцированных гласных (высшая *ě* и низшая *ə*, в транскрипции Трубецкого *ǯ* и *ă*), в равной мере как в открытых слогах, так и в конце слова. Первая, т. е. высшая ступень, записывалась в полабских памятниках через *e*, вторая — через *a*. Первая развилась из первоначальных *i*, *u*, *y*, *e*, *o*, вторая — из первоначальных *a*, *ě*, *ъ*, *ь* и некоторых стяжений. В этой ситуации следует искать иное объяснение для записей Хеннига. В таком случае думается, что эти записи представляют не одно слово, а выражение *tümai̯stü jə*, причем *jə* 'есть' выступает здесь в роли, обычной для *ją* 'есть'. Из полабских памятников можно привести несколько примеров записи полабского слова вместе с *jə*, *ją* 'есть', ср., например, у Пфефингера Pül maíllan 'Jusqu'où' (чит. *pöl maile ją* = *pol mili jestъ*, причем *mil* — заимствование из немецкого), Okéidia 'Un crochet' (чит. *ot'ai tü jə* = ... *to jestъ*, *ot'ai* — заимствование из немецкого) и т. п.

3. *pǫkəvai̯ćə*

В работе Хеннига встречаем формы, зафиксированные в виде Punkaweitza 'Uncke' (в редакции B_1 — Punkawéitza). Записанную таким образом форму фонетически реконструировать нетрудно: *pǫkəvai̯ćə*.

Возникает вопрос, какова этимология этого полабского слова. С точки зрения словообразования выделяется в слове прежде всего сложный суффикс *-əv-ai̯ćə* ⩽ **-av-ica*. Что касается корня, то в нем следует видеть звукоподражательный элемент *pǫk-*, воспроизводящий звук, производимый некоторыми видами жаб. Подобные звукоподражательные корни встречаются и в других языках для названия жаб или звуков, издаваемых ими, ср. в.-луж. *kunkać* 'издавать звук (о жабах)', *kunkawa* 'жаба', польск. *kumkać* 'издавать звук (о жабах)'. *kumka*, *kumak* 'жаба с коричнево-серой спиной и оранжевым или желтым брюхом; живет в стоячих водах; самец издает характерный громкий звук'; чеш. *kuňkati* или *kunkati* 'издавать звук (о жабах)', *kuňka* 'жаба' и т. п.

Производящей основой для полабского существительного *pǫkəvai̯ćə* был, вероятнее всего, незасвидетельствованный глагол **pǫkət* (ср. аналогичное с точки зрения словообразования полаб. *blinskəvai̯ćə* 'качели' от *blinskət* 'качать'). Структурно ближайшим соответствием полабскому слову служит в.-луж. *kunkawa* 'жаба' от *kunkać*.

4. *Запись Хеннига* Rise *'Uneinig'*

Т. Лер-Сплавинский в «Полабской грамматике» (стр. 68) интерпретирует запись Хеннига Rise 'Uneinig' (в редакции B_1 — Rŷse) как искажение полабского слова *rüzně* ⩽ **oržьnъjь* 'разный'.

Думается, что вышеназванную запись скорее следует связать с существующей в другом месте у Хеннига формой Rese 'Von einander' (в редакции B_1 — Rêse). Обе записи не представляют собой ни одного самостоятельного полабского слова, но были, правдоподобнее всего, искусственно созданы самим Хеннигом в ходе упорядочения словарного материала, который он собрал, выспрашивая информатора по-немецки о разных полабских словах и выражениях. Случалось, что Хенниг, сравнивая собранный материал с немецкими соответствиями, искусственно создавал несуществующие полабские слова, т. е. вырывал отрезки из целого, составлявшего неразрывное единство какой-либо формы. Этому нельзя удивляться, если принять во внимание, что он не знал языка, остатки которого записывал. В качестве примера можно привести здесь запись Хеннига gintgay 'Schalen', ошибочно вырванное им из большой записи Sobatgintgey 'Muschel, Frosch-Schalen'. Когда Хенниг сравнил Sobatgintgey с нем. *Frosch-Schalen* и, кроме того, в своем полабском материале нашел слово Sobo 'Frosch', то он решил, что будто бы Sobatgintgey, само собой разумеется, делится на Soba и (t)gintgey. Таким образом, в его записках находится совершенно не существующее в полабском языке слово gintgey 'Schalen'. Подобным же образом из форм Wislikaleissa, krigaleissa (чит. *vėzlikəlaịsə*, *krigəlaisə*) 'sich untereinander vergleichen, sich bekriegen' он создал искусственно слово Leissa 'unter sich, unter-einander'.

Сопоставляя такие полабские формы, как Rîspadéna 'von einander fallen', Rîsplasteite 'Schlagt voneinander', risíne 'voneinander treiben', Resekenona 'voneinander getrieben' (чит. последовательно *rüspədenə* ⩽ **orzъpadenaja*, *rüspləstaịtě* ⩽ ⩽ **orzъplaščite*, *rüzzině* ⩽ **orzъženetъ*, *rüzgnonə* ⩽ **orzъgnanoje*) и т. п., с их немецкими соответствиями, Хенниг правильно заключал, что немецким *voneinander* соответствует в них rise, rese (т. е. *rüz-* ⩽ **orz-*). Однако он не отдавал себе отчета в том, что полаб. *rüz-* есть только префикс и от нем. *voneinander* отличается, между прочим, тем, что не может выступать в качестве самостоятельной лексической единицы.

В. В. Виноградов

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. II *

Начитанный, начитанность

Смешанное двуязычие в структуре слова обнаруживается нередко не столько непосредственно морфологическим его составом, сколько отношением этого слова к другим словам из той же лексической, словопроизводственной цепи. Например, значение и строение слов *начитанный* и *начитанность* в русском языке мотивированы. И тем не менее эти слова несколько выпадают из живой системы русских грамматических соотношений (ср. отсутствие глагола *начитать* кого-нибудь и невозможность прямого соотнесения слова *начитанный* с глаголом *начитаться*).

Слова *начитанный*, *начитанность* возникли в русском литературном языке начала XIX в. Они пришли на смену архаическим церковнославянизмам *книгочий*, *книгочетство*. Так, в «Полном немецко-российском лексиконе, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленном, и изданном Обществом ученых людей» (СПб., 1798) указываются такие русские соответствия немецким словам *belesen* и *Belesenheit*: Belesen *adj.* и *adv.* «Книгочий, тот кто много читал. Ein belesener Mann, человек много книг читавший: от того die Belesenheit, *книгочетство*, *многочетство*» (стр. 229). Очевидно, в русском литературном языке конца XVIII в. слова *начитанный* и *начитанность* еще не укоренились.

Вместе с тем несомненно, что немецкие слова *belesen* и *Belesenheit* дали толчок к образованию соответствующих русских слов *начитанный* и *начитанность*. Таким образом, эти русские слова образованы посредством калькирования немецких *belesen*, *Belesenheit*. На то, что *начитанный* и *начитанность* — кальки, указывает и своеобразие их строя. *Начитанный* — не причастие страдательное от глагола *начитать*, а самостоятельно образованное отглагольное имя прилагательное.

А. С. Шишков ссылается на слово *начитанность* как на своеобразный неологизм карамзинского стиля. В «Рассуждении

* См. В. В. Виноградов. Историко-этимологические заметки [ч. I]. Сб. «Этимология». М., Изд.-во АН СССР, 1963, стр. 85—109.

о старом и новом слоге Российского языка» он упрекает новейших русских писателей в том, что они «не вникая в язык свой многих слов не знают, или по неупражнению своему в чтении книг своих почитают их обветшалыми, и делают на место оных новые слова сочиняя и спрягая их не по смыслу и разуму коренных знаменований оных, но по приучению слуха своего к чужим словам и объяснениям, как-то: *начитанность*, *картинное положение*, *письменный человек*, и тому подобные»[1]. Ср. также: «*Обработанность—обдуманность—начитанность.* — Помилуйте! Долго ли нам так писать? Не уж ли мы в подлинну думаем, что язык наш будет в совершенстве, когда мы из всех глаголов без всякого размышления и разбора накропаем себе кучу имен?»[2].

В «Московском Меркурии» (1803, ч. 3, стр. 45) в качестве «новых слов, которыми ни один еще Русский Лексикон не украшен», указаны такие — среди индивидуальных неологизмов: «*Начитанность—сердечность—равносторонность* (вместо Политического равновесия)—*чинность—неписьменность* (вместо простоумия)—*фигурность—изящная обдуманность—народодержавная догадка—соторжка—довременной—кривотолчить—картины, списанные с случаев—портреты деяний героя—декламировать стихи в доль—коллекция славы—экспатриот... авкторитет* (вместо авторства)». Но слова *начитанный*, *начитанность* очень быстро находят широкое признание, хотя и не попадают в переработанный «Словарь Академии Российской» (СПб., 1806—1822) и в «Общий церковно-славяно-российский словарь» П. Соколова (СПб., 1834).

В академическом «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. слова *начитанный* и *начитанность* уже рассматриваются как общелитературные и общепризнанные:

«*Начитанность*, *и*, с, ж. Свойство начитанного: познания, приобретенные чтением.

Начитанный, *ая*, *ое*, — *н*, *а*, *о*, 1) прич. стр. гл. *начитать*. *Он говорит не свое, а начитанное.* 2) пр.(илаг. — *В. В.*). Много читавший, научившийся многому из книг. *Он человек начитанный*»[3].

Всякому ясно, что под словом *начитанный* искусственно объединены две омонимические формы.

Слова *начитанный*, *начитанность* входят в норму русской литературной лексики не позднее 20—30-х годов XIX в.

У Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика»:

---

[1] А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1803, стр. 69.

[2] Там же, стр. 205—206.

[3] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 2. Изд. 2, СПб., 1867, стр. 884—885.

«Однажды прочитал он мне прекрасный проект устройства гражданской и уголовной части, в котором было много ума, *начитанности*, наблюдательности» [4].

В рецензии «Литературной газеты» от 24 февраля 1840 г. (№ 16) на «Мечты и звуки» — стихотворение Н. Н.[екрасова]: «Видно воображение в авторе, еще более видна *начитанность* лучших русских поэтов» (стр. 374).

Переживание

Отглагольные имена существительные на *-ние*, несмотря на сужение круга производящих глагольных основ (например, несмотря на все усиливающуюся нивелировку в них видовых и залоговых различий), сохранили свою продуктивную силу на протяжении всей истории русского литературного языка с XI—XII вв. до настоящего времени. И с особенной остротой в истории этих отглагольных имен наблюдаются процессы морфологического и семантического взаимодействия русских народных, славяно-книжных и западноевропейских языковых элементов. Многие имена существительные этого типа, сочетая в своей структуре народную русскую основу с старославянским суффиксом, крепко впитали в себя отражения функций соответствующих «эквивалентов» в лексике западноевропейских языков.

Слово *переживание* в современном русском языке выражает несколько значений [5], и все они характерны для книжной речи и ее разных стилей.

1. Только в единственном числе. Действие по глаголу *пережить—переживать* в значении 'испытать какое-нибудь впечатление, ощущение'. *Переживание сильной боли. Переживание первого морского путешествия.* «*Прием переживания ролей в жизни требовал постоянного экспромта*» [6].

2. В археологии и этнологии, этнографии: 'продукт или реликт пережитого прошлого, остаток старины, чего-нибудь устаревшего'; синоним *пережиток. Переживания мифологического мировоззрения. Переживания каменного века.* Ср. франц. *survivance.*

3. 'Психическое состояние, характеризуемое наличием каких-нибудь впечатлений, ощущений или эмоций, испытываемых, переживаемых кем-нибудь'. *Мучительные душевные переживания. Масса новых переживаний.* В области театроведения: 'внутреннее воспроизведение актером того психического состояния, которое

---

[4] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.-Л., «Academia», 1930, стр. 504.

[5] «Толковый словарь русского языка». Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, т. III. М., 1939, стр. 127—128.

[6] К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М. «Academia». 1933, стр. 114.

предполагается у изображаемого персонажа'. *Игра с переживаниями.*

К. И. Чуковскому слово *переживания* казалось «ярко окрашенным позднейшей эпохой», типичным словом «декадентских девяностых годов» [7].

Легко заметить, что значения слова *переживание* тесно связаны с значениями производящего глагола *пережить—переживать*. В слове *переживание* сплетаются смысловые ответвления двух (из числа четырех основных) значений и их оттенков глагола *пережить—переживать*.

Пережить—переживать обозначает:

1. *Кого—что*. 'Прожить дольше кого-нибудь—чего-нибудь, остаться существовать после кого-нибудь—чего-нибудь'.

У Пушкина в стихотворении «Брожу ли я...»:

> ...Я мыслю: патриарх лесов
> *Переживет* мой век забвенный,
> Как *пережил* он век отцов.

Ср.:
> Я *пережил* свои желанья,
> Я разлюбил свои мечты,
> Остались мне одни страданья,
> Плоды сердечной пустоты.

Ср. *пережиток*, *переживание* во втором значении.

2. *Что*. 'Прожить, просуществовать какой-нибудь срок, время'. *Пережить голодное время. Пережить страшный период блокады.*

3. *Что*. 'Вынести, перетерпеть, найти в себе силы перенести, выдержать что-нибудь (несчастие, горе, бедствие)'. *Пережить тяжелое горе. Пережить удар судьбы.*

4. *Что*. 'Испытать какое-нибудь ощущение или впечатление'. *Я пережил много приключений. Как мало прожито — как много пережито!*

Чаще в форме несовершенного вида. 'Выражать в сценической игре предполагаемые психические состояния изображаемого персонажа, как бы непосредственно испытывая их, действительно ими заражаясь'.

У К. С. Станиславского в указанной выше книге: «*Пережить* или представиться *переживающим* — огромная разница, такая же, какая существует между естественным, органическим комизмом и внешним ломаньем шута. Я неискусно представлялся *переживающим* там, где Федотов органически *переживал*» (стр. 197); «Когда артист говорит: „Я сегодня в духе! Я в ударе!", или „Я играю с наслаждением!", или „Сегодня я *переживаю* роль", — это значит, что он случайно находится в творческом состоянии» (стр. 527—528).

---

[7] К. Чуковский. Высокое искусство. М., 1941, стр. 64.

Два последних значения в глаголе *переживать—пережить* настолько органически, настолько тесно связаны, что в них необходимо видеть разросшиеся и разошедшиеся ветви одного общего семантического ствола. На них и опираются основные значения слова *переживание*.

Слово *переживание* не отмечалось ни одним словарем русского языка до «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Это обстоятельство находится в связи с тем, что соответствующие значения до этого времени не были ярко выражены — частью они еще вовсе не определились, частью же не были активны и в глаголе *пережить*. В «Словаре Академии Российской» глагол *переживать—пережить* определяется так:

«1) Продолжать жить долее других или препровождать где известное время. *Иногда старики молодых переживают. Больной едва ли день переживет.* 2) Жить во многих домах или у многих людей во услужении. *В доме у него много жильцов пережило. У многих хозяев пережил прикащиком.*

Пережить нужду, нещастие, беду. Перенести, перетерпеть. *Я не думал пережить своего нещастья»* [8].

Таким образом, фразеологически связанное значение глагола *пережить* 'перенести, перетерпеть' не выделяется как значение особое, самостоятельное. Очерчивается лишь основной круг его фразеологического употребления.

Никаких производных слов от той же основы не указано.

Академический «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. ограничивается указанием двух основных свободных значений глагола *переживать—пережить*:

«1. Жить долее других, или долее чего-либо. *Не дай бог пережить милых сердцу. Пережить свое несчастие.*

2. Пожить во многих местах. *Пережил во всех улицах города»* [9]. Фразеология, относящаяся к значению 'перенести, претерпеть', устранена. Очевидно, соответствующие выражения считались не очень употребительными. Они были вытесняемы синонимическими фразами: испытать *нещастье, нужду, беду* и т. п.; ср. *питать горе, надежду* и т. п.

Но в академическом словаре 1847 г. указаны такие производные имена существительные разговорной речи, связанные с глаголом *пережить*:

«*Переживка, и*, с. ж. и *Пережив, а*, с. м. Прожитие долее условного времени; просрочка. *Приплатить работнику за переживку»*; ср. «*Пережиточный, ая, ое*, пр. Относительный к тому, кто переживает других. *Переживочная запись»* [10].

---

[8] «Словарь Академии Российской», ч. IV. СПб., 1822, стр. 900.
[9] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 3. СПб., 1847.
[10] Там же.

Слова *переживание* и *пережиток* не приведены, хотя существование последнего слова уже предполагается формой имени прилагательного *пережиточный*.

В «Толковом словаре» В. И. Даля у глагола *переживать* — *пережить* (кроме значения 'жить долее других, долее чего-либо') отмечается значение: «Испытать, видеть, перенести многое на веку своем... *Не чаяла я пережить этого бедствия... Переживи-ка с мое, не то скажешь*» [11].

Таким образом, в 30—50-х годах XIX в. глагол *переживать* получает более широкое значение — 'испытывать, переносить'. Ср. у И. А. Гончарова в заметках «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв"» (1870—1872 гг.): «Россия *переживает* теперь великую эпоху реформ» [12].

У Герцена в «Былом и думах» (ч. 4, гл. XXV): «Я думаю даже, что человек, не *переживший* „Феноменологии" Гегеля и „Противоречий общественной экономии" Прудона, не перешедший через этот горн и этот закон, не полон, не современен».

На основе этого нового употребления глагола *пережить* — *переживать* около середины XIX в. укрепляется производное слово *переживание* для обозначения действия по глаголу *пережить* — *переживать* и состояния по глаголу *переживаться*. Это значение слова *переживанье* и отмечено в «Толковом словаре» Даля.

У Ф. М. Достоевского в статье «Г-бов и вопрос об искусстве» (1861): «Вследствие петровской реформы, вследствие нашего усиленного *переживания* вдруг многих разнообразных жизней, вследствие инстинкта всежизненности, и творчество наше должно было проявиться у нас так характерно, так особенно, как ни в каком народе» [13].

В 60—70-х годах XIX в. слово *переживание* начинает применяться безъобъектно как психологический термин. Укрепляется же это употребление только в последние десятилетия XIX в. В начале XX в. оно переходит и в сферу теории сценического искусства.

Ср. у В. В. Вересаева в статье «Н. К. Михайловский»: «Теперь перечитывал (повесть «Без дороги». — *В. В.*) и с отчаянием ощущал: нет, — живо; даны подлинные, свои *переживания*; многое выражено сильно» [14].

У К. С. Станиславского в книге «Моя жизнь в искусстве»: «Воспоминания о более поздних детских чувствованиях еще ярче врезались в душу. Они относятся к области артистиче-

---

[11] Даль² III, стр. 48—49.
[12] «Русские писатели о литературе», т. I. Л., 1939, стр. 379.
[13] Там же, т. II, стр. 164.
[14] В. В. Вересаев. Воспоминания. М., 1936, стр. 387.

ских потребностей и *переживаний*» (стр. 24). «Я лишь внешне копировал результаты чужого *переживания*: пыжился и физически напрягался» (стр. 160). «Технические приемы игры толкали меня к правде, а ощущение правды — лучший возбудитель чувства, *переживания*, воображения и творчества» (стр. 212).

«Трудно было бы создавать на сцене внутреннюю правду, правду чувств и *переживания*, среди внешней навязчивой и грубой театральной лжи» (395).

В 70—80-х годах распространяется употребление слова *переживание* в значении 'пережиток, реликт старины'. Это значение слова *переживание* очень часто встречается в этнографических журналах 80—90-х годов XIX в.[15] Тут, очевидно, сказалось влияние и франц. *survivance*, и англ. *survival*.

В труде Тейлора «Первобытная культура» (1871) была разработана и выдвинута на первый план теория культурных *переживаний*.

В рассказе П. А. Брюлова о разговоре с Достоевским, относящемся к 1870-м годам (сообщено его сыном): «— „Фауст" Гете? это только *переживание* книги Иова... — Позвольте, возразил мой отец, но в таком случае и Сикстинская Мадонна есть тоже *переживание* античности, античного представления красоты» [16].

По-видимому, в 80—90-е годы укрепляется в русском литературном языке и слово *пережиток*, не отмеченное ни одним словарем русского литературного языка до бодуэновских дополнений к словарю Даля и до словаря П. Е. Стояна[17]: «*пережиток* — 'устарелый обычай, устаревший обряд, след древности в нравах'».

Проф. Бодуэн де Куртене посвятил слову *пережиток* в «Толковом словаре» В. И. Даля такую тонкую и глубокую статью: «*Пережиток*, *итка*, м. в науках биологических и психосоциальных, остаток старины, часть тела, обычай и т. п., не оправдываемые настоящими потребностями, а находящие себе причинное оправдание в прошлом, польск. przeżytek; немецк. das Überlebende, англ. survival» [18].

Таким образом, слово *переживание* в 80-х годах XIX в. стало употребляться в том же значении, что и слово *пережиток*.

---

[15] Ср., например, в журн. «Этнографическое обозрение» (М., 1895, № 1, стр. 94): «культурное *переживание*».

[16] В. Е. Чешихин-Ветринский. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах, ч. I. М., 1923, стр. 151.

[17] См.: П. Е. Стоян. Малый толковый словарь русского языка, 3-е изд. 1916, стр. 39.

[18] Даль[4] III, стр. 127—128.

Слово *интеллигенция* в значении, близком к современному, появляется в русском литературном языке 50—60-х годов XIX столетия. В. И. Даль помещает это слово в «Толковый словарь живого великорусского языка», объясняя его таким образом: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»[19]. Прилагательного *интеллигентный* Даль не указывает. Очевидно, оно в 60—70-х годах еще не получило особенно широкого распространения. Слово *интеллигент* также Далем не отмечено.

Есть основания предполагать, что слово *интеллигент* укрепилось в русском языке еще позднее, чем прилагательное *интеллигентный*, и во всяком случае не ранее 70—80-х годов.

В 1890 г. Ив. Желтов в заметке «Иноязычие в русском языке»[20] писал: «Помимо бесчисленных глаголов иноземного происхождения с окончанием -ировать, наводнивших нашу повременную печать, особенно одолели и до тошноты опротивели слова: интеллигенция, интеллигентный и даже *чудовищное имя существительное* (курсив мой. — *В. В.*) — *интеллигент*, как будто что-то особенно высокое и недосягаемое. Случается даже встречать: сельская интеллигенция!...

В известном смысле, впрочем, эти выражения обозначают действительно понятия новые, ибо „интеллигенции" и „интеллигентов" у нас прежде не бывало. У нас были люди ученые, затем люди образованные, наконец, хотя и не ученые и не образованные, но все-таки умные. „Интеллигенция" же и „интеллигент" не означают ни того, ни другого, ни третьего. Всякий недоучка, нахватавшийся новомодных оборотов и слов, зачастую даже и круглый дурак, затвердивший таковые выражения, считается у нас „интеллигентом", а совокупность их „интеллигенцией"»[21].

И. С. Тургенев вкладывает слово *интеллигенция* в уста интеллигента в «Странной истории» (1869) и сопровождает его комментариями повествования. Видно, что в разговорной речи слово *интеллигенция* тогда было еще новинкой: «„Послезавтра в дворянском собрании большой бал, советую съездить: здесь не без красавиц. Ну, и всю нашу *интеллигенцию* вы увидите".

Мой знакомый, как человек, некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения ученые. Он произносил их с иронией, но и с уважением».

С 60-х годов начинает распространяться и прилагательное *интеллигентный* в значении 'осмысленный, с развитым интеллектом'. У В. П. Боткина в письме к И. С. Тургеневу (от 6 июня

---

[19] Даль[2] II, стр. 46.
[20] «Филологические записки», вып. IV—V. Воронеж, 1890, стр. 2.
[21] Там же, стр. 3.

1863 г.): «Великая перемена совершилась в русском обществе — даже физиономии изменились, — и особенно изменились физиономии солдат — представь — человечески *интеллигентными* сделались» [22].

В очерке Тургенева «Пэгаз» (1871): «Собака стала болезненнее, нервознее, ее годы сократились, но она стала *интеллигентнее*, впечатлительнее и сообразительнее; ее кругозор расширился».

До 50—60-х годов XIX в. слово *интеллигенция* употреблялось в значении 'разумность, сознание, деятельность рассудка'. Слово *разумность* для перевода лат. *intelligentia* было предложено В. К. Тредьяковским еще в 30-х годах XVIII в. По-видимому, употребление слова *интеллигенция* в русском литературном языке с значением 'разумное постижение действительности' укрепилось в философском лексиконе 20—30-х годов XIX в.

Проф. А. Галич в своем «Опыте философского словаря», напечатанном в приложении к сочинению «История философских систем» (ч. I и II, 1818), так объясняет термин *интеллигенция*: «*Интеллигенция, разумный дух*» (ч. II, стр. 321).

Позднее Н. П. Огарев в письме (1850 г.) к Грановскому пишет: «Какой-то субъект с гигантской *интеллигенцией* рассказал, что жена моя говорит, что вы — друзья мои — меня разорили! И вместо того, чтобы обратиться ко мне с запросом (если уж духа не хватало рассердиться на клевету), вместо того обвиненье субъекта с гигантской *интеллигенцией* было принято за аксиому» [23].

В Дневнике В. Ф. Одоевского: «Милютин говорит: поляки в продолжение 40 и более лет смотрели на нас, как на медведя, правда — но с которым человек, одаренный умом (т. е. поляк), всегда может справиться посредством своей *интеллигенции*. Надобно их уверить, что и москаль не лишен *интеллигенции*» (1865) [24].

Ср. в статье В. Храневича «Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка» [25] о 50—60-х годах XIX в.: «Нужно иметь в виду, что слова „*интеллигенция*“, „*интеллигент*“, „*интеллигентный*“ еще не вошли тогда в обиход русской литературы, и потому Достоевский (в „Записках из Мертвого дома“. — *В. В.*) по необходимости пользовался общеупотребительным, всем понятным словом „дворянин“, тем более, что в то время

---

22 В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 177.

23 «Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы», т. 4. М., 1917, стр. 113 и 126. Ср.: Я. З. Черняк. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.—Л., «Academia», 1933, стр. 163.

24 «Литературное наследство» 1935, № 22—24, стр. 198.

25 «Русская старина» 1910, март, стр. 608.

слова „дворянин“ и человек „образованный“ были почти синонимы».

Слово *интеллигенция* в собирательном значении 'общественный слой образованных людей, людей умственного труда' в польском языке укрепилось раньше, чем в русском (ср. франц. *les intellectuels*). Поэтому есть мнение, что в новом значении это слово попало в русский язык из польского. Так, Б. Маркевич в своих мемуарных очерках «Из прожитых дней». (3. На юге в сороковых годах) писал: «В Москве... сказывалась... духовная жизнь, благодаря... благотворному влиянию тогдашнего университета и той дворянской, образованной и независимой по средствам и духу среде, в которой слагалась тогда ее *интеллигенция* (употребляю здесь термин, тогда еще не выдуманный, или, вернее, не заимствованный еще тогда русской печатью у польской)». Михельсон также признавал слово *интеллигенция* заимствованием из польского. Устная традиция связывает первое употребление слова *интеллигенция* в языке художественной литературы с именем П. Д. Боборыкина.

У Салтыкова-Щедрина в «Пошехонских рассказах»: «*Интеллигенцией* смехотворно называют у нас всякого не окончившего курс недоумка».

У Б. М. Маркевича в романе «Бездна»: «У вас в Петербурге „*интеллигенция*“; mein Liebchen, was willst du noch mehr?».

У Г. И. Успенского в очерке «Бог грехам терпит. Деревенская молодежь»: «Пора дать дорогу — не скажу уже готовой, „настоящей“ *интеллигенции*, а хотя тем вопросам общественного блага, которые могут образовать эту настоящую *интеллигенцию*. Да, еще „образовать“ ее надобно — так она слаба, не уверена в себе, во всех тех видах, которые доступны ей в настоящем» [26].

Ср. в статье В. Вересаева «О Качалове»: «Наша русская *интеллигенция*, настолько характерная, что дала иностранным языкам специфическое слово «intelligentsia» (в транскрипции русского слова)...» [27]

Пресловутый

Б. Китерман в своей известной статье «Эмоциональный смысл слова» писал: «В жизни народов нередко наблюдается — и это имеет для исследователя истории цивилизации не малый интерес — факт изменения эмоционального содержания слова,

---

[26] Приведенные примеры из указанных работ Б. М. Маркевича, М. Е. Салтыкова-Шедрина и Г. И. Успенского даны по книге М. И. Михельсона «Русская мысль и речь», т. I. СПб., 1897, стр. 377.

[27] В. В. Вересаев. О Качалове. — «Литературная газета» от 10 февраля (№ 7/1118) 1945 г., стр. 3.

эмоциональная переоценка слова, влекущая за собой изменение и этической и эстетической ценности его: то, что раньше служило выражением одобрительным, высоким, обозначением положительного характера, то может под влиянием различных социальных, культурных и политических переживаний сделаться обозначением низким, не одобрительным, получить отрицательную этическую или эстетическую ценность и обратно»[28]. В истории славянизмов на русской почве такие экспрессивные превращения особенно своеобразны.

Слово *пресловутый* в современном русском языке значит 'приобретший печальную известность, «знаменитый» в кавычках, пользующийся дурной славой, дурной репутацией'. Оно употребляется лишь с оттенком иронии и осуждения и свойственно преимущественно стилям книжного языка. Это слово представляет собой старое книжное образование. В «Материалах для словаря древнерусского языка» указаны лишь старославянские образования: *пресловый* и *пресловущий* со значением 'славный, знаменитый, почитаемый, прославляемый'. Например, в Минее 1096 г. (окт.): *пресловый* Вакхе; в Минее праздничной XII в.: Павьле *пресловущий*; в Житии Стефана Пермского: *В пресловущем* граде Москве. Таким образом, слова *пресловый*, *пресловущий* входили в традиционную книжную формулу величания, прославления[29]. С другой стороны, известны народные восточнославянские образования от основы *слов* с суффиксом *-ут*: например, в «Слове о полку Игореве»: О Днепре *словутицю* (т. е. потомок словута, знаменитый, славный); в Ипатьевской летописи (под 6749 г.): *Словутьного* пѣвца Митусу... раздраного... приведоша[30].

Словутый образовано с помощью суффикса *-ǫt*(*-ут-*) от глагольной основы (ср. *ре(в)-ут-*; чеш. *tekutý*, *běhutý*, *mohutný*; ст.-слав. могѫтъ)[31]. Слово *словутьный* является дальнейшим суффиксальным (суффикс *-ьн-*) осложнением имени прилагательного *словутый*.

Таким образом, слово *пресловутый* представляет собой своеобразное, очень старое книжное образование, составленное из приставки *пре-* и имени прилагательного *-словутый* (ср. старославянское причастное образование *пресловущий*). Этимологический состав этого слова был не вполне ясен уже в XVIII в.

Слово *пресловутый* дошло до XVIII в. и было включено в лексическую систему высокого словенского слога, хотя и с оттенком архаичности. В «Словаре Академии Российской» находим: «Пресловутость, -сти. Знаменитость. Пресловутый, тая,

---

28 ЖМНП 1909, январь, стр. 173.

29 Срезневский II, стр. 1691—1692.

30 Там же, III, стр. 421.

31 См.: Б. М. Ляпунов. Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского. — «Известия ОРЯС АН», т. XXX, 1925, стр. 12.

тое, пресловут, а, о, пр. Сл. Преславный, презнаменитый. *Иже у нас целомудрием пресловутый*. Эсфирь, 3.13. *Пресловутые подвиги»*[32]. По-видимому, слово *пресловутый* уже во второй половине XVIII в. носило некоторый отпечаток церковности. Во всяком случае в «Церковном словаре» П. А. Алексеева это слово помещено и определяется так: «преизящный, преславный»[33].

Е. Станкевич в «Рассуждении о русском языке» (СПб., 1808, ч. II, стр. 22) писал об этом слове: «Другие слова стали нам темными потому, что не знаем их корней, а иные производим не от тех, от коих произошли они. К последним можно причислить прилагательное *пресловутый*, истолкованное в церковном словаре (т. е. в «Церковном словаре» П. А. Алексеева. — *В. В.*) (да и многими так понимаемое), *преизящный*, *преславный*; ...однако... корень оного не есть *слава*, *славный*... но *слово*. Следственно *пресловутый* не значит *преславный*, но *прослывший*, сделавшийся *известным*, отличным в народе...»

Все же в XVIII в. слово *пресловутый* не выходило за пределы литературно-языковой системы, будучи принадлежностью высокого слога, выражало старинное патетическое значение 'преславный, презнаменитый'. Например, *пресловутые* подвиги»[34]. По-видимому, эта же возвышенная, важная окраска сохранялась в слове *пресловутый* и в литературных стилях первой трети XIX в., хотя *пресловутый* в это время уже целиком воспринималось как церковно-книжный архаизм. Во всяком случае в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847 г., 2-е изд.) *пресловутый* квалифицировалось как церковное, т. е. как устарелое слово и определялось так: «известный и знаменитый». Характерно, что иллюстрация приводилась из той же библейской книги «Эсфирь» (III, 13): «Иже у нас целомудрием *пресловутый*... Аман». Очевидно, что до середины XIX в. *пресловутый* считалось в числе архаических выражений старинного церковного слога или высокого стиля классицизма.

Ср. у Тютчева:

> Там, где горы убегая,
> В светлой тянутся дали,
> *Пресловутого* Дуная
> Льются вечные струи[35].

---

[32] «Словарь Академии Российской», ч. V. СПб., 1822, стр. 237—238.
[33] «Церковный словарь» П. Алексеева, ч. II, 1794, стр. 368.
[34] См. «Словарь Академии Российской», ч. V. СПб., 1822, стр. 237—238.
[35] Характерен комментарий проф. Р. Ф. Брандта к этим стихам: «Тот же хронологический вопрос возникает насчет слова „*пресловутый*“, звучащего теперь прямо комично, но смело употребленного Тютчевым, тогда как можно было сказать „знаменитый“ или „многославный“» («Материалы для исследования „Ф. И. Тютчев и его поэзия“». — «Известия ОРЯС АН» 1911, т. XVI, кн. 3, стр. 36—37).

Но в публицистическом языке второй половины XIX в. слово *пресловутый* возрождается, становится живым, употребительным и приобретает ироническую, презрительную окраску (так же, как и многие другие архаические церковнославянизмы). Его значение получает резко отрицательный, уничижительный оттенок: 'приобретший отрицательную или сомнительную известность, славу', 'вызвавший шумные, но скандальные толки'; например, *пресловутый* чудотворец [36].

Этот экспрессивный сдвиг еще не был общепризнан в литературном языке 40—50-х годов XIX в., хотя уже очень ясно обозначался в это время.

В «Русском Жилблазе» Генн. Симоновского: «Ученый прислал мне полновесную Историю — творение, наделавшее много шуму (*не из пустяков ли?*) и самое *пресловутое*» [37].

У Ап. Григорьева в «Моих литературных и нравственных скитальчествах»: «На меня весьма малое впечатление произвел, например, „Айвенго", и я не обинуясь скажу, что насчет сказочного интереса *пресловутый* роман этот весьма уступит сказкам Дюма» [38].

У Тургенева в «Воспоминаниях о Белинском»: «Аргумент о преимуществе настоящего яблока перед написанным уже потому на него бы не подействовал, что этот *пресловутый* аргумент лишается всякой силы, как только мы возьмем человека сытого» [39]. У него же в статье «Гоголь»: «Но в то время только что появилась — в одном заграничном издании — статья Искандера, в которой он, по поводу *пресловутой* „Переписки", упрекал Гоголя в отступничестве от прежних убеждений» [40].

Истошный [голос]

Среди областных народных слов, бытующих в словаре русского литературного языка, есть былые книжно-славянизмы. Их не всегда сразу узнаешь, так как некоторые из них подверглись морфологической деформации. Таково, например, слово *истошный*.

В рассказе И. А. Кущевского «Новый солдат» (в речи солдатской женки Матрены Дмитриевой): «Ребенок *источно* кричит — умирает» [41].

В современной разговорной речи нередко употребляется вы-

---

[36] Ср. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 750.

[37] Генн. Симоновский. Русский Жилблаз, ч. 2. М., 1832, стр. 137.

[38] Ап. Григорьев. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 155.

[39] И. С. Тургенев. Сочинения, ч. I. М., 1869, стр. XLIX.

[40] Там же, стр. LXXII.

[41] И. А. Кущевский. Неизданные рассказы. СПб., 1882, стр. 52.

ражение *истошный голос*: вопить, кричать *истошным голосом*. В этом контексте *истошный* обозначает 'отчаянный, дикий'. Вообще же говоря, слово *истошный* современному языку чуждо. Оно является лишь компонентом фразеологического сращения *истошный голос*. Звуковой облик формы *истошный* связывает ее с живой народной, и притом московской или замосковной, южновеликорусской речью. В книжном стиле это слово произносилось бы *источный*. В «Толковом словаре» В. И. Даля это выражение помещено в гнезде, связанном с глаголом *истекать— истечь*: «*Исто́чный*, истекающий, к истеку, истоку относящийся. *Исто́чная вода*, ключевая, родниковая, живцо́вая. *Кричать исто́чным голосом* или в *источный голос*, *моск.*, смб. диким, отчаянным, последним, предсмертным, благим матом; ошибочно *высточным*»[42]. Таким образом, до половины XIX в. выражение *источный* голос расценивалось как народно-областное. И действительно: оно не нашло себе места ни в «Словарях Академии Российской», ни в академическом «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. Очевидно, оно еще не имело общего распространения в живой устной речи, еще не было общеразговорным. Оно было вмещено сначала в «Опыт областного великорусского словаря»: «*Исто́чный*, *ая*, *ое*, *пр*. Дикий, необыкновенный. *Источный голос*. *Моск*. *Верейск*»[43].

Между тем образ, лежащий в основе этого выражения, был широко распространен и в древнерусской письменности. В «Хождении Арсения Селунского» встречается фраза «глас истечет», привлекшая внимание А. В. Маркова, который и сопоставил с ней выражение *источный голос*. А. В. Марков признал это выражение чисто русским[44].

Однако это слово могло возникнуть лишь в книжном языке. Оно носит явную печать книжно-славянизма. Оно также относится к глаголу *истечь* (ср. *источать*), как *проточный* (*проточная* вода) к *протечь*. Между тем глаголы *истечь* и *источить* (излить) — старославянского происхождения (ср. *по истечении времени*; *истекший*; ср. русский *вытечь*). Следовательно, и в слове *источный* необходимо признать книжно-славянское выражение, хотя и появившееся на русской почве (ср. «Материалы» И. И. Срезневского). Ср. у П. И. Мельникова-Печерского в романе «В лесах» и «На горах»: «Заревела в *источный голос* — отчаянный безнадежный, последний». Проф. Е. Ф. Будде ошибочно относил это выражение к северновеликорусским[45].

---

42 Даль² II, стр. 58.

43 «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 76.

44 А. В. Марков. Родина паломника Арсения Селунского. — РФВ 1914, № 2, стр. 557.

45 Е. Ф. Будде. Сочинения П. И. Мельникова (Андрея Печерского) как лексический материал русского литературного языка. — «Zbornik u slavu Vatroslava Jagića». Berlin, 1908, стр. 227.

Слово *дотошный* (*доточный*) относится к области устно-фамильярной разговорной речи. Оно значит: 'стремящийся разобраться во всем до мелочей, старательный и аккуратный'. Это слово, судя по его фонетическому облику (*дотошный*; но ср. *точный*, *доточный*) проникло в литературный язык из живой народной, и притом южновеликорусской, речи сравнительно поздно и подверглось здесь отчасти влиянию книжного выговора. Действительно, слово *дотошный* не указано ни одним толковым словарем русского литературного языка до появления «Опыта областного великорусского словаря» (1852). Здесь находим:

«*Дото́чный*, *ая*, *ое*, *пр*. Искусный, знающий в точности дело, Моск. *Верейск*. Симб.

Дото́шник, *а*, *с. м*. Искусный человек. *Какой он дотошник!* Пенз. *Городищ*. *Дотошно*, *нар*. Подлинно, действительно, в точности. *Уж я это знаю дотошно*. *Пенз*. Городищ. *Дотошный*, *ая*, *ое*, *-шен*, *-шна*, *о*, *пр*. То же, что дото́чный. *Моск*. *Дмитр*. Пенз. Сарат.» (49).

Таким образом, это слово сначала отмечается в среднерусских и южновеликорусских говорах. Отсюда оно и внедряется в литературную речь 20—30-х годов XIX в.

И. И. Лажечников в 1824 г. в список провинциализмов, записанных им в Саратовск. губ., поместил: «Сквалы́га (скупец), прощелы́ка (насмешник), рохля (непроворный), *дотошный* (искусный, умный), до́ка (сведущий), юла́ (вертопрах), трущо́ба (чаща лесная), зря (некстати)».

И. И. Лажечников стал пользоваться словом *дотошный* (*доточный*) при воспроизведении речи персонажей из народа. Так, в «Ледяном доме» (ч. 2, гл. V): «А коли ты спросишь, для какой потребы петух, и кошка, и смоля́ная бочка, не могу тебе в ясность порассказать, растолковать. Старики ж наши про то знавали *доточно*; видно, умнее нас бывали».

У того же И. И. Лажечникова в романе «Последний Новик» (ч. 1, гл. 5): «Я знаю, как ты *доточен* на эти дела» (на лечебные).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *доточный—дотошный* уже рассматривается как слово общерусское: «*Доточный*, *дотошный*, *доточливый*, ср. *дотошливый* прл., *доточник* м. *доточница* ж. (*дотекать*, *доходить*) мастер своего дела, искусник, сведущий и опытный, дошлый, дока; доходчивый, доте́чный. *Мастер дото́чный*, *да хмель оброчный*» [46].

Однако акад. Я. К. Грот в академическом «Словаре русского языка» (т. I, 1895, стр. 1156) расценивает слово *доточный* как

[46] Даль² I, стр. 498.

простонародное. Он поясняет его синонимами *доскональный* и *дошлый* и иллюстрирует его употребление примером из романа Мельникова-Печерского «В лесах»: «Парень ты золотой, до всякого нашего дела *доточный*». И тут же приводится пословица: «Мастер *доточный*, — да хмель оброчный». Ср. *доточник*.

Для характеристики народно-областной этимологической семантической почвы, на которой возникло слово *доточный*, *дотошный*, можно привести несколько параллелей.

Проф. С. К. Булич в своих «Материалах для русского словаря» собрал некоторые данные об употреблении слова «*Истóшник* — выдумщик, искусник, чудак. Мёдуши». У Даля, Подвыс. и в Обл. Сл. нет. Доп. к Обл. Сл. «*истóчница* — мастерица, искусница, Кур. (Обоян.) у., (стр. 323), *истошник* — мастер на все руки. Алтайск.» [47].

---

[47] С. К. Булич. Материалы для русского словаря. СПб., 1896, стр. 10.

М. В. Арапов

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *офеня*

Офенями (или ходебщиками, коробейниками, суздалой) в XIX в. называли мелких торговцев-разносчиков, которые вели торговлю по деревням предметами культа (иконы, нательные крестики, житийная литература, церковные календари), необходимыми в крестьянском быту галантерейными товарами, а также «народной» литературой и лубочными изданиями[1]. Первоначально под именем офеней были известны торговцы бывшей Владимирской губернии (главным образом Вязниковского, Ковровского и частью Шуйского уезда), позже название распространилось на представителей подобной профессии из других губерний (Тульской, Рязанской, Костромской). В начале XIX в. офени представляли собой замкнутую социальную группу, имевшую собственный профессиональный язык, так называемый офенский или суздальский (последнее название было распространено главным образом в конце XVIII и начале XIX в.). Этот язык по своему лексическому составу, словообразовательной системе и отдельным своеобразным грамматическим признакам был очень близок к другим условным языкам, распространенным на территории России и Польши[2]. Такие языки являлись принадлежностью замкнутых профессиональных групп: мелких купцов (так называемый елтонский, шубрейский языки, язык бежицких

---

[1] К. Тихонравов. Офени Владимирской губернии. — «Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии». М., 1857, стр. 22 и сл.; Н. Голышев. Офени-торгаши Владимирской губернии и их искусственный язык. — «Труды Владимирского губ. статистического комитета» X. Владимир, 1874, стр. 79 и сл.; Я. П. Гарелин. Суздала, офени или ходебщики. — «Вестник Русского географического общества» 19, II, 1857, стр. 87 и сл.; А. А. Пругавин. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895.

[2] Кроме работ, указанных в прим. 1, мы будем пользоваться для офенского языка списками слов, содержащимися в следующих работах: И. И. Срезневский. Афинский язык в России. — «Отечественные записки» V, 1839, Смесь, стр. 1 и сл.; Реестр словам Офенского наречия. — «Труды Общества любителей российской словесности», ч. 20. М., 1820, стр. 239 и сл.

торговцев, галивонские алеманы и др.[3]), портных, стеклодувов[4], шаповалов (так называемый катрушницкий и парушницкий лемезни), профессиональных нищих (так называемый любецкий лемент), лирников, лаборей (сборщиков «на построение храма»)[5]; в какой-то мере все эти языки были связаны с языком профессиональных преступников. Всего на территории России и части Польши таких профессиональных языков насчитывалось несколько десятков, некоторые из них (офенский, например) представлены значительным количеством записей, но о подавляющем большинстве нам известно очень немного.

Этимологий слова *офеня* существует довольно много, некоторые из них мы предполагаем рассмотреть ниже. Во-первых, любопытны толкования, которые дают этому слову сами офени. Они связывают его с определенными преданиями о происхождении своей корпорации[6]. Согласно одному из таких толкований, слово *офеня* связано с немецким названием венгерского города Офена. *Ofen* — это буквальный перевод слав. *Пешть* (левобережная часть города Будапешта). Купцы этого города якобы первые занялись торговлей вразнос, и владимирские офени считали себя их преемниками. Это толкование приводится без комментариев также и в работе И. Ягича о тайных языках у славян[7]. Кроме неясностей в словообразовании (следовало бы ожидать *офенец* или *офенщик*), против этой этимологии можно выдвинуть и соображения исторического порядка. Если относить возникновение данного вида торговли к XVI в., а свидетельства этому есть[8], то следует помнить, что Офен находился в этот период под властью турок, которые захватили в свои руки сравнительно небольшую торговлю этого города[9]. Другое

---

[3] Д. Ржевский, Я. К. Акеилев. Слова, употребляемые жителями города Галича и его уезда, собранные учителями тамошнего уездного училища. . . — «Труды Общества любителей российской словесности», ч. 20, стр. 139 и сл.; В. Н. Добровольский. О Дорогобужских мещанах и их шубрейском или кубрацком языке. — ИОРЯС II, 2, 1897, стр. 320 и сл.; Я. Шульгин. Слова, употребляемые жителями г. Нерехты и его уезда. — «Труды Общества любителей российской словесности», ч. 20, стр. 136 и сл.; В. Каллаш. Бежецкий условный язык. — «Этнографическое обозрение» 1900, № 2, стр. 161; Н. Виноградов. Жгонский язык. — ИОРЯС XXIII, 1, 1918, стр. 89 и сл.; его же. Галивонские алеманы. — ИОРЯС XX, 1, 1915, стр. 209 и сл.

[4] Н. В. Чернышев. Список слов портновского языка. — ИОРЯС III, 1, 1898, стр. 251 и сл.

[5] Е. Р. Романов. Словарь условных языков. — «Белорусский сборник» 9. Вильна, 1912; П. Тиханов. Брянские старцы. Тайный язык нищих. Брянск, 1895.

[6] К. Тихонравов. Указ. соч., стр. 23.

[7] V. Jagić. Die Geheimnissprachen bei den Slaven. — «Sitzungsberichte der kaiserl. Akademie der Wissenschaften», philol,-hist. Kl., Bd 133. Wien, 1896, стр. 13 и сл.

[8] В. Борисов. Старинные акты, служащие дополнением к описанию г. Шуи. М., 1853.

[9] W. Björkman. Ofen zur Türkenzeit. Hamburg, 1920.

толкование, даваемое самими офенями этому слову, совпадает с наиболее распространенной научной этимологией: «Название офеней производится от того, что греки, начав вести в значительных размерах торговлю с Русью явились сюда в виде переселенцев из Афин, и поэтому назвались Афенями, Афиней, или, по здешнему произношению, офенями»[10]. Это же по существу толкование предлагает и М. Фасмер (Vasmer II, 293), сближая офенский с греч. ἀθηναῖος[11].

Оба толкования, предложенные самими офенями, хотя и маловероятны, особенно первое из них, представляют в их устах определенный интерес, свидетельствуя о живых культурных связях в одном случае с Венгрией, а в другом — с греками. Существование таких связей подтверждается и наличием в самом офенском языке нескольких венгерских и значительного количества греческих заимствований. Из венгерского, по-видимому, заимствованы такие слова, как *астона* 'жена' — венг. *asszony* 'замужняя женщина', *хаз*, *хас* 'дом, двор' — венг. *ház* 'дом' (возможно объяснение и из нем. *Haus*[12]), *ловак*, *лавак* — венг. *ló*, мн. ч. *lovak* 'лошадь, конь'. Греческие параллели к словам условных языков в изобилии приводятся И. Ягичем (указ. соч., стр. 13 и сл.) и в других упомянутых работах. Путь, которым эти слова попали в офенский язык, неясен. Во всяком случае они не могли быть заимствованы в греческих поселениях на юге России, так как фиксируются уже словарем Палласа[13], а греческие поселения возникли только в конце XVIII в. Кроме того, приазовские и крымские греческие диалекты имеют ряд ярких фонетических черт, которые не отражены в офенских заимствованиях. Не нашли отражения, например, палатализация задненебных согласных (ср. греч. демот. χείρ, греч. диал. *šer* и офен. *хирки* 'руки'), редукция кратких *ĭ* и *й* (ср. греч. демот. μικρός, греч. диал. *mkro* и офен. *микрец* 'малец'; греч. демот. πυλο, греч. диал. *plu*, офен. *пулить*, *пулец* 'продавать, купец'), хотя эти явления возникли довольно рано, до ухода греков из Крыма в 70-х годах XVIII в., в период, когда греческие диалекты испытывали сильное влияние местных тюркских языков.

Другие предполагавшиеся «греческие» этимологии — из н.-греч. ἀφέντης 'господин' (И. Ягич, указ. соч.), из греч. диал.

---

10 К. Тихонравов. Указ. соч., стр.

11 Ср.: L. Diefenbach. Die ofenische Sprache. — KSchlBeitr. 4, 3, 1864, стр. 328.

12 Е. Поливанов. Стук по блату. — «За марксистское языкознание». М., 1931, стр. 158.

13 «Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранный десницей всевысочайшей особы». Отделение первое, часть первая. СПб., 1787. — Мнение о заимствовании греческой лексики у греческих колонистов высказал В. Григорович в своей книге «Записки антиквара о поездке его на Калку и Калмус в корсуньскую землю и южные побережья Днепра и Днестра». Одесса, 1874.

ἀφέν, ἀφήν 'оставленный, отошедший' (В. Григорович, указ. соч., стр. 9), ὀθόνιον 'тонкое льняное полотно'[14] — вряд ли более предпочтительны, как справедливо считает М. Фасмер, чем приведенное выше сближение с ἀθηναῖος. Фантастически выглядит объяснение И. Срезневского: *офенский* как *а-финский*, т. е. финский[15].

Общим недостатком приведенных выше этимологий является практически полное игнорирование материалов самого офенского языка.

В самом деле, гипотеза о заимствовании этого слова из греческого языка предполагает в качестве необходимого условия посредничество самих офеней и офенского языка. Более того, если бы слово *офеня* было заимствовано из греческого языка в офенский язык с одним из приписываемых ему значений (см. Vasmer II, 293), то в словарях офенского языка оно должно было бы фиксироваться как самоназвание офеней, их собственный «этноним». Однако это не так. Офени, как это известно, называли себя *масыками* или *масами*. Это название явно связано со словом *мас* — 'я, наш, свой'. Слова *мас*, *масы* с тем же значением мы встречаем почти во всех условных языках, в арго *маза* значит 'учитель блатных'[16]. Наоборот, слово *офеня* для вязниковских и ковровских торговцев казалось общепонятным и трансформировалось из *офеня* в *лифоня*[17]. Вообще слово *офеня* появляется на страницах печати только с 20-х годов XIX в. До этого в русских и зарубежных публикациях мы встречаем другое название для торговцев-разносчиков: *суздальцы*, *суздала*[18].

В. Даль удачно связал слово *офеня* с рядом других слов из офенского языка: *офест* 'крест', *офениться* 'молиться'[19]. Мы могли бы добавить *Офестос* 'Христос', *масья офестная* 'крестная мать', *хрутель офестный* 'крестный отец' и, возможно, *нефеть* или *нефедь* 'еврей', т. е. 'некрещеный, нехристь' из **нефесть*. При всей бесспорности этих сближений, сделанный

---

[14] Этимология, связывающая слово *офеня* с греч. ὀθόνιον 'тонкое льняное полотно', приведена без указания на первоисточник в БСЭ (31, стр. 451). Неясно, что доказывает приведенное рядом рассуждение о том, что основным предметом торговли византийских купцов на Руси было именно пресловутое «тонкое полотно».

[15] И. Срезневский. Указ. соч., стр. 2.

[16] В. Тонков. Опыт исследования воровского языка. Казань, 1930; В. А. Каверин. Конец хазы. Л., 1926.

[17] И. А. Голышев. Словарь офенского искусственного языка. — «Владимирские губернские ведомости», часть неофициальная, 33 и 34, 1874.

[18] Кроме указанного выше словаря Палласа, см.: Н. М. Карамзин. История Государства Российского. СПб., 1842, прим. 240 к т. I, стр. 62; J. Ch. Adelung. Mitridates oder allgemeine Sprachkunde, Tl 2. Berlin, 1809, стр. 629; его же; Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte. St.-Peterburg, 1820, стр. 20.

[19] Даль I, стр. 30.

Далем на их основе вывод, что слово *офеня* значит 'крещеный, христианин', кажется нам несколько преждевременным.

Прежде всего неясна «прагматика» такого названия для торговцев-разносчиков. Ведь это название было распространено и употреблялось среди таких же, как и офени, «добрых християн», и как раз по этому признаку продавец-*офеня* и покупатель-*лох* нисколько не различались[20]. Не обосновано и отступление от обычной в русском языке семантической модели для названия торговца: или по признаку меры (алтынщик, алтынник, аршинник, ср. «елтонский язык» — условный язык купцов-костромичан — от *елтон* 'аршин'), или по названию товара (мясник, булочник, иконник, ср. также название татар-старьевщиков *халат*, см. Vasmer II, 293). Более приемлемо было бы толкование 'торговец крестами, предметами культа', но и это не может быть названо удовлетворительной этимологией, так как не ясно ни происхождение слов *офест*, *офеститься*, ни характер словообразовательной связи между *офест* и *офеня*. С другой стороны, есть основания полагать, что слова *офест*, *офеститься* и др. являются в самом офенском языке сравнительно поздними приобретениями. Понятия, относящиеся к христианской религии, выражаются в офенском языке с помощью слова *стод* и слов, связанных с ним прозрачными словообразовательными отношениями. Ряд других терминов имеет явно местное диалектное происхождение: *оклюга* 'церковь', ср. яросл. *клюжий*, *клюжо* 'хороший, пригожий'[21], *скес* 'некрещеный, еврей' (у Даля 'черт, сатана'[22]). Слова, которые мы гипотетически связали с *офеня*, в большинстве случаев выступают в качестве дублетов к «коренным» офенским словам.

В условных языках, распространенных на западе России, на Украине, в Белоруссии, на территории бывшего Царства Польского, таким «основным» словом, выражающим понятие христианской религии, было слово *ахвес* (*яхвес*, *охвис*, *охвесь*, *ахвесь*, *хвесь*, *фес*). Наряду с ним выступало слово *деус* 'бог' и ряд производных: *деуситься* 'молиться', *деусница* 'церковь' и т. д.[23] По-видимому, это слово связано с латинским *deus*, которое легко могло проникнуть в западные условные языки через посредство католического населения. Приведем некоторые слова офенского языка и западных условных языков. Все эти слова относятся к семантическому полю религии:

---

[20] *Лох* 'мужик' — несколько презрительное название для любого неофени, которому можно *пропулить* (продать) *шивар* (товар).

[21] Ср.: Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 88.

[22] Даль IV, стр. 196; В. Щепотьев. Мова наших школярів. — «Етнографічний вісник», кн. 3, 1926, стр. 80.

[23] Примеры из западных языков приводятся главным образом по цитированной работе Е. Романова.

Значения	Офенский язык	Слова, связанные со словом *офеня*	Западные условные языки
Бог	стод, стота	—	ахвес, яхвес, деус
Христос	Стода	Офестос	Ахвес, Деус
церковь	стода, оклюга	—	ахвес, клюса, хлюса, деусница
икона	стод, стодница	—	ахвес, ахвесник
иконник	стодарник	—	—
крест	—	офест	клюсник
молиться	стоду чунаться	офеститься	яхвесу чинаться, ахвесаться
некрещеный, еврей	скес	нефедь, нефеть	гуд [24]

Если иметь в виду, что в ряде великорусских говоров сочетание [хв] передается в виде [ф], легко объяснить слова *офест*, *офеститься* и др. как заимствования из западных условных языков в офенский. Таким образом, *офест* < *ахвес* при контаминации с *крест*. Ср. другие примеры контаминации такого же типа: *филоны* 'полати' и *хвилаты*, *кухта* 'бедняк' и *кухтяк*, *ярый* 'старый' и *яршина* 'старшина', *кимать* 'спать', *кимка* 'ночь' и *кимочь* 'ночь' и т. п. Несложно объяснить и *офеня* < *ахвесь*, *ахвес*. Вероятно, здесь мы имеем дело с изменением по той же словообразовательной модели, что и в случае *хаз* 'дом'—*похаз* 'то же', *поханя* 'хозяин', где возможен вариант *хоз*—*похоня* [25]. Возможность передачи [хв] как [ф] в данном случае подтверждается и самими западными условными языками, если в их основу положен диалект, где [ф] фонетически возможно. Ср. приведенную в статье К. Студинского фразу на языке нищих: «*О фез комунеський до тебе кизетаю*» 'О, боже ласковый, тебе молюсь' [26].

Само слово *ахвес*, очевидно, представляет собой традиционное чтение наиболее употребительного из имен иудейского бога *JHWH* (так называемый «тетраграмматон») как *Jahveh*. Это слово, конечно, проникло в белорусские и украинские условные языки через посредство еврейского населения.

Таким образом, слово *офеня* 'торговец предметами культа' восходит к слову *ахвес* условных языков запада России. Значе-

---

[24] Ср. лит. *gudas* — презрительное название белоруса.

[25] Возможно, что здесь мы имеем дело с изменением такого же типа, что и в патронимах: *Зелеся—Зеленя*, *Трус—Труня*. См.: Н. М. Тупиков. Словарь древне-русских личных имен. СПб., 1903, стр. 161, 403 и др.

[26] Кость Викторин (псевдоним К. Студинского). Дедовска (жебрацка) мова. — «Зоря». Львов, 1886, стр. 237 и сл.

ние слова *ахвес* можно определить приблизительно как 'все, что связано с религиозным культом'.

В подтверждение предлагаемой этимологии можно привести еще один, скорее этнографический, факт. На территории Польши, в местечках Слесин и Скульск (Познанское воеводство, Конинский повят), в XIX в. существовал вид промысла, почти полностью идентичного промыслу наших офеней. Там существовала корпорация торговцев-разносчиков, специализировавшихся на продаже икон и других предметов, связанных с религиозным культом. Сфера их коммерческой деятельности охватывала не только территорию бывшего Царства Польского, но и часть Западной Украины и Белоруссии. Их условный язык во многих чертах близок условным языкам запада России. Но более всего любопытно, что они называли себя *образниками* (*obraźnikami*), а свой профессиональный язык *образницким* (obraźnickim) или *охвестницким* (*ochweśnickim*)[27].

---

[27] W. Budziszewska. Żargon ochweśnicki. Łódź, 1957 (Łódzkie towarzystwo naukowe. Wydział I, № 26).

В. А. Никонов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО *гм*

Кажется простым и естественным междометие *гм* (*хм*), ни разу не привлекшее внимания наших языковедов, — и напрасно.

В английском языке, как отмечает «Оксфордский словарь», междометие *hem* (произносится *hm*) «воспроизводит звук прочистки горла», «напоминает легкое покашливание с целью привлечь вниманье, предупредить, выразить сомнение», впервые зарегистрировано под 1526 г.; в форме *hum* (Шекспир, «Генрих IV»; Диккенс, «Крошка Доррит») «выражает легкое недовольство, несогласие»; в форме *h'm* (Теккерей, «Роза и кольцо», 1854) с тем же значением, как и *hem* [1]. Этимологические словари английского языка, констатируя те же значения, о происхождении лишь скупо замечают: «звукоподражательно» [2].

Этимологический словарь немецкого языка отмечает: «*hm* — междометие раздумья и сомнения, так — с Виланда, 1774 г., до того *hem*, *hum* — у Штилера, 1691 г.» [3]

«Академический словарь французского языка»: «*hem* (*h'* придыхательно) — междометие, которым пользуются для зова, выражает также сомнение, колебание, недоверие», «*hom* — междометие, выражающее сомнение, недоверие» [4]. К этому мало добавляют этимологические словари: «*hem* — междометие, привлекающий возглас; *hom* — междом., означает сомнение; *hum* — междом., означает сомнение, неуверенность» [5]; «*hem* (с 17 в.) — ономатопейя; *hom* (с 18 в.) — ономатопейя, вариант к *hem*» [6] — и ни слова

---

1 «The Oxford English dictionary» V, 1933, стр. 442—443. — В подборе английских примеров участвовала И. М. Крейн, которой автор выражает признательность.

2 W. Skeat. An etymological dictionary of the English language. Oxford, 1956, стр. 267; E. Partridge. Origins. London, 1959, стр. 285.

3 F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache (17-е изд.). Berlin, 1957, стр. 311.

4 «Dictionnaire de l'Académie Française» (8-е изд) II. Paris, 1935, стр. 11 и 18.

5 L. Lebrun, J. Toiseul. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1937, стр. 439, 445, 450.

6 A. Dauzat. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1958, стр. 387 и 391.

больше; «*hem* — призыв, *hom* — сомнение, недоверие, *hum* — сомнение, недомолвка, нетерпение» [7].

В славянских языках также различны лишь оттенки тех же значений. В чешском: «*hm, hmhm* — междом., выражает сдержанное поддакивание, сомнение, несогласие, пренебрежение, нерешимость, удивление и т. п.» [8]; «*hm* (пишется также *hmh*), *hmhm* — междом., выражающее преимущественно удивление, колебание, раздумье, сдержанную поддержку, сомнение, несогласие, пренебрежение, иронию и вообще реакцию человека на внешние импульсы» [9], — интересно, что в приводимых отдельных примерах из речи персонажей художественной литературы это междометие наиболее часто вводится глаголом *zabručel* 'проворчал' («Pan zabručel: — Hm, z toho by mohlo něco byti» — J. Stolba; «Hm, hm — zabručel rektor» — A. Marek). В польском: «*hm*! — междом., означающее раздумье, недоверие, сомнение, предположение, возможность», «*hum! hum! hem!* — удивление, сомнение, раздумье» [10].

В русском языке *гм* очень позднее. Замечательный пример у Пушкина в четырехстопном ямбе («Евгений Онегин»), с проявлением гласного и характерным удвоением:

Гм! Гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?

Последующие случаи немалочисленны.

Не исключено, что специальные разыскания обнаружат это междометие и в произведениях XVIII в., но словаря русского языка XVIII в. нет.

Во всяком случае вне сомнений, что это междометие совсем чуждо русскому просторечию и принадлежит исключительно языку литературному, хотя лишь в разговорной форме его. В этом бесспорно убеждают и все примеры, оставленные веком минувшим, и особенно наглядно — живая русская речь последнего полстолетия: каждый, знающий ее не только по книгам и даже не по записям диалектографов, безошибочно определит социально-культурную сферу бытованья этого междометия и пути его проникания в более широкие слои.

Каково же происхождение русского *гм*?

Первое объяснение, каким, к сожалению, обычно и довольствуются, чисто биологическое: естественный звук покашливанья.

Это — иллюзия, искусственно выводящая слово обратным путем из значения, как всякая наивная этимология. Почему же сомненью выражаться именно покашливанием? Или обратно:

---

[7] E. Littré. Dictionnaire étymologique de la langue française, IV. Paris, 1958, стр. 572, 629, 649.
[8] «Slovník spisovného jazyka českého» I. Praha, 1937, стр. 604.
[9] «Příruční slovník jazyka českého» I. Praha, 1937, стр. 886.
[10] «Słownik języka polskiego» II. Warszawa, 1952, стр. 46 и 63.

почему покашливаньем выражать именно сомненье, а не что-либо совсем иное? Какой огромный путь потребовалось проделать человеческому сознанью, чтобы установить это соответствие? Совершенно ясно, что такая связь означает уж весьма сложную языковую систему, бесконечно далекую от первобытной, непосредственной связи эмоции и выкрика. Какое же чудовищное упрощенчество — игнорировать весь этот сложнейший путь, наивно представляя рожденье значимого слова из «естественных звуков»!

Но главное даже не в этом. Сама фонетическая форма *гм* чрезвычайно далека от непосредственного «покашливанья», «прочистки горла». Она опосредствована длительнейшим развитием языка, не только лексикализована, но и фонетически формализована. Языки индоевропейские, в отличие от многих других, не располагают звуками более задней артикуляции, чем наши *г*, *к*, *х*; в нашей системе нет ни гортанных, ни задненебного *п*, ни даже тюркских глубокозаднеязычных. Следовательно, приходится признать: либо в индоевропейских языках невозможны слова, передающие покашливание (т. е. объявить их вне языка), либо глухи учебники и исследования, не слышащие многих звуков, либо такие слова налицо и учебники тоже не противоречат языковой действительности, потому что как слова языка и *гм*, и ему подобные состоят из звуков языка, а не из «естественных звуков». Они могут обозначать внеязыковые звуки, как их обозначают и слова *звон* или *шорох*, т. е. как слова *синий* или *желтый* обозначают соответствующие цвета.

При этом историческом развитии индоевропейских языков вместо *hm* могли отлично функционировать с тем же значением *ку*, *нг*, *кх*, *кр* или даже *э* и т. п. Звук и значенье не тождественны и в *гм*. Иначе не могли бы существовать слова, фонетически те же самые, но с совершенно иными значениями: англ. *hum* 'слух, молва', 'жужжать, гудеть', 'хитрить, обманывать', франц. *home* 'жилище, очаг', польск. диал. *hum-hum* 'где-то там, далеко'[11] и мн. др.

И *гм*, и другие подобные слова ближе к любому слову, не вызывающему никаких звукоподражательных представлений, чем к внеязыковому «природному» звуку[12]. Они опосредствованы языком.

Достаточно задуматься, почему русскому *трах* соответствует немецкое *bums*, почему обыкновенная утка крякает на разных языках: в России *кря-кря*, во Франции *кан-кан*, в Англии *квак-*

---

[11] J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, II. Kraków, 1901, стр 196.

[12] Грамматическая неизменяемость ничуть не изолирует их: таковы и союзы, и наречия, и многие имена (в русском — *кофе*, цвет — *беж*). Они легко становятся и словообразовательными основами: глагол *хмыкать*.

квак, в Дании *рап-рап* и т. д. Совершенно несостоятельно отделываться кивком на звукоподражательность таких слов — она иллюзорна. Их необходимо исследовать как слова языка.

Другое объяснение происхождения русского *гм* — исконность его еще с периода общеиндоевропейского единства.

Поздняя фиксация междометия на письме — не очень убедительное возраженье против такого предположения: ведь *гм* принадлежит диалогической речи, особенности которой слабо, неполно и с большим опозданьем отражались в письменности.

Но вот исключительная принадлежность этого междометия языку литературному при полном незнакомстве просторечию безоговорочно исключает допущенье об унаследованности из праязыка.

Единственно возможное происхождение русского *гм* — позднее заимствование из английского, немецкого или французского, через польский или непосредственно. Заимствование междометий известно: из наиболее поздних примеров — судьба *ура* или *фи*.

Лексикографическая помета «звукоподражат.» при русск. *гм* неверна. Но и для языка, в котором удалось бы установить незаимствованность этого слова, такая помета двусмысленна: она выдает значенье за происхожденье. В составе современного языка такие слова — плод не биологического рефлекса, а длительного языкового развития. Исследование этимологии междометий тем и важно, что оно разбивает наивное представление о «непосредственном», «естественном» рождении их. Каждое слово языка, каким бы примитивным и «естественным» оно ни казалось, обязано не биологии, а истории.

О. Н. Трубачев

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ

(1. *выпе́ндриваться*, 2. *гры́мза*, 3. *драндуле́т*, 4. *в пи́ку*, 5. *сту́колка*, 6. *фи́фа*, 7. *шкет*)

Настоящие заметки посвящены словам, которые не только не этимологизировались до сих пор по большей части, насколько известно, но и не включены еще нередко в толковые словари русского языка (таково по крайней мере слово *выпе́ндриваться*). Тем не менее эти слова существуют и вполне заслуживают фиксации и выяснения их этимологии. Известный смысл, быть может, ложно понятый, их невключения в толковые словари общенародного языка заключался в ощущении того, что на этой лексике лежит печать арго, просторечия, что в общенародном языке их как бы нет и они должны фиксироваться иным путем. Решать эти вопросы здесь не входит в наши задачи. Вместе с тем предлагаемая статья в некотором роде тенденциозна, если обратить внимание на подбор этимологизируемой лексики. Да, арго и просторечие очень интересны в лексико-этимологическом плане, их словарь причудливо совмещает новые и древние элементы, заимствованное и исконное (последнее нередко с печатью индивидуальной формально-фонетической эволюции, мотивированной здесь стилистически). Этимологизация в пределах этой лексической сферы имеет, следовательно, свою специфику и сталкивается с элементами или целыми их пластами, которые отсутствуют вне этой сферы (ср., например, ряд сугубо просторечных, арготических ч е х и з м о в, о которых ниже). Деление на литературное и нелитературное абсолютно неактуально с точки зрения этимологии, которая занимается всем, что заслуживает этимологизации, в том числе и собранными здесь словами.

1. *выпе́ндриваться* 'выставлять себя напоказ' (в словарях не отражено), видимо, восходит к областному **выпетриваться*, где затем было инфигировано *-н-*, а *-тр-* перешло в *-др-* в условиях экспрессивного употребления. Форма **выпетриваться* может быть объяснена из **выпятриваться*, **выпятрить(ся)*, ср. блр. *вы́пет-*

рыць 'выветрить, высушить'[1] и то и другое — из исконного слав. **vy-pętriti*, собственно, 'выставить, растянуть, расстелить на приспособлении *pętro'. Это последнее означало 'стояк, станина (для растяжки)', представлено достаточно широко в ряде славянских языков и связано этимологически с **pęti*, **pьnǫ* 'натягивать, напяливать, пялить'.

2. *гры́мза*, бранно — о старом человеке[2], может быть понято в связи с *грымать* (*грым-з-а*) и т. д.[3], что, однако, неизбежно повлекло бы за собой вывод о южном, украинском источнике распространения слова, ср. характерность рефлекса *-ры-* < *-рь-* именно для украинского. Это, впрочем, маловероятно: словарь Гринченко не знает такого слова для украинского языка, а Даль (I³, 993) определяет эту форму скорее как восточную (моск., симб.). Другой возможностью происхождения, с которой приходится серьезно считаться, нам представляется экспрессивное инфигирование *-м-*: *гры-м-за* < **грыза*, ср. *огрызаться*, *грызть* в значении 'изводить попреками' и т. п. Совершенно аналогичную экспрессивную инфиксацию такого же элемента находим в в.-луж. *hrymzać* наряду с *hryzać* 'грызть, хрустеть'[4].

3. *драндуле́т* — о старом, расхлябанном экипаже, повозке и т. п.[5], насколько известно, еще не привлекал внимания этимологов, тем не менее представляет определенный интерес с точки зрения своего происхождения. Мы лишены здесь возможности обстоятельно документировать примерами время появления и историю этого слова, но не оставляет никаких сомнений, что это — новое слово. Оформление — конечное *-ет* в *драндуле́т* — мы считаем вторичным, приобретенным под влиянием, например, слова *кабриолет*. Дальнейшая этимологизация имеет дело только с основой *драндул-*, близкие соответствия которой мы находим прежде всего в польском: *drynduła*, *dryndulka*, *drendulka* 'наемная повозка, бричка, извозчик'[6]. Имея в виду выразительную ономатопоэтическую физиономию основы *drd-/drnd-/drynd-* и других подобных вариантов в целом ряде языков как славянских, так и за их пределами, мы допускаем здесь возможность того, что можно назвать «элементарным родством», т. е. близостью, не основанной на генетических связях, примеров чего особенно много в экспрессивной, звукоподражательной

---

[1] М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925, стр. 68.

[2] «Словарь современного русского литературного языка» III. М., 1954, стб. 453; Даль I³, стб. 993.

[3] Vasmer I, стр. 314.

[4] Pr. Dr. Pfuhl. Lausizisch-wendisches Wörterbuch. Budissin, 1866, стр. 223.

[5] «Словарь русского языка в четырех томах» I. М., 1957, стр. 601.

[6] J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki I, стр. 569.

лексике. Однако, может быть, именно польск. *dryndula* и русск. *драндул-éт* связаны отношением заимствования (польск. > русск.)[7].

4. *в пи́ку* 'наперекор, назло' — широко распространенный русский просторечный идиоматизм — обнаруживает особенности употребления, не позволяющие здесь видеть слово *пи́ка* в значении 'вид копья' (или в значении карточного термина), которое, бесспорно, заимствовано из французского языка, ср. франц. *pique* во всех этих значениях. Более того, именно этот элемент контекста побуждает нас говорить об особом русском **пи́ка* II — в отличие от *пи́ка* I, только что упомянутого выше. Видя оправдание в семантической, ономасиологической аналогии образования польского предлога 'вопреки' — *wbrew* < **vъ brъvь*, собственно, 'в бровь', мы объяснили бы наше выражение *в пи́ку* как образованное от **пи́ка* II 'физиономия, лицо, рот'. Предложенную гипотезу едва ли нужно упрекать в излишней смелости, так как искомое **пи́ка*, неизвестное в русском языке, широко представлено уже в украинском: *пи́ка* 'морда'[8]. Это слово родственно, далее, русск. *пи́кать*, *пи́кнуть*, с другим суффиксальным оформлением — *писк*, *пища́ть*. Перед нами, таким образом, экспрессивное, но несомненно древнее образование со значением 'морда, лицо'. На основании сказанного мы получаем как будто право реконструировать праслав. **pika* 'лицо, морда', продолжающее существовать в отдельных современных языках. Сюда же, очевидно, блр. *упíка* 'попрек', *папíка*, то же, значения которых, мне кажется, подтверждают изложенные выше соображения о нашем идиоматизме *в пи́ку*.

5. *сту́калка* 'род азартной карточной игры'[9] представляет собой кальку с нем. *Pochspiel* — от *pochen* 'стучать'[10].

6. *фи́фа* 'пустая, легкомысленная девушка или молодая женщина, думающая только о развлечениях, нарядах и т. п.'[11] следует рассматривать как заимствование относительно недавнего времени, восходящее в конечном счете к ср.-в.-нем. *pfīfe* при современном нем. *Pfeife* 'дудка, свисток'. В семантическом отношении ср. тоже просторечное *свисту́шка* 'фифа'. Весьма возможно, что слово *фифа* поступило из профессиональной лексики, ср. приводимое Далем *фе́фка*, *фи́фка* 'трубочка, коею раздувают на свече или жирничке боковой, жаркий огонь, для пайки ме-

---

[7] Далее о польск. *drynda* и соответствующих глаголах см.: Sławski I, стр. 172: «Звукоподражательные слова от звука при езде, ходьбе, движении». Ср. еще: A. Brückner, стр. 99. Кратко о русск. диал. *дры́нда* см.: Vasmer I, стр. 375.

[8] Грінченко III, стр. 150.

[9] «Словарь современного русского литературного языка» XIV. М., 1963, стб. 1102 (вслед за Далем).

[10] О немецком слове см.: Kluge[15], стр. 573: *pochen*.

[11] «Словарь русского языка в четырех томах» IV. М., 1961, стр. 779.

лочей', с этимологической пометой И. А. Бодуэна де Куртенэ (*Pfeifchen*), указывающей на источник заимствования[12].

7. *шкет* (просторечное, бранное, из воровского арго) 'мальчишка, подросток'[13] представляет собой заимствование из чеш. *šketa*, *čketa* 'болван, зверь, изверг'[14]. Оставляя открытым вопрос о конкретных путях проникновения данного заимствования, обратим лишь внимание читателя на тот несомненный факт, что целый ряд важных слов разговорно-просторечной сферы, а также более низких стилистических сфер русского словаря заимствован относительно недавно именно из чешского языка. Сюда относятся такие слова, как *грубия́н*, *франт*, *кра́ля*, *-манда́*[15]. Того же происхождения и арготизм *шкет*.

---

[12] Даль³ IV, стб. 1137.

[13] Ушаков IV, стб. 1349; «Словарь русского языка в четырех томах» IV, стр. 984.

[14] О чешском слове см. специально: K. Štrekelj. Slavische Wortdeutungen. — AfslPh XXVII, 1905, стр. 41 и сл. Маловероятно сближение Фасмера русск. *шкет* с ит. *schietto* 'откровенный' (Vasmer III, стр. 406).

[15] О последнем слове Фасмер сообщает с сомнением следующее: *манда́* 'cunnus'. Ср. чеш. *paní manda* (из *Magdalena*), по мнению Брюкнера (KZ 46, стр. 217), первоначально 'грешница' (Мария Магдалина), а также 'потаскуха'. См.: Vasmer II, стр. 95. В связи с этим значительный интерес представляет слово *мандово́шка* 'pediculus pubis', требующее специальных пояснений. Это слово в числе других таких же слов по принятому у нас обыкновению, к сожалению, игнорируется или избегается даже крупнейшими нашими словарями, так, оно пропущено даже в дополнениях И. А. Бодуэна де Куртенэ к словарю Даля! Между тем перед нами несомненно древнее сложение, сохраненное исключительно устной традицией. Внешние сравнения, главным образом в виде польск. *mędoweszka*, *mądoweszka*, *mandoweszka* 'pediculus pubis', позволяют уверенно реконструировать праслав. **mǫdovъšьka*, которое войдет на правах самостоятельной позиции в словник будущего «Этимологического словаря славянских языков (праславянский лексический фонд)». Правильным русским, восточнославянским рефлексом этой праславянской формы было бы незасвидетельствованное **мудовошка* (ср. *муде̂* 'testiculi'), которое, надо полагать, позднее подверглось воздействию заимствованного *манда́* (или польских форм?).

Л. А. Гиндин

ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ: I. АТТ. τεῦτλον, ИОН. σεῦτλον; II. ГРЕЧ. νᾶπυ

I АТТ. τεῦτλον, ИОН. σεῦτλον

Это греческое название одного из видов свеклы, 'Beta maritima L.', в сущности еще не подвергалось этимологическому анализу[1], если не принимать в расчет робкой попытки А. Карнуа[2] (о чем ниже) и вскользь брошенного М. Леженом замечания, что «в начале слов между τ- и σ- существуют определенные колебания, например в эгейских заимствованиях: ион.-атт. σῦκον, но беот. τῦκον 'смоква, винная ягода, фига', ион. σεῦτλον, но атт. τεῦτλον 'белая свекла'»[3]. Действительно, изолированное положение интересующего нас названия в греческом словаре, создавая определенные трудности для этимолога, вместе с тем наталкивает на мысль о заимствовании. Но из какого языка и какова его исходная форма? Термины «mots méditerranéens», «Namen aus dem ägäischen Bereich», «emprunts égéens» — в том смысле, в каком их употребляют П. Шантрен («La formation des noms en grec ancien». Paris, 1933), Э. Швицер и М. Лежен (указ. соч.), — в настоящее время вряд ли могут считаться удовлетворительными, поскольку древнейшее население Средиземноморья, как теперь установлено, этнически было неоднородным. Его восточную часть, включая Балканы и бассейн Эгейского моря, задолго до прихода туда греков населяли индоевропейские племена: иллирийцы, пеласги, фракийцы, фригийцы, хетты, лувийцы и т. п.[4]

---

[1] См.: Boisacq, стр. 860: «étym. inconnue»; Hofmann, стр. 310: «unerkl.».

[2] A. Carnoy. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Louvain, 1959, стр. 260.

[3] M. Lejeune. Traité de phonétique grecque. Paris, 1947, стр. 93; ср.: E. Schwyzer. Griechische Grammatik, Bd I. München, 1939, стр. 533.

[4] Из новейших работ об этом см.: W. Merlingen. Zum «Vorgriechischen». — БЕз IV, 1962, стр. 25 сл.; V, 2, 1962, стр. 5 сл.; Vl. Georgiev. La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse mediterranéenne. Sofia, 1961; A. Heubeck. Praegraeca. Erlangen, 1961; O. Haas. Das frühitalische Element. Wien, 1960; его же. Die

В связи с этим многие этимологически темные греческие слова (имена собственные и нарицательные) нашли вполне правдоподобное объяснение в качестве заимствований из догреческих индоевропейских языков Балканского п-ова, в частности из пеласгского, имевшего, видимо, почти идентичную фонетическую систему с фракийским и, возможно, близко родственного ему[5]; оба языка, надо полагать, составляли существенный компонент индоевропейского субстрата на Балканах. Поэтому уже саму мысль А. Карнуа (указ. соч., стр. 260) о генетической связи атт. τεῦτλον, ион. σεῦτλον и беот. τῦκον, ион. σῦκον 'фига (дерево и плод)' и их «фрако-пеласгском» происхождении следует в общих чертах оценить положительно. Однако определенные возражения вызывает возведение обоих названий к и.-е. корню *_teu-_ 'être gros, gonfler'. Здесь А. Карнуа, собственно, воспроизводит реконструкцию В. Георгиева, который предложил пеласг. *_thuk_(_h_)_a-_ (и.-е. *_teu-_ 'пухнуть, вздуваться, становиться большим')[6] в качестве исходной формы для беот. τῦκον, ион. σῦκον и лат. _fīcus_[7]. Эта реконструкция неудовлетворительна главным образом с фонетической стороны, так как у самого В. Георгиева нет примеров непосредственного отражения пеласг. _th_ в греч. τ (предположить деаспирацию обоих придыхательных на греческой почве также нет никаких оснований). В статье «К этимологии старосл. тыкы, др.-русск. тыкъвь, тыква» («Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М. 1962, стр. 82—89), где выдвигаются и некоторые другие соображения против интерпретации В. Георгиева, нам как будто удалось свести в порядке самостоятельных заимствований беот. τῦκον, ион. σῦκον, лат. _fīcus_, арм. _t'ūz_ 'фига, инжир, винная ягода (дерево и плод)', ст.-слав. тыкы 'тыква', греч. _σίκυς_, _σίκυος_ 'огурец', _σικύα_ 'тыква или дыня' к пеласгской (resp. фракийской) основе с начальным спирантом *_þūkū-_ (< *_þuk_(_h_)_u-_ — по диссимиляции придыхательного с глухим ин-

---

phrygische Sprache im Lichte der Glossen und Namen. — БЕз 1960, II, стр. 26. Ср.: J. Hubschmid. Mediterrane Substrate. Bern, 1960.

[5] A. J. van Windekens. Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique. Louvain, 1954 и в отдельных статьях; В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958; в последнее время Георгиев, несколько изменив свою точку зрения, полагает, что пеласгский язык занимал промежуточное положение между фракийским и языками хетто-лувийской группы (Vl. Georgiev. Les deux langues des inscriptions crétoises en linéaire A. Sofia, 1963, стр. 5).

[6] Walde—Pokorny I, стр. 706.

[7] Vl. Georgiev. Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief. I. Sofia, 1941, стр. 105; ср.: его же. Inscriptions minoennes quasi-bilingues.— «Годишник на Софийския ун-т», ист.-филол. фак-т, XLVI, 4, «Езикознание и литература». София, 1950, стр. 46; его же. Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache. — Там же, XXXIII, 4, «Езикознание и литература». София, 1936, стр. 74.

тердентальным спирантом), которая в свою очередь может закономерно восходить к и.-е. *u*-основе **kūkū-* < и.-е. **keu-* 'пухнуть, вздуваться, становиться большим'[8] (и.-е. **k* давало в пеласгском и фракийском глухой интердентальный спирант **þ*, греческая субституция ϑ, реже τ, resp. ττ или σσ).

В свете изложенного нам кажется более оправданным сводить корневую часть атт. τεῦ-τλον, ион. σεῦ-τλον через пеласг. **þeu-* к полной ступени и.-е. корня **keu-*. Ассибиляция, видимо, носит чисто греческий характер, как в беот. τῦκον, ион.-атт. σῦκον (подробнее об этом см. указ. статью автора).

Что же касается суффиксальной части, то она может теоретически восходить к одному из двух близких по значению и.-е. суффиксов — **-dhlo-* или **-tlo-*[9]. Однако и.-е. **-dhlo-* по передвижению согласных перешло бы в пеласг. **-dlo*, содержащее группу согласных, которая в греческом между гласными ассимилируется в λλ, например: лакон. ἑλλά·καϑέδρα (Гесихий) 'сидение, стул', лат. *sella* то же, из и.-е. **sedlā*, ср. праслав. **sedlo* 'село' (но из и.-е. **sedra* греч. ἕδρα — более употребительный дублет к ἑλλά)[10].

В результате остается единственно возможное — возвести суффиксальную часть к и.-е. суффиксу **-tlo-*, который в пеласгском, надо полагать, трансформировался в **-thlo-*, с последующей деаспирацией взрывного перед звонким плавным уже в греческом[11].

Итак, атт. τεῦτλον, ион. σεῦτλον, по всей вероятности, наряду со многими названиями культурных и диких растений заимствовано из пеласгского. Исходной формой для него послужила пеласгская основа **þeu-thlo-*, обозначавшая дикорастущую разновидность свеклы 'Beta maritima L.' (предшественницу культурных сортов свекловицы), растущую и сейчас по всему Средиземноморью, как, впрочем, и во многих других местах, особенно по морским берегам, и имеющую сравнительно тощий корень, но большие и мясистые листья, из-за которых свекла и стала культивироваться в VI—IV вв. до н. э.[12]

---

[8] Pokorny, стр. 592. Ср.: A. Heubeck. Lydiaka. Erlangen, 1959, стр. 56 сл.; опираясь на эту работу, к указанным словам можно добавить еще лид.↑*uko* со значением 'фига' и пр.

[9] E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 533; ср.: K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd II. Strassburg, 1889, стр. 112 и сл., 200 и сл.

[10] См.: M. Lejeune. Указ. соч., стр. 65.

[11] Ср. мысль Швицера о том, что греч. -τλο, -τλᾱ всегда могут быть диссимилированы из -ϑλ- (E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 533).

[12] См.: A. De Candolle. Der Ursprung der Kulturpflanzen. Leipzig, 1884, стр. 74; В. А. Комаров. Происхождение культурных растений. М.—Л., 1938, стр. 127.

II. ГРЕЧ. νᾶπυ

В этимологической литературе издавна установилось мнение, что лат. *nāpus* 'брюква' восходит к греч. νᾶπυ 'горчица', которое само, как полагают, заимствовано из египетского языка[13]. При этом обычно ссылаются на одно из многочисленных изданий известного труда В. Хена по истории названий культурных растений и домашних животных[14]. Согласно Хену, νᾶπυ встречается уже у аттических комедиографов (например, у Аристофана) для обозначения едкого вещества, «раздражающего до слез, но прекрасно возбуждающего аппетит», и в такой форме употреблялось всеми писателями древнего периода до тех пор, пока не было вытеснено в македонскую эпоху эллин. σίνᾱπυ, σίνᾱπι, σίνᾱπις и пр.[15] В формальном отношении греч. νᾶπυ поразительно совпадает с лат. *nāpus*. Отказываясь сказать что-либо определенное об отношениях между греч. νᾶπυ и эллин. σίνᾱπι/υ и пр., Хен предлагает искать источник обоих слов в египетском языке, принимая во внимание такие парные названия растений, по его мнению, определенно египетского происхождения, как σίλι : σέσελις, σάρι : σίσαρον и нек. др.[16]

Вальде, повторив рассуждение Хена, дополняет его догадку известной цитатой из Плиния, что у горчицы «semen optumum Aegyptium» (Historia Naturalis XIX, 171).

Однако оба аргумента в пользу заимствования греческого названия горчицы из египетского по ряду соображений, как нам кажется, лишены достаточной убедительной силы: 1) египетское происхождение греч. σάρι : σίσαρον и в меньшей степени греч. σίλι : σέσελις[17] весьма проблематично, поскольку неизвестен прототип этих слов в египетском [ср., например, греч. λείριον 'лилия', лат. *lilium* то же, которые определенно восходят к егип. *ḥrr-t* (копт. *hrêri*, *hlêli*)]. Может быть, именно это обстоятельство побудило Гофмана усомниться в египетском происхождении приведенных парных названий (к тому же первая пара даже не идентифицирована)[18]; 2) с чисто формальной стороны νᾶπυ и σίνᾱπι/υ не адекватно σάρι : σίσαρον, σίλι : σέσελις, где можно думать о редупликации и поэтому, чтобы говорить о близости первых, необходимы другие, более убедительные, доводы;

---

[13] См., например: Walde, стр. 507, 714; Boisacq, стр. 657.

[14] Мы пользовались восьмым изданием, вышедшим в новой редакции О. Шрадера с ботаническими дополнениями А. Енглера и Ф. Пакса (V. Hehn. Kulturpflanzen und Haustiere. Berlin, 1911).

[15] О позднем происхождении этих форм см. также: Walde, стр. 507; Schrader. Reall., стр. 761; E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 462.

[16] V. Hehn. Указ. соч., стр. 211 сл.

[17] В греческом сохранилось название σιλ(λ)-κύπριον, обозначающее какое-то «ägyptischer Wunderbaum» (Hofmann, стр. 310).

[18] Hofmann, стр. 310, 313.

3) свидетельство Плиния само по себе, без подтверждения достоверными лингвистическими фактами, не может служить доказательством.

Симптоматично, что уже Гофман выдвигает мысль о возможности независимого заимствования νᾶπυ : σίνᾱπι/υ — их близость у него не вызывает сомнения — и др.-инд. *sarsapa-* 'горчица' из какого-то южно-азиатского источника, например из малайского[19]. Но и это предположение по отмеченным причинам не менее сомнительно, чем гипотеза Хена и др.

По крайней мере два существенных момента, по нашему мнению, могут послужить опорным пунктом в преодолении изложенных трудностей и дальнейшем уточнении истории интересующих нас названий.

Привлечение арм. *niv* 'дикая брюква' (значение, почти совпадающее с лат. *nāpus*) [20] не только предоставляет столь необходимое в данном случае индоевропейское соответствие за пределами греческого языка — допустить непосредственное заимствование армянского слова из латинского или греческого, кроме всего прочего, препятствует корневой вокализм, — но и позволяет предположить в прототипе греч. νᾶπυ, лат. *nāpus* широкий открытый корневой гласной *ä*, давший в результате двойственной трактовки в греческом и латинском *a*, в армянском — *i* [арм. *i* < **ē* (resp. *ä*)]. Это обстоятельство первостепенной важности в совокупности с новейшими данными о древнейших индоевропейских субстратных языках Балканского п-ова и высоком уровне развития культуры, в частности земледелия, у племен, населявших Балканы задолго до прихода греков на берега Средиземного моря[21], побудило нас искать первоначальный источник заимствования для греч. νᾶπυ, лат. *nāpus* и арм. *niv* во фракийском языке, где гласный типа *ä* хорошо засвидетельствован. Как известно, из языков индоевропейского балканского субстрата греки вместе с реалиями восприняли значительное число названий культурных растений, например: ἐλαία 'масличное дерево, олива', ὄλυνθος 'поздняя, невызревающая фига', σῖτος 'пшеница, хлеб', названия, рассмотренные в предыдущей заметке, и др.; среди них ῥάφυς 'репа', прихотливая судьба которого взаимно дополняет и корректирует историю

---

[19] Hofmann, стр. 211.

[20] Одним из первых арм. *niv* сопоставил с лат. *nāpus* X. Петерссон (H. Petersson. Griechische und lateinische Wortstudien. Lund, 1922, стр. 31 сл.); лишь полноты ради его приводят Гофман (Hofmann, стр. 211) и А. Карнуа (A. Carnoy. Указ. соч., стр. 245).

[21] О чрезвычайном значении территорий по нижнему течению Дуная и примыкающих к ним областей Причерноморья в расселении древнейших индоевропейских племен из новых работ см.: J. Mellaart. Anatolia and the Balkans. — «Antiquity» XXXIV, № 136, 1960, стр. 270 сл.

греч. νᾶπυ и близких ему слов[22]. Подробное изложение многих лингвистических и внелингвистических доводов (историко-археологических, палеоботанических и т. д.), подтверждающих в определенной степени мысль о фракийском (восточнобалканском) происхождении греч. νᾶπυ, содержится в нашей статье «Из истории названий некоторых культурных растений» (сб. «Этимология». М., 1963, стр. 52 сл.). В указанной работе в несколько предварительном плане для лат. *nāpus* и арм. *niv* реконструируется фракийская (resp. пеласгская) основа *năp-u* или *năph-u*. Возведение к той же основе греч. νᾶπυ с формальной точки зрения не вызывает никаких возражений[23].

В реально-семантическом аспекте сближение лат. *nāpus* 'брюква', арм. *niv* 'дикая брюква' и греч. νᾶπυ 'горчица' не представляется особенно затруднительным. Значительное сходство внешнего облика наземной части многих растений рода Brassica и Sinapis (семейство крестоцветных)[24], надо полагать, способствовало частой метонимии в пределах близких видов; перенос названий мог облегчаться еще и тем, что из семян большинства разновидностей Brassica и Sinapis с древнейших времен добываются всякие растительные масла (репное, горчичное и т. п.)[25]. Действительно, в греческом языке при греч. ῥάφυς, ῥάπυς 'репа' существует производное от той же основы ῥάφανος, ῥαφάνη, обозначающее в общегреч. редьку, в аттическом диалекте капусту. В латинском языке *nāpus* употреблялось для

---

[22] Нет нужды останавливаться на лексических связях армянского с фракийским и фригийским, поскольку это с некоторыми дефинициями почти общепризнанный факт, но хотелось бы специально отметить наличие нескольких догреческо-армянских изоглосс, возможно, свидетельствующих о самостоятельных заимствованиях из родственного субстрата, например (до)греч. ψυχή 'дыхание, душа'—арм. *p'uk'* 'дыхание', (до)греч. ψαυχρός 'нежный, хрупкий'—арм. *p'ok'r* 'маленький', (до)греч. παρθένος 'девушка, молодая женщина'—арм. *harsn* 'невеста' и др. (см.: O. Haas. Armenier und Phryger.—БЕз III, 2, 1961, стр. 50 сл.; его же. Die Lehre von den indogermanischen Substraten in Griechenland. — БЕз I, 1959, стр. 46 сл.).

[23] Карнуа в названном выше словаре и в статьях «Substrat et adstrat en grec» («Orbis» VIII, № 2, 1959, стр. 428) и «Etudes étymologiques sur le vocabulaire latin des plantes» («Studia Linguistica» XIII, № 2, 1959, стр. 124) пытается объяснить происхождение νᾶπυ и σίναπι/υ на греческой почве из и.-е. **sna-p-*, от и.-е. корня **sna-* 'течь, сочиться'. Эта типичная для метода Карнуа корневая этимология, не подтвержденная какими-либо сопоставлениями, выглядит совершенно неубедительно, не говоря уже о том, что Карнуа, стремясь оправдать сохранение σι- в эллинистических формах, вынужден прибегнуть к произвольному постулированию и.-е. дублетов **snap(u)* : **sənap(u)*. Также см.: J. André. [Рец. на кн.:] A. Carnoy. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. — BSL 55, 2, 1960, стр. 99.

[24] БСЭ, изд. 2-е, т. 23, стр. 353.

[25] П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 230.

обозначения брюквы, репы, редиски и хрена[26]. Подобное смешение наблюдается и в славянских языках. Более прямую параллель в данном случае обнаруживают немецкие диалекты, в которых Sinapis arvensis и Raphanistrum arvense имеют одинаковое название[27]. Видимо, такой же синкретизм можно предположить как для греч. νᾶπυ, в древности, вероятно, равно обозначавшего репу, брюкву и горчицу, так и для его фракийского прототипа. В великолепном словаре Ж. Андре, отличающемся тщательной и вместе с тем осторожной идентификацией, под словом *nāpus* говорится, что «горчица и репа (la rave et le navet) имеют в древнегреческом... общее название»[28]. В то же время *sinapis* и пр. в латинском значило, согласно Андре, не только горчицу 'sinapis alba L.' и 'Brassica nigra L.', но применялось и к другим крестоцветным[29].

В таком случае лат. *nāpus* (учитывая массовость проникновения греческих названий растений в латинский язык) скорее всего заимствовано из греческого и, видимо, до того, когда название νᾶπυ закрепилось единственно за горчицей, тем более что греческий, кроме (до)греч. ῥάφυς, располагал для брюквы и репы специализированными названиями чисто греческого происхождения: βουνιάς 'брюква, Brassica napus L.' и γογγυλίς, γογγύλη 'репа, Brassica rapa L.'[30]. Относительно генетической близости νᾶπυ и σίνᾶπι/υ вопрос по-прежнему остается открытым. Но правдоподобнее всего догадка, высказанная еще Шрадером, что в эллинистический период с νᾶπυ было поставлено в связь случайно созвучное название неизвестного происхождения σίνᾶπι/υ и пр.[31] Возможно, именно в силу синкретичности значения νᾶπυ было вытеснено более специализированным новым названием горчицы, проникшим затем в латинский и германские языки[32].

---

[26] J. André. Lexique des termes de botanique en latin. Paris, 1956, стр. 216.

[27] Schrader. Reall., 761.

[28] J. André. Указ. соч., стр. 216.

[29] Там же, стр. 294.

[30] См.: Hofmann, стр. 38, 46; A. Carnoy. Указ. соч., стр. 56, 133; оба названия образованы по внешнему виду корнеплода.

[31] Schrader. Reall., 761. Ср. упоминавшуюся выше гипотезу Гофмана о распространении этого названия откуда-нибудь из Южной Азии.

[32] Kluge[15], стр. 719.

В. В. Шеворошкин

МАЛОАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Хетто-лувийские (индоевропейские) языки Малой Азии могут быть распределены по следующим двум подгруппам: «хетто-лидийские» языки — хеттский (или неситский), лидийский, карийский; «лувийско-ликийские» языки — лувийский, иероглифический лувийский (часто именуемый иероглифическим хеттским), палайский, ликийский, сидетский, писидийский, исаврский, киликийский[1]. В хронологическом отношении эти языки распадаются на раннехеттские (II тысячелетие до н. э.) и позднехеттские (I тысячелетие до н. э. — начало I тысячелетия н. э.); промежуточное положение занимает иероглифический лувийский язык, примыкающий в лингвистическом отношении к раннехеттским. Цель предлагаемой работы состоит в том, чтобы расширить рамки лексических и морфологических соответствий между различными хеттскими языками (следует отметить, что в последние годы ученые разных стран многого добились в этом направлении), а также сделать некоторые обобщающие выводы, связанные с проблемами фонетики и фонологии хетто-лувийских языков.

Рассмотрим слова, имена и морфемы, содержащие смычные: интересно проследить, какие рефлексы в позднехеттских языках дали «этимологические» глухие и «этимологические» звонкие.

Хеттское имя *Tuwala*, образованное от наречия *tuwa-* 'далекий', было недавно сопоставлено О. Каррубой с лидийским именем (в древнегреческой передаче) Τυ(λ)λος[2], сюда же сле-

---

[1] Видимо, к хетто-лувийским языкам относился и этрусский, который либо входил в «хетто-лидийскую» подгруппу, либо — что более вероятно — занимал среди хеттских языков обособленное положение. Возможно, к хеттским относились и некоторые другие не названные здесь языки.

[2] O. Carruba. Lydisch und Lyder. — MIOF 8, 1963, стр. 402. — Неясно, какие из малоазийских имен с основой *tuwa-* относятся сюда и какие — к образованиям, включающим основу **tuw-* (см. ниже). Ф. Шахермайр (F. Schachermeyr. Prähistorische Kulturen Griechenlands. — PW 1954, стр. 1515) сопоставляет лид. Τυλος с догреческим топонимом *Tylis(s)os* (название города на Крите), с топонимом *Tulessos*, с именами *Tuliandos*, *Tuluarsis* (Исаврия и Писидия), а также с этрусскими формами типа *tular*.

дует отнести карийское имя *tovl* [3], а возможно, и догреческое сицилийское *tuvl*.

Имя бога грозы Тарху, представленное уже в раннехеттском именном образовании (*Tarhu-* < и.-е. **tr̥H-* 'преодолевать, побеждать'), было широко распространено в «позднелувийских» языках (лик. *trqq-*, лик., килик. и т. д. Ταρκυ-, Τροκο- ≤ [tr̥ku], ср. также этр. *Tarχ-*); оно имелось также в карийском и лидийском (видимо, ликийское влияние): кар. Οτωρκονδα и с озвончением в композитах Κον-οδωρκονδα, Λων-δαργ-(<Ρων-δαργ-); лид. Αταρκνατεις, Ταργυηνις («ларингал» *h* мог передаваться в позднехеттских языках посредством *k*, *g* и т. п.[4]; можно также допустить, что переход **tr̥ku-* > **targu-* в лидийском обусловлен соседством с *r*: ср. суффикс *-ko-* в лид. *aśtr-ko-ś* и *atr-go-l* при *atrokl*).

Хет.-лув. *tati-* 'отец', соответствующее лик. *tedi*, имеет четкие параллели в позднелувийских именах на Τεδι-, Τηδι- (ср. Ph. Houwink ten Cate, 140 сл., 144 сл.): интересно, что этимологически глухое *t* могло передаваться в ликийском посредством удвоенного *d* (*ddedi-* = иер. лув. *tati-*, лик. *pddẽni* ≤ хет.-лув. *Pitta+anni*; лик. *-(d)de* 'и' : лид. *-t* : хет. *-ta*) с тем же «иг-

---

Следует учесть, что формы типа **tuli-* могут быть сопоставлены с лик. *tuli-*, лув. *tulija*, хет. *tulija* 'совет'. Хоуинк тен Кате (Ph. Houwink ten Cate. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period. Leiden, 1961, стр. 174) идентифицирует эту основу в лик. *prijeduli*, что допускается формальными критериями (см. ниже о тенденции к озвончению глухих смычных в позднехеттских языках); однако сопоставление с карийским именем Αριδωλις позволяет поставить вопрос о наличии в этих формах особой основы *duli* (см. ниже, о наречиях *prija-* и *arhi-*); ср. хет. *Tuli-*, *Duli-*.

[3] Карийские надписи в моей транскрипции приводятся в работе: В. В. Шеворошкин. Карийский язык. Современное состояние дешифровки и изучения. — «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964 (там же приводятся списки карийских слов, содержащихся в надписях).

[4] Некоторые исследователи полагают, что хет. *h* исчезало в лидийском, однако производные от *Tarhu-* свидетельствуют в пользу его сохранения в этом языке (хотя бы в определенных случаях); о том же говорит сопоставление лид. Κιναροα < анат. *hinnaruwa*, лид. Παλκ-, кар. Παλγ- < хет. *palh-* 'широкий'; лид., кар. Πιγρης (и кар. Πικρης); лик. Πιγρης < *Pihra*. Предлагаемое Хойбеком (см., например: A. Heubeck. Kleinasiatisches, 2. — «Sprache» 6, 1960, стр. 210) сопоставление с хет. *huhha-* 'дед' лидийского имени Гига (Γύγης) спорно: в этом имени может быть идентифицировано название птицы γύγης. В лидийских надписях встречаются глаголы с суффиксом *-ok-*, которые могут быть возведены к хеттским каузативным глаголам на *-ahh-*. На сохранение ларингала в карийском указывают, кроме того, параллели кар. *lùleki* 'лелег' (?) : хет. *lulahhi-*, лув. *lulahi-* (при кар. *lùlk* ≤ *lùleki* и *iunk* : лув. *iunahi*); Xsb_1 : Κ/χασβ-, лик. *kahba* 'зять' < **haseba* [(ср. хет. *has-* 'рождать', от этой основы образовано и кар. Κ/Χαστα(ι)-; $kmvd\chi sb\grave{u}_1$: Κομβδα-γασβοη (в двух последних случаях перед нами консонантная запись карийских имен: ср. еще *snr* = Σινυρι; *msnr* = *mesnar-* и т. д.); кар. *-he* (частица) : анат. *-ha* (?). Кар. *nak-ok* (обозначение лица: ср. *avn-ok* и имена на -οκ- в греческих передачах), возможно, восходит к хет. *nahh-* 'бояться, почитать' (ср., впрочем, и хет. *nakki-* 'тяжелый'; 'почтенный').

норированием» качества, что и в клинописи. Хеттскому *atta-* 'отец' соответствовало лид. *ataś* (ср. O. Carruba, 196).

Лувийская основа *tarpa/i* 'пятка, топтать, вредить, овладевать, иметь', видимо, восходит к **tṛb-*: ср. лик. *trbb(i)-* (в греческих передачах Τερβ-, Τρεβ-, Τρηβ-, Τριβ-: см. Ph. Houwink ten Cate, 161 сл.; Хоуинк тен Кате приводит лишь две позднелувийские формы с начальным Δ-: Δροβιλασις и Δριβε[μ]ις; в Ρωνδερβεμις *-t-* подвергалось регулярному озвончению в позиции после носового). В лидийском находим основу *tarb-/tarf-* (с переходом *b* > *f*, параллельным переходу *p* > *f*) 'принадлежать, быть собственностью кого-либо' (ср. *tarblaś*) [5].

Эта же основа в форме *tṛb-* имелась и в карийском именном образовании, как это следует из анализа вариантов передачи карийского этникона Ταρβανὲς, Τρυβανες (ср. A. Heubeck, Lydiaka. Erlangen, 1959, стр. 30).

Индоевропейский корень **teu-/tou-* 'набухать' и т. п. (ср. др.-инд. *tavás* 'сильный') представлен в лид. *tavśaś* 'мощный', кар. ταῦς (в глоссе Гесихия) 'многочисленный', кар. *Ταυσᾶς, *tavse-* (собственное имя); ср. также лид. Ταος.

Кар. *(msəra)eket-on* может быть сопоставлено с кар. Εκατωμν- и кар. (в ликийской передаче) *eket-*, *ecat-* (о ликийских формах см. Ph. Houwink ten Cate, 102). Неясно, выделим ли в данном случае суффикс **-att*, возможно, наличествующий в кар. *mav-əget* (ср. лид. Μοαγετ-; в отношении основы ср. хет. *igāi-* 'zerspringen, bersten'??); *msəra-* = Μασ(σ)αρα-?

Основа индоевропейского указательного местоимения **t-*, возможно, сохранилась в карийском в качестве энклитики, ср. также лик. *-te* при *teli* 'здесь': ср. кар. *λuχze-t sav-a* и *slra-t lo-s*, где после имен *λuχze* (в греческой передаче Λυξης) и *slra* (ср. *slara* в другой надписи и м.-аз. Σαλαρα-) следует энклитика *-t*, после которой идут глагольные формы соответственно на *-a* (видимо, карийские «окончания» на *-a*, *-e*, *-ŭ* возникли в результате отпадения **-t*; в отношении основы ср. лид. *sav-*) и на *-sos* (ср. кар. *əksnsos* 'написал' и др.). Не исключена возможность, что кар. *-t* играло в тех или иных случаях роль союза (например, со значением 'а'): ср. лид. *-t*.

Постименную карийскую энклитику -τ, выступающую в той же позиции, что и кар. *-p/b* (ср. лик. *-bi* — указательная частица), можно возвести к указательной частице **-ti*, образованной от местоименной основы **t-*.

---

[5] Ср., в частности: R. Gusmani. Nuovi contributi lidi. — «Rendiconti» 85, 1961, стр. 182, прим. 22. Относительно параллелизма форм *tarv-/tarf-* ср.: E. Vetter. Zu den lydischen Inschriften. — «Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Sitzungsberichte» 232, 3, 1959, стр. 41; очевидно, *v* в *tarv-* возникло из *f* (или непосредственно из *b*?) под влиянием звонкого *r* (заметим, что *f* встречается в данном случае лишь перед λ: *ẽn-tarf-λ-od*, *si-tarf-λ-oś*).

Кар. -*(о)*τ (окончание 3-го л. ед. ч. наст. вр.) восходит к *-*t'* < *-*ti* (ср. звуковое соответствие кар. τ- : егип. *ṯ*-). В лидийском соответствующее окончание передавалось посредством -*(o)t/d*, а в ликийском — посредством -*(a)t/di*.

Специфика передачи звука во всех трех случаях обусловлена его палатальным характером (ср. хет. -*zi*)[6].

Графическое чередование в хеттском суффиксе -*anta-/atta-/ata-*[7] свидетельствует, очевидно, о специфическом характере согласного, входящего в этот суффикс. Действительно, в греческих передачах лидийских имен, содержащих соответствующий суффикс, находим удвоение тау (Σαδυαττης при хет. *Saluwanta*-, Μυαττης при хет. *Muwatti*), а в греческих передачах карийских имен — сложное чередование -τ- : -δ- : -σσ- : -Ͳ-. В карийском данный суффикс всегда содержит -ϑ-[8]: ср. кар. *iznaϑe*-, *deulaϑe*-, *iiulaϑe*- (важно отметить, что карийскому двойному суффиксу -*ul-aϑe* в греческих передачах «позднелувийских» имен соответствует чередование -υλ-ατ- : -ουλ-αδ-, ср. ликаон. Ανζ-ουλαδι-, писид. Γενδα-υλατε-). Кар. *meunəϑ* могло бы соответствовать лув. *mauwaninda* (но ср. кар. *Μαυννιτα), а кар. -*iϑi* в *mguliϑi* — хеттскому суффиксу -*iti*[9]: ср. имена типа хет. *Arsakiti*. Можно предполагать, что если в хет. *Madduwattas* в первом случае удвоенный дентальный передает, как обычно, глухой звук [t] (ср. лид. Ματυ-ηνος), то во втором случае удвоение свидетельствует об особом характере дентального: ср. удвоение в лид. -αττης; если же удвоение обозначает здесь всего лишь глухость, то чередование -*tt/t*- (т. е. [t]/[d]) в отмеченных хеттских суффиксах, сопоставимое с чередованием -*t/d* во флексиях лид. -*t/d*, лик. *t/di* (см. выше), опять-таки может рассматриваться как указание на специфический характер данного дентального. Следует отметить в этой связи, что, например, в существительных на -*zzi*

---

[6] Если хеттскому -*(a)zi* в карийском соответствует -*(о)*τ, то хет. -*(a)z* (аблатив) передается в карийском посредством -*oz*: ср. кар. *kuoz* . . . *savbvoz* . . . 'от чьего благоденствия. . .' (?). С флексией -*oz* не следует путать именной суффикс -*oz*, например, в кар. *uλ-oz*, *msuλ-oz*, *lùλ-oz* и др. (всюду собственные имена).

[7] Относительно этого суффикса см.: О. Carruba. Указ. соч., стр. 401 и 405.

[8] Этот транскрипционный знак использован в карийской транскрипции потому, что в ликийском точно такая же буква обозначена посредством ϑ. Звуковое значение этого ликийского дентального неясно; можно думать, например, что ϑ передавало в ликийском звонкий палатализованный дентальный: ср. лик. *laϑϑi* < *ladahi*; ср. также систему ликийских дентальных: $d : t \sim \vartheta$: τ(Ͳ), где «сампи» передает, видимо, как и в карийском, глухой палатализованный дентальный (ср. лик. *ṫere-/Tere-* 'войско'); ср. суффиксы типа -*Vv* + -*d*-: лид. -*iv-d*-, -ευ-δ-, кар. -*uv*-ϑ.

[9] Ср., далее, суффиксальное ϑ в именах кар. *pṯuλomeϑε* (тот же суффикс в кар. Ολετας), *osuv*-ϑ (или Ͳ*osuv*-ϑ?), *iùvəй*-ϑ-λ (очевидно, с удвоением основы); ϑ входит в состав первичной основы в именах *kaϑhe*- (ср. хет. *Kadahhas*, *Hadahhas*), *kϑùa*- (ср. *Katova*-?), *slϑiave*- (в отношении суффикса ср. кар. Ш*diave*-), *ϑeg*-.

в хеттском удвоение указывает именно на долготу палатального *t'; хеттские формы на *-zzi* восходят к индоевропейским формам на **-tjo*, так что весь процесс эволюции **-tjV* > *-zzi* может быть сопоставлен с эволюцией, которая была пережита украинскими образованиями на *-C̄'-* (ср. укр. *життя*, *знання*, *весілля* при русск. *житье/житие*, *знанье/знание*, *веселье/веселие*), в которых долгий палатальный звук возник вследствие выпадения вызвавшего палатализацию **j*[10].

Особый дентальный, отличный от *t* и *d*, представлен в кар. *s̱tesas*. Эта глагольная (отпричастная?)[11] форма используется в эпитафиях и, возможно, имеет значение 'поставил, воздвиг': ср. лик. *sttati* 'ставит, воздвигает'; хет. [sta] < и.-е. **sta-* (ср., например, хет. *istagga* 'тетива лука' при др.-исл. *stag* 'канат' < и.-е. **stā/ek-*[12]); ср. *istand-*. Тот же дентальный наличествует в карийском префиксе *nṯa-* (Ανδα-, Ινδ- в греческой передаче: ср. кар. Ανδαρσωδος ⩽ **nṯars-od*), чередующемся с *nda-* и соответствующем лик. *ñta,- ñte-* 'в, на' (ср. кар. *nṯakù əksno* 'написал надпись'; лик. *ñte-laβra* 'надпись'; ср., далее, лид. *ẽn-u-* 'написать, вписать'); ср. в этой связи также лид. *ẽt-*, *ẽnt-*, хет.-лув. *anda-*, лат. *endo-* 'в, на'.

Возможно, в кар. *ntalp* (имя или обозначение лица: ср. имена *buvsealp* : *b(u)vse-*) имеется третий графический вариант указанного карийского префикса (ср. обозначение лица лик. *ñtẽmle*). В отношении компонента *-alp* ср. лик. *elpeti*, этр. *cvl-alp*.

Кар. *ṯ* в суффиксе *-ṯoλ-*, возможно, соответствуют хет.-лув. *-(t)t-* в *-(t)talli-* (ср. *Muwa-ttalli-* и т. п.).

Не исключена возможность, что посредством *ṯ* в карийском обозначался звук, промежуточный между обычным *t* («сильным»: ср. англ. или нем. *t*) и *d*. О том, что в позднехеттских языках (а возможно, и в раннехеттских) имелись такого рода «ослабленные», озвонченные смычные, свидетельствуют различные косвенные

---

[10] Ср. в этой связи удвоение *l* в лув. *massanalli-* (при иер. лув. *Masna-àī*), указывающее на особый (палатальный?) характер данного звука: ср. кар. *mesnaλ* (формы на -λ в карийском обычно употреблялись в качестве посессивов и соответствовали лидийским формам на *-li-*). Ср. также кар.-лид. Κα/οστωλ(λ)- < *H/hastali-*, кар. *-ùλuù* < **Walluwa; uλ(o)* < < *wallu-* 'славить', писид. Ωλλα; хет. *sulla-* : лид. *śuλoś*. Нечто подобное имеет место и в формах, содержащих **n*: ср. хет.-лув. *Kuwanni*, *Kun(n)i*, *-kuni* : лик. *kuñni-*, Κοννι- : кар. *-kùñ(i)*; позднелув. Πλινν-, Πληνν- : кар. *plñ-*. Заметим, что в лидийском языке ряду согласных *t* : *d* : *n* : *l* : [*s*] соответствует в системе (палатальный?) ряд τ : ↑ : ν : λ : [*ś*]; нечто подобное имеет место в карийском (ср. кар. *t* : *d* : *n* : *l* : *s* при τ : ϑ : *ń*(ν) : λ : *z*).

[11] Если кар. *-as* представляет собой личную форму глагола и по происхождению, то окончание *-(a)s* могло бы быть сопоставлено с соответствующим окончанием хеттских глаголов (3-е л. ед. ч. прош. вр.), а суффикс *-es-* — с соответствующим суффиксом в хеттском глагольном образовании.

[12] См.: G. Neumann. Hethitische Etymologien, III. — KZ 77, 1961, стр. 79.

данные: ср. лид. *katovaś*, где *t* употребляется для передачи этимологически звонкого звука (ср. анат. *Gatuwa*), причем это *t* передает именно звонкий звук (ср. лид. Καδοας в греческой передаче); ср. также лид. *bita-* 'отнимать': хет. *peda-* 'уносить', где в хеттской форме имелся звонкий дентальный[13], ср. далее лид. *kud* 'где, куда', восходящее к хет. *kuwatta* 'где, куда', т. е. к форме с глухим дентальным (правда, *kud* могло содержать и и.-е. **-dhi*); ср. также лид. *ebad* 'здесь' < хет. *apatta* 'там'. Ср., с другой стороны, лид. *kot* 'как' < хет. *kuwat* 'почему' (при лат. *quod*) и лид. *-kud* в *nā-ku(d)-kod* 'wo auch immer'. Подобные колебания в передаче этимологических глухих и звонких дентальных можно было бы объяснять явлениями конца слова, если бы не последовательная передача старого **-d* в виде *-d* в других случаях (см. ниже)[14].

В некоторых случаях глухие дентальные в позднехеттских языках (главным образом в позднелувийских) соответствовали этимологическим звонким (или звонким придыхательным).

И.-е. **dw-* 'два', видимо, дало в ликийском *tu-* (в *tu-p̃mme*; другое подобное числительное, *mu-p̃mme*, очевидно соответствовало лув. *mauwa*, хет. *mewa*, этр. *muv-* 'четыре'; ср. также кар. *meu-* и *mavλ-* < анат. **mawalli*?). И.-е. **dŏu-* (или и.-е. **dhē-*) перешло в ликийском в *tuwa-* 'класть, возводить, посвящать' (ср. иер. лув. *tuwa-* 'давать, посвящать'), в лидийском же дало *↑uve-* 'возводить, посвящать' с начальным [zu] < *du- (ср. в этой связи особую трактовку группы *dw-*, *du-* в критском линейном письме; можно думать, что язык, для фиксации которого было первоначально создано это письмо, был субстратом ряда языков, в том числе западно-малоазийских, во всяком случае поздних[15]). В карийском зафиксированы формы собственных имен *toΩonu* (< **tuwanu*; ср. иер. лув. топоним *Tuwanu-*), *dov-*, возможно, восходящие все к той же анатолийской основе *Tuwa-* < *tuwa-* (ср. иер. лув. *Tuwatta*, хет. *Tuttu*, *Duwazi*). Очевидно, имена м.-аз. Τῶς (род. п. Τῶτος), лик. Τοαλος, Ερμανδοας, кибирийск. Τοαλις, Τοαλλις, лид. Τυινδα, писид. Νανιτοας, лид., писид. Θυεσσος, лик., писид. Θοας, Θυαντιανος, исавр. Θουας, «позднелув.» Τουης, Δουεμις и др. также восходят к анат. *Tuwa-*,

---

[13] См. об этом соответствии: O. Carruba. Указ. соч., стр. 396. Возможно, однако, лид. *bita-* восходит к хет. *piddāi-*, т. е. к форме, содержащей глухой дентальный (следует отметить, что И. Фридрих не склонен отделять форму *piddāi-* от *peda-*, см.: Friedrich 2, стр. 168 и 170).

[14] Из других смычных обращает на себя внимание *k-* в лид. *kāna-* 'зять' (ср.: E. Vetter. Указ. соч., стр. 20), ср. хет. *gaena* 'зять' < и.-е. *gen-* 'рождать' (ср. лик. *kahba* 'зять' < хет. *has-* 'рождать'). Однако более вероятным представляется сопоставление лид. *kāna-* с лув. *kanni-* (в обоих случаях значение 'сын'?).

[15] Ср.: V. Ševoroškin. Linear A and Lycian. — «Nestor» 66, 1963, стр. 258 сл.; его же. Linear A and Karian. — Там же, 67, 1963, стр. 263 сл; его же. Karer auf Kreta. — Там же, 72, 1963, стр. 293 сл.

причем неясно, какими закономерностями объясняется появление форм с начальным звонким в лувийско-ликийском ареале и форм с начальным глухим в хетто-лидийском ареале[16] (следует, разумеется, иметь в виду, что имена могли заимствоваться).

Чередованию лик. *t* в *tuwa-* : лид. ↑ в ↑*uve-* соответствуют чередования лув. *Tiw-* (ср., однако, лик. *zi-*) : хет. *Siw-*, лид. ↑*iv-* < и.-е. **diw-* 'бог', а также лик. *ta-* 'ставить, класть' : лид. ↑*a-* < хет. *dai-* < и.-е. **dhē-* 'ставить, класть'.

Можно полагать, что этимологическое **du-* трактовалось так же, как этимологическое **di-*, потому, что *u* было узким (и соответственно вызывало ассибиляцию дентального). Что же касается трактовки **dh* в виде *t*, *z* (или *d*, см. ниже), то объяснить ее причины трудно (по-видимому, сходную трактовку старых **du-*, **di-* и **dh-* в различных языках следует объяснять одними и теми же причинами: например, влиянием субстрата).

В карийском и.-е. **diwn-* < **deiw-* 'сияние, день, бог' (ср. хет. *Siuna*, лид. ↑*ivva-*[17]) представлено в имени бога Σινυρι (ср. этр. *Tin-*, с «лувийской» трактовкой **d* перед *i*), возможно, передающемся в консонантной записи в виде *snr*. Лид. ↑ *a-* 'ставить, класть' и др. (< и.-е. *dhē- 'ставить, класть') в карийском, возможно, соответствует основа глагола *da(-n-)*; однако кар. *dans* 'освятил, освятивший' (?) может восходить и к и.-е. **dō-* 'давать', как и лид. *dā-* 'давать, освящать'. Кар. *dans*, видимо, представляет по происхождению активное причастие: ср. хет. *danza* 'берущий' (< и.-е. **dō-* 'давать'), фонетически [dants] (причастие от хет. *dai-* < и.-е. **dhē-* 'ставить, класть' имеет форму *tijanza*), однако предпочтительнее считать *-s* глагольным окончанием (при кар. *dan-* = лид. ↑ *ēn*).

Неясно, действительно ли кар. *uz-he* 'высек (надпись)' восходит к и.-е. **wedh-* 'бить'. Следует учесть в этой связи, что

---

[16] Возможно, кроме форм на Τ-, Δ-, Θ-, в передаче имен от основы *Tuwa-* участвовали формы на Σ-: ср. «позднелув.» Θοας : Σοας; Θυεσσος : Συεσσα (ср. хет. *Duwazi*); Δουεμις : Σουειμος; кар. Τυεννεσιος : килик. Συεννεσις; кар. Τυανγελα : Σουαγγελα. Правда, некоторые формы на Σ- могут восходить к анат. **Suwa-* (ср. лик. Σουβιγραμις < **su + pihra-mi*; кар. *sùzrme* < **Suwa + Sarma*). С другой стороны, следует иметь в виду, что лид. ↑- в принципе могло передаваться в греческом виде Σ-; следует помнить далее, что в раннехеттских языках группа *z + V* может трактоваться как восходящая к сочетанию дентального с последующим *u*, *w*.

[17] Эта параллель подтверждает гипотезу о звонком [z] в словах типа хет. *Siuna*: действительно, лид. ↑ было звонким звуком (восходящим к **d'* < **di-*, как это следует уже из соответствия лид. ↑ *iv-* : и.-е. **diw-*; ср. также лид. *kaštaλ*↑ν, *bitaλ*↑ν). В системе согласных лидийские τ [ts] и ↑ соответствуют *t* и *d* как палатальные (по крайней мере по происхождению). Это еще раз подтверждает вывод о происхождении ↑ из **d'* (ср. историю *ц* и *з* в русском языке). В глаголе *v↑baqēn-* 'уничтожить' ↑ занимает позицию слогового согласного, т. е. в данном случае может соответствовать только [z] (ср. слоговое *r* в *brvaś* и слоговое λ в *qλdānś*). Заметим, что звонкий ↑ вызывал озвончение последующего **p*: ср. обычное лид. *fa-* < хет. *pa-* < и.-е. **po-*.

омонимичный корень *wedh- 'плести; строить' представлен в лид. *vi↑-ν* 'я построил', ср. хет. *wet-* : лув. *us(s)-* 'строить, сооружать'. Заметим, что кар. *uz-* в фонетическом отношении скорее соответствует лидийскому *vi↑-*, нежели ликийскому *us-*: в данном случае кар. *z*, видимо, идентично по звучанию лидийскому ↑ [z]; что же касается трактовки начальной группы, то в карийском начальное *v-* почти полностью отсутствовало (отсюда переход **we-* > *u-*).

В некоторых случаях к и.-е. **dh*, **di* восходит не лик. *t* (resp. *d*), но *-z-*: ср. лик. *zehi*, генитив от **zi* 'день' (по Мериджи) < и.-е. **di-*; лик. *dde-ze-du*, императив от глагола *ddeze-*, весьма точно соответствующего лид. *da↑a-* (от *↑a-* < **dhe*; относительно префикса ср. ниже).

Анатолийская основа **Dawa* (с начальным [d]) наличествует в лик. *-dewe* (*-δαυα* в греческой передаче), Δευ-; писид. Δαος, Δαης, кар. *daй-*, *-dau*. Значение исходной формы неясно (возможно, в этих именах представлены две омонимичные основы).

Ликийское имя (*hrppi-*)*duba/i*, видимо, содержит тот же компонент, что и кар. (*letλ-*)*dùbsa*; ср. в этой связи лув. *dupa* [duba] 'язык, рот', *dupaimi*, хет. *Dupaduparsa* (в отношении *-arsa* ср. хет. *Arsa-k-iti*, кар. Аνδ-αρσ-ωδ- и др.), лув. *dupsa*.

Возможно, озвончением **t* в интервокальной позиции объясняется наличие *-d-* в карийских оптативах-императивах на *-odo*, ср. лик. *-(a)tu*. В карийских текстах засвидетельствованы две формы этого типа: *slm-odo* и *nuṯ-odo*. Первая из этих форм (употребляющаяся в конструкции с именем собственным) включает ту же основу, что и лик. *slãm-* (в *slãmati zrbblã* «. . . -ет надпись»); возможно, **sl̥m-* значило 'освящать'.

В лидийских текстах встречаются формы на *-d* (в частности, энклитика *-ad*), восходящие к индоевропейским местоименным образованиям неодушевленного рода на *-d* (ср. также лид. *ed-s* 'кто-нибудь' : хет. *ed-i* 'ему, ей'?). Единственным отступлением от этого соответствия является лид. *eśt* 'это', где *-t* из **-d* по ассимиляции (см. A. Heubeck, Lydiaka, 81): ср. переход *v* > *f* по соседству с *ś* в лид. *lefś* ⩽ *levś* 'Зевс', *fa-śfẽn-* < *fa-*svẽn-* 'присвоить'.

В карийском *Ed-* (в *Ed-avneτ*), возможно, представляет собой местоименную проклитику[18], восходящую, как и лид. *-ad*, к местоимению **ed* 'это(т)'. Весьма последовательно в лидийском передаются и формы «падежа на *-d*», где *-d*, возможно, восходит к и.-е. **-dh(i)* (ср. A. Heubeck, Lydiaka, 81).

В карийском зафиксирована глагольная форма *nodrn-s-oτ*, ос-

---

[18] Ср. начало той же надписи: *ptuλoteϑe mu-susoτ* (или *mu-s-usoτ?*) «П. меня . . . -т», где *mu-* соответствует хет. *-mu* 'мне', 'меня'. Возможно, местоименная форма *-mu-* встречается в большой карийской надписи из Кавна.

нова которой сопоставима с хет. *nu(n)tarnu-* 'быстро делать, спешить' (о хет. *nuntarnu-*, *nutaras* см. J. Friedrich, Alte und neue hethitische Wörter. — ArOr 6, 1934, стр. 368—373).

Кар. **damula*, возможно, содержит корень *dam-*[19]: ср. хет. *damas-* 'давить, теснить' (при др.-инд. *dam-* 'укрощать' и т. п.). Имена на *-ula* в карийском отличаются архаичностью компонентов (причем суффикс *-ul(a)* используется, например, в хеттском, древнеиндийском, латинском именном образовании): ср. кар. *de-ula* < и.-е. **dhē-*(?); в отношении значения ср., например, хет. *te-* 'говорить' < и.-е. **dhē-*; *iiula* < хет. *ija-*, лид. *ii-* 'делать'; *mgula* < и.-е. *meg(h)-* 'большой'(?): ср. в этой связи: E. Benveniste, Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 111 сл.; **b(a)rgula* (ср. Βαργυλια в греческой передаче; см. A. Heubeck. Praegraeca. Erlangen, 1961, стр. 63—65) < и.-е. **bhr̥g(h)-* 'высокий' (ср. хет. *parku-* 'высокий', *parkija-* 'возвышать(ся)'; ср. также хеттское существительное на *-ula: parganula* < хет. *parganu-* 'возвышать, делать высоким'); **samula* (ср. в отношении этимологии хет. *samnāi* 'создавать' и др.). Ср. далее ликийские имена на *-uli* (типа *pttuli*) при кар. *ptuλ-*.

Элемент Δασ-, -δασ- в малоазийской топономастике, видимо, соответствует хеттской основе *dassu-* 'сильный', *dasses-* 'быть сильным': ср. м.-аз. **Das-tr̥ku* букв. 'мощный Тарху' и т. п.

Выше были рассмотрены формы, содержащие дентальные. Обратимся теперь к анализу форм, содержащих *k*.

Индоевропейский корень **keu-/kou-* '(про)видеть' и т. п. представлен в лид. *kaveś* 'жрец' (ср. др.-инд. *kaviḥ* 'мудрец'), иер. лув. *kawai-*, а также в именах хет. *Kawija*, *Kawinni*, кар. *kavea-*, лик. *kawari*, писид. Καυα-λ-η, Κευης и топонимах кар. Καυ-ν-ος (или от и.-е. **k̂eu-n-o-* 'светлый'?), а также Καοα-ρ-ος, исавр. Καυ-ινδα-να, Καοα-ν-ια (по-видимому, в перечисленных здесь образованиях представлены гетероклитические формы с чередованием нуль : *r* : *n* : *l* : *s* в основе).

Карийские имена *ma-kün̄* (при *m-kün̄i*), *mg-kün̄* (при *mg-ula*, *mg-i-on-*, *mg-oü-*) сопоставимы с хеттскими именами на *-kun(n)i*. Основа *kun(n)i* (ср. хет. *kunna-* 'правый') содержится также в хет. *Kunni* (ср. *Kuwanni*), *Kunnija*, лик. *kun̄nijẽi*, Κοννις, кар. Κον-, лид. Αττα-κουνας и Κυνη (топоним). Имя хет. *Kuwanni* может быть отнесено к группе имен на *-anni*, благодаря чему идентифицируется именная основа *Kuwa-*, представленная также в хет. *Kuwa-talla* (ср. *Arma-talla*: см. Ph. Houwink ten Cate, 153). *Kuwalija* (топоним), лик. *kuwata* (= Κοατα), килик.-памф. Κουας, Κουαλις, Κουαρι-μοας, Οβρα-γουεις (со спорадическим озвончением смычного в **kuwa* в позиции после гласного: ср. Ειλα-γοας, но Μιλι-κουας). Удвоенное **kuwa* представлено в карийском имени

---

[19] Ср. неполную редупликацию этого корня в кар. Δεδμασα: типологически это имя сопоставимо с лик. *mẽtruwa*.

kovkove. По-видимому, та же основа представлена образованиями типа лик. Κβα-μοας, писид. Γβαιμος, м.-аз. Κβωλλας (**kuwanza* в Κβονδιασσις). Не исключено, что основа *kuwa* омонимична.

Видимо, основа **k(a)ruwa* (ср. хет. *Karruwa*, лик. *kruwa*) представлена вторым компонентом *-krû* (< *[kruwa]), в частности в кар. *mi-krû*; относительно *mi-* ср. хет. *Mi-* (но ср. лик. *m̃qr-*).

Очень четкую параллель находим в именах кар. *bskove-*: хет. *Paskuwa*. Карийское имя *avkañs* имеет формальную аналогию в лид. *avka-* (прилагательное с неясным значением: ср. *avkaᵛ ẽtamᵛ* при *ẽtam-* 'Bestimmung'). Возможно, тот же корень *av-* содержится в кар. *avnok* (почетный титул?), *avọer* (глагольная форма на *-er*), (*Ed-*) *avneτ* (глагол на *-eτ*).

Лид. *fa-korfi-* сопоставимо с хет. *karpija-* 'уносить' (ср. O. Carruba, 196). Исходная для *-korf-* форма представлена в лид. *-karb-* (ср. выше относительно *-tarf-*:*tarb-*). В ликийском имелись две основы — *krbb-l-* и *qrbb-l-* (например, в *qrbbli*), каждая из которых может находиться в родстве с названными выше хеттскими и лидийскими образованиями (возможно, обе ликийские основы генетически тождественны).

В карийской надписи из Кавна встречается имя *krk-ov* (ср. кар. *es-ov-*, *pd-ov*, *uk-ove* < **Uhhuwa*, resp. **Wa/Ukkuwa*, *bsk-ove-* и др.); основа *krk* может быть идентифицирована в анатолийском названии Карии *Karki-* (II тысячелетие до н. э.), а также в поздней топономастике: ср. кар. Καρξ-, лид. Καρκ-, писид. Κορκ-, лид. Κεργ-, кар. Γεργ- и др.

Неясно, действительно ли в карийских надписях может быть идентифицировано местоимение *uk* 'я' (выступающее в качестве субъекта глагольных форм на *-a* и на *-lv*); если эта идентификация верна, кар. *uk* может быть сопоставлено с хет. *uk* 'я' (ср. выше о кар. *mu-* 'меня' и хет. *-mu* 'мне, меня').

Основа индоевропейского указательного мостоимения **k-*, идентифицируемая, например, в хет. *kā-* 'этот', возможно, наличествует в кар. *ka-t* (с энклитическим *-t* 'и'?) (ср. формы посессивов на -λ) и, возможно, в энклитике *-k*.

Лабиовелярный [kʷ] передавался в карийском, как и в хеттском, путем сочетания *ku-* (например, в кар. *ku-o-z* — аблатив относительного местоимения, ср. хет. *ku-e-z* 'от которого' и лид. *q-i-ś* 'который').

Далее будут рассмотрены формы, содержащие лабиальные смычные.

Возможно, имя Аполлона восходит к хеттскому имени *Appaliuna* (ср. именную основу *epple-* в ликийском). Карийское имя *rav-pleon* может быть возведено к сочетанию хет. **Arawa* + *Appaliuna*[20].

---

[20] В карийском, как и в хеттском, начальное [r] отсутствовало: кар. *rav-*, *ra-* (в сложных именах собственных) находит соответствие в хет.

Именная основа *Appala-*, по-видимому, чередовалась в раннехеттской топономастике с основой *Pal(l)a-*: ср. в этой связи м.-аз. Πλ-/Βλ- (например, лик. Βλας), -πλ-/-βλ-. Перечисленные соответствия показывают, что хет. *Appala* произносилось как [apla], а хет.-лув. *Pal(l)a-* — как [pla] (озвончение [bla] относится, возможно, к более поздней эпохе).

Выше в различной связи рассматривались анатолийские основы типа *CrC-*, имеющие в раннехеттской и лидийской графике вид *CarC-*, в ликийской — *CrC'C'-*, в карийской — *CrC-*: **tr̥h-*, **tr̥b-*, **kr̥b-*, **br̥g-*, **kr̥k-* (ср. также **sl̥m-* тип *ClC-*). К этому же типу относятся основы **sr̥b-*, **sr̥p-*, **pr̥n-* и др.

Основу **sr̥b-* 'писать' находим в лик. *zrbblã* (табличка с надписью) и в лид. *ẽn-sarb-tat* 'написан' (ср. *ẽn-u-* 'написать').

Основа **sr̥p-* 'верх, верхний' представлена в анат. *Sarpa-* (есть омонимы[21]), лид. *śrfa-śti* верхний[22], лик. *hrppi* (ср. лик. Ερπι-). В основе рассмотренных образований лежит корень *sar-* (ср. хет. *sara-* 'верхний', откуда кар. Σαρα-, Σρα- в топономастике), видимо, наличествующий также в анат. **sr̥k-* (ср. хет. *sark-* 'вздыматься', лид. *srk-*, Συργαστης, кар. *Σαρκ- и др.).

Основа **pr̥n-* 'строить, строение (дом)' может быть идентифицирована в хет. *parn-* 'дом', *parna* 'домой', лик. *prñnawate* 'он построил', кар. Πρινασσος (топоним; ср. лик. *prñnezi*). Интересно, что хет. *pir* 'дом' дало в лидийском *bira*; точно такой же переход *p* в *b* перед *i* в лидийском находим в лид. *bi-* < хетт. *pi-/pāi-* 'давать'.

Выше, в связи с карийскими именами на *-ula*, был упомянут карийский топоним Βαργυλια. Та же основа, по-видимому, представлена в демотиконе Βαρβουλ-ευς (ср. кар. Μογ- : Μοβ и др.; ср. также лидийский топоним Βαρβωλλας, содержащий карийский суффикс -ωλλ-/-ωλδ- ⩽ **ali*). Наряду с формами на Β- в малоазийской топонимике имелись формы на Π-, ср. кар. Παργιστας (букв. 'высочайший'?), Β/Παργασα и др. Можно думать, что чередование

---

ara(wa)- (в отношении чередования *v* : нуль в карийском ср. кар. *mav- : ma-*, *buv- : bu-*, *evav- : eva-* и др.). Интересно, что заимствованная из «позднелувийского» именная основа *Run(da)-* меняла в карийском свой начальный элемент: кар. Λων-δαργ-ευς < «позднелув». Ρων-δαργ-ευς. Лик. *r̃mma-*, видимо, восходит к имени бога *arma*.

[21] Обычно этимологическое **p* переходило в лидийском в *f* (ср. *śrfa-*), реже — в *b*. Буквы со значением *p* в лидийском алфавите не было. Тем не менее в лидийских именах и топонимах в греческой передаче в ряде случаев встречается регулярное π: ср., например, лид. Παλκ- при кар. Παλγ- с хет. *palh-* < и.-е. **p(e)lH-* 'широкий' и т. п. Возможно, в лидийской графике этому π соответствовало не столько *f*, сколько *b* (о произношении лид. *b* см. ниже) : ср. лид. *(fa-)baλk-* < **palh-*.

[22] Об этой лидийской форме см.: O. Haas. Zur lydischen Sprache. — «Sprache» 8, 1962, стр. 138 сл. Соответственно лид. *teśa-śti-* значило 'нижний' (в отношении суффикса, содержащего [s, t], ср. др.-инд. *-iṣṭha* — суффикс превосходной степени, ср. кар. **brg-ista* и др.); ср. далее лид. *srk-aśt-* (при кар. **s(a)rk- < sar + k*), хет. *dalug-asti-* и т. п.

B/II- отражает древнее чередование в корне *bh/per-; однако возможны и иные объяснения этого явления (если исключить трактовку чередования [b] : [p] как результата «нейтрализации» [b] в позиции перед *r*): уменьшение количества [b] в некоторых языках (например, в карийском); расширение «произносительного диапазона» фонемы /b/ вследствие исчезновения фонемы /p/ (ср. лид. *bartaraś*, передаваемое в греческих надписях как Παρταρας); переход звонких придыхательных в простые глухие смычные в некоторых языках (ср. лув. *tappasa-* при хет. *nepis-* [nebes] 'небо'). Пример появления глухих смычных на месте звонких (resp. звонких придыхательных) находим в лид. Πακτωλος при кар. Παγαδης и догреч. Βαγαδα- < **bhāgadā* (ср. Heubeck, Praegraeca, 53 сл.).

Разнобой в трактовке лабиального смычного находим также в формах хет. *purulli* 'старый' (протохат. *p/wurulli-*), лик. *pruli-* 'год', кар. Βρωλης, лид. *f/borl* 'год' (другое лидийское слово со значением 'год' — *brva-* — находит аналогию в карийской именной основе Βρυα-). Возможно, в данном случае разнобой объясняется хурритским характером заимствования (см. ниже). В лидийском имеется местоимение *bi-* 'он', а в хеттском — *apa-* 'он' < и.-е. **ebhe*, в ликийском соответствующая основа имеет форму *ebe-*.

В карийских надписях неоднократно встречаются местоименно-наречные формы *k*-λ (см. выше) и *p*-λ (ср. лид. *t*-λ, *q*-λ); последняя, очевидно, соответствует ликийскому наречию *ebeli* 'здесь'. (Заметим, что в карийском *b* встречается крайне редко, особенно в надписях поздней поры.) Возможно, с этим *p-* генетически связаны указательные постименные энклитики *-p* и *-b*: ср. лик. *qla-j-eb* при *qlebi*, где *-eb(i)* < *ebi* 'здесь' (?) (ср. также чередующиеся ликийские энклитики *-pe-* и *-be*[23]); ср. далее латинские наречия *ibi*, *ubi*, а также греческую частицу -φι < и.-е. **-bhi*. Это **-bhi* наличествует в хет. *kuwapi* 'где, куда' (< и.-е. ***k^{w}*o-bhi*), а также в лид. ἴωπι 'сюда' (эта форма сохранилась в глоссе Гесихия ἴωπι·δεῦρο Λυδοί). Выше указывалось уже на возможность передачи лид. *b* в виде *p* в греческих версиях; можно, однако, предполагать, что форма ἴωπι заимствована из карийской языковой области, где индоевропейская местоименная основа передавалась, как мы видели, весьма часто через (-)*p*(-).

---

[23] Следует помнить, что в ликийском *p* могло чередоваться с *b* (возможно, как и в лидийском, главным образом в позиции перед *i*): ср. лик. *pibije* 'давать' < *pi* + *pija-* (ср. хет.-лув. *pija-* 'давать'). Возможно, озвончение *-p-* обусловлено здесь его интервокальной позицией. На то, что хет. *p(a)i-* 'давать' произносилось с начальным [p], указывают греческие передачи имен на *-pija* (типа *Masna-pija*, букв. 'Бог-дан'), обычно содержащие π (на возможное спорадическое озвончение этого [p] указывают формы типа кар. Μασσαραβις < **masara* + *pi* или Μασσ-αραβις < **mas* + [a] + *rab*(*o*)?).

Эта трактовка как будто подтверждается данными карийских надписей, содержащих начальное *io*. Это *io*, видимо, представляет собой указательное наречие (или предлог?) и идентично ἴω- в ἴωπι (в *io*, ἴω- идентифицируется известный из лидийского местоименный элемент **i*-). В то же время существует возможность связать с хет.-лув. *-pi* [bi] в хет. *kuwapi* 'где, куда', *sannapi sannapi* 'и там и тут' и т. п. и с -πι [pi] в ἴωπι ликийскую энклитическую частицу *-pi* (например, в *ñte-pi*, *hr-ppi*; но ср. лид. *śrfa-* < **sγpa* и др.), имеющую направительное значение (лик. *-pi* может быть сопоставлено с указательными энклитиками хет. *-san*, лув. *-tar*: ср. Ph. Houwink ten Cate, 79). Этот вопрос требует, однако, дополнительного исследования. В карийском встречается постименная энклитика *-ps* (ср. *gle-ps*, *ϑeg-ps*, *sùzrme-ps*), видимо, состоящая из указательной частицы *-p-* и энклитического местоимения *-s* 'он' (ср. лид. *-ś* 'он'). Не исключена возможность, что кар. *-ps* идентично неясной по значению ликийской энклитике *-psse*.

Карийское собственное имя *upsbu* составлено из двух индоевропейских форм: наречия **ups* (ср. **up* в нем. *auf* 'на') и корневой основы **bhū̆-* 'расти, быть'. Аналогичным образом построены ликийские имена *prija-bu-*, *kñta-bu-*, в которых наречия *prija-* < хет.-лув. *parija-* 'сверх' и *kñta-* < хет. *hanta-* 'перед' (ср. кар. *kanτ-* ?) обозначают, так же как и кар. *ups-*, высшую степень некоторого состояния, выраженного основой *-bu*. В карийском имеются и другие формы, образованные от и.-е. **bhū̆-*: собственное имя *buvse* (ср. в отношении детерминатива имена кар. *tavse*, *evavse*, *invse*) и имя существительное *sav-bv-oz* (форма аблатива), в котором *sav-* (ср. лид. *sav-* 'добро-', греч. ὑ-, слав. *sъ-*, др.-инд. *su-*) восходит к и.-е. **w(seu)-* 'добро-' (ср. другую форму основы в греч. εὐ, хет. *assu-*, лув. *wassu-* 'добро'); по-видимому, основа *sav-bv-* значила 'благоденствие' (или нечто подобное): ср. в этой связи название острова Эвбеи; ср. εὐ-φυΐα.

Хет.-лув. *appa(n)* 'позади' (ср. греч. 'οπι- 'за' и т. п.; ср. также др.-инд. *ápi-*, греч. ἔπι- < и.-е. **ep-* 'рядом') представлено в ликийском в форме *epñ-* (едва ли этому наречию соответствует лид. *fẽn-*); возможно, в карийском эта основа передавалась в виде Ш*pñ-*; форма без *-n* (ср. хет. *appezi* 'задний' < и.-е. **opitijo*) засвидетельствована в греческих передачах малоазийских имен в виде начального Επ-, Απ-, Αφ-, ср., например, кар. Απ-ουκ-ος, где следование -ουκ- соответствует основе имени Ου-ωκ- и восходит к **uv-ok* (ср. кар. *uv-on-* и *avn-ok*, *nak-ok*, Κανν-ωκ-ος). Приведенные примеры показывают, что хет.-лув. *appa-* передавалось в позднюю эпоху в виде [ap], но не в виде [pa]; соответственно лид. *fa-* восходило не к хет. *appa-*, но к хет. *pe-*, *p-* 'hin' (ср. также лик. *pi-*): ср. лит. *pa*, *po* слав. *po* (*pa-*) < и.-е. **po*. Этим формам, видимо, родственны греч. ἄπο, др.-инд. *ápa*, а также греч. ἔπι, др.-инд. *ápi*; очевидно, в конечном итоге малоазийские наречия

appa-, Απ-, *pe-* и т. д. являются генетически родственными. В отношении лид. *fa-* < и.-е. **po* (ср. русск. *по*) ср. лид. *da-* < и.-е. **do-* (ср. русск. *до*).

Кар. Παρα-, употребляющееся в композитах в той же позиции, что и кар. Σαρ-, Παλγ- (во всех трех случаях начальные компоненты отличаются пространственным значением), соответствует ликийскому наречию-предлогу *pere-*, лув. *para/i*, хет. *parā-* 'пере(д)' < и.-е. **perə-* 'перед' (ср. др.-инд. *pári*, греч. περι, лат. *per*, слав. *per-*, русск. *пере-*). Эти формы, несомненно, генетически связаны с формами типа лид. *fra-* < и.-е. **prŏ̄* (ср. др.-инд. *pra*, греч. προ, лат. *pro*, слав. *pro*, *pra-*, русск. *про*); ср. в этой связи также лид. *frati-*, др.-инд. *prâti*, гом. προτι, русск. *против*. Форма на *-i* представлена в хет.-лув. *pari(ija)* 'через' и др. (ср. лат. *prae*): ср. в топономастике м.-аз. Πρι-, догреч. крит. (< хет.-лув.). Πριανσος (форма на *-*ns* < *-*nts*, ср. кар. Σαρανσος, Σρανσος: аналогичное образование от наречия **sara*). Хетто-лувийскому *prija-* соответствует лик. *prije-*, например в *prije-duli*. Это собственное имя находит аналогию в кар. Αριδωλις, где в качестве первого компонента выступает наречие **ari-* (ср. лик. *eri-*, лид. *ar-*) < хет.-лув. *arha(ia)* 'extra' и др. Очевидно, как и в случае с кар. *ups-bu*, лик. *kñta-bu-*, *prija-bu-*, наречия кар. **ari-* и лик. *prije-* обозначают здесь особую степень качества, выраженного в основе *-duli*[24].

В целом, как видим, звонкие и глухие смычные в позднехеттских языках (ликийском, лидийском, карийском) в принципе соответствуют звонким и глухим смычным в раннехеттских языках[25], а также — в определенных случаях — индоевропейским

---

[24] Можно свести в систему рассмотренные выше в различной связи хетто-лувийские (главным образом позднехеттские) наречия-предлоги. Имеем анат. *anda-* 'в, на' (ср. лат. endo) : лик. *ñte-* (ср. также *ẽtri-* ~ *unter*), кар. *nt/da-* (и *nta-*?) : лид. *ẽ(n)t-* (ср. также лув. *annan* 'под' : лик. *ẽnẽ* — и лид. *ẽ-*, *ẽn-*?); анат. *arha(i)* 'extra, из' и т. д. : лик. *eri* : кар. **ar(i)-* : лид. *ar-*; анат. *appa(n)* 'за' : лик. *epñ-* : кар. Ψpñ- (?) (ср. также м.-аз. **ap-*; ср. *-r-* основу в лув. *appara-* 'следующий' : лик. *epri-*); хет. *pe-*, *p-* 'hin' : лик. *pi-* : лид. *fa-*; анат. *hant-* 'перед' : лик. *kñta-* : м.-аз. **kn̥d-* (в топономастике); анат. katta 'вниз' : лид. *kan(t)-/kaτ-* (< и.-е. **kmt-* и др.) : кар. *kanτ-* (?) (ср. также топономастику); анат. *para(i)-* 'пере-, перед' и др. : лик. *pere-* : кар. Π(α)ρ(α)- (ср. далее лид. *fra-* 'про', *frati-* 'против'??); анат. *parija-* 'через' и др. : лик. *prije-* : м.-аз. (в том числе кар.) **pri(ja)-*, ср. и.-е. **per/pro(i-)*; анат. *sar(a)-* 'ввер(ху)' : лик. *hr-* : лид. *sar-* : кар. **sar-* (в Σαρ-, Σρ-); кар. *ups-* 'над (?)' < и.-е. **ups-* (ср. хет. *up-* 'подниматься'); лид. *da-* < и.-е. **do-* 'до'; ср. также лик. *trbb-* 'wieder, zurück' (?) : м.-аз. (в том числе кар.) **tr̥b-* (в топономастике); лид. *v*↑- < и.-е. **ud-* (?) (едва ли лид. *v*↑- сопоставимо со слав. *vž/s-* : лит. *už-*); имеются и другие ранне- и позднехеттские образования подобного рода (ср., например, кар. *sl-* в обозначении лица *sl-nko-* при *nko-* в эпитафиях; ср. также писид. Σλ-). Возможно, эти префиксы восходят к хет. *sēli* < и.-е. **s(e)lə* 'günstig'.

[25] В клинописных текстах противопоставление по звонкости — глухости соблюдалось лишь в интервокальном положении: в этой позиции простой смычный передавал звонкий согласный, а удвоенный смычный передавал глухой согласный (так называемое правило Стертеванта).

звонким и глухим смычным. Индоевропейские «звонкие придыхательные» передавались в хеттских языках в основном посредством звонких, хотя имелись и определенные отступления: ср. ассибиляции *dh в лидийском и переход этого звука в t в ликийском (очевидно, подобные переходы имели место не во всех случаях). В определенных позициях старые смычные трактовались особым образом (ср. трактовку групп *du-, *di-).

Следует отметить в этой связи, что в хетто-лувийских языках (особенно в позднехеттских) исключительную роль играли палатальные согласные, причем палатализации подвергались не только смычные[26], но и сонанты.

Значительные колебания в произношении смычных связаны с позднейшей трактовкой анатолийского *h*.

Определенные колебания в трактовке старых смычных могли быть обусловлены позицией. Так, по соседству с *r* и *l* могло происходить озвончение старых глухих (возможно, имелись тенденции к нейтрализации смычных по глухости—звонкости в этой позиции; по соседству с *n*, *m* смычные, как правило, озвончались); в интервокальном положении могло происходить спорадическое озвончение глухих смычных (соответственно могли озвончаться начальные глухие смычные лексем, употреблявшихся в качестве второго элемента композита после гласного; регулярное озвончение в этой позиции происходило после носового). Согласный *p*, видимо, чаще всего озвончался в позиции перед *i* (с другой стороны, старое *b*, возможно, переходило в некоторых случаях в *p* в связи с сужением сферы употребления *b*). Резюмируя, можно сказать, что в позднехеттских языках имелись определенные тенденции к озвончению глухих смычных.

Вывод о том, что старые глухие и звонкие в большинстве случаев сохраняли свое качество на протяжении всей истории хетто-лувийских языков, подтверждается не только перечисленными параллелями, но и обширным дополнительным материалом. Можно указать, например, на следующие недавно установленные соответствия: *aska* ‘ворота’ > писид. **aska* (в Ασκατηνος, Ασκαῖος и т. п.); хет. *kammara-* ‘тень’ : килик. (в греч. передаче) κόμμανα ‘чад’ (< и.-е. **k̑em-* ‘покрывать’): с гетероклитическим чередованием **r*/*n*; хет. *pattar* > лик. πατάρα (-*n*-основа в греч. πατάνη; ср. также лик. *pttarazẽ*, Παταρέων); хет. *taru* ‘дерево’, ‘дрова’ : ликаон. **derwa* > Δερβη; хет. *tuekka* ‘тело’ (: др.-инд. *tvac*) > лик. *tuce-dri* ‘статуя, изображение’; хет. *tuhs-* ‘очищаться’ (ритуальный термин) : лик. τουξ(ο)-; хет. *taju-* ‘вор’ (ср. русск. *таить*) : лид. τεγον

---

[26] Выше шла речь в основном о палатальных дентальных. Можно указать и на палатальные типа [k′], [g′] в хетто-лувийских языках: в ликийском языке, например, звук [k′] (на письме *c*) был представлен весьма широко (это *c* могло чередоваться с $t = [t']$ в позиции перед *e*/*i*, а также в других позициях).

'разбойник'[27]; хет. *hap(pa)rāi-* 'продавать', *happines-* 'богатеть' (*r/n*-основа) : лид. *afaris* 'купчая' : лик. *epirije-* 'продавать'; хет. *kars-* 'отрезать' (ср. лик. *krzz-* ?) : лид. *fa-karś-* 'повреждать'; хет. *Zapalli* > лид. Σαβηλος; хет. *Tarawa* > лид. Ταραβους[28]; хет.-лув. *arpa-* 'Mißgunst' : лик. *erbbe-*, м.-аз. Αρβ-; хет. *pihassassis*, *pihamis* (эпитеты бога грозы) : лик. *pikm̃ma* = Πιγομις; Πια-; кар. Πιγ/κρης; хет. *Puna-* : м.-аз. Πονα-; хет. *Pana-* : кар., писид. Πανα-; анат. *Mita* > лик. *mida-*; анат. *Turla* > лик. *turla*; анат. *Tuwata* > лик. *tuwada*, хет.-лув. *tapar-* 'управлять' : м.-аз. Τβερ(ρ)-[29] и др.

Можно анализировать хетто-лувийские формы и без обращения к позднехеттским языкам. Индоевропейские этимологии ряда хеттских слов, позволяя уточнить произношение этих последних, подтверждают «правило Стертеванта» (там, где такое подтверждение возможно): так, хет. *awitis* 'лев' может быть возведено к и.-е. **owi* + *ĕdis* (букв. 'овцеед')[30]; хет. *karpinq* 'вид дерева' : русск. *грабина*[31]; хет. *hurpasta(n)* 'лист' и др. : лат. *verbēna* < **werbes-nā*[32]; хет. *tar-* 'говорить, называть' (возможно, та же основа наличествует в лид. *kan-tor-u* и т. п.) : лит. *tar̃ti*, русск. *тараторить*; хет. *wappija-* : русск. *вопить*[33] и др.

Здесь были перечислены лишь некоторые из недавно предложенных этимологий; если обратиться к этимологиям, собранным в хеттском словаре И. Фридриха, нетрудно убедиться в том, что «правило Стертеванта» находит подтверждение почти во всех случаях.

Едва ли в хеттских языках имела место обусловленная влиянием «эгейского субстрата» нейтрализация различения смычных по глухости—звонкости, как это полагает Хойбек (A. Heubeck, Praegraeca, 21 сл., 79 сл.), хотя определенные колебания произношения, не поддающиеся удовлетворительному объяснению, могут быть действительно интерпретированы как результат влияния субстрата. Данные лидийского, карийского и ликийского языков

---

27 Ср.: G. Neumann. Untersuchungen zum Weiterleiben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961, стр. 44 сл.

28 Ср.: O. Carruba. Указ. соч., стр. 394 сл.

29 Ср.: Ph. Houwink ten Cate. Указ. соч., стр. 144 сл.

30 G. Neumann. Hethitische Etymologien, III, стр. 76 сл. — О. Н. Трубачев любезно указал мне на славянскую параллель к хет. *awitis*: слав. *ov-adъ* 'овод' восходит к и.-е. **ow-ōdos*, что также буквально значит 'овцеед'.

31 G. Neumann. Указ. соч., стр. 78, прим. 2. — В связи с изложенными выше соображениями эту этимологию следует предпочесть сравнению с лат. *carpinus*.

32 Там же, стр. 79.

33 E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 119 и 125; ср. также стр. 108 (*akk-*), 112 (*taya*), 117 (*tepu*), 122 (*tuzzi*) и др.: Бенвенист подчеркивает действенность «правила Стертеванта», указывая, в частности, на такие соответствия, как хет. *kakkapan* (вид птицы) : аккад. *kakkabānu* 'куропатка' (> греч. κακκάβη); *nata/i-* 'роза' : др.-инд. *nada-* 'тростник'; *pupu* 'amant' : аккад. *bubu* (стр. 7).

показывают, что в тех диалектах хеттского и лувийского, к которым восходят названные языки, передвижения согласных (типа $t > th$, $d > t$) не было, что, впрочем, не означает, что подобных фонетических сдвигов в хетто-лувийских языках не происходило: ср. в этом отношении этрусский язык (в котором, возможно, имело место «склеивание» различных рядов смычных). Т. В. Гамкрелидзе приводит ряд аргументов в пользу передвижения согласных в хеттском (такое передвижение в принципе могло иметь место в диалектах, не зафиксированных в позднехеттскую эпоху): наличие в египетских передачах хеттских имен и топонимов форм типа p-t-ḫ-p = хет. *Puduhepa*, Ḫ-s-s-p = хет. *Hissashapa*, Hr-p-n-t-r-y-s = хет. *Hapanta*[*ri*]*as* (вернее, *Hapantalijas*)[34], в которых египетские глухие соответствуют интервокальным простым. Следует, однако, учесть, что форма *Puduhepa* является хурритской по происхождению, в хурритских же заимствованиях в хеттском действительно имели место отклонения в произношении от названного выше правила, что, возможно, связано со спецификой произношения хурритских смычных (слабо выраженная звонкость «слабых»)[35]. Что касается двух других образований, то они включают протохаттскую основу *hapa*-, которая могла записываться также и с двойным -*pp*-: ср. хет. *Happanu* при *Hapanuwa*; *Happawassu* и др. (в протохаттском различие между глухими и звонкими согласными отсутствовало). На то, что в хеттском имелись звонкие согласные, указывают египетские передачи K-ḏ-w-d-n = хет.-лув. *Kizzuwadna* (где -*wadna* представляет -*n*- основу от и.-е. **wed*- 'вода'), Ḏ-p-ỉ-r-n-d = хет. *Zippalanda* (обращает на себя внимание нормальное соответствие егип. -*p*- = хет. -*pp*- [p]: ср. еще M-t-nr = хет. *Muwattalli*). Другой интересный довод Гамкрелидзе в пользу передвижения согласных в хеттском связан с передачей др.-инд. *aika*- (позднее *eka*-) 'один' в виде *aika*- (в *aikawartana* 'один поворот') в хеттских текстах (следует отметить, что индийские эти слова были первоначально записаны хурритами). Следует, однако, указать на формы типа *baritta*- 'светлый' < др.-инд. *bharita* 'сияющий', *nata* < др.-инд. *nada* (см. выше) и др., где древнеиндийские глухие и звонкие передаются в соответствии с «правилом Стертеванта».

Видимо, влияние «эгейского субстрата» было в хеттских языках не столь значительным, как иногда думают.

---

[34] Т. В. Гамкрелидзе. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке. — «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 250.

[35] Из тех пяти примеров, которые приводятся Нойманом в качестве иллюстрации возможной тенденции к передвижению согласных в позднехеттских языках (G. Neumann. Untersuchungen. . ., стр. 105), по крайней мере два представляют собой хурритские заимствования в хеттском (из прочих примеров обращает на себя внимание наречие ἶωπι, в котором -πι [pi] возводится к хет. -*pi* [bi], — см. об этом выше).

Возможно, вследствие этого влияния глухие в хеттских языках произносились с некоторым придыханием (ср. произношение английского *t*): отсюда написания типа Φ ⊕ Ψ в карийском для передачи /p/ /t/ /k/ (ср. использование этих букв в этрусском; ср. далее написания типа *-tt-* в клинописи), а также чередования Τ : Θ и др. в передаче позднехеттских слов и имен в греческих текстах.

В будущем, видимо, удастся объяснить удовлетворительным образом значительную часть колебаний в произношении хеттских слов[36], а также выявить новые закономерности в эволюции звуковой структуры хетто-лувийских языков. Основу для таких изысканий может дать сравнительный анализ хетто-лувийских лексических и морфологических соответствий, однако наиболее значительных результатов следует ожидать, по-видимому, от исследований по хетто-лувийской (особенно позднехеттской) диахронной диалектологии.

---

[36] Если речь идет действительно о колебаниях в произношении, а не о графических колебаниях (к последним следует отнести колебания типа $\varkappa/\chi$, resp. τ/ϑ в греческой передаче кар. χ, resp. *t*; колебания типа лид. *-t/d* в передаче палатального смычного и др.).

А. А. Зализняк

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. II

Настоящая работа содержит вторую часть «Сравнительного словаря древнегерманских существительных», первая часть которого опубликована в сборнике «Этимология»[1]. Первая часть этого словаря охватывает случаи, когда сопоставляемые древнегерманские существительные принадлежат к одному и тому же морфологическому типу; публикуемая ниже вторая часть словаря охватывает случаи, когда сопоставляемые существительные принадлежат к разным морфологическим типам.

Особенности второй части словаря требуют некоторой детализации пояснений, данных в указанной работе; кроме того, необходимо рассмотреть несколько вопросов, которые в первой части словаря вообще не возникали.

Как и в первой части, материал расположен в шесть столбцов: в пяти правых столбцах приводятся соответствующие друг другу слова готского, древнеисландского, древнеанглийского, древнесаксонского и древневерхненемецкого языков, а в левом столбце — реконструируемые общегерманские формы. Во второй части словаря реконструируемая форма всегда представлена не менее чем двумя вариантами. Каждое древнегерманское слово помещено на одном уровне с тем вариантом реконструкции, которому оно соответствует.

Реконструкции в левом столбце строятся следующим образом: 1) для взятого древнегерманского слова реконструируется исходный вид основы (полученный фонетический комплекс выступает в общегерманском как главная часть основы, т. е. как основа без основообразующего элемента); 2) к полученному фонетическому комплексу приписывается через дефис основообразующий элемент (и далее, также через дефис, окончание им. падежа ед. числа) — в соответствии с тем, к какому типу склонения

[1] А. А. Зализняк. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительнных. I. «Этимология». М., 1963, стр. 124—160.

принадлежит взятое древнегерманское слово. Кроме того, при реконструированной форме указывается род (если он не устанавливается однозначно по основообразующему элементу и окончанию).

Ниже показан вид реконструируемой формы для каждого из морфологических типов древнегерманских существительных (слева даны принятые обозначения типов):

a-m	**wulf-a-z*	*n-f*	**tung-ōn*[2]
a-n	**jēr-a-n*	*īn-f*	**aiþ-īn*
ō-f	**geƀ-ō*	*n-n*	**xert-ōn* (n)
i-m	**gast-i-z* (m)	*r-m*	**ƀrōþ-er*
i-f	**wurt-i-z* (f)	*r-f*	**swest-er*
i-n	**mar-i* (n)	*s-n*	**kalƀ-az* (n),
u-m	**sun-u-z* (m)		**kalƀ-iz* (n)
u-f	**xanđ-u-z* (f)	корн.-*m*[3]	**mann-* (m)
u-n	**fex-u* (n)	корн.-*f*[3]	**mūs-* (f)
n-m	**gum-an*	корн.-*n*[3]	**aluþ-* (n)

Такая форма записи делает излишним указание морфологического типа при самих древнегерманских существительных. Например, в статье 29. 27 др.-исл. *māttr* находится на уровне реконструируемой формы **maxt-u-z* (m), а гот. *mahts* (вместе с западногерманскими словами) — на уровне **maxt-i-z* (f). Это значит, что древнеисландское слово относится к типу *u-m* (род. *māttar*, дат. *mǣtti* и т. д.), а, например, готское — к типу *i-f* (род. *mahtais*, дат. *mahtai* и т. д.).

Древнегерманское слово, стоящее за фигурной скобкой, соотносится сразу с двумя или несколькими реконструкциями, которым соответствует скобка. Такое неоднозначное соотнесение может иметь несколько значений:

1. Основа древнегерманского слова может восходить к любому из фонетических вариантов основы общегерманского слова; например, др.-англ. *spōn* (статья 29. 35) может восходить как к **spōn-a-z*, так и к **spēn-a-z*. В этом случае дополнительных указаний не дается.

2. В разных формах древнегерманского слова выступают разные основы, различие между которыми восходит к общегерманским чередованиям; например, др.-англ. *horh*, где конечное *h* из **-xw-* (статья 19. 20) имеет род. падеж *horwes*, где *-w-* из *-(g)w-*. В таких случаях даются соответствующие пояснения.

---

[2] Если в пределах статьи встречается также тип *n-n*, при типе *n-f* род указывается.

[3] К «корневым» отнесены также так называемые основы на *-t*. В корневом типе в качестве исключения окончание им. падежа ед. числа не дается.

3. Древнегерманское слово может склоняться по двум или нескольким разным типам склонения; например, др.-исл. *smiðr* (ст. 29. 34) может склоняться по типам *a-m*, *i-m* и *u-m*, др.-англ. *sāl* (ст. 20.16) — по типам *a-m* и *ō-f* и т. д. В этих случаях при древнегерманском слове как правило дается соответствующее пояснение: указываются типы склонения (в недвусмысленных случаях — просто род), между которыми колеблется слово, или приводятся словоформы, из которых виден характер колебаний [4]. В перечислениях такого рода используется союз «и» или запятая (но не союз «или»).

4. Древнегерманское слово имеет гетероклитическую парадигму; например, гот. *haims* (ст. 28. 9) имеет ед. число типа *i-f*, а мн. число — типа *ō-f*. В этих случаях дается соответствующее пояснение или приводятся словоформы, из которых виден гетероклитический характер склонения.

5. Засвидетельствованные словоформы не позволяют однозначно определить тип склонения древнегерманского слова. При таком слове указываются типы, к которым оно может принадлежать; например, гот. *lists* (ст. 21. 4) — либо жен., либо муж. рода (либо, наконец, колеблется между этими родами, что маловероятно), но явно не ср. рода. В этих (и только в этих) случаях употребляется союз «или». Таким образом, например, в упомянутой статье 21. 4 западногерманские слова (указание «f, m») колеблются между жен. и муж. родом, а род готского слова (указание «f или m») точно не установлен.

Если слово с комментариями занимает более одной строки, его уровень определяется по верхней строке. Древнегерманское слово, стоящее после запятой (или слов «и», «также»), а также в скобках, является вариантом предшествующего слова (даже если эти слова стоят на разных строках). Если же между двумя словами одного языка нет ни одного из этих связующих знаков или слов, каждое из них самостоятельно соотносится с графой реконструкций. Например, в статье 32. 2 др.-исл. *ǫlr*, *elrir*, *elri* соотносятся соответственно с тремя разными формами левого столбца, а др.-в.-нем. *elira*, *erila* — с одной и той же.

Итак, приводимые реконструкции представляют собой не что иное, как условные формулы, включающие: 1) фонетический комплекс, который, будучи преобразован по некоторым правилам (разным для разных древнегерманских языков, но всегда одинаковым для одного и того же языка), даст основы реально засвидетельствованных древнегерманских слов; 2) информацию о типе склонения этих древнегерманских слов. Оба эти элемента информации объективны и допускают точную проверку.

---

[4] В случаях, где выписано только окончание, дефис заменяет исходную форму (целиком), например *-s* при *rōðr* означает *rōðrs*, *-u* при *rǫdd* — *rǫddu* и т. д.

В этом смысле приводимые реконструкции представляют самостоятельную ценность, не зависящую от действительной истории слов.

С точки зрения действительной истории языка приводимые реконструкции не равноценны. По-видимому, значительная часть из них более или менее точно отражает определенную историческую реальность. С другой стороны, некоторые из них, вероятно, никогда не существовали. К сожалению, мы почти не располагаем здесь надежными критериями для определения истины; всякое решение оказывается в той или иной мере гипотетичным. Правильное отражение истории языка наиболее вероятно в первой части словаря; во второй части эта вероятность резко уменьшается. В самом деле, рассматриваемые во второй части словаря морфологические различия между сопоставляемыми словами могут либо восходить к общегерманской эпохе (или даже к общеиндоевропейской, ср., например, гот. *watō* и др.-англ. *wæter*, ст. 36.3), либо объясняться поздним переходом части древнегерманских имен из одного типа склонения в другой. В последнем случае по крайней мере часть наших реконструкций с исторической точки зрения оказывается фикцией.

В нашей работе не ставится задача точно отделить исторически реальные реконструкции от фиктивных. Эта задача требует дополнительных исследований; публикуемый словарь может рассматриваться при этом как один из источников необходимой информации. Все же, чтобы несколько облегчить такую работу, мы выделили реконструкции, реальность которых наиболее сомнительна: такие реконструкции заключены в квадратные скобки. Выделение таких реконструкций производилось с большой осторожностью; учитывались лишь наиболее явные признаки позднего перехода из одного морфологического типа в другой. Вот главные из них:

1. Основа древнегерманского слова обнаруживает результат фонетического воздействия иного основообразующего элемента, чем тот, который должен быть приписан в соответствии с типом склонения. Например, в др.-исл. *hryggr*, тип *i-m* (ст. 31.7), удвоенное *gg* указывает на прежнее **xrugj-a-z* (**xrug-i-z* дало бы *hrygr* или *hrugr*).

2. Во всех древнегерманских языках морфологический тип сопоставляемых слов одинаков, а в одном он колеблется, причем данный тип колебания свойствен не одному этому слову, а значительной группе слов. Таковы, например, колебания между типами *ō-f* и *i-f* в древнеисландском, между типами *ō-f* и *n-f* в древневерхненемецком и древнесаксонском, между типами *a-m* и *a-n* в древневерхненемецком.

3. Архаическому типу склонения, представленному в нескольких языках, в одном или двух языках соответствует продуктивный тип.

Как и в первой части словаря, значения древнегерманских слов приводятся только в том случае, если они отличаются от того, которое указано в графе реконструкций. Если в одной графе содержится несколько слов, перевод может быть дан при каждом; если он дан только при последнем из них, он действителен и для остальных.

Можно думать, что в некоторых случаях, когда значения сопоставляемых слов заметно расходятся, приводимые в столбце реконструкций формы отражают не варианты одного и того же общегерманского слова, а разные слова (ср., например, статьи 19.4, 32.20). Решение этого вопроса часто зависит от точности семантической реконструкции и, следовательно, выходит за рамки настоящей работы.

Вторая часть словаря распадается на три раздела: I — реконструируемые основы сопоставляемых существительных имеют одинаковые или однотипные[5] основообразующие элементы, но эти существительные различаются по грамматическому роду; II — реконструируемые основы имеют неоднотипные основообразующие элементы; III — в части реконструируемых основ имеется суффиксальный элемент, который в прочих основах отсутствует или выступает в качестве основообразующего. Разделы разбиты на группы, каждая из которых объединяет статьи со сходным соотношением морфологических типов сопоставляемых слов. Нумерация групп продолжает нумерацию первой части словаря. В конце словаря помещены: две группы слов с нестандартными фонетическими соответствиями, дополнение к первой части словаря и указатель, охватывающий материал всего словаря.

Прочие пояснения даны в указанной выше работе. Отметим, что во второй части словаря помета «др.-н.-нем.» не используется; соответствующие слова даются просто как древнесаксонские.

---

[5] Однотипными считаются: 1) основообразующие элементы *-a* и *-ō*; 2) основообразующие элементы *-an* и *-ōn*.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Часть вторая

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДРУГ ДРУГУ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ДРЕВНИХ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ ПРИНАДЛЕЖАТ К РАЗНЫМ МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ТИПАМ

Раздел I. Реконструируемые основы соответствующих друг другу древнегерманских существительных имеют одинаковые или однотипные основообразующие элементы, но сопоставляемые существительные различаются по грамматическому роду (главные части реконструируемых основ одинаковы или различаются только фонетическими чередованиями)

19. Основы на -*a* мужского рода — основы на -*a* среднего рода

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. **alđr-a-z* **alđr-a-n* 'возраст'	} ср. *fram-aldrs* 'престарелый'	*aldr* 'возраст, старческий возраст'	*ealdor* 'срок жизни'	*aldar*	*altar*
2. **anđi-a-z* [**anđi-a-n*] 'конец'	*andeis*	*endir* (в ед. ч. также аналогические формы типа *n-m*: *endi*, *enda*)	*ende* (вин. ед. изредка также *endan*)	*endi*	} *enti* (n, изредка m)
3. **ƀalw-a-z* **ƀalw-a-n* 'зло, несчастье'	} ср. *balwa-wesei* 'зло, порочность'	*bǫl* (дат. ед. *bǫlui*) 'бедствие, несчастье'	*bealu* 'зло, несчастье'	*balo* 'зло'	*balo* (род. ед. *balawes*) 'гибель'

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
4. **ƀarđ-a-z* **ƀarđ-a-n* 'борода'	—	*barð* 'борт, край'; 'борода' (редко) (возможно, что это слово не связано с зап.-герм.)	*beard*	ср. *un-bardaht* 'безбородый'	*bart*
5. **ƀast-a-z* **ƀast-a-n* 'лыко, луб'	—	*bast*	*bæst* (m, n)	*bast*	*bast*
6. **ƀerg-a-z* **ƀerg-a-n* 'гора'	ср. *bairgahei* 'горная местность'	*biarg*, *berg* 'скала, утес, обрыв у берега моря'	*beorʒ* '(могильный) холм, гора'	*berg*	*berg*
7. **ƀeur-a-z* **ƀeura-n* 'пиво' (возможно, однако, что не восходит к общегерм., а заимств. отдельными диалектами из лат.)	—	*biōrr*	*bēor*	*bior*	*bior*

8. [***ƀūr-a-z**] **ƀūr-a-n* 'помещение, комната'	—	***būr*** 'кладовая, склад'; 'женская комната'	***būr*** 'беседка, помещение, жилище'	—	} *būr* (m, n) 'дом, помещение'
9. **đōm-a-z* [**đōm-a-n*] 'суждение, суд'	*dōms* 'мнение, слава'	*dōmr* 'суждение, суд'; 'состояние'	*dōm* 'суждение, суд, слава'	*dōm* 'суждение, суд, слава'	} *tuom* (m, n) 'суждение, суд, слава'; 'достоинство, состояние'
10. [**faxs-a-z*] **faxs-a-n* 'волосы'	—	*fax* 'грива'	*feax*	*fahs*	} *fahs* (n, m)
11. **fasul-a-z* **fasl-a-n* 'потомство'	—	*fǫsull*	*fæsl* 'потомство, молодое поколение'	ср.-н.-нем. *vasel*	*fasal* 'потомство, молодое поколение'
12. **frust-a-z* **frust-a-n* 'мороз'	—	*frost*	*frost*, *forst*	*frost*	*frost*
13. [**fulk-a-z*] **fulk-a-n* 'толпа, войско, народ'	—	*folk* 'толпа, народ'; 'род'	*folc*	*folk*	} *folc* (n, m)

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
14. [**greut-a-z*] **greut-a-n* 'песок, гравий'	—	*griōt* 'камень, гравий'	*ȝrēot* 'песок, пыль, земля'	*griot* 'песок'; 'берег'	*griozȝ* (n, m)
15. [**gur-a-z*] **gur-a-n* 'грязь, нечистоты'	—	*gor* 'жвачка'	*ȝor*	—	*gor* (n, m)
16. **xagl-a-z* **xagl-a-n* 'град'	—	*hagl*	*hæȝ(e)l*, *haȝol*	*hagal*	*hagal*
17. **xarƀist-a-z* **xarƀust-a-z* **xarƀust-a-n* 'осень'	—	*haustr* *haust*	*hærfest*	*herƀist*	*herbist*
18. **xrōf-a-z* **xrōf-a-n* 'крыша'	—	*hrōf* 'крыша дока'	*hrōf* 'крыша', 'небо'	ср.-н.-нем. *rōf*	—
19. **xuf-a-z* **xuf-a-n* 'двор'	—	*hof* 'языческий храм'	*hof* 'ограда, дом, храм'	*hof*	*hof* 'двор, княжеский двор, земельная собственность'
20. **xurxw-a-z* **xur(g)w-a-z* **xurxw-a-n* **xur(g)w-a-n* 'слизь, грязь'	—	*horr* 'слизь в носу'	*horh* (m, n; род. п. *horwes* < **xur(g)w-*)	*horu* 'нечистоты'	*horo* 'грязь, нечистоты'
21. **xwaiti-a-z* **xwaiti-a-n* 'пшеница'	*ƕaiteis*	*hueiti*	*hwǣte*	*hwēti*	*(h)weiȝi*, *weizzi*

22. **xwarƀ-a-z* **xwarƀ-a-n* 'вращение, поворот'	—	*huarf* 'исчезновение'	} *hwearf* (m, n) 'изменение'; 'толпа'; 'верфь'	*hwarf* 'толпа (круг) людей'	*warb* 'вращение, поворот'
23. **īs-a-z* **īs-a-n* 'лед'	—	*īss*	*īs*	*īs*	*īs*
24. **lauƀ-a-z* **lauƀ-a-n* 'лист, листва'	**laufs* (мн. *laubōs*; вин. ед. *lauf* 'листву' может быть формой имени собират. ср. р.)	*lauf*	} *lēaf* (n, изредка m)	*lōf*	} *loub* (n, изредка m)
25. [**laun-a-z*] **laun-a-n* 'вознаграждение, награда'	*laun*	*laun* (мн.) 'вознаграждение, возмещение'	*lēan*	*lōn*	} *lōn* (n, m)
26. **legr-a-z* **legr-a-n* 'ложе'	*ligrs*	*legr* 'ложе'; 'могила'	*leȝer* 'ложе'; 'могила'	*legar* 'ложе'; 'болезнь'	*legar* 'ложе, одр болезни'; 'могила'
27. [**līƀ-a-z*] **līƀ-a-z* 'жизнь'	—	*līf* 'жизнь'; 'тело'; 'человек'	*līf*	*līf*	} *līb* (n, m) 'жизнь'; 'тело'; 'человек'
28. **līm-a-z* **līm-a-n* 'клей, вяжущее средство'	—	*līm* 'вяжущее средство, известь'	*līm* 'клей, известь'	*līm* 'клей'	*līm* 'клей, птичий клей'
29. [**līn-a-z*] **līn-a-n* 'лен, полотно' (заимств. из лат. или из средиземноморского источника)	*lein* 'полотно'	*līn*	*līn*	*līn*	} *līn* (n, m)

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
30. [**main-a-z*] **main-a-n* 'обман, вред'	—	*mein* 'вред, порча, препятствие'	*mān* 'злой поступок, преступление'	*mēn* 'ложь, обман'	} *mein* (n, m) 'ложь, преступление'; 'несчастье'
31. **mōđ-a-z* **mōđ-a-n* 'дух, настроение'	*mōþs (-d-)* 'дух, гнев'	*mōðr* 'гнев, возбуждение'	*mōd* 'дух, смысл, разум'	} *mōd* (m, n) 'дух, смысл, разум'	} *muot* (m, n) 'дух, настроение, гнев'; 'смысл, разум'
32. **mōr-a-z* **mōr-a-n* 'болото'	—	—	*mōr*	} *mōr* (n, m)	*muor* 'болото, озеро'
33. **nikwiz-a-z* **nik(w)uz-a-z* **nik(w)us-a-z* [**nik(w)us-a-n*] 'водяной дух, водяной зверь'	—	*nykr* 'водяной дух'; 'бегемот'	*nicor* 'водяной дух'; 'бегемот'; 'морж'	ср.-н.-нем. *necker*	} *nihhus* (m, n)
34. **nīþ-a-z* **nīþ-a-n* 'злоба, ненависть'	*neiþ* 'зависть'	*nīð* 'издевательство, оскорбление'	*nīþ* 'злоба, вражда, борьба'	*nīth* 'рвение, напряжение, зависть, ненависть'	*nīd* 'злоба, гнев, ненависть, ревность, зависть'
35. **ōþal-a-z* **ōþal-a-n* **ōþil-a-z* **ōþil-a-n* 'родовое имение'	ср. *utal* 'название руны «o»'	*ōðal*	} *ōðel* (m, n) } *ēðel* (m, n)	} *ōthil* (m, n)	*uodal* *uodil* (реже)

36. ***raip-a-z** ***raip-a-n** 'веревка'	} ср. ***skauda-raip-*** (m или n) 'ремешок на башмаке'	***reip*** 'веревка, канат'	***rāp***	ср.-н.-нем. ***rēp***	***reif*** 'канат, ремень'; 'обруч'
37. ***regn-a-z** ***regn-a-n** 'дождь'	***rign***	***regn***	***reʒ(e)n***	***regan, regin***	***regan***
38. ***rēđ-a-z** ***rēđ-a-n** 'совет'	—	***rāð*** 'совет'; 'решение'; 'власть'; 'средство'; 'положение'; 'свадьба'	***rǣd*** 'совет'; 'решение'; 'власть'; 'положение, обстоятельство'	***rād*** 'совет'; 'поддержка, забота'; 'запас, прибыль'	***rāt*** 'совет'; 'решение, замысел'; 'забота'; 'запас, предусмотрительность'
39. [***rīm-a-z**] ***rīm-a-n** 'счет, число'	—	***rīm*** 'счет'	***rīm*** 'число'	ср. ***un-rīm*** 'несметное множество'	} ***rīm*** (n, m) 'ряд'; 'число'
40. ***rūm-a-z** ***rūm-a-n** 'пространство, свободное место'	} ***rūm-*** (m или n)	***rūm***	***rūm***	***rūm***	***rūm***
41. [***sair-a-z**] ***sair-a-n** 'рана, боль'	***sair*** 'боль'	***sār*** 'рана'	***sār*** 'рана, боль, скорбь'	***sēr*** 'боль'	} ***sēr*** (n, m) 'боль'
42. ***sanđ-a-z** ***sanđ-a-n** 'песок'	—	***sandr*** 'песок, песчаный берег'	***sånd*** 'песок, песчаный берег'	} ***sand*** (m, n)	} ***sant*** (m, n)
43. ***segl-a-z** ***segl-a-n** 'парус'	—	***segl***	} ***seʒl*** (m, n)	***segal***	***segal***

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
44. **senþ-a-z* **senþ-a-n* 'движение, ход, раз'	*sinþ-* (m или n) 'раз'	*sinn* 'раз'	*sīþ* 'поездка, путешествие, путь'; 'раз'	*sīth* 'путь, поездка'; 'судьба'; 'раз'	*sint* 'путь, движение, поездка'
45. **setl-a-z* **setl-a-n* **seþl-a-z* **seþl-a-n* 'сиденье'	*sitls*	ср. *siǫtull* 'установитель'	*seotul* *setl* *seđel*, *sedl* (m, n)	ср.-н.-нем. *setel* *sethal*	*sezzal* *sethal*
46. **skauƀ-a-z* **skauƀ-a-n* 'пучок, сноп'	—	*skauf* 'лисий хвост'	*scēaf*	*skōf*	*scoub*
47. **staup-a-z* **staup-a-n* 'чаша'	—	*staup*	*stēap*	ср.-н.-нем. *stōp*	*stouf*
48. **sweƀn-a-z* **sweƀn-a-n* 'сон'	—	*suefn*	*swefn*	*sweƀan*	—
49. **tagl-a-z* **tagl-a-n* 'коса, хвост'	*tagl* 'волосы'	*tagl* 'конский хвост'	*tægl* 'хвост'	ср.-н.-нем. *tagel* 'конец каната'	*zagel* 'хвост, шип, прут, penis'
50. **tauƀr-a-z* **taufr-a-z* **tauƀr-a-n* **taufr-a-n* 'красная краска'; 'магическая сила письменного заклинания' (высеченные руны заполнялись красной краской)	—	*taufr* (n, реже m; обычно во мн. ч.) 'волшебство'	*tēafor* 'красный железняк, красная краска'	ср.-н.-нем. *tōver* 'волшебство'	*zoubar*, *zouvar* (n, m) 'волшебство'

51. ***trug-a-z** ***trug-a-n** 'корыто'	—	*trog*	*troȝ, troh*	*trog*	*trog*
52. **þurp-a-z* **þurp-a-n* 'открытое место, поле, хутор'	} *þaurp-* (n или m) 'поле, пашня'	*þorp* 'открытое место; хутор'	*þorp* 'поместье, деревня'	*thorp* 'деревня'	*dorf* 'деревня'
53. **þwaxl-a-z* **þwaxl-a-n* 'умывание, мытье'	*þwahl*	*þuāll* 'мыло'	} *þwæhl, þwēal* (m, n)	—	*dwahal*
54 **uzđ-a-z* [**uzđ-a-n*] 'острие'	—	*oddr* 'острие оружия, копье, шпора'	*ord* 'острие (копья), начало'; 'глава'	*ord* 'острие, лезвие'	} *ort* (m, n) 'острие, точка, пункт'
55. [**werþ-a-z*] **werþ-a-n* 'ценность, цена'	} *wairþ-* (n или m) 'цена'	*verð*	*weorþ*	*werth* 'плата, деньги'	} *werd* (n, m)
56. **wōp-a-z* **wōp-a-n* 'вопль, крик'	—	*ōp* · 'вопль, плач'	*wōp* 'плач'	*wōp* 'вопль, крик скорби'	*wuof* 'вопль, крик, жалоба'

20. Основы на *-a* (мужского и среднего рода) — основы на *ō* (женского рода)

1. **aljan-a-n* [**aljan-ō*] 'усердие, энергия, мужество'	*aljan*	*elian, eliun* 'усердие, рвение'	*ellen*	*ellean* 'мужество'	*ell(i)an*
2. **ƀanj-a-n* **ƀanj-ō* 'рана'	*banja*	} *ben* (*jō-f, ja-n*)	*benn*	ср. *beni-wunda* 'рана'	—
3. **đaww-a-z* **đaww-a-n* **đaww-ō* 'роса'	—	*dǫgg* (*wō-f*)	} *dēaw* (m, n)	*dou*	} *tou* (m, n)

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
4. [*fanj-a-z] *fanj-a-n *fanj-ō 'болото, грязь'	fani 'грязь, нечистоты'	fen 'болото, трясина'	} fenn (n, m) 'грязь, болото'	fen(n)i 'болото'	fenni fenna 'болото'
5. *ferin-a-n *ferin-ō 'проступок, преступление, вина'	fairina 'вина'; 'упрек'	firn (мн.) 'нечто чудовищное, отвратительное'	firen 'преступление, насилие'	firina	firina
6. *fetur-a-z *fetur-ō 'ножные кандалы'	—	fiǫturr	fe(o)tor	feteros (мн.)	fezzera
7. *fēr-a-z *fēr-a-n *fēr-ō 'опасность'	—	fār 'вред, ущерб'; 'опасная болезнь'; 'обман'	fǣr 'внезапное нападение, опасность'	fār fāra 'преследование'; 'мятеж'	fār fāra 'преследование, опасность'; 'обман'
8. *xasl-a-z *xasl-ō 'орешник'	—	hasl	hæsel	ср.-н.-нем. hasel	hasal hasala
9. *xelt-a-n *xelt-ō 'рукоятка'	—	hialt	hilt	helta	helza
10. *xuzđ-a-n *xuzđ-ō 'сокровище'	huzd 'богатство'	hodd	hord	hord, horth	hort
11. *lōg-a-n *lōg-ō 'логово, место'	—	lōg 'место' (в идиомах)	lōȝ 'место'	—	luog (мн. -ir) luoga 'логово, нора, яма'

12. **maiþm-a-z* **maiþm-ō* 'подарок, драгоценность'	*maiþms* 'подарок'	*meiðmar* (мн.) 'драгоценность'	*māð(u)m*	***mēthom*** **'драгоценность'**	—
13. ****mark-a-n*** ****mark-ō*** **'знак'**	—	*mark*	*mearc*	ср.-н.-нем. *mark*	*marc*
14. ****nebul-a-z*** ****nebul-ō*** 'туман'	—	*niōl* 'ночь, мрак'; ср. *nifl-* 'туман, мрак' (в сложных словах)	—	*nebal* 'туман, мрак'	*nebul*
15. **rak-a-n* **rak-ō* 'рассказ, дело'	—	*rǫk* (мн.) 'причина, происхождение, деяния'	*racu* 'рассказ, счет, развитие'	*raka*	*racha*
16. ****sail-a-n*** ****sail-a-z*** ****sail-ō*** **'веревка'**	—	*seil*	*sāl* (**m**, f)	*sēl*	*seil*
17. ****stōđ-a-n*** ****stōđ-ō*** 'стадо лошадей'	—	***stōð***	*stōd*	*stōd* 'загон для лошадей'	*stuot*
18. ****strēl-a-z*** ****strēl-ō*** 'стрела, луч'	—	ср. норв. *straal* 'малая стайка рыб, отделившаяся от большой'	*strǣl* (m, f) 'стрела, пика'	*strāla* 'стрела'	*strāl* *strāla* 'стрела, вспышка молнии'
19. ****þarb-a-z*** ****þarb-ō*** 'потребность, нужда, недостаток'	*þarba* 'бедность, недостаток'	*þǫrf*	*þearf*	*tharf*	*darba* 'недостаток'

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
20. ***þĭ(x)stil-a-z** ***þĭ(x)stil-ō** 'чертополох'	—	*þĭstill*	*þĭstel*	*thĭstil*	*distil* *distila*
21. ***wīþi-a-z** ***wīþi-ō** 'ива'		*vīðir*	ср. *wīðiʒ* (m)	ср.-н.-нем. *wīde*	*wīda*
22. ***wōkr-a-z** ***wōkr-a-n** ***wōkr-ō** 'прибыль'	} *wōkr-* (m или n)	*ōkr*	*wōcor* 'прибыль'; 'потомство'	*wōker*	} *wuohhar* (m, n) 'прибыль'; 'потомство'
23. ***wunsk-a-z** ***wunsk-ō** 'желание'	—	*ōsk*	ср. *wūsc-* в сложных словах	ср.-н.-нем. *wunsch*	*wunsc*

21. Основы на -*i* разных родов

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. ***ƀank-i-z** (m) ***ƀank-i-z** (f) 'скамья'	—	*bekkr*	*benc*	*bank*	} *banc* (m, f; мн. *benki*)
2. ***ƀurđ-i-z** (m) ***ƀurđ-i-z** (f) [***ƀurđ-i** (n)] 'рождение'	*gabaurþs*	*burðr* *byrð* (реже)	} *ʒebyrd* (f, n) 'рождение, происхождение'; также вторичное *ʒebyrdu* (*ō-f*)	*giburd* 'рождение, происхождение'	*giburt* 'рождение, происхождение'
3. ***xup-i-z** (m) ***xup-i-z** (f) 'бедро'	*hups*	—	*hype*	—	*huf* (мн. *huffī*)

4. *list-i-z (m) *list-i-z (f) 'умение, искусство, ум, хитрость'	} lists (f или m) 'хитрость, уловка'	list 'умение, искусство'	} list (f, m)	} list (f, m)	} list (f, m)
5. *stađ-i-z (m) *stađ-i-z (f) 'стояние, стоянка, место'	staþs (-d-) 'место'	staðr 'место'; 'город'	stede	} stedi (f, m) 'место'	stat (мн. steti) 'место, город'

22. Основы на -n разных родов

1. *xert-ōn (f) *xert-ōn (n) 'сердце'	hairtō	hiarta	heorte	herta	herza
2. *xīw-an	ср. heiwa-frauja 'хозяин дома'		hīwan (мн.) 'домочадцы, члены семьи'	—	hīwo 'супруг, домочадец'
*xīw-ōn (f)				hīwa 'супруга'	hīwa 'супруга'
*xīw-ōn (n) 'домочадец, член семьи'		hiū, hiūn (мн. ср. р.) 'супруги'; 'семья, домочадцы'		ср. sin-hīwun (мн. ср. р.) 'супруги'	hīwun (мн. ср. р.) 'супруги'
3. *xus-an *xus-ōn 'штаны'	—	hosa	hosa hosu (род. ед. hosan) 'чулки, штаны'	ср.-н.-нем. hose	hosa
4. *sturj-an *sturj-ōn 'осетр'	—	styria	styr(i)a	stur(i)o	stur(i)o
5. *sunn-an *sunn-ōn 'солнце'	} sunnō (f, но дат. п. sunnin по типу n-m или n-n)	sunna	sunna (реже) sunne	sunno (реже) sunna	sunno (реже) sunna

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
6. **targ-an* **targ-ōn* 'оправа, кольцо, щит'	—	*targa* 'маленький щит'	*tarȝa* *tarȝe* 'маленький щит'	—	*zarga* 'край, оправа, кольцо'
7. **treg-an* **treg-ōn* 'огорчение, печаль'	*trigō*	*tregi* 'горе'; 'помеха, трудность'	*treȝa* 'печаль, страдание'	*trego* 'боль'	—
8. **wang-an* **wang-ōn* (f) **wang-ōn* (n) 'щека'	—	*vangi*	*wânȝe*	} *wanga* (n, f)	} *wanga* (n, f)

Раздел II. Реконструируемые основы соответствующих друг другу древнегерманских существительных имеют неоднотипные основообразующие элементы (главные части основ одинаковы или различаются только фонетическими чередованиями)

23. Основы мужского рода на *-a* — основы мужского рода на *-an*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. **ƀrunn-a-z* **ƀrunn-an* 'источник'	*brunna*	*brunnr*, *bruðr*	*brunna*, *burna*	*brunno*, *burno*	*brunno*
2. **ƀukk-a-z* **ƀukk-an* 'козел, баран'	—	*bukkr*, *bokkr* *bokki*	*bucc*	*bukk*	*boc (-ck-)*
3. **xnakk-a-z* **xnakk-an* **xnekk-an* 'затылок, задняя часть шеи'	—	*hnakkr* *hnakki*	*hnecca* 'шея'	ср.-н.-нем. *nacke* ср.-н.-нем. *necke*	*(h)nacch*

4. *kran-a-z *kran-an 'журавль'	—	—	*crân*	*krano*	*crano*
5. *melm-a-z *malm-a-z *malm-an 'песок, пыль'	*malma*	*malmr* 'руда'; металл'	ср. *mealm-stān* 'известняк'	*melm*	*melm*
6. *smukk-a-z *smukk-an 'рубаха'	—	*smokkr* 'блуза'	*smocc*	—	*smocco*
7. *sparw-a-z *sparw-an 'воробей'	*sparwa*	*spǫrr* (*wa-m*; род. ед. также *spar(r)ar*)	*spearwa*	—	*sparo*
8. *star-a-z *star-an 'скворец'	—	*stari*	*stær*	ср.-н.-нем. *star*	*star*
9. *swait-a-z *swait-an 'пот'	—	*sueiti* 'пот'; 'кровь'	*swāt* 'пот'; 'кровь'	*swēt*	*sweiʒ* 'пот'; 'кровь животных'
10. *swex(u)r-a-z *swexr-an 'свекор, тесть'	*swaihra*	др.-швед. *suēr*, *suǣr*	*swehor*, *swēor*	ср.-голл. *sweer*	*swehur*
11. *þe(g)w-a-z *þe(g)w-an 'слуга, раб'	**þius* (мн. *þiwōs*)	рун. *þewaR*	*þēo(w)* *(ʒe)þēowa*	*theo-* в сложных словах	*deo* (род. ед. *dewes*)

24. Основы женского рода на -*ō* — основы женского рода на -*ōn*, -*īn*

1. *brugj-ō *brugj-ōn 'мост'	—	*bryggia* 'переходные мостки'; 'причал'; 'мост' (редко)	*brycʒ*	*bruggia*	*brucca*
2. *furxt-ō *furxt-īn 'страх, испуг'	*faurhtei*	—	*fyrhto*, *fryhto*	*for(a)hta*	*for(a)hta*

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
3. **xalƀ-ō* **xalƀ-ōn* 'часть, сторона, половина'	*halba*	*halfa* 'часть, сторона, страна'	*healf*	*halƀa*	} *halba*
4. **xūƀ-ō* **xūƀ-ōn* 'чепец'; 'чехол, колпак'	—	*hūfa* 'чепец'; 'свод потолка'	*hūfe*	} *hūƀa*	} *hūba*
5. **xwil-ō* **xwil-ōn* 'время, промежуток времени'	*ƕeila* 'время, промежуток времени, час'	*huīla* 'постель, место отдыха'	*hwīl*	*hwīla*	*(h)wīla* 'время, промежуток времени, час'
6. **marxi-ō* **marxi-ōn* 'кобыла' (заимств.)	—	*merr* (им. ед. из **marxīz*)	*mīere*	ср.-н.-нем. *merie*	*mer(i)ha*
7. **rōđ-ō* **rōđ-ōn* 'жердь, шест'	—	*rōða* 'крест, распятие'	*rōd* 'жердь, шест'; 'крест, распятие'	*rōda* 'жердь, шест'; 'крест, распятие'	*ruota* 'жердь, шест, прут'
8. **sagō* **sag-ōn* 'сказанное, рассказ'	—	*saga* 'рассказ, сага'	*saʒu*	—	*saga* 'сообщение, рассказ' молва'
9. **saiwal-ō* [**saiwal-ōn*] 'душа'	*saiwala*	— (*sāl i-f*, *sāla n-f* заимств. из др.-англ.)	*saw(o)l* 'душа, жизнь'	} *seula*, *siala* 'душа, жизнь'	*sē(u)la* 'душа, жизнь'
10. **sen(a)w-ō* **seniw-ō* **seniw-ōn* 'сухожилие'	—	*sin (ō-f)* *sina*	*sionu* *(wō-f)*	*sinewa*	*sen(a)wa* *seniwa*

11. ***skuldr-ō** **[*skuldr-ōn]** 'плечо'	—	—	*sculdor*	ср.-н.-нем. *schulder(e)*	*scult(e)ra*
12. ***stebn-ō** **[*stebn-ōn]** 'голос'	*stibna*	—	*stefn, stemn*	*stemna, stemma*	*stimna, stimma*
13. **swegr-ō* **swexr-ōn* **swexr-ōn* 'свекровь, теща'	*swaihrō*	*suǣra*	*sweȝer* *swēr* (англск.)	ср.-голл. *swegher*	*swigar* (косв. формы не засвид.)
14. **þe(g)wj-ō* **þe(g)wj-ōn* 'служанка, рабыня'	*þiwi*	*þȳ* (один раз *þīr*)	*þēowu* *þēowe*	*thiwi*	*diu(wa)* *diuwa*
15. **þuft-ō* **þuft-ōn* 'скамья в лодке'	—	*þopta*	*þoft*	ср.-н.-нем. *ducht*	*dofta*
16. **wak-ō* **wak-on* 'бодрствование, стража'	—	*vaka*	*wacu*	ср.-н.-нем. *wake*	*wacha*
17. **wart-ō* **wart-ōn* 'бородавка, сосок груди'	—	*varta*	*wearte*	*warta*	*warza*
18. **wīs-ō* **wīs-ōn* 'способ'	—	*vīsa* 'строфа'	*wīs* *wīse* 'способ'; 'мелодия'	*wīsa*	*wīsa* 'способ'; 'мера'; 'мелодия'

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
25. Основы на -*a*, -*ō* (всех родов) — основы на -*n* (всех родов)					
1. **apalđr-a-z* **apulđr-ō* **apulđr-ōn* 'яблоня'	—	*apaldr* (основа *apaldr-*; есть вторичные формы от основы *apald-*)	*apulder* *apuldre*	} *apuldra*	} *apholtra*
2. **ƀasj-a-n* **ƀazj-a-n* **ƀazj-ōn* 'ягода'	*basi*	*ber*	*beriȝ* *beriȝe*	голл. *bes* *beri*	*beri*
3. **đīk-ō* **đīk-a-z* **đīk-an* 'ров, пруд, запруда'	—	*dīki* 'ров'; 'болото'	} *dīc* (f, m) 'запруда, насыпь, плотина'	*dīk* 'пруд'	ср.-в.-нем. *tīch* 'ров, пруд, болото'
4. **gall-a-n* **gall-an* **gall-ōn* 'желчь'	—	*gall*	*ȝealla*	*galla*	*galla*
5. **xakul-a-z* **xakul-ōn* **xakil-ōn* 'плащ'	*hakuls*	*hǫkull* 'церковная мантия, риза' *hekla* 'плащ с капюшоном'	*hæcele*, *hacule*	*hakul*	*hachul*
6. **ī(g)w-a-z* **īxw-a-z* **ī(g)w-ō* **īxw-ō* **ī(g)w-an* 'тис'; 'лук из тиса'	—	} *ȳr*	*īw*, *ēow* *ēoh*	*īh*	*īwa* *īha* *īgo*

7. *kul-a-n *kul-an 'уголь'	—	kol	col	ср.-н.-нем. kol ср.-н.-нем. kole	chol cholo
8. *nađr-a-z *nađr-ōn *nēđr-ōn 'уж'	nadrs	naðr naðra	nǣddre	nādra	nāt(a)ra
9. *raix-a-n *raix-ō *raix-an *raix-ōn 'серна, косуля'	—	rā	rā(ha)	rēho	rēh rēho rēha
10. *skar-ō *skar-an 'толпа, множество'	—	skǫr (реже) skari 'толпа, множество, войско'	scearu 'часть, доля'	ср.-н.-нем. schare 'толпа'; 'часть'	scara 'толпа'; 'часть войска'; 'барщина'
11. *skaut-a-n *skaut-a-z *skaut-an 'край, край одежды'	skaut- (m или n) 'край одежды'	skaut 'угол, край, пола́, подол'	scēat scēata	ср.-н.-нем. schōt ср.-н.-нем. schōte	scōȝ scōȝo
12. *staþ-a-n *staþ-a-z *staþ-an 'берег'	staþ- (m или n)	норв. диал. stad (n)	stæþ (m, n)	stath	stad (m, n) stado
13. *stij-a-n *stij-ō *stij-ōn 'стойло, хлев (особенно свиной)'	—	(suīn-)stī stīa	stiȝ, stī	stīga	stīga
14. *tal-a-n *tal-ō *tal-ōn 'число, количество, ряд'; 'рассказ, речь'	—	tal tala	(ȝe)tæl talu	(gi)tal tala	zala

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
15. **trūw-ō* **trūw-ōn* **trūw-an* 'верность, вера'	—	*trū (ō-f)* 'вера, религия'; 'слово чести'	*trūwa*	—	*trūwa*
16. **tunđr-a-n* **tunđir-ō* **tunđir-ōn* 'трут'	—	*tundr*	*tynder* *tyndre*	ср.-н.-нем. *tunder*	} *zuntira*
17. **turƀ-a-n* **turƀ-a-z* **turƀ-ō* **turƀ-ōn* 'дерн, торф'	—	*torf* 'дерн, торф' *torfa* 'кусок торфа'	*turf*	*turf*	*zurb* *zurba*
18. **þak-a-n* **þak-an* 'кровля, крыша'	—	*þak*	*þæc* *þaca*	ср.-н.-нем. *dak*	*dah* 'кровля, крыша, палуба'
19. **ūđar-a-n* **ūđir-a-n* **euđur-a-n* **ūđar-an* 'вымя'	—	*iūgr, iūr*	*ūder*	*ūder* ср.-н.-нем. *jeder*	*ūtar* *ūtir* *ūtaro*
20. **waiw-a-n* **waiw-an* **waiw-ōn* 'скорбь, горе, боль'	ср. *wai-dēdja* 'разбойник'	*vǣ* 'бедствие, нищета'	*wāwa, wēa*	*wē*	*wē* *wēwo* *wēwa*

26. Основы на *-i* — основы на *-a*

1. [**aiþ-i-z* (m)] **aiþ-a-z* 'клятва'	*aiþs*	*eiðr* (*a-m*, но род. ед. *eiðs* и *eiðar*)	*āþ*	*ēth*	*eid*
2. **arm-i-z* (m) **arm-a-z* 'рука'	*arms*	*armr*	*earm*	*arm*	*ar(a)m*
3. **ask-i-z* (m) **ask-a-z* 'ясень'; 'копье из ясеня'; 'небольшое судно'	—	*askr*	*æsc*	*ask*	*asc*
4. [**auđ-i-z* (m)] **auđ-a-z* **auđ-a-n* 'счастье, добро, богатство'	ср. *auda-hafts* 'обрадованный'	*auðr* (*a-m*, но род. ед. *auðs* и *auðar*) 'богатство'	*ēad*	*ōd*	ср. *klein-ōt* 'сокровище'
5. **ƀarm-i-z* (m) **ƀarm-a-z* 'грудь, лоно, пазуха'	*barms*	*barmr* 'край шлема, борт судна' (возможно, что не связано с зап.-герм. и гот.)	*bearm*	*barm*	*barm*
6. **ƀlik-i-z* (m) **ƀlik-a-z* **ƀlik-a-n* 'блеск, проблеск'	—	*blik* 'блеск, проблеск'; 'забрало'	*blice* 'открытое место, прогалина'	—	*blic*, *blih* (*a-m* или *i-m*) 'молния'; 'взгляд'
7. **đail-i-z* (f) **đail-i-z* (m) **đail-a-z* [**đail-a-n*] 'часть'	*dails*	*deill* (редко)	*dǣl* *dāl*	*dēl* (*i-m* или *a-m*)	*teil* (m, n)

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
8. [**đal-i-z* (m)] **đal-a-z* **đal-a-n* 'долина'	*dal-* (n или m)	*dalr* (мн. *dalar*, позднее также *dalir*)	*dæl*	*dal*	*tal* (n, m; мн. изредка *telir*)
9. **fall-i-z* (m) **fall-a-z* **fall-a-n* 'падение, гибель (особенно в бою)'	—	*fall*	*fiell* *feall*	*fal (-ll-)*	*fal (-ll-)* *(a-m, i-m)*
10. **flug-i-z* (m) **flug-a-z* **flug-a-n* 'полет'	—	*flugr* *flog*, *flug*	*flyʒe*	*flugi*	*flug* 'полет'; 'крыло'
11. **frest-i-z* (f) **frest-a-n* 'срок, отсрочка'	—	*frest*, *ferst*	*frist*, *first*	*first*	*frist* (f, n)
12. **gang-i-z* (m) **gang-a-z* **gang-a-n* 'ход, движение'	*gagg* 'ход, проход'	*gangr* *gang*	*ʒång*	*gang*	*gang (a-m, i-m)*
13. [**guđ-i-z* (m)] **guđ-a-z* **guđ-a-n* 'бог'	*guþ (-d-)* (по флексии *a-n*, но в значении 'христианский бог' по согласованию — м. р.)	*guð*, *goð (i-m* и *a-m*, но им. ед. без *-r)* 'христианский бог' *goð*, *guð (a-n)* 'языческое божество'	*ʒod* (мн. *ʒodas* и *ʒodu*)	*god*	*got*

14. *xanip-i-z (m) *xanup-i-z (m) *xanap-a-z 'конопля' (заимств.)	—	hampr	henep hænep	hanup hanap	hanif hanuf hanaf
15. *xlaiw-i-z (m) *xlaiw-i (n)			} hlǣw (m, n)		
*xlaiw-a-z *xlaiw-a-n '(могильный) холм'	hlaiw	рун. hlaiwa	} hlāw (m, n)	hlēo	(h)lēo (мн. изредка lēwir, по типу ср. р.)
16. *xraiw-i-z (m) *xraiw-i (n)			} hrǣw (n, m)		
*xraiw-a-z *xraiw-a-n 'труп'	} ср. hraiwa-dūbō 'горлица'	hrǣ (род. мн. hrǣva)	} hrāw (n, m)	hrēo	(h)rēo (мн. также rēwir)
17. [*xwal-i-z (m)] *xwal-a-z 'кит'	—	} hualr (мн. hualar, hualir)	hwæl	hwal	(h)wal
18. *laik-i-z (m) *laik-a-z *laik-a-n 'игра, танец'	laiks 'танец'	leikr 'игра, насмешка'	} lāc (m, n) 'игра, борьба'; 'добыча'	} lēk (m, n) 'игра, танец'	} leih (m, n) 'игра, мелодия, песня'
19. *laist-i-z (m) *laist-a-z 'подошва, след ступни'	laists 'след'	leistr 'ступня, носок ступни'	lǣst lāst	—	} leist (косв. формы не засвид.) 'след'; 'сапожная колодка'
20. *līk-i-z (f) *līk-a-n 'тело, труп'	leik 'тело, плоть, труп'	līk	līc	līk 'тело, плоть, труп'	} līh (-hh-) (i-f, a-n) 'тело, плоть, труп'

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
21. **mai(g)w-i-z* (m) **mai(g)w-a-z* **maixw-a-z* 'чайка'	—	*mār*, *mōr* (мн. *māvar*)	*mǣw* *māw*	ср.-н.-нем. *mēwe*	*meu* *mēh* (в глоссах; по Клуге, это не подлинные др.-в.-нем. формы)
22. **mat-i-z* (m) [**mat-a-z*] **mat-a-n* 'пища, кушанье'	*mats*	*matr* (мн. *matir*, изредка *matar*)	*mete*	*meti* *mat*	*maȝ*
23. **mazg-i-z* (m) **mazg-a-z* **mazg-a-n* 'костный мозг'	—	*mergr*	*mearh* (m, n)	*marg*	*mar(a)g*
24. **rauk-i-z* (m) **rauk-a-z* 'дым'	—	*reykr*	*rīec*	*rōk*	*rouh*
25. [**sai(g)w-i-z* (f)] **sai(g)w-i-z* (m) **sai(g)w-a-z* 'озеро, море'	*saiws* (*a-m* или *i-m*), 'озеро, болото'	*sǣr*, *siār*, *siōr* (*wa-m*, но род. ед. *sǣvar*, реже *sǣs*) 'море'	*sǣ* (m, изредка f) 'море'	*sēo*	*sē(o)*
26. **sangw-i-z* (m) **sangw-a-z* 'пение, песня'	*saggws*	*sǫngr* (*wa-m*)	*sånȝ* (*a-m*)	*sang* (*a-m*)	*sang* (*a-m*)
27. **sēđ-i-z* (f) **sēđ-a-n* 'посев'	ср. *mana-sēþs* (*-d-*) (*i-f*) 'человечество'	*sāð*	*sǣd*	*sād*	*sāt*

28. **siƀ-i* (n) **siƀ-a-n* 'сито'	—	*sef* 'осока'	*sife*	ср.-н.-нем. *seve*	*sib*
29. **skaft-i-z* (m) **skaft-a-z* **skaft-a-n* 'шест, древко копья, копье'	—	*skapt*	*sceaft*	*skaft*	*scaft*
30. **slax-i-z* (m) **slag-i-z* (m) **slag-a-z* **slag-a-n* 'удар'	*slahs*	*slagr* 'удар'; 'мелодия, ритм' *slag* 'удар, сражение'	*sleȝe* 'удар, убийство'	*slegi* 'убийство'	*slag*
31. **snai(g)w-i-z* (m) **snai(g)w-a-z* 'снег'	*snaiws* (*a-m* или *i-m*)	*snær*, *sniār*, *sniōr* (*wa-m*, но род. ед. *snǣvar*, реже *snǣs*)	*snāw*	*snēo*	*snē(o)*
32. **staƀ-i-z* (m) **staƀ-a-z* 'палка'	**stafs* (только дат. мн. *stabim*) 'буква'	*stafr* (*a-m*, *i-m*) 'палка'; 'косяк'; 'буква'	*stæf* 'палка'; 'буква'	*-staf* (в сложных словах)	*stab* 'палка, подпорка'
33. **staƀn-i-z* (m) **staƀn-a-z* **staƀn-a-n* 'ствол'	—	*stafn* 'штевень'; 'фронтон'	*stemn*, *stefn* 'ствол, штевень'; 'род, порода'	*stamn* 'штевень'	*stam* (*-mm-*) 'ствол'; 'род, порода'
34. **taxr-i-z* (m) **taxr-a-z* **taxr-a-n* **tagr-a-z* **tagr-a-n* 'слеза'	*tagr*	*tār*	*tēar* (англск. *tæhher*) *teaȝor*	—	*zah(h)ar*

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
35. **taikn-i-z* (f) **taikn-a-n* 'знак, знамение, чудо'	*taikns* 'знак'	*teikn*	*tāc(e)n*	*tēkan*	*zeihhan*
36. **tīđ-i-z* (f) **tīđ-a-n* 'время'	—	*tīð* 'время'; 'час'	*tīd* 'время'; 'время года'	*tīd* 'время'; 'час'	} *zīt (i-f, a-n)*
37. **tūn-i-z* (m) **tūn-a-z* **tūn-a-n* 'ограда'	—	*tūn* 'огороженная площадка перед домом, двор'; 'город'	*tūn* 'ограда, забор'; 'огород, сад'; 'деревня, город'	*tūn* 'изгородь'	*zūn* 'ограда, забор'
38. **þank-i-z* (f) **þank-a-z* 'мысль, благодарность'	} **þagks* (вин. ед. *þagk*)	*þǫkk* 'благодарность, довольство'	*þanc* 'благодарность, удовлетворение, милость'	*thank*	*danc* 'мысль, воспоминание, благодарность'
39. **þraut-i-z* (f) **þraut-a-z* 'трудность, тягота'	—	*þraut* 'тягота, тяжелая борьба'	*þrēat* 'трудность, тягота'; 'насилие, угроза'	ср.-н.-нем. *drōt* 'угроза'	*drōʒ* 'трудность, тягота'; 'ужас, гибель'; 'сопротивление'
40. [**wal-i-z* (f)] **wal-i-z* (m) **wal-a-z* **wal-a-n* 'трупы на поле битвы'	—	} *valr* (мн. нет)	*wæl* 'тело убитого в бою'; 'поле битвы'; 'кровопролитие'	ср. *wal-dād* 'убийство'	} *wal* (m, f, n) 'поле битвы'

41. ***walx-i-z* (m)** ***walx-a-z*** **'чужеземец (кельт, римлянин)' (заимств.)**	—	*valir* (мн.) 'жители Северной Франции'	*wealh* 'чужеземец'; 'кельт, валлиец'; 'раб'	ср.-н.-нем. *wale* 'валлиец'	*wal(a)h*
42. **[*wenđ-i-z (m)]** ***wenđ-a-z*** **'ветер'**	*winds*	*vindr* (*a-m*, но род. ед. *vinds* и *vindar*)	*wind*	*wind*	*wint*
43. ***wēg-i-z* (m)** ***wēg-a-z*** **'волнующаяся вода'; 'волна'**	*wēgs* (мн. *wēgōs*, но дат. *wēgim*) 'волнение на море'; мн. 'волны'	*vāgr* 'море, волны'; 'бухта'	*wǣʒ* 'волна'	*wāg* 'половодье, прилив'	*wāg* 'волнующаяся вода, поток, прилив'
44. ***wēn-i-z* (f)** ***wen-a-z*** **'ожидание, надежда'**	*wēns*	*vān, ōn*	*wēn* 'ожидание, надежда, мнение, вера'	*wān*	*wān* 'ожидание, надежда, намерение'
45. ***writ-i-z* (m)** ***writ-a-z*** ***writ-a-n*** **'черта, письменный знак'**	*writs* 'черта'	*rit* 'письмена, писание'	*writ* 'письмена, писание'	—	*riʒ* 'черта, буква'
46. ***wurm-i-z* (m)** ***wurm-a-z*** **'червь, змея'**	*waurms* (*i-m* или *a-m*)	*ormr*	*wyrm*	*wurm*	*wurm*

27. Основы на *-i* — основы на *-a, -ō*

1. **[*aiz-i-z (f)]** ***aiz-ō*** **'бережное отношение, почет'**	—	*eir* 'бережное отношение'; *Eir* 'богиня лечебного искусства'	*ār* 'бережное отношение, почет, честь'; 'счастье'	*ēr(a)* 'защита, почет, честь'; 'награда'	*ēra* 'милость, честь'; 'дар'
2. ***al-i-z* (m)** ***ēl-a-z*** ***ēl-ō*** **'шило'**	—	*alr*	*ǣl, āl*	*āl*	*āla*

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
3. [**alin-i-z* (f)] **alin-ō* **alīn-ō* 'локоть (сустав; мера длины)'	*aleina*	*ǫln, eln* (мн. *alnar, alnir*) 'предплечье'; локоть (мера длины)'	*eln*	*elina*	*elina*
4. **asan-i-z* (f) **azan-i-z* (m) **azan-i-z* (f) **azn-i-z* (m) **azn-i-z* (f) **azn-ō* **asn-ō* 'уборка урожая, жатва'; 'время уборки урожая'	*asans* 'уборка урожая'; 'лето'	*ǫnn* (*i-f*, может восходить к общегерм. *i-f* или *ō-f*) '(полевая) работа, труд'; мн. *annir* 'время полевых работ, время сенокоса'	*ern*	ср. *aran-fimba* 'скирд' *asna* 'подать, плата, оброк'	*ar(a)n* (m, f, мн. *ernī*)
5. **ƀaun-i-z* (f) **ƀaun-ō* 'боб'	—	*baun*	*bīen* *bēan*	*bōna*	*bōna*
6. **ƀrē(g)w-i-z* (m) **ƀrēxw-i-z* (m) **ƀrē(g)w-ō* **ƀrēxw-ō* 'ресница, веко' (развитие значения 'бровь' под влиянием **brū-*, 34.4)	ср. *in braƕa augins* 'в мгновение ока' (< **braxw-*)	*brā* 'ресница'	*brǣw, brēaw* (также англск. *brēȝ* < **brēgw-*) 'веко, бровь'	*brāwa* *brāha* 'веко, бровь'	*brāwa* 'веко, бровь' (ср. *wint-prāwa* 'ресница')

7. ******fersn-i-z*** (f) ******fersn-ō*** ******ferzn-ō*** 'пятка'	*fairzna*	—	*fiersn*	*fersna*	*fersana*
8. [******geƀ-i-z*** (f)] ******geƀ-ō*** 'дар'	*giba*	} *gi͏ǫf* (мн. *giafar* и *giafir*)	*ʒiefu*	*geƀa*	*geba*
9. [******gerđ-i-z*** (f)] ******gerđ-ō*** 'пояс'	*gairda*	} *giǫrð* (мн. *giarðar* и *giarðir*)	—	ср.-голл. *gherde*	—
10. [******gran-i-z*** (f)] ******gran-ō*** 'волос бороды или усов'	—	} *grǫn* (мн. *granar* и *granir*)	*ʒrânu* 'усы'	*grana*	*grana*
11. [******xall-i-z*** (f)] ******xall-ō*** 'зал'	—	} *hǫll* (дат. ед. *-u*, мн. *hallir*)	*heall*	*halla*	*halla*
12. [******xerđ-i-z*** (f)] ******xerđ-ō*** 'ряд, череда, стадо'	*hairda* 'стадо'	} *hiǫrð* (дат. ед. *-u*, мн. *hiarðir*) 'стадо'	*heord* 'стадо'; 'пастух'	*herda* 'последовательность, смена'	*herta* 'стадо'; 'последовательность, смена'
13. [******laiđ-i-z*** (f)] ******laiđ-ō*** 'путь, направление'	—	} *leið* (мн. *-ir*, *-ar*)	*lād* 'путь, поездка'; 'жизненное пропитание'	*lēda* 'направление, руководство'	*leita* 'направление руководство'
14. ******leuđ-i-z*** (m) ******leuđ-a-z*** ******leuđ-a-n*** ******leuđ-ō*** 'народ, люд'; мн. 'люди'	—	} *lȳðr*, *liōðr* (мн. *lȳðir*, изредка *lȳðar*)	*lēod* (m) 'человек'; 'князь'; мн. *līede* 'люди' *lēod* (f) 'народ, люд'	*liud* (мн. *liudi*)	} *liut* (m, n; мн. *liuti*)

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
15. **munđ-i-z* (f) **munđ-ō* 'рука (кисть)'	—	*mund*	*mund* 'рука'; 'защита'	*-mund* (в собств. именах)	*munt* 'рука'; 'защита'
16. [**raiđ-i-z* (f)] **raiđ-ō* 'поездка, повозка'	—	*reið* (мн. *-ar*, *-ir*)	*rād* 'поездка, поход, путь'	*rēda* 'повозка'	*reita* 'поездка'; 'повозка'
17. [**razđ-i-z* (f)] **razđ-ō* **rezđ-ō* 'голос, речь'	*razda* 'язык, речь'	*rǫdd* (дат. ед. *-u*, мн: *raddir*) 'голос'	*reord* 'голос, речь, язык'	—	*rarta* 'голос'; 'приказ'
18. [**skēl-i-z* (f)] **skēl-ō* 'чаша'	—	*skāl* (мн. *-ir*, *-ar*)	—	*skāla*	*scāla*
19. [**sōwul-i-z* (f)] **sōwul-ō* **sōwil-a-n* 'солнце'	*sauil*	*sōl* (мн. *-ir*, архаичн. *-ar*)	—	—	—
20. [**spann-i-z* (f)] **spann-ō* 'пядь'	—	*spǫnn*	*spånn*	ср.-н.-нем. *spanne*	*spanna*
21. [**stunđ-i-z* (f)] **stunđ-ō* 'промежуток времени, час'	—	*stund* (дат. ед. *-u*, мн. *-ir*) 'промежуток времени, час'	*stund* 'время, момент, час'	*stunda* 'время, час'	*stunda* 'время, час'

28. Основы на -*i* — основы на -*a*, -*ō*, -*n*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. [**agan-i-z* (f)] **agan-ō* **axan-ō* **agin-ō* **agan-ōn*	*ahana*	*ǫgn* (мн. *agnar*, *agnir*)	*eʒenu*, мн. *æʒnan* (ед. *ō-f*, мн. *n-f*)	*agana*	*agana*

2. [**axsl-i-z* (f)] **axsl-ō* **axsl-ōn* 'плечо'	—	*ǫxl* (*i-f*, но дат. ед. один раз *-u*)	*eaxl* *eaxle* (реже)	*ahsla*	*ahs(a)la*
3. **alg-i-z* (m) **elx-a-z* **elx-an* 'лось'	—	*elgr*	*eolh*	*elaho*	*el(a)ho*
4. **ƀurst-i-z* (m) [**ƀurst-i* (n)] **ƀurst-i-z* (f) **ƀurst-ō* **ƀurst-ōn* **ƀurst-an* 'щетина'	—	*bu(r)st* 'щетина, конек крыши' *bu(r)sti* 'щетина'	*byrst* (f, n)	*bursta*	*burst* (m, n) 'щетина' *bursta* 'щетка'
5. [**erþ-i-z* (f)] **erþ-ō* **erþ-ōn* 'земля'	*airþa*	*iǫrð* (мн. *iarðir*, изредка *iarðar*)	*eorþ* (реже) *eorðe*	*ertha*	*erda* (*ō-f*, изредка *n-f*)
6. **farz-i-z* (m) **farz-a-z* **farz-an* 'бык'	—	*farri*	*fearr*	ср.-н.-нем. *varre*	*far* (мн. *ferri*) *farro*
7. **gard-i-z* (m) **gard-a-z* **gard-an* 'ограда, огороженное место, двор'	*gards* 'двор, дом, семья' ср. *garda-* (в сложных словах) *garda* 'загон, скотный двор'	*garðr* 'ограда, огороженное место, двор, дом, крепость'	*ȝeard* 'ограда, двор, дом'	*gard* 'земля, поле'; мн. 'двор, дом' *gardo* 'сад'	*gart* 'ограда, круг, округ' *garto* 'сад'

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
8. [**grab̄-i-z* (f)] **grab̄-ō*	*graba*	*grǫf* (мн. *grafir*, *grafar*) 'яма, могила'	*ʒrafu* 'яма'		
**grab̄-a-n*			*ʒræf* 'яма, могила'	*graf* 'могила'	*grab* (мн. обычно *-ir*) 'могила, гроб'
**grab̄-an* 'ров, яма, могила'					*grabo* 'ров, яма'
9. **xaim-i-z* (f) **xaim-ō*	*haims* (ед. *i-f*, мн. *ō-f*) 'деревня'				
**xaim-a-z* **xaim-a-n*		*heimr*	*hām* 'дом, жилище, родина'	*hēm* (m, n)	*heim* (m, n)
**xaim-ōn* (n) 'дом, родина'		*heima* 'дом'; 'местопребывание'; 'мир'			
10. [**xelp-i-z* (f)]	—	*hiǫlp*			
**xelp-ō* **xelp-ōn* 'помощь'			*help* *helpe*	*helpa*	*helfa*, *hilfa*
11. **kwēn-i-z* (f)	*qēns* 'жена'	*kuān*, *kuæ̅n* 'жена'	*cwēn*, *cwæ̅n* 'женщина, жена'; 'королева'	*quān* 'женщина, жена'	
**kwen-ō* **kwen-ōn* **k(w)un-ōn* 'женщина, жена'	*qinō* 'женщина'	*kona* (<**k(w)un-*, но род. мн. *kuenna*<**kwenanō* и *kuinna*<**kwennō*) 'женщина, жена'	*cwene* 'женщина'; 'проститутка'	*quena* 'женщина, жена'	*quena* (*n-f*, *ō-f*) 'жена'

12. **mar-i* (n) **mar-i-z* (m) **mar-īn* 'море'	} ср. *mari-saiws* 'море' *marei*	*marr*	*mere* 'пруд, озеро, море'	*meri*	} *meri (i-n, i-m)* *marī*, *merī*
13. [**mulđ-i-z* (f)] **mulđ-ō* **mulđ-a-z* **mulđ-ōn* 'пыль, земля'	*mulda* 'пыль'	} *mold* (дат. ед. *-u*, мн. *-ir*)	*molde*	--	*molta* *molt*
14. [**naƀ-i-z* (f)] **naƀ-ō* **naƀ-an* 'ступица колеса'	—	} *nǫf* (мн. *nafar*, *nafir*)	*nafu* *nafa*	*naƀa*	*naba*
15. **skūr-i-z* (m) **skūr-a-z* **skūr-ō* **skur-an* 'ливень'	*skūra windis* 'буря с ливнем'	*skūr*	} *scūr* (m, f) *scūra*	*skūr*	*scūr*
16. **snuz-i-z* (f) **snuz-ō* **snuz-ōn* 'сноха'	—	*snør*, *snor*	*snoru*	} ср.-н.-нем. *snore*	*snur* *snura*
17. **strik-i-z* (m) **strik-a-z* **strik-a-n* **strik-an* 'черта, полоса'	} *striks* (*a-m* или *i-m*)	*strik* 'полосатая ткань'	*ȝestric* *strica*	ср.-н.-нем. *streke*	*strih*
18. **sūl-i-z* (f) **sūl-ō* **sūl-ōn* 'столб, колонна'	—	*sūl* *sūla*	*sȳl*	ср.-н.-нем. *sūle*	*sūl*

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
19. **s(w)urg-i-z* (f) **s(w)urg-ō* [**s(w)urg-ōn*] 'забота'	*saurga* 'забота, печаль'	*sorg* 'печаль'	*sorʒ* 'забота, печаль'	*sorga*	*sorga*, *sworga*
20. [**þeuđ-i-z* (f)] **þeuđ-ō* [**þeuđ-ōn*]	*þiuda*	*þiōð* (дат. ед. *-u*, мн. *-ir*)	*þēod*	*thiod(a)*	*diota*
**þeuđ-a-z* **þeuđ-a-n* 'племя, народ'					*diot* (m, n)
21. **þurst-i-z* (m) **þurst-īn* **þurst-an* 'жажда'	*þaurstei*	*þorsti*	*þyrst*	*thurst*	*durst*
22. [**wunđ-i-z* (f)] **wunđ-ō* [**wunđ-ōn*] 'рана'	—	*und*	*wund*	*wunda*	*wunta*

29. Основы на *-u* — основы на *-a*, *-ō*, *-n*, *-i*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. **air-u-z* (m) **air-a-z* [**air-i-z* (m)] 'посланец'	*airus*	*ārr (u-m, a-m)*	*ār*	*ēr* (мн. *ēri*)	—
2. **ans-u-z* (m) **ans-i-z* (m) **ans-a-z* '(языческий) бог'	ср. латинизированное *anses* 'боги (языческие)'	*āss (u-m, i-m)*	*ōs* (*a-m*, но род. мн. также *ēsa*)	*ās*, *ōs* (в собств. именах)	*ansi-* (в собств. именах)

3. **ƀlēst-u-z* (m) **ƀlēst-a-z* 'порыв ветра'	—	*blāstr*	*blǣst*	—	*blāst* 'порыв ветра'; 'гнев'
4. **ƀōg-u-z* (m) **ƀōg-i-z* (m) **ƀōg-a-z* 'сгиб, сустав'	—	*bōgr* 'лопатка (у животных)'	*bōʒ* 'плечо, рука'	*bōg* 'сустав, плечо, бедро'	*buog* 'сустав, лопатка, плечо, бедро'
5. **đauþ-u-z* (m) **đauþ-a-z* **đauþ-an* 'смерть'	*dauþus*	*dauðr* (реже) *dauði*	*dēaþ*	*dōth*	*tōd*
6. **fex-u* (n) [**fex-a-n*] 'скот'; 'имущество, деньги'	*faihu*	*fē* (род. п. *fiār*)	*feoh*	*fehu*	*fihu*
7. **felþ-u-z* (m) **felþ-a-n* 'поле'	—	—	*feld*	*feld*	*feld* (мн. также *-ir*)
8. **ferxw-u-z* (m) **ferxw-a-z* **ferxw-a-n* 'жизнь, живое существо'	*fairƕus* 'мир, вселенная' (ср. крым.-гот. *fers* 'человек')	*fiǫruar* (мн.) 'люди' *fiǫr* 'жизнь'	} *feorh* (m, n) 'жизнь, живое существо, душа'	*ferah* 'дух, душа, жизнь'	*fer(a)h* 'дух, душа, жизнь'
9. **graft-u-z* (m) **graft-i-z* (f) **graft-a-z* 'копание, погребение'; 'могила'	—	*grǫptr*	} *ʒræft* (f, m) 'погребение'	ср.-н.-нем. *graft* 'яма, могила'	*graft* 'яма, могила'
10. **grēđ-u-z* (m) **grēđ-a-z* 'голод, жадность'	*grēdus* 'голод'	*grāðr*	*ʒrǣd*	—	—

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
11. **grund-u-z* (m или f) **grund-i-z* (f) **grund-a-z* **grunþ-a-z* **grunþ-a-n* 'земля, почва'	ср. *grundu-waddjus* 'фундамент'	*grund* 'поле, земля' *grunnr*, *gruðr* 'морское дно' *grunn* 'мель'	*ʒrund*	*grund*	*grunt*
12. **xaid-u-z* (m) **xaid-i-z* (m) **xaid-i-z* (f) 'вид, форма'	*haidus* 'способ, образ действия'	*heiðr* 'честь, почет, достоинство'	*hād (u-m)* *hǣd (i-m)* 'форма, способ, состояние, сословие'; 'личность'	*hēd* 'состояние, достоинство'	} *heit* (m, f) 'форма, способ, состояние, сословие'; 'личность'
13. **xall-u-z* (m) **xall-a-z* 'камень, скала'	*hallus* 'скала'	*hallr* 'большой камень'	*heall* 'камень, скала'	—	—
14. **xerut-u-z* (m) **xerut-a-z* 'олень'	—	*hiǫrtr*	*heorot*	*hirut*	*hiruʒ*
15. **xlaxtr-u-z* (m) **xlaxtr-a-z* **xlaxtr-a-n* 'смех'	—	} *hlātr* (род. п. *-s*, *-ar*)	*hleahtor*	—	*(h)lahtar*
16. **xlut-u-z* (m) **xlut-i-z* (m) **xlut-a-z* **xlut-a-n* **xlaut-i-z* (m) **xlaut-a-z*	*hlauts* 'жребий, наследство'	} *hlutr* (*i-m*, но вин. мн. также *hlutu*) 'жребий, доля'; 'вещь' *hlautr* 'жребий'; 'жертвоприношение'	*hlyte* *hlot* *hlīet*	*hlōt*	*(h)lōʒ*

**xlaut-a-n* 'жребий, доля (по жребию)'		*hlaut* 'жертвенная кровь'			
17. **xug-u-z* (m) **xug-i-z* (m) 'мысль, ум'	**hugs* (только род. ед. *hugis*)	*hugr* 'мысль, намерение, настроение'	*hyȝe* 'мысль, ум, настроение'	*hugi*	*hugu*
18. **xunxr-u-z* (m) **xungr-u-z* (m) **xungr-a-z* 'голод'	*hūhrus*	*hungr* (род. п. *-s*, *-ar*)	*hunȝor*	*hungar*	*hungar*
19. **kraft-u-z* (m) **kraft-a-z* **kraft-i-z* (f) 'сила'	—	*krǫptr* *kraptr*	*cræft* 'сила'; 'умение'	*kraft* (m, f)	*craft*
20. **kust-u-z* (m) **kust-i-z* (m) **kust-i-z* (f)	*kustus* 'испытание' *gakusts* 'испытание'	*kostr* (*i-m*, но вин. мн. также *kostu*) 'выбор, условия выбора, шанс'	*cyst* (m, f) 'свобода выбора, выбор, преимущество'	*kust* (m, f) 'условия выбора, преимущество'	*kust* 'условия выбора, преимущество'
**kust-a-z* 'выбор'			*cost* 'выбор'; 'способ, условие'		*cost* 'выбор, оценка'
21. **kwern-u-z* (f или m) **kwern-i-z* (f) **kwern-ō* **k(w)urn-ō* 'жернов'	ср. *asilu-qairnus* (f или m)	*kuern* (мн. *-ir*, *-ar*)	*cweorn*	*quern*	*quirn(a)* *churn*
22. **kweþ-u-z* (m) **kweþ-i-z* (m) **kweþ-a-z* **kweþ-an* 'живот'	*qiþus*	*kuiðr*	*cwiþ* *cwiða*	—	*quiti* 'vulva'

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
23. **liþ-u-z* (m)	*liþus*	*liðr*	*lioðu-* (в сложных словах)	*litho-* (в сложных словах)	*lidu-* (в сложных словах)
**liþ-i-z* (m) **liþ-a-n* **liþ-a-z* 'член тела'			*liþ* (m, n)	*lith*	*lid* (*i-m*, реже *a-n*; мн. также *lidir*)
24. **līþ-u* (n) или **līþ-u-z* (m)	вин. ед. *leiþu*				
**līþ-a-n* **līþ-a-z* 'фруктовое вино'		*līð* 'крепкое пиво'	*līþ*	*līth*	*līd* (m, n)
25. **luft-u-z* (m или f)	*luftus* (m или f)				
**luft-i-z* (m) **luft-i-z* (f)			*lyft* (f, m; им. мн. также *-u* по типу ср. р.)	*luft* (*i-f*, *a-m*)	*luft* (f, m)
**luft-a-z* **luft-a-n* 'воздух'		*lopt* 'воздух'; 'верхний этаж, балкон'			
26. **lust-u-z* (m)	*lustus*				
**lust-i-z* (f) **lust-a-z*		*lyst*	*lust*	*lust* (m, f, мн. *lusti*, *lusta*)	*lust* (m, f)
**lust-an* 'радость, удовольствие'; 'желание, похоть'		*losti*			
27. **maxt-u-z* (m)		*māttr*			
**maxt-i-z* (f) 'мощь, сила'	*mahts*		*miht*, *meaht*	*maht*	*maht*

28. **mal-u-z* (m) **mal-a-z* **mal-ōn* (n) 'моль'	*malō*	*mǫlr*	ср. *mæl-sceafa* 'гусеница'	—	—
29. **nas-u-z* (f) **nas-i-z* (f) **nas-ō* [**nas-ōn*] 'нос'	—	*nǫs* 'ноздря'; мн. *nasar*, *nasir* 'нос'	кент. *nasu*, уэс-секс. *nosu* (*u-f*, изредка *ō-f*)	*nasa*	*nasa*
30. **plōg-u-z* (m) **plōg-i-z* (m) **plōg-a-z* 'плуг'	—	*plōgr*	*plōʒ* 'мера пахотной земли'	ср.-н.-нем. *plōg*	*pfluog* (*a-m*, *i-m*)
31. **rōþr-u-z* (*m*) **rōþr-a-z* **rōþr-a-n* 'руль'	—	*rōđr* (*a-m*, но род. ед. *-s* и *-ar*)	*rōđor*	ср.-н.-нем. *rōder*	*ruodar*
32. **sakk-u-z* (m) **sakk-i-z* (m) **sakk-a-z* 'мешок' (заимств. из лат.)	*sakkus*	*sekkr* (мн. *sekkar*, *sekkir*)	*sæcc*	*sakk*	*sac* (мн. *seckī*)
33. **skeld-u-z* (m) **skeld-i-z* (m) **skeld-a-z* 'щит'	*skildus*	*skiǫldr*	*scield*	*skild*	*scilt* (мн. *-i*, *-a*)
34. **smiþ-u-z* (m) **smiþ-i-z* (m) **smiþ-a-z* **smiþ-an* 'кузнец'	ср. *aiza-smiþa* 'медник'	*smiđr* (*a-m*, *i-m*, изредка *u-m*)	*smiþ*	*smith*	*smid*
35. **spēn-u-z* (m) **spōn-u-z* (m) **spēn-a-z* **spōn-a-z* 'щепка'	—	*spānn* *spōnn* 'щепка, ложка'	*spōn*	ср.-н.-нем. *spān* ср.-н.-нем. *spōn*	*spān*

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
36. **stīg-u-z* (m) **stig-u-z* (m) **stīg-a-z* **stig-a-z* **stīg-ō* **staig-ō* 'тропа, путь'	*staiga*	*stīgr*, *stigr* (*a-m*, изредка *u-m*)	*stīȝ*	—	*stīg* *steg* *stīga* *steiga*
37. **sum(a)r-u-z* (m) **sumar-a-z* **sumar-a-n* 'лето'	—	*sumarr* *sumar*	*sumor*	*sumar*	*sumar*
38. **þurn-u-z* (m) **þurn-a-z* 'шип, терн'	*þaurnus*	*þorn*	*þorn*	*thorn*	*dorn*
39. **walþ-u-z* (m) **walþ-a-z* 'невозделанная земля, пустошь'	—	*vǫllr* 'земля, необработанное поле'	*weald* (*u-m*) 'лес, кустарник'	*wald* 'лес'	*wald* 'лес'
40. **warđ-u-z* (m) **warđ-a-z* **warđ-an* 'сторож'	ср. *daura-wards* 'привратник'	*vǫrðr*	*weard*	*ward*	*wart* *warto*
41. **weg-u-z* (m) **weg-a-z* 'путь'	*wigs*	*vegr* (*u-m* и *a-m*)	*weȝ*	*weg*	*weg*
42. **werđ-u-z* (m) **werđ-i-z* (m) **werđ-a-z* 'хозяин, глава дома'	*wairdus*	—	—	*werd*	*wirt*

43. *weþr-u-z (m) *weþr-a-z 'баран'	wiþrus 'ягненок'	veðr (a-m, но род. ед. -s и -ar)	weðer	wethar	widar
44. *wlit-u-z (m) *wlit-i-z (m) *wlit-a-z 'облик, внешность'	wlits (i-m или a-m) 'облик, лицо'	litr 'цвет, окраска'	wlite 'лицо, облик, вид'	wliti 'облик, внешность'; 'взор'; 'блеск'	ср. ant-lizzi 'лицо'

30. Корневые основы — основы на -a, -ō, -n, -i, -u

1. *axw- (f) *axw-ō 'вода, поток, река'	aƕa	ā 'река'	ēa (корн. -f)	aha	aha
2. *aik- (f) [*aik-i-z (f)] 'дуб'	—	eik (мн. eikr)	āc (корн. -f)	ēk	eih
3. *akus- (f) *akus-i-z (f) *akusj-ō *akwesj-ō *akwezj-ō 'топор'	aqizi	ǫx, ax øx	æx, æces	akus (i-f, но дат. ед. также akus)	ackus (i-f, но дат. ед. также ackus)
4. *alƀat- (f) *alƀat-i-z (f) *alƀit-i-z (f) *alƀit(j)-ō 'лебедь'	—	ǫlpt (мн. elptr и alptir)	ielfetu	—	ср.-н.-нем. elbiz
5. *alx- (f) *alx-a-z 'храм'	alhs (корн. -f)	—	ealh	alah	—
6. *anuđ- (f) *anuđ-i-z (f) *anađ-i-z (f) *aniđ-i-z (f) 'утка'	—	ǫnd (мн. endr и andir)	ened	anud anad	anut

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
7. **aw-* (f) **aw-i-z* (f) **awj-ō* 'овца'	—	*ǣr* (мн. *ǣr*)	*eowu*	*ewi* 'ягненок'	*ou(wi)*
8. **ƀōk-* (f) **ƀōk-a-n*		*bōk* (мн. *bǣkr*) 'бук'; 'книга'	*bōc* (корн. -*f*: мн. *bēc*; но иногда также *a-n*) 'бук'; 'документ, книга'	*bōk* (корн.-*f* и *a-n*) 'табличка для письма, книга'	*buoh* (корн.-*f* и *a-n*) 'книга'
**ƀōk-ō* **ƀōki-a-n* **ƀōki-ōn* 'бук'; 'буковая дощечка для письма'	*bōka* 'буква'; мн. *bōkōs* 'писание, книга'	*bǣki* 'бук'	*bēce* 'бук'	*bōka* 'бук' *bōkia* 'бук'	*buohha* 'бук'
9. **ƀōt-* (f) **ƀōt-i-z* (f) **ƀōt-ō* 'возмещение, штраф'	*bōta* 'польза'	*bōt* (мн. *bǣtr* и *bōtir*)	*bōt*	*bōt(a)*	*buoʒ(a)*
10. **ƀrust-* (f) [**ƀrust-i-z* (f)] **ƀreust-a-n* [**ƀreust-a-z*] [**ƀreust-ō*] 'грудь'	*brusts* (мн.) 'грудь'	*briōst*	*brēost* (n, f, m)	*briost* (обычно мн.)	*brust* (*i-f*, корн. -*f*)
11. **ƀurg-* (f) **ƀurg-i-z* (f) 'укрепленное место, город'	*baurgs* (мн. *baurgs*) 'город'	*borg* 'холм, крепость, укрепленный город'	*burʒ* (мн. *byriʒ*) 'укрепленное место, город'	*burg* (*i-f*, корн.-*f*) 'город'	*burg* (*i-f*, корн.-*f*) 'город'

12. **đur-* (f) **đur-i-z* (f) **đur-u-z* (f)		*dyrr* (мн.) 'двери, ворота'	*duru* 'дверь'	*duru* 'дверь' *dura* 'дверь'	*turi* (мн.) (*i-f*, но дат. мн. также *turun*) 'двери' *tura* 'дверь'
**đur-ōn* (f)	*dāurōns* (мн.) 'двери'				
**đur-ōn* (n)	ср. *auga-daurō* (n) 'окно'				
**đur-a-n* 'дверь, ворота'	*daur* 'ворота, дверь'		*dor* 'ворота, дверь'	*dor* 'ворота'	*tor* 'ворота'
13. **fengr-* (m) **fengr-u-z* (m) **fengr-a-z* 'палец'	*figgrs*	*fingr* (ед. *u-m*, мн. *fingr*)	*finзer*	*fingar*	*fingar*
14. **flaux-* (f) **flaux-a-z* **flaux-an* **flaux-ōn* 'блоха'	—	*flō* (мн. *flœ̄r*)	*flēah* *flēa*	ср.-н.-нем. *vlō*	*flōh*
15. **fōt-* (m) **fōt-u-z* (m) [**fōt-i-z* (m)] 'нога (стопа)'	*fōtus*	*fōtr* (ед. *u-m*, мн. *fētr*)	*fōt* (мн. *fēt*)	*fōt* (*i-m*, мн. также *u-m*)	*fuoз* (*i-m*, мн. также *u-m*)
16. **furx-* (f) **furx-i-z* (f) **furx-ō* 'борозда'	—	*for*	*furh* (дат. ед. *fyrh*)	ср.-н.-нем. *vore*	*furh*
17. **gait-* (f) **gait-i-z* (f) 'коза'	*gaits*	*geit* (мн. *geitr*)	*зāt* (мн. *зǣt*)	*gēt*	*geiз*
18. **gans-* (f) [**gans-i-z* (f)] 'гусь'	—	*gās* (мн. *gǣs*)	*зōs* (мн. *зēs*)	ср.-н.-нем. *gōs*	*gans*
19. **glōđ-* (f) **glōđ-i-z* (f) 'горящие угли, жар'	—	*glōð* (мн. *glœ̄ðr*)	*зlēd* 'горящие угли, пламя'	ср.-н.-нем. *glōd* 'жар, пыл'	*gluot*

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
20. *graip- (f) *graip-ō 'рука с расставленными пальцами'	—	greip (мн. greipr и greipar)	ʒrāp 'хватающая рука, кулак'	—	greifa 'вилка'
21. *xalēþ- (m) [*xaliþ-a-z] [*xaluþ-a-z]	—	hǫlðr 'свободный крестьянин'	hæle, hæleþ (мн. hæleþ) 'человек, воин, герой'	helith 'воин, герой'	helid 'воин, герой'
[*xal-i-z (m)] 'человек, воин'		halr (мн. halir и hǫlðar) 'свободный человек'			
22. *xanđ- (f) *xanđ-u-z (f) [*xanđ-i-z (f)] 'рука (кисть)'	handus	hǫnd (мн. hendr)	hånd	hand (i-f, мн. также u-f)	hant (i-f, мн. также u-f)
23. *xenđ- (f) *xenđ(i)-ō *xenđ(i)-ōn 'лань, косуля'	—	hind (мн. hindr)	hind	hindi- (в сложных словах)	hinta
24. *xnut- (f) *xnut-i-z (f) 'орех'	—	hnot (мн. hnetr)	hnutu (мн. hnyte)	ср.-н.-нем. note	(h)nuʒ
25. *kenn- (f) *kenn-u-z (f) *kenni-a-n 'щека, подбородок'	kinnus 'щека'	kinn (мн. kiðr) 'щека'	cinn (f, n) 'подбородок'	kinni (мн.) 'подбородок'	kinni 'подбородок'

26. *klōw- (f) *klōw-ō *klēw-ō *klaw-ō 'коготь'	—	klō (мн. klœ̄r)	clēa, clawu	klāwa ср.-н.-нем. klouwe	chlōa clāwa
27. *kōw- (f) [*kōw-i-z (f)] 'корова'	—	kȳr (мн. kȳr)	cū (мн. cȳ)	kō (мн. kōii)	chuo (i-f; мн. chuawī, chōi, но также корн. chua)
28. *lūs- (f) [*lūs-i-z (f)] 'вошь'	—	lūs (мн. lȳss)	lūs (мн. lȳs)	ср.-н.-нем. lūs	lūs
29. *magaþ- (f) *magaþ-i-z (f) 'девушка, служанка'	magaþs 'девушка'	—	mæʒ(e)þ	magath (мн. magath)	magad
30. *mark- (f) *mark-i-z (f) *mark-ō *mark-ōn 'лес, пограничный лес'	marka 'пограничная область, граница'	mǫrk (мн. merkr и markir) 'лес'	mearc mearce 'пограничная область, граница'	marka 'пограничная земля, граница'	marcha 'пограничная земля, граница; страна, область'
31. *meluk- (f) [*meluk-i-z (f)] [*melik-i-z (f)] 'молоко'	miluks (корн.-f)	miolk (корн.-f)	meol(u)c, milc (корн. -f)	miluk	miluh milih
32. *mēnōþ- (m) [*mēnōþ-a-z] 'месяц'	mēnōþs (мн. mēnōþs)	mānaðr, mānuðr (корн.-m; возможны также формы типа u-m)	mōnaþ (мн. mōnaþ и mōnþas)	mānuth	mānōd
33. *mūs- (f) [*mūs-i-z (f)] 'мышь'	—	mūs (мн. mȳss)	mūs (мн. mȳs)	mūs	mūs
34. *nagl- (m) *nagl-a-z *nagl-i-z (m) 'ноготь, гвоздь'	—	nagl (ед. a-m, мн. negl)	næʒl	nagal	nagal (a-m, i-m)

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
35. **rand̄- (f)* **rand̄-i-z (f)* **rand̄-a-z* 'край'; 'щит'	—	*rǫnd* (мн. *rendr* и *randir*)	*rånd*	*rand*	*rant*
36. **skaiþ- (f)* **skaiþ-i-z (f)* **skaiþi-ō* 'ножны'	—	*skeið* (мн. *skeiðr*, *skeiðir* и *skeiðar*) 'военный корабль'; мн. 'ножны'	*scēaþ*, *scǣþ*	*skēthia*	*skeida* 'ножны'; 'рубеж, различие'
37. **spang- (f)* **spang-i-z (f)* **spang-ō* **spang-a-n* 'застежка, пряжка'	—	*spǫng* (мн. *spengr* и *spangir*) 'пластинка, льдинка'; 'блестки'	*spånȝ* (f, n)	ср.-н.-нем. *spange*	*spanga*
38. **stang- (f)* **stang-i-z (f)* **stang-i-z (m)* **stang-ō* 'жердь, шест'	—	*stǫng* (мн. *stengr* и *stangir*)	*stenȝ*	*stanga*	*stanga*
39. **strand̄- (f)* **strand̄-i-z (f)* **strand̄-a-z* **strand̄-a-n* 'морской берег'	—	*strǫnd* (мн. *strendr* и *strandir*)	*strånd*	ср.-н.-нем. *strand*	ср.-в.-нем. *strant*
40. **sū- (f)* [**sū(w)-i-z (f)*] 'свинья'	—	*sȳr* (мн. *sȳr*)	*sū* (корн. ?; чаще *suȝu ō-f*)	*sū* (также *suga ō-f*)	*sū* (род. ед. *sūwi*)

41. **swell-* (f) **swelli-ō* **swelli-a-n* **swell(i)-an* **swell(i)-ōn* 'бревно у основания дома, порог'	—	*syll* (мн. *syll*) *sylla* (реже)	*syll*	ср.-н.-нем. *sulle*, *sille*	*swelli* *swello*
42. **taixw-* (f) **taixw-ō* **taixw-ōn* 'палец ноги'	—	*tā* (мн. *tǣr*)	*tāhe*, *tā*	ср.-н.-нем. *tē*	*zēha* (*ō-f*, *n-f*)
43. **tang-* (f) **tang-i-z* (f) **tang-ō* **tang-ōn* 'щипцы, клещи'	—	*tǫng* (мн. *tengr* и *tangir*)	*tânȝ* *tânȝe*	*tanga*	*zanga*
44. **tanþ-* (m) **tanþ-* (f) [**tanþ-i-z* (m)] **tunþ-u-z* (m) 'зуб'	*tunþus*	*tǫnn* (мн. *teðr*)	*tōþ* (мн. *tēþ*)	*tand* (мн. *tende*)	*zan(d)* (мн. *zen(d)ī*)
45. **þrēđ-* (m) **þrēđ-u-z* (m) **þrēđ-a-z* 'нить'	—	*þrāðr* (вин. мн. *þrāðu* и *þrǣðr*)	*þrǣd*	*thrād*	*drāt*
46. **wext-* (f) **wext-i-z* (f) **wext-a-n* **wext-a-z* 'вещь, существо'	*waihts* (*i-f*, но вин. мн. один раз *waihts*) 'вещь' ср. *ni-waiht* 'ничто'	*vēttr*, *vǣttr*	*wiht* (f, n) 'вещь, существо, демон'; ср. *nā-wiht* 'ничто'	ср. *ni-wiht* 'ничто' *wiht* 'вещь, существо, демон'	*wiht* (*a-n*, но мн. также *wihti*, *wihtir*) 'вещь, существо, демон'; ср. *ni-wiht* 'ничто'

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
47. **wentr-* (m) **wentr-u-z* (m) **wentr-a-z* 'зима'; 'год'	*wintrus*	*vetr* (ед. *u-m*, мн. *vetr*)	*winter (u-m)*	*wintar*	*wintar*
48. **wēg-* (f) **wēg-i-z* (f) **wēg-ō* 'весы'	—	*vāg* (мн. *vǣgr* и *vāgir*)	*wǣʒ* 'весы'; 'вес, мера веса'	*wāga*	*wāga*
49. **wrist-* (f) **wrist-i-z* (f) **wrist-ō* **wrist-a-z* **wrist-a-n* 'сгиб, запястье, подъем ноги'	—	*rist* (мн. *ristr*)	*wrist* (*ō-f* или *i-f*) 'запястье'	ср.-н.-нем. *wrist* 'запястье'	*rista* *rist* (m, n)

Раздел III. Реконструируемые основы части соответствующих друг другу древнегерманских существительных содержат суффиксальный элемент, который в реконструируемых основах другой части этих существительных отсутствует или выступает в качестве основообразующего.

31. Основы с суффиксом *-j-* (*-i-*) — основы на *-i* без этого суффикса

1. **ƀađj-a-n* **ƀađj-a-z* [**ƀađ-i-z* (m)] 'постель'	*badi*	*beðr* (род. ед. *beðiar*, вин. мн. *beði*, но один раз *beðia*)	*bedd*	*bed(di)*	*betti*
2. **ƀakj-a-z* **ƀak-i-z* (m) 'ручей'	—	*bekkr* (род. ед. *bekks* и *bekkiar*, мн. *bekkir*; фонет. из **bakja-*)	*becc* *bece*	*beki*	*bah*

3. **xaiþi-ō* **xaiþ-i-z* (m) **xaiþ-i* (n) 'пустошь'	*haiþi* 'поле'	*heiðr* (им. ед. из **xaiþīz*)	} *hǣþ* (m, n) 'пустошь'; 'полевая трава'	*hētha* (в топонимах)	*heida* 'полевая трава'
4. **xalj-ō* [**xal-i-z* (f, m)] 'подземный мир, ад'	*halja*	*hel* 'жилище мертвых'; *Hel* 'богиня смерти'	*hell*	*hell(i)a* *hell* (f, m; фонет. из **xaljō*)	*hell(i)a*
5. **xarj-a-n* **xarj-a-z* [**xar-i-z* (m)] 'войско'	*harjis*	} *herr* (род. ед. *hers* и *heriar*, им. вин. мн. не засвид.) 'толпа, множество'; 'войско'	} *here (ja-m, i-m)*	*heri*	*heri*
6. **xelđi-ō* [**xelđ-i-z* (f)] 'борьба'	—	*hildr* (им. ед. из **xeldīz*)	*hild*	} *hildi, hild*	*hilt(i)a*
7. **xrugj-a-z* [**xrug-i-z* (m)] 'спина, хребет'	—	*hryggr* (род. ед. *hryggiar*, мн. *hryggir*; фонет. из **xrugja-*)	*hrycȝ*	*hruggi*	*hrucki*
8. **xurj-a-n* **xurj-a-z* [**xur-i-z* (m)] 'огонь, костер'	*hauri* 'уголь'; мн. *haurja* 'огонь, костер'	} *hyrr* (род. ед. *hyriar*, мн. *hyrir*) 'огонь'	—	—	—
9. **manj-a-n* **man-i* (n) **man-i-z* (m) 'ожерелье'	—	*men*	*mene*	*meni*	*menni*
10. **melti-a-n* **melti-a-z* **melti-ōn* **melt-i-z* (m) 'селезенка'	—	*milti*	*milte* *milt*	ср.-н.-нем. *milte*	*milzi*

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
11. **nefti-ō* **neft-i-z* (f) 'внучка, племянница'	—	*nipt* (вин. ед. *nipt* и *nipti*) 'родственница, сестра'	*nift* 'внучка, племянница, падчерица'	ср.-н.-нем. *nichte* 'племянница'	*nift* 'племянница, падчерица'
12. **unþi-ō* **unþ-i-z* (f) 'волна'	—	*-unn(r)* (в собств. именах) *unnr*, *uðr*	*ȳþ*	*ūthia*	*und(e)a*
13. **waƀj-a-n* **waƀ-i-z* (m) 'ткань'	—	 *vefr*	*webb*	*webbi*	*weppi*
14. **wagj-a-z* [**wag-i-z* (m)] 'клин'	—	*veggr* (род. ед. *veggs* и *veggiar*, мн. *veggir*, фонет. из **wagja-*)	*wecȝ*	*weggi*	*wecki*

32. Основы с суффиксом *-j-* (*-i-*) — основы (не только на *-i*) без этого суффикса

1. **aiw-a-z* **aiw-i-z* (m) **aiw-i-z* (f) **aiw-īn* **aiwi-ō* 'век, вечность'	*aiws* (дат. мн. *aiwam*, вин. мн. *aiwins*) 'вечность, век, время'	 *ǣvi* (род. ед. *ǣvi*) 'век, вечность, время'	 *ǣw*, *ǣ* (f, m) 'закон, верность, брак'	*ēo*	 *ēwa* (дат. ед. *ēwiu*) 'вечность, закон, брак'
2. **aluz-a-z* **aliz-ō* **alis-ō* **alizj-a-z* **alizj-a-n* **aluzj-ō* 'ольха'	 **alisa* (восстан. по исп. *aliso* 'ольха')	*qlr* *elrir* *elri*	*alor*	 *elora* *elis* (в топонимах) *alerie*	 *elira*, *erila*

3. *anđƀaxt-a-n *anđƀaxti-a-n 'служба' (заимств. из кельт.)	andbahti	embætti	ambiht	ambaht	ampaht ampahti
4. *apal-a-z *apl-a-z *apl-i-z (m) *apli-a-n 'яблоко'	ср. крым.-гот. apel	apall epli	æppel (мн. также appla, по типу u-m)	appul	apful (мн. epfeli)
5. *arƀ-a-z *arƀi-a-n 'наследство'	arbi	arfr 'наследство' erfi 'поминки' (рун. arƀija)	ierfe	erbi	erƀi
6. *arƀ-an *arƀi-an 'наследник'	arbja 'наследник' (ср. arbjō 'наследница')	arfi рун. arƀijano (род. мн.)	ierfa	—	erb(e)o
7. *arƀaiþ-a-n *arƀaiþ-i-z (f) *arƀaiđ-i-z (f) *arƀaiþi-a-n *arƀaiđi-ō '(тяжкая) работа'	arbaiþs (-d-)	erfiði	earfoþ earfeđe	arbēđ arbēđi	ar(a)beit arabeitī
8. [*asp-i-z (f)] *asp-ō *asp-ōn *aspi-ō 'осина'	—	ǫsp	æsp, æps æspe	ср.-н.-нем. espe	aspa
9. *aþal-a-n *aþal-a-z *aþal-ō *aþalj-a-n *aþalj-a-z 'род, природа'	—	ađal 'природа, существо, суть'	æđelu 'благородное происхождение, род'	athali 'благородный род'	adal edili 'дворянство'

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
10. **ƀanđ-a-n* **ƀanđ-i-z* (f) **ƀanđ-i-z* (m) **ƀanđ-i-ō* 'связь, узы'	*bandi*	*band*	} *bend* (m, f)	} *band* (n, f)	*bant* (мн. также *bendir*)
11. **ƀerk-ō* **ƀerk-ōn* **ƀerki-ō* **ƀerki-ōn* 'береза'	—	*biǫrk*	*beorc* *beorce* *bierce*	*berka* *birka*	} *birka, birihha*
12. **flaisk-a-n* [**flaisk-i* (n)] **flaiski-a-n* 'мясо'	—	*flesk* *fleski* 'свинина, свиной жир'	*flæsc (i-n)*	*flēsk*	*fleisc*
13. **flōđ-u-z* (f) **flōđ-u-z* (m) **flōđ-a-n* **flōđ-a-z* **flōđ-i-z* (m) **flōđ-i-z* (f) **flōđi-ō* 'поток, паводок, прилив'	} *flōdus* (m или f) 'поток'	*flōð* *fløð, flōð* *fløðr* (им. ед. из **flōđīz*)	} *flōd (u-m, a-m, a-n)* 'паводок, прилив, поток, река, море'	} *flōd (a-m, i-m, i-f)*	} *fluot* (f, реже m)
14. **fraw-an* **frawj-a-z* **frawj-an* 'господин'	*frauja*	*freyr* (также имя бога)	*frēa*	*frōho, frāho* *frōio*	*frō*
15. **frōw-ōn* **frawj-ōn* 'госпожа'	—	*freyja* (также имя богини)	—	*frūa*	*frouwa*

16. **furx-ō* **furx-ōn* **furxi-ō* 'сосна, ель' (первоначально, по-видимому, 'дуб')	—	*fura* 'ель'	*furh* 'сосна, ель'	*fur(h)ia* 'сосна'	} *for(a)ha* 'сосна'
17. **gaum-a-z* **gaum-ō* **gaumi-ōn* 'наблюдение, забота'	—	*gaumr* *gaum* 'внимание, забота'	*ʒīeme* 'забота'	*gōma* 'внимание, забота'; 'трапеза'	*gouma* 'внимание, забота'; 'трапеза'
18. **xīt-ōn* **xit-ōn* **xit-an* **xitj-ō* 'жар, жара'	*heitō* 'лихорадка'	*hita* *hiti*	*hitt*	*hittia*	*hizz(e)a*
19. **lenđ-ō* **lenđ-ōn* **lenđi-ō* 'липа'; 'щит из липы'	—	*lind* ср. *lindi-skiǫldr*	*lind* *linde*	*lindia*	} *linta*
20. **mus-a-n* **mus-an* **meus-a-n* **meuzi-ō* 'мох, болото'	—	*mosi* *mȳrr* (им. ед. из **meuzīz*)	*mos* 'болото' *mēos* 'мох'	—	*mos* 'мох, болото' *mios* 'мох'
21. **neur-an* **neuri-ōn* (n) 'почка (орган)'	—	*nȳra*	ср.-англ. *nēre*	ср.-н.-нем. *nēre*	*nioro*
22. **rast-ō* [**rast-i-z* (f)] **rasti-ō* 'отдых, покой'	*rasta* 'миля'	} *rǫst* (дат. ед. *-u*, мн. *rastir*) 'определенное расстояние (около 5 миль)'	*ræst* *rest* 'отдых, покой, ложе, могила'	*rasta* *resta* 'отдых, покой, ложе, могила'	*rasta* 'отдых, покой'

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-санкс.	др.-в.-нем.
23. **sak-ō* [**sak-i-z* (f)]	—	*sǫk* (мн. *sakir*, *sakar*) 'судебное дело'; 'вина, причина'	*sacu* 'борьба, преследование'; 'судебное дело'	*saka* 'борьба, вражда, судебное дело'	*sahha* 'борьба, судебное дело'; 'дело'
**sakj-ō* **sakj-ōn* 'борьба'	*sakjō* 'борьба'		*sæcc* 'борьба'		*secchia* 'борьба'
24. **salx-ō* **salxi-ōn* 'низкорослая ива'	—	*selia*	*sealh*	—	*salaha*
25. **sīk-a-z* **sīk-a-n* **sīki-a-n* '(медленно) текущая вода'	—	*sīk* *sīki* 'стоячая или медленно текущая вода'; 'канава'	*sīc* 'ручей, текущая вода'	ср.-н.-нем. *sīk* 'болотистая низина'	ср. *seih* 'моча'
26. **skal-ō* **skalj-ō* 'скорлупа, кожица'	*skalja* 'кирпич'	*skel*	*scealu* *sciell*	ср.-н.-нем. *schale*	*scala*
27. **skēr-ō* **skēr-i-z* (f) **skēri-a-n* 'ножницы'	—	*skǣri* (мн.)	*scēar*	*skāra*	*scāra* *scār*
28. **staxl-a-n* [**staxl-a-z*] **staxli-a-n* 'сталь'	—	*stāl*	*stīele*	*stehli*	*stahal* (m, n)

29. *waiþ-ō *waiþi-ō 'охота, лов'	—	veiðr (им. ед. из *waiþīz)	wāþ 'охота, преследование'	ср.-н.-нем. weide 'пастбище, корм'	weida 'поиск пищи, охота, рыбная ловля'; 'пастбище, корм'
30. *wēđ-ō *wēđ-i-z (f) *wēđi-a-n 'одежда'	—	vāð (мн. -ar, -ir) 'ткань'; 'одежда'	wēd, wǣd ʒewēde, ʒewǣde	wād wādi	wāt 'одежда, снаряжение'

33. Основы с суффиксом -w- — основы без этого суффикса

1. *ƀēr-ō *ƀar-ō *ƀar-i-z (f) *ƀarw-ōn 'носилки'	—	barar (мн.) barir (мн.) bǫrur (мн.)	bǣr 'носилки' bearwe 'носилки, тачка'	bāra	bāra
2. *kweđ-i-z (m) *kweđw-a-n *kwēđ(w)-ōn 'смола, древесный клей'	—	kuāða	cwi(o)du	—	quiti, kuti 'клей'
3. *mask-a-n *mask-ōn *mēsk-ōn *maskw-an 'петля'	—	mǫskui	masc, max	maska māska	masca māsca
4. *skađ-u-z (m) *skađ-a-n *skađ-ō *skađw-ō *skađw-a-z 'тень'	skadus	—	scead sceadu (wō-f, ō-f)	skado	scato
5. *unxt-a-z *unxt(w)-an *unxtw-ōn 'раннее утро'	ūhtwō	ōtta	ūht ūhta	ūhta	ūhta

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
34. Основы с суффиксом *-n-* — основы без этого суффикса					
1. **ar-an* **arn-u-z* (m) **arn-i-z* (m) **arn-a-z* 'орел'	*ara*	*ari* *ǫrn*	*earn*	*aro* *arn* (в собств. именах)	*aro* *arn*
2. **ƀer-an* **ƀern-u-z* (m) 'медведь'	—	*biǫrn*	*bera*	*bero* (в собств. именах)	*bero*
3. **ƀī-a-n* **ƀī-ōn* **ƀin-i* (n) **ƀīn-ōn* [**ƀīan-a-z*] 'пчела'	—	*bȳ* (др.-шв. *bī*)	*bīo*	*bī-* (в сложных словах) *bini*	*bīa* *bini* *bīna* *bīan*
4. **ƀrū(w)-o* **ƀrūn-* (f) 'бровь'	—	*brūn* (мн. *brȳnn*)	*brū* (мн. *brū(w)a*)	—	—
5. **ƀurþi-ō* **ƀurþ-īn* **ƀurþīnj-ō* 'бремя, ноша'	*baurþei*	*byrðr*	*byrðen*	*burthinnia*	*burdī*
6. **xraƀ-an* **xraƀn-a-z* 'ворон'	—	*hrafn*	*hræfn*	ср.-н.-нем. *rave* ср.-н.-нем. *raven*	*(h)rabo* *(h)raban*
7. **lanđi-ō* **lanđ-i-z* (f) **lanđ-īn* **lanđin-a-n* 'ляжка'	—	} *lend* (мн. *-ir*, *-ar*)	*lendenu* (мн.)	*lendin* (мн.)	*lentī*

8. **lug-a-n* **lug-an* **laug-a-z* **laug-i-z* (m) **laux-an* **laux-ōn* **laugn-ō* 'пламя'	—	*log* *logi* *leygr*	*līez* 'пламя, молния'	*lōgna*	*loug* ср.-в.-нем. *lō(he)* (m, f)
9. **lug-i-z* (m) **lug-īn* **lugīn-ō* 'ложь'	—	*lygi*	*lyze* *lyzen*	*lugina*	*lugī* *lugina*
10. **lung-ōn* (n) **lung-ōn* (f) **lunganj-ō* **lungunj-ō* 'легкое'	—	*lungu* (мн.)	*lunzen*	*lunga* *lungannia*	*lungun* (мн. *lungunnā*)
11. **nam-an* **nam-ōn* (n) **namn-a-n* 'имя, название'	*namo* (мн. *namna*)	*nafn*	*nåma*	*namo*	*namo*
12. **uxs-u-z* (m) **uxs-an* мн. **uxsn-iz* 'бык'	**auhsa* или **auhsus* (дат. ед. *auhsau*, род. мн. *auhsnē*)	*uxi*, *oxi* мн. *yxn*, *øxn*	*oxa*	*ohso*	*ohso*

35. Основы с суффиксом *-r-* — основы без этого суффикса

1. **aluþ-* (n) [**alw-a-n*] **aluđr-a-n* 'пиво'	—	*ǫl* (*wa-n*, но в др.-норв. род. мн. *ǫlda*) *ǫldr*	*ealu* (род. дат. ед. *ealoþ*)	ср. *alu-* (в сложных словах)	—
2. **ēđi-ō* **ēđr-ō* **ēđr-ōn* **ēþr-ō* 'жила'	—	*æðr* (им. ед. из **ēđīz*)	*ǣdr* *ǣdre*	ср.-н.-нем. *āder(e)*	*ād(a)ra*

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
3. **fīfald̄-on*	—		*fīfealde*		
**fīfald̄r-ōn*				*fīfoldara*	*fīfaltara*
**fīfeld̄ri-a-n* 'бабочка'		*fīfrildi* (с метатезой)			
4. **murþ-a-z* **murþ-a-n*		*morð*	*morþ* (m, n)	*morth* (m, n)	*mord* (m, n)
**murþr-a-z* **murþr-a-n* 'убийство'	*maurþr*		*morðor* (m, n)		

36. Основы с суффиксом *-n-* — основы с суффиксом *-r-*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
1. **fōn-* (n) **fun-ōn* (n)	*fōn* (n, род. ед. *funins*)				
**fun-an*		*funi*			
**fūr-a-z*		*fūrr*			
**fūir-a-z*		*fȳrr*			
**fūir-a-n* 'огонь'			*fȳr*	*fiur*	*fuir, fiur*
2. **stern-a-z*					*stern*
**stern-ōn*	*stairnō*	*stiarna*			
**stern-an*					*sterno*
**sterr-an* 'звезда'			*steorra*	*sterro*	*sterro*
3. **wat-ōn* (n) **watn-a-n*	*wato* (n, мн. *watna*)	*vatn*			
**watr-a-n* 'вода'		*vatr* (редко)	*wæter*	*watar*	*waȝȝar*

37. Основы с суффиксом *-s-* (*-z-*) — основы без этого суффикса

1. **ag-an* **ag-īn* [**ag-i-z* (m)] [**agis-a-n*] **agis-an* **agis-ōn* 'страх'	ср. *un-agei* 'бесстрашие' *agis* (род. ед. *agisis*)	*agi*	*eʒe* *eʒesa*	*egiso*	*egī* *egiso* *egisa*
2. **ax-az* (n) [**axaz-a-n*] [**axiz-a-n*] [**axs-a-n*] 'колос'	*ahs*	*ax*	*ēar* (англск. *æhher*)	—	*ah*, *ahar* *ehir*
3. **ajj-a-n* **ajj-az* (n) 'яйцо'	крым.-гот. *ada* (<**addja*)	*egg* (*ja-n*)	*ǣʒ* (мн. *ǣʒru*)	*ei* (род. мн. *eiero*)	*ei* (мн. *eigir*, *cier*)
4. **xail-a-n* **xail-i* (n) [**xailiz-a-n*] [**xailiz-ō*] 'хорошее предзнаменование, счастье'	—	*heill* (n, f)	*hǣl*	*hēl*	*heil*
5. **xat-i-z* (m) **xat-i* (n) [**xatiz-a-n*] [**xataz-a-n*] 'ненависть'	*hatis* (*-z-*)	*hatr*	*hete*	*heti*	*haʒ* (m, n)
6. **kalƀ-a-z* **kalƀ-az* (n) **kalƀ-iz* (n) 'теленок'	ср. *kalbō* (*n-f*) 'телка'	*kalfr*	*cealf* (мн. *cealfru*)	*kalf*	*calb* (мн. *chalbir*, *kelbir*)
7. **lamƀ-a-n* **lamƀ-az* (n) **lamƀ-iz* (n) 'ягненок'	*lamb*	*lamb*	*lâmb*, *lâmbor* (мн. *lâmbru*)	*lamb*	*lamb*, *lembir* (мн. *lembir*)

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
8. **lep-an* **lepj-an* **lepj-ōn* [**lepas-a-z*] [**lepaz-a-z*] 'губа'	—	др.-шв. *læpi*	*lippa* *lippe*	ср.-голл. *lippe* *lepur*	*lefs* *leffur*
9. **lux-a-z* **luxs-a-z* 'рысь'	—	др.-шв. *lō*	*lox*	*lohs*	*luhs*
10. **sal-a-n* **sal-i-z* (m) [**salaz-a-n*] 'зал, помещение, жилище'	—	*salr*	*sæl* *sele* *salor*	*seli*	} *sal* (m, n)
11. **seg-u-z* (m) **seg-i-z* (m) [**seg-a-n*] [**segiz-a-n*] [**segiz-a-z*] 'победа'	*sigis*	*sig* (редко) *sigr* (род. ед. *sigrs*, а также *sigrar*)	*siʒe* *siʒor*	*sigi-* (в сложных словах)	*sigu* *sigi*
12. **skaþ-ō* **skaþ-an* [**skaþiz-a-n*] 'вред, ущерб'	*skaþis*	*skaði*	*sceaðu* 'вред' *sceaða* 'вредитель, враг, убийца'	*skatho* 'вред'; 'вредитель, враг'	*skado* 'вред'; 'вредитель, враг'
13. **þeng-a-n* **þenxs-a-n* 'время, срок'; 'народное собрание'	*þeihs* 'время'	*þing* '(народное) собрание'	*þinʒ* '(народное) собрание'; 'судебное дело'; 'дело, вещь'	*thing* '(народное) собрание'; 'судебное дело'; 'дело, вещь'	*ding* '(народное) собрание'; 'судебное дело'; 'дело, вещь'

Приложение. Слова с нестандартными фонетическими вариациями корня

38. Чередование простой и удвоенной согласной

1. *_xam-ō_ *_xamm-ō_ 'бедро, ляжка (у животных)'	—	_hǫm_	_hâmm_ 'бедро, ляжка'; 'окорок, ветчина'	ср.-н.-нем. _hame_ ср.-н.-нем. _hamme_	_hama_ _hamma_
2. *_rug-i-z_ (m) *_rugg-an_ 'рожь'	—	_rugr_	_ryȝe_	_roggo_	_rocko_
3. *_skam-ō_ *_skamm-ō_ 'стыд'	—	_skǫm_ (редко) _skǫmm_	_scâmu_	_skama_	_scama_
4. *_sper-u_ (n) *_sper-i_ (n) *_sper-a-n_ *_sperr-ō_ *_sparr-u-z_ (m) *_sparr-a-n_ 'копье'	—	_spiǫr_ (мн.) _spiǫrr_ _spǫrr_ _sparr_	_speru_ _spere_	_sper_	_sper_
5. *_spik-a-n_ *_spikk-a-n_ *_spikk-a-z_ 'сало'	—	_spik_ (мн.)	_spic_	_spek- (-kk-)_	_spec (-ck)_
6. *_stik-a-n_ *_stik-an_	—	_stik_ (мн.) 'сваи, колья, перегораживающие реку'			_stehho_
*_stik-ōn_ *_stikk-an_ *_stikk-ōn_ 'палка'		_stika_ 'палка' _stikka_ 'палка'	_sticca_, _stecca_ 'палка'; 'ложка'	_stekko_ 'палка, свая'	_stecko_

Продолжение

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др. сакс.	др.-в.-нем.
39. Прочие нестандартные фонетические вариации					
1. **ƀaum-a-z* **ƀagm-a-z* **ƀagn-a-z* 'дерево'	*bagms*	*baðmr*, *barmr* др.-шв. *bagn*	*bēam* 'дерево, палка'	*bōm*	*boum*
2. **ƀuþm-a-z* **ƀuđm-a-z* **ƀutm-a-z* 'низ, дно, пол'	—	*botn*	*bodan* *botm*	*bodam*	*bodam*
3. **la(x)st-u-z* (m) **la(x)str-a-n* **laxtr-a-n* 'проступок, вина'	—	*lǫstr* 'проступок, вина, порок'	*leahtor* 'проступок, грех, порок'	*lastar* 'проступок, вина'; 'болезнь'	*lastar* 'проступок, грех, позор, порок'
4. **mizđ-ōn* **mizđ-ō* **mē₂đ-ō* 'мзда, вознаграждение, плата'	*mizdō* 'награда'	—	*meord* *mēd*	*mēda*	*miata*, *mēta*
5. **mūj-a-n* **mugj-ō* 'комар'	—	*mý*	*mycʒ*	*muggia*	*mucca*
6. **steur-a-z* **þeur-a-z* 'бык'	*stiur*	*þjōrr*	*stēor*	ср.-н.-нем. *stēr*	*stior*

7. *uxn-a-z *ugn-a-z *ufn-a-z 'печь'	*auhns*	др.-шв. *oghn* *ofn*	*ofen*	—	*ofan*

Дополнения к первой части словаря

1.7-а *ƀeƀ(u)-r-a-z 'бобр'	—	*bíórr*	*beofor*	*biƀar*	*bibar*, *bibur*
1.24-а *fuxs-a-z 'самец лисы'	—	ср. *fox* 'обман'	*fox*	ср.-н.-нем. *vos*	*fuhs*
1.31-а *xalm-a-z 'стебель, соломинка'	—	*halmr* 'соломина, солома'	*healm*	*halm*	*halm*
1.33-а *xangist-a-z *xanxist-a-z 'жеребец'	—	*hestr* 'жеребец'; 'лошадь'	*henʒest*	ср.-н.-нем. *hengest*	*hengist*
4.4-а *ƀak-a-n 'задняя часть'	—	*bak*	*bæc*	*bak*	*bah*
4.41-а *kurn-a-n 'зерно'	*kaurn*	*korn*	*corn*	*korn*	*chorn*
4.46-а *luk-a-n 'отверстие, дыра, запор'	ср. *us-luk-* (n или m) 'отверстие'	*lok* 'запор, крышка'	*loc* 'запор, засов'; 'тюрьма'	*lok*	*loh* (мн. также *luhhir*) 'дыра'; 'пустота'; 'убежище'
4.47-а *maþl-a-n 'собрание, место собрания'	*maþl* 'место собраний, рынок'	*māl* 'судебное дело'	*mæðel* 'собрание, речь' и *mǣl* 'речь, спор'	*mahal* 'место суда'	*mahal* 'место суда, суд'
7.16-а *skanđ-ō 'стыд, позор'	*skanda*	—	*scand*	ср.-н.-нем. *schande*	*scanta*

общегерм.	гот.	др.-исл.	др.-англ.	др.-сакс.	др.-в.-нем.
7.17-а **uƀas(w)-ō* **uƀis(w)-ō* **uƀizw-ō* 'край крыши, выступ крыши'	*ubizwa* 'зал, портик'	*ups (ō-f)*	*yfes, efes*	—	*obasa* *obisa*
11.2-а **anst-i-z* (f) 'благосклонность, любовь, милость'	*ansts*	*āst*	*ēst*	*anst*	*anst*
11.9-а **xlust-i-z* (f) 'слух'	—	*hlust* 'ухо'	*hlyst*	*hlust* 'слух, ухо'	—
11.12-а **se(g)wn-i-z* (f) 'зрение'	*siuns* 'лицо, облик'	*siōn, sȳn* 'зрение, взгляд, глаза'	*sīen, sȳn* 'зрение'; 'лицо, вид'	*siun* 'зрение'; 'лицо'	—
13.23-а **nakw-an* 'лодка, челнок'	—	*nǫkkui* 'лодка, корабль'	*naca*	*nako*	*nahho*
14.5-а **fux-ōn* 'лисица (самка)'	*fauhō*	*fōa*	—	ср.-н.-нем. *vohe*	*foha*
14.5-а **gatw-ōn* 'проход'	*gatwō* 'улица'	*gata*	—	ср.-н.-нем. *gate*	*gaȥȥa* 'проход, улица'
14.15-а **þanx-ōn* 'глина'	*þāhō*	*þā*	*þō(he)*	ср.-н.-нем. *dā*	*dāha*

УКАЗАТЕЛЬ
(к обеим частям словаря)

Ниже приводятся в алфавитном порядке реконструируемые общегерманские именные основы (без основообразующего элемента, кроме основ на -*r*). Первая цифра числового индекса указывает на номер группы статей, вторая — на номер статьи внутри группы. Группы 1—18 входят в первую часть словаря*, группы 19—39 — во вторую. Буква *а* или *б* при номере статьи означает, что статья входит в дополнение к первой части, которое помещено в настоящей работе после группы 39.

* А. А. Зализняк. Указ. соч., стр. 129—157.

xrōt- 'крыша' 4.32
xrug(j)- 'спина' 31.7
xrung- 'бревно' 7.5
xruss- 'лошадь' 4.33
xuf- 'двор' 19.19
xug- 'мысль, ум' 29.17
xult- 'дерево, дрова' 4.34
xunag-, xunang-, xunig- 'мед' 4.35
xunđ- 'собака' 1.43
xungr-, xunxr- 'голод' 29.18
xunig- *см.* xunag-
xunsl- 'обряд, жертвоприношение' 4.36
xup- 'бедро' 21.3
xur- *см.* xurj-
xurđ-, xurþ- 'плетень, плетеная дверь' 11.10
xur(g)w-, xurxw- 'слизь, грязь' 19.20
xurj-, xur- 'огонь, костер' 31.8
xurn- 'рог' 4.37
xurþ- *см.* xurđ-
xus- 'штаны' 22.3
xuzđ- 'сокровище' 20.10
xūƀ- 'чепец, чехол' 24.4
xūđ- 'кожа' 11.11
xūs- 'дом' 4.38
xwaiti- 'пшеница' 19.21
xwal- 'кит' 26.17
xwarƀ- 'вращение' 19.22
xwelp- 'щенок' 1.44
xwer- 'котел' 1.45
xwīl- 'промежуток времени' 24.5
xwōst- 'кашель' 13.19

igil-, igul-, īgil-, īgul- 'еж, ерш' 1.46
ī(g)w-, īxw- 'тис' 25.6
īs- 'лед' 19.23
īsarn-, īzarn- 'железо' 4.39

jēr- 'год' 4.40
juk- 'ярмо, иго' 4.41

kalƀ- 'теленок' 37.6
kamƀ- 'гребень' 1.47
kar- 'забота, печаль' 7.6
karl-, kerl- 'взрослый мужчина' 1.48
kenn(i)- 'щека, подбородок' 30.25
kerl- *см.* karl-
keul- 'корабль' 1.49
klaw-, klēw-, klōw- 'коготь' 30.26
knew- 'колено' 6.2
kōw- 'корова' 30.27
kraft- 'сила' 29.19
kran- 'журавль' 23.4
krupp- 'отросток, тело' 1.50
kul- 'уголь' 25.7
kuning-, kunung- 'король' 1.51
kunj- 'род' 5.3
kunung- *см.* kuning-
kupp- 'чаша' 1.52
kurn- 'зерно' 4.41-a
kuss- 'поцелуй' 1.53
kust- 'выбор' 29.20
kwal-, kwēl- 'мучение' 7.7
kweđ(w)-, kwēđ(w)- 'смола, древесный клей' 33.2
kwen-, kwēn-, k(w)un- 'женщина, жена' 28.11
kwern-, k(w)urn- 'жернов' 29.21
kweþ- 'живот' 29.22
kwēđ(w)- *см.* kweđ(w)-
kwēn-, k(w)un- *см.* kwen-
k(w)urn- см. kwern-

laxs- 'лосось' 1.54
la(x)str-, laxtr- 'проступок' 39.3
laiƀ- 'остаток' 7.8
laiđ- 'путь, направление' 27.13
laik- 'игра, танец' 26.18
laist- 'подошва, след ступни' 26.19
lamƀ- 'ягненок' 36.7
lanđ- 'земля, суша', 4.42
lanđ(i)-, lanđīn- 'ляжка, бедро' 34.7
lauƀ- 'лист, листва' 19.24
laug- 'вода для мытья' 7.9
laug-, laugn-, laux-, lug- 'пламя' 34.8
lauk- 'лук-порей' 1.55
laun- 'награда' 19.25
legr- 'ложе' 19.26
lenđ(i)- 'липа' 32.19
lep-, lepas-, lepaz-, lepj- 'губа' 37.8
leþr- 'кожа (материал)' 4.43
leuđ-, leuþ- 'песня' 4.45
leuđ- 'народ, люд'; *мн.* 'люди' 27.14
leuxađ-, leuxt- 'свет' 4.44
leuþ- *см.* leuđ- 'песня'
liƀr- 'печень' 7.10
list- 'умение, хитрость' 21.4
liþ- 'член тела' 29.23
līƀ- 'жизнь' 19.27
līk- 'тело, труп' 26.20
līm- 'клей' 19.28
līn- 'лен, полотно' 19.29
līn(i)- 'веревка' 14.8
līþ- 'фруктовое вино' 29.24
lōg- 'логово' 20.11
luƀ- 'похвала' 4.46
luƀj- 'зелье, яд' 5.4
luft- 'воздух' 29.25
lug-, lugīn- 'ложь' 34.9
lug- 'пламя' *см.* laug-
lux-, luxs- 'рысь' 37.9
luk- 'отверстие' 4.46-a
lukk- 'прядь волос' 1.56
lung-, lunganj-, lungunj- 'легкое' 34.10
lust- 'удовольствие, желание' 29.26
lūs- 'вошь' 30.28

mag- 'мальчик, слуга' 12.3
mag- 'желудок' 13.20
magaþ- 'девушка, служанка' 30.29
maxt- 'мощь' 29.27
mai(g)w-, maixw- 'чайка' 26.21
main- 'обман' 19.30
maiþm- 'подарок' 20.12
mal- 'моль' 29.28
malm-, melm- 'песок, пыль' 23.5
malt- 'солод' 4.47
man- 'грива' 7.11
man(j)- 'ожерелье' 31.9
mann- 'человек' 18.2
mar- 'море' 28.12
marx- 'конь' 1.57
marxi- 'кобыла' 24.6
mark- 'знак' 20.13
mark- '(пограничный) лес' 30.30
mask(w)-, mēsk- 'петля' 33.3
mat- 'кушанье' 26.22
maþ- 'личинка' 13.21

skim-, skīm- 'свечение, мерцание' 13.26
skip- 'корабль' 4.59
skīd- 'полено' 4.60
skīm- *см.* skim-
skōx- 'башмак' 1.69
skriđ-, skriþ- 'шаг, бег' 10.3
skuft- 'волосы (на голове)' 4.61
skulđ- 'долг' 11.13
skulđr- 'плечо' 24.11
skuww- 'тень, силуэт' 13.27
skūr- 'ливень' 28.15
slag-, slax- 'удар' 26.30
smerw- 'жир' 6.5
smiþ- 'кузнец' 29.34
smiþj- 'кузница' 14.12
smukk- 'рубаха' 23.6
snagil-, snegil- 'улитка' 1.70
snai(g)w- 'снег' 26.31
snarx- 'веревка' 14.13
snegil- *см.* snagil-
snuz- 'сноха' 28.16
sōt- 'сажа' 4.62
sōwil-, sōwul- 'солнце' 27.19
spang- 'пряжка' 30.37
spann- 'пядь' 27.20
sparr- *см.* sper(r)-
sparw- 'воробей' 23.7
spell- 'рассказ' 4.63
sper(r)-, sparr- 'копье' 38.4
spēn-, spōn- 'щепка' 29.35
spik-, spikk- 'сало' 38.5
spōn- *см.* spēn-
sprut- 'побег (растения)' 13.28
spur- 'след' 4.64
spur- 'шпора' 13.29
stab- 'палка' 26.32
stabn- 'ствол' 26.33
stađ- 'место' 21.5
staxl(i)- 'сталь' 32.28
staig- *см.* stig-
stain- 'камень' 1.71
stall- 'положение' 1.72
stang- 'жердь' 30.28
stap(u)l- 'подпорка' 1.73
star- 'скворец' 23.8
staþ- 'берег' 25.12
staup- 'чаша' 19.47
stebn- 'голос' 24.12
stern-, sterr- 'звезда' 36.2
steur-, þeur- 'бык' 39.6

stig-, stīg-, staig- 'тропа, путь' 29.36
stij- 'стойло' 25.13
stik-, stikk- 'палка' 38.6
stīg- *см.* stig-
stōđ- 'стадо лошадей' 20.17
stōl- 'стул' 1.74
strand- 'морской берег' 30.39
straum- 'поток' 1.75
straw- 'солома' 6.6
strēl- 'стрела' 20.18
strik- 'черта, полоса' 28.17
stukk- 'ствол, палка' 1.76
stukki- 'кусок, штука' 5.8
stunđ- 'промежуток времени, час' 27.21
sturj- 'осетр' 22.4
sturk- 'аист' 1.77
sturm- 'буря' 1.78
suxt- 'болезнь' 11.14
sum(a)r- 'лето' 29.37
sun- 'сын' 12.6
sunj- 'истина' 8.4
sunn- 'солнце' 22.5
sūl- 'столб' 28.18
sū(w)- 'свинья' 30.40
swain- 'слуга, пастух' 1.79
swait- 'пот' 23.9
swalw- 'ласточка' 14.14
swebl-, swefl- 'сера' 1.80
swebn- 'сон' 19.48
swefl- *см.* swebl-
swegr-, swexr- 'свекровь' 24.13
swex(u)r- 'свекор' 23.10
swell(i)- 'порог' 30.41
swerđ- 'меч' 4.65
swest-er 'сестра' 17.5
swīn- 'свинья' 4.66
s(w)urg- 'забота' 28.19

tagl- 'коса, хвост' 19.49
tagr-, taxr- 'слеза' 26.34
taixw- 'палец ноги' 30.42
taikn- 'знамение' 26.35
taikur- 'дверь' 1.81
tain- 'ветка, прут' 1.82
tal- 'число, ряд, речь' 25.14
tang- 'клещи' 30.43
tanþ-, tunþ- 'зуб' 30.44
targ- 'кольцо, щит' 22.6

taubr-, taufr- 'красная краска'; 'магическая сила' 19.50
taum- 'узда' 1.83
telđ- 'палатка' 4.67
tembr- 'дерево (строительный материал)' 4.68
ters- 'penis' 1.84
tēl- 'опасность' 7.17
tin- 'олово' 4.69
tīđ- 'время' 26.36
tīm- 'время' 13.30
tīw- 'бог грома' 3.3
treg- 'огорчение' 22.7
trew- 'дерево' 6.7
treww- 'верность' 9.3
trug- 'корыто' 19.51
trūw- 'верность' 25.15
tunđ(i)r- 'трут' 25.16
tung- 'язык' 14.15
tungl- 'светило' 4.70
tunþ- *см.* tanþ-
tupp- 'коса (волос)' 1.85
turb- 'дерн, торф' 25.17
tūn- 'ограда' 26.37
twīfl- 'сомнение' 1.86

þak- 'кровля' 25.18
þanx- 'глина' 14.15-а
þank- 'мысль, благодарность' 26.38
þarb- 'потребность' 20.19
þarm- 'кишка' 1.87
þegn- 'свободный человек' 1.88
þe(g)w- 'слуга, раб' 23.11
þe(g)wj- 'служанка, рабыня' 24.14
þelj- 'дощатый настил' 14.16
þeng-, þenxs- 'время, срок'; 'народное собрание' 37.13
þenxs(i)l- 'дышло' 7.18
þeub- 'вор' 1.89
þeuđ- 'племя, народ' 28.20
þeux- 'верхняя часть бедра' 4.71
þeur- *см.* steur-
þī(x)stil- 'чертополох' 20.20
þraut- 'трудность, тягота' 26.39
þraw- 'мучение' 9.4
þrēđ- 'нить' 30.45

þuft- 'скамья в лодке' 24.12
þum-, þūm- 'большой палец' 13.31
þunr- 'гром' 1.90
þurft- 'нужда' 11.15
þur(i)s- 'великан' 1.91
þurn- 'шип' 29.38
þurp- 'поле, хутор' 19.52
þurs- *см.* þur(i)s-
þurst- 'жажда' 28.21
þūm- *см.* þum-
þwaxl- 'мытье' 19.53

uƀasw-, uƀisw-, uƀizw- 'край крыши' 7.17-а
ufn-, ugn-, uxn- 'печь' 39.7
uxs-, uxsn- 'бык' 34.12
unxt(w)- 'раннее утро' 33.5
unþ(i)- 'волна' 31.12
utr- 'выдра' 1.92
uwwal-, uwwil- 'сова' 14.17
uzđ- 'острие' 19.54
ūđar-, ūđir-, euđur- 'вымя' 25.19

waƀj-, waƀ- 'ткань' 31.13
wađ- 'брод' 4.72
wađj- 'залог, спор об заклад' 5.9
wagj-, wag- 'клин' 31.14
wagn- 'повозка' 1.93
waxs- 'воск' 4.73
waiþ(i)- 'охота, лов' 32.29
waiw- 'горе, боль' 25.20
wak- 'бодрствование, стража' 24.16
wal- 'бревно' 12.7
wal- 'трупы на поле битвы' 26.40
walþ- 'невозделанная земля' 29.39
walx- 'чужеземец (кельт, римлянин)' 26.41
wamƀ- 'живот' 7.19
wang- 'луг' 1.94
wang- 'щека' 22.8
warđ- 'сторож' 29.40
warg- 'преступник' 1.95
warp- 'бросок' 4.74
wart- 'бородавка, сосок груди' 24.17
wat-, watn-, watr- 'вода' 36.3
weƀil- 'жук' 1.96
weđr- 'погода' 4.75
weg- 'путь' 29.41
wext- 'вещь' 30.46
welj- 'воля' 13.32
wen- 'друг' 10.4
wenđ- 'ветер' 26.42
wenj- 'пастбище' 8.5
wentr- 'зима' 30.47
werđ- 'хозяин' 29.42
werk- 'работа, дело' 4.76
werþ- 'ценность, цена' 19.55
west- 'существование' 11.16
weþr- 'баран' 29.43
wēđ(i)- 'одежда' 32.30
wēg- 'волна' 26.43
wēg- 'весы' 30.48
wēn- 'надежда' 26.44
wēpn- 'оружие' 4.77
wēr- 'истина, верность' 7.20
wiđ- 'лес, дерево, дрова' 12.8
wiđuw- 'вдова' 14.18
wik- 'неделя' 14.19
wir- 'человек' 1.97
wīƀ- 'женщина' 4.78
wīn- 'вино' 4.79
wīs- 'способ' 24.18
wīþi- 'ива' 20.21
wlit- 'облик' 29.44
wōkr- 'прибыль' 20.22
wōp- 'вопль' 19.56
wrist- 'запястье, подъем ноги' 30.49
writ- 'черта, письменный знак' 26.45
wulf- 'волк' 1.98
wull- 'шерсть' 7.21
wunđ- 'рана' 28.22
wunđr- 'чудо' 4.80
wunsk- 'желание' 20.23
wurđ- 'слово' 4.81
wurđ- 'судьба' 11.17
wurm- 'червь, змея' 26.46
wurt- 'растение, корень' 11.18

М. М. Маковский

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОГРАФИЯ АНГЛСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПРЕДЕЛАХ ГЕРМАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

(лексико-этимологическое и ареально-лингвистическое исследование)

I. О МЕТОДАХ АНАЛИЗА*

Проблема определения диалектной принадлежности лексических элементов древних памятников в плане лингво-географии представляет огромные трудности. И не случайно неоднократные и весьма серьезные попытки ученых выработать строгую методику подобных исследований и практически применить ее к анализу конкретного материала[1] фактически оканчивались неудачей (подробнее см. ниже). Такое положение вполне объяснимо, если

* Предлагаемая работа «О методах анализа» представляет собой теоретическую главу подготавливаемой автором монографии на указанную выше тему. Приводимые в данной главе методические принципы анализа диалектной лексики и установления изоглосс возникли у автора в результате проводившегося в течение ряда лет анализа обширного языкового материала. Часть этого фактического материала, исследованная и систематизированная в соответствии с изложенной методикой, приводится в работе: М. М. Маковский. Вариантность лексем в древнеанглийских глоссах как признак диалектной принадлежности словаря. — Сб. «Этимология». М., Изд-во АН СССР, 1963.

[1] См.: R. Jordan. Eigentümlichkeiten des anglischen Wortschatzes. Berlin, 1906; G. Scherer. Zur Geographie und Chronologie des angelsächsischen Wortschatzes. Berlin, 1928; P. Meissner. Studien zum Wortschatz Aelfrics. — «Archiv für das Studium der neueren Sprachen» CLXV, 1934, стр. 11; CLXVI, стр. 30—39, 205—215; H. Rauh. Der Wortschatz der altenglischen Uebersetzungen des Matthaeus-Evangeliums untersucht auf seine dialektische und zeitliche Gebundenheit. Berlin, 1936; R. J. Menner. Anglian and Saxon elements in Wulfstans vocabulary. — MLN 63, 1948; его же. The Anglian vocabulary of the Blickling homilies. — Сб. «Philologica. The Kemp Malone anniversary studies». Baltimore, 1949; J. Campbell. The dialect vocabulary of the Old English Bede. — JEGPh, 50, 1951; C. Clark. Studies in the vocabulary of the Petersborough chronicle. — Сб. «English and Germanic studies» V, 1953; общий обзор литературы вопроса см.: O. Funke. Altenglische Wortgeographie. — Сб. «Anglistische Studien». Wien—Stuttgart, 1958.

принять во внимание саму специфику и сущность исследуемого объекта: имеются неодинаковые возможности определения диалектной принадлежности древнеанглийских слов, во-первых, в зависимости от дошедшего до нас языкового материала (в синхронном и диахронном планах) и, во-вторых, в зависимости от характера распределения этого материала в различных (по времени, жанру, самобытности и т. д.) памятниках языка [2]. В связи с этим вряд ли было бы серьезным думать о каких-то единых и универсальных «рецептах» выявления диалектной принадлежности древнего словаря. Гораздо реальнее, как нам кажется, представить себе возможность исследования с помощью целого комплекса, целого «аппарата» вводимых в определенной последовательности приемов, которые (как мы увидим ниже), характеризуя данные слова с разных сторон, в своей совокупности могут в известной мере приблизить нас к пониманию территориальных истоков и специфики изучаемых лексем.

При разработке методики анализа, предлагаемой ниже, мы имели в виду следующие задачи исследования: 1) рассмотрение соотносительных связей лексики различных древнеанглийских диалектов на территории Британии; выяснение специфических черт лексики древнеанглийских диалектов и ее соотнесение с родственными лексическими явлениями в пределах германской языковой области; 2) ареальная локализация древнеанглийских памятников.

Используется в основном материал так называемой «северной» группы древнеанглийских памятников [The Lindisfarne Gospels, The Rushworth Gospels (R_1 и R_2); Bede's Ecclesiastical history of the English people, The Vespasian psalter and hymns, Ritual Dunelmensis и др.] с привлечением для сравнения большинства прочих древнеанглийских и среднеанглийских (прозаических и поэтических) памятников и глосс при учете материала современных английских диалектов, а также родственных (древних и новых) германских языков и их территориальных диалектов. При этом рассматриваются только слова, которые по своей семантике и стилистической окраске являются обиходно-бытовыми и широко представлены в прозаической литературе (в том числе и в непереводной). Вследствие этого в отношении указанных слов вряд ли можно предположить узкопоэтическое употребление или влияние латинских моделей.

* * *

Необходимо прежде всего учитывать следующее обстоятельство. Изучая лексические особенности древних памятников письменности (текстов), в том числе и таких, место происхожде-

---

[2] Ср.: М. М. Маковский. Проблема географии слов в древнеанглийских диалектах. — ВЯ 1962, № 2.

ния которых более или менее известно, мы никак не можем судить о диалектной дистрибуции тех или иных слов в древнем языке (в особенности при рассмотрении отдельных памятников в отрыве от остальных), ибо в этом случае мы занимаемся по сути дела филологическим исследованием данного текста (или нескольких текстов), но не лингвистическим его анализом[3]. Из данных текстологии (они нередко с большой пользой применяются лингвистикой как вспомогательное средство) обычно ничего нельзя заключить о лингвистическом статусе тех или иных элементов текста. Более того, текстологические реалии часто не подтверждаются лингвистическими данными или даже стоят в явном противоречии с ними, а лингвистические факты со своей стороны могут не совпадать с данными текстологии.

Сам факт встречаемости (или отсутствия) какого-либо отдельного слова в определенной части дошедших до нас древних текстов, конечно, ничего не говорит о его диалектной принадлежности (это особенно относится к словам, встречаемым в качестве ἅπαξ λεγόμενα или только в одном памятнике). В лучшем случае такой факт в той или иной мере характеризует текстовые особенности дошедшего до нас варианта данной рукописи, но никак не специфику языка и тем более территориального диалекта, на котором написана эта рукопись. Следует иметь в виду, что памятники, происхождение которых на определенной территории несомненно, в силу целого ряда изменчивых социально-политических условий в различных частях древней Британии[4] нередко писались (полностью или частично) на диалекте, присущем другому ареалу. В силу тех же обстоятельств и сама ареальная локализация древних рукописей (ее обычно основывают исключительно на фонетических данных) не является бесспорной, ибо под фонетической оболочкой, которая, по-видимому, была характерна для одной территории, в рукописях нередко скрываются слова, типичные для другой территории; ряд вокабул, узкотерриториальное употребление которых вполне оправдывается имеющимися лингвистическими данными,

[3] Попытка дифференцированного рассмотрения текстологии и лингвистики была сделана в работе Дж. Брука. К сожалению, Дж. Брук уделяет основное внимание текстовым эмендациям при издании древних текстов, не останавливаясь специально на соотношении этих аспектов непосредственно при исследовании (G. L. Brook. The relation between the textual and the linguistic study of Old English. — Сб. «The Anglo-Saxons». London, 1959).

[4] Речь идет о постоянных междоусобных войнах властителей различных частей древней Британии, о чем, в частности, сообщает и Беда. Результатом таких войн явилось смешение различных племен и изменение территории, занимаемой ими. Подробнее об этом см.: R. H. Hodgkin. A history of the Anglo-Saxons, I—II. Oxford, 1939; F. M. Stenton. Anglo-Saxon England. Oxford, 1947; P. H. Blair. An introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956.

нередко используются в памятниках (т. е. на уровне текста), историческое происхождение которых указывает на их принадлежность к иному ареалу.

Палеографические особенности древних памятников также не могут явиться надежным критерием при определении их территориальной принадлежности, ибо нередко, скажем, нортумбрийский полуунциал или мерсийский инсуляр используются для написания уэссекских или кентских текстов (особенно текстов, неоднократно переписывавшихся различными писцами), и наоборот, шрифты, характерные для уэссекской школы письма, могли служить средством передачи нортумбрийских и мерсийских текстов[5]. Следует отметить, что орфографическое оформление одних и тех же слов в различных рукописях, не являясь прямым доказательством территориальной принадлежности соответствующих текстов, в ряде случаев может использоваться как дополнительный критерий при установлении ареальных особенностей словаря изучаемых памятников[6].

Несмотря на все сказанное, нельзя отрицать определенную связь или даже преемственность и взаимообусловленность между текстологическим и лингвистическим планами анализа. Прежде всего любое засвидетельствованное в памятнике слово (факт текстологический) в то же время является ценнейшим лингвистическим доказательством его существования в языке рассматриваемого периода (т. е. фактом, выходящим за пределы чисто текстологического уровня). Только из материала, засвидетельствованного в текстах, мы и должны исходить во всех своих построениях.

Комплекс филологических (текстологических) проблем, решение которых является необходимым при всяком лингво-географическом анализе в области древней лексики и как правило должно предшествовать последнему, сводится к следующему:

1) история возникновения и дальнейшей переписки изучаемой рукописи, эмендации ее текста, степень и характер проникновения в нее новых слов (в том числе за счет глосс, маргиналий, интерполяций и т. д.);

2) влияние на словоупотребление в рукописях различных факторов литературно-жанрового (необходимо учитывать индивидуальное словоупотребление различных писцов, их идиолект),

---

[5] Ср.: W. Keller. Angelsächsische Palaeographie («Palaestra» XLIII). Berlin, 1906.

[6] Ср.: C. L. Wrenn. The value of spelling as evidence. — TPhS, Oxford, 1943; A. McIntosh. The analysis of written Middle English. — TPhS, Oxford, 1956; K. D. Bülbring. Was lässt sich aus dem Gebrauch der Buchstaben *k* und *c* im Matthäus-Evangelium des Rushworth-Manuskript folgern. — «Anglia. Beiblatt» IX, 1899; X, 1900; W. H. Hulme. The Old English gospel of Nicodemus: the use of *þ* and *ð* in MS A. — PMLA 13, 1898.

социально-политического (в частности, возможность написания рукописи или части ее на диалекте победившего племени) и сакрального характера (рекуррентность)[7]. Под рекуррентностью мы понимаем типичное для переводных текстов религиозного содержания строго обязательное соответствие того или иного (особенно однозначного) слова оригинала (в нашем случае — латинского) определенному слову перевода и, наоборот, строго определенное соответствие того или иного слова перевода в оригинале во всех или по крайней мере в большинстве случаев, в которых встречается это слово в памятнике. Рекуррентность может проявляться как в пределах одного памятника, так и в различных памятниках или различных рукописях одного памятника, в которых, в частности, могут обнаружиться различные рекуррентные соответствия (т. е. данное слово латинского оригинала в различных памятниках может рекуррентно соотноситься с разными древнеанглийскими, а данное древнеанглийское слово — с разными латинскими). Отметим, что выводы о рекуррентных соответствиях возможны только в отношении слов, широко представленных в памятниках (о рекуррентности слов, встречаемых в единичных случаях, можно заключить лишь на основе дополнительной проверки путем сопоставления с материалом других памятников и с материалом современных диалектов);

3) взаимное влияние различных древнеанглийских рукописей и влияние латинской литературной традиции[8];

4) контаминация текста при одновременном использовании различных изводов оригинала, что оказывало решающее влияние на словоупотребление перевода (один из таких латинских изводов мог быть уже раньше снабжен глоссами, которые нередко попадали в новый перевод)[9]. Ср., например, следующие стихи рашвортского евангелия, текст которых обусловлен контаминацией слов из различных ирландских изводов оригинала и вульгаты: Mt IX, 19: (Vulg.): *mittunt... mittunt*; (Irish): *mittunt... ponunt*; (Rushw.): *geotaþ... geotaþ* (вариант *gedoaþ*); Mt XIV, 11: (Vulg.): *et tulit matri suae*; (Irish): *et puella dedit matri suae*;

[7] О понятии рекуррентности см., например: R. J. Kellog. Gothic renderings of Greek recurrents with especial reference to Mt V, 23. — «Modern philology» XIII, 1915, стр. 35—38; G. W. S. Friedrichsen. The Gothic version of the gospels. Oxford, 1926, стр. 23 и сл.; H. von Soden. Das lateinische Neue Testament in Afrika. Leipzig, 1909, стр. 218.

[8] В этой связи особенно интересны следующие работы: E. B. Irving, Latin prose sources for Old English verse. — JEGPh LVI, 4, 1957; J. D. A. Ogilvy. Books known to Anglo-Latin writers from Andhelm to Alcuin. Cambridge (Mass.), 1936.

[9] Как известно, английские переводчики и глоссаторы библии пользовались различными вариантами латинского текста (codices plurimi), корые, по сведениям Беды («Historia Ecclesiastica» I, 29), папа Григорий прислал св. Августину.

(Rushw.): *ond þæt mægden ber* (вариант *salde*) *moder hire*; Mt XXVI, 19: (Vulg.): *constituit illis*; (Irish.): *praecepit illis*; (Rushw.): *bebead* (вариант *gesette*).

Решение всех указанных проблем до проведения непосредственно лингвистического анализа дает возможность исключить тот лексический материал, наличие которого в памятниках обусловлено чисто текстологическими причинами и учет которого, следовательно, неправильно ориентировал бы нас при лингвистическом исследовании, а также значительно усложнил бы его.

* * *

После текстологической обработки исследуемых текстов необходимо приступить ко второму (промежуточному) этапу их анализа.

При одновременном анализе лексики нескольких синхронно соотнесенных древних памятников можно наблюдать следующее явление: то или иное понятие (или ряд понятий) обозначается в них определенными специфическими только для данной группы памятников лексемами (или рядом синонимичных лексем), в отличие от других групп памятников, где те же понятия как правило выражаются иными, существующими параллельно с первыми, но материально не совпадающими с ними вокабулами или предметно-смысловыми рядами лексем [10].

Слова, входящие в тот или иной ряд и выражающие определенное узкое понятие, мы будем называть микрорядами; особенно интересны и показательны в этом отношении лексико-семантические ряды, все компоненты которых соответствуют одному и тому же слову в латинском (в случае переводных памятников); совокупность же микрорядов, обозначающих несколько смежных понятий, в данной работе будет называться макрорядом.

Так, все слова, обозначающие, скажем, корзину или выражающие узкое понятие «ходить», образуют микроряды; в соответствующие же макроряды будут включаться слова (как образующие микроряды, так и стоящие вне их), обозначающие: 1) различные (по форме, материалу, способу употребления и т. д.) приспособления для содержания жидких, сыпучих и твердых тел; 2) различные (по скорости, манере и т. д.) способы передвижения.

Все лексические элементы, специфичные для данной группы памятников (т. е. как отдельные вокабулы и микроряды, так и

---

[10] Проблема синонимии в древнеанглийских памятниках, к сожалению, разработана слабо. Ср.: K. Schemann. Die Synonyma im Beowulfsliede. Münster, 1882; Sh. Kuhn. Synonyms in Old English Bede. — JEGPh XLVI, 1947.

макроряды этой группы памятников), мы будем условно называть изолированной (замкнутой) лексической системой в том смысле, что эта система по составу входящих в нее словарных элементов не совпадает с другими системами, выделенными на лексическом материале иных памятников. Именно в этом смысле мы будем чисто условно различать односистемные (изолированные) лексемы и ряды и разносистемные ряды и лексемы (к этим последним относятся, в частности, вокабулы, употребляемые с различным семантическим наполнением в разных группах памятников). Понятно, что при исследовании данной группы памятников вовсе не обязательно, чтобы слова, вошедшие в макроряд, входили в тот или иной микроряд изучаемой лексической системы: отдельные слова, общие и специфичные для той или иной группы памятников, но не вошедшие ни в микро-, ни в макроряды, тем не менее являются неотъемлемой частью данной изолированной лексической системы. Выделение отдельных слов и микрорядов, входящих в изолированную лексическую систему, мы будем считать оправданным, если они будут обнаружены как специфическое выражение тех или иных понятий не менее чем в трех памятниках, как переводных, так и самобытных (по возможности разного жанра). В отдельных случаях, однако, учитывая правило 1, при наличии достаточного языкового материала, более позднего по времени, чем рассматриваемые вокабулы или лексические ряды, можно ограничиться меньшим числом памятников.

Вообще компоненты изолированной лексической системы (отдельные вокабулы, микроряды, макроряды) должны отвечать одному или нескольким из следующих условий:

а) звенья системы являются гомогенными по своей с т р у к т у р е [суффиксация, морфемный состав слова: особое грамматическое (категориальное) оформление слов (род, число, артикли и т. д.), в том числе особое использование слов в определенной части речи, особое фонетическое употребление слов (например, при метатезе)];

б) в систему включаются слова, которые по своей ч а с т о т н о с т и в данной группе памятников являются наиболее предпочтительными лексемами для обозначения данного понятия (при этом учитывается факт невозможности существования абсолютных синонимов в пределах одного и того же диалекта). Таким образом, в одну систему могут включаться слова, встречающиеся в одном памятнике, скажем, 20 раз, а в других — два раза или вообще употребляемые в качестве ἅπαξ λεγόμενα (памятники со смешанной лексикой не принимаются во внимание). Вполне понятно, что ни объем изучаемых текстов, ни разнообразие встречающихся в них вокабул ни в какой мере не могут влиять на количество компонентов лексической системы (в частности, на количество элементов ряда), и тем более на возмож-

ность выделения последних: наличие их обусловливается исключительно соотносительностью лексики отдельных памятников. Слова с высокой степенью рекуррентности (при отсутствии дополнительных данных, опровергающих последнюю), а также слова, употребление которых в памятниках обусловлено другими, чисто текстологическими, причинами, в ряд не включаются. Протяженность лексической системы может увеличиваться в том случае, если все ее компоненты или большая часть их обнаруживаются в нескольких памятниках, не вошедших в какие-либо изолированные системы, но содержащих, кроме указанных слов, синонимичные им лексемы [в частности, входящие в систему отдельные вокабулы при сопоставлении с другими памятниками, стоящими вне данной системы, или с глоссами (особенно при наличии общей леммы в латинском) могут расширяться до микрорядов];

в) компоненты изолированной лексической системы обычно генетически близки соответствующим реалиям в определенном ареале (или микроареале) германской языковой области (это становится особенно очевидным на материале топонимики). Необходимо в связи с этим строго учитывать состав и закономерности развития параллельных лексико-семантических систем в изучаемых группах памятников и в памятниках родственных древнегерманских языков (выпадение звеньев, семантические сдвиги отдельных компонентов системы, появление новых звеньев, взаимодействие различных компонентов в пределах системы или у́же — ряда или нескольких микрорядов).

Вполне понятно, что основными принципами анализа должны быть максимальная полнота охвата как привлекаемых памятников, так и содержащегося в них лексического материала.

Некоторые общие правила

1. Если распространение какого-либо слова или микроряда ограничивается изолированной лексической системой, представленной меньшим количеством памятников, вероятность специфичности их для этой системы больше, чем в отношении слов и рядов, представленных в системах с бо́льшим количеством памятников и вокабул.

2. Чем больше жанровая гетерогенность памятников, тем больше вероятность изолированности входящих в них лексических рядов.

3. Чем больше количество синонимов, представленных в данной группе памятников (т. е., чем больше число компонентов микрорядов), тем меньше вероятность того, что все они присущи этой группе памятников.

4. Чем ближе лексико-семантические системы в различных памятниках, тем ближе памятники.

5. Если во всех или в большинстве памятников, лексика которых входит как в одну, так и в несколько изолированных лексических систем, обнаруживаются одни и те же (инвариантные) лексические элементы, употребляющиеся в этих памятниках наряду с синонимичными, присущими только отдельным (чаще одной из двух) лексическим системам обозначениями того же понятия, то такие лексемы можно признать **общими** для всех указанных систем[11]. Ограниченность распространения (специфичность для данной группы памятников) слов, соотносимых с общим инвариантом (лексической «доминантой»), больше, чем ограниченность распространения слов, несоотносимых с таким инвариантом. Вполне понятно, что если одна и та же лексема в различных группах памятников или в различных памятниках одной группы имеет различное семантическое наполнение, то она должна входить соответственно в различные лексические системы или выступать в роли омонима в пределах одной системы.

6. Наличие лексических систем, установленное путем сплошного сличения словаря исследуемых памятников, подтверждается на основании следующей внутритекстовой оппозиции. При сопоставлении двух или более различных переводов (или рукописей) одного и того же текста, относящихся по времени своего возникновения к одной и той же эпохе, нередко может обнаружиться, что в аналогичных отрезках текста (абзацах, стихах и т. д.) употребляются лексемы, относящиеся к различным изолированным лексическим системам. В случаях, когда при подобном сопоставлении обнаруживаются вокабулы одной системы (в том числе идентичные лексемы), необходимо учитывать: а) встречаются ли данные слова одной рукописи точно в том же стихе, абзаце и т. д., что и в другой рукописи (в этом случае можно предполагать, что данное слово попало во вторую рукопись при переписке или обусловлено рекуррентностью), и б) обнаруживаются ли указанные слова в других частях этой рукописи (в этом случае важно учитывать, входит ли изучаемое слово в изолированную систему в пределах той группы памятников, к которым принадлежит вторая рукопись).

7. При построении изолированных лексических систем временная стратиграфия привлекаемых для сравнения памятников может не приниматься во внимание, ибо сам факт установления лексической соотносительности между памятниками обусловливает, естественно, определенную хронологическую преемственность их лексики, что в большей степени исключает возможность включения в ряд архаизмов.

---

[11] Ср.: C. L. Wrenn. «Standard» Old English. — TPhS, Oxford, 1933; B. von Lindheim. Traces of colloquial speech in Old English. — «Anglia» LXX, 1, 1951.

8. Если какое-либо слово, не входящее ни в одну систему, в вариантной глоссе соотносится со словом (или словами), входящими только в определенную систему, то оно включается в эту систему. Вариантность лексем в глоссах особенно показательна в тех случаях, когда одна или обе из уравниваемых единиц (в соответствии со значением латинской леммы) в данном изолированном ряду не совпадают по своему значению с теми же лексемами в других изолированных лексических рядах. Принадлежность вариантных глосс к данной системе хорошо проверяется в том случае, если в другом памятнике уравниваемые в глоссах лексемы встречаются в одной фразе.

9. Слова, не вошедшие ни в одну систему, но входящие в лексически соотносимые памятники, сами образуют особую систему.

10. Слова, манифестируемые только в глоссах или топонимах, при наличии достаточного материала образуют самостоятельную систему [12].

11. Отсутствие того или иного слова (слов) в одном или нескольких памятниках данной группы не является системным признаком и его не следует учитывать при построении и оценке систем, ибо этот признак носит чисто случайный характер; с другой стороны, отсутствие тех или иных лексических элементов в параллельно существующих соотносительных изолированных лексических системах является признаком, различающим непосредственно самые эти системы как качественно (ср., например, соотносительность с точки зрения абсолютной синонимии), так и количественно (в частности, наличие определенного компонента какой-либо изолированной лексической системы может подчеркиваться отсутствием соответствующего звена в другой изолированной системе) [13].

В отличие от прослеживания отдельных лексем в разрозненных памятниках языка, которое было единственным приемом, применявшимся в появившихся до сих пор работах по разбираемому вопросу (см. прим. 1), метод установления изолированных лексико-семантических систем обладает, как нам кажется, бесспорными преимуществами, ибо дает определенную опору для выделения специфических, отличных друг от друга групп лексем в древних рукописях. Дело в том, что при использовании первого из этих приемов мы, анализируя проявление тех или иных отдельных лексем в древнеанглийских памятниках (следует учитывать, что ни один из таких памятников абсолютно не свободен от диалектного смешения), не можем получить цель-

---

[12] В настоящей работе широко будут использованы древнеанглийские глоссы, рассеянные по различным источникам, а также древние и новые топонимы (особенно по «Charters» и «Anglo-Saxon writs»).

[13] Ср.: J. Cantineau. Le classement logique des oppositions, — «Word» IX, 1, 1955.

ного представления о специфичности их словаря. Данное отдельное слово может встречаться в ряде памятников, но это вовсе не значит, что именно оно типично для языка рассматриваемых памятников или какого-то одного из них, тем более что наряду с этим словом в указанных памятниках могли употребляться другие слова с тем же значением. Таким образом, сам факт встречаемости слова в определенном памятнике или памятниках еще не означает, что оно служило специфическим выражением данного понятия в этих памятниках. При использовании предлагаемого метода в большой мере исключается попадание в систему слов, случайных для данной группы памятников, слов, специфичных для идиолекта того или иного писца (слова как правило берутся из памятников разных жанров, а нередко и из хронологически различных памятников), а также включение в ряд разносистемной лексики.

* * *

Выделенные в древних текстах лексические системы сами по себе, естественно, еще не отражают и не могут отражать ареальную стратиграфию словаря. Они являются лишь предварительной предпосылкой, своеобразным макетом для дальнейшего диалектологического исследования.

Третьим и последним этапом анализа является проверка системности выделенных ранее узких («изолированных») лексических групп (отдельных вокабул, микро- и макрорядов) на базе чисто лингвистических данных (в синхронном и диахронном планах). Показательными мы будем считать такие лексические элементы, ряды или части ряда, которые на лингвистическом уровне выступают как ареально ограниченные, т. е. обнаруживаются в основном в строго ограниченных (одних и тех же) ареалах Британских островов и/или германской языковой области. При этом указанные лексические элементы, на каком бы временно́м срезе развития языка они ни встречались, должны манифестироваться обязательно только в пределах той же узкой лексической системы, в которую они входили при выделении первичных лексических групп в древних памятниках (конечно, эта система с течением времени может несколько видоизмениться, к ней могут прибавиться или из нее могут выйти определенные звенья, что, однако, вряд ли отражается на составе основного «костяка» лексической системы).

В этом плане, учитывая крайнюю консервативность лексического состава территориальных диалектов вообще и английских в частности[14], можно полагать, что чем дальше на вре-

---

[14] Ср.: K. Schaedel. Das altenglische Element in den neuenglischen Dialekten. Frankfurt-am-Main, 1911; R. Kaiser. Zur Geographie des mit-

менной оси обнаруживаются те или иные изолированные лексические системы (или части их), тем явственнее выступает правильность выделения соответствующих лексических групп в памятниках. Разумеется, окончательные выводы следует делать только на основе обобщения данных, полученных при сопоставлении большинства сходных случаев. При этом, разбирая то или иное слово, важно по возможности давать полную сводку имеющегося языкового материала, отражающего весь ареал его распространения и относительную хронологию как в пределах английской, так и германской и индоевропейской языковых областей (здесь мы сталкиваемся с необходимостью установления определенных этимологических связей). При построении изоглосс в пределах германской языковой области (например, др.-английской—готской, др.-английской — алеманской, др.-английской—скандинавской, др.-английской—нижненемецкой и т. д.) следует особо выделять доминирующие (наиболее частые) изоглоссы как характеризующие генетическую сущность изучаемой древнеанглийской диалектной лексики. Мы исходим из предпосылки, что сохранение всех или большинства компонентов изолированной лексической системы на различных временны́х срезах является свидетельством принадлежности элементов этой лексической системы к одному и тому же диалекту на всех исследуемых временны́х уровнях: полностью считаясь с тем фактом, что с течением времени часть лексики одного диалекта может, как уже говорилось, выйти из употребления или перейти в другой диалект, мы считаем, что переход целой лексической системы из одного диалекта в другой вряд ли возможен[15].

Звенья отдельных систем, выпавшие в процессе эволюции языка и замененные новыми, могут восстанавливаться, если они прослеживаются в пределах определенного ареала германской языковой области, с которым соотносятся соответствующие системы. Если какой-то элемент (элементы) системы манифестируется в большинстве германских языков (древних и/или новых), но одновременно представлен в современных английских диалектах, то это никак не нарушает диалектный характер данного элемента или системы, в которую он входит, ибо «общегерманскому» характеру рассматриваемого элемента (элементов) противостоит в данном случае системная ограниченность (или,

telenglischen Wortschatzes. Leipzig, 1937; L. Berthold. Altdeutsches Wortgut in der heutigen Mundart. — Сб. «Erbe der Vergangenheit. Festgabe K. Helm». Tübingen, 1951. — Старые лексические элементы особенно консервируются в диалектах, находящихся в иноязычном окружении или на границе страны (ср., например, алеманские диалекты немецкого языка или северные диалекты английского языка).

[15] Ср.: F. Kauffmann. Zur Frage nach der Altersbestimmung der Dialektgrenzen. — ZfdPh XXXIX, 1907.

на лингвистическом уровне, ареальная ограниченность) данного лексического элемента (особенно, если он системно ограничен в среднеанглийских памятниках). Вообще выяснение вопроса о том, не является ли изучаемое слово заимствованием из другого германского языка, в ряде случаев может существенно повлиять на построение тех или иных изоглосс древнеанглийского слова в германском ареале.

Принимая во внимание консервативность диалектов, в ряде случаев весьма полезным может оказаться анализ, проводимый как бы «в обратном направлении» по отношению к описанному выше. При таком анализе мы, исходя из материала более близких к нашему времени хронологических срезов языка (например, из материала современных или среднеанглийских диалектов), стараемся восполнить недостающие звенья той или иной изолированной лексической системы, выделенной в древних памятниках (отсутствие тех или иных элементов в системе нередко выясняется при диахроническом сопоставлении одной или нескольких систем между собой; иногда о том, что те или иные лексемы, неизвестные нам из древнеанглийских текстов, в действительности существовали в древнеанглийском языке, говорит наличие их в том или ином ареале германской языковой области, соотносимом с соответствующей древнеанглийской изолированной лексической системой). «Обратный» анализ, проводимый по принципу «от нового состояния к древнему», выявляя лексические элементы, не засвидетельствованные в древнеанглийских литературных памятниках, дает возможность в ряде случаев восстановить (при учете соответствующих звуковых переходов) древнеанглийскую «разговорную» лексику, не нашедшую отражения в письменности (ср. по этому вопросу замечания М. Фёрстера в сб. «Anglica. A. Brandl celebration volume», 1925, стр. 59), а также определить диалектную принадлежность глосс и других слов, не вошедших в системы. Вполне понятно, что при указанном анализе должна исследоваться лексика современных (или средних) английских диалектов, территориально соотносимых с лексикой соответствующих им систем (диалектная принадлежность последних предварительно выясняется анализом, ведущимся от древнего состояния к новому).

В диахроническом плане и в территориальном отношении могут существовать различные степени преемственности изолированной лексической системы и ее компонентов, что, естественно, отражается на возможностях исследования отдельных слов и рядов и требует различного подхода при анализе каждого из них. Наряду со случаями, когда дальнейший анализ становится полностью или почти невозможным, мы можем прежде всего наблюдать, что та или иная изолированная система нередко сохраняет входящие в нее лексические элементы на различных временны́х срезах развития языка вплоть до уровня современных диалектов; это

часто подкрепляется лексической соотнесенностью изучаемой системы в пределах определенного узкого ареала германской языковой области.

Отметим, что изоглоссы вообще никак нельзя сводить к застывшей, раз навсегда данной абстрактной схеме. Следует учитывать, что диалектные изоглоссы нередко представляют собой разновременные отложения языковых процессов. Отдельные изоглоссы могут быть обусловлены не только чисто генетическими связями между рассматриваемыми диалектами, но и параллельным развитием в них сходных явлений, а также заимствованиями в одном из звеньев изоглоссы[16]; в этом последнем случае, как и в случае разновременности сопоставляемых ареально дифференцированных лексических элементов, изоглоссы являются мнимыми.

Эти слабые стороны исследования с помощью изоглосс в значительной мере утрачивают силу в том случае, когда проводится массовое обследование материала, причем в нескольких территориально разобщенных областях на одинаковых или близких временны́х срезах обнаруживаются сходные по своему составу лексические системы. Вообще же установление изоглосс между английскими диалектами и диалектами другого ареала в пределах германской языковой области возможно не всегда, что и не является обязательно необходимым во всех случаях, особенно при наличии других данных (в частности, материалов самих английских диалектов).

Необходимо учитывать, что не все слова, входящие в первичную (т. е. выделенную первоначально на основе древнеанглийских текстов) изолированную систему, на лингвистическом уровне должны входить именно в данную систему. Здесь могут представиться следующие случаи: 1) данная вокабула или первичный ряд в более поздних по времени диалектах изучаемого языка манифестируется в другой изолированной лексической системе (другой диалект); 2) изолированные вокабулы и другие компоненты изучаемого изолированного ряда в современных диалектах могут встречаться одновременно в нескольких изолированных лексических системах (например, и в северных, и в южных диалектах); возможен и обратный случай, когда слова или ряды, общие для нескольких первичных изолированных систем, на лингвистическом уровне манифестируются как изолированные, т. е. присущие какому-либо одному диалекту; 3) компоненты изучаемой системы

---

16 Так, например, элементы лексических изоглосс между английскими и немецкими диалектами нередко находят отражение в скандинавских языках, где они часто являются заимствованиями из средневековых нижненемецких диалектов. Ср., например: E. W e s s é n. Om det tyska inflytandet på svenskt språk under medeltiden. Stockholm, 1954 (с обширной литературой вопроса). О некоторых принципах выделения заимствований (кроме звуковых соответствий) см. ниже.

могут сохранять свой изолированный характер на более позднем уровне развития изучаемых диалектов, но одновременно в пределах германской языковой области встречаться в других изолированных системах, не совпадающих по своему составу с первоначальной системой (или вовсе отсутствовать в родственных языках); 4) компоненты данной системы на более поздних по времени языковых срезах встречаются в других изолированных системах, но в пределах германской языковой области — в той же системе. Вполне понятно, что лингвистическая ценность и доказательность каждого из этих случаев различна. При отсутствии каких-либо дополнительных данных безусловная нейтрализация происходит, как нам кажется, лишь в случаях первом и четвертом (о нейтрализации мы говорим тогда, когда на лингвистическом уровне не подтверждается первоначально допускавшаяся изолированность вокабулы, ряда и т. д. и, таким образом, последние невозможно использовать для определения их диалектной принадлежности). В случае втором необходимо учитывать историю развития данной системы в среднеанглийский период и хронологию проникновения отдельных ее компонентов в различные территориальные диалекты современного английского языка. В случае третьем сохранение системности в пределах изучаемого английского ареала, естественно, «перевешивает» отсутствие такой системности в других частях германской языковой области, которое может быть обусловлено, в частности, спецификой развития словарного состава в соответствующих германских языках. Что касается случая четвертого, то здесь важно исходить прежде всего из закономерностей изучаемого английского языка, обращая главное внимание на сохранение диахронической преемственности лексической системы. Необходимо, однако, отметить, что если первичные вокабулы или лексические ряды никак не отражаются на определенном этапе развития изучаемого языка, но в пределах германской языковой области им противопоставляются соответствующие изолированные вокабулы и ряды, то такое соответствие можно считать лингвистически доказательным.

Если на одних хронологических срезах определенная вокабула или лексический ряд входят в одну изолированную лексическую систему, а на других — в другую, то их принадлежность к определенному диалекту (по крайней мере в определенную эпоху), как нам кажется, может быть признана лишь в случае строгого сохранения ими системности не менее чем на двух этапах развития языка, непосредственно следующих друг за другом.

Вхождение отдельных звеньев системы в другие лексические системы никак не нейтрализует саму систему. Вообще нейтрализация наступает во всех тех случаях, когда нельзя «развернуть» первичную систему (например, если определенная вокабула или ряд представлены только в древнеанглийском или только в среднеанглийском языке и никак не «развертываются» в пре-

делах германской языковой области, если те или иные слова засвидетельствованы только как ἅπαξ λεγόμενα[17] или топонимы, не входящие в ряд, не имеющие «опоры» во внутриязыковых лексических связях и не подкрепляемые материалом родственных германских языков в синхронном и/или диахроническом плане).

В ряде случаев необходимо принимать во внимание определенное «давление системы»[18]. Если, скажем, большинство компонентов изучаемого лексического ряда обнаруживает диахроническую преемственность, а некоторые элементы этого ряда диахронически «не развертываются» или плохо «развертываются», то эти последние элементы можно признать принадлежащими к изучаемой лексической системе на лингвистическом уровне.

Подобным же образом если какой-либо компонент первичной лексической системы нельзя «развернуть» в диахроническом плане, но он встречается в определенном микроареале германской языковой области, с которым соотносится большинство компонентов данной системы, то этот компонент, по закону «давления системы», можно считать принадлежащим к тому диалекту, к которому относятся остальные звенья системы. Указанная закономерность особенно важна в случае, когда требуется определить диалектную принадлежность топонимических элементов, не представленных в древнеанглийском как отдельные слова.

При наличии устойчивой изоглоссы между какой-либо английской изолированной лексической системой и лексикой определенного ареала германской языковой области узкодиалектными, как нам кажется, можно считать топонимические элементы: а) когда они не засвидетельствованы в древнеанглийском (ни в памятниках, ни в топонимических названиях) и не представлены в современных диалектах, но встречаются в современных топонимах Англии и, в пределах определенного германского ареала, в словах и топонимах родственных языков; б) когда древнеанглийские топонимические элементы не представлены в современных топонимах или диалектах, но манифестируются в пределах той же узкой германской языковой области в родственных языках и/или топонимах.

Примеры на реконструкцию древнеанглийских слов по топонимическим названиям: а) современные топонимы *Beeston*, *Bessacar* дают возможность предположить существование в древнеанглийском языке слова *beos* 'камыш' (голл. *bies*, н.-нем. *bese*; ср. топонимы, содержащие этот элемент, в верхненемецкой

---

[17] Ср.: М. М. Маковский. Пути анализа лексических реликтов и инноваций при установлении изоглосс. — ВЯ 1965, № 1.

[18] Ср.: Э. А. Макаев. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. — ВЯ 1962, № 5.

языковой области: *Bisingen*, *Biesum*, *Biesenrode*, *Bissendorf*, см.: Förstemann. Altdeutsches Namenbuch, II. Heidelberg, 1914, стр. 468), а топонимы *Redlynch*, *Lyscomb* вскрывают синонимичное *beos* слово *lisc* (др.-в.-нем. *lisca*, голл. *lisch*). Ср.: Förstemann II, стр. 58, 89: *Liess*, *Liesbach*, *Lissendorf*. Английские топонимы, содержащие элемент *swin* 'бухта, залив, устье (реки)', свидетельствуют о существовании соответствующего слова в древнеанглийском языке (ср. голл. *zwin*). Топонимы с этим элементом в верхненемецком микроареале приводятся у Фёрстеманна (Förstemann II, стр. 975); б) *hæs*, не засвидетельствованный в древнеанглийской литературе, встречается только в Charters: BCS 265 — *linga hese*; BCS 260 — *Teppahyse*; KDC I, 294 — *terra to Haese*; KDC I, 317 — *denbere Hese*. Ср. др.-в.-нем. *heisi*, *hese*, в.-нем. *Hees*. В современном английском языке не засвидетельствовано. Современные топонимы (в основном в южных графствах): *Haysden* (Кент), *Heston* (Миддлсекс), *Heysham* (Ланкашир), *Heys Wood* (Кент). В германской языковой области топонимические названия с *hais* встречаются преимущественно в верхненемецкой области (ср.: Förstemann II, стр. 1196—1197).

Следует отметить, что нельзя игнорировать некоторые неизбежные трудности при использовании топонимов. Так, необходимо иметь в виду, что границы распространения топонимов (как явления не только лингвистического, но и культурно-исторического) часто не совпадают с диалектными. В одних случаях диалектные границы могут переместиться или оказаться вовсе стертыми, а в топонимах эти границы продолжают существовать. Кроме того, в какой-либо определенной местности топонимия может избрать своим излюбленным средством определенный аффикс, словообразовательную морфему или лексическую модель, а в остальных местностях избегать их, хотя эти элементы могут быть общеязыковыми. Некоторые общеязыковые слова в особом значении или узком стилистическом употреблении могут закрепиться в определенной местности и образовать своеобразный топонимический «ареал», который, естественно, никак не будет отражать диалектные различия в языке. Следует учитывать также, что границы топонимических ареалов отражают различия названий не только по происхождению, но и по последующим изменениям.

Если большинство компонентов данной системы как правило соотносится с определенным микроареалом в германской языковой области, но некоторые из них одновременно соотносятся и с другим германским ареалом (особенно, если на последующих этапах развития лексики в этом последнем ареале данное слово больше не встречается или если манифестация изучаемого слова в первом и во втором из указанных германских ареалов различается хронологически), то это никак не нарушает системности этих элементов и не выключает их из данной системы.

* * *

Вопрос о лексических заимствованиях в древнеанглийском языке из родственных германских языков представляет чрезвычайные трудности: в ряде случаев вполне возможно предположить параллельное развитие лексических единиц в нескольких родственных языках, а также рассматривать то или иное слово как общегерманское. Как известно, территория древней Британии (особенно ее северных районов) подверглась длительной оккупации со стороны скандинавских народов (Danelaw, IX—XI вв.). Естественно в связи с этим предположение об определенной инфильтрации скандинавских лексических элементов в древнеанглийский язык (хотя в последних исследованиях в этой области все больше выдвигается тезис о сосуществовании скандинавской и древнеанглийской лексических систем)[19]. К сожалению, мы не располагаем скандинавскими письменными памятниками, синхронными с памятниками древнеанглийского периода. Самые ранние скандинавские прозаические памятники (кроме рунических камней) относятся, как известно, к XII—XIII вв. К тому же нельзя упускать из виду, что скандинавские языки были подвержены нижненемецкому влиянию. Вообще отсутствие или наличие данного слова в памятниках того или иного германского языка не всегда говорит о том, что это слово было чуждо или присуще данному языку: указанное слово могло вовсе не отразиться в памятниках, а затем выйти из употребления; с другой стороны, указанное слово в рассматриваемых текстах могло носить чисто окказиональный (или идиолектный) характер или обусловливаться «вкрапливанием» в рукописи, написанные на одном германском языке, слов другого родственного языка (такие слова с течением времени могли получить «права гражданства» в первом из названных языков).

Нам представляется, что при прочих равных условиях и при отсутствии явно выраженных звуковых переходов и соответствий в словах различных родственных языков наличие заимствований маловероятно по крайней мере в следующем случае: если данное слово встречается в пределах определенного строго ограниченного ареала германской языковой области и входит в ряд, соотносимый по своему составу с рядом, представленным в английском языке

---

[19] Ср., например: D. Hofmann. Nordisch-englische Lehnbeziehungen der Wikingerzeit. København, 1955.

Интересно привести, с другой стороны, свидетельство из исландской саги, где утверждается «полная идентичность» древнеанглийского языка и языка скандинавских пришельцев в период Danelaw: «ein var þá tunga á Englandi sem i Nóregí ok i Danmǫrku...» («Gunnalaugs Saga», hrsg. von E. Mogk. Halle, 1923, стр. 11).

По вопросу о кельтских заимствованиях в древнеанглийском языке см.: M. Förster. Keltisches Wortgut im Englischen. Halle, 1921; G. C. Britton. Celtica. — «English and Germanic studies» VII, 1961.

(в том числе и в случаях особого семантического наполнения отдельных лексем); с другой стороны, в том случае, если изучаемое английское слово в пределах германской языковой области встречается в ареале, лексически не соотносимом с тем, в который оно входит на английской территории, вероятность его заимствования весьма велика. Предположение о лексической (и/или семантической) интерференции отдельных компонентов изолированных лексических систем возможно, как нам представляется, в следующих случаях: 1) если данное слово (или особое значение данной лексемы) в изучаемый период развития английского языка встречается в нескольких изолированных системах, но в пределах германской языковой области только в одной системе, соотносимой по своему составу исключительно с одной из нескольких указанных систем в английском ареале; 2) если данное слово (или особое значение этого слова), с одной стороны, входит в систему лишь в пределах группы памятников, относящихся к определенному периоду, и в соответствующей системе другой группы памятников отсутствует, но, с другой стороны, в памятниках иного периода (относительно близкого первому) манифестируется в соответствующих системах обеих групп памятников (возможно, конечно, исчезновение слова из первой указанной выше системы)[20].

---

[20] Исследование фактического материала, иллюстрирующего предлагаемую методику, кроме работ, приведенных в прим.* и 17, дается в моей статье «Германские ареальные параллели в свете этимологии». — «Этимология. 1965» (в печати).

А. А. Леонтьев

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ГОТСКИХ ГЛАГОЛОВ

1. anahaitan

В готских текстах этот глагол выступает в двух различных, по-видимому, значениях: 'взывать' или 'просить' (+ аккузатив) — см., например, К 1, 23[1] — и 'ругать, упрекать' (+ датив) — Sk 8, 9, 10.

Б. Дельбрюк пытался объединить оба значения, принимая первичное значение hart anfahren, т. е. 'обращаться к кому-либо с вескими, убедительными словами'. Согласно Дельбрюку, глагол *anahaitan* в этом значении имел при себе аккузатив, а конструкция с дативом развилась по аналогии с другими глаголами «хуления» типа *lauan*, *neiwan*, *idweitjan* и т. д.[2]

На наш взгляд, имеется возможность убедительно объяснить происхождение системы значений глагола *anahaitan* и не прибегая к реконструкции «празначения».

В тексте готской библии *anahaitan* соответствует как правило греческому глаголу ἐπικαλεῖσθαι. Между тем этот последний глагол имеет, в частности, следующие значения: а) 'призывать' + двойной аккузатив; б) 'упрекать кого (+ датив) в чем (+ аккузатив)'.

Если в К 1, 23 *anahaitan* употреблено для перевода ἐπικαλεῖσθαι в первом из отмеченных значений, причем калькирована и соответствующая конструкция[3], то в Skeireins следует, по-видимому, допустить кальку конструкции, соответствующей второму значению. Однако ввиду того, что в готском тексте (или в его оригинале, если считать Skeireins переводным па-

---

[1] Ссылки на готский текст даются по изд.: «Die gotische Bibel». Hrsg. von W. Streitberg. 3. Aufl. Heidelberg, 1950. Сокращения при обозначении источника общепринятые: К — Второе послание коринфянам, Sk — Skeireins, Th — Первое послание фессалоникийцам, L — Евангелие от Луки, T — первое послание Тимофею, J — Евангелие от Иоанна, Мк — Евангелие от Марка. Цифры обозначают главу и стих (в Skeireins — строку).

[2] B. Delbrück. Sinkretismus. Ein Beitrag zur germanischen Kasuslehre. Straßburg, 1907, стр. 192.

[3] Такие случаи в готской библии достаточно часты.

мятником) не указана причина упреков (andhofun auk jainaim anahaitandam in... anahaitandane im...), возникает эллипс аккузатива. Получившаяся конструкция ошибочно интерпретирована Дельбрюком и В. Штрайтбергом[4] как чисто дативная.

Если изложенные соображения верны, значительно увеличивается вероятность калькирования и самого глагола *anahaitan*. Ср. καλεῖσθαι = *haitan* (у Штрайтберга помета «часто») и частичный параллелизм значений *ana* и греч. ἐπί в функции предлога. За это говорит и тот факт, что в других древнегерманских языках глагол с аналогичной словообразовательной структурой, по-видимому, отсутствует.

2. uskiusan

Глагол принадлежит к числу «темных». Он употребляется по меньшей мере в трех значениях: ср. Th 5, 21 — *all uskiusaiþ* 'все испытывайте', L 20, 17 — *þammei uskusun* 'который отвергли', K 1, 19 — *frodein uskiusa* 'разумных отвергну' и L 4, 29 — *uskusun imma ut* 'выгнали его' и т. д. В литературе царит полная разноголосица: Бернгардт[5] и Дельбрюк[6] предполагают исконное инструментальное значение конструкции с дативом и, следовательно, аналогию с глаголами типа *wairpan*; это, однако, не объясняет первого значения. Хирт[7] приписывает глаголу аблативный оттенок. Грубер пытается доказать, что между значениями *uskiusan* нет вообще существенной разницы: «Мне кажется, что и в Th 5, 21 переводчик имел в виду значение 'отвергать' в противоположность следующим мыслям: 'не отбрасывайте все; хорошее сохраните'»[8].

Думается, что здесь налицо два однокоренных глагола с аналогичными, но разными по значению и происхождению префиксами. Один из этих глаголов синонимичен глаголу *kiusan* 'пробовать', 'испытывать' и греч. δοκιμάζειν: здесь префикс *us-* выступает в усилительном значении, как *ис-* в русском *ис-пытывать*; ср. *usqistjan, ustaiknjan*, может быть, *ussteigan* и др. С другой стороны, можно допустить возникновение глагола *uskiusan* благодаря калькированию греч. ἀποδοκιμάζειν 'отвергать'.

Третье значение — 'выполнять' — следует отнести за счет аналогии *uskiusan* = ἀποδοκιμάζειν с инструментальными глаголами типа *uswairpan*. Отсюда и дативная конструкция, свойственная

---

[4] В словаре, приложенном к «Die gotische Bibel» (2. Aufl. Heidelberg, 1928), стр. 54; ср.: W. Streitberg. Gotisches Elementarbuch. 5—6. Aufl. Heidelberg, 1920, стр. 173.

[5] E. Bernhardt. Zur gotischen Kasuslehre. — ZfdPh 13, 1882, стр. 12.

[6] B. Delbrück. Указ. соч., стр. 55, 180—181.

[7] H. Hirt. Handbuch des Urgermanischen, Bd III. Heidelberg, 1934, стр. 35.

[8] H. Gruber. Das adverbiale *us*-Präfix im Gotischen und Althochdeutschen. Jena, 1930, стр. 20.

глаголам этого типа (см. ниже) и, по-видимому, распространенная на *uskiusan* 'отвергать'. Естественно, однако, что на *uskiusan* в Th 5, 21 дативная конструкция распространиться не могла, так как здесь *uskiusan* воспринималось как совершенно иная лексема — вроде русск. *помешать что* при *помешать кому.*

Таким образом, происхождение *uskiusan* представляется нам следующим:

1) *kiusan* (= δοκιμάζειν) + *us*;

2) *us* + *kiusan* (= ἀποδοκιμάζειν) → аналогия с глаголами типа *uswairpan*.

3. uswairpan, usdreiban

Это глаголы со значением 'изгонять, выбрасывать' и с двойным управлением, причем распределение конструкций с дативом и аккузативом неясно.

Гримм[9] предполагал разные значения и именно так объяснял различие конструкций.

В действительности *uswairpan* употребляется с дативом в следующих значениях: 'изгонять (бесов)' — 1 раз; 'выбрасывать что-нибудь или кого-нибудь вон' — 4; 'выгонять, высылать кого-нибудь из какого-либо помещения' — 3; в других значениях — 2 раза. С аккузативом: 'изгонять (бесов)' — 7 раз; 'выбрасывать вон' — 1; 'высылать из помещения' — 5.

Таким образом, серьезной разницы нет. Преобладание аккузатива, когда речь идет об изгнании бесов, легко объясняется устойчивым характером словосочетания.

Еще более очевидна неправота Гримма при анализе глагола *usdreiban*, где, кроме одного случая с аккузативом — L 8, 54 *usdreibans allans* 'выслав всех вон', всюду одно и то же значение — 'изгонять (бесов)'. Между L 9, 40 и Mk 9, 18 имеется полный параллелизм: *ei usdrebeina imma* resp. *ina.*

Вероятно, в готских глаголах этой семантической группы мы встречаем в зачаточном виде явление, которое характерно для относительно позднего периода развития скандинавских языков (XIII—XIV вв.). Первоначальная конструкция с дативом развивается там в двух направлениях: либо в инструментальную конструкцию с предлогом (типа др.-шв. *kasta meþ steni*), либо в аккузативную конструкцию (*kasta sten*) при исходном *kasta steni*. Очевидно, что этому раздвоению должен был предшествовать период безразличного употребления беспредложной дативной и аккузативной конструкции: *kasta steni—kasta sten*.

Не застали ли мы в готском именно такое положение?

---

[9] J. **Grimm.** Deutsche Grammatik, Tl IV. Göttingen, 1837, ср. 708—709.

4. fraþjan

Имеет значение 'понимать, думать' и т. д., встречаясь в дативной и аккузативной конструкциях. По Штрайтбергу, дативу соответствует значение 'понимать', аккузативу — 'предполагать'[10].

Вскрыть первоначальное значение этого глагола пытался еще Я. Гримм[11], предполагавший, что таковым является 'становиться умным через посредство чего-либо'. Ср. *fraþjan waurda*. Однако же он вынужден был признать, что такое объяснение не вполне пригодно для конструкций типа *airþeinaim fraþjan* 'понимать земное'.

Б. Дельбрюк[12] и Э. А. Макаев[13] без достаточно серьезного обоснования видят у *fraþjan* исконно дативное управление. Близка к этой точке зрения позиция Стертеванта[14], видящего здесь dative of respect типа *слаб ногами*. О. Эрдман[15] усматривает у *fraþjan* исконный локатив.

Ключ к пониманию истории этого глагола дает сравнение его с его славянским эквивалентом *разоумѣти*. Этот последний был, в частности, в древнерусском употребителен с теми же тремя падежами, что и глаголы восприятия: дативом — *не вьсе разоумѣсте словоу* (ср. T 4, 13: *gaumei saggwa boko* 'внемли чтению'), генитивом — *разоумѣвъ лѫкавьствiѣ ихъ* (ср. J 10, 16: *stibnos meinaizos hausjand* 'слыша мой голос' или, точнее, 'моего голоса'), но обычно с аккузативом: *разоумѣвъ лѫкавьство ихъ* (ср. L 5, 8: *gaumjands þan* 'увидев это'). Бросается в глаза параллель между последней конструкцией (собственно 'узнать об их лукавстве') и конструкцией типа *слышавъ насилье отъ кънязь* (собственно 'услышав, узнав о насилии').

По-видимому, глагол *fraþjan* входил в готском языке в группу глаголов восприятия (*hausjan*, *gaumjan*, *witan*) и выступал первоначально в значении 'понимать'. На исконное значение 'понимать' указывает и единственная существующая этимологическая параллель этому глаголу — лит. *su-prantù* 'понимаю', др.-прусс. *iss-prestun* inf. 'понимать'[16].

---

[10] W. Streitberg. Gotisches Elementarbuch, стр. 173; ср.: Feist, стр. 165.

[11] J. Grimm. Указ. соч., стр. 695.

[12] B. Delbrück. Указ. соч., стр. 192.

[13] Э. А. Макаев. Семантика готских падежей. Канд. дисс., рукопись, 1940, стр. 87 и сл.

[14] A. M. Sturtevant. Fraþjan and the Dative Case.—AJPh LIII, 1932, стр. 55—56.

[15] O. Erdmann. Grundzüge der deutschen Syntax, Bd 2. Stuttgart, 1898, стр. 268.

[16] См.: Feist, стр. 165.

А. Б. Долгопольский

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И СИБИРОЕВРОПЕЙСКАЯ ГИПОТЕЗА

Как известно, реконструкция общеиндоевропейского языка обычно проводится двумя методами:

1) сопоставление письменно засвидетельствованных индоевропейских языков и постулирование таких морфем и языковых структур, которые могли бы объяснить факты индоевропейских языков;

2) внутренняя реконструкция.

Оба эти метода имеют ограниченные возможности. Часто в языках бесследно исчезают различия между некоторыми фонемами или иные элементы структуры. Они не могут быть восстановлены даже путем внутренней реконструкции.

Дальнейших успехов в области восстановления общеиндоевропейского языка можно добиться при наличии новых источников информации. Такие источники можно получить при применении, в сочетании со старыми, новых методов реконструкции:

3) типологического метода;

4) исследования заимствований из общеиндоевропейского языка и в общеиндоевропейский язык;

5) сравнения с теми языками, которые находятся в родстве с индоевропейскими.

Типологический метод основан на изучении универсалий и вероятностных закономерностей в языке. Применение его, начавшееся в последнее время, уже дало некоторые результаты. Р. Якобсон установил нереальность традиционной фонетической интерпретации трех рядов индоевропейских согласных (глухие, звонкие и так называемые звонкие придыхательные)[1], ибо в мире неизвестны языки со звонкими придыхательными, но без глухих придыхательных. Он же справедливо критиковал гипотезу об отсутствии фонологического противопоставления

[1] Р. Якобсон. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. — «Новое в лингвистике». Сборник статей, вып. 3. М., 1963, стр. 103.

гласных в общеиндоевропейском[2]. Действительно, рассмотрение языков мира показывает, что языки без фонологических гласных встречаются крайне редко (если вообще встречаются: приводимые иногда примеры — абазинский и аранта — спорны). Типологическая точка зрения заставляет сомневаться и в правдоподобности той картины семантики индоевропейского языка, которая получается, если понимать буквально переводы значений индоевропейских корней в словаре Ю. Покорного (см. ниже).

Нужно ясно представить себе соотношение методов при реконструкции. Методы (1) и (2) позволяют с уверенностью констатировать лишь различие («корень **per-* отличается от **bher-* первым согласным»), но не сходство: если мы говорим «корень **perg-* 'палка' не отличается от корня **perg-* 'страх' в звуковом отношении», это значит лишь следующее: мы не знаем, были ли корни **perg-* 'палка' и **perg-* 'страх' омонимичны или между ними было различие, которое не может быть обнаружено путем сравнения индоевропейских языков и путем внутренней реконструкции. Ведь можно же допустить, что были, например, две различные фонемы $*p_1$ и $*p_2$, которые в истории всех индоевропейских языков слились! Таким образом, мы реконструируем общую часть нескольких разных языковых систем, из которых только одна соответствует действительности. Какая из этих систем более вероятна, можно установить, в частности, с помощью типологического метода. Так, типологически вероятнее, что до возникновения апофонии существовали фонологические различия древних гласных, снятые апофонией.

Метод исследования заимствований для целей реконструкции индоевропейского языка до сих пор применялся мало, хотя польза его очевидна.

Очень многообещающим представляется пятый метод — реконструкция протоиндоевропейского языка с привлечением данных языков, ему родственных.

Вероятностная оценка сходства между морфемами индоевропейских, уральских, алтайских, чукотско-камчатских, картвельских и семито-хамитских языков показала, что это сходство не может быть случайным и не может быть результатом заимствований, а следовательно, приходится объяснять его генетическим родством[3].

Что могут дать эти языки (условно назовем их «сибироевропейскими») для реконструкции протоиндоевропейского языка?

В. М. Иллич-Свитыч в докладе, представленном на Конференцию по индоевропейскому языкознанию (МГУ, 1964 г.), блестяще проиллюстрировал возможности, представляемые сибиро-

---

[2] Р. Якобсон. Указ. соч., стр. 102—103.

[3] См.: А. Б. Долгопольский. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии с вероятностной точки зрения. — ВЯ 1964, № 2.

европейской гипотезой. Данные сибироевропейских языков помогают решить проблему происхождения трех рядов индоевропейских гуттуральных согласных (палатальные, велярные, лабиовелярные) и проблему древних гласных («доаблаутного» периода). Оказывается, что индоевропейским палатальным согласным соответствуют уральские и алтайские гуттуральные перед гласными переднего ряда, велярные соответствуют гуттуральным перед гласными типа *a*, лабиовелярные — гуттуральным перед огубленными согласными. Следовательно, три ряда индоевропейских гуттуральных восходят к одному, а до возникновения индоевропейской апофонии существовали фонологически различные гласные. К приведенным у В. М. Иллича-Свитыча примерам можно добавить и другие*:

и.-е. **k^{u}ṛmi-* 'червь' (Pokorny 649) || урал. **kurmə* > фин. *kurmu* 'личинка оленьего овода', камас. *šur* 'червь' и пр. || алт.: монг. *kor-kai* 'червь', казах. *ķұр-т* 'червь', тунгус. **xi̯rga* 'овод' (Вас. 176 — эвенк. *иргакта*, Цинц. 307, Benz. 996, Räs. 18);

и. е. **ghe(n)d-* 'схватить' (Pokorny 437) || урал. **kanta-* '(при)нести' || алт. **gad-* 'брать' (см. ниже);

и.-е. **ĝembh-* 'кусать' (Pokorny 369), **ĝebh-* 'челюсть, рот, есть' (Pokorny 382) либо **ĝ(i̯)eu-* 'жевать' (Pokorny 400) || алт.: монг. *kebi*, тур. *gev-* 'пережевывать' (P 46) (см. ниже);

и.-е. **g^{u}ei-* 'кожа' (Pokorny 469) || фин.-уг. **koja* 'кора' (FUV 90, Col. Gr. 411);

и.-е. **kel-* 'рубить', 'тесать', 'бить' (Pokorny 545) || алт. **kal-*: тунг. **xaldï-* 'тесать' > эвенк. *алды-* 'тесать', нан. *халдисо* 'плотничать' (Вас. 24, Benz. 994).

---

* Здесь и далее применяются следующие сокращения:

Вас. — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
Цинц. — В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
A — J. Aistleitner. Wörterbuch der ugaritischen Sprache. Berlin, 1963.
Benz. — J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956.
Coh. — M. Cohen. Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique. Paris, 1947.
Col. Gr. — B. Collinder. Comparative Grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960.
FUV — B. Collinder. Fenno-Ugric Vocabulary. Stockholm, 1955.
Gr. LA — J. Greenberg. The Languages of Africa. — IJAL 1963, № 1, Pt 2, стр. 42—66.
Gr. SALC — J. Greenberg. Studies in African Linguistic Classification. New Haven, 1955.
M — H. Möller. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911.
P — N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960.
Ram. — G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
Ram KW — G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
Räs. — M. Räsänen. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955.

Те же соответствия наблюдаются и в следующих более сомнительных сопоставлениях:

и.-е. *(*s*)*ker*- 'прыгать' (Pokorny 933) || фин.-уг. **karkз* 'бежать': фин. *karku* 'бегство', горно-мар. *кыргыжаш* 'бежать' (Toivonen 161) || алт. **kara*- или **Gara*-: монг. *qara-ji* 'прыгать', казах. *ķарғу* 'перепрыгнуть' и пр. (Ram. KW 145, Räs. 43);

и.-е. **kolə*-, **klō* 'прясть' (Pokorny 611) || фин.-уг.: фин. *kalki* 'волос' и т. д. (FUV 149, Toivonen 149) || алт. **kïl*-'волосы': монг. *kil*- и тюрк. **qïl*- 'волосы лощади' (P 19, 114; FUV 149, Räs. 19) и т. д.

Сибироевропейские данные позволяют в предварительном порядке поставить вопрос и о происхождении индоевропейского назального инфикса. Для констатации прасибироевропейского чередования **-n-* ~ *-ø-* нужно найти морфемы, для которых реконструируются два древних варианта: с **n* и без **n*. Можно предложить для обсуждения перечень таких морфем (разумеется, в предварительном порядке, так как фонетические соответствия между языками еще не изучены):

'**вода**': 1) без **n*-: и.-е. **u̯ed* 'вода' (Walde—Pokorny 252) || урал. **wete*- 'вода': фин. *vete*-, морд. *ведь*, лесн. нен. *wit* и т. д. || может быть, алт.: эвенк. *udun* 'дождь' и др. (Вас. 431, Räs. 30);

2) с **-n*-: и.-е. **u̯end*- 'вода' (лит. *vanduo* 'вода', лат. *unda* 'волна' и т. д.), возможно, сопоставимо с чуван. *onde* 'вода' (чуванский — вымерший диалект юкагирского языка, принадлежащего к уральской семье либо ей родственного):

'**пуп**': 1) без **-n*-: картв. **upe* 'пуп': груз. *upe* 'пуп' (Климов 186) || сем.-хам.: егип. *ḫp3* 'пуп';

2) с -**n*-: и.-е.** ombh*, **enebh*- 'пуп' (Pokorny 314) || сем.-хам.: эфиоп. *ḥənbert* 'пуп' || может быть, и картв.: чан. *omp̣a*, *ump̣a* 'пуп';

'**брать, нести**': 1) с **-n*-: и. е. **ghend*- 'схватить' (Pokorny 437) || урал. **kanta*- '(при)нести': фин. *kanta*- 'нести' и пр. (FUV 22, Col. Gr. 406) || сомнительны в отношении начального согласного якут. *χanda* 'рычаг' и ульч. *kanda* 'достать' (Räs. 45);

2) без -**n*-: и.-е. **ghed*- 'схватить' (Pokorny 437) || алт. **gad*- 'брать': нан. *gad*- 'брать', кор. *kad*- 'брать' (Ram. 47—48) || ? картв. **ḳid*- 'брать(ся)', 'вешать' (Климов 112) || семит.: аккад. *ḳtp* 'собирать' (Coh. № 228)?

'**гнуть, лук > стрела**': 1) с **-n*-: и.-е. **lenk*- 'гнуть', **lonk*- 'лук' (Pokorny 676—7) || урал. **luŋka*>юж.-хант. *ɫæŋk*, *ləŋk* 'тупоносая стрела' и др. (FUV 30) [и **loŋka* 'наклонять, раскалывать' (Toivonen 302, реконструкция Иллича-Свитыча)?] || чад. (сем.-хам.): карекаре *riŋka* 'лук' и т. д.;

2) без **-n*-: урал. **lukka* (?): нен. *lūky* 'тупоносая стрела', энец. *loku* 'разновидность стрелы', юкагир. *lokkil* 'разновидность стрелы' || сем.-хам.: егип. *rwǯ* 'тетива', бата (чад.) *rage* 'лук' и т. д. (впрочем, этот корень может быть и результатом заимствования);

'зуб, кусать, жевать' 1) с *-n-: и.-е. *ĝombh- 'зуб', ĝembh 'кусать' (Pokorny 369);

2) без *-n-: картв. *kb-il- 'зуб' (Климов 107), *kb-in- 'кусать' (Климов 106) || чук.-камч.: ительм. kip-, kep-, kp- 'зуб' (здесь сомнительно соответствие начальных согласных);

'голый', **'кожа** (человека)': 1) с *-n-: фин.-уг. pančз 'голый, открывать' (морд. *панжо-* 'открыть', луле-саамск. *buoʒʒos* 'голый') (Col. Gr. 138, 413);

2) без *-n-: и.-е. *bhos- 'голый' (Pokorny 163) || фин.-уг. *pačэ (мар. *pača-*, *roča-* 'открыть') || сем.-хам.: евр. *båśår* 'плоть', араб. *bašar* 'кожа' (Coh. № 395);

'лед': 1) с *-n-: фин.-уг. *jäŋe 'лед' (FUV 84, Col. Gr. 411) || алт. *jeŋ-*: тюрк. *jäŋ 'лед в земле, снежная корка', кор. *eŋ-*, *jeŋ-* 'морозить' и т. д. (Räs. 31);

2) без *-n-: и. е. *i̯eg- 'лед' (Pokorny 503) || сем.-хам.: квара *yeγāγā* 'град', 'снег';

'лизать' 1) без *-n-: и.-е. *lak- 'лизать' (Pokorny 653) || картв. *lok̦- 'лизать' (Климов 121-2) || сем.-хам.: семит. *lkk̦, *lḥk 'лизать', егип. *lkh* 'лизать' и пр. (Coh. № 435);

2) с *-n-: сем.-хам.: билин *lank̦i* 'лизать'.

Есть несколько более сомнительных сопоставлений (между двумя семьями языков):

урал. *küntз 'туман, дым': нган. *kinta* 'дым' и пр. (FUV 26, Col. Gr. 407) || алт.: монг. *küden* 'туман' (Räs. 30) || может быть, и.-е. *ked- 'дымить, коптить' (Walde-Pokorny I, 384)?;

а также, может быть, фин.-уг. *künče 'ноготь': фин. *kynsi* и пр. (FUV 30, Col. Gr. 407) || алт.: тунгус. *xosi̯-kta 'ноготь, гвоздь' (Benz. 971, Вас. 328) || и.-е. *gu̯ozd(h)o-, *gu̯ozd(h)i- 'гвоздь (деревянный)' (Pokorny 485) [а также *gᵘisti-s 'палец' (Pokorny 481)?]

и урал. *kuńćз 'звезда': венг. *hūgy*, манс. *kōńś-*, камас. *künʒegei* и пр. (FUV 15, Col. Gr. 406) || алт.: тунгус. *xōsi̯-kta 'звезда' (Benz. 971, Вас. 328) || и.-е. *gu̯oi(g)zd- 'звезда': ст.-слав. *звѣзда*, лит. *žvaigždė* 'звезда', др.-прус. *swaigstan* 'Schein'. Фонетическое сходство корней со значением 'ноготь, гвоздь' и со значением 'звезда' в тунгусских языках соответствует такому же сходству в уральских и в индоевропейских языках. Такой параллелизм вряд ли случаен; он свидетельствует в пользу последних двух сопоставлений.

Сибироевропейские сравнения могут, видимо, помочь и в решении других вопросов индоевропеистики, например таких, как проблема отсутствия третьего члена триады в губном ряду: в индоевропейском языке три переднеязычных смычных (*t, *d, *dh), три палатальных (*k̂, *ĝ, *ĝh), три велярных (*k, *g, *gh), три лабиовелярных (*kᵘ, *gᵘ, *gᵘh), но лишь два губных смыч-

ных (*p, *bh). Ср. соответствие сем.-хам. *b = алт. *b = и.-е. *u̯[4] в таких морфемах:

и.-е. *u̯ersē-, -i̯- 'кабан, теленок, бык' (Pokorny 81), *u̯ₑren- 'баран, овца, ягненок' (Pokorny 1170) || алт. *bïŕägu: монг. biraγu 'двухгодовалый теленок', общетюрк. *bïzaγu 'двухгодовалый теленок' (Ram. KW 69) || картв. *werʒ₁ (u) 'баран' (Климов 84) || сем.-хам.: семит. *b'r (угарит. b'r 'молодой бычок', аккад. būru 'молодой дикий бык' — A 489), семит. *'br (угарит. 'br 'молодой бычок' — A 34), семит. *bʿr 'бык' (геэз bəʿrāg 'бык', араб. baʿir 'верблюд-самец'), куш. 'бык, корова' (бедауе be'rāy, хамир, квара bīrā, сахо, афар be'erā, сидамо bōrā — Coh. № 386);

алт.: монг. büligen, 'теплый', эвенк. булды 'теплый', маньчж. булукань 'теплый' || сем.-хам.: квара bal 'греть', билин bir 'греть' и т. д. (Coh. № 403) || и.-е. *u̯el- 'тепловатый, теплый' (Pokorny 1140);

сем.-хам.: гиддер (чад.) beli 'кровь', сахо (куш.) bilō 'кровь' и т. д. (Gr. SALC 55) || [? алт.: монг. bülin 'сгусток запекшейся крови'] || и.-е. *u̯el- 'кровь' (Pokorny 1144) и т. д.

Дальнейшие исследования покажут, закономерны ли эти соответствия и можно ли заключать, что прежде и в губном ряду существовала триада, но один из согласных в индоевропейском языке перешел в *u̯.

Мы привели несколько примеров возможного использования сибироевропейских сопоставлений для решения проблем индоевропейской фонетики. Но и при реконструкции семантики индоевропейского языка сибироевропейские сопоставления, наряду с данными типологии, могут оказаться весьма полезны.

Основываясь лишь на сравнении индоевропейских языков-потомков, мы часто получаем, видимо, превратное представление о значении индоевропейских корней. В словаре А. Вальде и Ю. Покорного мы находим 30 корней со значением 'гнать', 33 корня со значением 'вертеть', 25 со значением 'блестеть' и 'блестящий', 24 со значением 'schwellen, Schwellung', 'пухнуть', 18 со значением 'толкать', 14 со значением 'zusammendrängen' и 'zusammendrücken' и т. д. Между тем более конкретные и менее расплывчатые значения соответствуют каждое обычно одному-трем корням. Многие же необходимые в общении значения вообще не представлены: нет корней со значением 'нога' ('Bein', т. е. не ступня, а вся нога)[5], 'утро' (хотя есть 'вечер' и 'вчера'), 'нож',

---

[4] Показательно лишь сем.-хам. *b, ибо в алтайском *b не противопоставлено *w.

[5] Отсутствие слова, обозначающего всю ногу, типологически невероятно: есть языки, различающие *pes* и *crus*, есть языки, где представлено лишь *crus*, но нет *pes*, но без значения 'вся нога' ни один язык, пожалуй, не обходится. Заметим, что словарь Вальде и Покорного находит в индоевропейском корни со значением 'вся рука'.

'все', 'мозг', 'слово', 'осень' (хотя есть 'зима', 'весна', 'лето') и т. д. Чем объясняется такая гипертрофия абстрактных и расплывчатых значений? По-видимому, искажениями, возникающими в самом процессе установления значения корня. И действительно, если бы через тысячелетия исследователь стал посредством сравнительно-исторического метода реконструировать значение русского корня *яблок-*, пытаясь найти нечто общее между значениями 'яблоко (фрукт)', 'яблочко (в мишени)' и 'глазное яблоко', он нашел бы, что корень *яблок-* в русском языке означал 'круглый'. То же значение 'круглый' было бы, может быть, приписано корню *голов-* (путем обобщения значений 'голова (человека)', 'голова сахара'). С другой стороны, корню *голов-* могло бы быть приписано и значение 'конец': ср. 'голова (человека)', 'голова (поезда)', 'голова (колонны)'. То же значение '(передний) конец' получил бы и корень *нос-*: 'нос (человека)', 'нос ботинка', 'нос корабля', 'мыс' в топониме *Канин Нос* и пр. Вот и получилось бы, что есть множество корней в значениях 'круглый', 'конец', но в русском языке не представлены значения 'голова', 'нос', 'хвост', 'яблоко' и пр. В чем была бы ошибка такого исследователя? Он предположил бы один семантический процесс (сужение, конкретизация значения) вместо другого (метафорический перенос). И действительно, одна и та же совокупность значений корня может сложиться разными путями. Если в каком-то языке один и тот же корень означает 'яблоко' и 'картофель', мы не сможем (не зная истории материальной культуры и не привлекая других дополнительных сведений) определить, в какую сторону шел метафорический перенос: 'яблоко' > 'картофель' или 'картофель' > 'яблоко'. Если в разных разновидностях английского языка *corn* означает и 'кукуруза' и 'зерно', то из одного этого еще нельзя заключить, что произошло в истории языка: сужение или расширение значения. Выше приводились примеры, показывающие, что нередко трудно отличить результат сужения (A > B и A > C) от переноса значений (B > C или C > B). Нередко трудно установить, каково было направление метонимического переноса (например, в случаях с глаголом и результатом действия): ит. *isola* 'остров' от *isolare* 'изолировать' или *isolare* от *isola*? Зная латынь, разумеется, легко ответить на этот вопрос, но исходя только из значений этих двух итальянских слов, трудно безошибочно установить истину.

Но как же выбрать из многих возможных семантических процессов, способных объяснить наблюдаемые факты, тот, который имел место в истории языка? Как реконструировать древнее значение?

Для этого полезно привлечь типологию, которая позволит — после обобщения материалов разных языков — установить, какие значения должны были несомненно присутствовать в индоевропейском языке, какие значения могли выражаться много-

численными синонимами, а где ожидать богатой синонимии нельзя, а в отношении многих значений можно установить, какие семантические переходы для них более вероятны.

Для тех же целей полезны и генетические сопоставления с другими сибироевропейскими языками. В словаре Ю. Покорного, например, фигурирует корень **pel-* (Pokorny 798) со следующими значениями: 'gießen', 'fließen', 'aufschütten', 'füllen', 'einfüllen', 'schwimmen', 'machen', 'fliegen', 'schütteln', 'schwingen', 'zittern', 'zittern machen'. Этот корень, согласно словарю Ю. Покорного, содержится, в частности, в греч. πολύς 'много', в др.-исл. *fæla* 'пугать' и в ст.-слав. *плашити* 'пугать'. Между тем сибироевропейские сопоставления заставляют думать, что здесь перед нами несколько омонимичных корней разного значения. В самом деле, и.-е. **pelu-* 'множество, много' (греч. πολύς и др.), которое в словаре Покорного значится как распространение корня **pel-*, сопоставляется с урал. **paljз* 'много' (фин. *paljo* и др. — FUV 46, Col. Gr. 408) и с алт. **pul-* (др.-тюрк. *uluγ* 'великий, большой', монг. *(h)ülä* 'слишком много', ольчск. *pūlē* 'слишком много' и пр. — Ram. 55, FUV 145). А и.-е. **pel-* в др.-исл. *fæla* и ст.-слав. *плашити* 'пугать' сопоставимо с урал. **pele* 'бояться' > фин. *pelko-* (FUV 47, Col. Gr. 408), возможно, и с алт. **pēl-* > эвенк. *хэл-* 'не посметь', 'бояться' (Вас. 505, FUV 146). Различие огласовки, сохраненное в уральских и алтайских языках, но утраченное в индоевропейском, показывает, что и.-е. **pelu-* 'множество, много' и **pel-* 'пугать' — это генетически различные корни.

Во многих случаях само значение индоевропейских корней получает дополнительное освещение в результате сибироевропейских сопоставлений. Корню **bis-(t)li-*, засвидетельствованному в латинском и кельтских языках, приписывают значение 'желчь'. Однако существование этого корня в индоевропейском считается спорным (в словаре Ю. Покорного этот корень помечен вопросительным знаком — Pokorny 102). Сопоставление с урал. **pyša* 'желчь' > нен. *pade* 'желчь' и пр. (FUV 50, Col. Gr. 408) подтверждает индоевропейское происхождение этого корня в латыни и кельтских языках. Одновременно и значение этого корня ('желчь') получает подтверждение.

Видимо, удастся по-новому построить иерархию значений во многих индоевропейских корнях. В словаре Вальде и Покорного (Walde—Pokorny II, 463) и в словаре Ю. Покорного (Pokorny 977) корень **sneu̯-* имеет в качестве центрального значения 'вертеть', а в качестве периферийных значений 'скручивать нитки', 'нить', 'жила' и пр. Сопоставление с урал. **sene̮* 'жила, сухожилие' (предложенное В. Коллиндером еще в 1933 г.[6];

[6] Сопоставления фин. *paljo* 'много' и греч. πολύς 'много', венг. *fél* 'бояться' и др.-исл. *fæla*, ст.-слав. *плашити* 'пугать', фин. *suone* 'сухожилие, жила' и др.-исл. *sin*, греч. νεῦρον 'жила' предложены Коллиндером на

реконструкцию уральского корня см. FUV 58, Col. Gr. 409) заставляет предполагать, что центральным значением индоевропейского корня было 'жила', а отсюда 'нить', 'крутить нитки', 'вертеть'.

В других случаях, видимо, можно и объединить корни, рассматриваемые в индоевропеистике как разные. Индоевропейское *$s\bar{e}(i)$- 'решето', 'просеивать' (Pokorny 889) и и.-е. *$s\bar{e}(i)$- 'бросать, ронять, сеять' (в распространениях 'выливать', 'вытекать'), кажется, можно объединить, если сопоставить их с уральским корнем **soјә* 'ковш', черпак' (FUV 61, Col. Gr. 408).

В индоевропейских языках, видимо, в такой же мере, как в арабском или китайском, была распространена народная этимология, связанная с существованием фонетических корней.

На понятии фонетического корня следует остановиться подробнее. В лингвистической литературе словом «корень» обозначают два глубоко различных, хотя и связанных понятия:

1) Корень-морфема. Это разновидность морфемы и, как всякая морфема, может определяться лишь по соотношению плана выражения с планом содержания. Мы говорим о морфеме, если некоторая цепочка фонем (в частном случае — одна фонема) регулярно связана с некоторым значением. Разумеется, длина и фонетическая структура корня может быть в одном и том же языке весьма различна. Если мы убедились, что некоторая цепочка звуков всегда связана с некоторым смыслом и не дробится на более мелкие морфемы, мы должны признать эту цепочку звуков морфемой — независимо от ее длины или фонетической структуры;

2) фонетический корень. В некоторых языках (например, в семитских, в китайском) корень-морфема очень часто соответствует некоторому фонетическому шаблону. Так, в китайском языке корни в своем большинстве односложны, в арабском языке корни чаще всего содержат три согласных, а гласные оказываются иррелевантными в отношении корней. В таком положении оказываются отнюдь не все корни, но значительное их большинство. В связи с этим возникает некоторая фонетическая модель, цепочки звуков, соответствующие этой модели (и называемые обычно корнями), их можно назвать фонетическими корнями.

Корень-морфема чаще всего равен фонетическому корню, но нередко может быть больше (или меньше) его. Так, китайское слово 羯摩 *цземо* 'карма (судьба как последствие поступков в предыдущих перевоплощениях)' с собственно морфемной точки зрения неразложимо (и никогда не было разложимо: это заим-

---

III Международном съезде лингвистов — см. Atti del III Congresso internazionale dei linguisti (Roma, 19—26 Sett. 1933). Firenze, 1935, 312—316.

ствование из санскритского *karma*), оно составляет один корень-морфему, но разлагается на два фонетических корня: *цзе* (в отдельном употреблении 'холощеный баран', 'кожа для барабана') и *мо* (в отдельном употреблении 'тереть', 'играть', 'предполагать', 'прилегать' и т. д.). Современное арабское слово *'aṭlas-* 'географический атлас' с собственно морфемной точки зрения неразложимо и составляет единый корень-морфему. Однако в составе его выделяется фонетический корень *ṭls*, тот же, что и в корне-морфеме *ṭls* 'стирать (написанное)', хотя между этими корнями нет и никогда не было семантической связи. Реальность существования фонетического корня проявляется, в частности, в образовании множественного числа: *'aṭālis-* 'атласы'. В соответствии с арабской лексикографической практикой, основанной на фонетических корнях, словари помещают слово *'aṭlas-* 'географический атлас' в гнездо *ṭls*[7]. В описанном случае корень-морфема больше фонетического корня, в других случаях он может быть меньше: в арабских словах *ḫarama* 'проколол', *ḫaraḳa* 'сделал отверстие', *ḫaraza* 'просверлил', *ḫarata* 'проколол' и т. д. выделяется корень-морфема *ḫr*, однако фонетические корни во всех этих словах разные: *ḫrm*, *ḫrḳ*, *ḫrz*, *ḫrt*[8].

Различение морфемных (двуплановых, знаковых) единиц и морфонологических единиц (существующих лишь в плане выражения), подобное различению корня-морфемы и фонетического корня, может присутствовать и на более крупных участках текста. В некоторых языках (например, в арабском) существует, наряду с основой слова в морфемном смысле, и фонетическая основа. В очень многих языках (в том числе в русском) есть, наряду с **лексемой**, выделяемой путем коммутации плана выражения с планом содержания, и **фонетическое слово** (определяемое в разных языках либо с помощью закономерностей конца слова, либо на основе сингармонизма, либо ударения и пр.).

Индоевропейскими корнями часто называют фонетические корни индоевропейского языка. Именно в этом смысле говорят о структуре корня в индоевропейском. Не следует путать этот корень с корнем-морфемой. Последний может иметь весьма различную структуру, он может быть значительно больше фонетического корня, и выделение его возможно лишь на основе изучения соотношения звучания и значения[9].

---

[7] См., например: Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1957, стр. 606.

[8] См.: Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, стр. 49.

[9] Индоевропейские «корни» в смысле Э. Бенвениста — видимо, также реальные морфологические единицы, часто меньшие по сравнению с корнем-морфемой.

Фонетические корни в тех языках, где они есть, видимо, оказывают влияние на морфемные единицы и усиливают народную этимологию. В арабском языке существует тенденция усматривать смысловые связи между разными корнями-морфемами, объединяющимися в единый фонетический корень. Аналогичная этому тенденция была, видимо, и в индоевропейском языке. Надо полагать, что там была развита народная этимология. Согласно словарю Покорного (Pokorny 810—819), корень **per-* обладал значениями 'перевозить через', 'вперед', 'вокруг', 'далее', 'перед', 'продавать', 'рожать', 'пытаться', 'палец' и т. д. Смысловые связи между этими значениями, хотя и очень слабые, все же могут быть с известной натяжкой намечены. Возможно, что в индоевропейском языке с его тенденцией к связыванию омонимов здесь — с синхронной точки зрения — был один корень. Однако, даже если он существовал, он, видимо, возник в результате слияния двух или более омонимичных корней. Об этом свидетельствуют сибироевропейские сопоставления. Лит. *pirštas* 'палец', ст.-слав. *пръстъ* и тохар. *prār* 'палец' сопоставимы, видимо, с алт. **per-* '(большой) палец' (маньчж. *фэрхэ* 'большой палец' и эвенк. *хэрбэк* 'палец' < тунгус. **pär(-k)-*, ср.-монг. *herekei* < **perekei* 'большой палец', др.-тюрк. *ärŋäk* 'палец' — Ram. 54, P 79, Bac. 509), с картв. **pṛcxa* 'ноготь' (Климов 191) и с семито-хамитскими формами (афар *ferā* 'палец', хауса *farče* 'ноготь' и т. д.). И.-е. **per-* в значениях 'перед', 'вокруг', 'через', 'по ту сторону', 'перевозить через' сопоставимо с урал. **pirз* 'круг, вокруг' (саам. *birrâ* 'вокруг', фин. *piiri* 'круг' и пр. — FUV 49, Col. Gr. 408), фин.-уг. **perä* 'конец', 'сзади' ('postremum sive extremum rei'), 'через' (фин. *perä* 'задний', хант. *pir-ot* 'прошлый год' — FUV 107, Col. Gr. 413), с алт. **par-* 'сзади' (монг. *aru* 'задняя сторона' и т. д. — P 78), алт. **per-* 'конец, задняя часть' (Räs. 34; D. Sinor. — «T'oung Pao» 37, 288), с картв. **pir* 'край, рот, лицо' (Климов 153—154), возможно, также с семит. **'br* 'переправляться на другой берег', афар *fir* 'начало'. За последним сопоставлением может стоять либо один, либо несколько сибироевропейских корней: и.-е. **per-* 'вокруг' (греч. περί) || саам. *birrâ* 'вокруг', греч. πέρυσι 'в прошлом году' || хант. *pir-ot* 'прошлый год'[10]; наконец, более сомнительно, но совсем не исключено сопоставление и.-е. **per-* в значении 'лететь, перо', которое, согласно Покорному, принадлежит тому же корню (ст.-слав. *перѫ*, *пьрати* 'лететь', *парити* 'парить, лететь', *перо* 'перо'), с картв. **pеr* 'лететь' и сем.-хам. **pr* 'лететь',

[10] Два последних сопоставления предложены Б. Коллиндером. См.: «Atti del III Congresso. . .», стр. 312—316. Заметим, что в хант. *pir-ot* 'прошлый год' и второй элемент сложения (< фин.-уг. **oδę* 'год'; FUV 126, Col. Gr. 414) сопоставим, возможно, с и.-е. **u̯et-* 'год' (Pokorny 1175). Впрочем, возможно, что хант. *pir-ot* из инд.-ир. **parut* (др.-инд. *parut*, ваханск. *pard* 'в прошлом году').

'убегать' (Coh. № 366, Gr. LA № 32: араб. *farra* 'убегать', мехри *farr* 'лететь', берб. (шилх) *firri* 'лететь', будума (чад.) *fer* 'лететь' и пр.). За индоевропейским корнем **per-* стоят два, а может быть, три или четыре сибироевропейских корня.

Как видим, уже с самого начала применение сибироевропейских сопоставлений представляется во многих отношениях полезным для реконструкции протоиндоевропейского языка.

Разумеется, в полной мере представить себе перспективы, которые сибироевропейские генетические сопоставления открывают перед индоевропеистикой, сейчас, видимо, еще нельзя.

М. Свадеш

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АМЕРИКИ И ЕВРАЗИИ

Настоящее исследование[1] возникло в ходе работы над генетической классификацией языков Америки. В процессе изучения этого вопроса все более подтверждалось предположение о том, что все или по крайней мере большинство языков Америки имеют общее происхождение. Они образуют единую сеть, вполне отвечающую классическому представлению о диалектной дифференциации[2]. Оказывается весьма вероятным, что связи американских языков базируются в основном на их общем происхождении из одной сравнительно однородной совокупности диалектов, существовавшей в отдаленном прошлом. Когда? При нынешнем состоянии изучения сравнительной фонологии американских языков методы глоттохронологии не позволяют исследовать эпохи древнее 10 тысячелетий. Но оказывается, что 10 тысячелетий занимает одна лишь история крупных языковых семей Америки: семьи пенутиа, макро-ацтекской семьи, макрокарибской семьи и т. д. Ясно, что общие источники всех языков Америки должны быть намного более древними, но насколько, мы не знаем. Во всяком случае лингвистические данные не дают оснований отвергать ту весьма раннюю датировку, которую дает археология.

Как возникла современная дифференциация языков Америки? Гипотеза о проникновении лишь одного языка на американский континент и о его дальнейшем дроблении кажется маловероятной сама по себе и противоречит данным других наук. Наиболее вероятным представляется предположение, что в Западное полушарие проникла последовательными волнами некоторая совокупность диалектов и родственных языков, которая частично дифференцировалась еще до переселения и продолжала дифференцироваться в Америке. Когда существовал перешеек на месте Берингова пролива, проникновение этих языков в Америку проходило, по-видимому, в принципе так же, как распространение английского и французского языков в Северной Америке, — с побережья во внутренние области. Когда появился

Берингов пролив, он оказался некоторой преградой для контактов, но вряд ли большей, чем широкая река, болото или горный хребет.

При лингвостатистическом датировании мы пользуемся формулой $2t - 50$ для периодов дивергенции, превышающих 50 минимальных столетий. Поскольку сокращенные списки слов дают заниженную дивергенцию, введены следующие поправки: для списков, содержащих от 51 до 75 слов, умножаем результат на 1,1; а для списков, содержащих 50 слов или менее, умножаем результат на 1,2.

В результате применения указанных методов языки Америки подразделяются на 40 больших групп, а последние, расположенные в соответствии со степенью взаимного сходства, образуют непрерывную сеть. Полученная таким образом классификация не во всем совпадает с тем объединением языков, которое получается при применении других методов, но сходство результатов все же весьма значительно. Например, из шести групп, в которые объединил языки Северной Америки Э. Сепир, у нас представлено три, в частности эскимосо-алеутская и на-дене. Каждая из остальных семей Э. Сепира у нас распадается на несколько групп, но при этом группы, входящие по Сепиру в одну семью, и у нас оказываются близкими друг к другу (т. е. имеющими дивергенцию меньшую, чем языки, принадлежащие, по Э. Сепиру, к разным группам).

На определенном этапе работы по классификации языков Америки возникла необходимость оценить их связи с языками Старого света. Были найдены языки, отдáленные от Старого света сравнительно небольшой дивергенцией — в пределах 42—50 минимальных столетий. В результате мы должны были констатировать существование большой языковой группы первого порядка, которая названа дене-финской (Finnodennean) по названиям двух пространственно наиболее отдаленных членов этой группы языков: языков дене (атапаскских) в Америке и финно-угорских языков в Евразии. В числе дене-финских языков оказались кетские, урало-алтайские, чукотско-камчатские, эскимосо-алеутские, вакашские, на-дене, японские, кутенай, айнско-нивхские, корейский, китайские и тибето-бирманские. Родство между многими из этих языковых групп было установлено раньше другими исследователями. Мы добавили лишь некоторые детали, в частности непрерывность цепи китайские—тибето-бирманские—на-дене—вакашские и т. д., а также впервые включили в этот круг язык кутенай. Языковые связи между северными группами дене-финских языков изучались автором больше, чем между южными, ибо первые были обнаружены раньше. Заметим, что связи языков Америки с австралийскими и малайско-полинезийскими языками, предполагавшиеся транстихоокеанскими гипотезами Поля Риве, не подтвердились [3].

ДЕНЕ-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

Констатация существования дене-финской группы языков, образующей континуум из 13 подгрупп, основана на том, что для каждой пары соседних групп совпадение корней в диагностическом списке составляет не менее 22%. В большинстве случаев мы могли оперировать полным или почти полным диагностическим списком. В тех немногих случаях, где в нашем распоряжении были лишь 75 или менее слов диагностического списка, мы, разумеется, вносили соответствующие поправки. Суждение о родстве слов основано на сравнительно-исторической фонетике, которая для одних групп языков разработана полнее, а для других носит еще характер предварительных предположений. Более того, поскольку одни и те же родственные слова встречаются в разных группах дене-финских языков и поскольку известна их история в каждой из групп, мы во многих случаях могли отличить действительное родство от внешнего сходства генетически различных корней. Все же во многих местах остаются неясности, и здесь еще предстоит много сделать.

Внутренняя дивергенция дене-финской семьи языков в целом составляет приблизительно 90 минимальных столетий: в таких наиболее далеких друг от друга языках, как бирманский и квакиютльский, как кетский и навахо, родственные корни составляют лишь 12% диагностического списка. Ниже приводим для иллюстрации сравнение между финским и квакиютльским языками, указывая реконструкции для дене-финского праязыка и предположительно родственные слова других языков[4].

'язык (tongue)': фин. *kieli*, кв. *k̓l-m*, *дене-фин. **k'.l*. Удм. *kïl*, морд. $k^{y}el^{y}$, монг. *kelen*, дагур. *heli*, нен. *ha*, нутка *č̓up* (< **k̓ulm*), юк. *ulu* (< **q̓uln*), нивх. *hilx* 'язык'; монг. *kele-*, дагур. *hele-*, эвен. *gun-*, эвенк. *gūŋe*[5], юк. *qaniG-*, ительм. *khenaksu-*, кут. *-kƚe* 'говорить, сказать'; нутка *'atiq-* (< **q̓atiq-*), инук. *kuyaGi-* 'словесно благодарить'; инук. и юк. *atiq*, алеут. *asya*, т. юкг. *kiyeŋ*, хайд. *kiye*, кут. *-kƚē-*, нутка *-k-ƚa*, нивх. *qha*, нан. *gerbu*, эвенк. $gerb^{y}\bar{\imath}$, эвен. *gïrbï* 'имя'; нутка *'imt* 'имя', 'пропеть слова песни', кв. *q̓mt* 'петь', хайд. *khiƚqa* 'язык (language)'. Ср. также и.-е. **g.l* в греч. γλῶττα 'язык', **s-k.l* в нем. *schelten*, англ. *scold* 'ругать' и **g.r* в лат. *garrī-re* 'болтать'.

'кто': фин. *kuka*, кв. $'n\text{-}k^{w}a$, дене-фин. $*k^{w}$. Хлц. $'a\text{-}k^{w}i$, тюрк. *kim*, дагур. *hen*, эвенк. *ēkun*, венг. *ki*, мар. *ku*, манс. *hoŋha*, нен. $hib^{y}a$, юкг. *kin*, чук. *mi-kïn-*, коряк. *ma-ki*, ительм. *k̓e*, алеут. *kīn*, юк. и инук. *kina*, кет. *ani*, нивх. *aŋ*, кут. *qaƚa* 'кто'; нутка $q^{w}i$-, хайд. *kus*, айн. *hemata*, кет. aks^{y}, ительм. *ïn-qa*, алеут. *qata* 'что'. Ср. и.-е. $*k^{w}$. в лат. *quod*, англ. *what*, лат. *quis*, англ. *who*.

'ходить': фин. *kävellä*, кв. *qhas-*, дене-фин. **q.š*. Тур. *gez-*, мар. *ašked-*, манс. *kaye-*, юкг. *hon*, кет. *ōn*, алеут. *aka-*, кут.

-qqācē-, хайд. *qha-*, навах. *-kāł*, чпв. *-ga*, кор. *kʌ.r*, яп. *aruk-* (< **qharu*), айн. *'ahkas* 'ходить'[6]; кв. *kaχ*, тур. *gel-*, юкг. *kelul*, ительм. *kïlki-*, нан. *giagda*, коряк. *qiyathi-*, хлц. *'aqa*, кут. *qōkān*, хайд. *ku'e*, навах.*-gāh*, чпв. *-gaih*, яп. *ku-* 'прийти'; дагур. *kuli*, кв. *kukʷ-yo*, чук. *gïtka-*, ительм. *heiten*, алеут. *kitaq*, инук. *itigaq* (< **qhitika*), удм. *kuk*, нен. *ŋe* (< **n-qe*), т. юкг. *ukurčen*, навах. *-khē'*,чпв. *-khä*, айн. *kema*, нивх. *ŋitʸ-x* 'нога (foot)'. Ср. и.-е. **gh.y* в нем. *gehen*, англ. *go* 'идти'. Некоторые из слов со значением 'прийти' в дене-финских языках могут происходить из **qʷ.(m)*, в и.-е. **gʷ.m*, как лат. *venī-re*, гот. *qiman*, англ. *come*.

'**вода**': фин. *vesi*, кв. *ẁa-p*, дене-фин. **w.t*. Хлц. *ẁ'-m*, мар. *wüt*, манс. *wit*, нен. *i'(d)*, *wit*, нган. *beda*, энецк. *bido-*, морд. *vedʸ*, венг. *víz*, дагур. *ose*, юкг. *uče*, кет. *uly*, ительм. *i'-*, кут. *wu'u*, айн. *wahka* 'вода'; кв. *wa* 'река'; манс. *wōlʸ*, нен. *wʌy* 'участок реки'; эвенк. *udun*, юк. *ivyiG-* (либо восходит к эксфигированной форме **'i-wiyiq-*, — об эксфиксах см. ниже, стр. 287, — либо вообще сюда не относится), кут. *wałoqkut*, сев.-кит. *ü* 'дождь'[7]. Ср. и.-е. **(s)w.d* в греч. ὕδωρ, англ. *water* 'вода' и т. д.

'**мясо**': фин. *liha*, кв. *'ls*, дене-фин. **('-)l.qš*. Нан. *uliksе*, эвенк. *ullə*[8], эвен. *ulrə*, алеут. *uluq*, кут. *-ułaks*, яп. *níku* 'мясо', 'плоть'. Ср. также гот. *leik* 'тело', нем. *Leiche* 'труп'.

'**рот**': фин. *suu*, кв. *s-ms*, дене-фин. **š.w.*, Манс. *sūp*, венг. *száj*, нутка *-ćuq-*, кут. *-łma-*, навах. *si-*, *-zē'*, чпв. *-dá*, айн. *čaru*, сев.-кит. *cuei*[9], бирм. *ba-zat* 'рот'[10]; нен. *sŏ*, алеут. *čuqaq*, саам. *čuwwe* 'горло'; нутка *-aq-suł* 'рот, отверстие'; нутка *-suł* 'глаз', 'маленькое отверстие'; нутка *-ćū* 'внутри'; хайд. *su*, фин. *sa-noa*, удм. *šuï-*, тур. *söyle-*, сев.-кит. *ṣuē* 'сказать'[11]; тлинг. *sa*, навах. *-ši'*, чпв. *-Nzí* (может быть, из древнего сочетания **n-šew* 'в'+ 'рот') 'имя'. Ср. англ. *swallow* 'глотать', и.-е. **sw.r* 'говорить' в англ. *an-swer* 'отвечать', гот. *swaran*, нем. *schwören*, англ. *swear* 'клясться', **sw.n* в лат. *sonus*, санскр. *svanaḥ* 'звук, шум', лат. *sonā-re* 'издавать звук', **sw.r* с потерей начального **s*, реэтимологизированного как префикс, в нем. *Wort*, англ. *word* 'слово'.

'**перо**': фин. *sulka*, кв. *ćlćlk*, дене-фин. **c'.lk* как вариант **t.nk*. Хлц. *ćlk-m*, инук. *suluk*, навах. *c'os*, морд. *tolga*, удм. *tïlï*, венг. *toll*, тур. *tüy*, нан. *degdeče*, эвенк. *dektenne*, нен. *to*, *tar*, чук. *teŋï-lgïn*, кор. *thʌr*, сюри *tuinukī*, айн. *rah*, чпв. *t'a*, мтл. *-t'a'*, тлинг. *ƚaw*, хайд. *ł-tanqa*, тибет. *dab-ma*[12] 'перо'; нган. *tʸu*, камас. *thü*, энец. *tiovo* 'крыло'; саам. *sāgye* 'крыло', 'рука'; венг. *szőr*, тур. *saç*, кв. *sÿa*, хайд. *qha-či*, навах. *-chī'* 'волосы'; кв. *čikʷa*, тлинг. *šuck*, алеут. *saq*, монг. *šubu*, кет. *keŋas-sen*, навах. *chítī*, кор. *shǟ*, айн. *čikap*, удм. *tïlo-burdo*, манс. *tow-liŋ*, дагур. *deī*, эвен. *dəgi*, нен. *tirtʸa*, инук. и юк. *tiŋ-miaq*, яп. *tori*, кут. *tuq̇-cqamna*, чпв. *tčt'ani*, хайд. *χe-thit* 'птица'; т. юкг. *čente*, мар.

čoŋešt-, тур. *uç-*, фин. *len-tää*, дагур. *derede*, нан. *degdeu-*, эвенк. *dəg*, эвен. *dəg*, нен. *ti-*, кет. *tayd*, чук. *riŋe-kvet-*, коряк. *yiŋa-*, юк. *tiŋi-*, инук. *tiŋmi-*, яп. *tobu*, навах. *-t'a'*, мтл. и чпв. *-t'a*, тлинг. *tuƛ* 'лететь'. Чередования согласных, в частности **t ~ *c'*, будут рассмотрены ниже.

'**шея**': фин. *kaula*[13], кв. *q̇uq̇uña*, дене-фин. **qʷ.w*. Морд. *korga ~ kirga*, инук. *quŋa-siq*, дагур. *hužū*, совр. монг. *hüzǖ*[14], коряк. *'iniyn* (< **q̇in*), чук. *'itïn*, ительм. *xöwmïn*, нен. *ik*, кут. *-kōkāk*, навах. *-k'os*, чпв. *-kʷ'oþ*, яп. *kubi*, айн. *re-kuh*, нивх. *qhos* 'шея'; чпв. *-gul*, др.-тибет. *m-gul*, айн. *kut* 'горло'. Ср. также лат. *collis*, нем. *Hals* 'шея'.

'**ноготь**': фин. *kynsi*, кв. *qeč-m*, дене-фин. **q.nc*. Мар. *küč*, манс. *kos*, морд. *kenže*, удм. *gižï*, нен. *hadá*, сельк. *kače*, нган. *katu*, нан. *hosakta*, эвенк. *osʸīkta*, дагур. *humese*, инук. *kukik*, алеут. *qagalgik*, нутка *čałča* (< **kałka*), чук. *'alqip* (< **q̇alqip*), кут. *-kukp*, навах. *-khēš-kān*, чпв. *-kan-*, нивх. *tïkñ* (< **tït-k.ni*, ср. *tot*, *tïmk* 'рука') 'ноготь'; нутка *'it-* (< **q̇ilt*), инук. *qisuk-* 'чесать'. Ср. и.-е. **gl.w* в нем. *Klaue*, англ. *claw* 'коготь', **gr.d* в нем. *kratzen*, англ. *scratch* 'чесать'.

'**сказать**': фин. *sa-noa*, кв. *nik*, дене-фин. **n.w*. Манс. *law*, нан. *umbu-* (может быть, из **unu-pu*), навах. *ní*, чпв. *-ni* 'сказать'; нутка *nu-* 'петь'; алеут. *tunu-(<*nunu?)* 'сказать'.

'**звезда**': фин. *tähti*, кв. *ƛuƛu*, дене-фин. **t'.ṣt'.w*. Нутка *ƛałūs*, хлц. *ƛałuẃa*, морд. *tʸeštʸe*, алеут. *sdaq*, чпв. *tþén*, бирм. *će*[15] 'звезда'; эвенк. *togo*, нен. *tava*, эвен. *tog*, венг. *tűz*[16], нен. *tu*, мар. *tul*, фин. *tuli*, морд. *tol*, удм. *tïl*, сельк. *tü*, хайд. *ča'ano* 'огонь'; чпв. *-tù*, навах. *-tò* 'горячий'; др.-тибет. *droba* 'теплый'. Ср. и.-е. **st.r* 'звезда' (может быть, из сибилянтного удвоения **c.t.r*) в греч. ἀ-στήρ, лат. *stella*, англ. *star*, возможно, также и.-е. **d.w* в англ. *twinkle* 'мерцать'.

'**дорога**': фин. *tie*, кв. *ƛx-*, дене-фин. **t'.kh*. Нутка *ƛaś-*, нен. *töhörï*, дагур. *teregule*, чук. *ret* (из удвоенного **tetteqh*), юк. *tuma*, кол. юкг. *čuko*, алеут. *taka-luq*, навах. *'a-thīn*, чпв. *'ä-then-ä*, тлинг. *te*, яп. *(mi)ti*, айн. *rū* (< **tū*), нивх. *tif* 'дорога'; хайд. *ƛa-*, кв. *ƛip-* 'шагать, ступать'; ительм. *tlale-*, чук. *tïle-*, хлц. *twa*, нитинат *ƛī-*, сев.-кит. *cĕu*[17] (может быть, из ассибилированной формы корня), бирм. *šouk*[18] 'ходить'. Это, возможно, тот же корень, что и последующий (фин. *seiso-*, кв. *ƛaxʷ*): 'дорога' семантически восходит к 'ходить', а 'ходить' связано со значением 'стоять'. Ср. нем. *treten*, англ. *tread*.

'**стоять**': фин. *seiso-*, кв. *ƛaxʷ-*, дене-фин. **t.qʷ*. Манс. *tuñsʸ*, мар. *šinǯu-*, саам. *čuoǯǯu-*, хант. *tʸotʸ-*, нутка *ƛakiš-*, тур. *dur-*, коряк. *tvit-*, чук. *(-t)watča-*, яп. *tat-*, кор. *sʌi'..s*, айн. *'etaras*, хакка *dīr-*, сев.-кит. *čàn*[19], бирм. *tha'*, куки[20] *dīr* 'стоять'[21], мтл. *ti-* 'стоя'; нутка *ƛiqʷ-*, фин. *istua*, мар. *šiñǯe-*, тур. *otur-*, дагур. *sau-*, нан. *tēsinu-*, эвенк. *tegetče-*, эвен. *tïgïndī-*, кет. *da-sešti*, навах. *-tá*, чпв. *-ta*, яп. *suwar-*, айн. *roh*, нивх. *thïv-*, сев.-кит. *cuè*[22],

бирм. *thayn*[23] 'сидеть'; яп. *de-* 'быть'. Ср. и.-е. **s-t.x* в санскр. *tiṣṭhā-ti*, греч. ἵστη-μι, лат. *stā-re*, англ. *stand* 'стоять'.

Девять тысячелетий — достаточный срок для весьма существенных изменений в значении и звучании корней. В результате семантических изменений почти 90% слов диагностического списка в финском и квакиютльском языках не родственны. Рассматривая эти и другие родственные языки, мы вновь встречаем те же корни, но с новыми значениями. Совпадение значений ряда слов в родственных языках может объясняться не только сохранением семантики дене-финского праязыка, но и параллельным развитием одного значения. Наличие родственных слов в значении 'путь' в квакиютльском и финском языках может быть результатом параллельного словопроизводства от корня в значении 'идти'. Другие соответствия могут быть региональными, восходить к периоду, когда сравнительно однородный язык уже распался на местные диалекты и родственные языки. Так можно объяснить близость некоторых форм сходного значения, например нутка *'atiq* 'выражать благодарность' и в эскалеутских языках: эским. *atiq*, алеут. *asya* 'имя', если предположить их общее происхождение из значения 'звать (call out)'. О некоторых семантических изменениях мы никогда не сможем догадаться, а некоторых нельзя будет доказать, даже если их предположит какой-нибудь компаративист. Например, кв. *wta* 'холодный' может быть генетически тождественно лесн. нен. *wit* 'вода', эвенк. *udun* 'дождь', кв. *wa* 'река' и *ẇa-p* 'вода', возможно, в связи с тем, что водные потоки и дождь в полярных странах очень холодные, но такая гипотеза остается лишь весьма гадательной, если только подобное семантическое развитие не будет прослежено во многих языках.

Звуковые различия сравниваемых слов часто можно объяснить регулярными звуковыми изменениями, как независимыми от позиции, так и комбинаторно обусловленными. Эти изменения можно доказать, собрав достаточное число примеров для каждого соответствия. Некоторые позиционно обусловленные изменения показать труднее других. Это касается в особенности полного исчезновения звука, например, в конце слова или на стыке с согласным аффикса. Особенно трудно доказательство, если от древних звуковых компонентов корня осталось так мало, что неясно, какой здесь корень, или в случаях, когда корни появляются в разных языках с разными аффиксами, выглядящими как часть корня. Сравнение финского и квакиютльского слов в значении 'звезда' основано на весьма вероятном предположении, что в исходном *t.w*, если он подвергся удвоению или инфиксации и в результате второй согласный корня переместился на третье место, последний согласный может в конечной позиции отпасть (если только не было суффикса или если последний согласный не слился с корневым гласным). Конечное *w* отражено в вакаш-

ском, где оно слилось с предыдущим гласным в *ū*, в нутка, где был конечный суффикс *-s* и в языке хайльцук, где был суффикс *-'a*. В финно-угорских, утративших удвоение как продуктивное морфологическое средство, конечный согласный корня отпадал особенно часто. Неудвоенные варианты (в значении 'огонь') сохранились лучше. Удвоение в значении 'звезда' могло иметь дистрибутивную семантику, символизирующую разбросанность звезд по небу.

Установление этимологий затрудняется также контаминацией форм или семантическим поглощением. Примером может служить корень **n.m* 'имя' в ряде дене-финских языков и его вариантная форма **n.w*, обнаруженная по крайней мере в кол. юкг. *niw* 'имя' и в венг. *név*[24] 'имя'. Хотя здесь мог произойти и регулярный фонетический переход *m* в *w* (в соответствии со звуковыми законами), могло сыграть роль и притяжение корня **n.w*, представленного в нутка *nu-* 'петь', фин. *sa-noa* и манс. *law* 'сказать'. Возможно, венгерский и юкагирский изменили **n.m* в *n.w* под влиянием корня **n.w*, значение которого (видимо, 'звать') казалось связанным с 'имя'. Это же изменение можно понимать как поглощение корнем **n.w* функций, первоначально присущих корню **n.m*. Чтобы решить, какое объяснение лучше соответствует историческим фактам, нужно знать что-то о культуре и манере мышления и восприятия действительности у соответствующего народа в ту эпоху, когда происходило изменение. Пока эти вопросы не разрешены, мы можем в предварительном порядке рассматривать венг. *név* либо как **n.m*, либо как **n.w*, указывая на существование и другой возможности, либо можем рассматривать **n.w* как фонетический вариант **n.m*. Исследователи вынуждены признать, что в некоторых случаях возможно двоякое решение вопроса. Они надеются, что некоторое количество неточных суждений об отдельных фактах не сможет исказить существо заключения, основанного на большом материале.

СТРУКТУРА

Языки гипотетической дене-финской семьи отнюдь не однородны типологически, хотя некоторые из сравниваемых групп языков обнаруживают существенное сходство. Возникает два вопроса. Во-первых, могут ли языки, столь различные по структуре, иметь общее происхождение? А если да, то как могли они дифференцироваться столь далеко?

Нет сомнения, что структура языка как правило изменяется очень медленно. Однако нельзя отрицать, что возможны и коренные изменения — либо в результате накопления целого ряда небольших изменений, либо под влиянием соседних языков за сравнительно короткое время. Если английский язык прошел длительный путь от флективного строя до строя, близкого к изолирующему, родственный ему литовский сохраняет и сейчас

в значительной мере древнюю индоевропейскую флективную структуру. Это пример длительного раздельного развития. А вот другой случай: два близкородственных тохарских языка по-разному выражают синтаксические и пространственные отношения: один предлогами, другой послелогами; это серьезное различие в структуре, возможно, объясняется тесными контактами одного из тохарских языков с тибетским. Вообще говоря, структурные изменения, объясняемые диффузией языков, ограничены и меняют структуру лишь в некоторых деталях, оставляя неизменной основную часть грамматики. С другой стороны, спонтанные изменения, происходящие без внешних влияний, протекают медленно. Однако накопление изменений (как контактного происхождения, так и спонтанных) может сделать родственные языки очень различными по строю. Следовательно, структурные различия в дене-финских языках в принципе не опровергают нашей гипотезы родства, и все же проблема эта не может быть оставлена без внимания. Нужно определить, совместимы ли особенности морфологии разных дене-финских языков с гипотезой их общего происхождения.

Наибольшие морфологические различия обнаруживают между собой вакашские языки и языки ка-дене (атапаскские и тлингит): если в вакашских языках много суффиксов и совсем нет префиксов, в языках ка-дене мало суффиксов, но очень развита префиксация. Тем не менее обе группы языков обнаруживают следы общего происхождения. Среди немногочисленных суффиксов ка-дене четыре суффикса имеют соответствия в вакашских языках. В обеих группах языков есть реляционные послелоги, часто со сходной семантикой: например, в атапаскском языке маттоле послелоги означают 'в', 'у', 'от', 'с чем-либо', 'без', 'для', 'к', и такие же значения имеют вакашские послелоги; некоторые другие послелоги маттоле переводятся в вакашском языке нутка комбинацией двух суффиксов. Некоторые служебные морфемы обеих групп языков, весьма возможно, родственны друг другу: мтл. *-ƚ* 'с (with)' || нутка *-iƚ* 'в отношении'; мтл. *-k'e* 'на' || нутка *-či* < вакаш. **-ki* 'у', 'в', 'на'. В языках ка-дене распространена реляционная или деривационная морфема, восстанавливаемая в виде **-yi* (а также, возможно, **-'i*). Ср. в нутка *-yī* и *-'i-* 'тот, который'. Аналогичный суффикс *-i* есть в корейском. В глагольной основе атапаскские языки, очевидно, сохраняют древние видовые суффиксы, составляющие типологическую параллель с системой глагольных видов вакашских языков. Среди этих суффиксов *-ƚ* (прогрессив) идентичен по форме окончанию итератива в нутка.

Подобно кетскому, китайскому, нивхскому и японскому языкам вакашские языки содержат классификаторы (счетные слова или морфемы при числительных), различающие длинные, круглые предметы, людей и т. д.; в языке хайда (группа на-дене) такую же

роль выполняют префиксы. Существование подобной типологической особенности в разных языках по обе стороны Тихого океана позволяет думать о ее архаичности, тем более что в других дене-финских языках есть мультипликативный суффикс (соответствующий русскому слову 'раз' после числительных). Некоторые из морфем этого значения, возможно, родственны: кв. *-ṗn*, нутка *-ṗit*, яп. *-pen* 'разы' (некоторые японские классификаторы могут быть заимствованием из китайского, но это не снимает возможности общего происхождения), сев.-кит. *-fen* 'частицы, доли', нивх. *-fat* 'части'; нутка *-qimƚ*, кв. *-sqm*, нивх. *-qr* (классификатор круглых предметов), хайд. *-ƚ-kam-* (классификатор больших круглых предметов), *-s-kha-* (классификатор маленьких круглых предметов), *q̇ai-* 'куски, глыбы', *qa-* 'широкие предметы', возможно, и яп. *-ko*, сев.-кит. *-ke* (наиболее общий, немаркированный классификатор), яп. *-ken* (классификатор для зданий), нивх. *-x*, сев.-кит. *-ken* (классификатор длинных предметов), нутка *-čīƚ* 'дни'; сев.-кит. *-chỉr* 'разы', нутка *-ċiq* 'палки, точки', кв. *-ċq* (классификатор длинных предметов), хайд. *sq̇a-* (классификатор палок и длинных предметов); нивх. *-rax* (классификатор тонких предметов), нивх. *rak* 'разы', яп. *-do*, юкг. *-če*, чук. *-ča*, алеут. *-sim* 'разы'. В языках ка-дене отсутствует широкое употребление классификаторов, но есть его следы. При счете людей в языке тлингит используется суффикс *-naχ*, близкие морфемы есть в некоторых атапаскских языках. С этим суффиксом сходны *-nin* в японском, *-n* ~ *-r* в нивхском, а также корень со значением 'человек' в атапаскских языках *(te)-ne*, нан. *nay*, нивх. *ńivx*, сев.-кит. *rén*, бирм. *lu*, хайд. *naŋ*; в значении 'мужчина' кор. *nam-za*, сев.-кит. *nán-rén*, возможно, также слова со значением 'женщина': фин. *nainen*, манс. *nē*, венг. *nő*, неп. *ne*, яп. *onna*, сев.-кит. *nü*. Кроме того, остатки древнего классификатора **q* содержатся в первых четырех числительных в языке тлингит и в атапаскских: тлинг. *λī-q̇*, *tī-χ*, *nač̓-k*, *ta-q̇un*, мтл. *lái-ha'*, *na-khé*, *tāk-k'e*, *tin-*c^y*'e* (мтл. c^y регулярно из **k*). Это мог быть общий классификатор, подобный сев.-кит. *-ke*. Дополнительное косвенное свидетельство — это существование в атапаскских языках ряда глагольных корней, обозначающих движение предметов или операции с предметами определенной формы — тот же принцип классификации предметов, что и при счетных словах и счетных аффиксах (классификаторах). Вполне возможно, что такой тип глагольных корней возник в ту эпоху, когда классификация предметов по форме использовалась при числительных.

Ряд фактов свидетельствует о позднем происхождении суффиксальной системы вакашских и эскимосских языков, как и префиксальной системы языков на-дене. Прежде всего, многие префиксы-классификаторы в хайда родственны суффиксам-классификаторам в других языках. Далее, аффиксы соответствуют корням в других дене-финских языках. Более того, те же морфемы

выступают в одном и том же языке как корень и как аффикс: нутка корень *si*-, суффикс -*si*, мтл. корень *šī*, префикс *ši*- 'я'; нутка *nīŵa* и -*ni* 'мы', мтл. *nuhnīŋ* 'мы' или 'вы'; нутка *yī* 'вы', *yā* 'тот', *yaqʷ*- 'тот, который', мтл. *yi*- — 3-е лицо и вышеупомянутые суффиксы обеих групп языков; хупа *χa*- 'идущий для', мтл. *ki*- 'продолжающий', навахо -*kāt* 'ходить', -*gāh* 'прийти', кв. *qhas*- 'ходить', *kaχ* 'прийти', *kl*- 'ходить на четвереньках', -*kl*- 'в движении'; мтл. *si*- и *s-sa*-, кв. *s-ms*, -*χ-st*, нутка -*ak-suƚ* 'рот'; мтл. *nā*- 'снова', нутка *na'u* 'следующий', кв. -*naxʷa* 'время от времени'; мтл. *nā*-, -*nāk*- 'глаз', нутка *ňač*- 'видеть', -*ňaqīƚ* 'находить'; мтл. *gi*- — префикс перфектива, нутка -*ki-λ* — формант вида моментального действия; мтл. *ƚi*- 'вместе', -*ƚ* 'с', нутка -*iƚ* 'в отношении'; мтл. *tah*-, кв. -*χ̓to* 'сверху (on top)'.

Для выявления древних элементов важно сравнить между собой префиксы разных дене-финских языков, в том числе на-дене. Тибето-бирманское и древнекитайское каузативное и транзитивное *s*-[25] может быть родственно атапаскскому транзитиву на -*ƚ*-. Префикс *k*-, образующий прилагательные и существительные в тибето-бирманских и китайском, можно сравнить с именным *āk*- в языке кутенай. В чукотском и атапаскских языках отметим следующие совпадения: чук. *nï*-, атап. *ni*- — префиксы, образующие прилагательные, ср. также кут. *n*- (морфема при сказуемом); чук. *r*- или *t*- 'я', атап. *ti*- и -*t*- 'мы'; чук. *ga*- (прошедшее время), мтл. *gi*- (перфектив); чук. *ra*- (будущее время и дезидератив), мтл. *ti*- (инцептив); чук. *ta*- 'делать' или каузатив, мтл. *ta*- 'закончить'. Чукотские морфемы в этих сравнениях составляют значительную часть ограниченного инвентаря префиксов этого языка. Сравнивая языки на-дене и кутенай, находим: тлинг. *si*- (дуратив), атап. *si*- (дуратив-перфектив), кут. *siƚ*- (дуратив); тлинг. *ƚ*- (репетитив или множественность объектов действия), кут. *ƚa*- (репетитив), '*aƚ* (мн. число); атап. -*n*-, кут. *hi-n*- (2-е лицо субъекта).

Эти факты (а может быть, и многие другие, для нахождения которых требуется более тщательное исследование вопроса) указывают, видимо, на общую этим языкам древнюю структуру, характеризующуюся употреблением как префиксов, так в особенности и суффиксов. Могло существовать и словосложение: действительно, почти все дене-финские языки активно используют словосложение, а многие современные аффиксы произошли из корней, употреблявшихся в словосложении. Современные структуры языков возникли в результате преимущественного развития суффиксации или, наоборот, префиксации: по первому пути наиболее далеко пошли эскалеутские и вакашские языки, по второму — языки на-дене. Айнский сохраняет некоторое количество суффиксов и не имеет префиксов. Нивхский и кетский префигируют местоимения или располагают их впереди глагола, а в остальном оказываются умеренно суффигирующими языками. Урало-алтайские — также умеренно суффигирующие, но они

суффигируют и местоимения. В японском употребляются суффиксы и послелоги. В современном китайском есть только послелоги, но есть следы существования в древности префиксов и суффиксов. Кутенай и тибето-бирманские используют как префиксы, так и суффиксы.

Во многих языках есть следы древнего словоизменения имен существительных по числам и падежам, а также, возможно, следы местоименных притяжательных морфем. Современные языки не все имеют категорию мн. числа, но во многих языках она есть (по крайней мере в местоимениях или в других ограниченных областях языка). В китайском языке мн. число есть только у местоимений; образуется оно с помощью элемента *-men*, может быть, родственного нутка *-m̓in-H* (факультативный аффикс), фин. *moni* 'много', юкг. *meŋeli*, венг. *mind* 'все', алеут. *a-mnayuq* 'много', а также серии индоевропейских корней, представленной лат. *mult-*, нем. *manche*, англ. *many*. В японском есть суффиксы мн. числа (например, *-tati* для местоимений и частично для существительных, обозначающих людей, и *-ra* для указательных местоимений). В бирманском языке *-dou'* служит суффиксом мн. числа для местоимений. Эти морфемы связаны, возможно, с независимыми корнями, например, с сев.-кит. *tēu* 'все', *tuē* 'много'. В вакашских языках мн. число обычно факультативно и обозначается легко отделяемыми аффиксами, например нутка *-m̓inH* и кв. *-x-ta'xʷ*, но в нутка аффикс мн. числа регулярно употребляется при местоимениях и часто, хотя и не обязательно, при некоторых существительных, обозначающих людей. В хайда и в языках ка-дене мн. число есть лишь у местоимений. В эскалеутских, чукотско-камчатских, айнском, урало-алтайских и кетском языках существует мн. число, а иногда также дв. число, образованные простым суффиксом в конце слова.

Что касается способа выражения мн. числа в период древнего дене-финского единства, факты как будто бы заставляют предполагать агглютинативную суффиксацию, как в вышеназванных языках. Но некоторые факты позволяют думать и о другой возможности. Можно, видимо, установить соответствие некоторых нерегулярных форм мн. числа в эскимосском языке и инфиксацией *-t-* в нутка. Это явление в эскимосском описано Ульвингом (1953) как «чередование ступеней согласных» (consonant gradation), но можно предположить и иное: это чередование возникло в результате слияния корневого согласного с инфиксом *-t-*. Ср., например, нутка *łātňa* (мн. ч. от *łaňa* 'ребенок') с эск. *nannut* (мн. ч. от *nanuq* 'белый медведь'); слияние **tn* > *nn* не только возможно в принципе, но и весьма напоминает обычные в эскимосской фонологии процессы. Аналогично происхождение мн. числа в таких случаях: *tuluwaq* (< **tulugaq*) 'ворон', мн. ч. *tulukkat*; *amiq* 'кожа', мн. ч. *ammit*; *qiŋaq* 'ноздря', мн. ч. *qiŋŋat*; *iši* 'глаз', мн. ч. *iššit*; *putuguq* 'большой палец ноги', мн. ч. *putukkut*.

В некоторых сочетаниях *-t-* сохраняется: *ukaliq* 'кролик', мн. ч. *ukatlit*; *nasaq* 'капюшон', мн. ч. *natsat; nuyaq* 'волос на голове', мн. ч. *nutsat*. Идентификация этих форм как происходящих из инфиксации форманта мн. числа затруднена тем, что измененная форма служит не только мн. числом, но и подчиненным падежом и что частично сходные чередования обнаруживаются и в сочетании с другими аффиксами. Другая трудность в том, что геминации подвергаются не только глухие согласные: ср. *nigaq* 'силок', мн. ч. *niggat* и *savik* 'нож', мн. ч. *savvit*. Однако все это можно объяснить аналогическим распространением древней системы, а частично также присутствием других инфиксов и опрощениями. Самая же главная трудность в том, что инфикс *-t-* обнаруживается лишь в двух соседних группах дене-финских языков. Хотя чередование ступеней согласных известно и финно-угорским языкам[26], оно не связывается там специально с мн. числом, оно может быть связано, полностью или частично, с инфиксацией, но не обязательно с инфиксом мн. числа. Следовательно, если инфикс мн. числа и древен, это может быть местное явление, существовавшее лишь в части диалектов дене-финского языка.

Видимо, все группы дене-финских языков имеют суффигированные или послеложные реляционные морфемы. Некоторые языки имеют, кроме того, падежные окончания, отличающиеся большей связанностью с основой. Так, в эскимосском различают синтаксические и наречные падежи, а в сравнительном финноугроведении признается наличие первичных и вторичных падежей. Поскольку почти несомненно существование общей тенденции превращения компонентов словосложения в свободные аффиксы и далее в аффиксы, теснее связанные с основой, трудно доказать, что дене-финский язык уже имел тесно связанные с основой аффиксы. Однако представляется вероятным, что такая тенденция действовала длительное время и более поздние образования индуцировались присутствием реляционных аффиксов в конечной позиции. Некоторые из них могли в период дене-финской общности быть уже не связаны с генетически тождественными им независимыми корнями.

Аналогичные проблемы возникают в связи с местоименно-притяжательными суффиксами имени, которые характерны для урало-алтайских, чукотско-камчатских, эскалеутских и вакашских языков, но в других языках (кетском, нивхском, китайском, тибето-бирманских) вытеснены префиксами и отдельными местоимениями, находящимися перед именем; в языке кутенай местоименно-притяжательное значение выражается префиксами в одних лицах и суффиксами в других.

Вообще говоря, глагольное личное спряжение в дене-финских языках частично или полностью сходно с употреблением местоименных притяжательных морфем при имени. Это привело некоторых ученых к мысли, что глаголы можно рассмат-

ривать совершенно так же, как имя: 'я бегу' выражалось бы тогда как 'мой бег'. Эта концепция, сформулированная для некоторых языковых семей, может быть применена ко всему рассматриваемому кругу языков.

Времена и наклонения в разных языках могли создаваться двумя путями. Один — употребление непосредственно при корне аффиксов, выражающих идею ожидания или будущности, прошедшего времени, предположительности, возможности и пр. Другой путь — употребление вспомогательных корней, к которым присоединяются личные окончания и которые сами постепенно превращаются в аффиксы. Употребление вспомогательных глаголов в японском и чукотско-камчатских языках — это один из этапов второго пути. Глагольное спряжение в эскимосском представляет завершение того же процесса, но система здесь столь регулярна, что можно думать о сравнительно поздней эпохе ее образования. В вакашских языках присутствуют обе стадии: так, наклонение косвенной речи выражается посредством суффикса *-we'in*, к которому присоединяются личные окончания, но при этом существует и отдельное слово *wāŷ-in* 'said' или 'it is said'. В квакиютльском языке есть независимый корень *q-* для выражения зависимого наклонения[27], тогда как в нутка тот же корень уже превратился в суффикс зависимого наклонения *-qa*. Соответственно в квакиютльском языке условное наклонение выражается словом *qu*, в нутка — суффиксом *-qū*. Источниками вспомогательных глаголов могут быть корни указательных местоимений, корни, указывающие положение, и т. п. Так же, как английский язык использует для выражения зависимого наклонения бывшее указательное местоимение *that*, и вакашские могли развить морфему зависимого наклонения из древнего указательного местоимения — с тем отличием, что к этой морфеме присоединяются личные окончания. Японское предикативное *-de* (при имени в функции сказуемого) может быть связано с *tat* 'стоять'. Как уже отмечено, корни со значением 'сказать' образуют наклонение косвенной речи в нутка .

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОРФЕМЫ

Нам остается еще рассмотреть свидетельства древнего употребления удвоения и символического чередования морфем. Но прежде перечислим сопоставления, касающиеся грамматических морфем.

Множественное число на *-t* в финском, мордовском, мансийском, хантыйском и эскимосских; на *-n* (из **t* в конечном положении) в алеутском и некоторых эскимосских диалектах; на *-n* в кетском (*-ïŋ* для некоторых слов, см. ниже); на *-d* в монгольском, *-ta* в маньчжурском; инфикс мн. числа *-t-* в некоторых существительных, обозначающих людей, в нутка,

а также, возможно, инфикс *-*t*- в эскимосском; мн. ч. на -*utar* в айнском; суффиксы мн. числа -*tati* (при личных местоимениях) и -*ra* (при указательных местоимениях) в японском; -*doṅ'* (при личных местоимениях) в бирманском; атапаскское (например, в навахо) дистрибутивное мн. число на *ti*- у местоимений. Некоторые из этих морфем (может быть, и все) можно сравнить с самостоятельными словами: кит. *tuē* 'много', удм. *tros*, мар. *šuko*, венг. *sok*, тур. *çok*, ительм. *divna*, яп. *taku-san*, айн. *renkayne*, нивх. *tam*- 'много'; кит. *tēu*, юк. *tamaq*, нивх. *sïk*, тлинг. *ł-takhat* 'все'. Ср. также лат. *tōtus* (из **t.w*) 'весь'.

Двойственное число: эским. -*k*, алеут. -*g*, манс. -*g*-, хант. -*gïn*; мн. ч. на -*k* в венгерском и саамском и в некоторых случаях в финском, ижорском и мордовском; чукотское мн. число местоимений на -*k*; в нутка мн. число императива на -*č*, нерегулярное конечное -*H* во мн. числе при некоторых суффиксах; тлинг. мн. ч. -*min-H*; тлинг. -*χ*, указывающий, что действие происходило в нескольких местах; кет. -*ïŋ* (< *-*n-q*); нивх. мн. ч. -*ku*; кут. мн. ч. -*ik*, -*ēk*. Ср. мн. число на -*ki* в алгонкинских языках. Ср. и.-е. собирательное *-*x* (отражающееся в конечном долгом *-*ā*) в им. падеже мн. числа ср. рода и в собирательных именах, поглощенных жен. родом. Можно думать, что этот элемент первоначально был морфемой собирательности и принял значение дв. числа в результате употребления с названиями парных частей тела (например, 'руки'). В конечном счете эта морфема могла быть связана и с самостоятельными словами, ср. эвенк. *kete*, эвен. *hoya*, нен. *ŋoka* (< **n-qoqa*), кв. *q̓i*, хайд. *qu'an* 'много'; фин. *kaikki*, нутка *Hačat-ak*, кут. *q̓ap*-, айн. *'okore* 'весь, все'. Ср. также гот. *hails*, нем. *heil*, англ. *whole*, *hale*, где в основе значения лежит идея полноты.

Мн. число: алют. коряк. -*w* (*i*), юкагир. -*pe*, -*pul*.

Суффикс аблатива: саам. -*t*, удм. -s^y-*t*, фин. -*ta*, морд. -*do*, в угорском праязыке *-*l*, маньчж. -t^y*i*, тюрк. -*tän*, инук. -*ni-t*; сев.-кит. -*de* 'принадлежащий к, характеризующийся чем-л.'; бирм. -*de* (формант прилагательных); инук. экватив -*tut*; аллатив: маньчж. -*tala*, инук. -*n-u-t*; вин. падеж: тюрк. -*ti*; локатив: айн. -*ta*, тюрк. -*ta*; инук. прозекутив -*gut*; тлинг. -*tin* 'с (with)'. Ср. также и.-е. аблатив *-*d*; некоторые индоевропейские формы могут восходить к *-x^w-*t*, возможно, параллельному эским. -*gu-t* и -*n-u-t*.

Локатив: алют. -*k*, юкаг. -*ke*, нутка -*či*; аллатив: ижор. -*k*, манс. -*g*, мар. -*kï*, алеут. -*ŋ*, тлинг. -*khi*; дат. падеж: тюрк. -*kä*, кет. -*ïŋx*, юкагир. -*ŋin*; инструменталис: эским. -*ni-k*, нивх. -*kir*; нивх. локатив-аблатив -*ke*; тлинг. -*χ*, мтл. -*gā* 'от'; хайд. -*ku* 'у', -*ka* 'в', -*kī* 'к', 'для'. Ср. также алгонкинский локатив на -*ki*.

Притяжательный падеж: фин. *-n*, мар. *-n*, морд. *-ń*[28], кет. *-ni*, тюрк. *-niŋ*, яп. *-no*; алют. *-ŋin* (суффикс притяж. падежа в местоимениях); коряк. суффикс *-in*, образующий прилагательные; айн. адъективное *-n*.

Винительный падеж: манс. *-m (a)*, мар. *-m*, саам. *-m*, фин. *-n*[29]; коряк. *-ma*, кут. *-mat* 'с'; мтл. *-pi'* 'в'; алеут. *-m*, в эскимосских диалектах *-m* либо *-p* — аффикс подчиненного падежа субъекта переходного глагола или притяжательного падежа; кв. *-m*, нутка *-p* (из конечного **m*), слившиеся с корнем, а также *-ma* и *-min* — распространенные конечные части корней, относящихся к предметам; фин.-уг. субстантивный формантив *-ma*. Возможно, что здесь две, если не три, древние морфемы.

Эским. (юк. и инук.) локатив на *-ni*, а также аблатив *-ni-t*, инструменталис *-ni-k*, аллатив *-n-u-t*; венг. *-ne-k* с разными реляционными значениями; локатив: нен., хант. и фин. *-na*, мар. *-ne*, *-nə*, саам., пермск., манс., венг. *-n*[30]; сев.-кит. *-li*[31], яп. *-ni* 'в', 'у'; мтл. *-nā* 'для'; венг. *-nál* 'у'. Венг. *nek-*, принимающее личные окончания (например, *nekem* 'мне' или 'у меня дома', *neked* 'тебе' или 'у тебя дома'), показывает, из какого корня развился конечный *-nek*; ср. также хайд. *na* 'дом', тлинг. *nē-ł* 'в доме', а вне дене-финских языков — и.-е. *'.n 'внутри', шахапт. *'ni-t* 'дом'[32].

Аллатив: саам., морд. *-s*, мар. *-š*[33]; кв. инструменталис *-s-*, употребляемой с местоименными аффиксами; кут. *-s-* (падеж предмета, в пользу которого совершается действие); нивх. инструменталис *-s*; нутка *-ił* 'по отношению к', мтл. *-ł* 'с'.

Местоимения или аффиксы 2-го лица **te* (с варьирующими гласными и с ассибиляцией *t* > *č*, *š*, *s* перед передними гласными в соответствии с фонетическими законами каждого языка) находим в урало-алтайских, эскалеутских, нивхском, чукотско-камчатских языках и в хайда. Ср. также индоевропейские языки и некоторые группы языков Америки.

Другие морфемы 2-го лица: атап. *nī*, *ni-*, *-n-*, манс. *naŋ*, кут. *ninko*, *-nis*, *hi-'n-*, яп. *anata*[34], сев.-кит. *nǐ* 'ты'[35]. Атапаскские местоимения 1-го или 2-го лица мн. числа (мтл. *nohniŋ*, навах. *nihi*) могут помочь объяснить употребление того же корня в значении 'мы' в нутка (*nīŵa*, *-ni*) и в значениях 'я', 'мы' в кв. *nu*, видимо, первоначально имевшее значение инклюзива (2-е лицо + 1-е лицо), которое позволило перейти от 2-го к 1-му лицу. Другой случай — венг. *én* 'я', хотя это может быть диссимиляцией из **mén*; др.-кит. **ŋa*, инук. и юк. *-ŋa*, алеут. *-ŋ* 'я', возможно, из *-*n-qa* или, может быть, из **m-qa*; нивх. *ńi* 'я'. Отметим также очень распространенное употребление *n* в 1-м лице в языках Америки и во мн. числе в и.-е. **no-s* 'мы'. Не исключено, что переходом 2-го лица в 1-е (аналогичным описанному выше) можно было бы объяснить наличие

*t в 1-м лице в тлинг. *thu*, хайд. *łalan*, кет. *ïtn* 'мы'; тлинг. *χat*, кет. *at*, хайд. *ti* 'я'.

Тюрк. *-šu* 'iste' (местоимение, указывающее на предметы вблизи собеседника), яп. *so-* (указательные местоимения среднего расстояния), нутка *suẁa*, *-suk* 'ты'; нутка *sīẁa* 'вы'; кв. *su* 'ты', 'вы'. Ср. также инук. *-si*, юк. и алеут. *-či* (2-е л. мн. ч.) и н.-е. *-*si* (глагольное окончание 2-го л. ед. ч.)[36].

ЧЕРЕДОВАНИЯ, УДВОЕНИЯ В КОРНЕ И ОПРОЩЕНИЕ АФФИКСОВ

В некоторых более или менее продуктивных морфологических процессах и в некоторых кажущихся неправильностях, существующих внутри отдельных языков или выявляемых при их сравнении, обнаруживаются свидетельства древнего использования таких морфологических приемов, как удвоение и символическое чередование фонем. Другие отклонения от фонологических соответствий в сравниваемых языках могут исторически восходить к слиянию корневых согласных с древними суффиксами, префиксами и инфиксами.

Удвоение — продуктивный процесс в вакашских языках, где оно выражает, в частности, разбросанность предметов в пространстве (дистрибутив) или повторение во времени (итератив) или может сопровождать использование некоторых суффиксов. Удлинение гласных иногда выражает длительность, иногда сопровождает суффиксацию или удвоение. Как удвоение, так и удлинение гласных могут сопровождаться инфиксацией. Удвоение есть также в чукотско-камчатских языках, где оно характеризует абсолютную (номинативную) форму многих односложных имен, тогда как неудвоенная форма употребляется с суффиксами. В китайском языке удвоение выражает повторность (*khàn-khàn* 'смотреть вокруг', *khàn* 'смотреть') или используется при употреблении некоторых имен вне словосложений (например, *thài-thài* 'жена').

Употребление удвоения для выражения повторности встречается и в вакашских, и в китайском, и не исключено, что это употребление может быть древним. Другой случай употребления удвоения в китайском напоминает употребление в чукотском, но в обоих случаях кажется приемом, позволяющим избежать большей краткости слов, нежели того требуют нормы языка; такая функция вряд ли могла сохраняться в течение тысячелетий. Вероятнее всего, от древности сохраняется лишь сам прием удвоения (допустим, в такой функции, как дистрибутивная), а в чукотско-камчатских языках и в китайском удвоение, утратив свои первоначальные функции, используется там, где оно может заполнить структурный вакуум, вызванный стиранием старых форм.

Древность удвоения доказывается не только его существованием в трех упомянутых группах языков, но и более сильным аргументом: окостеневшими остатками удвоения в отдельных морфемах языков. Такие формы есть, например, в вакашском; ср., например, нутка *ƛaƛūs*, кв. *ƛuƛu* 'звезда', нутка *čaƛča* (< **ƙa-ƛ-ƙa*) 'ноготь' — эти морфемы рассмотрены уже выше и показаны их соответствия в других языках. Другие примеры: фин. *kuka* 'кто'[37], эвенк. *kēkikta*, алеут. *qačGiq*, чук. *gïlgïn* 'кожа'; без удвоения те же корни выступают в удм. *ku* 'кто', нен. *hoba* 'кожа'; эвенк. *hegdi* (< **qheqïti*), яп. *ōkī* (< **qhoqi-yi*) 'большой', ср. без удвоения нан. *kēte*, кет. *qe*, ительм. *xi*, кор. *khïta*; мар. *kokt-*, венг. *kettő* (< **kektö*), фин. *kaksi* 'два', ср. без удвоения т. юкг. *kin*, дагур. *hoire*, монг. *qoyar*, ительм. *kasx*.

Есть одно явление типа удвоения, которое можно назвать «эксфиксацией гласного»: корневой гласный повторяется перед первым согласным корня. В вакашских, сохраняющих древнее ʾ и *h*, один из этих древних ларингалов принимал участие в эксфиксации. Примеры эксфиксации гласного: нан. *omokta*, эвенк. *umukta*, эвен. *umta* 'яйцо', очевидно, родственные манс. *muŋi*, фин. *muna*, эским. *manna*; алеут. *uluq*, нан. *ulikse* (< *ʾulukse*), эвенк. *ullə*, эвен. *ulrə* 'мясо'[38], кв. *ʾls* 'мясо', без эксфиксации в фин. *liha* 'мясо'; нан. *ekte* 'женщина', возможно, родственно юкагир. *kote*, кет. *ket*, хайда *χata*, тлинг. *qha* 'человек'; эвенк. *umūn* — т. юкг. *mor-hon* 'один'; эвенк. *ukun*[39] — нан. *kūni* 'сосок груди'; юк. *unuk*, инук. *unnuaq*, нивх. *urk* — коряк. *nikita*, чук. *nïkirit* 'ночь' (ср. также лат. *noct-*, англ. *night* 'ночь'); алеут. *imliq-* — юк. *mïłquq* 'волосы'; алеут. *uyuq*, юк. *uyāquq* 'шея' — нен. *ik* 'шея' и, возможно, хант. *yug*, манс. *yū* 'дерево'[40]; нутка *ʾaya* 'много' — нутка *ÿāq*, коряк. *yul-* 'длинный'; нитинат. *ʾadak*, нутка *ʾink* (< **ʾanakʷ*) — кв. *lqʷ-* 'огонь'; кв. *hexʷ* (< *hayaxʷ*) 'лоток для промывки золотоносного песка' — нутка *yaxʷ* 'трясти'; кв. *hixʷa* — нутка *yā* 'отрицать'; кв. *huλhi-* (< **h-wλ*) 'слушать' — кв. *wλ-* 'слышать'. Те же явления обнаруживаются и в индоевропейских языках: греч. ὄνομα — лат. *nōmen* 'имя', греч. ὀδοντ- — лат. *dent-*, англ. *tooth* 'зуб'.

Удлинение гласных в нутка (*hīni* 'дающий' из *hinī* 'дать') и внутреннее удвоение (типа *yaʾāxyaxʷa* 'трясущий то там, то здесь' из *yāxyāxʷa* 'трясущий') могут быть связаны с древним процессом, который отражен также в чередованиях гласных в финно-угорских языках. Этот процесс мог начаться с морфологического чередования гласных по количеству, в дальнейшем фонетические процессы, различные для долгих и кратких гласных, привели к чередованию гласных по качеству. Если фонетическое развитие согласных после долгих и кратких гласных было неодинаковым, то и чередование ступеней согласных в финно-угорских языках могло возникнуть на той же основе. Сингармонизм, объясняющий некоторые отклонения от регуляр-

ных соответствий в родственных морфемах, считают поздним явлением, возникшим в отдельных группах урало-алтайских языков.

Что касается качественного чередования гласных в древних дене-финских языках, аргументы в пользу его существования немногочисленны, но довольно вески. Прежде всего, есть свидетельства древнего чередования переднего гласного верхнего подъема и заднего гласного нижнего подъема в указательных местоимениях: местоимение с передним гласным указывает на близкий предмет ('этот'), местоимение с задним гласным — на далекий предмет ('тот'): алеут. *nikun* 'этот' и *naman* 'тот', манс. соответственно *ti* и *ta*, юкагир. *tiŋ* и *taŋ*, венг. *ez* и *az*, кет. *ki-* и *ka-*. Легко видеть (хотя бы на английских словах *this* и *that*), что та же особенность существовала и в индоевропейских языках, но реконструируемые гласные при этом — **e* и **o*. Различие между дене-финскими и индоевропейскими языками здесь может быть поздним, так как дене-фин. **a* может происходить из **o* либо и.-е. **o* — из **a*. Тот факт, что многие индоевропейские языки содержат *a* на месте и.-е. **o*, позволяет думать о неогубленном характере этого гласного во многих древних индоевропейских диалектах.

То же чередование используется в индоевропейских языках для указания различий протекающего действия и завершения действия (ср. англ. *sing—sang*, *ring—rang*; это, в сущности, применение в отношении времени того же принципа, который находим в указательных местоимениях). Следы подобного использования чередования можно найти в атапаскских языках, где таким образом различаются несовершенный и совершенный виды: мтл. *-lix*, *-lai* 'пользоваться веревкой', *-thīx*, *-thān* 'пользоваться длинным предметом', *-c'ig*, *-c'ā'n* 'слышать', *-nix*, *-nā* 'to move camp', *-le*, *-lag* 'делать'.

Есть факты, свидетельствующие о чередовании гласных верхнего и нижнего подъема для различения «диминутивов» — вариантов корней с уменьшительной семантикой (с гласным верхнего подъема) и «аугментативов» — вариантов с увеличительной семантикой (с гласным нижнего подъема) подобно противопоставлению μικρός и μακρός в греческом языке: алеут. *kiŋu-* 'маленький', *aŋu-* 'большой' (в реконструированной форме, видимо, **k'inku* и **qhanqu*), удм. *piči* 'маленький' и *baʒʸïm* 'большой' (<* *p'ici*, **phaćï*); юкагир. *yuku* 'маленький', нутка *y̓āq* 'длинный'. Другие примеры с гласным верхнего подъема в словах со значением 'маленький': чук. и коряк. *plu-*, фин. *pieni*, тур. *küçük*, венг. *kicsi*, мар. *izi*, нан. *nūči*, нитинат. *'inūx*, нутка *-'is*, юк. и инук. *mikï-*. Примеры на гласные нижнего подъема в словах со значением 'большой': нен. *ŋarka*, нан. *dāi*, сев.-кит. *tà*, коряк. *mayiŋ*, манс. *agmiŋ*, хайд. *qamču*, *ƛaqhonanan*, чпв. *-chá*, кв. *ẅalas*, нутка *-aqaq*, *'aya-*, венг. *nagy*,

инук., юк. *aŋï-*. С другой стороны, небольшое расстояние между языком и нёбом при гласных верхнего подъема и открытость рта при широких гласных напоминают значение, выражаемое словами. Если здесь перед нами «символическое» употребление звуков (расположение органов речи напоминает выражаемую словом идею), естественно ожидать некоторого перевеса слов с широкими гласными среди слов со значением 'большой' и перевеса слов с узкими гласными среди слов со значением 'маленький'. Однако языки не всегда следуют этому естественному символизму (примеры: английские слова *little* 'маленький' и *big* 'большой' оба содержат узкие гласные, а *small* 'маленький' и *large* 'большой' — оба с широкими гласными). Следовательно, главный вопрос — является ли это употребление древним, можно ли проследить его до периода дене-финской общности, а также в какой степени активным было его использование в дене-финском языке. Имеющийся материал позволяет предположить, что уже в дене-финском языке существовало чередование между **k'in* 'маленький' и **qhan* (или **qhar*) 'большой' и что эта модель чередования могла иметь более или менее широкое употребление в других корня́х. Это чередование могло быть родственно символизму в обозначении близких и далеких предметов (в указательных местоимениях).

Возможно, что система чередования была трехчленной: *a* — аугментатив или отдаленность, *e* и *o* — нормальная ступень или среднее расстояние, *i* и *u* — диминутив или близость. Судя по некоторым корням, обнаруживающим между собой родство, могла быть также какая-то модель перехода от *i* к *u* и от *e* к *o*, но характер этой модели пока не определен.

Есть следы чередования согласных. Это чередования двух типов: условно назовем их «глоттальными» и «оральными». Оба типа чередований связаны с аугментативно-диминутивным символизмом. Они встречаются вместе с чередованием гласных, а иногда — независимо от него. Чередования согласных активно используются в чинукском и в некоторых других американских языках, да и в прочих языках Америки есть их явные следы. Можно найти примеры такого чередования и в индоевропейских языках: аугментативное **gh* в нем. *groß*, англ. *great*, *grow*, противопоставленные диминутивному **g* в нем. *klein* и англ. *child*. «Оральное» чередование дало следующие триады (нормальная ступень—аугментатив—диминутив): *n r l*, *š ś s*, *t č c*, *q q k*, q^w q^w k^w, *h h* '.

В последних трех триадах нормальная и аугментативная ступени идентичны (насколько мы можем реконструировать фонемы). «Глоттальные» чередования содержат также три ступени: нормальные, придыхательные и глоттализированные согласные. Например, в ряду переднеязычных — *t th t'*, и так в каждом ряду (соответствующая схема в индоевропейском—

**t* **dh* **d*). Обе системы чередований пересекались, возникал усиленный или ослабленный символизм. Так, в ряду переднеязычных согласных *čh* — полный аугментатив, *c'* — полный диминутив; умеренные аугментативы — *th* и *č*, умеренные диминутивы — *t'* и *c*. Но можно было использовать и *č'* для обозначения диминутивизированного аугментатива, а *ch* для обозначения аугментативизированного диминутива. Не обязательно все согласные корня были маркированы в смысле символизма этих чередований, что связано с ослабленным чередованием, и тут могли быть различия между диалектами. Слова «диминутив» и «аугментатив» нужно понимать лишь как удобные ярлыки для целого комплекса идей, включающих движение, яркость, остроту, резкость в «диминутивах», интенсивность, высокую температуру, твердость в «аугментативах».

Ни один из современных дене-финских языков не имеет продуктивных фонологических чередований такого типа, но следы есть везде, особенно в вакашских языках. Можно предполагать поэтому, что в период дене-финского единства эта система активно действовала лишь в некоторых диалектах, а в большинстве утратила продуктивность. Главной причиной ее утраты могло быть упрощение системы согласных. Некоторые примеры этих чередований уже приводились выше (в связи с чередованием гласных). Вот еще примеры:

Нутка *qū-'as* (< **q.r*) 'человек', букв. 'человек в деревне'; *qū-ł* 'раб', букв. 'человек в доме'; кв. *knl-* 'ребенок'. Родственные слова с **q* или **qh*: чук. и коряк. *qïlawïl*, дагур. *hū*, монг. *irgen*, эвенк. *ilə*, манс. *-holʌs*, инук. *aŋut*, юк. *aŋun*, тлинг. *qha*, мтл. *ka'-* 'мужчина, человек'; умеренный диминутив **k* в тлинг. *kuχ* 'раб'; аугментативизированный диминутив в кут. *xati* 'сын', нитинат *xāda'k* (< **khāna*) 'женщина'. Это слово в языке нитинат должно быть результатом позднего действия чередования, ибо старое **kh* дает *š*, либо результатом влияния салишских языков, где тот же корень означает 'супруг, -а'.

Хайд. *χata* 'человек', *χat* 'отец женщины', *qha* 'дядя'; хайд. *kit* 'сын'. Родственные слова: кет. *ket*, юкагир. *kote* 'мужчина, человек'.

Нен. *hōba*, сельк. *qōpü*[41], алеут. *qačGaq*, *qačGiq*, яп. *kawa*, айн. *kah* 'кора', 'кожа'; юкг. *har* 'кожа'; монг. *halisa*, дагур. *haise*, нан. *horakta*, тюрк. *kabuk*, хлц. *χk̓*^{w}*m*, чук. *itkï-* (< **qhitk*) 'кора'; манс. *ker*, хант. *kär* 'скорлупа'; фин. *kerma* 'кожура'; венг. *kér* 'пленка'; фин. *keri* 'новая береста, выросшая на месте содранной'. И.-е. параллели содержат **q*, например в лат. *cor-tex* 'кора'.

Кв. *q*^{w}*ay-k*^{w}, нутка *k*^{w}*atyīk* 'тяжелый'; кв. *k̓*^{w}*ak̓*^{w}*aya'a-k*^{w}, нутка *k̓atyīk-'is*, фин. *keveä*, саам. *gäppād* 'легкий'. Утрата лабиализации во втором слове языка нутка не соответствует регулярным фонетическим законам, но известна такая же утрата в других

словах. Ср. и.-е. *G^w.r в санскр. *gurūḥ*, лат. *gravis*, греч. βαρύς 'тяжелый'; *x^w.n в лат. *onus* 'груз', санскр. *ánaḥ* 'повозка'.

Хайд. *qhāči* 'голова'; с диминутивом остроты — хайд. *q̓a* 'гарпун'. Возможно, однако, что это исконно различные корни. Ср. также кв. *q̓lt-* 'работать долотом', *q̓as-* 'делать метку', нутка *ʿas-* 'тесать', *ʿa-* 'ранить', кв. *k̓ax^w-* 'брить', *č̓aH^w-* 'тесать', кв. *k̓i-*, нутка *č̓i-* 'резать'.

Нутка *-aq-suł* 'большое отверстие (устье реки, пещера и пр.)', нутка *-ak-suł* 'рот, губа'.

Нутка *qiš.-* 'хромать'; нутка *kiš.-* 'извиваться'.

Нутка *qat* 'твердый'; нутка *č̓it-'is* 'мягкий' (-*'is* — уменьшительный суффикс).

Нутка *łūt-* 'греметь (о громе)'; нутка *sūt-* 'сверлить', *si'ił* 'палочка для добывания огня трением'.

Нутка *t̓i-* 'бросать', *λ̓i-* 'стрелять', *c̓i-* 'проливать, погружать (spill, dip)', **c̓ītq-* 'вода бьет струей'. Здесь все варианты с глоттализацией (резкость действия), но с нормальным *t*, аугментативным *λ* (< **č*) или диминутивным *c* в зависимости от силы и характера действия.

Нутка *łiłma* 'твердый'; нутка *sim-* 'туго натянутый'.

Дагур. *šihe* 'большой', *u-šiken* 'маленький' (поморфемно 'небольшой', и все же в корне средний согласный отличается от согласного исходного слова: **šike* противопоставляется **šiqhe*). Последняя форма основана на *č.q^w, как в нутка *λuk^w-*, кв. *λk^w-*, хант. *šoh*, коми *čʌk* 'толстый'. Диминутивы — в кут. *caquna*, кор. *ca. . k*.

Дагур. *halōn*, рюкюск. *hac'i-*, алеут. *qiŋi-*, нивх. *qhav* 'горячий'; дагур. *kuiten*, удм. *kez^yït*, эвен. *gelra*, чук. *-qivye-*, кут. *-iłko-*, чпв. *-k'ad*, мтл. *-k'ac*, навахо *-k'ā̜z*, тлинг. *kusa'at* 'холодный'. Отклоняющийся от общих правил консонантизм находим в хайд. *k̓ina* и инук. *kiat-* 'горячий', в венг. *hideg*, т.юкг. *hatič* 'холодный'. Ср. также лат. *calidus* 'горячий', *gelidus* 'холодный'.

Сев.-кит. *rè* 'горячий', *lěŋ* 'холодный'.

Среди классификаторов предметов по форме в языке хайда находим затемненные следы символизма: *k̓at-* (мелкие предметы), *xat-* (мелкие предметы), *χa-* (много мелких предметов), *k̓u* (короткие предметы), *ku-* (широкие предметы), *sqa-* (длинные предметы, например веревки), *sq̓a-* (длинные предметы, например палки; видимо, родственно нутка *-c̓iq* 'палки, длинные предметы'), *-sk̓a-* (мелкие цилиндрические предметы), *skha-* (шарики), *łka-* (ветвистые предметы).

Мы не проводили подсчетов, чтобы определить, сколько случаев согласуется, не согласуется или нейтрально в отношении корреляции размеров (и других ассоциируемых с размерами признаков) и ступеней чередований согласных. Но ясно, что во многих случаях употребление согласных согласуется с теорией; в других же случаях есть расхождения, объясняе-

мые просто, — например, в случаях добавления уменьшительного аффикса или отрицания: смысл при этом меняется, а согласные остаются. Наконец, имеются случаи, где есть чередование, но нет очевидной корреляции со смыслом. Эти слова могли возникнуть, когда символическое чередование уже утратило продуктивность либо изменило прежнее значение. В упомянутых выше словах со значением 'перо', 'птица', 'лететь' есть полные и частичные диминутивы: **c'.lk*, **t'.lk*, **t'.nq*. Во многих языках, утративших глоттализацию, формы с **t'* по звучанию совпали с недиминутивами. Единственное противоречие символизму — в кор. *thʌr* 'перо', 'волос'. Эта форма могла произойти из аугментатива со значением 'крыло', 'перо крыла', ср. нутка *ƚapH-*(< **λhamqh-*) 'взмахнуть крыльями'. Не исключено, что в древности эти варианты были связаны с корнем, означавшим 'стоять', 'выдаваться вперед', и родственными могут оказаться слова весьма разных значений: нан. *dili*, эвен. *del*, эвенк. *dil*, нутка *ƚuH-*, сев.-кит. *thóu* 'голова'[42]; инук. *taliq* 'рука (arm)', алеут. *taliq* 'ветка', 'сук'; инук. *tatli-ma-t* 'пять' (число пальцев руки); эвен. *taŋńa*, чук. *rïnnï*, юк. *čigū-niq*, яп. *tuno*, навахо *-tẽ'*, чив. *-tê* 'рог'; нутка *λiH-* 'move pointwide'; сев.-кит. *tàu*[43], нен. *teu*, энец. *taebo*, фин. *tavata*, инук. и юк. *tikit* 'достичь, прибыть'; и.-е. **d.ngʷh* (например, англ. *tongue*) 'язык', **doq* (гот. *tagls*, англ. *tail*) 'хвост'.

У вакашей существует стилистико-фонетическое явление, которое может быть отражением древних чередований. Наиболее развитое у нутка, оно состоит в изменении некоторых согласных в случаях, когда говорят с людьми очень высокого роста, с очень маленькими, с носителями определенных физических недостатков или говорят об этих людях или о некоторых мифических персонажах. В деталях эти чередования не вполне соответствуют древним, но в принципе они сходны. Э. Сепир писал об этом: «... Важно заметить, что как у нутка, так и квакиютлей есть ощущение взаимозаменяемости сибилянтного и латерального рядов» (E. Sapir, Abnormal types of speech in Nootka. — «Geological survey of Canada Memoir» 62, 1915, стр. 10). Не известно, представляет ли это явление результат длительной традиции чередования согласных, изменявшегося в деталях, но сохранившего некоторые существенные черты древних чередований. В английском и других языках есть другое чередование, которое может восходить по типу к древности, — это замена *r* на *l* в уменьшительных именах: *Hal*, *Sally*, *Molly* вместо *Henry*, *Sara*, *Mary*.

В древнекитайском языке существовало чередование начального согласного в зависимости от залоговых значений, например **gen* 'видимый'[44], **ken* 'видеть'[45] или **duan* 'быть разрезанным', **tuan* 'резать'[46], **dʸiaŋ* 'длинный'[47], **tʸiaŋ* 'удлинять'[48]; существовало и менее регулярное чередование: **ken* 'видеть',

**khan* 'смотреть'[49]. Нечто подобное есть и в нивхском языке: *t^y-osq-t^y* 'оно сломало', *zosq-t^y* 'его сломали'. Охватывая лишь начальный согласный, оно, конечно, может восходить к древним префиксам. Такая гипотеза подтверждается существованием древнекитайских залоговых префиксов *s-*, *h-*, *p-* (каузативных или делающих глаголы переходными). В пользу этой гипотезы говорит и существование залоговых префиксов в тибето-бирманских, чукотско-камчатских языках и в языках ка-дене. Материально связаны с китайскими префиксами, возможно, чук. каузативное *tï-*, транзитивизирующее *-ƚ-* в языках ка-дене, так что кит. **gen* и **ken* могут восходить к **ken* и **tken*.

Следы древнего префикса **n-* в языках, не имеющих живых префиксов, обнаруживаются в назальном начальном согласном урало-алтайских и чукотско-камчатских корней, нормально начинающихся на **q-*, **h-* и **y-*. Мы предполагаем префикс, а не начальное сочетание согласных корня, ибо в языках, имеющих начальное *ŋ*, этот звук проводится непоследовательно (см. ниже примеры). Этот префикс, по крайней мере в части случаев, возможно, идентичен адъективному префиксу ка-дене и чукотско-камчатских языков. Хотя большинство примеров — существительные, они могут восходить к прилагательным, слово со значением 'голова' могло прежде означать 'похожий на голову', 'торчащий' или 'высокий'. Кроме того, могло быть несколько разных префиксов *n-*.

Нен. *ŋʌwa*[50], кв. *xu-ms*, алеут. *kamgiq*, дагур. *heki*, кет. *kïyga*, нутка и нитинат. *-qī*, нитинат. *qātqāt* 'голова'; чук. *ŋegne*, коряк. *ŋayŋay*, алеут. *qayqq*, нен. *hoy*, дагур. *aule*, монг. *ūla*[51], нан. *huren*, хлц. *q̓uq̓ʷs*, венг. *hegy*, эвенк. *kamńiga*, *ure*, эвен. *kalrarki*, мар. *kurïk*, манс. *ur*[52], удм. *gurez^y*, юк. *qamiq*, инук. *qaqqaq* 'гора'. Очевидно, здесь несколько разных корней или несколько вариантов корня, содержащих **(n)q.w*, **(n)q.m*, **(n)q.y*. Ср. в индоевропейских языках лат. *caput*, нем. *Haupt*, англ. *head*, русск. *голова* и русск. *гора*, санскр. *giri* 'гора'.

Нен. *ŋuda*[53], эвенк. *ŋāle*, эвен. *ŋal*[54], мар. *kit*, манс. *kat*, удм. *ki*, фин. *käsi*, венг. *kéz*, дагур. *gari*, ительм. *hkheč*, нутка *kukʷinks*, возможно (в качестве элемента словосложения), в чук. *mïn-gï-* 'рука, hand'. Видимо, из **(n)k.t* и **(n)k.r*. Возможно, связано с и.-е. **k.mt*, англ. *hand* 'рука'; и.-е. **de-km̥* ('две руки') в лат. *decem*, гот. *taíhun*, англ. *ten* 'десять'[55].

Нен. *ŋāya*[56], *hoba*, удм. *ku*, мар. *kowāšte*, эвенк. *kēkikta*, юкагир. *har*, алеут. *qačGiq*, чук. *gïlgïn*, юк. и инук. *amiq* 'кожа'. Формы частично сходны с корнями в значении 'голова', что может быть связано и с семантическим смешением: в обоих понятиях есть идея 'сверху', хотя и в разных смыслах.

Нен. *ŋarka* 'большой', *ŋarhanda* 'все', *ŋoka* 'много'[57]; кет. *qe*, мар. *kugo*, ительм. *xi-*, эвенк. *həgdi* 'большой'; эвенк. *kətə*, эвен. *hoya*, кв. *q̓i* 'много'. Видимо, из **(n)q.n* с разными согласными

альтернантами аугментативного направления, иногда с удвоением. Конечный корневой согласный иногда чередуется с *t* и *y*.

Чук. *ŋew-*, коряк. *ŋawan*, ительм. *ŋim-čxïn*, кет. *qim* 'женщина'.

Нен. *ŋarpa-*, эвен. *kol-*, ительм. *γel-* 'пить'.

Нен. *ŋʌbt*, фин. *hapsi*, манс. *āt*, мар. *üp*, венг. *haj*[58], нутка *hapsÿi*, кв. *hap-* 'волосы'. Из **(n)h.pt* или скорее из **(n)h.-p.t*, ибо *ha-* может быть эксфиксацией.

Манс. *ńēl*, венг. *nyelv*, нен. *næmü*, мар. *yəlmə*[59], эвенк. *čōlʸī*, ительм. *ilčil*, чук. *yilyil* 'язык' (tongue).

Эвен. *ńurit*, эвенк. *ńuriktə*, удм. *yïrsʸi*, мар. *čerʸ* 'волосы'; юкагир. *yo*, удм. *yïr* 'голова'; навахо *yá*, чпв. *yà* 'небо'; мтл. *ya-*, др.-тибет. *ya* 'вверх'.

Чук. *ŋireq*, коряк. *ŋiye*, ительм. *kasx*, т. юкг. *kin*, дагур. *hoire*, монг. *qoyar*, фин. *kaksi*, венг. *kett ő*, мар. *kokt-*, манс. *kit* 'два'[60].

ФОНОЛОГИЯ

Фонемы, реконструируемые для периода дене-финского единства, перечислены выше. Коротко рассмотрим изменения, которым подверглись фонемы в отдельных группах языков. В целях краткости перечислим лишь наиболее существенные моменты в развитии звуков, особенно в начальной позиции.

Несколько слов об акцентологии. Тот факт, что обычно лучше всего сохраняются начальные элементы корня, а аффиксы и конечные части корня стираются больше, заставляет думать о древнем ударении на первом слоге корня. В сложных словах главное ударение должно было падать на первый компонент. Противоположная картина в языках ка-дене имеет диалектное или позднее происхождение.

Недавнего происхождения и фонологическое разноместное ударение в японском языке, где ударение может падать на первый или второй слог корня, на аффикс или постпозиционное служебное слово. Тоновые противопоставления в слоге обнаруживают языки ка-дене, хайда, китайский и тибето-бирманские, сократившие корень до одного слога. Возможно, что фонологическое ударение в японском и тоны в других языках развились из общей акцентной системы, может быть, из восходящего и падающего ударения на определенном слоге корня. Как известно, в китайском языке тоны в значительной степени отражают старое различие согласных перед гласным и после него.

Лабиовелярные согласные утрачены почти во всех группах дене-финских языков. В вакашских они сохраняются. В китайском они преобразованы в согласный+*u* и, таким образом, слились с исконной группой **ku* и **hu*. Положение в хайда неясно: хотя там есть лабиовелярные, пока не найдены морфемы, в которых они соответствовали бы древним лабиовелярным, и

поэтому можно думать об их вторичном происхождении. В некоторых диалектах ка-дене есть противопоставление огубленных и неогубленных велярных, но оно, по-видимому, позднее. Развитие древних лабиовелярных в ка-дене представляется в следующем виде. Перед *a* лабиализация утрачивалась. После лабиовелярного *i* и *e* переходили в *o*, совпав с рефлексом древних *u* и *o*. Исконные велярные перед *o* были огубленными. Таким образом, огубленность перестала быть фонологической, так как встречалась только перед одним гласным, перед которым неогубленный не встречался. В некоторых диалектах возникло новое противопоставление по огубленности в результате процессов типа $*qoi > *q^{w}\bar{\imath}$ или (в диалектах галлис и като) $*qo > k^{w}a$. Сходным могло быть развитие и в хайда, но для окончательных заключений пока мало материала. Поскольку в большинстве языков лабиализованные исчезли, доказательство древнего существования лабиовелярных зависит от вакашских и китайского языков. Полезно также искать родственные корни вне дене-финских языков. Мы будем приводить индоевропейские параллели, подкрепляющие дене-финские данные.

Древние глоттальные типы — простые, придыхательные и глоттализованные согласные — сохраняются еще в корейском, в на-дене и в вакашских языках. Но в последних двух группах языков произошло передвижение сибилянтов и велярных. Древние придыхательные стали спирантами, и возникли новые придыхательные (видимо, из непридыхательных на стыке согласных). Так, кв. *q*, *qh*, *q̓*, *χ* могут происходить соответственно из **q*, **qq*, **q’*, **qh*. В языке тлингит на месте глоттализованных аффрикатов возникли глоттализованные спиранты, например *s̓*. Языки на-дене утрачивают эти противопоставления в губных. Ительменский язык содержит четыре триады: *t t̓ s*, *k k̓ x*, *q q̓ qh*, *č č̓ š*. В чукотском и корякском языках нет глоттализованного ряда, но древнее *q̓* отражается обычно в виде гортанной смычки ’. Параллельно этому утрачено *h*, но оно идентифицируется по отсутствию согласного, противопоставленному смычке ’. В вакашском языке нутка *q̓* и *q̓ʷ* дали фарингализированную гортанную смычку ’, тогда как *qh* и *qʷh* дали фарингализованный придыхательный *H*. Следовательно, есть регулярное соответствие чук.-кор. ’ = нутка ʿ, чук.-коряк. Ø = нутка *H*.

Современная трехчленная система чукотско-камчатских языков может представлять древнюю четырехчленную (три глоттальных ряда и геминаты). Действительно, дене-фин. $*t >$ чук. *r*, коряк. *y*, ительм. *y*, а **k*, **q* и лабиализованные дали *g*. Современные *t*, *k*, *q* возникли из **tt*, **kk*, **qq*. В губном ряду $w < *w$ и $w < *p$, а $p < *pp$. Развитие в эскалеутских языках шло сходно с чукотско-камчатскими, но спирантизация там происходила лишь в середине слова. Так получаются алеут. *d*, *g*, *G*, эским. *v*, *g*, *G*, *š*. Противопоставление глухих и звон-

ких в юкском вторично. Древнее *t в эскимосских не спирантизировалось, а p всех типов дало алеут. h. В алеутском изредка обнаруживаются спиранты в начальном положении. Судя по возможным соответствиям в вакашских, эти спиранты возникли из глоттализованных: алеут. *gugtaq* 'открытый, продырявленный', *gu-* 'проникать', нутка *k̓u-* 'зацеплять'. *k̓ūk*^{w}- 'ткнуть в землю (poke into ground)', но без глоттализации *kuH-* 'дыра'; алеут. *dika-siq* 'нож', *dugtaq* 'рыболовный крючок', нутка *ł̓uH-* 'убийство', *ł̓ux*^{w}- 'разрывать на кусочки кедровую кору', *c̓ux*^{w}- 'работать долотом', *č̓īHat-i* 'стрела', *ƛ̓i-* 'стрелять', *c̓ax*^{w}- 'толкнуть (thrust)', мтл. *t'oł* 'долото', тлинг. *ŝu* 'обрезать', *ł̓uk* 'стрелять'.

Исходя из этих данных, можно думать, что корейская система трех рядов согласных отражает дене-финское состояние. Однако дене-фин. *qh > кор. *Ø*. В корейском есть придыхательное и глоттализованное s, которые отчасти могут быть древними, а отчасти отражают аффрикаты.

Праяпонский язык (предок японского и рюкюского) мог сохранять систему трех рядов, как корейский. Глоттализованный ряд еще сохраняется в йонаминском диалекте (Рюкю). Этот диалект имеет два разных рефлекса для неглоттализованных (как в губном, так и в велярном ряду): йонамин. h, соответствующее k в диалекте сюри, может восходить к *kh. Диалект сюри имеет два рефлекса неглоттализованных губных: h и hw, которые могут восходить соответственно к *p и *ph. Дене-фин. *q' и *qh развивались, видимо, как в эскимосских языках. В отличие от рюкюских, японские диалекты не знают четкого различения трех глоттальных рядов. Противопоставление звонких глухим — позднее (по крайней мере отчасти); звонкие регулярно возникают в интервокальном положении, в вопросительно-неопределенном *do-* и в некоторых других условиях. В китайских заимствованиях звонкие и глухие отражают соответственно простые и придыхательные. Яп. h — из всех губных смычных.

В языке кутенай велярные и сибилянты отражают древнее тройственное глоттальное противопоставление в виде простых смычных, глоттализованных и спирантов. В других рядах представлены только простые и глоттализованные.

Нивхский язык имеет четыре ряда согласных — глухие простые и придыхательные смычные, звонкие и глухие спиранты (описанные в литературе звонкие смычные, видимо, связаны с определенными позициями) p ph v f, t th r rh, t^y t^yh z s, k kh g x, q qh G χ. Глоттализованных нет. Типы иногда чередуются в зависимости от фонетических условий, и есть морфологическое чередование (см. выше) между простыми и придыхательными (среди спирантов — между звонкими и глухими) для выражения залоговых значений. Видимо, $v <$ *p, $f <$ *ph, $p <$ *pp, $ph <$ *pph.

В китайском языке фонемы, видимо, развивались сходным образом, но система типов смычных была ближе к тибето-бирманской.

В тибето-бирманских языках три глоттальных типа согласных: звонкие, глухие и придыхательные. Сравнение с на-дене (Swadesh, Athapaskan and Sino-Tibetan) заставляет думать, что простые и глоттализованные согласные дали звонкие, придыхательные дали придыхательные, а глухие возникли из сочетаний согласных.

В айнском языке различия глоттальных типов сохраняются лишь в переднеязычном и велярном рядах, ибо *r* может восходить к **t*, а айн. *t* — к древнему сочетанию согласных, тогда как *h* восходит к **qh*.

В кетском единственные следы глоттальных противопоставлений — *x* < **kh* и *Ø* < **qh*.

В разных подгруппах урало-алтайских языков древняя система фонем изменилась по-разному: в некоторых простые, придыхательные и глоттализованные совпали, в некоторых различия остались лишь в виде *h* или *Ø* из **qh*, в некоторых возникло противопоставление звонких и глухих. В удмуртском языке, где звонкие редки и встречаются в словах со значением 'большой' и 'гора', но отсутствуют в значении 'маленький', можно бы думать о развитии звонких из придыхательных. В тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, где звонкие часты, они могут восходить к простым смычным, а глоттализованные и, возможно, сочетания согласных могли дать глухие. На месте ожидаемого *p* находим *f*, *h* или *Ø* (в зависимости от языка). Если наше предположение о разном происхождении звонких в удмуртском и алтайских верно, тогда урало-алтайский праязык должен был еще различать три древних глоттальных типа, а также отражать сочетания согласных.

Плавные во многих языках сведены к одному (*r* либо *l*), а в нутка слились с *n*. Но до этого слияния праважашские плавные в некоторых положениях перешли в *y* или *w* либо оглушились в *ł* и потому не совпали с *n*. В языке кутенай **l* регулярно оглушалось в *ł*. В некоторых позициях в языках на-дене и кутенай **l* оглушалось, а **ł* озвончалось в *l*; в результате упрощения групп согласных возникли новые противопоставления.

Велярные и увулярные во многих языках совпали, их различие сохранилось лишь в тюркских, самодийских, кетском, нивхском, чукотско-камчатских, на-дене, кутенай, вакашских. Хотя каждый из атапаскских языков стремился устранить один из двух заднеязычных рядов (велярные или увулярные), в некоторых языках это противопоставление сохранилось, в других обнаруживается косвенно, так что, сравнив морфемы разных

атапаскских языков, мы часто можем определить, восходит ли согласный к велярному или увулярному.

Система сибилянтов в большинстве языков упростилась, лишь ка-дене и урало-алтайский праязык сохраняют древние различия, первые — в виде *š*, *ł*, *s*, *λ*, *c*, последний — в виде *š*, *ś*, *s*, *ć*, *c*. Но современные урало-алтайские упростили систему, сведя древние сибилянты к двум или одной фонеме. В финском древнее *ć* дало *h*, в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских — *č*. В китайском аффрикаты различаются (*č*, *c*), но три спиранта сведены к двум (*ś*, *s*). В атапаскских языках можно усмотреть следы третьего аффриката (*č* твердого), но в предварительном порядке можно допустить вторичное его происхождение (наша схема аугментативно-диминутивного символизма требует лишь двух аффрикатов как ступеней чередования **t*). Решение проблемы зависит от дальнейших исследований.

Сонанты *w* и *y* имеют тенденцию быть устойчивыми, особенно в начальной позиции, но в эскалеутских начальные *y* и *w* отпали.

Назальные согласные устойчивы везде, кроме алеутского, где начальное **m* дает *h*, а начальное **n* дает *t* (везде, кроме указательных местоимений). В языках ка-дене часто **m* дает *p*.

Можно найти и некоторые соответствия гласных, но крайняя неустойчивость гласных делает проблему исключительно сложной. Отметим лишь некоторые моменты, облегчающие читателю анализ примеров. В языке квакиютль краткие гласные были, видимо, утрачены (хотя в некоторых позициях, возможно, краткие сохраняются в виде нейтрального гласного), а долгие гласные сократились. Поэтому исконные вакашские краткие следует искать в языке нутка. В обоих вакашских языках распространена контракция древних сочетаний гласных с полугласными. В чукотско-камчатских и эскалеутских языках некоторые краткие гласные перешли в центральный гласный (в чукотское *ï*), а в некоторых ритмических условиях (разных для разных языков) утрачивались. В эскимосских древнее *ï* дает *i* (а в некоторых положениях в слове — *a*), но это *i* можно отличить от исконного *i*, так в соседстве с исконным *i* по-иному развивались (и утрачивались по иным правилам) согласные. В алеутском *ï* дает *a* или утрачивается (по правилам, отличным от эскимосских).

Ниже приводим примеры на лабиовелярные, на редукцию **q'* и **qh* в ' и *ø* и на соответствие урало-алтайских сибилянтов латеральным в вакашских и на-дене. Остальные фонетические соответствия не иллюстрируются специально, но содержатся в примерах на протяжении всей работы.

Кв. *'n-k^{w}a*, тюрк. *kim* 'кто' и т. д. (см. выше).

Нутка *k^{w}i-* 'точить', *x^{w}inš-* 'brush past', *k^{w}ix-* 'тереть', *'as.-* 'тесать', *ƙum-* 'показывать пальцем'; тлинг. *χoł*, инук. *kīniq-saG-*

'заострять'; инук. *qičaGi-* 'остроконечный'; инук. *kakitu-* 'быть заостренным', *kak* 'острый конец'; юкагир. *kič*, венг. *hegy* 'конец, острие'; фин. *kasa* 'выступ'[61]; чук. *kewe-* 'тереть, брить'; сев.-кит. *kuā* 'скрести'[62], *khuài* 'острый'[63]. Ср. и.-е. *k^w.d в санскр. *cud-*, нем. *wetzen*, англ. *whet* 'точить'; лат. *cot-* 'оселок', англ. *whittle* 'строгать'.

Сев.-кит. *hué* 'жить'[64], *khuài* 'быстрый'[65]; кв. $\dot{q}^w$l- 'жить'. Ср. и.-е. *g^w.y в лат. *vivus* 'живой' и англ. *quick* 'быстрый'.

Кв. $\dot{q}^w$l 'сгореть дотла'; кв. $\dot{k}^w$mł-, хайд. *qoka*, айн. *hukuy*, навахо *-k'ăNł*, чпв. *-k'án*, тлинг. *kan*, *qan*, кут. *-aq̇ako-* 'гореть'; коряк. *qanGaqan*, алеут. *qignaq*, инук. *iŋniq* (*qhikni), юк. *kiniq*, навахо *khoN*, чпв. *khún*, тлинг. *χ̌an*, сев.-кит. *huě* 'огонь'[66]; нутка *Hapc*, чук. *kïrgï*, ительм. *klxol*, чук. *'ïlo*, инук. *uvluq* 'сухой'; алеут. *qilaq*, нутка *ku'ał* 'утро'; чук. *qergïqer* 'свет'; кв. *q̇ul* 'кипятить горячими камнями'; эст. *kee-*, мар. *küa-* 'кипеть', фин. *keittä-*, саам. *güpte-* 'кипятить', алеут. *qaGluGi-*, инук. *kalāG-* 'кипеть'; чук. *'ora'ak* (из удвоения *q̇oraq̇ak) 'светильник'. И.-е. *g^wh.rm в санскр. *gharmaḥ*, лат. *formus*, греч. θερμός, русск. *жаркий*, англ. *warm* 'горячий, теплый'. Ср. также салиш. *q^wl 'горячий, сухой, гореть'; квилеут[67] q^wała' 'жарить'.

Кв. k^waq̇-, алеут. *aGačGi-* (из удвоения *q̇aqac-), чук. *'alara-* 'желать'; нутка $\dot{k}^w$in'ał 'страстно желать'; нутка -$\dot{k}^w$ap 'любить, хотеть'; алеут. *qaGagta-* 'любить'; нутка 'ix^w 'возлюбленный'; чук. *gït-* 'желать, голодный'; фин. *kerjää-*, коми *kor-*, венг. *kér-* 'просить'; удм. *kurï-* 'умолять'[68]; венг. *kell-*, удм. *kul-*, коми *kol-* 'нужно, быть нужным'[69]. Лат. *quaere-re* (из *k^wexire-) 'просить, искать'; возможно, нем. и англ. *hunger* 'голод'; лат. *cupe-re* 'желать'.

Кв. k^wlx^w- 'сероватый'; кв., нутка $\dot{k}^w$is-, юк. *qanig-* 'снег идет'; алеут. *kanig*, ительм. *kolol*, коряк. *'al'al*, чук. *'ïl'ïl*, *'ïtlel* 'снег'; нутка $\dot{k}^w$imac 'мороз'; чук. *gilgil* 'морской лед'; инук. *qašiG-*, кв. $q^w\chi$- 'серый'; сев.-кит. *huáŋ*[70], кут. *-kat-*, яп. *kīro-i*, фин. *keltainen*[71], эвенк. *igǯa-* 'желтый'; навахо, чпв. *-kai*, мтл. *-goy*, хайд. *qata*, юк. *qasuG-*, алеут. *qumaq*, инук. *qaquG-*, *qatiG-*, чук. *ilgï-* 'белый'; энец. *kiare* 'яркий'; сельк. *kuečal* 'светлый'[72]; нутка *kuƛuH-* 'безоблачный'; фин. *kajasta-* 'рассветать'[73]; инук *qaGsuG-* 'бледный'. Ср. гот. *hweits*, нем. *weiß*, англ. *white* 'белый'. Ср. также чимакум. $\dot{q}^w$īti- 'седой'[67].

Кв. $\dot{q}^w$aq^whala, нутка 'aHa-, сев.-кит. *huêi* '(по)вернуться'[74], кв. $\dot{q}^w$ni'stala 'прогуливаться'; сев.-кит. *huàn* 'возвращать, сменять'[75]; нутка. k^wa- 'пятиться'; кв. $\dot{k}^w$a-, алеут. *uŋuči-*, инук. *iŋit-* 'сидеть'; инук. *kiŋu*, чук. *ŋoyŋïn* 'задняя часть'; др.-тюрк. *kädin* 'сзади'; эвенк. *gədi-muk* 'затылок'; кут. *-qanquqat-*, хант. *körik* 'круглый'. Ср. и.-е. *k^w.l в санскр. *cakraḥ*, греч. πόλος, англ. *wheel* 'колесо'; санскр. *cara-ti*, греч. πέλω 'вращать, поворачивать'; греч. κύκλος, γῦρος 'круг'; лат. *orbis* (< *x^w.rbh-) 'круг'; в отношении значения 'сидеть' ср. англ. *squat* 'сидеть на корточках'. Сюда же

могут относиться дене-финские и индоевропейские корни со значением ‘шея’ (идея ‘опоры’: точка опоры головы).

Приведем примеры на *q’ и *qh. Для полноты сравнения приводятся также родственные слова с *q.

Нутка ‘*atiq-*, эским. *quya-*, алеут. *qaGasa-* ‘благодарить’ (особенно в церемониальной речи); яп. *iwawa-* ‘поздравлять’; яп. *inoru-* ‘молиться’; инук., юк. *atuG-*, яп. *utawa-*, кв. *q̓mt-* ‘петь’, нутка ‘*imt-* ‘пропеть слова песни’; нутка ‘*imt-ī*, инук. и юк. *atiq*, алеут. *asya*, кут. *-kɬē-*, нивх. *qha*, хайд. *kiye*, нан. *gərbu*, эвенк. *gərbī*, эвен. *gərbə*, т. юкг. *kiyen* ‘имя’; чук. *’ayŋa-*, алеут. *igta-*, инук. *qainquyi-*, фин. *kutsu-*, саам. *goč|čo-* ‘звать’[76]; инук. *aitauG-* ‘зевать’; нутка ‘*iq-* ‘выкрикивать (cry out)’, ‘*iH-* ‘плакать’; нутка *-‘in* ‘sounding’, чук. *qïnŋetï-*, *quliletï-*, уналик. алеут. *qaG-*, алеут. *aGaŋi-* ‘кричать’; юк. *qiya-*, инук. *qia-*, алеут. *qīda-* ‘плакать’; инук. *kiu-* ‘отвечать’; инук. *qatï-* ‘голос’; инук., юк. *qanïq* ‘рот’, ‘говорить’; алеут. *adiq*, юк. *qaχɬu*, инук. *qaGlu* ‘губа’.

Нутка ‘*it-*, кв. *q̓iq̓ikʷala*, чук. *’ïr’e-*, яп. *ituwára-* ‘говорить неправду’; алеут. *ata-sa-naq* ‘кажущийся’; чук. *’atkewma* ‘неправильный’; может быть, фин. *kuje* ‘шалость’[77].

Яп. *o*, кор. *k’ori*, тур. *kuyruk*[78], эвен. *irgə*, нан. *huygu*[79], кет. *xuht*, чук. *ŋoyŋïn*, нивх. *ŋïki*, кут. *-qat*, хайд. *ɬ-kiata* ‘хвост’; мар. *kutan-* ‘зад’; нутка *-’a-kλi*, *-’a-qλi* ‘задний’; алеут. *ačidaq*, инук. *iGquq* ‘крестец’. Ср. лат. *cauda* ‘хвост’.

Нутка ‘*inīλ*, яп. *inu*, чук. *’ïtt’ïn*, коряк. *’atta’an*, нивх. *qan*, инук. *qiŋmiq*, эвенк. *ŋïnakïn*[80], кут. *xāɬcin*, хайд. *χa*, кор. *kä*[81], сев.-кит. *kču*,[82], бирм. *khwe*[83], фин. *koira*[84], морд. *kiska*, манс. *kūtʸuw*, венг. *kutya*, тур. *köpek*, нен. *vʌne-ko*, к. юкг. *topo-ko*, ительм. *košχ* ‘собака’. Ср. лат. *canis* ‘собака’.

Яп. *isi*, эвенк. *hisə*[85], удм. *iz*[86], хайд. *qhōga*, алеут. *quganaq*, фин. *kivi*, морд. *kʸev*, венг. *kő*[87], т. юкг. *heyleŋ*, ительм. *kov* ‘камень’; кв. *’ikis*, кет. *qesʸ*, юк. *qaugiaq* ‘песок’.

Яп. *okī*, алеут. *aŋu*, инук. и юк. *aŋï-*, эвенк. *həgdi*, эвен. *əgǯən*[88], ительм. *xi-*, кет. *qe*, кор. *khïda*[89], мар. *kugu*, нан. *kɔ̄tə* нен. *ŋarka*[90] ‘большой’.

Нутка ‘*uq-*, кв. *k̄lq-* (< **q̓ulq* и **k̄ulq*) ‘мочиться (о мужчине)’; нутка ‘*us-p̓aɬu* ‘мочевой пузырь, желудок’; инук. *ittiGuq*, чук. *’ïttït*, венг. *húgy* (< **qhuy*), фин. *kusi*, удм. *kïzʸ*, саам. *guǯ|ǯâ* ‘моча’[91]; инук. *qui-*, мотор. *kunc*, сельк. *küža-* ‘мочиться’[92]; нутка ‘*ič* ‘гнилой’; кв. *q̓is-* ‘заплесневелый’; алеут. *itiG*, инук. *itiq* ‘anus’; чук. *’el’el*, коряк. *’al’al*, ительм. *k̄elal*, нутка *Hic-mis* ‘кал’; кв. *q̓aɬ-* ‘смердеть’; чук. *qïyetlïn* ‘anus’, яп. *úma-* ‘гноиться’; яп. *abi-se-* ‘обливать’. Возможно, контаминация корней **q.t* ‘зловонный’ и **q.w* ‘проливать’. Ср. и.-е. **G. dh* в нем. *Kot* ‘грязь, кал’; с префиксом **s-* в англ. *shit* (< **s-q. t*) ‘испражняться’; и.-е. **gh.w* в санскр. *juhō-ti*, греч. χέω, гот. *giutan*, нем. *gießen* ‘лить’, англ. *gut* ‘кишка’; **x.wr* в лат. *urīna* ‘моча’.

Нутка *ʿamiq-* ʿмоллюск horseclam'; юк. *amyak*, инук. (о-ва Барроу) *avyak* ʿмоллюск в раковине'.

Нутка *ʿiš-ī* ʿлодыжка'; инук. *ataga-uk*, чук. *'aloče-* ʿзапястье'; чук. *'elewï* ʿсвязывать'; нутка *ʿan-*, инук. *illāG-* ʿлатать'. Ср. и-е. **g.nw* в лат. *genu*, санскр. *jānu*, греч. γόνυ, нем. *Knie*, англ. *knee* ʿколено'; греч. γωνία ʿугол'; **x.ng* в лат. *angulus* ʿугол', англ. *ankle* ʿлодыжка'; **g.r* в нем. *krumm*, англ. *crooked* ʿкривой'.

Сюри *inágu*, яп. *onna*, инук. и юк. *aGnaq*, кет. *qim* ʿженщина'; кв. *χʷnkʷ-* ʿдочь, дитя' (первое значение древнее — ср. нутка), нутка *Hakʷ-* ʿдочь вождя'. Ср. и.-е. **gʷ.n* ʿженщина' в греч. γυνή, русск. *женщина*, англ. *queen*. Индоевропейские и японо-окинавские формы происходят из **q̓ʷ.n*, а кетская, эскимосская и нутка — из удвоения **qʷ.qʷn* с простым, глоттализованным или придыхательным начальным.

Нутка *Hama* ʿночевать', кв. *χamas* ʿleave all night'; кв. *qanuλ*, хайд. *qal*, алеут. *amag* ʿночь'; чук. *ameča-tï-* ʿсолнце заходит'; юк. *amiGlu* ʿоблако'. И.-е. **gh.rw* в нем. *grau*, лат. *ravus*, англ. *gray* ʿсерый'; **g.lw* в англ. *cloud*; **sq.t* в гот. *skadus*, нем. *Schatten*, англ. *shadow* ʿтень'.

Нутка *hiH-* (из формы **hi-qhi-* с эксфиксом), инук. *āniG-* ʿдышать'; кв. *xns-* ʿдышать носом'; яп. *aeg-* ʿзадыхаться'; яп. *aóg-* ʿдалеко'. Ср. и.-е. **x.n* в лат. *animus* ʿдыхание, жизнь'; **x.dh* в нем. *atmen* ʿдышать'.

Приведем примеры на древние **ś* и **č* — аугментативы от **š* и **t*, вместе с другими ступенями чередования тех же морфофонем.

Мар. *šöšte-* ʿзащищать от ветра или солнца'; нутка *ƛic-*, *ƛiH-*, хант. *säyip*, коми *sayʌd* ʿукрытие'; кв. *ƛixʷ-* ʿциновка'; кв. *hƛka* ʿзащищать'; фин. *suoja*, саам. *suoggye*[93], алеут. *čačiq* ʿукрытие'; коми *sayal-* ʿукрываться'; чук. *č'ïwï-rgïn* ʿпередняя стена яранги'; инук. *situŋa-* ʿпротянутый'; чук. *č'orgïrga-ypïn* ʿполог'; алеут. *sutuq* ʿпарус'; алеут. *ču-* ʿнадевать', *čuga-* ʿзавернуть'. Возможно, санскр. *sanu-tar* ʿв стороне, прочь', нем. *sondern* ʿотделять', англ. *asunder* ʿотдельно'; лат. *se-* ʿот-, раз-', *sed* ʿно', нем. *Segel*, англ. *sail* ʿпарус'.

Фин. *henki* ʿдыхание, дух'[94]; нутка *ƛim-aqsti*, др.-тибет. *sems* ʿум, дух'; чук. *čig'u*, др.-тибет. *sems*, навахо *-zin*, тлинг. *či* ʿдумать'; мар. *süm*, манс. *sim*, венг. *sziv*, фин. *sydän*, нен. *sēy*[95], сюри *čimu* ʿсердце'.

Мар. *čoka* ʿплотный, густой', коми *čʌk*, хант. *šoh*, манс. *šok*[96], нутка *λukʷ-*, кв. *λkʷ-* ʿтолстый'; тур. *çok*[97], мар. *šukï* (диалектный вариант слова *čoka*)[98], венг. *sok*, ительм. *tiwna*, манс. *sau*, яп. *taku-san*, сев.-кит. *tuē*[99], нивх. *tam-* ʿмного'; дагур. *šihe* ʿмного'[100], нен. *tʸuku'*, эвен. *čələn*, мар. *čïla*, тлинг. *ƛ-takhat*, юкагир. *čumut* ʿвесь'; нутка *λaya-*, *saya-* ʿдалеко'; хайд. *λaqhonan* ʿбольшой'; инук. и юк. *takï-*, хайд. *čiŋkaŋ*, айн. *'otanne*, сев.-кит. *čháŋ*[101] ʿдлинный'; в диминутивной ступени: чпв. *c'úkarč*, кут. *-ca-*, яп. *tīsai*, кор.

ca..k, айн. *ha-čiko*, сев.-кит. *ciǎu* 'маленький'. Ср. русск. *толстый*, англ. *thick* 'толстый'; лат. *tumor* 'опухоль', англ. *thumb* 'большой палец' (по его толщине); англ. *tall* 'высокий'; диминутив по форме и значению: англ. *tiny* 'очень маленький'; диминутивное значение при нейтральной форме (в результате выравнивания начальных согласных, как в англ. *thick* и *thin*?) в лат. *tenuis*, русск. *тонкий*, англ. *thin* 'тонкий'.

Удм. *čogy-* '(за)колоть'; нутка *λiH-* 'двигаться вперед носом, острием (о лодке и пр.)'; кв. *λhxu* 'push boards together', кв. *λχ-* 'вставить'; нутка *λupk-* 'клевать'; чук. *čï'omï-tkïn* 'конец'; алеут. *čuni-* 'колоть', алеут. *čuqidaq* 'конец, острие', алеут. *čugaGu-* 'показывать пальцем'; алеут. *čaŋathi-* 'вставить'; инук. *siquq* 'колено'; нутка *čax^w-* 'пронзать копьем'. Ср. также лат. *tange-re*, *tactum* 'касаться'; лат. *in-dicā-re*, греч. δείκ-νυμι, нем. *zeigen* 'указывать', англ. *teach* 'учить'.

Морд. *čiv*, саам. *šuvva*, фин. *hyvä*[102], кор. *čoh-*[103], чпв. *-zuN*, кут. *-sōk-* 'хороший'; фин. *hyvin* 'очень, хорошо'; венг. *igen* 'очень, хорошо'; нутка *λuɫ*, коми *šań* 'хороший, красивый'; кв. *λ̓wo* 'красивый'; чук. *čača-* 'вкусный', чук. *čuŋetï-* 'любить, желать'; тлинг. *λak*, нутка *čuš-*, пивх. *čuz-*, айн. *'asiri*, сев.-кит. *sīn*[104], бирм. *ƥit*[105] 'новый'; инук. *saluma-* 'чистый'; инук. *saŋi-*, *suŋu-* 'сильный'. Ср. также санскр. *svādúḥ*, лат. *suavis*, англ. *sweet* 'сладкий' с и.-е. **s.w* < **c'.w*; арх. лат. *duenos*, класс. лат. *bonus* 'хороший'; лат. *turpis* 'безобразный' из **c.wr* с аугментативным консонантизмом и противоположным значением.

Хант. и коми *čïk-*, манс. *šākït-*, фин. *hukka-* 'spoil'[106]; кв. *λaq-* 'прогорклый'; чук. *čïmyï-*, инук. *siGnaG-* 'горький'; инук. *suŋaq*, кв. *thx^w-ms* 'желчь'; алеут, *čak-naq*, нутка *ciH-* 'кислый'.

ПОДГРУППЫ ДЕНЕ-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Дене-финские языки образуют, по нашей терминологии, группу первого порядка, т. е. такую, все языки которой могут быть расположены цепочкой так, что любые два соседних языка разделяются не более чем 50 мин. столетиями дивергенции.

В составе дене-финской группы можно выделить группы второго порядка, т. е. такие, все языки которых можно расположить цепочкой, и при этом любые два смежных в цепочке языка разделяются не более чем 40 мин. столетиями дивергенции.

В соответствии с нашими подсчетами, группами второго порядка являются:

1. Урало-алтайские языки (финно-угорские, самодийские, юкагирский, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские).

2. Енисейские языки (всего науке известно четыре языка: кетский, котский, аринский и асанский; мы располагаем диагностическим списком лишь для кетского).

3. Чукотско-камчатские языки. Включают две ветви: чукотско-корякскую (чукотский, корякский, алюторский, керекский языки) и ительменский (камчадальский) язык (в настоящее время представлены два говора: хайрюзовский и седанкинский).

4. Эскалеутские языки. Включают две ветви: алеутский язык (с двумя или тремя диалектами) и эскимосская ветвь, состоящая по меньшей мере из двух языков: юкского (на юге Аляски и на Чукотке) и инукского (в полярных областях Северной Америки от Аляски до Гренландии); каждый из этих языков представлен многими диалектами.

5. Вакашские языки. Сюда относятся группа квакиютль (языки хайльцук, квакиютльский) и группа нутка (языки нутка, нитинат, макаx).

6. Языки на-дене. Сюда относится язык хайда (с двумя диалектами) и группа ка-дене, состоящая в свою очередь из языка тлингит и эяк-атапаскской группы. Последняя включает эяк и атапаскскую семью языков (языки маттоле, навахо, чипевьян и многие другие).

7. Кутенай — изолированный язык.

8. Японские: японский язык, рюкюский язык (последний включает диалекты сюри, йонаминский и многие другие).

9. Айнский и нивхский языки обнаруживают столько сходных элементов в диагностическом списке, что их, видимо, можно объединить в одну группу второго порядка. На 96 пар слов приходится 29 предположительно родственных (30%, т. е. 40 мин. столетий, что соответствует по определению группе второго порядка). Среди этих предположительно родственных элементов есть и спорные, но есть спорные и среди тех, которые засчитаны неродственными. Дальнейшие исследования помогут уточнить этот вопрос. Пока в предварительном порядке будем рассматривать айнский и нивхский языки в качестве одной группы второго порядка. Приводим список предположительно родственных слов: ‘этот’ *tan tï*, ‘тот’ *ta-’ah a-*, ‘большой’ *poro pila-*, ‘рыба’ *čeh čo*, ‘шея’ *re-kuh qhos*, ‘человек’ *’a-ynu ńivx*, ‘волосы’ *nuna ńïńg*, ‘не’ *hanehka qay-*, ‘лететь’ *pārahse pïy-*, ‘белый’ *tetara to-vla-*, ‘дать’ *konte -kim-*, ‘ночь’ *’ukuran urk* (айн. *’ukuran* < *’*urkuran*?), ‘гора’ *nu-puru pal* (айн. *nu-puru*, возможно, из сочетания со значением ‘земельное возвышение’ с первым элементом, тождественным эским. *nuna* ‘земля (land)’ или первому компоненту в нутка *nu-čī* ‘гора’ из ‘земельный зуб’), ‘спать’ *mo-koro qho-*, ‘огонь’ *’unči u-*, ‘сказать’ *yē it-*, ‘сидеть’ *roh -thïv-/-rïv-*, ‘много’ *renkayne tam-*, ‘вошь’ *rasi tar*, ‘путь’ *rū tif*, ‘полный’ *’esisteh čar-*, ‘новый’ *’asiri čuz-*, ‘сухой’ *sahteh če-*, ‘мы’ *’anoka-yahGin ńiŋ*, ‘женщина’ *mahte-kuh umgu*, ‘нога (foot)’ *kema ŋït*^{y}*x*, ‘яйцо’ *noyohko ŋoyaq* (видимо, **n-q* > *ŋ* > айн. *n*, но, конечно, древний префикс не обязательно должен был присутствовать в тех же словах). Другие возможные

родственные слова: ‘один’ *sineh ńi*, ‘есть’ *’ē ińi-*, ‘облако’ *niskuru lax*.

10. Корейский язык.

11. Китайская группа, включающая гуаньхуа (северно-китайский), у, фуцзяньский, кантонский, хакка. Гуаньхуа в настоящей работе представлен пекинским диалектом.

12. Тибето-бирманские языки. Мы располагаем диагностическим списком для бирманского языка.

СВЯЗИ МЕЖДУ ПОДГРУППАМИ ДЕНЕ-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Группа языков первого порядка — это такая, где языки можно расположить цепочкой так, чтобы любые два соседних языка были разделены дивергенцией не более чем в 50 мин. столетий. Чтобы признать дене-финские языки группой первого порядка, нужно расположить подгруппы языков в соответствующей последовательности.

Кетский ближе всего стоит к юкагирскому языку урало-алтайской подгруппы. Хотя наши материалы о кетском языке фрагментарны и есть много сомнительных моментов в фонологии и этимологии, нам представляется, что следует включить кетский язык в дене-финскую группу. Если дальнейшие исследования покажут, что процент родственных слов в диагностическом списке меньше, придется исключить кетский язык из дене-финских, но и тогда он, видимо, окажется близко связанным с дене-финскими. Сопоставление кетского с колымским диалектом юкагирского обнаруживает 16 предположительно родственных слов из 59 (т. е. 27%, что соответствует, при введении корректив на краткость списка, 47 мин. столетиям): ‘ходить’ _on hon_[107], ‘черный’ _tums_^{y} _toro_, ‘дать’ _qïtkitin key/tati_, ‘мужчина’ _xixï kote_[108] (ср. кет. _ket_ ‘человек’), ‘собака’ _tip topoko_[109], ‘красный’ _s_^{y}_ul_^{y}_ïm čahale_[110], ‘горячий’ _aŋtïn aŋlu_[111], ‘кто’ _anï_[112] _kin_[113], ‘не’ _at ele-_[114] (возможно, кет. _at_ < _*ar_ по фонетическим законам), ‘этот’ _ki-dï tiŋ_[115], ‘много’ _on_^{y} (< _*qhoni_) _moŋey_[116] (< _*mon-qey_), ‘кожа’ _iŋolt har_ (кет. _iŋolt_ < _*n-qor_?), ‘знать’ _itiŋ-lema leyti_, ‘земля’ _baŋ le-pe_[117], ‘вода’ _ul_^{y} _očile_[118], ‘лежать’ _d-utoqat hoto_.

Колымский диалект юкагирского и чукотский содержат 25 родственных пар слов из 87 (28%, 42 мин. столетия): ‘я’ _met (g)-m_, ‘ты’ _tet (g)-t_, ‘мы’ _mit muri_, ‘кто’ _kin mi-kïn-_, ‘не’ _ele. . .ŋi uyŋe_, ‘много’ _meŋeli_[119] _-mk’e_, ‘два’ _atak ŋireq_, ‘большой’ _mem’amon_[119] _meyŋï-l’ïn_, ‘мужчина’ _kote_[120] _qïlawïl_, ‘рыба’ _annil ’ïnne’en_, ‘корень’ _larhu nïnïl_, ‘кожа’ _har gïlgïl_, ‘хвост’ _lahil nalgï-ŋoyŋïn_, ‘нос’ _yoku yeqa’aq_, ‘зуб’ _toti rïnnï-lgïn_, ‘знать’ _leyti lïgi-_, ‘спать’ _yonto yïlqet_, ‘камень’ _pe_[121] _vïkvïn_, ‘путь’ _čatile tïla-gïrgïn_, ‘красный’ _čahale -čelg-_, ‘черный’ _epipey -uv-_, ‘холодный’ _čieče č’ečeŋ-_, ‘хороший’ _omoč -mel-_, ‘сухой’ _kelečte kïrgi-_, ‘имя’ _niw_[122] _nïnne_.

Колымский диалект юкагирского и нивхский имеют 22 общих слова в 89 парах слов (25%, 46 мин. столетий): 'ты' *tet či*, 'мы' *mit mer*, 'этот' *tiŋ tï-*, 'кто' *kin aŋ*, 'весь' *čumut sïk*, 'много' *meŋeli malGo-*, 'собака' *topo-ko qan*, 'мясо' *čul t*^{y}*us*, 'кость' *on-mut*[123] *murki*, 'рот' *aŋa*[124] *ïńg*, 'ноготь' *tukne*[125] *tïkń*, 'колено' *čuturi-*[126] *čiń-x*, 'есть' *lew*[127] *-ińi-*, 'видеть' *yuo yayma*, 'слышать' *meti mï-*, 'убить' *kutete -khu-*, 'дать' *key -kim-*, 'камень' *pe pa-x*, 'гора' *pe pal*, 'дым' *titi*[128] *ra-*, 'черный' *epipeye piu-*, 'круглый' *pomney pulk-*.

Нивхский и ительменский дают 13 пар родственных слов из 42 слов диагностического списка (37%, т. е. с поправкой на краткость списка 47 мин. столетий): 'мы' *mer muya* (чук. *muri*), 'этот' *tï- ti'*, 'тот' *hï- henŋin*, 'не' *qay- qa-*, 'много' *'tam- tivna*, 'собака' *qan ko-šx*, 'шея' *qhos xeytïn*, 'есть' *ińi- nu*, 'спать' *qhoŋïkš*, 'путь' *tif k-txoš-*, 'кто' *aŋ k̓e*, 'ты' *či -ya* (< **ra*, ранее **-ta*), 'камень' *pa-x wan*.

Чукотский и кутенай имеют 23 пары родственных слов на 95 пар (25%, или 46 мин. столетий): 'я' *gm kamin-*, 'тот' *ŋotqen qō*, 'кто' *mi-kïn- qaƚa*, 'не' *qïrïm qa*. 'длинный' *iwïl- -wu*, 'собака' *'ïtt'ïn xāƚcin*, 'корень' *kenmï- -kpukām*, 'кожа' *-kuqƚa gïlgïn*, 'хвост' *ŋoyŋïn -qat*, 'слышать' *kïrwir -quwat*, 'яйцо' *lewït -ƚā'm*, 'глаз' *lile -qƚiƚ*, 'нос' *iŋiŋ -k̓on*, 'ноготь' *'alqip -kukp*, 'колено' *ŋïra- -q̇an*, 'шея' *'itïn -kōkāk*, 'сердце' *linliŋ -ƚwey*, 'слышать' *walom- -paƚ*, 'солнце' *tirktir na-tanēk̓*, 'гореть' *iner- -aq̇ako-*, 'горячий' *če'et -cmāk̓*, 'круглый' *qoloq- -q̇anquqwat-*, 'сухой' *kïrgï-l'ïn -hiƚuk*.

Чукотский и инукский — 22 родственных пары из 96 (23%, 49 мин. столетий): 'ты' *-t -t*, 'мы' *m-uri uvag-ut* (ср. также *-vut* в инук. личном окончании), 'кто' *mi-kïn- kina*, 'не' *-ke -ŋŋi-laq*, 'длинный' *-rïraqen taki-*, 'лететь' *riŋek-wa- tiŋmi-*, 'маленький' *miqïl'i- miki-*, 'нос' *iŋiŋ qiŋaq*, 'нога' *gïtka- isigak* (в барроуском диалекте *itigak*), 'живот' *nanqïn nāq*, 'убить' *tïm- tuqut-*, 'песок' *čimčgey siuGaq*, 'земля (land)' *nute- nuna*, 'гора' *ŋegne qaqqaq*, 'ночь' *nïkirit unnuaq* (< **unugaq*), 'сухой' *pï'a- paniG-*, 'вода' *mimïl imiq*, 'перо' *teŋï- suluk*, 'лежать' *rilit-wa- nala-*, 'много' *mïki-a-miGlasū-t*, 'лист' *wïtwït pulu*, 'солнце' *tirktir siqi-niq*, 'сердце' *liŋliŋ ūmmat* (ср. ительм. *luŋuluŋu-* и юк. *uŋūvan*; видимо, в эскимосских эксфигированное **ulŋu*, инук. *ūmmat* < **ulŋvat*), 'мужчина' *qïlawïl aŋut* (из разных альтернантов **q.n*). Не засчитаны следующие случаи возможного родства: 'шея' *'itïn quŋa-siq*, 'собака' *'ïtt'ïn qiŋmiq*, 'голова' *lewït niaquq*.

Из эскалеутско-вакашских сопоставлений максимальные результаты дает сопоставление алеутского и квакиютльского (26 родственных пар слов из 97; т. е. 26%, или 45 мин. столетий): 'кто' *kīn 'n-k*^{w}*a*, 'мясо' *uluq 'ls*, 'кровь' *āmag 'lk*^{w}*-* (ал. *āmag* < **augma*, ср. эским. *auk*, где эскалеут. **u* < **l* перед согласным), 'кость' *qag-nag χaq*, 'голова' *kamgiq xums*, 'нос' *anGusiq xn-cas* (поморфемно алеут. 'дыхания орудие', 'дыхало', кв.

'дыхания вместилище', 'дыхалище'), 'зуб' *kigu-siq kke*, 'кусать' *kig- q̓k* (разные варианты того же корня, что и в значении 'зуб'), 'вошь' *kituq qin*, 'ходить' *aka- qhas-*, 'звезда' *sdaq ɬuɬu*, 'земля' *čiqig cqʷ-*, 'путь' *takaluq tx-*, 'горячий' *čiŋliq ċlqʷ-*, 'хороший' *iga-manaq 'yk*, 'ноготь' *qagalgik qeċ-m*, 'рука (hand)' *čaq 'ay̓a-su* (ср. инук. *aššaq* 'палец'), 'пить' *taŋa- naq-*, 'гореть' *īgi- χiq-*, 'гора' *qayaq nke* (ср. нутка *nu-čī* < **nu-kay*, первый компонент сопоставим с инук. *nuna* 'land'), 'я' *-ŋ nu(kʷa)*, 'не' *kugū k̓is*, 'птица' *saq ċik̓ʷa*, 'семя' *qasaq qawqʷlχtawa*, 'корень' *čuqidaq ƛup̓k*, 'кора' *qačGaq ċaq*, 'жир' *čaduq ƛ̓n̓a/chχʷa*. Возможно, родственны также: 'нога (foot)' *kitaq kukʷ-yo*, 'колено' *čidgidaq ƛaxʷ-*, 'сидеть' *uŋuči k̓ʷa*, 'сказать' *tunu n̓ik*, 'облако' *inkamaguq 'nw̓i*, 'круглый' *qimadguq khlkhla*.

Алеутский и кутенай имеют 24 общих слова из 95 пар (26%, или 45 мин. столетий): 'этот' *nikun na*, 'тот' *naman ney*, 'кто' *kīn qaɬa*, 'что' *qata qapsin*, 'не' *kugū qa-*, 'маленький' *kiŋu- kca-quna*, 'мужчина' *taiyaguq titqāt*, 'рыба' *qaq kiakxo*, 'птица' *saq tuq̓-cqamna*, 'лист' *kučikan -qoɬaq-pik*, 'кора' *qačGaq -cqāɬ*, 'кожа' *qačGiq -kuqɬa*, 'мясо' *uluq -uɬaks*, 'яйцо' *sa-mlaq -maq̓an*, 'зуб' *kigu-siq -q̓unān*, 'ноготь' *qagalgik -kukp*, 'рука' *čaq -acq̓a-hey-*, 'ходить' *aka- -qacē-*, 'камень' *quq -nok*, 'огонь' *qiG-naq -inq̓okō*, 'гореть' *īgi- -aq̓ako-*, 'дать' *agi- -cka-kin*, 'черный' *qagčiq oqoq̓ukōɬ-*.

Кутенай и хайда (представитель группы на-дене) имеют 23 общих слова из 85 пар (27%, 43 мин. столетия): 'этот' *na anaŋ*, 'кто' *qaɬa kisto*, 'что' *qapsin kus*, 'не' *qa- kam*, 'собака' *xāɬ-cin χa*, 'кожа' *-kuqɬa q̓al*, 'мясо' *-xma khiq*, 'жир' *ɬinamu- tho*, 'хвост' *-qat ɬ-kiata*, 'голова' *-koɬamkak qhači*, 'ухо' *-quwat ku*, 'нос' *-k̓on khun*, 'шея' *-kūkāk χil*, 'пить' *k̓akuxa χut*, 'спать' *-q̓u'mnē- q̓a*, 'ходить' *-q̓qācē qha*, 'прийти' *qūkān ku'e*, 'дать' *-cka-kin- sq̓as*, 'вода' *-ku qanƛ*, 'дым' *yammu qa-yu*, 'гореть' *-aq̓ako- qoka*, 'зеленый' *-haqɬoyit-qolqolaŋ*, 'черный' *oqoq̓ukōɬ- ɬ-qaɬ-* (ср. хайд. *qal* 'ночь'), 'имя' *-kɬē kiye*. Тлингит-кутенайское сопоставление дает 43 мин. столетия, навахо-кутенайское — 49 мин. столетий.

Кутенай и квакиютльский имеют 22 общих слова на 94 пары (23%, или 49 мин. столетий): 'кто' *qaɬa 'n-kʷa*, 'не' *qa- k̓is*, 'большой' *-wiɬ- w̓alas*, 'птица' *tuq-cqamna ċik̓ʷa*, 'кора' *-cqāɬ ċaq*, 'мясо' *-uɬaks 'ls*, 'нос' *-k̓on xn-cas*, 'зуб' *-q̓unā kke*, 'ноготь' *-kukp qeċ-m*, 'шея' *-kōkāk q̓uq̓un̓a*, 'сосок груди' *cu'u ca'm*, 'ходить' *-q̓qācē qhas-*, 'прийти' *qōkās kaχ*, 'лежать' *-ok̓-kik kʷl-*, 'дать' *-cka- ċo*, 'вода' *wu'u w̓a-p*, 'песок' *-kinkokōɬ 'ikis*, 'огонь' *-nq̓oko- lqʷ-*, 'пепел' *-oko qʷna*, 'горячий' *-cmāk̓ ċlqʷ-*, 'холодный' *-iɬk̓o- wta*, 'круглый' *q̓anquqwat- khlkhl-a*.

Квакиютльский и хайда (представляющие соответственно группы вакашскую и на-дене) имеют 23 общих слова на 85 пар (27%, или 43 мин. столетия): 'этот' *ka kay*, 'кто' *'n-kʷa kis-to*, 'не' *k̓is kam*, 'много' *q̓i qu'an*, 'женщина' *ċtaq čāta*, 'птица' *ċik̓ʷa χe-thit*, 'кость' *χaq s-kuči*, 'перо' *ċlċlk ɬ-ɬākun*, 'голова' *xu-ms qhačī*, 'глаз' *qyaqs χaŋ'i*, 'нос' *xn-cas khun*, 'шея' *q̓uq̓un̓a χil*, 'пить' *naīq-*

niɫ, 'ходить' *qhas- qha*, 'прийти' *kaχ ku'e*, 'лежать' *kʷl- qo*, 'сидеть' *k̓ʷa q̓a'u*, 'камень' *ɫis-m ɫis*, 'земля' *cqʷ- λkā*, 'дым' *kʷax-la qayu*, 'ночь' *qanuλ qal*, 'длинный' *klɫa čiŋ-kaŋ* (в хайда, видимо *$*k > č$* перед передними гласными), 'зуб' *kke čiŋ*.

Навахо (группа на-дене) и японский имеют 25 общих элементов из 99 пар (25%, 46 мин. столетий): 'ты' *ni anata*[129], 'длинный' *-nēz nagai*, 'мужчина' *ti-né otoko*, 'рыба' *ɫǫ́' sakana*, 'птица' *chítī tori*, 'семя' *-nā́' tane*, 'кожа' *-kháki kawa*, 'кровь' *tiɫ ti*, 'рог' *-tē' tuno*, 'живот' *-pit hara*, 'шея' *-k'os kubi*, 'знать' *-sin sir-*, 'умереть' *-cháN sinu*, 'лететь' *-t'a' tobu*, 'прийти' *-gā́h ku-*, 'ходить' *-kā́ɫ aruku*, 'лежать' *-thíN ne-te*, 'сидеть' *-tá suwat-te-*, 'камень' *che isí*, 'песок' *seí suna*, 'облако' *k'os kumo*, 'путь' *'a-thīn miti*, 'горячий' *-to atu-i*, 'полный' *-pin ippa-i*, 'хвост' *o -chē'* (яп. *o* < **c̨hcqho* или **q̓oq̓o*, навахо *chē'* < атап. **khē'*).

Японский и кутенай имеют 24 общих слова из 96 пар (25%, 46 мин. столетий): 'ты' *anata nińko*, 'маленький' *tīsa-i -ca-*, 'мужчина' *otoko titqāɫ*, 'птица' *tori tuq̓-camna*, 'собака' *inu xāɫ-cin*, 'кора' *kawa- -ćqāɫ*, 'кожа' *kawa -kuqɫa*, 'мясо' *niku -uɫaks*, 'хвост' *o -qat*, 'волосы' *ke -quwat*, 'шея' *kubi -kōkāk*, 'кусать' *kami-tuk iɫ-xa*, 'спать' *ne- -q̓u'm-nē-* (кут. также *-ɫēc-*), 'прийти' *ku- qōkān*, 'ходить' *aru-ku -qan-/-qqācē-*, 'луна' *tuki na-tanēk̓*, 'облако' *kumo -qaɫ*, 'черный' *kuro-i oqoq̓ukōɫ*, 'горячий' *atu-i -'atme-*, 'яйцо' *tama-go -ma-q̓an*, 'путь' *miti -ma*, 'желтый' *kīro-i -kat-*, 'полный' *ippa-i q̓ap-xōsē*, 'сидеть' *suwat-te- -saq-*.

Кутенай и айнский имеют 26 общих слов из 96 (27%, 43 мин. столетия): 'я' *kamin ku-*, 'что' *qapsin hemata*, 'не' *qa- ha-nehka*, 'все' *-ōkē- 'ckore*, 'маленький' *kcaquna hačiko*, 'птица' *tuq̓-cqamna čikap*, 'рог' *-qɫē kiraw*, 'ухо' *-quwat kisaru*, 'глаз' *-qɫiɫ sis*, 'язык' *waɫūnak aw*, 'шея' *-kōkāk re-kuh*, 'сердце' *-ɫwey san-pa*, 'пить' *-kux kū*, 'собака' *xāɫ-cin seta*, 'кора' *-ćqāɫ kah*, 'кожа' *-kuqɫa kah*, 'мясо' *-xma kam*, 'жир' *-q̓utāɫ kiripu*, 'спать' *-q̓u'mnē mo-koro*, 'ходить' *-qqācē 'ahkas*, 'дать' *-hamat- konte*, 'солнце' и 'луна' *na-tanēk̓ čuh*, 'вода' *wu'u wahka*, 'облако' *-qaɫ nis-kuru*, 'черный' *oqoq̓ukōɫ- kurasno*, 'гореть' *aq̓ako hukay*.

Японский и айнский имеют 25 общих слов из 99 (25%, 46 мин. столетий): 'не' *nai ha-nehka*, 'много' *taku-san renkayne*, 'маленький' *tīsai hačiko*, 'рыба' *sakana čeh*, 'кора' и 'кожа' *kawa kah*, 'кость' *hone poni*[130], 'рука (hand)' *te tek*, 'шея' *kubi re-kuh*, 'сердце' *sin-zō san-pe*, 'кусать' *kami-tuku kupapa*, 'ходить' *aru-ku 'ahkas*, 'стоять' *tatte- 'etaras*, 'сидеть' *suwat-te rch*, 'дать' *age- konte*, 'сказать' *yū yē*, 'камень' *isi suma*, 'земля' *tuti toy*, 'облако' *kumo nis-kuru*, 'черный' *kuro-i kurasno*, 'красный' *aka-i hūre*, 'белый' *siro-i tetara*, 'имя' *namae* (др.-яп. *na*) *rē*, 'птица' *tori čikap*, 'луна' *tuki čuh*.

Японский и корейский языки имеют 25 общих слов из 99 (25%, 46 мин. столетий): 'мы' *watasi-tati*[131] *uridïr*[132], 'не' ***nai an***, 'все' *mina motu*[133], 'длинный' *na-gai kīr*, 'маленький' *tī-cai ča.(k)*[134], 'рыба' *sa-kana koki*, 'кора' *kawa k'ʌp-čir*, 'кость' *hone p'uʌ*, 'язык'

sita hyл, 'ноготь' *tume -thop*[135], 'живот' *hara pā*[136], 'сердце' *sin-zō*[137] *sim-čaŋ*[138], 'печень' *kimo kan-čaŋ*[139], 'пить' *nomu mл..(k)*[140], 'умереть' *sinu su..(k)*, 'ходить' *aruk- kā..(r)*[141], 'лежать' *nete-nuw- i'..(s)*[142], 'луна' *tuki tar*[143], 'вода' *mizu mur*[144], 'облако' *kumo kurïm*[145], 'черный' *kuro-i kлm-*, 'горячий' *atu-i t'ïk..(w)*[146], 'имя' *namae irïm*, 'огонь' *hī pur*[147], 'хвост' *o k'ori*.

Айнский и корейский имеют 24 общих слова из 98 (24%, 47 мин. столетий): 'кто' *nāta nuku*, 'что' *he-mata mллt*[148], 'не' *hanehka an*, 'два' *tuh tūr*[149], 'маленький' *ha-čiko ča..(k)*[150], 'птица' *čikap sā*[151], 'дерево' *nī namu*, 'кора' *kah k'лр-čir*, 'мясо' *kam koki*, 'кость' *poni p'yл*, 'жир' *kiripu kirïm*, 'перо' *rah thлr*[152], 'зуб' *'imah ī*, 'сердце' *san-pe sim-čaŋ*[153], 'ходить' *'akhas kā..(r)*[154], 'облако' *nis-kuru kurïm*[155], 'черный' *kurasno kлm-*, 'новый' *'asiri säro..(w)*[156], 'лист' *yam ip*, 'ухо' *kisaru kwī*, 'луна' *čuh tar*[157], 'камень' *suma tōr*[158], 'горячий' *sēseh t'ik..(w)*[159], 'имя' *rē irïm*.

Корейский и современный китайский (пекинский диалект) имеют 23 общих слова из 100 пар (23%, 45 мин. столетий): 'мы' *uridïr*[160] *uě-men*[161], 'что' *mллt šém-me*[162], 'все' *mo-tu*[163] *tēu*[164], 'маленький' *ča.(k)*[165] *siău*[166], 'мужчина' *nam-ča nán-ren*[167], 'человек' *sāram rén*[168], 'собака' *kă*[169] *kěu*[170], 'семя' *s'ī čüŋ-*[171], 'лист' *ip iè*[172], 'зуб' *ī tá*[173], 'рука' *shon šěu*[174], 'язык' *hyл sê*[175], 'ноготь' *-thop čičiă*[176], 'печень' *kan-čaŋ kān*[177], 'слышать' *tï..(t) thīŋ*[178], 'умереть' *ču..(k) sï-*[179], 'убить' *čuki tá-sï*[180], 'сидеть' *anči'..(s) cuè*[181], 'стоять' *sлi'..(s) čàn*[182], 'гора' *san šān*[183], 'черный' *kлm hēi*[184], 'новый' *säro..(w) sin*[185], 'спать' *ča šuei-ciàu*[186], 'сердце' *sim-čaŋ sīn*[187].

Современный китайский (пекинский диалект) и бирманский языки имеют 24 общих слова на 92 пары (26%, 45 мин. столетий): 'человек' *rén lu*[188], 'собака' *kěu khwe*[189], 'лист' *iè*[190] *ï-ywet*[191], 'кровь' *süě þwe*[192], 'волосы' *fă za-pin*[193], 'глаз' *iăn-ciŋ muet-si'*[194], 'нога' *ciău che*[195], 'шея' *līŋ- le-pin*[196], 'есть' *chï sa*[197], 'слышать' *thiŋ-cian ča*[198], 'умереть' *sï̌*[199] *þe*[200], 'убить' *tá-sï*[201] *þat*[202], 'прийти' *lái la*[203], 'солнце' *rì ne*[204], 'сосок груди' *rŭ-faŋ no*[205], 'путь' *lù lan*[206], 'желтый' *huáŋ wā*[207], 'белый' *pái phyu-*[208], 'новый' *sin-*[209] *þit*[210], 'хороший' *hău kaun*[211], 'круглый' *üán wayn*[212], 'длинный' *cháŋ še*[213], 'стоять' *čàn-čï*[214] *tha*[215], 'камень' *šï̌- čauk*[216].

Сопоставляя корейский язык и нанайский (как представитель урало-алтайских), находим 23 общих элемента из 99 пар (23%, 49 мин. столетий): 'два' *tūr dᵞuer*[217], 'большой' *khïta kətə*[218], 'длинный' *kīr ngonimi*[219], 'мужчина' *nam-za husə-nay*[220], 'человек' *sā-ram nay*[221], 'дерево' *namų mō*[222], 'семя' *s'ī u-sə*, 'кора' *k'лр-čir horakta*[223], 'рог' *p'ur*[224] *pumtu*, 'хвост' *k'ori huygu*[225], 'перо' *thлr dəgdəčə*[226], 'глаз' *nun na-sa-l*[227], 'язык' *hyл siŋmu*[228], 'шея' *mok moŋon*[229], 'пить' *mo..(k) omio-ri*[230], 'вода' *mur mue*[231], 'слышать' *tï..(r)*[232] *dōlǯi*[233], 'камень' *tōr ǯolo*[234], 'новый' *säro..w sikūn*[235], 'сидеть' *an-či'..s*[236] *tə-si*[237], 'ноготь' *-thop čava-kta*[238], 'нога' *par bəgǯi*[239], 'горячий' *t'ïk..w uduri*.

Урало-алтайские языки довольно тесно связаны с индоевропейскими (B. Collinder, Indo-uralisches Sprachgut. — «Uppsala Universitets Årsskrift». Uppsala, 1934). Лексикостатистическое сравнение финского и английского языков дает 19$^0/_0$ общих слов в диагностическом списке, что соответствует 60 мин. столетиям дивергенции: 'я' *minä me*[240], 'этот' *tuo this*, 'тот' *tämä that*, 'кто' *kuka who*, 'много' *moni many*[241], 'мужчина' *ihminen man*[242], 'семя' *siemen seed*[243], 'ухо' *korva ear*[244] (ср. гот. *ausjô* и лат. *auris* из и.-е. **x.wsy.*, связанного с корнем в значении 'слышать'), 'слышать' *kuul-*[245] *hear*, 'нос' *nenä*[246] *nose*, 'рука' *käsi*[247] *hand*, 'шея' *niska neck*[248], 'сидеть' *istua sit*[249], 'звезда' *tähti star*[250], 'вода' *vesi water*[251], 'гореть' *palaa burn*[252], 'желтый' *keltainen*[253] *yellow*, 'холодный' *kylmä cold*[254], 'имя' *nimi name*[255].

С. Хаттори в 1957 г. показал связи японского с индонезийскими языками. Наибольшее количество общих слов японский обнаруживает с языком ами (Тайвань) — 12 общих слов из 76 (16$^0/_0$, 54 мин. столетия дивергенции).

Нутка (вакашская группа) и язык квилеут (семья чимакум) дают 16 общих слов из списка в 84 пары слов (19$^0/_0$, или 60 мин. столетий): 'не' *wik wa*, 'много' *'aya 'i-š*, 'все' *Hačat- xabā'*, 'голова' *ƚuH- ƚīhqu*, 'нос' *niča disūsit*, 'собака' *'inīƛ kadīdu'*, 'земля' *čakumc čiq̇a'ati'ƛiƚ*, 'облако' *ƚiẇaH- līla'* (ср. кв. *lẇa* 'небо', возможно, из **s-liw*), 'новый' *čuš- čata'*, 'жир' *ƛac ƛ̓īkqūƚ*, 'дерево' *ƛaq-apt ƛ̓ū'ūčiyiƚ*, 'стоять' *ƛa-kiš- či'yaxu'* (этот корень связан с предыдущим и последующими корнями — в значениях 'дерево' и 'сидеть'), 'сидеть' *ƚiqʷ- ƛa'i'i*, 'мясо' *čisq-mis čahskʷiƚ*, 'два' *'aƛa ƚa'aw*, 'один' *čawā- wāƚ*, 'звезда' *ƚatūs ƛ̓utuƚu'ut*.

Для сравнения вакашских языков и языков пенутиа сопоставляем квакиютльский и шахаптинский языки. Находим 19 общих слов из 99 (19$^0/_0$, 60 мин. столетий): 'я' *nu ('i-)ni*, 'мы' *nu na-may*, 'этот' *ka či*, 'не' *k̓is čaw*, 'кусать' *q̇k- čan-*, 'длинный' *klƚa katlam*, 'много' *q̇i xlak*, 'полный' *quƚa kekm*, 'мужчина' *wism 'winš*, 'мясо' *'ls nukt*, 'рот' *sms 'm* (ср. кламат. *sum*, показывающее, что шахапт.' < **s*); 'зуб' *kke k̓štn*, 'умереть' и 'убить' *ƚla ƛyawi-t*, 'стоять' *ƛaxʷ tutik*, 'сказать' *n̓ik -na-t*, 'огонь' *lqʷ- 'ilkʷš*, 'черный' *čuƚa čmuk*, 'один' *n̓m laχs*.

Для сравнения языков на-дене с цимшиано-чинукскими языками сопоставляем тлингит и цимшианский язык. Находим 18 общих слов из 92 (19$^0/_0$, 60 мин. столетий); 'не' *ƚ 'aƚk*, 'все' *ƚ-takhat txa'ni*, 'человек' *qha ket*, 'птица' *ṡuck čuč*, 'лист' *kha-yani yens*, 'кожа' *ƚ-kumet kot*, 'волосы' *χaw kaws*, 'глаз' *waq wlil*, 'ноготь' *χak kƚexs*, 'нога' *χ̓us 'si*, 'колено' *kheyxa k̓alk̓aysu*, 'убить' *čaq cekt*, 'прийти' *hat-kut kal*, 'солнце' *qakan kemk*, 'гора' *šan sxanist*, 'черный' *tuč ƚock*, 'ночь' *that 'etk*, 'холодный' *kusa'at* ***kʷatk.***

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Диагностические списки слов любезно предоставили мне: по корейскому и айнскому языку — Сиро Хаттори, по корейскому и дагурскому языкам — Сэмьюэл Мартин, по нивхскому языку — Роберт Аустерлиц и В. З. Панфилов, по различным финно-угорским языкам, по турецкому и ненецкому — Ало Раун, по языку навахо — Маргарет Алли, по языку чипевьян — Ли Фан-гуэй. О. С. Ахманова и Г. А. Меновщиков любезно предоставили в мое распоряжение работы, изданные в СССР, Б. Коллиндер, Й. Редер и Н. Поппе помогли мне приобрести публикации в соответствующих областях языкознания.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

K. Bergsland. Aleut demonstratives and the Aleut-Eskimo relationship. — IJAL 17, 1951.
Он же. Aleutisk-Eskimoisk. København, 1953.
Он же. A Grammatical outline of the Eskimo language of West Greenland. Oslo, 1955.
Он же. Some problems of Aleut phonology. — «For Roman Jakobson», 1956.
F. Boas. Kwakiutl grammar with a glossary of the suffixes. — Transactions of the American Philosophical Society 37, 1947.
P. Garvin. Kutenai. — IJAL 14, 1948, 17, 1951.
R. H. Geoghegan. The Aleut language. Washington, 1944.
P. E. Goddard. Athapaskan (Hupa). — HAIL 1911.
Он же. Has Tlingit a genetic relation to Athapaskan? — IJAL 1, 1920.
L. L. Hammerich. Can Eskimo be related to Indo-European? — IJAL 1, 1957.
Hattori Shirō (Хаттори Сиро). О методе глоттохронологии и временной глубине в праяпонском языке. — «Гэнго кэнкю» 1953.
Он же. Глоттохронологическое исследование трех окинавских диалектов. — «Миндзокугаку кэнкю» 19, 1955.
Он же. Нипионго-но кэйтō (Происхождение японского языка). Токио, 1959.
H. Hoijer. The Chronology of the Athapaskan languages. — IJAL 22, 1956.
D. H. Hymes. Na-Dene and positional analysis of categories. — AA 58, 1956.
Он же. A Note on Athapaskan glottochronology. — IJAL 23, 1957.
Он же. Lexicostatistics so far. — «Current Anthropology» 1, 1960.
G. Marsh and M. Swadesh. Eskimo-Aleut correspondences. — IJAL 17, 1951.
E. Sapir. Abnormal types of speech in Nootka. — «Geological Survey of Canada Memoir» 62, 1915.
Он же. The Na-dene languages, a preliminary report. — AA 17, 1915.
Он же. Pitch accent in Sarcee, an Athapaskan language. — JSAP 17, 1925.
Он же. The Similarity of Chinese and Indian languages. — «Science» 16 Oct. 1925.
A. Sauvageot. Eskimo et ouralien. — JSAP 16, 1924.
R. Shafer. Athapaskan and Sino-Tibetan. — IJAL 18, 1952.
M. Swadesh. Diffusional cumulation and archaic residue as historical explanations. — SWJA 7, 1950.
Он же. Unaaliq and Proto-Eskimo. — IJAL 18, 1951-1952.
Он же. Athapaskan and Sino-Tibetan. — IJAL 18, 1952.
Он же. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. — IJAL 21, 1955.

Он же. Сообщение на конгрессе. См.: Proceedings of the 7th International Congress of Linguists (London, 1952). London, 1956.
Он же. Problems of long-range comparison in Penutian. — «Language» 32, № 1, 1956.
Он же. Mapas de clasificación lingüística de México y las Américas. — Cuadernos del Instituto de Historia, Serie Antropológica 8. México, 1959.
Он же. Indian linguistic groups of Mexico, 1959.
Он же. The mesh principle in comparative linguistics. — «Anthropological Linguistics» 1, 1959.
J. R. Swanton. Tlingit. — HAIL, 1911.
Он же. Haida. — HAIL, 1911.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

[1] Статья М. Свадеша, написанная в 1960 г., публикуется с некоторыми сокращениями — за счет тех разделов, где повторяются мысли, изложенные в других его работах. Некоторые детали в ходе дальнейшего исследования пересмотрены автором, но в основном статья сохраняет ценность, и автор считает возможным ее опубликовать.

[2] В опущенной при сокращении части статьи излагается соотношение двух моделей родства языков: диалектной сети и генеалогического древа. Этот вопрос подробно изложен в работе: M. Swadesh. The mesh principle in comparative linguistics. — «Anthropological Linguistics» I (1959), стр. 7—14.

[3] Подробная критика гипотез П. Риве опущена при сокращении. Гипотеза П. Риве о родстве языка чон и австралийских рассмотрена в работе: M. Swadesh. Los supuestos australianos en América. В кн.: Homenaje a Pablo Martínez del Río en el XXV aniversario de la edición de «Los Orígenes Americanos». México, 1961, стр. 147—161.

[4] Список сокращений наименований языков см. на стр. 389—392.

[5] Монг. *kele-* 'говорить', чуваш. *kala-ś-* 'говорить' не восходят к тому же алтайскому корню, что эвен. *gun-* и эвенк. *gūŋe* (ср. Ramstedt KW 223). Здесь и далее М. Свадеш допускает происхождение нескольких разных алтайских корней из одного более древнего («дене-финского») корня.

[6] Из текста непонятно, каковы предполагаемые отражения дене-финского **š*. В сущности весь ряд сопоставлений данного абзаца базируется только на начальном согласном.

[7] Сев.-кит. *ü* 'дождь' восходит к др.-кит. *i̯u* и арх. кит. **gi̯wo* (Karlgren, A. D. № 1324; Karlgren, Gr. S. № 100a-e) и поэтому, видимо, не может возводиться к дене-фин. **w.t.*

[8] И. Бенцинг допускает возможность происхождения эвенк. *ullə*, эвен. *ulrə* и пр. из пратунгус. **xöl-sä* с суффиксом собирательности *-sä* (J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956, 69). Корень **xöl-* можно усматривать в эвенк. *ulī-*, эвен. *uli-* 'кормить', орок. *ulle-* 'быть сытым' (Василевич 438).

[9] Сев.-кит. *cuei* < др.-кит. *tsʷi̯ę* (Karlgren, A. D. № 1110).

[10] В транслитерации *pā-sap* (*pā* значит 'щека').

[11] Из др.-кит. *śi̯ʷät* (Karlgren, A. D. № 1138).

[12] В классическом тибетском слово $_0$*dab-ma* и корень $_0$*dab-* означают 'крыло' (H. A. Jäschke. A Tibetan-English dictionary. London, 1881, 274; знак 0 означает нулевой согласный).

[13] Более вероятно предположить, что фин. *kaula*, карел. *kagla*, эст. *kael* и ливск. *ka'ggə̂l* заимствованы из балтийских языков (лит. *kāklas*, лтш. *kakls*). См. Toivonen I, 173.

[14] Совр. монг. *huzǖ* < класс. монг. *küǯügü* 'шея'.

15 Бирманское слово, означающее 'звезда' и произносимое в центральном диалекте как *če*, транслитерируется как *kray*, что отражает древнебирманское произношение (*kr-* сохраняется в араканском диалекте). Поэтому вряд ли можно сопоставлять бирм. *če* с фин. *tähti* и пр.

16 Венг. *tűz* 'огонь' не возводится к тому же уральскому корню **tulę* 'огонь', к которому восходят фин. *tuli*, нен. *tū* и пр. (см. Collinder, FUV 63; Collinder, C. Gr. 409; G. Bárczi. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941, стр. 322). Здесь, как и в других местах, М. Свадеш допускает общее происхождение нескольких корней, различающихся в прауральском.

17 Из др.-кит. *tsə̣u* (Karlgren, A. D. № 1102).

18 В транслитерации *lyauk*.

19 Сев.-кит. *čan* 'встать' < др.-кит. *t̂am* (Karlgren, A. D. № 1162).

20 Язык куки (майтхей) распространен на границе Индии и Бирмы и принадлежит к китайско-тибетской семье (по терминологии М. Свадеша — к тибето-бирманской).

21 Часть приведенных слов (в частности, китайское, бирманское) означает не 'стоять', а 'встать'.

22 Сев.-кит. *cuè* (в транскрипции Карлгрена *ts'o*) < др.-кит. *dz'uâ* (Karlgren, A. D. № 1100) < арх. кит. **dz'wâ* (Karlgren, Gr. S. № 12a). Слово это означает не 'сидеть', а 'сесть'.

23 В транслитерации *thoŋ*.

24 Венг. *név* < урал. **nime* 'имя', так как между гласными урал. **m* > венг. *v* (Collinder, C. Gr. 407). В юкг. *niw* *w* восходит к *m*, в записях XVII в. (Witsen) в юкагирском еще *nim* (N. Witsen. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, изд. 1-е, 1692; изд. 2-е, 1705; Collinder, FUV 39).

25 Любопытно совпадение с семито-хамитским каузативным аффиксом **s-*.

26 А также нганасанскому языку (самодийская группа уральских языков).

27 Морфемы зависимого наклонения по функции соответствуют союзу *что* перед придаточным дополнительным.

28 Из прауральского род. падежа на *-*n* (Collinder, C. Gr. 282).

29 Ср. также и.-е. аккузатив на *-m*. Об уральском винительном на *-m* см.: Collinder, C. Gr. 284.

30 Из прауральского локатива на *-*na*, *-*nä* (Collinder, C. Gr. 286).

31 Совр. сев.-кит. *li* 'в' < др.-кит. *lji* (Karlgren, A. D. № 529) < арх. кит. **li̯əg* (Karlgren, Gr. S. № 978e-g). Др.-кит. *lji* означало 'внутренняя сторона одежды, подкладка' (в книге «Ши-цзин» XI—VI вв. до н. э.), 'внутренний, внутри' (в книге «Цзо-чжуань», написанной в период Воюющих царств, V—III вв. до н. э.). Превращение этого корня в послелог локативного значения относится к более позднему времени.

32 Шахаптинские языки — небольшая семья языков на границе штатов Айдахо, Вашингтон и Орегон (США).

33 Имеется в виду морд. иллатив на *-s*, мар. на *-š*, саам. на *-sâ*?

34 Яп. *anata* — позднее новообразование, вытеснившее древнее японское местоимение *na* 'ты'.

35 Из др.-кит. *ni*, которое было разговорным вариантом местоимения *ńźię* (Karlgren, A. D. № 14) < арх. кит. **ńi̯a* (Karlgren, Gr. S. № 359a-b).

36 Ср. также алт. **sin*, представленное в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках.

37 В фин. *kuka* 'кто' нет оснований видеть удвоение: здесь содержится, видимо, частица *-ka* ~ *-kä*; ср. *mikä* 'что'.

38 Эвенк. *ullə*, эвен. *ulrə* < пратунгус. **xöl-sä* 'мясо' с суффиксом собирательности *-sa/-sä* (J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956, стр. 1017); корень, видимо, тот же, что в эвенк. *ulī-*, эвен. *uli-* 'кормить', орок. *ulle-* 'быть сытым'. Если эта этимология верна, предположение об эксфиксации гласной здесь отпадает.

39 Эвенк. *ukun*, *xukun*, *xukuxi* 'женская грудь, сосок', эвен. *ukən* и т. д., по-видимому, содержат вначале тунгус. **x-* < алт. **k-*, ср. старо-

письм. монг. *kökun* 'женские груди, соски' (а также тюрк. *kök* 'происхождение', тур. *kökun* 'родина'?). Видимо, предположение об экфиксации здесь неуместно.

[40] Хант. *yug* и манс. *yū* 'дерево', видимо, не должны стоять в этом ряду, ибо они возводятся к урал. **juwз* (Collinder, C. Gr. 406; Collinder, FUV, 18). Урал. **juwэ* 'дерево', возможно, сопоставимо с и.-е. **ōi̯ā* 'ягоды, дерево с ягодами' (Walde — Pokorny I, 165).

[41] Из урал. **kopa* (Collinder, C. Gr. 406; Collinder, FUV, 25, эст. *kõba* 'кора ели'). Различие между *q* (увулярным) и *k* (велярным) в уральских и алтайских языках исконно не является фонологическим (да и в современных языках обычно не носит фонологического характера).

[42] Совр. сев.-кит. *thou* (тоу) < др.-кит. *d'ǝu* < арх. кит. **d'u* 'голова' (Karlgren, Gr. S. № 118e; Karlgren, A. D. № 1015).

[43] Совр. сев.-кит. *tau* (дао) < др.-кит. *tau* 'прибыть' (Karlgren, A. D. № 975) < арх. кит. **tog* (Karlgren, Gr. S. № 1132a).

[44] Имеется в виду арх. кит. **g'ian* > др.-кит. *γien* 'появиться' («Шицзин», XI—VI вв. до н. э.), 'видимый, явный' («Мэн Цзы», IV в. до н. э.) > совр. сев.-кит. *hien* (сянь) 'появиться, обнаружиться' (Karlgren, A. D. № 368; Karlgren, Gr. S. № 241a-d).

[45] Имеется в виду арх. кит. **kian* > др.-кит. *kien* 'видеть' («Ши-цзин») > совр. сев.-кит. *kien* (цзянь) 'видеть' (Karlgren, A. D. № 368; Karlgren, Gr. S. № 241a-d).

[46] Б. Карлгрен находит в обеих формах: арх. кит. **d'wân* > др.-кит. *d'uân* > совр. сев.-кит. *tuan* (дуань) и арх. кит. **twân* > др.-кит. *tuân* > совр. сев.-кит. *tuan* (дуань) — одно и то же значение 'разрезать' («Шицзин»), а также 'решать' (Karlgren, Gr. S. № 170).

[47] Имеется в виду арх. кит. **d'i̯ang* > др.-кит. *d'i̯ang* 'длинный, высокий' («Ши-цзы»), 'длина' («Ли-цзи») > совр. сев.-кит. *ch'ang* (чан) и *chang* (чжан) (Karlgren, Gr. S. № 721a-e; Karlgren, A. D. № 1174).

[48] Имеется в виду арх. кит. **ti̯ang* > др.-кит. *ti̯ang* 'становиться высоким' («Мэн Цзы»), 'увеличиваться' («Ши-цзы») (Karlgren, Gr. S. № 721a-e; Karlgren, A. D. № 1174).

[49] Арх. кит. *k'an* > др.-кит. *k'an* > совр. сев.-кит. *khan* (кань) (Karlgren, Gr. S. № 142a). В современном китайском языке *кань* значит 'смотреть, видеть'. В др.-кит. *k'an* засвидетельствовано в значении 'видеть' (Хань Фэй).

[50] Нен. *нгэва* (*ŋäeββv*) < урал. **ojwa* 'голова' (Collinder, FUV 44; Collinder, C. Gr. 408; T. L e h t i s a l o. Juraksamojedishes Wörterbuch. Helsinki, 1956, стр. 22). В ненецком языке в начале слова перед задними гласными и *äe* регулярно возникает протетическое *ŋ* (Collinder, C. Gr. 72), и поэтому предположение о назальном префиксе для ненецких фактов излишне.

[51] Дагур. *aule* и совр. монг. *ūla* соответствуют письм. монг. *aγula* 'гора'.

[52] Манс. *ur*, *wor* 'горный хребет' родственно фин. *vuori* 'гора', и в этом слове для уральской эпохи не восстанавливается начальный заднеязычный (Collinder, FUV 126).

[53] Протетическое *ŋ* отсутствует еще в общесамодийском; ср. камас. *uda* 'рука', энецк. *ura*, *uda*, селькуп. *utï* и т. д. См. прим. 50.

[54] Согласно Н. Поппе, начальное *ŋ*- в тунгусских языках есть регулярное развитие алтайского **g*- перед *n*, *l* и *r* (N. P o p p e. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, T. 1. Wiesbaden, 1960, стр. 23).

Эвенк. *ŋāle*, эвен. *ŋal* 'рука' < тунгус. **ŋāla* < алт. **gāra* 'рука' (Benzing 968; Poppe 24).

[55] Такую же этимологию и.-е. **dek̑m̥*- и гот. *handus*, др.-англ. *hand* предлагают Турнейзен (KZ 26, 310, прим. 1) и Цупица; см. Walde — Pokorny I, 460.

[56] См. прим. 50 и 53. Ср. нен. *ŋāja* 'тело, кожа' с энецк. *ajja* 'тело', камас. *uja* 'тело'.

[57] См. прим. 50.

[58] См. прим. 50. Нен. *нгэбт*, фин. *hapsi*, манс. *āt* и мар. *üp* возводятся к урал. **aptę* 'волосы' (Collinder, FUV 14; Collinder, C. Gr. 406), т.-е. в общеуральскую эпоху начальный *h* отсутствует. В венг. *haj* начальный *h* регулярно из **k*-.

[59] Манс. *nēlm*, венг. *nyelv*, нен. *nætü* и мар. *yəltmə* возводятся к урал. **ńälmä* 'язык' (Collinder, FUV 43; Collinder, C. Gr. 408).

[60] Из урал. **kakta* ~ **käktä* 'два' (Collinder, FUV 20; Collinder, C. Gr. 406).

[61] Венг. *hegy* и фин. *kasa* возводятся к фин.-уг. **kaća*, с которым сближают и юкагир. *kič* (Collinder, FUV 86; Collinder, C. Gr. 411).

[62] Совр. сев.-кит. *kuā* (гуа) 'скрести' < др.-кит. *kwat* 'скрести' < арх. кит. **kwat* (Karlgren, Gr. S. № 302n; Karlgren, A. D. № 862).

[63] Совр. сев.-кит. *khuài* (куай) 'веселый, быстрый, острый' < др.-кит. *k'wāi* 'веселый (cheerful)', 'находить удовольствие в чем-л.', 'удовлетворять' < арх. кит. **k'wad* (Karlgren, Gr. S., № 312k; Karlgren, A. D. № 440). Судя по материалам Б. Карлгрена, семантика др.-кит. *k'wāi* не свидетельствует в пользу древности значения 'острый', которая бы позволила сопоставить это слово с нутка *kʷi*- 'точить' и т. д.

[64] Совр. сев.-кит. *huê* (хо) 'жить' < др.-кит. *γuât* 'живой, жить' < арх. кит. **g'wât* (Karlgren, Gr. S. № 302).

[65] См. прим. 63.

[66] Совр. сев.-кит. *huě* (хо) 'огонь' < др.-кит. *χuâ* 'огонь' < арх. кит. **χwâr* (Karlgren, Gr. S. № 353a).

[67] Квилеут и чимакум — языки вымершей чимакумской группы языков (северо-восток штата Вашингтон, США).

[68] Фин. *kerjää*-, коми. *kor*-, венг. *kér*-, удм. *kurï* < фин.-уг. **kerjз*- (Collinder, FUV 88; Collinder, C. Gr. 411).

[69] Венг. *kell*- и т. д. < фин.-уг. **kelke* 'быть нужным' (Collinder, FUV 87; Collinder, C. Gr. 411).

[70] Совр. сев.-кит. *huáŋ* (хуан) < др.-кит. *γwâng* 'желтый' < арх. кит. **g'wâng* (Karlgren, Gr. S. № 707a-*b*).

[71] Фин. *kelta* 'желтизна' (откуда *keltainen* 'желтый'), видимо, заимствовано из балтийских языков (лит. *geltà* 'желтизна', 'желтуха', *gel̃tas*, *geltónas* 'желтый', лтш. *dzęltãns*, *dzęltęns* 'желтый') (Toivonen I, 180).

[72] Энец. *kiaде*, *kiare*, сельк. *kuečal* и фин. *kajasta*- возводятся к урал. **kaja*- (Collinder, FUV 21; Collinder, C. Gr. 406).

[73] См. прим. 72.

[74] Совр. сев.-кит. *huéi* '(по)вернуться' < др.-кит. *γuâi* 'вращаться' < арх. кит. **g'wər* (Karlgren, Gr. S. № 542a; Karlgren, A. D. № 108).

[75] Совр. сев.-кит. *huàn* (хуань) < др.-кит. *γwan* < арх. кит. **g'wan* (Karlgren, Gr. S. № 256k-m).

[76] Фин. *kutsu*- и саам. *goč'čo*- 'звать' < фин.-уг. **kućз* (Collinder, FUV 93; Collinder, C. Gr. 412).

[77] Возможно, из фин.-уг. **kujз*; ср. морд. *koj* 'обычай', манс. *kajtl*, *hojtl* 'как, подобно' (Collinder, FUV 91; Collinder, C. Gr. 411).

[78] Тур. *kuyruk* < общетюрк. **quduruq* 'хвост', родственно монг. *qudurγa* 'подхвостник' (М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 142; Ramstedt, KW 195) и, возможно, связанного с общетунгус. **xürgü* 'хвост'.

[79] Нан. *huygu* и эвен. *irgə* восходят к общетунгус. **xürgü* 'хвост' (Benzing 990, § 55).

[80] Эвенк. *ŋïnakïn* < общетунгус. **ŋïnda-kun*, где *-*kun* — суффикс (Василевич 280; Benzing 1015, § 76i; Цинц. 203).

[81] Кор. *kä* 'собака' < *kai* < *kańi*, родственное монг. *γani* 'дикая, бездомная собака' и общетюрк. **qančïq* 'сука' (Ramstedt, SKE 84; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, II. СПб., 1899, стр. 127—130), возводимо, по-видимому, к алт. **gańi* 'собака'.

[82] Совр. сев.-кит. *kĕu* (гоу) 'собака' < др.-кит. *kəu* 'собака' < арх. кит. **ku* (Karlgren, Gr. S. 108; Karlgren, A. D. 484).

[83] В транслитерации *kʰwe³* (со значком 3-го тона).

[84] Более обоснованной представляется общепринятая этимология фин. *koira* 'собака, самец' из урал. **koję* 'самец, мужчина' (Toivonen I, 207).

[85] Эвенк. *hi-* регулярно восходит к общетунгус. **pi-*, но никогда не к заднеязычным. Видимо, включение эвенк. *hisə* в этот ряд неуместно.

[86] Удм. и коми *iz* 'камень' < 'жернов'? Ср. удм. *izi-*, коми *iz-* 'молоть'. Во всяком случае в этом корне нельзя предполагать начальное урал. **k-*.

[87] Фин. *kivi*, морд. *kʸev* и венг. *kő* восходит к фин.-уг. **kiwe* (Collinder, FUV 89; Collinder, C. Gr. 411).

[88] Эвенк. *həgdi ~ əgdi* и эвен. *əgǯən* сопоставимы с нан. *əgǯi* 'много', удэйск. *əgdi*, ульч. *əgdi ~ həgdi* 'большой', а по Рамстедту, также с кор. *hję̄k* (хёк) 'блестящий, великолепный, величественный', монг. *jeke* 'великий' (Ramstedt, SKE 62; Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I, 73). Нерегулярность соответствий начального согласного (как внутри тунгусо-маньчжурской группы, так и между алтайскими языками) заставляет думать о заимствовании из китайского: ср. арх. кит. **χăk* > др.-кит. *χvk* (в значении 'блестящий' засвидетельствовано уже в книге «Ши-цзы») (Karlgren, Gr. S. № 779a).

[89] Рамстедт допускает раннее заимствование этого корня из сино-кор. *kę̄* (ке) (Ramstedt, SKE 134) < др.-кит. *ki̯u* 'великий' < арх. кит. **ki̯wo* (Karlgren, Gr. S. № 95a).

[90] См. прим. 50.

[91] Венг. *húgy* и т. д., мотор. *kunc-*, сельк. *küža-* < урал. **kuńćę* 'мочиться' (Collinder, FUV 29; Collinder, C. Gr. 407).

[92] См. прим. 91.

[93] Из фин.-уг. **soja* или **saja* 'укрытие' (Collinder, FUV 115; Collinder., C. Gr. 414).

[94] Начальное *h-*, возможно, из фин.-уг. **č-* (Collinder, FUV 81; Toivonen I, 68-69).

[95] По Б. Коллиндеру, из урал. **śüδ͡з-* (Collinder, C. Gr. 409), в более ранней работе Коллиндер предлагал урал. **śüδäme* (Collinder, FUV 146). Любопытны южносамодийские отражения: мотор. *kejem*, тайгийск. *kejm* 'сердце' (свидетельство происхождения **ś* из заднеязычного?).

[96] Мар. *čoka*, коми *čʌk*, венг. *sok* и пр. из фин.-уг. **čokkз* (Collinder, FUV 114, 148; Collinder, C. Gr. 413; Bárczi G. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941, стр. 273). Б. Коллиндер (FUV 148) сопоставляет урал. **čokkз* с алтайскими: тур. *çok* 'много' и пр. (< алт. **čok-*). Г. Рамстедт (G. R a m s t e d t. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft I, 63) предполагает заимствование венг. *sok* из тюркских, но никак не объясняет закономерных фонетических соответствий венг. *sok* с мар. *čoka*, коми *čʌk*, хант. *šoh*, *šək* и пр. Поэтому этимология Г. Барци и Б. Коллиндера представляется более вероятной.

[97] Из алт. **čok-* 'много' (Ramstedt, Указ. соч., I, 63).

[98] Это слово известно как в луговом диалекте (*šuko*, шуко), так и в горном (*šukï*, шукы). Неясно, откуда М. Свадеш почерпнул сведения о его диалектном характере: об этом не пишут основные словари [У п ы - м а р и й (В. М. В а с и л ь е в). Марий мутэр. Моско, 1926, стр. 273; С. Г. Э п и н. Горномарийско-русский словарь. Козмодемьянск, 1935, стр. 156; Марийско-русский словарь. М., 1956, стр. 731—732; T. S e b e o k and V. Z e p s. Concordance and thesaurus of Cheremis poetic language. 's-Gravenhage, 1961, стр. 117]. Развитие мар. *š* < фин.-уг. **č* закономерно, но этимология мар. *šuko*, *šukï* < фин.-уг. **čokkз* у Б. Коллиндера отсутствует.

[99] Совр. сев.-кит. *tuē* (до) 'много' < др.-кит. *tâ* 'много' < арх. кит. **tâ* (Karlgren, Gr. S. № 3a-c).

[100] Если дагур. *šihe* 'большой, много' (S. M a r t i n. Dagur Mongolian grammar, texts and lexikon. Bloomington, 1961, стр. 215) сопоставимо с монгор. *ṣGe* и широнгол. *šukö* 'большой, уважаемый, величие, много'

(A. de Smedt et A. Mostaert. Le dialecte monguor parlé par les mongols du Kansou occidental, III. Pei-p'ing, 1933, стр. 378), тогда можно думать о раннем монгольском заимствовании из корейского (сев.-кор. *šek*, ю.-кор. *hjek* 'блестящий, величественный, великий, прекрасный'), что в свою очередь может быть заимствованием из др.-кит. *γvk* 'блестящий'. См. прим. 88.

[101] Совр. сев.-кит. *čhāŋ* 'длинный' < др.-кит. *d'i̯ang* 'длинный, высокий, долго' < арх. кит. *d'i̯ang* (Karlgren, Gr. S. № 721a-e).

[102] Фин. *hyvä*, *hyvin*, эрзя-морд. *čiv* и саам. *šuvva* восходят к фин.-уг. корню с начальным *š-; связь коми *šań* и венг. *igėn* с этим корнем Коллиндер считает сомнительной (Collinder, FUV 82).

[103] Кор. *čōha*, *čōhïn* 'хороший' < *tjō-h-* — это заимствование из древнекитайского (Ramstedt, SKE 41).

[104] Сев.-кит. *sīn* (синь) < др.-кит. *si̯ĕn* 'новый' < арх. кит. **si̯ĕn* (Karlgren, Gr. S. № 382k).

[105] В транслитерации *þas*. В отношении конечного *-s* транслитерация отражает древнее произношение (см. Маун Маун Ньун, И. А. Орлова, Е. В. Пузицкий, И. М. Тагунова. Бирманский язык. М., 1963, стр. 10).

[106] Имеется в виду, видимо, хант. *čŏkat* (шукат) 'сломать', *čŏk* (шук) 'кусок', манс. *såht* 'сломать', возводимые к урал. **čukka-* (Collinder FUV, 55; Ю. Н. Русская. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961, стр. 236; Collinder, C. Gr. 409), а также фин. *hukka-* 'терять, тратить', которое фонетически регулярно можно возвести к тому же **čukka-*.

[107] Коллиндер связывает юкг. *hon-* 'ходить' с нен. *haje-* ~ *hań-*, нган. *kuana-*, энец. *kańi-*, сельк. *qən-*, *kuenna-* и камас. *kan-* 'идти' (Collinder, FUV 14), что предполагает начальное урал. **k-*.

[108] По Й. Ангере, *kode* 'человек, муж' (Angere 120).

[109] По Й. Ангере, юкг. *toboko* 'собака' < русск. *собака* (Angere 238).

[110] По Й. Ангере, кол. юкг. *kejŀeje* 'красный' (Angere 111). Ср. чуван. *кыйланый* (по Матюшкину), *keileineiže* (по Бёнсингу) 'красный', омок. **ketolgos* 'красный' (O. G. Tailleur. Les uniques données sur l'omok, langue éteinte de la famille youkaghire. — «Orbis» VIII, 78—108).

[111] По Й. Ангере: «s. aŋlu [Name, mit dem die Jukagiren die Russen bezeichnen] w. Heisser, Zorniger» (Angere 22). В значении же прилагательного 'горячий' приводится лишь кол. юкг. *pugace* (ср. чуван. *пугучь*).

[112] В соответствующем значении в котском языке (родственном кетскому) присутствует корень без *-n-*: кот. *ašix* 'кто'. Это ставит под сомнение древность *-n-* в кетском.

[113] Б. Коллиндер связывает юкг. *kin* с урал. **ke-* ~ **ki-* 'кто' (Collinder, FUV 24; Collinder, C. Gr. 406) и с алтайским вопросительным корнем, представленным в др.-уйгур. *kim* и монг. *ken* (Collinder, FUV 144).

[114] Юкг. *el(e)* связывается с урал. отрицанием **elä-* (Collinder, FUV 4; Collinder, C. Gr. 405) и с монг. *ülü* 'не' (Collinder, FUV 143).

[115] Юкг. *tiŋ* 'этот' связано с урал. **tā* 'этот' (Collinder, FUV 62; Collinder, C. Gr. 409); его можно сближать также с алт. **te* (карагас. *tet* 'тот', монг. *tere* 'тот, он', эвенк. *təli* 'тогда' — см. Collinder, FUV 146) и и.-е. **to*, **tā* 'этот' (Pokorny 1086).

[116] Такое слово отсутствует в известных нам словарях (J. Angere. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm—Wiesbaden, 1957; словарик колымского диалекта в книге Е. А. Крейновича «Юкагирский язык». М.—Л., 1958). Й. Ангере приводит в этом значении 'большой' кол. юкг. *como-* и *ńańce* (Angere 40—42, 172), 'много' — кол. юкг. *ńiŋej* и др. (Angere 68, 180, 181, 211, 238).

[117] По Й. Ангере, *ŀebie* (=*lebje*) 'земля' (Angere 134); ср. чуван. *lewe-* 'земля' (по записям Бёнсинга, см. O. G. Tailleur. Указ. соч.).

[118] По В. Иохельсону и Й. Ангере — юкг. *ozi* 'вода', по О. Тайёру — *oʒi* 'вода'.

[119] См. прим. 116.

120 См. прим. 108.

121 По Й. Ангере, кол. юкг. *pie* 'гора, камень' (Angere 208); ср. омок. *pea* 'камень', чуван. *пала* 'горы' (по Матюшкину; см. О. Tailleur. Указ. соч.). Этот корень связывается с урал. **pijẹ* 'камень' (Collinder, FUV 49; Collinder, C. Gr. 408).

122 Юкг. *niw* 'имя', еще в XVII в. засвидетельствованное Витсеном в форме *nim*, возводится к урал. **nime* (Collinder, FUV 39; Collinder, C. Gr. 407). См. прим. 24.

123 По Й. Ангере, кол, юкг. *amun* 'кость' (Angere 14). Ср. чуван. *amun*, омок. **amna* 'кость' (О. Tailleur. Указ. соч.).

124 Юкг. *aŋa* 'рот' возводится к урал. **aŋẹ* 'рот' (Collinder, FUV 68; Collinder, C. Gr. 409), которое сближают с алт. **aŋ-* 'рот, отверстие' (Collinder, FUV 147; M. Räsänen. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955, стр. 20; Benzing 968 и 986).

125 По В. Иохельсону, *tukne* 'nail, peg' (Angere 251). Означает ли это 'ноготь' или скорее 'гвоздь, колышек'?

126 Такое слово не обнаружено в словаре Й. Ангере и в книге Е. А. Крейновича.

127 Кол. юкг. *leu-*, *leg-* 'есть', т. юкг. *leŋde-* 'есть' гипотетически связывают с урал. **ruŋkз-* (венг. *rág-* 'жевать' и др.) (Collinder, FUV 54; Collinder, C. Gr. 408).

128 Такой корень не обнаружен в словаре Й. Ангере и в книге Е. А. Крейновича. В значении 'дым' отмечено кол. юкг. *jūt*, *ƚūt* (Angere 106, 148).

129 Яп. *anata* — позднее новообразование, вытеснившее древнее японское местоимение *na* 'ты' (см. прим. 34).

130 Представляется более вероятным, что айн. *poni* 'кость' — заимствование из др.-яп. **pone* 'кость'.

131 *Watasi* (как и *watakusi*) по происхождению — не местоименный корень, а новообразование, вытеснившее др.-яп. *a* и *wa*. Поэтому оно не может генетически сопоставляться с местоимениями.

132 Кор. *uri* 'мы' < **wuri* < **buri* сопоставляется с тюрк. *biz* < **bir̋* 'мы' и маньчж. *buʌ*, эвенк. *bu* 'мы' (из **bur̋* или **bur̋e*) (Г. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 70—71).

133 Производное от глагола *mota*, *motin*, *motta* 'собираться вместе' < алт. **mud* 'собираться' (откуда монг. *mugi* 'провинция, население страны, др.-тюрк. *budun* 'нация' и т. д.) (Ramstedt, SKE 150 и 152). Деление *mo-tu* этимологически не оправдано.

134 Кор. *čagïn* 'маленький' гипотетически сближают с казах. *čaqan* 'немного' (Ramstedt, SKE 18).

135 Кор. *-thop* 'ноготь' сопоставляется с ороч. *tipa* 'ноготь', монг. *tu'ur* (< **tupur*) 'внутренний край копыта' (Ramstedt, SKE 284).

136 Кор. *pǟ* 'живот' < *pai* < алт. **pay* (тюрк. *ay-lïγ bolmïš* 'забеременела', яп. *hara* < **pai-ra* 'живот') (Ramstedt, SKE 182).

137 Яп. *синдзō* (< кит. *сūньцзан* 'сердце'), будучи заимствованием, не должно участвовать в генетических сопоставлениях.

138 Кор. *sim-čaŋ* (сим-дянъ) 'сердце' также заимствовано из китайского (др.-кит. *sįəm-dz'âng* 'сердце') (Karlgren, A. D. № 1035; Karlgren, Gr. S. № 663a).

139 Кор. *kan-čaŋ* (кан-дянъ) 'печень' — заимствование из китайского (совр. сев.-кит. *гāнь-цзан*, др.-кит. *kân-dz'âng*) (Karlgren, A. D. № 1035; Karlgren, Gr. S. № 1391).

140 Этот глагол (*mʌgʌ*, *mʌgïn*, *makta* 'есть') сближают с уйгур. *bäk* 'наесться' и пр.

141 Кор. *kʌra*, *karin*, *kʌtta* из алт. **ker̋-* (тюрк. *käz-* 'проходить', монг. *kerü-* 'бродить' и пр.) (Ramstedt, SKE 109).

142 Русскому глаголу *лежать* и англ. *lie* функционально соответствуют корейские глаголы *iyʌ*, *in*, *ida* 'быть' и *itta* < **isida* 'существовать'; оба

глагола восходят к *wi и далее к алт. *bi 'быть' (эвенк. bi- 'быть' и пр.) (Ramstedt, SKE 68).

143 Кор. tar (tąl) 'луна' восходит, видимо, к алт. *tul- (солон. tula 'быть ярким, красивым, аккуратным' и пр.) (Ramstedt, SKE 251).

144 Кор. mur 'вода' < алт. mör- (ср.монг. mören 'река') (Ramstedt, SKE 154).

145 Кор. kurïm 'облако' можно гипотетически связывать с алт. *kör- (ср.-тюрк. körlän- 'заволакивать облаками') или с алт. *köĺ- (ср.-тюрк. köši- 'покрывать') (Ramstedt, SKE 132).

146 Кор. t'ïk(w) — производное от глагола t'a, t'ïn, t'ïda 'прижигать', сопоставимо с тюрк. ütü 'опалить, погладить' (Ramstedt, SKE 265).

147 Кор. pur (пуль) < алт. *pör- 'огонь' (откуда монг. ör 'пламя', 'тепло от огня', тюрк. ör-t 'огонь, степной пожар') (Ramstedt, SKE 208).

148 Кор. muʌt (в транслитерации muʌs) 'что' из алт. *mi- 'что' + кор. kʌs 'вещь' (Ramstedt, SKE 153; Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание, 78). Алт. *mi- 'что' сближается с вопросительными местоимениями на *m- в уральских, картвельских и семито-хамитских языках.

149 Кор. tu, tu-kä, tūl 'два', сев.-кор. tuur 'два' гипотетически сопоставляют с эвенк. ǯūr, маньчж. ǯue 'два', ср.-тюрк. tükä 'теленок на втором году жизни', а также с айн. tu 'два' (Ramstedt, SKE 274—275).

150 См. прим. 134.

151 Кор. sä < sai 'птица' сопоставляют со ср.-тюрк. sača 'воробей' (< say-čay?), маньчж. saisχa 'воробей' и пр. (Ramstedt, SKE 218).

152 Кор. thʌr (thąl) 'волосы, мех, шерсть, перья' сближают с тур. teĺ 'волосок, нить, проволока' (Ramstedt, SKE 282; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, III, 1080—1081).

153 См. прим. 138.

154 См. прим. 141.

155 См. прим. 145.

156 Кор. säro(w) содержит корень sai (юж.-кор. sä) 'новый' < алт. *say- (монг. say-a 'недавно', тюрк. sai 'молодой') (Ramstedt, SKE 218).

157 См. прим. 143.

158 Кор. tōr гипотетически сопоставляют с эвенк., нан. и др. ǯolo 'камень' (Ramstedt, SKE 279).

159 См. прим. 146.

160 См. прим. 132.

161 Совр. сев.-кит. uě-men (во-мынь) 'мы' содержит корень uě (во) 'я' < др.-кит. ŋâ 'я, мы' < арх. кит. *ŋâ (Karlgren, Gr. S. № 2a). Сопоставление этого корня с кор. uri < *buri не подтверждается данными истории корейского и китайского языков.

162 Сев.-кит. šemme 'что' — современное китайское новообразование из šï (ши) 'вещь' (< др.-кит. zi̯əp 'десятка') + me (мо) 'маленькое' < др.-кит. muâ 'маленький' (Karlgren, A. D. 876; Karlgren, Gr. S. № 17d). Это новообразование не может участвовать в генетических сопоставлениях с местоимениями.

163 См. прим. 133.

164 Сев.-кит. tu 'весь' < др.-кит. tuo 'столица' < арх. кит. *to (Karlgren, A. D. № 1187; Karlgren, Gr. S. № 45 e').

165 См. прим. 134.

166 Из др.-кит. si̯äu 'маленький' < арх. кит. *si̯og (Karlgren, Gr. S. № 1149a).

167 Корейское и китайское слова имеют общий первый элемент, поскольку кор. nam-ča заимствовано из др.-кит. nâm-tsi 'человек' ('человек' + 'ребенок'). Совр. сев.-кит. nán-ren < др.-кит. nâm-ńźi̯ĕn 'человек' (оба элемента значат 'человек') < арх. кит. *nəm-ńi̯ĕn (Karlgren, Gr. S. № 649a, 964a, 388a).

168 Кор. sāram (sarąm) 'человек' произведено от корня sar- 'жить' и сопоставляется с эвенк. saran 'территория поселения' и пр. (Ramstedt,

SKE 221 и 224). Совр. сер.-кит. *ren* (< др.-кит. *ńźi̯ĕn* < арх. кит. *ńi̯ĕn* — см. Karlgren, Gr. S. № 388a) не может сопоставляться с кор. *saram*.

169 См. прим. 81.

170 Совр. сев.-кит. *kĕu* (гоу) < др.-кит. *kə̯u* < арх. кит. **ku* (Karlgren, Gr. S. № 108d).

171 Кор. *s'ī* < *psi* 'семя' родственно маньчж. *fisiχe* 'просо' (Ramstedt, SKE 231). Совр. сев.-кит. *čüŋ-* (чжун) < др.-кит. *tśi̯wong* < арх. кит. **t̂i̯ung* (Karlgren, A. D. № 1270; Karlgren, Gr. S. № 1118d).

172 Совр. сев.-кит. *iè* < др.-кит. *i̯äp* 'лист' < арх. кит. **di̯ap* (Karlgren, Gr. S. № 633d).

173 Совр. сев.-кит. *yá* < др.-кит. *nga* 'зуб' < арх. кит. **ngâ* (Karlgren, Gr. S. № 37a).

174 Кор. *son* 'рука' сопоставляется с маньчж. *sunǯa* 'пять', эвенк. *sōlto* 'кулак' (Ramstedt, SKE 241). Совр. сев.-кит. *šĕu* 'рука' < др.-кит. *śi̯ə̯u* 'рука' < арх. кит. **śiôg* (Karlgren, Gr. S. № 1101a).

175 Кор. *hyʌ* 'язык', сев.-кор. *šʌ* сопоставляют с тунг. **xilŋü* 'язык' > нан. *siŋmu* (Ramstedt SKE 61; Benzing 991). Совр. сев.-кит. *šê* 'язык' < др.-кит. *dź'i̯ät* 'язык' < арх. кит. **d̂'i̯at* (Karlgren, Gr. S. № 228a).

176 Кор. *-thop* 'ноготь' сопоставимо с ороч. *tipa* 'ноготь' и пр. (Ramstedt, SKE 284). Совр. сев.-кит. *ćićiă* 'ноготь' < др.-кит. *t'śi-kap* ('палец' + 'скорлупа') (Karlgren, Gr. S. № 629; Karlgren A. D. № 1215).

177 Совр. сев.-кит. *kān* (гань) < др.-кит. *kân* < арх. кит. **kân* 'печень' (Karlgren, Gr. S. № 139). Кор. *kan-čaŋ* — заимствование из китайского.

178 Кор. *tïrʌ*, *tïrïn*, *tïtta* 'слышать' < алт. **tül-* (эвенк. *til-* 'понимать', монг. *tülge* 'гадание') (Ramstedt, SKE 269). Совр. сев.-кит. *thīŋ* (тин) < др.-кит. *t'ieng* < арх. кит. **t'ieng* (Karlgren, Gr. S. № 835d').

179 Кор. *ču(k)* 'умереть' родственно эвенк. *čuku-* 'не мочь', монг. *čöke-* 'отчаяться' и пр. (Ramstedt, SKE 43). Совр. сев.-кит. *sï-* < др.-кит. *si* 'умереть' < арх. кит. **siər* (Karlgren, Gr. S. № 558a).

180 Кор. *čuki-* — производное от кор. *ču(k)-* 'умереть' (см. прим. 179). Совр. сев.-кит. *tá-sï* состоит из элементов *tá* (да) 'бить' и *sï* (сы) 'умереть'.

181 Кор. *anči'(s)* возводится к корню *ān* 'спокойный, покой, отдыхать', заимствованному из китайского (совр.-кит. *an* (ань) < др.-кит. *ân* 'покой, спокойный' — Karlgren, Gr. S. № 146a). Совр. сев.-кит. *cue* (цзо) < др.-кит. *dz'uâ* 'сидеть' < арх. кит. **dz'wâ* (Karlgren, Gr. S. № 12a).

182 Кор. *sʌ*, *sʌn*, *sʌda* 'стоять' < алт. **se* (др.-уйгур. *sär* 'разложить', маньчж. *seχeχun* 'поднятый') (Ramstedt, SKE 225). Совр. сев.-кит. *čàn* (чжань) < др.-кит. *t̂am* 'встать, остановиться' (Karlgren, A. D. № 1162).

183 Кор. *san* 'гора' заимствовано из китайского (др.-кит. *šăn* 'гора'). Совр. сев.-кит. *šān* 'гора' < др.-кит. *šăn* 'гора' < арх. кит. **săn*.

184 Совр. сев.-кит. *hēi* < др.-кит. *χə̯k* 'черный' < арх. кит. **χmək* (Karlgren, Gr. S. № 904a).

185 Кор. *säro(w)* 'новый' содержит корень *sai* (юж.-кор. *sä*) < алт. **say-* (Ramstedt, SKE 218). Совр. сев.-кит. *sin* (синь) < др.-кит. *si̯ĕn* < арх. кит. **si̯ĕn* (Karlgren, Gr. S. № 382k).

186 Кор. *ča* 'спать' < алт. **ǯa-* (тюрк. *ja-t* 'лежать в постели, спать' и пр.) (Ramstedt, SKE 17). Совр. сев.-кит. *šuei-ciàu* (шуйцзяо) состоит из элементов *šuei* < др.-кит. *źwię* 'спать' < арх. кит. **d̂wia* (Karlgren, Gr. S. № 31d) и *ciao* 'спать' < др.-кит. *kao* 'пробудиться' < арх. кит. **kôg* (там же, № 1038f).

187 Кор. *sim-čaŋ* — заимствование из китайского (др.-кит. *si̯əm-dz'âng* 'сердце' — Karlgren, Gr. S. № 663a; Karlgren, A. D. № 1035), совр. сев.-кит. *sin* (синь) < др.-кит. *si̯əm* < арх. кит. **si̯əm* (Karlgren, Gr. S. № 663a).

188 О кит. *ren* < **ńi̯ĕn* см. прим. 168. Бирм. *lu* транслитерируется как *lū* [2]. Вопрос о связи этих двух корней остается пока открытым.

189 Совр. сев.-кит. *kĕu* (гоу) < др.-кит. *kə̯u* < арх. кит. **ku* (Karlgren, Gr. S. № 108d). Бирм. *khwe* 'собака' (в транслитерации *khwe* [3]) скорее связано с другим китайским названием собаки (когда-то основным): арх.

кит. *$k'\underset{\circ}{i}w\partial n$ > др.-кит. *k'įwən* (> совр. сев.-кит. *цюань*): ср. канаури *khuī*, тибет. *khyi* 'собака' и т. д.

190 См. прим. 172.

191 Бирм. *ï-ywet* [əjwə'] транслитерируется как *a*^{1}*rwat*^{1}.

192 Совр. сер.-кит. *süě* (сюэ) < др.-кит. *χįwet* 'кровь' < арх. кит. **χįwet* (Karlgren, Gr. S. № 410a). Бирм. *þwe* транслитерируется *þwe*^{3}.

193 Совр. сев.-кит. *fă* (фа) < др.-кит. *pįʷɒt* 'волосы на голове' (Karlgren, A. D. № 750). Бирм. *za-pin* [zəbin] транслитерируется как *chaṃ*^{1}*pañ*^{1}.

194 Совр. сев.-кит. *iăn* (янь) 'глаз' (употребляющееся и вне сложения с *ciŋ*, цзинь) восходит к др.-кит. *ngăn* 'глаз' < арх. кит. **ngɛn* (Karlgren, Gr. S. 416b). Элемент *ciŋ* восходит к др.-кит. *tsįäng* 'значок' (Karlgren, A. D. № 1085). Бирм. *myet-si'* [mje' sí] транслитерируется как *myak*^{1}*ci*^{1}. Бирм. *myak*^{1} 'глаз' родственно арх. кит. **mįôk* 'глаз' (> совр. сев.-кит. *му*) (Karlgren, Gr. S. № 1036a), тибет. *mig*, микир *â-mek*, нага *mak* 'глаз' и пр.

195 Совр. сев.-кит. *ciău* (цзяо) 'нога' < др.-кит. *kįak* < арх. кит. **kįak* (Karlgren, Gr. S. № 776). Бирм. *če* транслитерируется как *khre*^{2}. Ср. тибет. *rkaŋ* 'нога', микир *ā-keŋ*, чин *kâ-kê* и т. д.

196 Совр. сев.-кит. *ling* < др.-кит. *lįäng* 'шея' < арх, кит. **lįěng* (Karlgren, Gr. S. № 823 f). Бирм. *le-pin* [ləbìn] транслитерируется как *lañ*^{1} *pañ*^{3}.

197 Совр. сев.-кит. *chï* (чи) < др.-кит. *k'iek* 'есть, глотать' (Karlgren, A. D. 335 и 332). Бирм. *sa* транслитерируется как *cā*^{3}.

198 В совр. сев.-кит. *thiŋ-cian* (тинцзянь) корень *thiŋ* < др.-кит. **t'ieng* 'слышать' (см. прим. 178), а корень *cian* < др.-кит. *kien* 'видеть' < арх. кит. *kian* (Karlgren, Gr. S. № 241a). Бирм. *ča* транслитерируется *krā*^{3}.

199 См. прим. 179.

200 В транслитерации *þe*^{2}. Возможности связи с арх. кит. **sįər* (> совр. сев.-кит. *sï*), карен. *ser*, тибет. *ši-* 'умереть', качин. *a-si* 'умереть' и пр. пока неясны.

201 См. прим. 180.

202 В транслитерации *þat*^{1}. Связь с тибет. *γsod-* 'убить' и с китайским корнем неясна.

203 Совр. сев.-кит. *lái* (лай) < др.-кит. *lâi* < арх. кит. **ləg* (Karlgren, Gr. S. № 944f). Бирм. *la* (в транслитерации *lā*^{2}) может быть связано с арх. кит. **ləg* и с тибет. *log-pa* 'вновь прийти, вернуться'.

204 Совр. сев.-кит. *rï* (жи) 'солнце' < др.-кит. *ńźįět* < арх. кит. *ńįět* (Karlgren, Gr. S. 404a). Бирм. *ne* (в транслитерации *ne*^{2}), возможно, связано, с арх. кит. **ńįět* и тибет. *ńi* 'солнце'.

205 Совр. сев.-кит. *rŭ* (жу) < др.-кит. *ńźįu* 'сосок груди' < арх. кит. **ńįu*. Связь с бирм. *no* (в транслитерации *no*^{1}) не исключена. Ср. тибет. *nu-ma* 'грудь'.

206 Совр. сев.-кит. *lù* (лу) < др.-кит. *luo* 'путь' < арх. кит. **glâg* (Karlgren, Gr. S. № 786 l'). Бирм. *lan* транслитерируется *lam*^{3}. Ср. тибет. *lam* 'путь'.

207 Совр. сев.-кит. *huáŋ* (хуан) < др.-кит. *γwâng* < арх. кит. **g'wâng* (Karlgren, Gr. S. № 707a). Бирм. *wa* транслитерируется *wā*^{2}.

208 Совр. сев.-кит. *pái* (бай) < др.-кит. *b'ɒk* 'белый' < арх. кит. **b'ăk* (Karlgren, Gr. S. № 1044a). Бирм. *phyu-* транслитерируется *phrū*^{2}.

209 См. прим. 185.

210 Бирм. *þit* [θi'] транслитерируется *þac*^{1}. Неясно, есть ли здесь связь с арх. кит. **sįěn* или с тибет. *γsar-* 'новый' или *so-* 'новый'.

211 Совр. сев.-кит. *hău* < др.-кит. *χâu* 'хороший, любить' < арх. кит. **χôg* (Karlgren, Gr. S. № 1044a). Бирм. *kaun* транслитерируется *kauṅ*^{3}.

212 Совр. сев.-кит. *üan* (юань) < др.-кит. *įįwän* < арх. кит. **gįwan* (Karlgren, Gr. S. № 227c). Бирм. *wain* транслитерируется *woṅ*^{3}.

213 Совр. сев.-кит. *čháŋ* (чан) < арх. кит. **d'įang* (Karlgren, Gr. S. № 721a). Бирм. *še-* транслитерируется *rhañ*^{1}, ср. тибет. *riŋ* 'длинный'.

214 См. прим. 182.

215 Бирм. *tha* (в транслитерации *tha*[1]) значит не 'стоять', а 'подняться, встать'. Такое же значение имело и др.-кит. *ȋam* (> совр. сев.-кит. *čàn* (чжань) 'стоять').

216 Совр. сев.-кит. *ší* (ши) < др.-кит. *ziäk* < арх. кит. **d̂iäk* (Karlgren, Gr. S. № 795a). Бирм. *čauk* транслитерируется *kyaųk*[3].

217 Эту связь допускает и Г. Рамстедт (Ramstedt, SKE 274—275).

218 В кор. *khï-ta* 'быть большим' *ta* 'есть' суффикс прошедшего времени (глаголы и прилагательные записываются в словарях в форме прошедшего времени). Корень *khï* < **khü*, **kü* восходит, по предположению Г. Рамстедта, к *kʌ-wi* или *kʌ ha-* 'быть большим', где *kʌ* — заимствование из древнекитайского (Ramstedt, SKE 134). Совпадение с нан. *kə̄tə*, видимо, случайно.

219 Нан. *ngonimi* < тунг. *ŋōlï-mï* 'длинный' (Benzing 1038, § 104f). Тунг. **ŋ-* < алт. **g-* перед *l*. Неясна связь с алт. **kola* 'далекий' (N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, 98).

220 Из нан. *husə* 'мужской' и *nay* 'человек'. Нан. *nay* < тунг. **niārăbī* 'человек' (Benzing 986).

221 См. прим. 220.

222 Нан. *mō* < тунг. **mo* (или **mou?*) 'дерево (Holz)' (Benzing 971, § 30).

223 Нан. *horakta* 'кора' и эвен. *urta*, *orta* 'кора' возводимы, видимо, к тунг. **xora-kta* 'кора', имеющему широкие параллели в алтайских, уральских, индоевропейских и других языках (ср. тюрк. *kāz* 'кора' < **kāŕ*, фин. *kuori* 'кора, кожа' — см.: M. Räsänen. Uralaltaische Wortforschungen, 29; и.-е. *(*s*)*ker-* 'сырая кожа' — см. Walde-Pokorny II, 565 и т. д.). Однако вряд ли можно установить здесь связь с кор. *k'opčir*, скорее сопоставимом с урал. **kopa* > эст. *kōba* 'кора' — Collinder, FUV 25; Collinder, C. Gr. 406; с алт. **kabūl* 'сдирать кожу, кору' (N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, 48), может быть, с яп. *kawa* 'кора' и пр.

224 Кор. *p'ur* 'рог' (< др.-кор. *spur*, *spïr*) сопоставляется с ульч. *söförie* 'имеющий колючки', тур. *sifru*, *sivri* 'острый, остроконечный' и пр. (Ramstedt, SKE 208—209).

225 Нан. *huygu* < тунг. *xürgü* 'хвост' (см. прим. 79).

226 Нан. *dəgdəčə* 'крыло, перо', эвенк. *dətlə*, эвен. *dəktəhə*, маньчж. *dətχə* 'перо, крыло' — производные от пратунгусского корня, представленного в эвенк. *dəg-* 'лететь' и эвенк. *dəgi* 'птица'.

227 Кор. *nun* сопоставляется с монг. *nidün* 'глаз' (Ramstedt, SKE 172). Нан. *nasa-l* < тунг. **iāsa* (Benzing 973, § 33).

228 См. прим. 175.

229 Кор. *mok* родственно эвенк. *muka* 'шкура на шее оленя' (Ramstedt, SKE 150). Нан. *moŋon* < тунг. *moŋan* 'шея, горло' (Benzing 971, § 30).

230 Нан. *omio-ri*, видимо, восходит к алт. **um-* (монг. *umda* 'напиток', эвенк. *um-* 'пить', маньчж. *omi-* 'пить' и т. д.).

231 Это сопоставление содержится также у Рамстедта (Ramstedt, SKE 154).

232 См. прим. 178.

233 Нан. *dōlǯi* < тунг. **dōldï* 'слышать' (В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, стр. 207; Benzing 994, § 58).

234 Родство этих слов допускает и Рамстедт (Ramstedt, SKE 279).

235 Нан. *sikūn* < тунг. **xirkä-kün* (Benzing. 991, § 55). Предположение о родстве с кор. *säro(w)* (< алт. **say-*) отпадает.

236 См. прим. 181.

237 Нан. *tə̄-si-* содержит корень *tə̄-* < тунг. **tägä* 'сесть, встать с постели' (Benzing 978, § 41b) и суффикс (интенсив?) *-su-* (там же, 1067, § 130).

238 Нан. *čava-kta* значит не 'ноготь', а 'коготь'. Это слово связано с нан. *čaval-čaval* 'делать движения пальцами, стремясь схватить', эвенк. *čavarī-* 'хватать, схватить когтями'. Связь с алт. **tup-* (> кор. *thop*) 'ноготь' на алтайском уровне не усматривается.

239 Нан. *bəǯi* 'нога', возможно, из тунг. **bägdi* (негидал., ороч. и

удэйск. *bəgdi*, очок. *budd'i* и т. д. — В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, стр. 166).

240 Фин. *minä*, *tuo*, *tämä* и *kuka* возводятся соответственно к урал. **minä* ~ **mïna*, **to*, **ta-*, **ku-* (Collinder, C. Gr. 407 и 409). Генетические связи этих корней с индоевропейскими корнями сейчас, в связи с установлением уральско-индоевропейских фонетических соответствий, поддаются строгому доказательству.

241 Фин. *moni*, по Б. Коллиндеру, восходит к заимствованию из индоевропейских языков (Collinder, FUV 133).

242 Фин. *ihminen* 'человек', вепс. *ińehmoi*, эст. *inimene* 'человек' и др. родственны эрзя-морд. *inže*, мокша-морд. *indži* 'чужой', 'гость' и, возможно, нен. *ńeńets* 'человек', энецк. *ennete* 'человек' и пр. (Toivonen I, 102). Предположение о связи с и.-е. **manu-s* или **monu-s* 'человек' (> англ. *man*) безосновательно.

243 Фин. *siemen* может быть заимствованием из индоевропейских языков.

244 Фин. *korva* имеет, видимо, прафинноугорское происхождение (ср. саам. *goar've* 'ушной хрящ', удм. *ku̯ar* 'лист', коми *kor* 'лист' (Toivonen II, 221).

245 Фин. *kuul-* < урал. **kulḙ-* или **kūlḙ-* (Collinder, FUV 93; Collinder, C. Gr. 412).

246 Фин. *nenä* восходит к корню, распространенному в прибалтийско-финских и саамском языках (саам. *ni̯uone* и пр.) (Toivonen II, 372—373).

247 Фин. *käsi* < урал. **käte* (Collinder, FUV 87; Collinder, C. Gr. 411).

248 Корень, содержащийся в фин. *niska* 'шея', известен лишь в прибалтийско-финских языках (а также в саамском, где он заимствован из финского) (Toivonen II, 385). Англ. *neck* < и.-е. **kneg-*, **knek-* 'затылок' (др.-ирл. *cnocc*, валл. *cnwch*, др.-англ. *hnecca*). Связь между прибалтийско-финским и индоевропейским корнями весьма сомнительна. Если допустить соответствие и.-е. **kn-* = урал. **ń-* = алт. **ń-* (в начальном положении), тогда, пожалуй, можно ставить вопрос о сближении и.-е. **kneg-*, **knek-* 'затылок' с урал. **ńəkkз* 'затылок' и алт. **ńak-* 'горло' (и, может быть, с семит. **ḫnḵ* 'горло').

249 По Тойвонену, фин. *istua*, родственное морд. *ozams* 'садиться', членится на корень *is-* и суффикс *-tu-* (Toivonen I, 109). Если эта этимология верна, сближение с и.-е. **sed-* снимается.

250 Фин. *tähti*, родственное эрзя-морд. *tešte* и мокша-морд. *tʸašte*, восходит, видимо, к фин.-уг. **täštз*. И.-е. **əster* (> англ. *star*), по-видимому, является семитским заимствованием (см.: В. М. Иллич-Свитыч. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964, стр. 6—7).

251 Фин. *vesi* < урал. **wete* (Collinder, FUV 67; Collinder, C. Gr. 409). Сопоставление с и.-е. **u̯ed-* представляется вполне справедливым.

252 Фин. *pala* 'гореть' < фин.-уг. **pala-* (Collinder, FUV 106; Collinder, C. Gr. 413). Этот корень, может быть, сопоставим с и.-е. **pol-/*plē-/*plō-* 'гореть' (Walde—Pokorny II, 59—60), но вряд ли с и.-е. **bh(e)reu-* 'быстро двигаться, кипеть' (Pokorny 144), откуда гот. *brinnan* и англ. *burn* 'гореть'.

253 См. прим. 71.

254 Фин. *kylmä* 'холодный', видимо, возводимо к фин.-уг. **külmз* или *külmз* (ср. саам. *kalmas* 'холодный', эрзя-морд. *kʸelʸmʸe*, мар. *kəlme*, удм. *kïn(m)* и пр — Toivonen II, 254). Сближение этого корня с и.-е. **k̑el-* 'холодный' (Walde—Pokorny I, 429) и **gel-* 'холодный' (откуда англ. *cold*; Walde—Pokorny I, 622) вполне правомерно.

255 Сближение урал. **nime* 'имя' (> фин. *nimi*) с и.-е. **nōmn̥* ~ **en(o)mn̥* 'имя' представляется справедливым. Ср. также шумер. *inim* 'слово' (и яп. *namae* 'имя', если разложение на *na-* 'имя' и *mae* 'впереди' — позднее переосмысление).

Сокращенный перевод и примечания *А. Б. Долгопольского*

А. К. Шагиров

К ВЫЯВЛЕНИЮ ГЕНЕТИЧЕСКИ ОБЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ ЛЕКСИКИ АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

Абхазо-адыгские языки (абхазский, абазинский, убыхский, адыгейский и кабардинский) составляют одну из родственных групп иберийско-кавказских языков. Внутри абхазо-адыгской языковой группы как ближайше родственные языки объединяются абхазский с абазинским, адыгейский с кабардинским. Убыхский язык занимает как бы промежуточное положение между этими двумя подгруппами.

Родство адыгских языков (кабардинского и адыгейского) с абхазским и абазинским и каждой из этих подгрупп с убыхским является бесспорным, но оно еще не показано на достаточно широком языковом материале. Перед исследователями в данной области стоит задача последовательного обоснования генетического родства абхазо-адыгских языков, определения черт сходства и различия между этими языками и выяснения путей их исторического развития. Осуществление этой задачи требует широких сравнительных и сравнительно-исторических исследований. И здесь далеко не последнее место должны занять сравнительно-лексикологические разыскания, ставящие целью выявление генетически общих элементов лексики интересующих нас языков.

В настоящее время в этом направлении в абхазо-адыгском языкознании проделана определенная работа. В трудах Н. С. Трубецкого, Ж. Дюмезиля, Ю. Месароша, Г. В. Рогава и К. В. Ломтатидзе установлено единство целого ряда адыгских, абхазских и убыхских слов, в том числе и таких слов, которые, судя по их звуковой оболочке, казалось бы, не имеют между собой ничего общего.[1]

---

[1] См.: N. Troubetzkoy. Les consonnes latérales des langues caucasiques-septentrionales. — BSL XXIII, 3, 1922, стр. 188—189; его же. Nordkaukasische Wortgleichungen. — WZKM XXXVII, 1/2, 1930, стр. 79—

Родство лексических единиц интересовало исследователей лишь в связи с рассмотрением других вопросов. Этим в значительной степени можно объяснить наметившееся здесь отставание. Насущные задачи абхазо-адыгского языкознания требуют того, чтобы вопросы, связанные с выявлением генетически общего лексического фонда, стали предметом специальных исследований.

Разработка этих вопросов упирается в абхазо-адыгских языках в сложную и объективно трудную проблему звуковых соответствий.

В специальной литературе достигнуты несомненные успехи в установлении и историческом объяснении звукосоответствий в пределах близкородственных подгрупп абхазо-адыгских языков. Что касается звуковых соответствий в масштабе всей языковой группы, то они недостаточно выявлены, а выявленные слабо изучены.

Вместе с тем уже сейчас с большей или меньшей уверенностью можно говорить о наличии между рассматриваемыми языками ряда звукосоответствий:

а) адыг.-убых. *лъ*, *лI* = абхаз.-абаз. *щ* (адыг. *лъы*, убых. *лъе*, абхаз. *а-щa*, абаз. *щa* 'кровь'; адыг. *плIы*, убых. *плiы*, *плъы*, абхаз.-абаз. *пщ-ба* 'четыре');

б) адыг.-убых. *лъ* = абхаз.-абаз. *ш* (адыг. *плъэ-н*, убых. *плъе*, абхаз. *а-пш-ра*, абаз. *пш-ра* 'смотреть');

в) адыг.-убых. *л* = абхаз.-абаз. *жь* (адыг. *блы*, убых. *блы*, абхаз.-абаз. *бжь-ба* 'семь')[2];

г) адыг. *шI* = абхаз.-абаз.-убых. *цI* (адыг. *шIэ-н* 'знать', абхаз. *а-цIа-ра* 'учиться', убых. *цIе*, *а-цIе* 'знать', 'уметь', 'учиться')[3];

д) адыгейск. *чIъ*, каб. *шI* (из *чIъ* или *чI*) = абхаз.-абаз. *цI* (адыгейск. *чIъэ*, каб. *шIэ*, абхаз. *а-цIа*, абаз. *цIгI°а* 'дно');

е) адыгейск. *чI*, каб. *шI* (из *чI* или *чIъ*) = абхаз.-абаз.-убых. *чIъ* или *чI* (адыгейск. *чIэ*, каб. *шIэ* 'новый', 'молодой', абхаз.

89; G. Dumézil. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Paris, 1932, стр. 108, 124, 125; J. Mészáros. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934, стр. 218, 222, 229, 233, 239, 246, 257, 262, 284, 293, 298, 344; Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 23, 32—34, 40, 42, 75, 78, 83; К. В. Ломтатидзе. К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках. — ДСИЯ 1953, IV, стр. 95; ее же. Некоторые вопросы звуковых процессов и звуковых соответствий в иберийско-кавказских языках (по данным картвельских и абхазско-адыгских языков). — «Сообщения АН Грузинской ССР» XVI, 10. Тбилиси, 1955, стр. 823—824, 826—827.

[2] Эти три звукосоответствия отмечены впервые Н. С. Трубецким («Les consonnes latérales des langues caucasiques-septentrionales», стр. 188—189 и 198).

[3] К. В. Ломтатидзе. К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках, стр. 95.

а-чIъа, абаз. *чIъа* 'молодой', 'новый', убых. *чIъа* 'новый'; адыгейск. *мачIэ*, каб. *машIэ*, абхаз. *а-мачI*, абаз. *мачI*, убых. *мычI(ы)*, *мечI* 'мало', 'малое');

ж) адыг. *шъ* = абхаз.-абаз. *ш°* = убых. *с°*, *шъ°* (адыг. *шъэ*, абхаз.-абаз. *ш°*, убых. *с°е* 'сто'; адыг. *мышъэ*, абхаз. *а-мш°*, абаз. *мш°ы*, убых. *мышъ°э*, *мыс°е* 'медведь';

з) адыг. *шъ* = абхаз.-абаз. *с* (адыг. *шъэ-н*, *шъы-н*, абхаз. *а-с-ра*, абаз. *с-ра* 'ткать');

и) адыг. *й* = абхаз.-абаз. *гI*, *а* (из *гI*) = убых. *гъ°*, *гъ* (адыг. *йы*, абхаз. *а-а-ба*, абаз. *а-гI-ба*, убых. *у-гъ°а*, *гъ°а* 'восемь'; адыг. *йыз*, абхаз.-абаз. *азна*, убых. *гъеза* 'полный')[4];

к) адыг. *дж* (из *гь*) = абхаз.-абаз.-убых. *г* (каб. *ныджэ*, адыгейск. *ныджы* 'низменная местность вдоль берега реки', абхаз. *а-га*, убых. *нге*, *а-нге* 'берег моря', 'побережье');

л) адыг.-убых. *гъ°* = абхаз. *ω°*, абаз. *гI°* (каб. *гъ°э-жъ*, адыгейск. *гъ°э-жьы*, убых. *а-гъ°а-къа*, абхаз. *а-ω°а-жь*, абаз. *гI°а-жь* 'желтый')[5];

м) адыгейск. *ф* (из *х°*), каб. *х°* = абхаз.-абаз. *ш*[6] (адыгейск. *мафэ*, каб. *мах°э*, абхаз. *а-мш*, абаз. *мшы* 'день');

н) каб. *кхъ°*, адыгейск. *къ°*, адыг.-убых. *хъ*, *хъ°* = абхаз.-абаз. *хь*, *хь°* (каб. *кхъ°э*, адыгейск. *къ°э*, убых. *хъ°а*, абхаз. *а-хь°а*, абаз. *хь°а* 'свинья'; каб. *малъхъэ*, адыгейск. *махх°лъэ*, убых. *мыхъ(ы)*, абхаз. *а-махь°*, абаз. *мхь°ы* 'зять').

Общих лексических единиц с фонетическими различиями в рамках перечисленных звуковых соответствий в настоящее время можно указать в абхазо-адыгских языках более 30.

Наряду с такими словами сравнительный анализ исконной лексики рассматриваемых языков выявляет определенное количество тождественных в звуковом отношении слов, а также лексем, дающих как совпадение, так и различия, причем различия, которые не укладываются в рамки каких-либо звукосоответствий. При отнесении подобных слов к генетически общим элементам лексики необходимо учитывать, что здесь совпадение может оказаться случайным или объясняться проникновением слов из одной подгруппы языков в другую. Это касается особенно тех случаев, когда указанного типа слова представлены в адыгских, убыхском и абазинском языках, но отсутствуют в абхазском. Следует учесть, что в абазинском и, как можно судить по материалам П. К. Услара, А. Дирра, Ж. Дюмезиля и Ю. Месароша, в убыхском имеется довольно большое количество лексических заимствований из адыгских языков.

Для большей осторожности общие для адыгских, убыхского и абазинского языков слова в данной статье будут приводиться

---

[4] К. В. Ломтатидзе. Некоторые вопросы звуковых процессов и звуковых соответствий в иберийско-кавказских языках, стр. 826—828.

[5] G. Dumézil. Etudes comparatives. . ., стр. 124.

[6] Г. В. Рогава. Указ. соч., стр. 26.

как родственные только при условии, если они представлены и в абхазском.

Надо, однако, отметить, что данные абхазского языка здесь не всегда могут помочь, поскольку адыгские лексические заимствования имеются и в абхазском.

Ввиду недостаточной изученности вопросов исторической фонетики абхазского и адыгских языков, а также звуковых соответствий между ними, эти слова трудно бывает отличить от слов, общность которых вытекает из генетического родства данных языков, но в ряде случаев, опираясь на этимологию и фонетический облик слов, это удается сделать без особых затруднений. Так, например, адыгскими заимствованиями смело можно считать в абхазском такие лексемы, как *а-кІьапа* 'курдюк', *а-жакІьа* 'борода', *а-клапад* 'чулок', 'носок'.

В адыгских языках эти слова употребляются в тех же значениях и звучат как: *чІапэ/кІьапэ* (каб.), *чІапэ* (адыгейск.)[7], *жъачІэ/жъакІьэ* (каб.), *жачІэ* (адыгейск.), *лъэпэд* (каб. и адыгейск.).

На адыгской почве *чІапэ* и *жъачІэ* (*жачІэ*) объясняются как сложные слова: первое из них состоит из *чІэ* 'хвост' и *пэ* 'нос', 'начало', 'передняя часть', второе — из *жъэ(жэ)* 'рот' и *чІэ* 'хвост'. На материале абхазского языка рассматриваемые слова не поддаются объяснению.

Адыгские *чІэ* 'хвост', *жъэ(жэ)* 'рот' в абхазском не имеют параллелей в виде *кІьа*, *жа*. Значения 'хвост' и 'рот' выражаются здесь словами *а-цІыхъ°а* (хвост), *а-чІъы* (рот).

В слове *лъэпэд* на адыгской почве вскрываются *лъэ* 'нога' и *д* — корневой элемент глагола *дэн* 'шить'. Адыг. *лъэ* находит параллель в абхаз. *а-щапІы* 'нога'. В фонетической системе абхазского языка нет звука *лъ*. В исконно общих словах адыгскому *лъ* соответствуют, как мы видели выше, абхаз. *щ*, *ш*. Совершенно ясно, что абхаз. *кла* в вышеуказанном слове не может рассматриваться как параллель адыг. *лъэ*. С другой стороны, адыгскому корневому элементу *д* в абхазском отвечает не *д*, а *дз* (ср. абхаз. *а-дзахъра* 'шить'). Корни эти, по всей вероятности, имеют общее происхождение, но было бы неправильно думать, что в период возникновения слова *лъэпэд* абхазский вариант данного корня звучал как *д*, или предположить, что *а-клапад* получено на абхазской почве из *а-клападз*. Из сказанного видно, что интересующее нас слово в абхазском является заимствованным из адыгских языков.

Адыгскими заимствованиями следует считать в абхазском и такие слова, как: *а-кьак°а* 'жеребец' (ср. каб. и адыгейск. *хакІ°э* то же), *а-паса* 'ранний' (ср. каб. *пасэ*, адыгейск. *пас* то

---

[7] В шапсугском диалекте адыгейского языка вместо аффрикаты *чІ* имеем всюду *кІь* (см.: З. И. Керашева. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп. 1957, стр. 32).

же), *а-кӀьаса* 'поздний' (ср. каб. *чӀасэ/кӀьасэ*, адыгейск. *чӀас* то же), *а-кӀьачӀъ* 'короткий' (ср. каб. *чӀэшӀ/кӀьэшӀ*, адыгейск. *чӀэчӀы* то же), *а-г°ыбгъан* 'укор', 'укоризна' (ср. каб. и адыгейск. *г°ыбгъэн* то же).

Перечень адыгских лексических заимствований в абхазском можно было бы продолжить, но этот вопрос, так же как и вопрос о возможных абхазских лексических заимствованиях в адыгских языках, нуждается в специальном изучении, и его подробное рассмотрение не входит в задачу настоящей статьи. Для нас важно было отметить здесь то, что при выделении генетически общих элементов лексики абхазо-адыгских языков наличие слов, представленных в адыгских, убыхском и абазинском языках, также в абхазском является не всегда надежным критерием, поскольку в абхазском эти слова могут оказаться заимствованными из адыгских языков.

Генетически общих лексических единиц можно указать в абхазо-адыгских языках пока сравнительно немного. Большинство из них выявлено в упомянутых трудах Н. С. Трубецкого, Ж. Дюмезиля, Ю. Месароша, К. В. Ломтатидзе и Г. В. Рогава.

Учитывая значительный научный интерес названных слов и отсутствие в специальной литературе работ, посвященных их систематизации, ниже мы приводим список этих слов.

В подавляющем большинстве случаев в списке даются все пять вариантов — кабардинский, адыгейский, абхазский, абазинский и убыхский. За единичными исключениями, убыхские слова берутся из работ П. К. Услара, А. Дирра, Ж. Дюмезиля и Ю. Месароша[8].

В основу принятой в списке (как и во всей статье) транскрипции положен практический алфавит адыгейского языка. В отличие от адыгейского алфавита в статье знаком *чӀ* обозначается мягкая шипящая аффриката, а соответствующая твердая аффриката передается через *чӀъ*; буквы *г*, *кӀ* используются для обозначения твердых заднеязычных взрывных, сочетание полугласного *й* с иррациональным гласным пишется согласно произношению; лабиализованность звуков передается знаком °.

Мягкие заднеязычные взрывные, для которых в адыгейском алфавите, ввиду их отсутствия в литературном языке, нет знаков, в словах других абхазо-адыгских языков обозначаются сочетаниями *гь*, *кь*, *кӀь*.

---

[8] П. К. Услар. О языке убыхов. Этнография Кавказа. Языкознание I. Абхазский язык. Тифлис, 1887. Приложение (сокр. Услар); Adolf Dirr. Die Sprache der Ubychen. Sonderdruck aus Caucasica, fasc. 4 u. 5. Leipzig, 1928 (сокр. Dirr); Georges Dumézil. La langue des Oubykhs. Paris, 1931 (сокр. Dumézil); Julius Mészáros. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934 (сокр. Mészáros).

Мягкое произношение согласных *дж*, *тI*, *ц* передается знаком *ь*. Отсутствующие в адыгейском языке губно-зубной абруптивный и глухой заднемягконёбный взрывной обозначаются знаками *фI*, *кхъ*. Специфический для абазинского языка звонкий ларингальный сохраняется в своем абазинском начертании (*гI*), а соответствующий ему абхазский ларингальный передается буквой *ω*.

А. НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА

1. каб. *г°ы*, адыгейск. *г°ы*, абхаз. *а-г°ы*, абаз. *г°ы*, убых. *гы*, *ги* 'сердце' (Mészáros 357, Dirr 124).
2. каб. *шъхьэ*, адыгейск. *шъхьэ*, абхаз. *а-хъы*, абаз. *кхъа*, убых. *шъа* 'голова' (Dirr 125).
3. каб. *пэ*, адыгейск. *пэ*, абхаз. *а-пынцIа*, абаз. *пынцIа* 'нос'.
4. каб. *пашIэ*, адыгейск. *пачIэ*, абхаз. *а-пацIа*, абаз. *пцIа* 'усы'
5. каб. *дзэ*, адыгейск. *цэ*, абхаз. *а-ц*, абаз. *пыц*, убых. *це* 'зуб' (Dumézil 199).
6. каб. *бгы*, адыгейск. *бгы*, абхаз. *а-бгъа*, абаз. *бгъа* 'спина ближе к талии'.
7. каб. *лъакъ°э*, *лъэ*, адыгейск. *лъакъ°э*, *лъэ*, абхаз. *а-щапIы*, абаз. *щапIы*, убых. *лъакъ°а*, *лъа* 'нога' (Mészáros 335, Dirr 122).
8. каб. *фэ*, адыгейск. *шъ°э*, абхаз. *а-ц°а*, абаз. *ч°а*, убых. *а-ц°а*, *че* 'кожа', 'шкура' (Dumézil 209, Mészáros 344).
9. каб. *зэз*, адыгейск. *зэзы*, абхаз. *а-з*, абаз. *заз*, убых. *зезе* 'желчь' (Dirr 94).
10. каб. *лъы*, адыгейск. *лъы*, абхаз. *а-ща*, абаз. *ща*, убых. *лъе* 'кровь' (Mészáros 332).
11. каб. *шъэ*, адыгейск. *шэ*, абхаз. *а-шша*, абаз. *шша* 'нутряное сало'.

Б. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

12. каб. *сэ*, адыгейск. *сэ*, абхаз. *са-ра*, абаз. *са-ра*, убых. *сыгъ°а*, *с-гъ°а* 'я' (Dumézil 16, Mészáros 69).
13. каб. *уэ*, адыгейск. *уэ*, абхаз. *уа-ра*, абаз. *уа-ра*, убых. *у-гъ°а* 'ты' (Dumézil 16, Mészáros 69).
14. каб. *фэ*, адыгейск. *шъ°э*, абхаз. *ш°а-ра*, абаз. *ш°а-ра*, убых. *с°(у)-гъ°а-лъе*[9], *шъйу-гъ°э* 'вы' (Dumézil 16, Услар 92).

---

[9] По свидетельству Ж. Дюмезиля, при сочетании убыхских личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа с определяемыми словами, оформленными притяжательным префиксом, элемент *лъе* может опускаться (Dumézil 40).

В. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

15. каб. *зы*, адыгейск. *зы* 'один', абхаз. *з-ны-кI* 'раз (один)', абаз. *за-кIы* 'один' (о неразумных), убых. *зе*, *за* 'один' (Dumézil 42).
16. каб. *тIуу*, адыгейск. *тIᵒы*, абхаз. *ωᵒ-ба*, абаз. *гIᵒ-ба*, убых. *тIкъᵒа* 'два' (Dumézil 42)[10].
17. каб. *плIы*, адыгейск. *плIы*, абхаз. *пщ-ба*, абаз. *пщ-ба*, убых. *плIы*, *плъы* 'четыре' (Mészáros 215, Dumézil 42).
18. каб. *тхᵒы*, адыгейск. *тфы*, абхаз. *хъᵒ-ба*, абаз. *хъᵒ-ба*, убых. *шхы* 'пять' (Dumézil 42).
19. каб. *блы*, адыгейск. *блы*, абхаз. *бжь-ба*, абаз. *бжь-ба*, убых. *блы* 'семь' (Mészáros 230).
20. каб. *йы*, адыгейск. *йы*, абхаз. *а-а-ба* (исторически: *а-гI-ба*), абаз. *а-гI-ба*, убых. *у-гъᵒа*, *гъᵒа* 'восемь' (Dumézil 42).
21. каб. *шъэ*, адыгейск. *шъэ*, абхаз. *шᵒ-кIы* (о разумных: *шᵒ-ωы*), абаз. *шᵒ-кIы* (о разумных: *шᵒ-гIᵒы*), убых. *сᵒе* 'сто' (Dumézil 42).

Г. НАЗВАНИЯ РОДСТВА

22. каб. *анэ*, адыгейск. *ны*, абхаз. *ан*, абаз. *аны*, убых. *не*, *ане* 'мать' (Mészáros 293).
23. каб. *пхъᵒы*, адыгейск. *пхъᵒы*, абхаз. *а-пхьа*, абаз. *пхьа*, убых. *пхъе* 'дочь' (Mészáros 222).
24. каб. *малъхъэ*, адыгейск. *махъᵒлъэ*, абхаз. *а-махьᵒ*, абаз. *мхьᵒы*, убых. *мыхъ(ы)* 'зять' (Dirr 109).

Д. НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ЯВЛЕНИЙ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ

25. каб. *мазэ*, адыгейск. *мазэ*, абхаз. *а-мза*, абаз. *мзы*, убых. *мыдза*, *мыдзе*, *а-мдзе* 'луна' (Dirr 127, Mészáros 239).
26. каб. *махᵒэ*, адыгейск. *мафэ*, абхаз. *а-мш*, абаз. *мшы*, убых. *а-мишъᵒэ* 'день' (Услар 101).
27. каб. *псы*, адыгейск. *псы*, абхаз. *а-дзы*, абаз. *дзы*, убых. *бзы* 'вода' (Услар 101, Mészáros 233).
28. каб. *шIыIэ*, адыгейск. *чъыIэ* 'холодный', 'холод'[11], абхаз. *а-цIаа* 'лед', 'мороз', убых. *ч(и)* 'холодный' (Dirr 78).
29. каб. *ныджэ*, адыгейск. *ныджы* 'низменная местность вдоль берега реки', абхаз. *а-га*, убых. *нге*, *а-нге* 'берег моря', 'побережье' (Mészáros 298).

---

[10]. См.: Dumézil. Etudes comparatives. . ., стр. 125; К. В. Ломтатидзе. Некоторые вопросы звуковых процессов и звуковых соответствий в иберийско-кавказских языках, стр. 823—824.

[11] В слове *шIыIэ* (*чъыIэ*) *шIы*(*чъы*) — корневой элемент, а *Iэ* — суффикс (ср. каб. *псыIэ* 'влажный', букв. 'содержащий воду'). Данный корень, по-видимому, нельзя связывать со словом *шIы* 'земля'. Он имеет, возможно, другое происхождение и означал в прошлом 'холод'. Следует учесть, что *шIыIэ* (*чъыIэ*) в современных адыгских языках выступает прежде всего как прилагательное.

30. каб. *сабэ*, адыгейск. *сап*, абхаз. *а-саба*, абаз. *саба*, убых. *сапа* 'пыль' (Dumézil 37).
31. каб. *мафІэ*, адыгейск. *машІ°э*, абхаз. *а-мца*, абаз. *мца*, убых. *мидже*, *мыдже* 'огонь' (Dirr 122, Mészáros 240).

Е. НАЗВАНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К РАСТИТЕЛЬНОМУ МИРУ

32. каб. *псей*, адыгейск. *псэйы*, абхаз. *а-пса*, абаз. *пса*, убых. *псы* 'пихта' (Mészáros 218).
33. каб. *кхъ°ыжъ*, адыгейск. *къ°ыжъы*, абхаз. *а-хьа*, абаз. *хьа*, убых. *хъе* 'груша' (Mészáros 378, Dirr 120).
34. каб. *х°ы*, адыгейск. *фы* (в слове *фыг°* 'пшено'), абхаз. *а-шы*, абаз. *шырдза* 'просо'.

Ж. НАЗВАНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЖИВОТНОМУ МИРУ

35. каб. *вы*, адыгейск. *ц°ы*, абхаз. *а-ц°*, абаз. *ч°ы*, убых. *ч°ы* 'бык' (Mészáros 343).
36. каб. *шы*, адыгейск. *шы*, абхаз. *а-чъы*, абаз. *чъы*, убых. *чы* 'лошадь' (Mészáros 286).
37. каб. *жэм*, адыгейск. *чэмы*, абхаз. *а-ж°*, абаз. *ж°ы*, убых. *г°ыма* 'корова' (Dirr 126, Mészáros 368).
38. каб. *шыд*, адыгейск. *щыды*, абхаз. *а-чъада*, абаз. *чъада*, убых. *чиди* 'осел' (Mészáros 284).
39. каб. *кхъ°э*, адыгейск. *къ°э*, абхаз. *а-хь°а*, абаз. *хь°а*, убых. *хъ°а* 'свинья' (Dirr 130, Mészáros 400).
40. каб. *бжэн*, адыгейск. *пчэны*, абхаз. *а-джьма*, абаз. *джьма* 'коза'.
41. каб. *шъынэ*, адыгейск. *шъынэ*, абхаз. *а-сы-с*, абаз. *сы-с* 'ягненок'.
42. каб. *тІы*, адыгейск. *тІы*, абхаз. *а-ты*, абаз. *ты*(/*тІы*) 'баран-производитель', убых. *тІы* 'кастрированный баран'? ('verschnittener Widder' — Mészáros 257).
43. каб. *мышъэ*, адыгейск. *мышъэ*, абхаз. *а-мш°*, абаз. *мш°ы*, убых. *мышъ°э*, *мыс°е* 'медведь' (Услар 102, Mészáros 239).
44. каб. *бажэ*, адыгейск. *баджэ*, абхаз. *а-бга*, абаз. *бага*, убых. *баджье* 'лиса' (Mészáros 229).
45. каб. *мацІэ*, адыгейск. *мацІ*, абхаз. *а-мацІа*, абаз. *мацІа*, убых. *мацІе* 'саранча' (Mészáros 246).
46. каб. *цІэ*, адыгейск. *цІэ*, абхаз. *а-цІа*, абаз. *цІа* 'вошь'.

З. НАЗВАНИЯ ОРУДИЙ ТРУДА

47. каб. *дыд*, адыгейск. *дыды*, абхаз. *а-дзыдз*, *а-дзадз*, абаз. *дзадзы* 'шило'.
48. каб. *уэшъ*, адыгейск. *уэщы* 'колун', абхаз. *айг°ыш°*, абаз. *г°ыш°* 'маленький топор с носиком', убых. *гес°е* 'топор' (Dirr 119, Mészáros 367).

И. ГЛАГОЛЫ

49. каб. *лӀэ-н*, адыгейск. *лӀэ-н* ‘умереть’, абхаз. *а-щ-ра* ‘убивать’, ‘убить’ (ср. также каб.-адыгейск. *лӀы-н* ‘убить’, ‘умертвить’).
50. каб. *плъэ-н*, адыгейск. *плъэ-н*, абхаз. *а-пш-ра*, абаз. *пш-ра*, убых. *плъе* ‘смотреть’ (Mészáros 221).
51. каб. *шӀэ-н*, адыгейск. *шӀэ-н* ‘знать’, абхаз. *а-цӀа-ра* ‘учиться’, убых. *цӀе*, *а-цӀе* ‘знать’, ‘уметь’, ‘учиться’ (Mészáros 262).
52. каб. *шӀэ-н*, адыгейск. *шӀэ-н*, абхаз. *а-цӀ-ра*, абаз. *цӀ-ра*, убых. *цӀе* ‘пройти’ (о времени) (Mészáros 260).
53. каб. *ты-н*, адыгейск. *ты-н*, абхаз. *а-та-ра*, абаз. *а-т-ра*, убых. *те* ‘давать’ (Mészáros 270).
54. каб. *шъэ-н*, *шъы-н*, адыгейск. *шъэ-н*, *шъы-н*, абхаз. *а-с-ра*, абаз. *с-ра* ‘ткать’.
55. каб. *зы-н*, адыгейск. *зы-н*, абхаз. *а-ра-дза-ра*, абаз. *ра-дза-ра* ‘цедить’.
56. каб. *лъыхы-н*, адыгейск. *лъыхы-н*, абхаз. *а-щыхъ-ра*, абаз. *щыхъ-ра* ‘снимать (с ноги)’.
57. каб. *къе-псы-н*, адыгейск. *псы-н*, абхаз. *ай-мса-ра*, абаз. *а-мса-ра*, убых. *пс* ‘чихать’ (Mészáros 217).
58. каб. *шынэ-н*, адыгейск. *щынэ-н*[12]. абхаз. *а-ш°а-ра*, абаз. *ш°а-ра* ‘бояться’.
59. каб. *г°ыгъэ-н*, адыгейск. *г°ыгъэ-н*, абхаз. *а-г°ыгъ-ра*, абаз. *г°ыгъа-ра*, убых. *гъагъ*, *гъегъ* ‘надеяться’ (Dumézil 76).
60. каб. *тэ-джы-н*(/*тэ-гьы-н*), адыгейск. *тэ-джы-н*, абхаз. *а-гыла-ра*, абаз. *гы-л-ра* ‘вставать’, ‘подниматься’.
61. каб. *сэ-н*, адыгейск. *сэ-н* ‘сеять’, абхаз. *а-кӀа-п-са-ра* ‘рассыпать’, ‘сеять’, абаз. *кӀа-п-са-ра* ‘сеять’.
62. каб. *шъытхъ°ы-н*, адыгейск. *щытхъ°ы-н*, абхаз. *а-р-чъхъ°а-ра*, абаз. *р-чъкхъ°а-ра*, убых. *а-й-че-тхъ°е* ‘хвалить’ (Mészáros 175).

К. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

63. каб. *гъ°ы-р* ‘сухой’, ‘сухощавый’, адыгейск. *гъ°ы-р* ‘сухощавый’, абхаз. *а-ω°а*, абаз. *гӀ°а* ‘сухой’.
64. каб. *гъ°э-жъ*, адыгейск. *гъ°э-жьы*, абхаз. *а-ω°а-жь*, абаз. *гӀ°а-жь*, убых. *а-гъ°а-къа* ‘желтый’[13].
65. каб. *плъы-жъ*, адыгейск. *плъы-жьы*, абхаз. *а-къа-пщ*, *а-пщ*, абаз. *къа-пщы*, убых. *а-плъы* ‘красный’[14].

---

[12] Адыг. *шынэ* (*щынэ*) Г. В. Рогава считает производной основой с окаменелым суффиксом *-нэ* (указ. соч., стр. 83).

[13] G. Dumézil. Etudes comparatives. . ., стр. 124.

[14] Там же, стр. 125.

66. каб. *шӀэ*, адыгейск. *чӀэ* 'новый', 'молодой', абхаз. *а-чӀъа*, абаз. *чӀъа* 'молодой', 'новый', убых. *чӀъа* 'новый' (Dumézil 199).
67. каб. *жъы*, адыгейск. *жъы*, абхаз. *а-ж°*, абаз. *ж°ы*, убых. *з°ы* 'старый' (Dirr 118, Mészáros 255).
68. каб. *дэг°*, адыгейск. *дэг°ы*, абхаз. *а-даг°а*, абаз. *даг°*, убых. *даг°* 'глухой' (Dumézil 201).
69. каб. *йыз*, адыгейск. *йыз*, абхаз. *азна*, абаз. *азна*, убых. *гъеза* 'полный (чего-н.)'[15].
70. каб. *тӀатӀэ*, адыгейск. *тӀатӀэ* 'мягкий', 'слабый', 'расслабленный', 'неплотный', абхаз. *а-тӀатӀа*, абаз. *тӀатӀа* 'мягкий', 'слабый', убых. *тӀы*, *а-тӀы* 'жидкий', 'текучий', 'редкий'; 'сочный' (Mészáros 257).

Л. VARIA

71. каб. *псэ*, адыгейск. *псэ*, абхаз. *а-псы*, абаз. *псы*, убых. *псе* 'душа' (Mészáros 218).
72. каб. *бзэ*, адыгейск. *бзэ* 'язык (речь)', абхаз. *а-бз*, абаз. *бзы* 'язык (орган речи)', убых. *бжъа* то же[16] (Dirr 106).
73. каб. *бзы*, адыгейск. *бзы*, абхаз. *а-пс*, абаз. *псы*, убых. *бзе* 'самка' (Dumézil 191).
74. каб. *гъ°ысэ*, адыгейск. *гъ°ысэ* 'спутник', 'сопровождающий', абхаз. *а-ω°ыза* 'спутник', 'товарищ', абаз. *гӀ°ыза* 'спутник'.
75. каб. *уынэ*, адыгейск. *уынэ*, абхаз. *а-ω°ны* 'дом', 'комната', абаз. *гӀ°на* 'кухня'.
76. каб. *шӀэ*, адыгейск. *чӀъэ*, абхаз. *а-цӀа*, абаз. *цӀгӀ°а* 'дно'.
77. каб. *лы*, адыгейск. *лы*, абхаз. *а-жьы*, абаз. *жьы* 'мясо'.
78. каб. *нэхъ*, адыгейск. *нахь*, абхаз. *ей-хьа*, абаз. *ай-хьа*, убых. *чехъ* 'более' (Dirr 127).
79. каб. *машӀэ*, адыгейск. *мачӀэ*, абхаз. *а-мачӀ*, абаз. *мачӀ*, убых. *мычӀ(ы)*, *мечӀ* 'мало', 'малое' (Dumézil 205, Mészáros 243).
80. каб. *пцӀы*, адыгейск. *пцӀы*, абхаз. *а-мц*, абаз. *мцы*, убых. *мчӀе*, *мтӀье*, *мыцьы* 'ложь' (Dumézil 205, Mészáros 240).
81. каб. *лъахъэ*, адыгейск. *лъахъ*, абхаз. *а-щахьа-га*, абаз. *щахьа-га*, убых. *лъахъ* 'путы' (Mészáros 336).

В приведенный список включены не все абхазо-адыгские слова, отмеченные в специальной литературе как родственные. В списке не учтены случаи, когда родство сравниваемых слов представляется сомнительным или недостаточно аргументированным. Так, в списке не дано личное местоимение 1-го лица

[15] G. Dumézil et A. Namitok. Récits Oubykh, extrait du JA. Paris, 1955, стр. 12.

[16] Ср. каб. *бзэг°*, адыгейск. *бзэг°ы* в этом же значении (из *бзэ* 'язык', 'речь' + *г°ы* 'сердце').

мн. числа: каб. *дэ*, адыгейск. *тэ*, абхаз.-абаз. *хьа-ра*, убых. *ш(ы)-гъ°а-лъе* (Dumézil 16).

Ж. Дюмезиль считает эти слова родственными и пытается установить фонетическое соответствие между адыгскими *д*, *т*, абхазским ларингальным *хь* и убыхским *ш*[17]. На соответствие кабардинского *д* убыхскому *ш* и абхазскому *хь* автор не приводит дополнительных примеров. Он исходит из того, что каб. *д* в случаях, когда в адыгейском ему отвечает *т*, восходит к *т*. Соответствие адыгского *т* и убыхского *ш* абхазскому *хь* автор иллюстрирует такими дополнительными примерами, как каб. *тх°ы*, адыгейск. *тфы*, убых. *шхы*, абхаз. *хъ°*-ба 'пять'; адыгейск. *Iэтыгъэ*, убых. *къаш(ш)акъа*, абхаз. *а-хьаракI*.

Относительно первого примера следует сказать, что здесь абхазскому *хъ°* соответствуют в адыгских языках и убыхском не *т*, *ш*, а *х°*, *ф* (из *х°*), *х*.

Во втором примере адыгейск. *Iэтыгъэ* 'поднятый вверх' (у Ж. Дюмезиля 'высокий') представляет собой причастие от глагола *Iэтын* [основа глагола, по-видимому, из *Iэ* 'рука' и несамостоятельного корневого элемента *т(ы)*].

В абхаз. *а-хьаракI* 'высокий' П. К. Услар (стр. 138) выделяет элемент *хь* как несамостоятельный корень, означающий высоту, превосходство. То же самое можно сказать, по-видимому, и об адыг. *т* в форме *Iэтыгъэ* (в каб. *Iэта*) и убых. *ш* в *къаш(ш)акъа*. Но не располагая дополнительными примерами, трудно утверждать, что здесь адыг. *т* и убых. *ш* соответствуют абхаз. *хь* и фонетически. Вообще трудно допустить, чтобы такие совершенно разные по месту образования звуки, как *т* и *хь* или *ш* и *хь*, могли восходить один к другому или быть рефлексами какого-нибудь третьего звука.

Из сказанного видно, что родство абхаз. *хьара* с адыг. *дэ*, *тэ* и убых. *ш(ы)гъ°алъе* не может считаться доказанным.

В списке не учтены также случаи, когда сложные слова одного языка или одной подгруппы языков находят параллели в соответствующих словах других языков не для всех своих компонентов, например каб. *гъ°эг°*, адыгейск. *гъ°эг°ы*, абхаз. *а-мω°а*, абаз. *мгI°а*, убых. *а-мгъа* 'дорога'[18]; каб. *уэс*, адыгейск. *уэсы*, абхаз. *а-ćы*, абаз. *сы* 'снег'.

В заключение необходимо отметить, что приведенный список является далеко не исчерпывающим. Несомненно, что дальнейшее сравнительное и сравнительно-историческое изучение лексики абхазо-адыгских языков значительно пополнит этот список.

---

[17] G. Dumézil. Etudes comparatives. . ., стр. 107—108.

[18] Там же, стр. 124.

В. М. Иллич-Свитыч

CAUCASICA

1. КАВКАЗ. * uγ(e)l- 'ЯРМО'

На близость северокавказского и картвельского названий ярма указал еще Ж. Дюмезиль[1]. Для картвельского надежно реконструируется праформа **uγel-* 'ярмо' (груз. *uγel-*, мегр. *uγu-*, сван. *ūγwa*)[2]. Исходной для дагестанского является форма **-uλ̣λ̣* (с показателем класса **δ-uλ̣λ̣* или **w-uλ̣λ̣*), где *λ̣λ̣* (в транскрипции Е. И. Бокарева *кь̄*) — латеральный смычногортанный геминированный аффрикат, ср. авар. *рукь̄*, чамалин. *вукь̄*, лакск. *рукI*, даргин. *дукI*, лезгин. *вик*, арчин. *окь̄*, цахур. *ок*[3]. К близкой форме со смычногортанным увулярным в корне сводимо нахск. **d-uq̇* (чечен. *дукъ*, ингуш. *дукъ*, бацбийск. *дукъ*[4]). Дагестан. *λ̣λ̣, нахск. **q̇* в этом случае следует рассматривать как рефлекс исходного сочетания **-γl-*, соответствующего картв. *-γel*: **δ-uλ̣λ̣* < **δ-uγl-*[5]. «Кавказская» праформа[6] может быть, следовательно, реконструирована как **uγ(e)l-*.

Г. Деетерс высказал недавно предположение о заимствовании подобного названия ярма из индоевропейского источника,

---

[1] G. Dumézil. Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiques du Nord. Paris, 1933, стр. 15.

[2] Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 186.

[3] Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 74.

[4] Ср.: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 312.

[5] Отметим, что дагестан. *λ̣λ̣ отражает также сочетание *-lγ-*; ср. картв. **leγw-* 'мясо' (сван. *leγw-* 'мясо', груз. *leγw-* 'инжир'; см. Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 119) ~ дагестан. *δ-eλ̣λ̣* 'мясо' (андийск. *рикьи*, цез. *релI*, лакск. *дикI*, лезгин. *йак*, арчин. *акь̄*; см.: Е. А. Бокарев. Указ. соч., стр. 75). В этом случае, однако, сочетание сохранено нахскими языками, ср. чечен. *дилх* 'мякоть', бацбийск. *дитх* 'мясо' (< **d-ilx*).

[6] Подобное название не обнаруживается в абхазско-адыгских языках (абхаз. *-угъ* 'ярмо', вероятно, заимствовано из занского или сванского).

ср. и.-е. *_i̯ugom_, *_i̯eugos_ 'ярмо'[7]. Такая гипотеза, однако, едва ли может объяснить _l_ кавказской формы; ряд индоевропейских форм с суффиксальным _l_ явно возникли независимо друг от друга в отдельных языках и обозначают не 'ярмо', а производные понятия, ср. др.-инд. _yugalá-_, n. 'пара', греч. ζεύγλη 'петля ярма' и т. п.[8] Неясно также, почему индоевропейский смычный *_g_ передан спирантом при наличии в системе соответствующего взрывного _g_.

Более вероятной кажется связь кавказского названия с семит. *_ġull-_ 'ярмо' (др.-ханаан. эль-Амарна _ḫullu_, др.-евр. _ʿol_, аккад. _ullu_; ср. араб. _ġull_ 'колодка для рук узников за спиной'[9]. Поскольку это слово хорошо этимологизируется на семитском материале (производное от глагола *_ġll_ 'втыкать, вставлять', ср. араб. _ġll_, др.-евр. _ʿll_[10]), заимствующей стороной в данном случае является кавказская: кавк. *_uγl-_ (с метатезой) < семит. *_ġull-_. Протосемитский звонкий задненебный спирант *_ġ_ закономерно отражен спирантом *_γ_ в кавказском.

2. ДАГЕСТАН. _-oš_, НАХСК. _-uoḥ_ 'РЕБЕНОК'

Названия сына и дочери различаются в дагестанских и нахских языках только показателями классов, ср. дагестан. *_w-oš_ 'сын' (авар. _вас_, андийск. _вошо_, цез. _ужи_), нахск. *_w-uoḥ_ 'сын' (чечен. _воI_, _вуоI_, бацбийск. _вохь_) при дагестан. *_j-oš_ 'дочь' (авар. _йас_, андийск. _йоши_, лезгин. _руш_), нахск. *_j-uoḥ_ 'дочь' (чечен. _йоI_, _йуоI_, бацбийск. _йохь_)[11]. Для корневого элемента этих слов, восходящего, по-видимому, к нахско-дагестан. _-uoš_, естественно предположить семантику 'ребенок, рожденный'. В таком случае нахско-дагестанское образование можно сближать с картвельским глагольным корнем *_šw-_ 'рождать(ся)' (груз. _šw-_, _šew-_ 'рождать(ся)', занск. _sk(w)-_ 'нести яйца'), представленным и в производных *_m-šw-e-_ 'рожденный, дитя' (сван. _msgej-_, мегр. _skua-_), *_šw-il-_ 'рожденный, дитя' (груз. _šwil-_, чан. _skir-_)[12]. Нахско-дагестан. *_-uoš_ восходит к *_šwʌ-_ с отмечаемым и в ряде других случаев процессом редукции исхода основы и протезы гласного, соответствующего исходному по тембру[13].

---

[7] G. Deeters. Bemerkungen zu K. Bouda's «Südkaukasisch-nordkaukasischen Etymologien». — «Die Welt des Orients» 1957, стр. 390.

[8] Ср.: Pokorny, стр. 509.

[9] W. Gesenius. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. 17. Aufl. Leipzig, 1921, стр. 589.

[10] W. Gesenius. Указ. соч., стр. 589.

[11] Ср.: Е. А. Бокарев. Указ. соч., стр. 66; A. Sommerfelt. Etudes comparatives sur le caucasique du Nord-ouest. — NTS VII, 1934, стр. 196.

[12] Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 214—215, 138—139, 217.

[13] Ср. дагестан. *_δ-oḳʷ_ 'сердце' (авар. _ракI_, андийск. _рокIво_. табасаран. _йукIв_; см.: Е. А. Бокарев. Указ. соч., стр. 63), нахск. _d-uoḳ_ 'сердце'

3. Ἰάζυγες

Под именем Ἰάζυγες 'языги' (sing. Ἰάζυξ) античным авторам известно сарматское племя, перекочевавшее в I в. н. э. с северного побережья Меотиды (Азовского моря) в район между Дунаем и Тиссой[14]. Этимологизация этого названия позволяет думать, что носивший его народ был скорее абхазско-адыгского, чем иранского (сарматского) происхождения (ясно, впрочем, что Σαρμάται поздних авторов не представляли этнически единого массива[15]).

Прежде всего следует отметить, что к этнониму Ἰάζυγες весьма близко стоят названия Ζυγοί, Ζιγχοί, Ζύγιοι, употреблявшиеся в III—X вв. н. э. византийскими авторами для обозначения населения черноморского побережья в районе Боспора Киммерийского, т. е. несомненно адыгских по происхождению племен[16]. Л. Г. Лопатинский справедливо видел в этих византийских наименованиях отражение древнего самоназвания адыгских племен, которое можно реконструировать как *$a\check{z}y\gamma^{(w)}a$, ср. адыгейск., каб. *адыге* (самоназвание), убых. *aʒəγγe* (название народов, говорящих на кавказских языках)[17], абхаз. *адзыхэа* (название черкесов)[18]. Очевидно, что форма Ἰάζυγες еще точнее передает упомянутое самоназвание адыгов. Все это дает основания предполагать, что языги древних были адыгским племенем, оторвавшимся от компактного адыгского массива на Кубани и вовлеченным в сарматскую миграцию, начавшуюся около III в. до н. э.; вместе с иранцами-сарматами они перекочевали на северо-запад — за Дон, а впоследствии — на Дунай.

4. ТУР. *zağar* 'ГОНЧАЯ, ОХОТНИЧЬЯ СОБАКА'

Турецкое название охотничьей собаки *zağar* (> н.-греч. ζαγάρι, алб. *zagár*, болг. *загáр*, с.-хорв. *зȁгар*) не находит себе параллелей в других тюркских языках, в том числе в остальных огузских

(чечен. *дог*, *дуог*, бацбийск. *докI*; см.: A. Sommerfelt. Указ. соч., стр. 196) при картв. **gul-* 'сердце' (груз. *gul-*, занск. *gur-*, сван. *gwi-*; см. Г. А. Климов, Указ. соч., стр. 66—67).

14 См.: H. Treidler. Iazyges. — «Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft», neue Bearb. Supplementband IV. Stuttgart, 1935, стр. 126—127; K. Kretschmer. Sarmatae. — Там же, 2-te Reihe, 1 Bd. Stuttgart, 1920, стр. 2545; W. Pape. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3-te Aufl. Braunschweig, 1884, стр. 526.

15 K. Kretschmer. Указ. соч., стр. 2546.

16 Ср.: «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1947, стр. 34, 61; W. Pape. Указ. соч., стр. 446—447.

17 В транскрипции П. К. Услара *адзыгʷе* (П. К. Услар. Этнография Кавказа, [т. 1]. Тифлис, 1887, стр. 74, 78).

18 Л. Г. Лопатинский. О народе адыге вообще и кабардинцах в частности. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XII, стр. 1; ср. также: А. К. Шагиров. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962, стр. 3—5.

(ср. гагауз. *tazy*, азерб. *tazy*, туркм. *tāzy* 'гончая'); подобная ситуация указывает скорее всего на заимствование этого слова сельджуками в Анатолии. Наиболее вероятным источником заимствования кажется занское (мегрельско-чанское) название собаки *ǯoγor-* (чан. *ǯoγo(r)-*, мегр. *ǯoγor-*; ср. записанное путешественником Ламберти в XVII в. мегр. *ma-ǯoγori* 'лицо, надзирающее за охотничьими собаками при дворе[19]), восходящее к картв. *$ʒ_1$aγl-* 'собака' (груз. *ʒaγl-*, сван. *žeγ-/žaγ-*)[20]. Трудность состоит в том, что турецкое слово предполагает заимствование из занской формы типа *ʒ́aγar-, т. е. формы, отражающей характерные для занского «полногласие» и изменение исходного *l* в *r*, но сохраняющей еще без изменения картв. *ʒ́($ʒ_1$) (давший в занском *ǯ*) и картв. **a* (давший в занском *o*): подобная относительная хронология занских фонетических процессов кажется несколько неожиданной. Что касается трудностей, вызываемых абсолютной хронологизацией прямого заимствования (сельджуки появились в восточной Анатолии не ранее XI в. н. э.), то они отпадают при принятии заимствования в турецкий через посредство неизвестного нам третьего языка.

---

[19] См.: И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. СПб., 1914, стр. 416.

[20] Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 236.

В. М. Иллич-Свитыч

АЛТАЙСКИЕ ГУТТУРАЛЬНЫЕ: *k', *k, *g

Для алтайского языка-основы обычно реконструируется двоичное противопоставление начальных гуттуральных: *k- (монг. *k-, тюрк. *k-, тунгус. *k-)—*g- (монг. *g-, тюрк. *k-, тунгус. *g-)[1]. Эта реконструкция строится главным образом на монгольских фактах и не учитывает важных тунгусо-маньчжурских и тюркских данных.

В прототунгусском в анлауте восстанавливается троичное противопоставление гуттуральных: наряду с *k- и *g- (отраженными в отдельных языках соответственно как *k-* и *g-*) здесь представлен глухой спирант *x-, дающий *x-*, *h-* (*s* перед *i, *y) в трех южнотунгусских языках — нанайском, ульчском, орокском — и отражаемый нулевым рефлексом в остальных тунгусских и маньчжурском языке[2]. Исходный *x- частично сохранен в виде *h-* архаичными западными и юго-западными эвенкийскими говорами, ср.: сым. *hōšin* 'искра' (= *ōsin*) ~ нан. *xosikta* 'звезда'; сым. *härkit* 'задремать' (= *ärkit-*) ~ нан. *xäjkuči-*; илимпийск. *häγädi* 'подмышка, пазуха' (= *ägäni*, *oŋoni*) ~ нан. *xawaŋi*; илимпийск. *hürümkūn* 'короткий' (= *urumkūn*) ~ нан. *xurumi*; баргузин. *humukăčān*, нерчин. *huńakān*, урулгин. *hunakan* 'палец' (= *uńakān*) ~ орокск. *xunigä*; урулгин. *hoŋokta* 'клюв' (= *oŋokta*) ~ нан. *xoŋko* 'нос лодки'; урулгин. *hawal-* 'разбухать' (= *awul-*) ~ нан. *xaolo-*[3]. Аналогичная рефлексация, судя по дан-

[1] См.: G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Helsinki, 1957, стр. 37—38, 46—49; N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprache, I. Wiesbaden, 1960, стр. 16—21, 23—25.

[2] См.: В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, стр. 133-134 (и таблицы на стр. 138, 140, 142, 144, 146); J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Mainz, 1956, стр. 42—43.

[3] Ср.: Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, стр. 64, 162; ее же. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 497; В. А. Горцевская. Характеристика говора баргузинских эвенков. М.—Л., 1936, стр. 30; M. A. Castrén. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Petersburg, 1856, стр. 82—83.

ным чжурченского, существовала первоначально и в маньчжурской группе, ср. чжурчен. *hâh-tu* 'одежда' (маньчж. *adu*) ~ ульч. *xadu* 'вещь'[4]. Древность начального **x*- подтверждают факты передачи этим звуком монгольского **q*- (фонетически *q*ʿ- или *qx*-) в прототунгусских заимствованиях из монгольского, отмеченные В. И. Цинциус и И. Бенцингом: ср. монг. **qoryn* 'двадцать' > тунгус. **xoryn* (нан. *xoriⁿ*, ульч. *horiⁿ*, орок. *xori*, маньчж. *orin*, эвенк. *orin*)[5]. В свете этих данных нельзя признать убедительным предположение Г. Рамстедта и Н. Поппе о вторичности (протетическом характере) *x*-, *h*- в тунгусских языках[6]. Не случайно этим авторам не удалось привести сколько-нибудь убедительных примеров на предполагаемое ими соотношение монг., тюрк. **V*- (начальный гласный) ~ тунгус. **xV*-.

Традиционная реконструкция постулирует лишь один анлаутный гуттуральный (**k*-) в пратюркском. При этом не учитываются данные огузских и тувинско-карагасского языков. В словах с передним вокализмом в упомянутых двух группах обнаруживается противопоставление в анлауте сильного **k*ʿ- (> огуз. *k*-/ *g*-, тув.-карагас. *x*-, *k*ʿ-/*k*-) и слабого **k*- (> огуз. *g*-, тув.-карагасс. *k*- без колебаний)[7]. В словах с непередним вокализмом это противопоставление сохранено лишь в тувинско-карагасском; в огузском здесь оно устранено, причем на первоначальное его существование указывает различный характер звука, в котором совпали **k*ʿ- и **k*- по языкам: *k*ʿ- (*q*-) в западно-огузских (гагаузский, турецкий), *k*- (*g*-) в восточно-огузских (азербайджанский, туркменский)[8]. Противопоставление **k*ʿ- и **k*- можно считать пратюркским, так же как и противопоставление **t*ʿ- и **t*- (**t*- и **d*-), восстанавливаемое на основании аналогичных данных[9].

Сопоставление тунгусо-маньчжурских и тюркских образований обнаруживает, что тунгусским **x*- и **g*- соответствует тюрк. **k*ʿ-, в то время как тунгусскому **k*- регулярно отвечает тюрк. **k*-.

---

[4] Ср.: G. Ramstedt. Указ. соч., стр. 73.

[5] В. И. Цинциус. Указ. соч., стр. 378; J. Benzing. Указ. соч., стр. 42.

[6] G. Ramstedt. Указ. соч., стр. 73; N. Poppe. Указ. соч., стр. 32—33. — Эта гипотеза маловероятна еще и потому, что наряду со словами с начальным **x*- в прототунгусском восстанавливаются слова с гласными в анлауте; подобная избирательность случаев с «протезой» необъяснима.

[7] Следует помнить, что противопоставление «сильный—слабый» отражено в западных огузских языках как противопоставление «глухой—звонкий».

[8] Судя по сообщению Р. А. Рустамова, в ряде азербайджанских говоров обнаруживается противопоставление *k*-—*g*- и в словах с непередним вокализмом (Р. А. Рустамов. Роль диалектных данных азербайджанского языка при разработке сравнительной грамматики тюркских языков. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III. Баку, 1963, стр. 12).

[9] Ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: **t*, **d*, **δ*. — ВЯ 1963, № 6.

С другой стороны, монг. **k*- соответствует как тунгус. **k*-, так и тунгус. **x*-. Таким образом, в анлауте для алтайского вместо двух гуттуральных фонем следует реконструировать три фонемы, определяемые следующими рядами соответствий:

алт. **kʿ*- : тунгус. **x*- ~ тюрк. **kʿ*- ~ монг. **k*-[10]
алт. **k*- : тунгус. **k*- ~ тюрк. **k*- ~ монг. **k*-
алт. **g*- : тунгус. **g*- ~ тюрк. **kʿ*- ~ монг. **g*-

Примеры с алт. **k*- и **g*- собраны в достаточном количестве[11]. Здесь следует лишь уточнить тюркскую рефлексацию гуттуральных на основании огузских (для слов с передним вокализмом) и тувинско-карагасских данных.

1. АЛТ. *k- > ТЮРК. *k-(ОГУЗ. g-, ТУВ.-КАРАГАС. k-[12])

алт. **käbʌ*- 'жевать, грызть' (эвен. *käwri*-, монг. письм. *kebi*-; ср. KW 229) > тюрк. **kǟb*- (тур. *gev*-, азерб. *gövšä*-, туркм. *gǟvüš*-, тув. *kegžen*-);

алт. **käri*- 'бродить' (эвенк. *kärin*- 'идти стороной', монг. письм. *keri*-; ср. Ram. 113) > тюрк. **kär'*- 'гулять, бродить' (тур. *gez*-, гагауз. *gez*-, азерб. *gäz*-, туркм. *gez*-, тув. *kezi*-);

алт. **köke* 'синий' (эвенк. *kuku*, маньчж. *kuku*, монг. письм. *köke*; см. KW 236) > тюрк. **kȫk* (тур. *gök*, гагауз. *gök* 'темносе-

---

[10] Особый рефлекс алт. **kʿ*- сохранен, по-видимому, и корейским: здесь прототунгус. **x*- регулярно соответствует начальный *h*-: кор. *hęjęm* 'плавание', сев.-кор. *hī*-, *hīj*- 'плыть' ~ тунгус. **xäjä*- 'течь, плыть' (нан. *xäjä*-, ульч. *xäjä*-, эвенк. *äjǟ*-); кор. *huri*- 'отвести, отогнуть' ~ тунгус. **xöri*- 'изгибаться' (нан. *xuriäxän* 'изогнутый', эвенк. *urikǟn*- 'изгибаться'); кор. *hęrukha*- 'уменьшать, сокращаться' ~ тунгус. **xörü*- 'короткий' (ульч. *hürmi*, нан. *xurumi*, эвенк. *urumkūn*); кор. *hępha* 'легкие' ~ тунгус. **xäptä* 'легкие' (нан. *xäutä*, эвенк. *äwtä*, негидал. *äftä*); кор. *huggri* 'подхвостник' ~ тунгус. **xürgü* 'хвост' (нан. *xujgu*, ульч. *hüǯü*, эвенк. *irgi*); кор. *hję* 'язык' ~ тунгус. **xirŋʌ* 'язык' (нан. *sirmu*, эвенк. *inŋä*, маньчж. *ileŋu*); ср.: G. J. Ramstedt. Studies in Korean etymology. Helsinki, 1949, стр. 58—66. Алт. **k*- и **g*- дают *k*- в корейском.

[11] См. списки этимологий: G. Ramstedt. Указ. соч., стр. 46—49; N. Poppe. Указ. соч., стр. 17—21, 24—25.

[12] Здесь и ниже приняты следующие сокращения: Benz. — J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Mainz, 1956; Gombocz — Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912; IM — Ибн Муханна, см.: П. М. Мелиоранский. Араб Филолог о турецком языке. СПб., 1900; KW — G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935; Olch. — P. Schmidt. The language of the Olchas. — «Acta Universitatis Latviensis» VIII, 1923; Oroch. — P. Schmidt. The language of the Oroches. — Там же, XVII, 1928; Ram. — G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Helsinki, 1957; Räs. — M. Räsänen. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955; SKE — G. J. Ramstedt. Studies in Korean etymology. Helsinki, 1949; Санж. — Г. Д. Санжеев. Маньчжуро-монгольские языковые параллели. — ИАН, отд. гуманит. наук, 1930, 8—10; Цинц. — В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

рый', азерб. *göj*, IM *gȫk*, туркм. *gȫk*, тув. *kök*, карагас. *kuk*[13]);

алт. **käli-* 'свойственник, свойственница' (эвенк. *käli* 'свояк', нан. *käli* то же; см. Räs. 9) > тюрк. **kälin* 'сноха, невестка, невеста' (тур. *gelin*, гагауз. *gelin*, азерб. *gälin*, IM *gälin*, туркм. *gelin*, тув. *kelin*)[14];

алт. **küčʌ* 'сила' (ульч. *küsü*, эвенк. *kusin* 'бой', монг. письм. *küči*; ср. Oroch. 44) > тюрк. **kǖč* (тур. *güç*, гагауз. *güč*, азерб. *güǯ*, IM *gǖč*, туркм. *güjč*, тув. *küš*, карагас. *küś*);

алт. **käkirä-* 'рыгать' (маньчж. *kekere-*, ороч. *kahara-*, монг. письм. *kekire-*; ср. KW 223) > тюрк. **kǟkir-* (тур. *geğir-*, гагауз. *gīr-*, азерб. *gäjir-*, туркм. *gǟgir-*, тув. *kegir-*);

алт. **kürä-* 'темно-коричневый, серый' (нан. *kuri* 'серый', монг. письм. *küreŋ* 'бурый', *kürene* 'хорек'; см. Gombocz 72—73) > тюрк. **küran* 'куница, хорек' [туркм. *gözen* 'хорек' (наряду с *küzen*, возможно, заимствованным из неогузского источника), тув. *küzen* 'куница, колонок', карагас. *küsän* 'хорек'; ср. еще венг. *görény*, заимствованное из протобулгарской формы с **g-*].

алт. **kǟńä-* 'одобрять, благоденствовать' (эвенк. *kǟńä-* 'одобрять, хвалить'; см. Ram. 115) > тюрк. **kǟn-* 'благоденствовать' (тур. *genli* 'благоденствующий');

алт. **kata-* 'сохнуть' (эвенк. *katā-*, монг. письм. *kata-*; см. KW 172) > тюрк. **kat-* (тув. *kat-*);

алт. **kutʌ* 'душа, счастье' (солон. *kuta* 'душа', эвенк. *kutu* 'счастье, душа', монг. письм. *qutug* 'счастье'; см. Ram. 142) > тюрк. **kut* (тув. *kut* 'душа').

2. АЛТ. *g-* > ТЮРК. *kʻ-* (ОГУЗ. *k-*, *g-*, ТУВ.-КАРАГАС. *x-*, *k-*)

алт. **gändʌ* 'сам, самец' (монг. письм. *gendü* 'самец'; см. KW 133) > тюрк. **kʻändi* 'сам' (тур. *kendi*, диал. *gänni*, гагауз. *kendi*);

алт. **göligä* 'детеныш зверя' (монг. письм. *gölige*; см. KW 187) > тюрк. **kʻȫlʼek* 'верблюжонок' (тур. *köšek*, азерб. *köšek*, туркм. *kȫšek*);

алт. **gälʌ-* 'ящерица' (монг. письм. *gölbürge*; см. KW 138) > тюрк. **kʻälä-* (тур. *keler* 'пресмыкающееся', азерб. *käläz* 'ящер', тув. *xeleske*, карагас. *kʻeleskä*);

---

[13] Ср. еще *gog* 'небо' в древнеуйгурском тексте тибетского письма (G. Clauson. Turkish and Mongolian studies. London, 1962, стр. 99—100). Ср. *gokyuz* 'грудь' в аналогичном памятнике при гагауз. *gǖs*, тур. *göküz*, туркм. *göwiz* 'грудь', карагас. *kȫksü* 'часть груди под лопаткой'.

[14] Ср., однако, карагас. *kʻēlen*, *hēlen*, тур. диал. (Трабзон) *kālin* с рефлексом **kʻ-*. Аналогичное отклонение дает карагас. *kʻyr*, *hyr* 'горный хребет' при закономерном тув. *kyr* (алт. **kyra*: эвенк. *kiragin* 'косогор', монг. письм. *kira* 'горный хребет'; см. KW 232). Тув. *xaja*, карагас. *haja* 'скала' не восходят непосредственно к пратюркской форме (алт. **kada*: эвенк. *kadar*, монг. письм. *qada*), а являются заимствованием из тюркских диалектов, где **-δ-* > *-j-* (в тув.-карагас. **-δ-* > *-d-*).

алт. *gönʌ 'прямой' (эвенк. guŋnä, эвен. ŋun; ср. Ram. 48) > тюрк. *k'öni (тур. könü 'справедливый', туркм. göni, тув. xönü, карагас. k'öne);

алт. *gärä 'свидетель' (монг. письм. gere; см. KW 134) > тюрк. *k'ärä- (тув. xereči);

алт. *gaǯʌ- 'изгибать, поворачивать' (эвенк. gaǯū 'забрать что-л. и уйти', монг. письм. gaǯiji- 'изгибаться'; ср. SKE 83) > тюрк. *k'aj- 'сворачивать, обходить' (тув. xaj-)[15].

Реконструкция алтайского анлаутного *k'- основывается главным образом на новых этимологиях, поскольку сопоставление тунгусских слов с *x- и монгольских и тюркских образований с *k- (*k'-) было недопустимо в рамках традиционной концепции. Ниже предлагается список таких этимологий.

3. АЛТ. *k'-
(ТУНГУС. *x- ~ ТЮРК. *k'- ~ МОНГ. *k-)

1. тунгус. *xaba- 'распухать' (нан. xaolo-, ульч. hauli-, орок. xaulu-, эвенк. awul-; см. Цинц. 138) ~ тюрк. *k'āba- 'распухать' (тув. xavaŋ 'опухоль', xavar- 'натереть мозоли', ср. туркм. gābar- 'опухать') ~ монг. *kaba- 'распухать' (монг. письм. qabadu- 'разбухать', qadaŋ 'опухоль')[16].

2. тунгус. *xüldi или *xöldi 'горячий, теплый' (нан. xuldi, ульч. hüldü) ~ тюрк. *k'ül 'зола' (тур. kül, гагауз. kül, азерб. kül, IM gül, туркм. kül, тув. xül) ~ монг. *köl 'огонь' (монг. письм. köl)[17].

3. тунгус. *xaj 'что, какой' (нан. xaj 'что', ульч. haj, орок. xaj, удэйск. ī 'какой'; см. Benz. 26) ~ тюрк. *k'aj- 'какой' (тув. kajy, карагас. kaja с вторичным k-) ~ монг. *ka-, вопросительный элемент (монг. письм. qana 'где', qajigši 'куда')[18].

4. тунгус. *xurʌ- 'спасать' (нан. xori-, ульч. horu-, орок. xure-, эвенк. urā-) ~ тюрк. *k'ōra- 'защищать' (тув. xorgada- 'находить убежище', ср. туркм. gōra- 'беречь, защищать') ~ монг. *kory- 'огораживать, защищать' (монг. письм. qori-)[19].

5. тунгус. *xäräktä 'корка, кожа' (нан. xäräktä, ульч. häräktä, орок. xäräktä, эвенк. äräktä; см. Цинц. 324) ~ тюрк. *k'örä- 'наст' (тур. köreşe) ~ монг. *körü- 'корка, кожа' (монг. письм. körüsün).

---

[15] В следующих случаях в соответствии с алт. *g- представлен только тув.-карагас. k- (формы с x-, вероятно, утрачены): тув. kyš, карагас. kyš 'зима' (ср. эвенк. gilli 'холодный') при азерб. диал. kyš с аномальным k- (Р. А. Рустамов. Указ. соч., стр. 12); тув. kas, карагас. kās 'гусь' (ср. эвенк. gārä 'филин', маньчж. garu 'лебедь').

[16] Ср. KW 173—174 (монг. ~ тюрк.).

[17] Ср. KW 237 (монг. ~ тюрк.).

[18] См. Ram. 46; SKE 80. — Г. Рамстедт не смог пройти мимо этого очевидного сближения, несмотря на то, что оно противоречит его концепции двух гуттуральных в анлауте.

[19] Ср. Ram. 47 (монг. ~ тюрк.).

6. тунгус. *xäbti- 'ребро' (нан. xäučilä, ульч. häüntilä, орок. xäučilä, маньчж. äbči, эвенк. äwtilā, см. Цинц. 142) ~ тюрк. *k'äb- 'лопатка' (тур. kebze, туркм. kebze).

7. тунгус. *xamda- или *xabda- 'лист' (нан. xabdata, ульч. habdata, орок. xamdatta, маньчж. abdaxa, эвенк. abdan; см. Цинц. 138) ~ монг. *kamta- 'лист' (монг. письм. qamtagasun).

8. тунгус. *xulgu- 'тростник' (нан. xolgokta, ульч. holgokta, маньчж. ulxu, эвенк. ulgukta) ~ монг. *kulu- 'тростник' (монг. письм. qulusun)[20].

9. тунгус. *xōdy- 'прекращать' (нан. xoʒi-, ульч. hodu-, эвен. ōd-; см. Benz. 32) ~ монг. *koǯy- 'опаздывать' (монг. письм. qoǯi-)[21].

10. тунгус. *xoŋko 'нос, клюв' (нан. xoŋko 'нос лодки', ульч. hoŋko то же, эвенк. oŋokto 'нос, клюв'; см. Цинц. 140) ~ монг. *koŋsʌ- 'клюв' (монг. письм. qoŋsijar)[22].

11. тунгус. *xasa- 'гнать, загонять' (нан. xasase-, ульч. xasasa-, орок. xasa-, маньчж. asxu-, эвенк. asa-; см. Цинц. 138) ~ монг. *kasy- 'окружать, загонять' (монг. письм. qasi- 'окружать', qasar 'гончая').

12. тунгус. *xörü- 'короткий' (нан. xurumi, ульч. hürmi, орок. xurumi, эвенк. urumkūn) ~ монг. *koru- 'короткий' (монг. письм. qoruga)[23].

13. тунгус. *xübä 'скребок' (нан. xuä, ульч. hüä, эвенк. ū, Асс. ūwä; см. Цинц. 144) ~ монг. *kuba- 'скрести' (монг. письм. qubaqai 'очищенный от мяса — о кости')[24].

Троичное противопоставление гуттуральных в анлауте можно интерпретировать как противопоставление сильного глухого (*k'-), слабого глухого (*k-) и звонкого (*g-)[25]. Аналогичную триаду в этой позиции представляли дентальные: символы *t-, *d-, *δ- отражают соответственно сильный глухой (*t'-), слабый глухой (*t-) и спирант (или звонкий смычный)[26]. В неначальной позиции для гуттуральных, так же как и для дентальных, обнаруживается лишь двоичное противопоставление глухой и звонкой фонем.

---

[20] Ср. Olch. 255, Санж. 625.

[21] Также тюрк- *k'ōδ- или *kōδ- 'оставлять' (тув. xoz- нельзя рассматривать как указание на исходный *k'-, так как это, по-видимому, заимствование из диалекта, где *-δ- > -z-). Ср. KW 181 (монг. ~ тюрк.).

[22] Также тюрк. k'oŋ или *koŋ- (ср. KW 186: монг. ~ тюрк.).

[23] Также тюрк. *k'orʌ- или *korʌ- (ср. KW 188: монг. ~ тюрк.).

[24] Отклонение от описанного соотношения: тунг. *kōrgā 'кузнечный мех' (нан. kuāgā, эвенк. kūrgā) ~ тюрк. *k'ōrük (тур. körük, гагауз. kōrük, азерб. körük, IM gōrük, туркм. kōrük, тув. xörük). В этом случае в тунгусском представлено заимствование из тюркского (так же в монгольском — ср. монг. письм. kögerge с передачей фактической долготы написанием öge; в тунгусский слово могло попасть и через монгольский).

[25] Тюркский процесс *g- > *k'- может указывать на то, что звонкий принадлежал к классу сильных фонем.

[26] Ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч., стр. 17.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

O. Szemerényi. Principles of etymological research in the Indo-European languages. — «II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft». Innsbruck, 1962, стр. 175—212

Обширный доклад лондонского индоевропеиста и этимолога Семереньи, посвященный принципам этимологических исследований индоевропейских языков, не может не привлечь внимания всех, кто интересуется этой проблематикой изучения лексики. Этот доклад, прочитанный на конференции специалистов по индоевропейскому и общему языкознанию в Инсбруке (октябрь 1961 г.), представляет собой, во-первых, удобное и компактное введение в проблематику этимологических исследований, снабженное богатым перечнем важнейшей литературы по этимологии на материале романских, германских и других языков; во-вторых, работа Семереньи удачно концентрирует внимание читателя на современной проблематике этимологических исследований и на дальнейших перспективах, на которые автор смотрит, кстати сказать, оптимистически. С этим связаны оригинальные этимологии автора, которые заняли в работе очень большое место.

Работа Семереньи написана блестяще, и высказываемые в ней положения и наблюдения автора имеют подчас весьма отточенную форму. Их интерес для нас повышается тем обстоятельством, что Семереньи как этимолог занимает четкую самостоятельную позицию также и в отношении современных воззрений на этимологию. Например, выдвинутому романистами пониманию современной этимологии как биографии слова при подчиненной роли вопроса о первоначальном происхождении слова Семереньи противопоставляет остроумное и очень справедливое наблюдение: «. . .я хотел бы подчеркнуть, что вся „история" немецкого слова *Messer* перевешивается возможностью проникнуть вглубь и удовлетворением, которое мы получаем, зная, что оно произошло из *mezzi-rahs*» (стр. 178, прим. 11). По мнению Семереньи, «l'histoire du mot», бесспорно, актуальна, но не менее важно и в то же время еще более сложно «l'origine du mot», увлекательнейшая проблематика происхождения слова. Автор высказывает свое живейшее несогласие с распространенным мнением, что этимология с некоторых пор застыла на мертвой точке. Нельзя не поддержать Семереньи, когда он называет в числе неотложных задач индоевропейских этимологических исследований идентификацию значительного числа новых лексических соответствий (word-equations), что мы назвали бы цельнолексемными соответствиями.

Приведем формулируемые автором принципы исследования:

А) «Если данный этимон, будучи в своей сущности очевидным, сопряжен с фонетическими трудностями, исследователь должен искать более „экономное" решение».

B) «Если данный этимон, будучи в своей сущности очевидным, расходится с правилами словообразования, исследователь должен искать более „экономное" решение».

C) «Если этимон предполагает необычное семантическое развитие, исследователь должен подвергнуть пересмотру фонетическую и морфологическую стороны образования. Как правило результатом явится открытие совершенно отличного, очевидного решения».

D) «Если наличие данного слова в индоевропейском гарантировано, его отсутствие в каком-либо одном языке нуждается в объяснении; тщательные разыскания часто приводят к идентификации его соответствия».

E) «Если слово, наличие которого в индоевропейском гарантировано, найдено также в латинском языке, то образование этого слова, надо полагать, обнаружит близкое сходство с образованиями в западных индоевропейских языках».

F) «Если данное слово не является заимствованием, вполне возможно наличие у него параллелей в виде подобных или тождественных образований в каком-либо из смежных районов».

Как видим, эти бесспорно приемлемые принципы не несут в себе коренных новшеств. Все это более или менее известные, привычные общие положения, правда, изящно сформулированные. Может быть, иногда изящество формулировки не обходится без ущерба ее точности; так, мы, например, не уверены, что в этимологии более «экономные» решения всегда правильны. «Экономнее» всего, как известно, народная этимология. Но сила и убедительность теоретической работы Семереньи не в этих общих положениях, а в стоящей за ними первоклассной этимологической исследовательской практике, которую автор нам тут же щедро демонстрирует, за что читатель может быть ему только благодарен. Я имею в виду оригинальные этимологии лат. *uolup*, *uoluptas*, *extemplo*, *septentriōnēs*, *mās*, *torrens*, греч. ἄρκτος. ἄρχος 'Большая Медведица', слав. **modliti* : герм. **maþljan*. Впечатление от высокой этимологической техники автора почти не омрачается частными неудачами (попытка неправильно осмыслить слав. **sǫdъ*, а также сближение слав. **vьsь* 'totus' с **vьsь* 'vicus', тогда как **vьsь* 'totus' все-таки родственно лит. veisti 'выводить, производить потомство', ср. нем. *all* 'весь' : герм. **alan* 'кормить', пралат. **touto-* 'весь' : слав. **tyti* 'тучнеть, расти').

Полезная работа О. Семереньи хорошо показывает, что в этимологическом исследовании общие теоретические положения обретают наибольшую убедительность лишь в устах этимолога, вполне владеющего этимологической практикой, в противном случае они очень легко превращаются в неинтересные догмы, за которыми ничего не стоит. Иными словами, именно в этимологии два возможных уровня исследования переплетаются наиболее тесным образом.

О. Н. Трубачев

L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, Lief. 1. Wiesbaden, 1963, XXXVIII + 57 стр.

Авторы, содружество которых принесло уже немалую пользу славянскому языкознанию, в особенности лексикологии (ср. выпущенный Линдой Садник и Рудольфом Айцетмюллером в 1955 г. «Практический словарь к старославянским текстам», как известно, хорошо принятый научной общественностью разных стран), выступают в настоящем издании как составители словаря довольно оригинального типа. Снимая с себя обязанность обстоятельного изложения принципов (см. лаконичное «Всту-

пительное примечание», стр. 1), они как бы одновременно оставляют нам полную свободу суждений об их труде и вместе с тем затрудняют его критический разбор. Их мнение относительно принципов, впрочем, совершенно ясно: «Точки зрения на структуру подобного труда, подбор и обработку материала и т. п. могут быть только субъективны». После этого несколько энергичного афоризма следуют короткие технические указания к пользованию словарем. Опуская те из них, которые действительно являются техническими (различение старославянского и древнеболгарского и отказ от регистрирования устаревшей или вообще «старой» литературы), мы специально упомянем о пункте втором предварительных указаний, который трудно счесть техническим, поскольку он имеет прямое касательство к принципам построения словаря: «Сравнительный или этимологический словарь, охватывающий лексику нескольких языков, нельзя строить по алфавитному принципу, но только по этимологическому. Мы решили поэтому приложить к каждой букве в отдельности индекс содержащихся там слов, чтобы сделать словарь уже с самого начала в высшей степени доступным и удобным для пользования» (стр. 1).

Здесь почти каждое слово могло бы послужить предметом для споров. Например, «сравнительный или этимологический словарь» — это выражение как будто косвенно свидетельствует о том, что авторы не делают различия между тем и другим. Об этом стоит пожалеть. Далее, насколько явствует из самого словаря Садник и Айцетмюллера, он, безусловно, этимологический, как его и следовало бы назвать, дабы не вводить в заблуждение читателей. Мы считаем это отклонение от установившихся в современной научной литературе понятий недостаточно мотивированным. Если говорить об удобстве пользования и доступности словаря (а этим в конечном счете определяется форма каждого словаря), то таким мог бы быть, безусловно, только алфавитный порядок. Отказ авторов от этого порядка едва ли следует приветствовать. Никакой лабиринт планируемых авторами индексов к каждой букве в отдельности (!) этого удобного принципа не заменит. Мы согласны, что в противном случае трудно решить, какой язык брать как заглавный, и понимаем, что любое решение при этом окажется произвольным. (Заметим, что речь идет не о словаре-реконструкции, для которого этот вопрос совершенно ясен, а о словаре-коллекции типа Бернекера.) Тем не менее можно было все-таки использовать здесь опыт предшественника и прибегнуть по примеру Бернекера к мудрому компромиссу, т. е. не выбирать один язык как заглавный с тем, чтобы потом жестко соблюдать эту догму, а исходить всякий раз из наиболее авторитетных форм, причем если последние содержатся в старославянском, то открывать статью старославянским словом, а если их там нет или если речь идет о поздних заимствованиях, опять-таки основываться на наиболее авторитетных формах соответствующих слов.

Не нужно думать, далее, что этот вопрос важен только с точки зрения практического удобства. Так, структура первой статьи словаря Садник и Айцетмюллера: *a* (союз и частица) и внутри последнего — ц.-слав. *a* 'и', болг. *я* 'но', затем *a + by*, *a + če*, *a + le (lě)*, *a + li*, *a + ni*, *a + si* и т. д.; мы предпочтем серию самостоятельных словарных статей *a*, *aby*, *ače*, *ale*, *ali*, *ani*, *asi* также с принципиальной, научной точки зрения хотя бы потому, что это наилучший способ правильно прокомментировать отдельные слова (например, болг. *ала́* 'но' из греч. ἀλλά, которое запрятано у авторов в глубь громоздкой гнездовой статьи 1), создать предпосылки для более углубленной этимологизации слов последующими учеными. Нам кажется, что гнездовой способ, с которым мы сталкиваемся в этом словаре, упомянутой последней задаче скорее помешает. Подробно останавливаться на этом здесь нет надобности. Тем не менее нельзя не отметить основного противоречия. Авторы, как мы видели, решили строить словарь не по алфавиту, но следующие затем статьи расположены все-таки в алфавитном порядке: *a*, *аба́*, *абано́с*, *абда́л*, *abba*, *абык*, *аблъка*, *áborat*, *адамасъ*, *аджамúя*. И, однако, авторы оставляют нас в пол-

ном неведении того, что мы, собственно, имеем перед собой: выпуск словаря от *а* до *агъ* (в словаре — статья 100) или что-то другое.

В силу упомянутых причин (гнездовой порядок расположения материала) слова разыскивать очень трудно. Мы согласны с тем, что польск. *ko-jarzyć* 'соединять' родственно слову *ярмо*, но получается, что читатель, который обращается к труду Садник и Айцетмюллера за объяснением этого слова, должен прежде знать его этимологию, иначе ему трудно догадаться, что *kojarzyć* содержится именно в первом выпуске, в числе форм с основой **ar-*. Еще хуже с заимствованиями. Польск. *heban* 'эбеновое дерево' надо будет искать не на *h-*, а на *а-*, под болг. *абанóс*. Едва ли кто-нибудь станет возражать, что в вопросе заимствований, особенно поздних заимствований, гнездовой принцип статей утрачивает всякий смысл. Не менее трудно будет отыскать и русс. *эбён*.

Рано судить по небольшому первому выпуску обо всем словаре, но мы поэтому и старались задержать внимание читателя на более общих моментах, не углубляясь в этимологию. Можно лишь сказать, что отмеченные выше особенности нельзя считать преимуществами нового словаря. Вместе с тем нужно отметить, что авторы вложили много труда в эту по-своему оригинальную работу и в любом случае эта новая публикация окажется небесполезной для науки. Если далеко не во всех случаях авторы проявляют самостоятельность в этимологическом анализе, то наряду с этим мы встречаем здесь полезные критические уточнения и свежие суждения об отдельных формах (ср. о с.-хорв. *vinjaga* на стр. 12), за что они вправе рассчитывать на благодарность этимологов. Несомненным свидетельством большой проделанной работы служит список литературы и сокращений, охватывающий огромное количество названий, которые, однако, не все приведены точно. Отметим, что составителем хрестоматии «Altpolnische Sprachdenkmäler» был полонист Владислав Неринг, который здесь фигурирует ошибочно как A. Nehring, после чего в списке следует уже подлинный A. Nehring, известный индоевропеист. Словарь Вальде и Гофмана вышел в 1938 и 1954 гг., а не 1938 и 1956, как значится в списке. Для «Archivum Europae Centro-Orientalis» в литературе принято сокращение AECO, а не Arch. CEO. Дювернуа, Словарь болгарского языка приводится в списке дважды — один раз как Djuvernua, второй раз — Duvernois. С другой стороны, наряду с работами Кестнера и Корбута о немецких заимствованиях в польском, полезно бы было в этом детальном перечне отметить и книгу Лешека Мошинского о немецких словах в древнепольском. Сборник памяти Романского правильнее было бы назвать по-немецки Gedenkschrift Romanski, а не Festschr. Romanski. В остальном число опечаток и технических погрешностей как будто минимально.

Будем теперь ждать продолжения этого словаря.

О. Н. Трубачев

В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., Изд-во АН СССР, 1963, 179 стр. + 1 карта

В рецензируемой монографии исследуются наиболее трудные проблемы индоевропейской акцентологии: вопрос об отношении индоевропейского окситонированно-подвижного и баритонированного ударения к четырем балтийским и трем славянским акцентным парадигмам и вопрос о происхождении балто-славянских интонаций. Решение этих проблем дает на-

дежное основание для построения индоевропейской акцентологии и существенно расширяет возможности этимологических исследований. Первостепенное значение для построения балто-славянской акцентологии имеет открытие В. М. Иличем-Свитычем тождества славянской окситонированной акцентной парадигмы и балтийской баритонированной акцентной парадигмы. Наряду с доказательством генетического тождества подвижного славянского и балтийского ударения в работах Хр. Станга и В. А. Дыбо[1], а также установлением дополнительного распределения славянского баритонированного и окситонированного ударения в работах В. А. Дыбо[2] указанное открытие В. М. Иллича-Свитыча является основой для построения сравнительно-исторической славянской акцентологии.

Рецензируемая монография состоит из введения и двух глав (частей). В первой части исследуются индоевропейские акцентуационные парадигмы в балтийском, во второй части — индоевропейские акцентуационные парадигмы в славянском. Книга снабжена списком сокращений названий языков и использованной литературы, указателем слов и названий литовских населенных пунктов, упомянутых в исследовании, и картой — указателем литовских населенных пунктов. Таким образом, монография является подробным и тщательно выполненным исследованием отражения индоевропейского ударения в балтийских и славянских языках.

Во введении автор определяет метод исследования. Нельзя не согласиться с выдвинутым В. М. Илличем-Свитычем положением о том, что недостаточно простого сопоставления систем, так как неясно, какие преобразования произошли в этих системах. Необходимо сопоставлять акцентуацию отдельных имен, восходящих к индоевропейским образованиям, с тем, чтобы имела место идентичность не только корней, но и именных основ. Сопоставления В. М. Иллича-Свитыча опираются на очень точные этимологии. В ряде случаев автор существенно дополняет или исправляет известные в науке этимологии, ср. замечания об этимологии слав. **kosá* (стр. 104), лит. *kãklas* 'шея' < *kok*^{u}*lóm* (стр. 50) и др. Дополненное внутренней реконструкцией, такое внешнее сравнение балтийских и славянских имен с индоевропейскими дает надежное основание для решения проблемы о связи балто-славянского ударения с ударением других индоевропейских языков.

Очень важным условием успеха исследования является в рецензируемой монографии морфонологическая трактовка ударения. Выявление в балтийском и славянском акцентных парадигм и их дополнительного распределения позволяет осуществить внутреннюю реконструкцию балтийской и славянской именной акцентуации.

До сих пор внешнему сравнению славянской и балтийской акцентуации с индоевропейским ударением препятствовали, казалось бы, несводимые расхождения между славянским и балтийским ударением, а также между акцентуацией в балто-славянском и ударением в других индоевропейских языках.

Известно, что славянскому колонному ударению на окончании в литовском соответствует подвижное ударение (2-я акцентная парадигма), ср. серб. диал. *balxȁ*, *balxȕ*, *balxȅ*, укр. диал. *блиха́*, *блиху́*, *блихи́*, русск. *блоха́*, *блоху́* (*бло́хи*) < слав. *blъxà* (*blъxǫ̀*), литов. *blusà* < **bhlúsā*. Отмечаемое в русском языке предконечное ударение во мн. числе вторично: еще в XVII в., как свидетельствуют акцентуированные памятники, в словах указанного акцентного типа сохранялось ударение на окончании во мн.

---

[1] Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957; В. А. Дыбо. О древнейшей метатонии в славянском глаголе. — ВЯ 1958, № 6, стр. 55 и сл.

[2] В. А. Дыбо. [Рецензия на кн.:] Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957. — «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 220 и сл.

числе [3]. Это противоречие порождало бесконечные споры. Многие исследователи полагали, что славянская окситонеза первична и утрачена литовским [4]. Отождествление славянской окситонезы с 2-й литовской акцентной парадигмой позволило В. М. Иллич-Свитычу рассматривать славянскую окситонию как вторичное явление, как результат дополнительного распределения баритонированного ударения, при котором ударение помещается на корне (ср. русск. *коро́ва*, *ли́па*), если корневой гласный долгий (в этом случае интонация корневого гласного акут), а если гласный краткий, ударение помещается на тематическом гласном, ср. русск. *жена́*, *-ы́*, мн. (в памятниках XVII в.) *жены́*, *-а́м* и др. Принципиальное отличие индоевропейской окситонии состоит в том, что акцентуация не зависит от количества корневого гласного. Справедливость теории В. М. Иллича-Свитыча подтверждается наличием подобного дополнительного распределения в славянских глаголах [5]. Таким образом, система из трех парадигм в славянском сводится к первоначальным двум парадигмам.

На огромном материале автор проверяет и подтверждает гипотезу Хр. Станга и В. А. Дыбо о тождестве славянского подвижного ударения и 3-й акцентной парадигмы в литовском. Благодаря этому славянская система из трех акцентных парадигм и балтийская система из четырех акцентных парадигм сводятся к первоначальным двум акцентным парадигмам. Так как другие индоевропейские языки знают лишь две акцентные парадигмы — баритонированную и окситонированную или баритонированную и подвижную, становится возможным внешнее сравнение славянской и балтийской акцентуации с индоевропейской.

Однако на пути внешнего сравнения остается последнее препятствие: именам с неапофонической долготой в корне и баритонезой в балтийском и славянском соответствует окситония в индоевропейском (так называемый закон Хирта—Микколы), ср. серб. *dȕg*, др.-инд. *dīrghā́ḥ* 'длинный' и др. [6]

Однако эта баритонеза, как показал В. А. Дыбо, является общей не только балто-славянскому, но и кельто-италийским языкам [7]. Таким образом, балто-славянская баритонеза в указанных именах с неапофонической долготой гласного в корне соотносима с баритонезой в некоторых индоевропейских диалектах. В. М. Иллич-Свитыч принимает теорию В. А. Дыбо и показывает ее справедливость на обширном материале славянских и балтийских языков.

Дальнейшим шагом по пути отождествления рассматриваемой баритонезы с индоевропейской является гипотеза о ее связи с баритонезой, которая отмечается в древнейших частях Ригведы в словах данной группы, входящих в качестве второго члена в сложения типа *bahuvrīhi* с переносом ударения по правилу Вакернагеля; ср. др.-инд. *tuvigrī́vas* при *grīvā́* и др. [8] Благодаря этому явления, относящиеся к действию закона Хирта—Микколы, следует рассматривать как общеиндоевропейские.

Монография В. М. Иллича-Свитыча по-новому представляет относительную хронологию изменений, происходивших в балтийских и славян-

---

[3] Chr. S. S t a n g. Указ. соч., стр. 59—60.

[4] Chr. S. S t a n g. Указ. соч., стр. 60; A. M e i l l e t. Sur l'accentuation des noms en indoeuropéen. — MSL XIX, 1914, стр. 64 и сл.

[5] Ср.: В. А. Д ы б о. Указ. соч.; е г о ж е. [Рец. на кн.:] L. S a d n i k. Slavische Akzentuation. — ВЯ 1960, № 6, стр. 116—119.

[6] См.: H. H i r t. Akzentstudien. — IF 10, стр. 54.

[7] В. А. Д ы б о. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. — ВСЯ 1960, вып. 5, стр. 9 и сл.

[8] Ср.: В. А. Д ы б о, В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. К истории славянской системы акцентуационных парадигм. В кн.: «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963, стр. 86—87.

ских языках. Древнейшее изменение — развитие баритонезы по закону Хирта—Микколы, далее в балтийском произошла модификация 2-й и 4-й акцентных парадигм по закону де Соссюра, затем — дополнительное распределение славянской баритонезы на тип с ударением на тематическом гласном и краткостью корневого гласного и, наконец, — метатония в славянских именах, соответствующих 3-й акцентной парадигме в литовском.

Исследование В. М. Иллича-Свитыча об ударении в балтийском и славянском существенно изменяет наши представления о значении греческого и древнеиндийского языков для реконструкции индоевропейского ударения. Если А. Мейе и Хр. Станг пытались перенести на индоевропейский язык тройственное деление акцентных парадигм, свойственное славянскому[9], а Е. Курилович выводил особенности индоевропейского ударения из древнеиндийского[10], то рецензируемая монография позволяет трезво оценить те инновации, которые возникли в балтийском и других диалектах индоевропейского языка, предположить наличие существенных новообразований в древнеиндийском и греческом ударении.

Не могут не восхитить тонкость и изящество, с которыми в монографии анализируется материал. Методология монографии — морфонологическая трактовка ударения, приемы внутренней реконструкции и внешнего сравнения, соотношение этих приемов в процессе исследования — имеет важное значение для общего и сравнительно-исторического языкознания.

Книга В. М. Иллича-Свитыча является значительным событием в современной лингвистике и будет необходима для специалистов по акцентологии, этимологии, общему и сравнительно-историческому языкознанию.

В. А. Редькин

F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 1963, 28 стр.

Словенский языковед проф. Франце Безлай, более известный своими трудами из области славянской и словенской топонимии и гидронимии (ср. в первую очередь его двухтомник «Slovenska vodna imena», I—II. Ljubljana, 1956, 1961), работает над этимологическим словарем словенского языка.

Важность создания словенского этимологического словаря не нуждается в подтверждении. То, что этот чрезвычайно интересный язык со сложными диалектными отношениями и самобытным словарным составом до сих пор не имеет этимологического словаря, придает замыслу Ф. Безлая особую актуальность.

Предварительные итоги своей работы над словарем Безлай сообщает в форме небольшого пробного выпуска, который состоит из предисловия автора и избранных пробных словарных статей на разные буквы алфавита. Из предисловия мы узнаем, что около двадцати лет назад работу над этой темой начинал Ф. Рамовш, ранняя смерть которого помешала осуществлению его планов. Различные трудности при подготовке нового словаря заставили отказаться от самостоятельных разысканий словенской старой и диалектной лексики и ограничиться расписыванием существующей специальной литературы. Вместе с тем ставится задача написать по возможности исчерпывающе документированный этимологический словарь, который удовлетворил бы потребности специалистов. Составитель

---

[9] A. Meillet. Указ. соч.; Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 173 и сл.

[10] J. Kurylowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Ed. 2. Wrocław—Kraków, 1958.

оговаривает включение, помимо весьма разнородных апеллативов, также и собственных названий, в чем сказались симпатии Безлая к ономастике. Тем самым делается заявка на достаточно полный, богатый словник.

Следующее затем рассуждение об объеме и задачах словенского этимологического словаря в настоящее время, на фоне достижений славянской этимологии и в плане выяснения межславянских лингво-географических связей (стр. 4—5), исполнено здравого научного смысла. Остается только пожелать автору сил и возможностей для завершения удачно начатого дела. Мы узнаем, далее, из предисловия (стр. 5), что словарь займет 70—80 печатных листов и будет выходить в течение восьми-девяти лет. Думается, однако, что и та и другая цифры будут превышены, если судить по той методичности и обстоятельности, которые характеризуют первые представленные здесь пробы.

Автор просит сообщать ему все мысли, мнения и критические замечания, которые он намерен использовать при окончательной обработке материала. Правда, ответить на этот призыв конструктивными и фактическими предложениями и замечаниями довольно трудно, поскольку перед нами не весь труд и даже не его большая часть, а немногочисленные отобранные статьи с весьма общим предисловием.

Состав самого пробного выпуска очень разнообразен, что помогает нам составить себе весьма конкретное представление о будущем словаре. Здесь и общеславянская древняя лексика, и новые заимствования, и, как уже говорилось, собственные имена (топонимы, гидронимы). Специальное внимание обращено на древние слова, известные только из словенского языка, как, например, *bek* 'очаг', **kosez* — старый социальный термин, *sot* 'горная дорога' и др. В этом последнем отношении мы возлагаем на этимологический словарь словенского языка особенно большие надежды.

Этимологический анализ отличается в этом пробном выпуске хорошим уровнем. Замечания почти излишни и касаются деталей. Обильно и не всегда критически излагает автор этимологии своего соотечественника К. Оштира, после которого осталось множество фантастических теорий о происхождении слов. В пробном выпуске, как уже и раньше, Безлай повторяет свое ошибочное сближение словен. *sot* 'горная дорога' с укр. *сутка*, тогда как последнее четко членится на *су-тка*. Неверно судит автор о в.-луж. *wuheń*, н.-луж. *hugeń* (стр. 26), полагая, что они не могут продолжать праслав. **vygnь*.

В остальном выпуск обращает на себя внимание тщательностью подготовки к печати и высокими типографскими качествами.

О. Н. Трубачев

T. Lehr-Spławiński, K. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich, zeszyt 1 (A—D'üzd). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, XVIII + 142 стр.

Настоящим выпуском начата публикация полабского этимологического словаря, задуманного Лер-Сплавинским еще несколько десятилетий тому назад. Это первый этимологический словарь и по сути дела первый словарь в настоящем, полном смысле слова того, что может быть точнее определено как остатки полабского языка, если не считать индекса слов при издании полабских текстов П. Роста (1907).

Помимо старейшего польского слависта Т. Лер-Сплавинского, зачинателя и организатора работы над словарем, этот труд обязан в значительной мере своим появлением молодому ученому К. Полянскому, уже успев-

шему сделать крупный вклад в изучение языка, и прежде всего лексики, полабских древлян. Здесь можно было бы назвать целый ряд работ Полянского по этимологии полабских слов (одна из них публикуется и в настоящем сборнике), а также его крупное исследование — книгу о морфологии немецких заимствований в полабском языке (1962). Полянский глубоко интересуется проблемами полабского и вообще славянского словообразования, что проявилось также и в его работе над настоящим этимологическим словарем.

Задача создания полабского этимологического словаря, в важности которой не приходится сомневаться, по своей специфичности и своеобразию является, пожауй, единственной в своем роде в славянской этимологической лексикографии вообще. Начать с того, что перед авторами встало сразу много таких задач, например, чисто филологических, которые при начале работы над этимологическими словарями для других языков предполагаются уже выполненными. Это, естественно, вынудило их придать собственно этимологической части более практический уклон: дальше праславянских связей сравнение исконных элементов не проводится. Специально этимологические задачи также в значительной мере определяются своеобразием полабского материала. То, что запечатлено в письменных текстах как остатки полабского языка, отражает славянское наречие, вымирающее и сломленное германизацией в гораздо большей степени, чем, например, прекративший свое существование к началу XX в. словинский диалект кашубского языка. Следовательно, этимологизируемая полабская лексика распадается на две основные части: немецкие заимствования и исконные, славянские элементы, тоже в немалой степени деформированные немецким влиянием, которое может, кроме того, скрываться под славянским обличьем словообразовательных и прочих ка́лек. К этому следует добавить, что этимологической работе над полабской лексикой, дошедшей до нас в поистине чудовищных записях прошлого, должна предшествовать тщательная работа филолога и фонолога, направленная на восстановление наиболее вероятного звукового облика полабских слов. Лексика полабского языка в названном словаре транскрибирована по принципам Лер-Сплавинского и Трубецкого.

Каждое слово помещается в виде особой словарной статьи. Дается как правило исчерпывающая информация о случаях употребления слова, что ввиду обозримости полабского языкового наследия представляется выполнимым делом. Несколько утяжеляют каждую словарную статью подстрочные примечания с фонетической полабской и праславянской транскрипцией всех слов и выражений в полабских цитатах, помимо заглавного слова статьи, что не может не считаться явно избыточным привеском и в общей сложности даст, наверное, много повторений. Из опечаток: на стр. 141 должно быть н.-луж. *gowno*, а не *howno*.

Несомненного одобрения заслуживает основной принцип членения словника, уже упомянутый выше вскользь: любая словообразовательная форма, любой приставочный глагол дается как самостоятельная статья, причем далее не следует простая отсылка к статье с заглавной непроизводной формой, а, напротив, производится полный обзор тождественных словообразовательных параллелей по всем славянским языкам. Работа составителей над этой частью статей заслуживает высокой оценки. Здесь отмечены словообразовательные параллели, которые представляют бесспорный интерес. Так, полаб. *bledai̯cə* (**blědica*) 'бледность' имеет точные формальные соответствия только в словен. *blę̑díca* 'бледность' и с.-хорв. *блѐдица* 'бледная немощь (chlorosis)'. Из оригинальных словообразовательных категорий интересны полабские названия деятеля на *-ika*: **běžika*, **bręčika*, **skočika*, **točika* (в реконструкции), часть из которых уже отражена в настоящем, первом, выпуске словаря.

Мы почти ничего не говорим о собственно этимологической части. Некоторые читатели могут сказать, что именно ее удельный вес в словаре ощущается менее всего. И однако это едва ли будет справедливо.

Этимология присутствует в этом не совсем обычном словаре, как нам кажется, в нужной пропорции к остальным, более проблематичным и поэтому более актуальным разделам статей. С выходом этого словаря мы получаем самый современный и самый полный справочник по полабской лексике, ее этимологии и словообразованию.

О. Н. Трубачев

Вл. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. Български етимологичен речник, свезка I (а — бронз); свезка II (бронхи — владея). София, 1962, 1963, 160 стр.

Двадцать лет спустя после выхода «Этимологического и орфографического словаря болгарского литературного языка» С. Младенова (1941 г.), который, при всех своих недостатках, сыграл, несомненно, положительную роль в деле этимологического исследования болгарской лексики, начал выходить новый болгарский этимологический словарь четырех авторов под редакцией акад. В. Георгиева. Сравнение этих двух словарей бесспорно убеждает в том, что наиболее современным из них является словарь Георгиева. Это по сути дела первый в полном смысле этимологический словарь болгарского языка, без ограничений литературным типом языка и без орфографических установок. В связи с этим хочется отметить основное богатство рецензируемого словаря — обилие областной лексики. В этом смысле новый словарь будет для нас постоянным справочником, сводом болгарской диалектной лексики. Составители всегда точно указывают распространение диалектных слов. Вообще словник нового словаря отличается большой щедростью, что скорее следует отнести к числу достоинств. В словарь включены не только апеллативы (общенародные и диалектные), но и статьи, посвященные собственным именам — топонимам, гидронимам, что в какой-то мере характерно для современных словарей. Особый разряд составляют опыты реконструкции апеллативов, утраченных новоболгарским языком, по данным старой и новой топонимии. Ср. статью **вес* 'село' на основании названия *Долгаец*, в XIV в. — *Дльга вьсь* и др.

При подготовке словаря была проделана большая работа по этимологизации и отбору лучших этимологий, в чем нетрудно убедиться. Так, название птицы иволги *авлúга*, очень сомнительно сближаемое Младеновым с греч. *αὐλέω* 'свищу', авторы нового словаря правдоподобно ставят в один ряд с русск. *иволга* и другими славянскими названиями той же птицы. Слово *блáзня* 'соблазнять' сближается с лат. *flāg-ilō* 'бичую'; *бóцам* 'покалывать' остроумно связывается через **bodьcati* с лат. *fodico* с тем же значением. Правда, именно к этимологической части словаря Георгиева у нас больше всего претензий. Литература по этимологии дается случайно и с пропусками, иногда в ущерб полноте этимологического анализа. Так, этимологизируя македонское название города *Битоля* < ст.-слав. обитѣль (вслед за Романским), не следовало упускать из виду возражений Фасмера, допускавшего более древние этимологические связи ввиду греческой формы Βουτελι-. Некоторая очевидная поспешность в обработке статей приводила к разнобою, когда, например, на стр. 83 *брѣмбар*, *брѣмбър* 'жук' производится от междометного *бръм*, с чем мы не согласны, а на стр. 96 этимологически тождественное диал. *бъбáр* 'жук' через **bǫbarъ* правильно сближают с лит. *bim̃bilas* 'овод', лтш. *bam̃bals* 'жук'. В словаре немало досадных опечаток и небрежностей вроде праславянской формы **bhrutъ* (стр. 82), венг. *vihuge* — надо *vihnye* (стр. 143),

хотя ботаническая и зоологическая терминология, представленная, надо сказать, в изобилии, выверена тщательно, по отзывам критиков.

Некоторые этимологические коррективы кажутся необходимыми. Так, слово *вáлог*, *вáлога* 'длинная долина' (в западных диалектах) мы бы объяснили не из контаминации рум. *vale* 'долина' и *лог*, а как **вълог* — из древнего сложения **ǫ-logъ*. Ср. диалектные *вапир*, *въпир* из праслав. **ǫpirъ*/**ǫpyrь*. Диал. *бърчин* 'красная ткань', признаваемое Георгиевым неясным, происходит из того же древнетюркского слова, что и венг. *bár-sony* 'бархат'. Диал. *весград* 'ярмарка' является несомненной калькой с греч. παν-ήγυρις, о чем в словаре не сказано.

Несомненно, однако, что эти критические замечания не снижают того интереса, с которым мы ждем продолжения публикации нового болгарского этимологического словаря.

О. Н. Трубачев

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, tom II, zesz. 3 (8): Klimkować—kokornak. Kraków, 1963, 112 стр.

Очередной, восьмой, выпуск словаря Славского выходит спустя два года после седьмого выпуска, краткую рецензию на который мы дали в предыдущем сборнике «Этимология». Новый выпуск, как и предыдущие, посвящен букве *К*, которая все еще далека от завершения. Охвачено относительно небольшое число слов, тогда как сами словарные статьи почти без исключения разработаны весьма обстоятельно. Достаточно хотя бы бегло просмотреть статьи *Kobieta*, *Kobyła* и др., чтобы убедиться в тщательности их подготовки и в богатстве содержания (формы из разных языков и диалектов, сведения из этимологической литературы). Полезной следует признать и последовательно проводимую максимально расчлененную композицию словника. Так, слова *klucz*, *kluczka*, *kluczyć* разбираются самостоятельно, в особых больших статьях. Это наилучшим образом помогает и автору и читателю глубже вникать в особенности словообразования.

В этом выпуске немало трудных слов, достаточно сослаться на уже называвшиеся выше *kobieta* и *kobyła*, поэтому задача автора была не из легких. В отдельных случаях он пополняет словник словами, о которых прямых свидетельств не сохранилось, как, например, *kłtać*, неизвестное «ни в словарях, ни в диалектах» и предполагаемое на основе косвенных указаний.

Не имея возможности подробно останавливаться здесь на достоинствах продолжения словаря Славского, мы хотели бы отметить его несомненную полезность для этимологических исследований польского и других славянских языков как в вопросах о древней лексике, так и о новых заимствованиях (например, происхождение русского слова *гоголь-моголь* становится ясным после знакомства со статьей о польск. *kogel-mogel*, хотя, собственно говоря, русская форма там отсутствует).

Ряд новых работ, к которым автор обращается в этом выпуске, цитируются слишком полно (это касается атласа Дзендзелевского, словарей Олеша, Янковского и др.). В таких случаях полезно было бы предпослать выпуску небольшой дополнительный список сокращений литературы.

Наряду с праслав. **kъłъ* (польск. *kieł*) правильнее говорить о праслав. **kъlykъ* (русск. *клык*, польск. *kłyk*). Реконструируемая для польск. *knysać* праславянская форма **knys-* < **knūs-* (стр. 292) требует особого примечания о возможности сохранения здесь *s* (обычно слав. *s* > *x* после *й*, *у*). Рядом с польск. *kłopać* (стр. 265) можно поместить русск. *хлопать*

с экспрессивным *хл-* < *кл-*. Для праслав. **kyjь* едва ли правильно предполагать значение 'молот' в древности, когда большинство его продолжений по языкам говорит об исконном значении 'деревянная палка, дубинка'.

О. Н. Трубачев

«Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии». Л., ЛГУ, 1963, 184 стр.

Сборник, подготовленный под редакцией Б. А. Ларина, посвящен V Международному съезду славистов в Софии. Сюда вошли статьи по русской лексике в самом широком смысле, включая историю, лексикографическую обработку разных слов, а также вопросы их происхождения, этимологии.

Книга открывается полезной статьей Б. Л. Богородского «Сурожская *шкáрма* 'уключина в лодке'». Ее автор известен целым рядом работ по истории русской морской и речной терминологии, он собирал материал по этой лексике в течение почти тридцати лет. Особенно много Богородский работал над выявлением элементов средиземноморской системы терминов в русской морской лексике. Его статьи неизменно богаты примерами и отражают знакомство с сербско-хорватской, греческой морской лексикой, с работами по итальянской этимологии. Итальянского происхождения оказывается и термин *шкáрма*.

Группа авторов (А. С. Герд, А. И. Корнев, М. П. Рускова) выступает с небольшой обзорной статьей «Русские названия рыб». Статья опирается на собрание русских названий рыб, насчитывающее 966 слов. Может представить интерес предпринятое в статье выделение групп названий, известных только северным или только западным говорам, и т. д. Авторы, правда, не проводят четкого различия между распространением омонимичной лексемы и распространением термина «название рыбы». Трудно говорить о сколько-нибудь четкой картине также при подобном объединении названий морской и пресноводной рыбы. К сожалению, исторический комментарий к словам выполнен на очень низком уровне (здесь нет возможности приводить примеры). Мы не уверены также в том, что авторы делают достаточно четкое различие между народной и научной терминологией.

Б. А. Ларин публикует статью «Об архаике в семантической структуре слова (*яр—юр—буй*)».

Ю. В. Откупщиков в статье «К этимологии слов *стена*, *стень*, *тень* и *сень*» выдвигает, во-первых, новую этимологию слав. *stěna* < **steg-snā* < и.-е. *(*s*)*teg-* 'покрывать' (мысль, которая может вызвать сомнения относительно фонетических изменений, в частности заменительного удлинения *e* > *ē* якобы в результате выпадения согласных, что свидетельствует скорее о стремлении автора несколько механически перенести фонетические закономерности латинского на славянский). Во-вторых, автор так же этимологизирует слова *стень* (< **stegsnis*) и *тень* (< **tegsnis*). Излишне, на наш взгляд, предположение Откупщикова о слове *сень* как контаминации *стень* и *тень*. Нам кажется, что автор в целом несколько увлекается формальной стороной реконструкции, недооценивая подчас другие моменты, в частности вопрос образования названий *тени* в других индоевропейских языках и возможность — в свете этих данных — образования названий *тени* от и.-е. **steg-* 'покрывать'. Слабость этих моментов аргументации ослабляет и основные фонетические построения автора. Из мелких замечаний укажем на невозможность связи между словами *стена* и диал. *простень* 'веретено с пряжей' (род. *простня!*), поскольку второе образовано от *прост*, *простой* 'прямой, простой'.

О. Н. Трубачев

M. H. Volm. Indoeuropäisches Erbgut in den germanischen und slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1962, 102 стр.

«Начинающему или уже продвинувшемуся в изучении русского языка часто приходит в голову мысль, что нередко имеется возможность установить сравнения между нашим и русским языком». Именно необходимостью пробуждения интереса у учащихся к подобного рода сравнениям объясняет появление своей книги Мэтьюс Волм, американский автор, судя по его собственным словам, компаративист, специалист в области германских и славянских языков.

Уже первое знакомство с книгой показывает, что перед нами скорее популяризаторское пособие, задача которого — отобрать и продемонстрировать общий словарный фонд индоевропейского происхождения, сохранившийся у славян и германцев. После не совсем удачного и небрежно написанного предисловия, где есть немного публицистики и почти нет того, что можно было бы назвать характеристикой выдвинутой в книге основной проблемы в более или менее научном смысле, следует коротенький перечень основной литературы, где удивительным образом отсутствуют словари Бернекера, Фасмера, Клюге (если говорить только об основных); далее, со стр. 3 начинается изложение материала в виде словарных статей с русскими заглавными формами. Сразу же следует выразить опасение, что принцип подачи материала непонятен даже специалисту, не говоря о «начинающих», о которых автор, кажется, должен был бы особо позаботиться.

Дело, разумеется, не только в том, что в расположении материала (с русскими заглавными словами, но вопреки русскому и к кому бы то ни было другому алфавиту) царит такой хаос, будто набор производился прямо с беспорядочной картотеки. Так, в разных местах есть две статьи *гусь* (стр. 3 и 9), три (!) статьи *берёза* и т. д. Дело в том, что перед нами даже не неудачная популяризация, а откровенно дилетантская работа, где с каждой строки говорит пренебрежение к подлинной науке. Стойкое удручающее впечатление не покидает нас до конца. Слово *полк* ставится, например, в один ряд с германскими словами (англосакс. *folc* и др.), хотя известно, что оно заимствовано из германского, и далее связывается как родственное с русск. *полный*, лат. *plere* 'наполнять' (стр. 4). Позднее заимствование *туфель* тоже попадает в этот перечень «индоевропейского наследия» (стр. 7), не говоря о *шлеме* (стр. 6) и *стерляди* (стр. 5). Слово *вага* 'вес' вместе с др.-в.-нем. *waga* и русск. *везти* уживаются в одной статье как исконно родственная лексика (стр. 43). Об опечатках мы не говорим: их множество, и среди них есть совершенно ужасающие. На первой же странице словаря встречаем *верьга* и лишь по немецкому толкованию догадываемся, что это *серьга*. На стр. 46: *я́бколо* 'Apfel'. На стр. 5: Vondräk. Можно не продолжать, и комментарии излишни.

Для ясности подчеркнем, что тема «Индоевропейское наследие в германском и славянском», всегда интересовавшая ученых, сейчас, в годы интенсивной разработки ареального и диалектологического аспекта индоевропеистики, особенно актуальна. Настоящая книга привлекла наше внимание своим названием. Но просмотрев ее, мы спешим предостеречь от слишком доверчивого отношения к ней в первую очередь начинающих и студентов, которым она как будто адресована.

Трудно отделаться от чувства глубокого удивления по поводу того, что эта заведомо ненаучная и дилетантская книга, автор которой обнаруживает на каждом шагу смесь бахвальства и невежества и ставит на одну доску Преображенского с Шахматовым (стр. 98, Заключение), могла появиться в известном солидном издательстве, к тому же испещренная самыми неприличными опечатками.

О. Н. Трубачев

В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (К проблеме прародины славян). Минск, 1963, 250 стр.

«Требуется немало мужества для того, чтобы подвергнуть новому связному пересмотру всю проблему германских заимствований в славянском». Эти слова, сказанные почти тридцать лет тому назад Стендер-Петерсеном по поводу известной книги Кипарского 1934 г., могут быть с полным правом повторены сейчас, особенно если речь идет об исследовании, которое стремится раздвинуть рамки традиционной проблематики германо-славянских лексических отношений, уделяя при этом необычно большое внимание взаимодействию обеих сторон, в том числе и славянским проникновениям в германский.

В. В. Мартынов, уже опубликовавший до этого несколько статей по германо-славянским языковым контактам, начинает свою новую книгу с Введения, содержащего обзор теорий славянской прародины в трудах различных языковедов и археологов. Там же он намечает наиболее актуальные специально лингвистические задачи современного исследования проблемы и методику такого исследования. Не останавливаясь на наблюдениях автора о прародине славян и на других вопросах, сохраняющих значение внешних моментов по отношению к языковому материалу, обратимся сразу к этому последнему. Книга В. В. Мартынова — исследование по преимуществу этимологическое. Ее основное содержание распадается на две части: I. Лексические проникновения и заимствования из прагерманского в праславянский; II. Лексические проникновения и заимствования из праславянского в прагерманский. Книга подготовлена, несомненно, с большим трудолюбием и тщательностью и обобщает результаты работы над обширным материалом. Автор взялся за эту трудную тему с полным сознанием своей ответственности. Мы видим также и не можем не оценить его честные усилия обогатить проблематику новым материалом, расширить отдельные аспекты (славянские элементы в германском), сделать методику исследования более современной и строгой. Высокой похвалы заслуживает объективный, научный тон исследования, который, как известно, не всегда соблюдался другими учеными в тех случаях, когда они обращались к вопросу о заимствованиях и влияниях.

Автор придает большое значение семантическому анализу в плане микроструктур. Он вкладывает особый смысл в различение заимствований от проникновений лексики, но ощутимой разницы между этими категориями ему не удается выявить; и то и другое, с нашей точки зрения, — заимствование. Строгость классификации лексики по степени надежности, применяемая в книге с большой степенью детализации, скрывает в себе достаточно субъективного. Далеко не всегда удачно обращается автор с конкретным этимологизируемым материалом. Первая из основных двух частей работы, занимающая относительно меньше места, посвящена германским лексическим элементам в славянском. Здесь преобладает материал, в основном уже известный науке, и коррективы касаются больше деталей. Так, к сожалению, автор, говоря о заимствовании прагерм. **hūsa-* (стр. 46), опускает такую интересную деталь славянских форм, как варианты **xys-*, **xyz-*, которые еще предыдущими исследователями были удачно интерпретированы как древнее (*-s-*) и более новое (*-z-*) заимствование, отражающее озвончение в германском источнике. Вместо этого наблюдения, существенного для относительной хронологии и стратиграфии заимствований, автор однозначно толкует слав. *-z-* (об *-s-* он вообще не говорит) как субституцию (?) прагерманского *-s-*. На стр. 37 содержится мысль, что славянские слова на *-ędzь* не могут рассматриваться как исконные, так как этот суффикс не был продуктивным в праславян-

ском; на стр. 48 еще более определенно говорится, что славянские языки не знают ни одного исконного слова на *-ędzь*. Это утверждение мы считаем по меньшей мере непроверенным. Отнесение к примерам «с максимальной относительной надежностью» слов *stado*, *vedro* (стр. 53 и сл.), которые, таким образом, попадают в число германизмов, вызывает у нас серьезные сомнения. Неверно, что слово *cěsarь* «чужеродно» для восточнославянских языков (стр. 69), так как именно от этой формы — русск. *царь*, народное слово восточных славян. Укр. *річ*, блр. *рэч* в значении 'вещь' — бесспорные полонизмы, по крайней мере семантические, поэтому перечислять их наравне с польск. *rzecz* (стр. 77) нельзя. Вопрос осложняется возможностью влияния лат. *res* на всю эту группу. Борти не выдалбливались (стр. 81), а, вероятно, помечались зарубками, ср. так называемые бортные знамена. Лат. *com-pania* отражает влияние не германского образца (стр. 86), а скорее греческого. Необоснованно строги суждения автора о невозможности образования *plъtъ* от *plyti* (стр. 100).

Вторая часть книги посвящена лексическим проникновениям и заимствованиям из праславянского в прагерманский. Здесь автор в таком же порядке рассматривает целый ряд этимологических случаев, среди них — несколько новых в литературе. Эта часть занимает больше половины всей работы. Здесь говорится о заимствовании (или проникновении) в прагерманский славянских слов *borъ*, *dělъ*, *xvatъ*, *jьstъba*, *molto*, *netьjь*, *osenь*, *soči i*, *tьlo*, *tynъ*, *vorgъ*, *-dobati*, *xъmelь*, *kupiti*, *lugъ* 'щелок', *lukъ*, *modliti*, *platъ*, *plugъ*, *sedъlo*, *sьrebro*, *skopъ*, *skotъ*, *tęža*, *vъpiti*, *bl'udo*, *bolь*, *čędo*, *drugъ*, *kurъva* (правильнее *kury/-ъve*), *lěkъ*, *lěčiti*, *likъ*, *mečь/mьčь*, *olъ*, *prǫžiti*, *pъlkъ*, *selo*, *selitva*, *sъnědь*, *trusъ*. Обсуждение всех этих слов является трудным делом, невыполнимым в рамках небольшой рецензии. Мы ограничимся здесь главным образом тем, что выразим мнение о некоторой неправомерности расширения В. В. Мартыновым круга славянских лексических элементов в германском. В принципе никто сейчас не будет спорить против реального наличия таких древних элементов. Споры так или иначе коснутся частностей, деталей, как правило очень сложных. Это видно и из работы Мартынова. С ним следует солидаризироваться в его стремлении преодолеть определенную старую инерцию в европейском языкознании, в результате которой славянские заимствования в германском обычно игнорировались. Но дело, конечно, не только в этой инерции, а, по-видимому, в том, что сами германизмы в славянском вообще легче выявимы, чем славянизмы в германских языках. Эта особенность может находиться в сложной зависимости и от сравнительной степени дифференцированности германских диалектов и славянских. Есть основания полагать, что древние междиалектные отношения у германцев были сложнее, а различия — глубже, чем между славянскими диалектами, представленными более компактной совокупностью. С такой ситуацией надо считаться как в германо-славянских, так и в финно-славянских отношениях, аналогию между которыми мы видим в том, что в обоих случаях компактность славянского языкового пространства обеспечивает легкость проникновения иноязычных элементов, тогда как сложность междиалектных отношений соседней со славянами группы диалектов (германские, финские) затрудняет быстрое распространение славянизмов на сколько-нибудь значительных пространствах. Иными словами, вопрос о древних германо-славянских контактах не нужно ставить в зависимость от наличия или отсутствия славянских слов в древнем германском. Что касается перечня Мартынова, то он настраивает скорее скептически большим количеством сомнительных случаев. Мы бы сохранили в списке древних славянских элементов германской лексики более уверенно лишь *netьjь*, *xъmelь*, *plugъ*, *sedъlo*, *skopъ*, *skotъ*, *kury*, *mečь*. В остальном весь материал нуждается во внимательной проверке как с германской, так и со славянской стороны, потому что, несмотря на добросовестность автора, он допустил немало неточностей. Подробный перечень таких мест сильно увеличил бы нашу краткую рецензию. Так, производя *jьstъba* от *jьstъ*

'подлинный, сам' (стр. 122 и сл.), автор должен был позаботиться оправдать это несколько странное словообразовательное сочетание, потому что известно много отглагольных имен на *-ьba*, одно на *-iba*, несколько производных на *-oba* и ни одного на *-ъba* в славянских языках. Все это нуждалось хотя бы в беглом обзоре, иначе эта словообразовательная сторона славянского материала остается непродуманной. Автор не всегда считается с возможностью наличия древних диалектных слов, например отсутствие соответствий др.-прусск. *assanis* в восточнобалтийских он толкует как результат германского происхождения этого слова (стр. 133). Опечаток относительно мало: на стр. 167 вместо др.-иран. надо читать др.-ирл.; на стр. 173 вместо праслав. *pol-t-no* нужно *pol-t-ьno*. Из менее удачных этимологических комментариев отметим неубедительность критики старой этимологии слова коуръва (стр. 208—209), которое, несомненно, образовано от *kurъ* 'петух' как производное с *ū*-основой (*kury*) жен. рода. Реально-семантическое обоснование такого названия 'курица' > 'распутная женщина' надо видеть не в современных воззрениях (франц. *cocotte* и т. д.), а в том, что подобным наименованием была схвачена наиболее броская черта — похотливость, точно так же, как в с.-хорв. *кỳрац* 'membrum virile'. Аналогично, например, русск. диал. *пóтка* (**pъtъka*) 'membrum virile у мальчиков'. Этимологизировать это древнее презрительное слово, ругательство, в связи с *praščurъ* или греч. κύριος или реконструировать значение *kury/ъve* как 'принадлежащая роду, общине, женщина рода' (!) было бы просто абсурдно. Кончая эти выборочные замечания, укажем, что в книге с исключительно лексическим материалом нет индекса слов, что затрудняет пользование ей.

И последнее: книга неверно названа «Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры», так как есть основания полагать, что древнейшим лексическим взаимодействием для таких двух индоевропейских диалектных групп, как германский и славянский, были общие лексические инновации.

Следовательно, в целом учение о славяно-германских языковых отношениях распадается на: 1) общие индоевропейские архаизмы; 2) общие славяно-германские инновации в условиях древней территориальной близости и в силу близкого родства; 3) собственно «germanisch-slavische Lehnwortkunde», — где последовательность отражает и хронологический порядок. Мы полагаем, что Мартынов посвятил свою книгу этому третьему, т. е. отнюдь не древнейшему, этапу славяно-германских отношений, оставшись в известном смысле здесь в русле традиции, поэтому его работа в общем довольно близка к трудам Стендер-Петерсена и Кипарского, изучавших именно отношения заимствования между славянским и германским. Задача состоит в дальнейшем систематическом изучении всех названных выше, и особенно второго этапа, славяно-германских отношений, который можно с полным правом определить как древнейшее взаимодействие между этими языками.

О. Н. Трубачев

H. Striedter-Temps. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin—Wiesbaden, 1963 (=«Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin», Bd 27), 256 стр.

Рецензируемая работа немецкой лингвистки Х. Штридтер-Темпс является второй книгой, выпущенной ею после вышедшего в 1958 г. исследования немецких заимствований в сербско-хорватском. Обе работы Х. Штридтер-Темпс опубликованы в серии славистических монографий

Западноберлинского университета, издаваемых М. Фасмером, а затем В. Кипарским, где вышли близкие по типу книги Н. Райтера о германизмах в чешском и И. Зеверса — о немецком влиянии на латышский, Я. Калимы — о славянских заимствованиях западнофинских языков, Лоры Треббин — о немецких элементах в русской горнорудной терминологии, Роземари Рихардт — о польских заимствованиях в украинском, К. Шумана — о кальках с греческого в старославянском и нек. др.

Книга Х. Штридтер-Темпс о немецких заимствованиях в словенском начинается с краткой истории изучения вопроса и изложения проблематики. Автор видит свою задачу в создании монографического исследования, максимально полно учитывающего богатый немецкий слой словаря словенского языка, что может послужить на пользу не только славистике, но и германистике.

Основной исходный материал в вопросе происхождения немецких элементов словенской лексики представляет, бесспорно, средне-верхненемецкий, а также баварско-австрийские диалекты (ср. стр. VII-VIII). Работа охватывает, таким образом, все хронологические пласты слов немецкого происхождения, а именно: древневерхненемецкие, средневерхненемецкие и нововерхненемецкие заимствования. Насколько можно понять, германизмы, предшествующие древневерхненемецкой эпохе, не принимались автором во внимание (см. стр. IX), точно так же как и новые культурные слова немецкого происхождения. Нижний хронологический предел для исследования Штридтер-Темпс — VIII в. н. э. (начало вассальной зависимости карантанских славян от Баварского герцогства).

Исследованию предпослан большой список литературы, в котором бросается в глаза досадная опечатка: Adolf Stender-Petersen — должно быть Adam Stender-Petersen.

Само исследование распадается на две части: фонетику (где рассматривается соотношение немецкого и словенского вокализма, консонантизма, субституция звуков и т. д.) и словарь. Последний представляет для нас особый интерес. Этот этимологический словарь немецких заимствований в словенском занимает более двух третей всего объема книги. Материал представлен весьма полно и почти не вызывает претензий. Приведем некоторые возможные дополнения: рядом с *pûtrh* 'Handfäßchen' (стр. 205) надо было упомянуть словен. диал. *pütra*, *putriha* 'вид глиняного кувшина'; помимо *tegel* 'тигель, сковородка на трех ножках', можно отметить диал. *teîglin* 'цветочный горшок' — из уменьшительной формы, близкой литер. нем. *Tieglein*. В словаре отсутствуют словен. диал. *vajdling*, *bajdl* 'вид глиняной миски с двумя ручками', которые еще более точно, чем приводимое там *vâtljica* (стр. 244), соответствуют бав.-австр. *Weitling*, каринт. *weidling* — название посуды, расширяющейся кверху, если приводимые нами слова не связаны с нем. *beide* 'оба, два'.

Без сомнения, автора интересовали не все германские элементы словенского, которые последний часто разделяет с прочими славянскими, если говорить о древнейшем слое, но только немецкие (верхненемецкие) заимствования как самостоятельная проблема, и с таким подходом нельзя не согласиться. Конечно, при подобном слишком строгом разграничивании проблематики кое-что интересное теряется и ускользает от внимания исследователя, как произошло и на сей раз. Так, в словаре Штридтер-Темпс мы не нашли словен. *lêvica* 'жаворонок', *lêva*, которое этимологизировалось Фасмером как заимствованное из первой части сложного герм. **laiwa-zakōn*, откуда нем. *Lerche*, нидерл. *leeuwerik*, англ. *lark* 'жаворонок'[1].

О. Н. Трубачев

---

[1] M. Vasmer. Alte germanische Lehnwörter im Slavischen. — ZfslPh XII, 1935, стр. 103.

J. Trier. Venus. Etymologien um das Futterlaub. Köln—Graz, 1963 (=«Münstersche Forschungen», hrsg. von J. Trier und O. Herding, Bd 15), 207 стр.

Автор знаменитой в истории языкознания XX в. книги „Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes“, вышедшей более тридцати лет тому назад и оказывающей с тех пор неизменное влияние на научную литературу по семасиологии, И. Трир выпустил за послевоенные годы ряд новых работ. Все это исследования примерно одного плана, посвященные этимологии и семасиологии, с преимущественным вниманием к последней, с тщательно разработанным внеязыковым планом и стройной композицией. Сюда относятся большие статьи об индоевропейском названии отца (1947 г.), о названиях горшка (1947—1949 гг.), особенно же ряд книг: «Глина. Этимологии, связанные с плетением» (1951 г.), «Дерево. Этимологии из подлеска» (1952 г.) и аннотируемая нами здесь книга «Венера. Этимологии, связанные с кормовой листвой» (соответственно № 3, 6 и 15 серии «Münstersche Forschungen»). Большие и виртуозные семасиологические обобщения, умение заставить читателя осязаемо почувствовать на серии конкретных примеров реально-семантический субстрат формирования слов одной смысловой сферы — таковы ценнейшие качества трудов Трира. Заглавия его работ, специально процитированные выше, очень точно отражают их целеустремленную направленность на слова и понятия, формирующиеся на общем реальном фоне. Как видим, в своих послевоенных работах Трир отдает предпочтение не отвлеченной лексике, а словам, преимущественно фиксирующим отношение человека к природе. Здесь находят свое место нередко и вторично абстрагированные слова и значения. «Во время предшествующих лексикографических опытов мы убедились, что предметы природы являются человеку в языковом восприятии не как таковые, а в своем слиянии с человеческим трудом, в своей полезности для человека» («Venus...», стр. 37).

Особенно длительно фиксировалось внимание автора на лексикографической, семантической и понятийно-культурной проблематике леса и лесного хозяйства. Обе последние названные книги посвящены этому. Плодотворность такого тематического подхода ясна из знакомства уже с первой книгой 1952 г. Ряд названий пород деревьев (*carpinus*, *fraxinus*, *chêne*), культурно-историческое понятие Возрождения, культ обрезания крайней плоти, а в чисто языковом плане — новое полное обоснование многих однородных этимологий в связи с обычаем срезания молодых побегов — таков, вкратце, объем содержания книги.

С этим предшествующим исследованием тесно связана новая книга, исключительно посвященная отражению — не только в лексике леса, но и в лексике чувственных восприятий — обычая срезать и заготовлять впрок листья деревьев на корм скоту. Книга построена, как и предыдущие, в виде серии этюдов, объединенных общей идеей, а подчас и материалом. Всюду поражает богатство филологического и исторического материала. Вместе с тем удачная интерпретация семантических общностей придает особую убедительность этимологиям. То, что для прежних исследователей было необъяснимым со стороны значения единством формы (лат. *Venus* 'Венера' : др-инд. vanas- 'лес, дерево'), получает совершенно строгую мотивировку, см. «Venus...», стр. 141 и сл.

Трир — германист, хорошо владеющий анализом также других западных индоевропейских языков. Пожалуй, единственным серьезным недостатком в этой связи можно считать слабость его познаний в славянском материале, черпаемом обычно из вторых рук. Автор сознает это сам («Venus...», стр. 114), что, однако, не меняет дела и сообщает также этой интересной книге, как и предыдущим, характер однобокости. Мы думаем, что исследование Трира значительно бы выиграло, если бы его

пополнить самостоятельными этюдами по славянской лексике леса и лесного хозяйства. В этой связи надлежало бы в первую очередь тщательно обследовать слав. *lěsъ*, до сих пор плохо объясненное. Пусть же книга Трира послужит хорошим примером для славистов-этимологов и поводом для проведения аналогичного анализа славянских терминов.

О. Н. Трубачев

G. R. Solta. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen Wortschatzes. Wien, Mechitharisten-Buchdruckerei, 1960, 8°, 511 стр.

В пятидесятые годы наметился вполне оправданный сдвиг в сторону максимального использования лексических данных в индоевропейской диалектографии. При наличии лексико-словообразовательных и пространственных критериев, позволяющих путем этимологического анализа установить иерархию изолекс, отделить инновации от архаизмов, исследование элементов словаря приобретает первостепенное значение особенно в языках, далеко ушедших в своем фономорфологическом развитии от общеиндоевропейского (тохарский, армянский и т. п.), или в тех случаях, когда от языков сохранились лишь незначительные лексические реликты (например, древние негреческие языки Балканского полуострова). Преимущества такого подхода к свидетельствам лексики были убедительно продемонстрированы в некоторых работах Г. Краэ и известной монографии В. Порцига (W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954), нашедшей широкий отклик в среде ученых, интересующихся проблемами членения и взаимодействия индоевропейских диалектов [1].

Предлагаемая вниманию читателя книга венского индоевропеиста Г. Р. Зольта примечательна прежде всего тем, что в ней рассматривается только словарный материал. Вполне сознавая невозможность установить положение языка среди других языков лишь на основе лексических критериев, но полагая в то же время, что «словарный состав есть и остается первым и наиболее надежным средством для выявления диалектной дифференциации» (стр. 12 сл.), автор с помощью современной методики лингво-географического анализа индоевропейской части древнеармянского лексического фонда стремится, и небезуспешно, как нам кажется, определить место армянского языка в кругу индоевропейской семьи [2]. Между

---

[1] Например, А. Камменхубер и О. Хаас в своих недавних работах прямо ссылаются на труд В. Порцига как на работу, стимулирующую к разысканиям в том же направлении и с теми же методическими установками (A. Kammenhuber. Zur Stellung des Hethitisch-luvischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache. — KZ 77, 1—2, 1961, стр 31; O. Haas. Lexikalische Anklänge an Slavisches in den Sprachresten Kleinasiens und Griechenland. — «Godišnjak» II (Balkanološki institut). Sarajevo, 1961, стр. 66).

[2] Необходимо отметить, что Зольта провел свое исследование независимо от В. Порцига; рукопись рецензируемой книги была закончена в 1952 г. и публиковалась небольшими частями в журнале «Handes Amsorya» с 1953 по 1960 г.

прочим, Х. Гюбшман, опубликовавший почти сто лет назад статью с подобным названием, исходил сугубо из фонетических данных [3].

Зольта избрал простую и, можно сказать, рельефную композицию, обусловленную поставленной задачей и особенностями исследуемого материала. Весь индоевропейский лексический фонд армянского языка разбит на четыре группы в зависимости от характера внеармянских генетических связей. Часть A: Wörter, deren Beziehungen als gemeinindogermanisch anzusehen sind (стр. 19—116) — содержит слова, которые как цельные лексемы (или их корни) с некоторыми оговорками могут быть признаны общеиндоевропейскими. B: Wörter, zu denen sich Verwandtschaftsbeziehungen in der Mehrzahl der anderen idg. Sprachen finden (стр. 117—278) — включает слова, встречающиеся во многих, но не во всех индоевропейских языках. C: Wörter, die im Armen. und einer kleineren Gruppe (Minderheit) anderer idg. Sprachen vorkommen (стр. 279—402) — собраны слова, общие у армянского с небольшим числом индоевропейских языков. И, наконец, последняя часть, D: Wörter, die das Armenische im wesentlichen nur mit einer anderen idg. Sprache gemein hat (стр. 403—457) — рассматриваются все случаи локальных, главным образом лексико-словообразовательных, изоглосс армянского языка с одним индоевропейским языком. Каждая из этих частей разбита еще на четыре подгруппы: I. Существительные, II. Прилагательные, III. Глаголы, IV. Другие части речи. Внутри этих подгрупп материал дается, как в этимологическом словаре, по армянским словам, расположенным в латинском алфавите. В заключении (Zusammenfassung, стр. 458—485) объединены по языкам все двусторонние лексико-словообразовательные изоглоссы и все групповые соответствия. Имеются указатели — предметный и армянских слов в латинской транскрипции.

В итоге автор пришел к следующим выводам: 1. «Армянский язык — не только индоевропейский, но представляет собой один из компонентов общеиндоевропейского» (стр. 10); 2. Из анализа локальных изоглосс вытекает, что «армяно-греческое родство было исключительно тесным». Кстати, рассматривая общие для греческого и армянского инновации, Порциг с еще более убедительной аргументацией пришел к тому же выводу[4]; 3. «Связи между армянским и германским теснее, чем об этом до сих пор думали» [5]; 4. Часто высказываемое мнение о близком родстве армянского с фригийским [6], во многом основанное на античной традиции, статистическими выкладками Зольта не подтверждается (стр. 461) [7] (вообще лексические общности у армянского с балканскими языками — фракийским,

---

[3] H. Hübschmann. Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. — KZ 23, 1877, стр. 5—49.

[4] W. Porzig. Указ. соч., стр. 155—157. Интересно, что еще сравнительно недавно Фр. Шпехт и Э. Швицер высказывались об обособленности греческого языка и об отсутствии тесных связей у него с каким-либо из индоевропейских языков (Fr. Specht. Die Ausbreitung der Indogermanen. Berlin, 1944, стр. 12; E. Schwyzer. Griechische Grammatik, Bd I. München, 1939, стр. 55).

[5] См. также: А. А. Асмангулян. К вопросу о методике этимологического исследования. (Значение армянских параллелей для этимологии древнегерманской лексики). Автореферат. М., 1952, стр. 18.

[6] В новое время Г. Бонфанте, Вл. Георгиев, И. М. Дьяконов и некоторые другие склонны по-прежнему считать армянский и фригийский близкими диалектами одного языка (G. Bonfante. Armenians and Phrygians. — «Armenian Quarterly» I, 1946, стр. 81 сл; В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 142 сл.; И. М. Дьяконов. Хетты, фригийцы, армяне. — «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 366 сл.).

[7] К тому же выводу пришел О. Хаас, исследуя язык позднефригийских надписей; он считает, что общие элементы в лексике армянского

древнемакедонским, фригийским и иллирийским, согласно Зольта, очень малочисленны).

Подвергнув морфемно-словообразовательному анализу круг соответствий: арм. *ozni* (*io*-основа), греч. ἐχῖνος, др.-в.-нем. *igil*, лит. *ežỹs*, ст.-слав. *ježь*, фриг. εξις (или, точнее, εζις) — все со значением 'еж', автор приходит к утверждению, что «армяно-фригийские связи намного менее тесные, чем армяно-греческие».

На стр. 482 автор расположил все индоевропейские языки в порядке убывания количества соответствий у армянского с каждым из них, а именно: 1) греческий, 2) древнеиндийский, 3) германский, 4) балтийский, 5) славянский, 6) латинский, 7) иранский, 8) кельтский, 9) албанский, 10) тохарский, 11) фригийский, 12) фракийский, 13) иллирийский, 14) хеттский (стр. 482; ср. стр. 116, где дан ряд относительной близости армянского в рамках общеиндоевропейских слов: 1) греч., 2) др.-инд., 3) лат., 4) ир., 5) балт., 6) тохар., 7) герм., 8) слав., 9) алб., 10) фриг., 11) фрак., 12) иллир., 13) хетт., 14) кельт.).

Симптоматично, по нашему мнению, а не случайно, как думает Р. Шмитт[8], что относительная степень близости, установленная Зольта на базе локальных изоглосс для армянского языка с греч., др.-инд., герм., балт., слав., совпадает с выводами Порцига, опиравшегося на более широкие основания[9], но существенно расходится, кроме греческого, с результатами работы А. Л. Кребера и К. Д. Кретьена, подвергших статистической обработке 30 фонетических и 44 морфологических изоглоссы в пределах девяти языков (без алб., тохар., фриг., фрак., иллир., хетт.)[10]. Последнее свидетельствует о разных возможностях при исследовании фономорфологических и лексических данных, но тем надежнее факты, устанавливаемые при совпадении анализа на всех уровнях, как в случае с постулированием тесных связей между армянским и греческим.

Не имея возможности вдаваться в разбор отдельных этимологий, которые к тому же, согласно утверждению автора, по большей части неоригинальны и взяты из различных этимологических словарей (стр. 11; все ссылки на словари даются в начале каждой словарной статьи)[11], заметим лишь, что небольшое число изоглосс у армянского с негреческими языками Балканского п-ова может быть вызвано бедностью дошедшего лексического материала, но и при этом фригийский стоит на первом месте среди других балканских языков.

Рассмотренная работа, кроме того, показывает, насколько полезно провести подобное исследование в отношении каждого индоевропейского языка[12].

и фригийского обусловлены воздействием дофригийского субстрата в Малой Азии (O. Haas. Die phrygische Sprache im Lichte der Glossen und Namen. — «Балканско езикознание» II, 1960, стр. 47; его же. Armenier und Phryger. — Там же, III, 2, 1961, стр. 31, 47 сл., 64 сл.; его же. Zur Vorgeschichte der armenischen Sprache. — «Handes Amsorya» 1961, № 10—12, стб. 566, 589 сл., 591 сл., 610 сл. См. также: R. Gusmani. Il frigio e le altre lingue indeuropee. — «Rendiconti» 93, I, 1959, стр. 45 сл. — К отрицанию античной традиции Р. Гусмани пришел на основе лингво-географического анализа фонетических и морфологических черт фригийского языка, реконструированных им в этой же статье.

[8] R. Schmitt. [Рец. на рассматриваемую книгу]. — «Kratylos» VII, 2, 1962, стр. 152.

[9] W. Porzig. Указ. соч., стр. 213.

[10] A. L. Kroeber, C. D. Chrétien. Quantitative Classification of Indo-European Languages. — «Language» 13, 2, 1937, стр. 83—103.

[11] Отдельные замечания по этимологиям см. в указ. рец. Р. Шмитта и в кн.: Э. А. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964.

[12] О важности представить индоевропейское состояние с точки зрения

Сверх всего изложенного, монография Зольта имеет еще самодовлеющую ценность в качестве этимологического словаря индоевропейской части древнеармянского словаря; это тем более важно, что по известным причинам словарь Ачаряна труднодоступен.

Л. А. Гиндин

Ph. H. J. Houwink ten Cate. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period. Leiden, 1961, XI + 236 стр. + 1 карта

Рецензируемая книга, представляющая собой докторскую диссертацию молодого голландского лингвиста Фило Хендрика Яна Хоуинка тен Кате, посвящена исследованию позднелувийской ономастики, сохранившейся в туземных надписях и в греческой передаче. Хотя книга представляет собой всего лишь результат систематизации известного материала, с ее появлением можно считать окончательно доказанной весьма важную хеттологическую гипотезу, согласно которой весь юг Малой Азии был заселен в греко-римскую эпоху хетто-лувийскими народностями (см. особенно стр. 120)[1]. Как показал Хоуинк тен Кате, Ликия, Писидия, Памфилия, Исаврия, Ликаония, Киликия были населены в эту эпоху позднелувийскими народностями; мы можем соответственно утверждать, что Лидия и Кария были населены позднехеттскими народностями[2].

Монография Хоуинка тен Кате состоит из Введения, шести глав и Заключения; к книге приложены индексы и карта. Из общего плана монографии выпадают главы 2 и 3 («Ликийский — один из лувийских языков», стр. 51—86 и «Избранные ликийские тексты», стр. 87—100), фактически представляющие собой приложение к работе. Вопросам истории и доистории позднелувийских народностей (в той или иной степени затрагиваемых во всех разделах книги) специально посвящены гл. 1 («Некоторые факты истории», стр. 1—50) и Заключение (стр. 188—215; вопросы истории рассматриваются здесь на материале языковых данных); остальные разделы работы посвящены проблемам систематизации и идентификации собственных имен лувийского происхождения (гл. 4 — «Транслитерация собственных имен», стр. 101—112; гл. 5 — «Лувийские элементы в ономастике эпохи эллинизма», стр. 113—120 и гл. 6 — «Сложные собственные имена лувийского происхождения в эпоху эллинизма», стр. 121—187).

Ученик выдающегося хеттолога Эммануэля Лароша, Хоуинк тен Кате в основном следует за Ларошем в идентификации компонентов, составляющих позднелувийские собственные имена. Так, имя лик. Αρβασις (ср. кар. Αρβησις) включает, по мнению Хоуинка тен Кате, основу *erbbe*-, отождествленную Ларошем с лув. *arpa*- 'Ungunst, Mißerfolg' (см. стр. 146 сл.). В имени лик. Κινδ-υπρας идентифицируется хеттский префикс *hanta*- 'перед'

каждого индоевропейского языка см.: В. Н. Топоров. О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола. — «International journal of Slavic linguistics and poetics» V, 1962, стр. 34.

[1] Ср. в этой связи: A. Goetze. The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names. — JCS 8, 1954, стр. 74 сл.; его же. Cilicians. — JCS 16, 1962, стр. 48 сл.

[2] В отношении лидийского языка и его носителей см.: O. Carruba. Lydisch und Lyder. — MIOF 8, 1963, стр. 383 сл.; в отношении карийского языка и его носителей см.: В. В. Шеворошкин. Опыт дешифровки карийских надписей. — ВДИ 1965, № 1.

(стр. 149 сл.; в отношении второго компонента ср. имена на Οπ/βρα-, стр. 163 сл.), наличествующий также в лув. *kñtanuba* = Κινδανυβα (ср. лик. *prijenuba* = Πριανοβας — билингва — с другим префиксом). В именах лик. Ορας, писид. Ουραμμοας идентифицируется анатолийская основа *ura-* 'большой, великий', наличествующая также в лув. *Massana-ura* (букв. 'бог — велик'; ср. также кар. Μασσανωρα- при *mesna-* 'бог', кар. *snr* = Σινυρι < **sinura/i* при этр. *Tin-* < **diun-* 'бог', кар. **mavnura* при *mavna-/mavva-*, лид. **mavś* 'богиня Ма' и лик. *-mawa*, Μαυα); по мнению Хоуинка тен Кате, в топонимах типа Ισαυρα, Μασταυρα (в отношении Μαστα- ср. лид. *armτa-* от *Arma* 'бог луны') наличествует та же основа *ura* (см. стр. 164). Основа **trb-* в именах на Τρεβ-, Τρηβ- и т. д. отождествляется с лув. *tarpa-* 'пятка — топтать — вредить'. Следует, однако, привлечь и другие значения этой основы: 'овладевать — иметь' и т. п.

Весьма важно, что автор, не ограничиваясь материалом ономастики, привлекает для сравнения и топонимы; важно и то, что автор привлекает материал поздних малоазийских языков, не входящих в лувийскую подгруппу, — лидийского и карийского [3] (здесь, однако, можно привести целый ряд дополнительных параллелей: см. мою статью «Малоазийские языковые параллели» в настоящем сборнике).

К недостаткам работы можно отнести трактовку Хоуинком тен Кате имен лик. Αρμοκεις (стр. 173), Αρμοας, Ερμαυασις и т. п. (стр. 173) как содержащих основу *-muwa* 'сила, мощь'. Возможно, эта основа содержится в *hrm̃muve* (**Sarrimuwa*, по Хоуинку); едва ли *hrm̃m-* восходит к анат. *Sarma-* (ср. килик. Ρω-ζαρμας, анат. **Wasu-sarma* — в ассир. *Uassurme*, кар. *sù-zrme* — ср. ликаон.-исавр. Σουβιγραμις < **Su-pihra-mi*): видимо, начальный сибилянт в *Sarma-* был звонким. В именах же типа Ερμαυασις содержится основа имени бога **armawa*, *arm(a)*: ср. лид. **armāva*, *armāvli-*, *armτa*, лик. Αρμα-, Ερμα(υ)- и т. п. (соответственно в Αρμ-οας находим анатолийский суффикс *-uwe*, обычно передаваемый в греческих версиях в виде *-οα-*).

В именах типа Αρμοας, Αρμαυασις Хоуинк тен Кате неправомерно идентифицирует префикс *er(i)-* < *arha-* (ср. хет. *arhaja-* 'extra') (ср. лик. *eri-teteri*, Εριυασις, ср. также кар. Αρι-δωλις при лик. *prije-duli*), наличествующий также, по его мнению, в лик. Ερπις, Ερβιγεσις, Ερπιδενηνις и др. (стр. 173; ср. также стр. 144); на самом же деле имена типа Ερπις содержат основу *hrppi-* (ср. лик. *hrppi-duba*), ср. лид. *śrfaśti-* 'высший' (*śrfa-* < **srpa-*).

Справедливо отмечая, что имя лик. Ερμα(ν)δορτας может содержать в качестве второго компонента либо лик. *ϑurtta* (имя родства), либо анат. *Urt(t)a* (см. стр. 134 и 146), автор дает, однако, для двусмысленного лик. Α/Ερμεδυμνος лишь одно возможное членение: *Arma* + **tumna* (стр. 134); но ведь это имя вполне может содержать суффикс *-umna* [4].

Едва ли прав автор, когда он пишет, что формы типа Οπ/βρα-, Ταρκυ-, Τρακο- (ср. лик. *trqq-*) получились в результате стяжения основ (соответственно анат. *Uppara-*, *Tarhu-*: см. стр. 198). Видимо, основы типа **upra-*, **trh-* (< *и.-е.* **trH-*) существовали в анатолийском уже в древнюю эпоху: ср. в этой связи основу хет.-лув. *parija-*, известные передачи которой

---

[3] Следует отметить, что считавшиеся ликийскими собственные имена *edrijeuse-*, *eketeija*, *ecatamla*, *erbbina*, *hm̃prama-*, *kudrehila*, *m̃para*, *pikedere*, *zi/s/qqa* (см. стр. 104 и 109) идентифицируются Хоуинком тен Кате в качестве карийских (сохранившихся в ликийской передаче). Четыре первых имени действительно находят четкие параллели в карийских текстах. Возможно, карийскими являются и имена *ijaeusas*, *mlejeusi*: ср. *edrijeuse-*, *ecatamla*.

[4] В отношении параллелизма основ типа анат. *E/Arma* : *E/Arma(n)d-*, выступающих в качестве первого компонента сложных имен, см.: A. Goetze. Cilicians, стр. 57.

свидетельствуют о фонетической форме *prija*[5]; см. также выше относительно основ **s̥rp-*, **t̥rb-*[6] и т. д. Закономерности клинописной графики и результаты позднейшей фонетической эволюции не должны вводить нас в заблуждение относительно исходной звуковой структуры этих форм.

Некритически следуя за Ларошем, Хоуинк тен Кате наделяет редкую ликийскую букву, имеющую форму ромба (ϰ, по Э. Калинке), звуковым значением *he* (стр. 111). На самом деле это гуттуральный (ср., возможно, родственные именные суффиксы лик. -ϰ ∼ этр. -χ; ср. также чередование лик. *sbi:ϰ:aza* ∼ *sbicaza* ∼ Σπιγασα); что же касается трактовки лик. ϰ как [he], то она восходит к Х. Педерсену[7], который отождествил лик. ϰ с кар. *e* (полагая, вслед за Ф. Борком, что эта карийская буква передает звукосочетание [he], что неверно) и буквосочетанием кар. *-he* (эта частица интерпретировалась многими исследователями как показатель «генитива», что неверно[8]).

Несмотря на мелкие упущения подобного рода, монография Хоуинка тен Кате представляет собой незаменимый справочник по лувийской ономастике, в особенности сейчас, когда еще не вышли в свет более полные по объему справочники по малоазийской ономастике, составленные Ладиславом Згустой. Очень полезен также и грамматический очерк ликийского языка, содержащийся во второй главе.

В. В. Шеворошкин

O. Haas. Das frühitalische Element. Versuch über die Sprache der ersten Indogermanen Italiens. Wien 1960, 104 стр.

В послевоенные годы О. Хааса привлекают главным образом три существенных раздела индоевропейской языковой доистории. Это прежде всего реконструкция фригийского языка на основе позднефригийских надписей и отношение языка этих надписей к армянскому — вопрос, как известно, один из самых спорных в индоевропейском языкознании; затем он почти с той же интенсивностью работает над проблемами догреческого субстрата; и, наконец, третья область приложения постоянных интересов Хааса — доиталийская лингво-этническая ситуация на Апеннинском п-ове. Степень этих интересов показывают вышедшие недавно «Исследования по мессапскому языку», содержащие интерпретацию почти всех мессапских надписей с изложением фонетики и морфологии мессапского языка[1].

Монография «Раннеиталийский элемент» посвящена задачам выявления языка первого индоевропейского населения Италии, точнее, доказа-

---

[5] Ср. мою рецензию на кн.: G. Huxley. Crete and the Luwians. Oxford, 1961. — Наст. сб., стр. 383.

[6] См. также мою упомянутую выше статью «Малоазийские языковые параллели».

[7] См.: H. Pedersen. Lykisch und Hittitisch. København, 1945, § 18.

[8] Кар. *-he* возводится некоторыми исследователями к и.-е. **-sjo* (ср. лик. *-ha* < лув. *-ssa*), однако кар. *h* не восходит к **s*, как *h* в лик. А: ср. лик. А *mahãna*, лик. В *masana*, анат. *mas(sa)na* 'бог' при кар. *mesna-*; лик. А *kahba* < **hasba* при кар. χsb_1. В карийском в функции «генитива» употреблялись -λ-посессивы (в лидийском — *-li*-посессивы); в лувийско-ликийской подгруппе хетто-лувийских языков в той же функции употреблялись *-s*-посессивы (в ликийском А — *-h*-посессивы).

[1] O. Haas. Messapische Studien. Heidelberg, 1962.

тельству индоевропейского происхождения ряда до сих пор неясных лексических элементов в латинском языке (стр. 5)[2]. Результаты, к которым пришел автор, разумеется, дискуссионны, как в любом исследовании подобного рода, и частично могут быть оспорены, но методологическое значение рассматриваемой работы несомненно. Появление этой книги еще раз убедительно продемонстрировало принципиальную важность метода реконструкции исчезнувших индоевропейских языков по реликтам в дошедших до нас индоевропейских языках, применяемого уже в течение двух с половиной десятилетий для восстановления языков догреческого субстрата[3]. Вместе с тем труд Хааса — первая попытка распространить методы догреческого языкознания на италийские языки, которые в некотором роде представляют более благодарное и, возможно, более плодотворное поле исследования, так как, в отличие от языков догреческого субстрата, сохранившихся в виде заимствований только в греческом языке, доиталийский субстрат, напротив, отразился в четырех италийских языках, а именно латинском, умбрском, оскском, фалискском и еще, видимо, в этрусском; комбинация доиталийских элементов, засвидетельствованных в указанных языках, может дать относительную хронологию заимствований (стр. 14), что очень затруднительно для догреческого.

Но это отнюдь не значит, что Хаас ищет в доиталийском «пеласгский» язык, как делает вслед за Вл. Георгиевым А. И. Ван-Виндекенс во многих своих работах[4]. Мало того, фонетические черты «раннеиталийского» языка, реконструируемого Хаасом, ничего общего не имеют с «пеласгским», это два совершенно разных языка. Сопоставимы и близки лишь методы, применяемые в процессе их реконструкции.

Наибольшее своеобразие «раннеиталийскому» придает трактовка индоевропейских смычных, которые в этом языке слились в один ряд простых глухих (tenuis) анологично тохарскому, т. е. и.-е. **d*, **dh*, **t*; **b*, **bh*, **p*; **g*, **gh*, **k* — все перешли в *t*, *p*, *k*. Из фонетических черт «раннеиталийского», постулируемых Хаасом, отметим еще следующие; переход и.-е. **o* в *a*; все и.-е. **u*-дифтонги, видимо, отражаются как *au*; и.-е. **au* и **eu* в начале слова дают *ju*, параллельно этому в ряде слов на месте начальных и.-е. **u* или **āu* и **au* появляется *lu*, в то же время и.-е. **ōu* в анлауте переходит в *lū*; начальное и.-е. **u̯* — в *f*; и.-е. плавные **r̥* и **l̥* — в *ar* и *al(la)*; и.-е. **n̥* — в *en*.

Такая фонетическая система соответствий довольно проста, но при различных комбинаторных звуковых изменениях, допускаемых автором,

---

[2] Здесь и далее в скобках указаны страницы рассматриваемой книги.

[3] О ценности этого метода см.: M. Lejeune. Linguistique préhellénique. — REA XLIX, 1—2, 1947, стр. 25 сл. W. Merlingen. [Рец. на кн.:] A. J. Van Windekens. Le Pélasgique. — IF 61, 2, 1954, стр. 299; В. Н. Топоров. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка. — Сб. «Славянское языкознание». М., 1963, стр. 10; Вяч. Вс. Иванов. [Рец. на кн.:] W. Merlingen. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen. — ВЯ 1955, № 6, стр. 124; U. Schmoll. Die vorgriechischen Sprachen Siziliens. Wiesbaden, 1958, стр. 52. — В близкой манере работает И. Губшмид, выявляя дороманские элементы (индоевропейские и неиндоевропейские) по лексическим заимствованиям в современных диалектах Средиземноморья и примыкающих к нему областях Центральной и Западной Европы (J. Hubschmid. Praeromanica. Bern, 1949; его же. Alpenwörter. Bern, 1951; его же. Pyrenäenwörter. Salamanca, 1954; его же. Mediterrane Substrate. Bern, 1960 и др.).

[4] См., например: A. J. Van Windekens. Le Pélasgique. Louvain, 1952; его же. Etudes sur le vocabulaire prégrec et prélatin. — LP VI, 1957, стр. 7 сл.: его же. Deux mots latins d'origine préitalique. — «ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ, Gedenkschrift P. Kretschmer» II. Wien, 1957, стр. 213 сл.

она приводит к весьма сложным результатам, подчас недостаточно обоснованным. Это особенно ощущается в этимологических сопоставлениях, служащих одновременно источником и иллюстрацией (что неизбежно в подобных работах) гипотезы о фонологической конвергенции смычных фонем в «раннеиталийском». Здесь вполне уместна аналогия с тохарским, где те же обстоятельства приводят к немалому числу произвольных этимологий [5]. Но сравнение будет далеко не в пользу «раннеиталийского», если учесть, что тохарский зафиксирован многими текстами, представляющими собой большей частью переводы буддийских рукописей, которые дают возможность при соблюдении определенных условий вести этимологическую работу по тохарскому языку с достаточной эффективностью [6]. Кроме того, многочисленные исключения в трактовке индоевропейских смычных в большой степени увеличивают вероятность случайных и неубедительных сопоставлений. Так, и.-е. **gh* реализуются в «раннеиталийском» как *k*, например: *parco* < **bhorghos* (стр. 22 сл.), *cavea* < **gheu̯eiā* (стр. 24 сл.); как *g*, например: *tragula* < **dhrōghla* (стр. 26, на стр. 50 из **dhrāghlā*), *iugulum* < **augh-* (стр. 52); и как *h*, например: *traho* < **dhroghō*; между прочим, и.-е. **ĝh* дает *d*, например: *fendicae* < **u̯n̥ĝho-kā* (стр. 42). В трактовке и.-е. **bh* также имеются исключения, ср. *carpinus* < **grabho-* (стр. 30 сл.), но *cubitus* < **ghubhi-to* (стр. 27).

Хотелось бы сделать еще одно замечание скорее терминологического характера. Превращения, произошедшие в «раннеиталийском» с индоевропейскими смычными, Хаас характеризует термином «передвижение согласных» (Lautverschiebung), что вряд ли целесообразно. В индоевропейских языках, видимо, только в трех случаях правомочно говорить о «передвижении согласных»: определенно в германском и армянском [7] и с меньшей определенностью, в силу специфики методов исследования, в языках догреческого субстрата [8]. Единственный существенный признак «передви-

---

[5] В. В. Иванов. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. — Сб. «Тохарские языки». М., 1959, стр. 9.

[6] См.: В. Н. Топоров. Тохарская этимология за двадцать лет. — Сб. «Этимология». М., 1963, стр. 236 сл.

[7] Э. Бенвенист даже полагает, что «передвижение согласных» наблюдалось лишь в германских языках (Э. Бенвенист. Проблема армянского консонантизма. — ВЯ 1961, № 3, стр. 38).

[8] Кроме того, предполагают «передвижение согласных» во фракийском (В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 136 и др.); во фригийском (O. Haas. Die phrygische Sprache im Lichte der Glossen und Namen. — «Балканско езикознание» 1960, II, стр. 36 сл.; его же. Armenier und Phryger. Там же, 1960, III, 2. 1961, стр. 34 сл.; его же. Zur Vorgeschichte der armenischen Sprache. — «Handes Amsorya». Wien, 1961, № 10—12, стб. 573 сл. и др. Против Р. Гусмани, считающий, что индоевропейские смычные во фригийском, за некоторым исключением, никаких изменений не претерпели: R. Gusmani. Il frigio e le altre lingue indeuropee. — «Rendiconti» 93, 1, 1959, стр. 20); в хеттском (Т. В. Гамкрелидзе. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке. — «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 211 сл. Против: В. Шеворошкин. Малоазийские языковые параллели. — Наст. сб., стр. 142 сл.). Диаметрально противоположна точка зрения А. Хойбека, который утверждает, что во всех этих языках, включая догреческий, «передвижения согласных» не было, а наблюдается какое-то безразличие в фиксации смычных вследствие нечувствительности к их артикуляции под воздействием неиндоевропейского субстрата (A. Heubeck. [Рец. на кн.:] D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. — BNF 9, 1958, стр. 119; его же. Praegraeca. Erlangen, 1961, стр. 19, 59, 81. Ср.: В. Шеворошкин. Новые исследования по хеттологии. — ВЯ 1964, № 3).

жения согласных» — сохранение дистанции между всеми тремя фонологическими рядами индоевропейских смычных — пока засвидетельствован лишь в упомянутых языках. По этой причине изменения индоевропейских смычных в «раннеиталийском» с фонологической точки зрения не являются «передвижением».

Высказанные замечания, однако, не умаляют определенной полезности этого оригинального труда, разумеется, не только для исследователя италийских языков, особенно в отмеченном выше смысле. В качестве примера целесообразно привести несколько этимологий, демонстрирующих потенциальные возможности подхода Хааса: *pīnguis* 'толстый, жирный' наряду с греч. παχύς 'толстый, плотный', др.-инд. *bahú-* 'плотный, густой, обильный, многий' возводится к и.-е. **bhn̥ghu-* (стр. 24 сл.); *uterus* 'чрево, живот, материнская утроба', др.-инд. *udáram* 'живот, брюхо', греч. ὄδερος· γαστήρ то же (Гесихий) — к и.-е. **udero-* (стр. 37); *uter*, *uteris* 'мех, бурдюк', греч. ὑδρία 'кувшин' etc. — к и.-е. **udro-* (там же). Заметим, что с тем или иным объяснением все приведенные сопоставления уже встречались в научной литературе [9], но пока лишь гипотеза Хааса находит им единообразное обоснование.

Между прочим, этимологический материал может в какой-то мере заинтересовать и славистов, поскольку примерно из 60 этимологий, помещенных в книге, около 20 включают славянские соответствия. Не вдаваясь в подробности, укажем на некоторые раннеиталийско-славянские сопоставления: *carpinus* 'граб, Carpinus betulus'—русск. *граб*, *грабина* то же (стр. 30); *calva* 'череп'—ст.-слав. глава (праслав. **golva*) (стр. 34); *columba* 'голубь'—слав. *golǫbь* то же (там же); *floccus* 'клочок шерсти, пушинка'—русск. *волокно* (стр. 40); *gladius* 'меч'—ст.-слав. кладиво 'молот' (стр. 50).

Все изложенное — фонетические закономерности, этимологии, послужившие фундаментом для выделения «раннеиталийского» слоя в латинском, — трактуются во II части, носящей название «Frühitalisches Wortgut im Lateinischen» (стр. 22—54). Две прочие части интересны, но менее существенны. I часть (Einleitung), состоящая из двух разделов — «Die ungriechischen indogermanischen Elemente in Griechenland» (стр. 5—12) и «Die Substratforschung auf dem Boden Italiens» (стр. 12—22), — целиком посвящена методологическим вопросам. III часть — «Anhaltspunkte für die Herkunft des frühitalischen Elements» (стр. 54—58), — несмотря на отдельные удачно поставленные проблемы, например: Frühitaliker und Sikuler (стр. 82—84), Frühitalisch und Etruskisch (стр. 85—86), имеет чисто гипотетический характер. Мысль автора, что «раннеиталийский» язык, который был якобы распространен на западных берегах Италии, прежде всего в Лигурии и Этрурии, до появления там этрусков, следует связывать с переселением в эти места носителей культуры Террамары, покоится на явно недостаточной фактической базе.

Л. А. Гиндин

А. И. Харсекин. Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности. Ставропольское книжное изд-во, 1963, 92 стр.*

Рецензируемая работа представляет собой результат многолетних изысканий А. И. Харсекина в области этрусского языка. Монография состоит из Введения (стр. 5—12), трех глав (1. Методы интерпретации

---

[9] См. sub verbis: Walde; Ernout — Meillet [4].

* Ср. также немецкое издание (несколько видоизмененное по сравнению с русским): A. I. Charsekin. Zur Deutung etruskischer Sprachdenkmäler. Frankfurt, 1963, 96 стр.

этрусских надписей, стр. 17—23; 2. Комплексный метод, стр. 25—34; 3. Применение комплексного метода к интерпретации памятников этрусской письменности, стр. 37—64), выводов (стр. 66—75) и приложения, посвященного анализу этрусских надписей в музеях СССР (стр. 76—88).

Каждый раздел работы снабжен библиографическим комментарием (см. соответственно стр. 13—16, 24, 35—36, 65, 87—91).

Свой метод исследования автор называет комплексным, определяя его как особую разновидность комбинаторного метода, в которой данные индуктивного изучения этрусских эпиграфических памятников дополняются материалами внешних источников. Под этими дополнительными материалами автор понимает прежде всего данные этимологического анализа (стр. 26).

Автор приходит к выводу о значительной близости этрусской и греческой лексики (стр. 73—74), причем, наряду с категорией заимствований, он выделяет довольно большое количество соответствий, которые, по его мнению, могут свидетельствовать о близком родстве между обоими языками (стр. 68—74). Однако детальный анализ материала показывает, что многие параллели являются мнимыми: одни этрусские формы не обладают теми значениями, которые им приписаны, другие подвергнуты неверному членению, третьи представляют собой не этрусские, а греческие слова и т. д. Мы не будем специально останавливаться здесь на этих погрешностях, поскольку многие из них устранены самим автором в его новейших исследованиях, к тому же имеется подробная рецензия А. Й. Пфиффига на немецкое издание книги Харсекина[1]. Заслуживают внимания следующие параллели, перечисленные Харсекиным (там же): этр. *sta-* 'ставить' : греч. στα-; этр. *eis*, *ais* 'бог' : греч. αἶσα 'рок, судьба, воля богов'; этр. *-ce*/*-χe* (окончание 3-го л. ед. ч. перфекта) : греч. -κε (аналогично); этр. *-ϑi*/*-ti* (окончание императива 2-го л. ед. ч.) : греч. -ϑι (аналогично); этр. *mi* 'я, меня' : греч. -μι (окончание 1-го л. ед. ч. наст. вр.); этр. *-n* : греч. -ν (окончания вин. п. ед. ч.) и др. Подобные соответствия, к которым можно подключить факты целого ряда других индоевропейских языков, могут свидетельствовать об индоевропейском происхождении этрусского (эта гипотеза неоднократно выдвигалась), что и отмечает Харсекин, указывая еще на индоевропейский характер этрусских местоимений *an* 'он', *c-* 'это(т)', *t-* 'то(т)' и ряда других форм[2]. Важно отметить, что почти все эти параллели находят соответствия в хетто-лувийских языках[3], причем оказывается возможным присоединить к ним ряд

---

[1] A. J. Pfiffig. Ist das Etruskische mit dem Griechischen verwandt? — «Sprache» 10, 1964 (благодаря любезности автора рецензии я смог познакомиться с ней еще до ее опубликования). Пфиффиг подчеркивает, что псевдопараллели типа этр. *mini-pi capi* '[из] меня пей, выпивай!' (на самом деле: 'для меня чаша') : греч. ἐμὲ πίε, κάπτιε; этр. *al-ce* 'послал' (на самом деле: 'дал') : греч. ἰαλλέκε; этр. *m-enece* 'меня принес в дар' (в действительности: *men-e-ce* 'дал', от корня *men-* 'давать') : греч. μ'ένεικε и т. д. в большом количестве имелись еще у Уго Коли (U. Coli. Saggio di lingua etrusca. Firenze, 1947), за что этот автор и был подвергнут резкой критике. Досадно, однако, что в рецензии Пфиффига, в целом очень благожелательной, отсутствуют указания на конкретные положительные результаты работы Харсекина, хотя таковые, несомненно, имеются.

[2] Заметим, что этр. *ei*, *eśmi* не могут быть идентифицированы в качестве форм 1-го лица ед. числа глагола со значением 'быть': первая форма является местоименной (этр. *ei* 'это'; ср. вин. п. *ein*: таким образом, *ein* не является предлогом со значением 'в'), см.: A. J. Pfiffig. Ist das Etruskische mit dem Hethitischen verwandt? — «Sprache» 9, 1963, стр. 55, 67; вторая форма «возникла» в результате неправильного членения В. Георгиевым одной этрусской надписи (там же, стр. 62).

[3] Имеем, в частности: хет. [sta], лик. *stta-* 'ставить'; кар. **ais-um(n)a* (собств. имя); хет. *-ti* < и.-е. **-dhi* (окончание императива); хет. *-mu* 'мне,

специфических хетто-лувийских параллелей: этр. *-s*, *-l* : хет. *-s*, *-l* (окончания генитивов [4]); этр. *-śa* : лув. *-ssa*, лик. *-s* и др. (суффиксы посессивов [5]); именные суффиксы этр. *-mn-*, *-n-*, *-ns-*, *-uv-*, *-l-* : хет.-лув. *-mn-*, *-n-*, [-n(t)s], *-uw(a)*, *-l(l)-* (ср. также гетероклизию нуль : *-r-* : *-n-* в этрусских и хетто-лувийских, особенно «позднехеттских», теофорных именах); этр. *-χ* : лик. *-x* и др.; глагольная флексия этр. *-un/-cun/-χun* (1-е л. ед. ч. претерита) : хет. *-un/-hhun* (аналогично) [6] и др.[7]; суффиксы причастий: этр. *-s(a)* : хет.-лув. *-s* (ср. в этой связи четкий параллелизм между этрусскими и «позднехеттскими» именными образованиями на *-ns*); этр. *-l* : лид. *-l* [8].

Очень важно следующее: перечисленные выше языковые элементы относятся в основном к очень устойчивой части языкового механизма, причем флексия вообще не может быть объектом заимствования, во всяком случае в неродственных языках. Поэтому едва ли прав Пфиффиг, полагающий, с одной стороны, что этрусский не является индоевропейским языком, но допускающий, с другой стороны, что многие грамматические элементы этрусского, в частности элементы флексии (глагольной и именной) родственны соответствующим элементам в хетто-лувийских языках. На данном этапе исследования положение Харсекина об индоевропейском (мы бы уточнили: хетто-лувийском) характере этрусского может рассматриваться как вполне приемлемая рабочая гипотеза.

меня' (ср. также основу *-mi-* притяжательного местоимения 1-го л. ед. ч. и глагольные формы на *-mi*); хет. *-n*, лид. -ν (аккузатив); хет. *anni-* 'тот', *kā-* 'этот', лик. *-te*, лид. и кар. *-t*, -τ (указательные энклитики).

4 Эти и некоторые другие формы были идентифицированы в качестве хетто-лувийских (по происхождению) еще Б. Грозным, обладавшим поразительной интуицией, однако ученые долгое время не обращали внимания ни на эти идентификации, ни на блестящие исследования Грозного по генетической принадлежности лидийского языка, выполненные еще в 1917 г. (см. об этом: R. Gusmani. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964, стр. 26; ср. также рецензию Харсекина на кн.: Vl. Georgiev. Hethitisch und Etruskisch. Sofia, 1962. — Наст. сб., стр. 374, прим. 3).

5 Несомненна связь этих суффиксов с *-s*-флексией генитива: ср. также посессивы на *-l(l)-* в лидийском, хеттском, лувийском и ликийском языках (в карийском — -λ) и хеттские местоименные *-l*-генитивы; в этрусском от «генитивных основ» типа *c-l-* могли образовываться некоторые падежные формы. Укажем еще на совпадение форм генитивов и номинативов на *-s* в этрусском и хеттском (о хет. *-s*-формах см.: В. В. Шеворошкин. К истории индоевропейского генитива. — ВЯ, 1957, № 6).

6 A. J. Pfiffig. — «Sprache» 9, 1963, стр. 62.

7 Менее показательно сопоставление флексии 3-го лица ед. числа наст. времени этр. *-a* с соответствующей флексией в других языках (ср. во всяком случае окончания типа хет. *-a/-ari*: 3-е л. ед. ч. медиопассива; кар. *-a*($<$**-at*?): 3-е л. ед. ч.).

8 Собственно, в лидийском формы на *-l* употребляются в основном в качестве verba finita (ср. формы типа *дела-л* в русском). Пфиффиг, идентифицирующий отмеченную параллель, замечает, что лидийский менее близок хеттскому, чем палайский, лувийский, иероглифический лувийский и ликийский (указ. соч., стр. 63 и 68). Это, конечно, не так. На самом деле хетто-лувийские языки образуют две подгруппы, в одну из которых входят хеттский, лидийский, карийский языки, в другую — лувийский, иероглифический лувийский, ликийский, палайский и некоторые другие языки. Следует, впрочем, учесть, что в целом обе подгруппы хетто-лувийских языков весьма близки между собой. Об этрусско-лидийских языковых параллелях см. еще приложение к работе: E. Vetter. Zu den lydischen Inschriften. Wien, 1959; ср.: R. Gusmani. Указ. соч., стр. 26 и др.

Сложной является проблема этрусской лексики. Лексика в целом очень подвержена заимствованию; заимствования способны изменить облик языка до неузнаваемости. Тем не менее и в лексике существует чрезвычайно устойчивый костяк (см. в этой связи работы А. Б. Долгопольского и В. М. Иллич-Свитыча), выявление которого в этрусском оказывается делом крайне сложным ввиду плохой изученности этрусской лексики [9]. Можно надеяться, что новые работы Харсекина и других этрускологов [10] приблизят нас к решению такого сложного вопроса, как определение генетической принадлежности этрусского языка.

В. В. Шеворошкин

Vl. Georgiev. Hethitisch und Etruskisch. Die hethitische Herkunft der etruskischen Sprache. Sofia, 1962, 70 стр. (Académie Bulgare des Sciences. Linguistique Balkanique, V, fasc. 1)

Автор рецензируемой книги, болгарский академик В. Георгиев, известен в нашей стране своими работами в области сравнительного языкознания и исследованиями памятников древних языков Малой Азии и Средиземноморья. Этрусским языком он занимается уже более четверти века. За эти годы его взгляды на природу и генетическую принадлежность этого языка претерпели некоторую эволюцию. Если в первых своих работах автор считал его одним из языков «пеласго-лувийской» ветви индоевропейской языковой семьи, подверженным фрако-фригийскому и хеттскому влиянию [1], а затем полагал, что этрусский и хеттский (равно как лувийский, ликийский и другие древние эгейско-малоазиатские языки) составляют одну близко родственную группу [2], то в настоящей работе этрусский уже рассматривается им как прямое продолжение хеттского: «Этрусский язык есть диалект хеттско-лувийской языковой группы, а именно близко

---

[9] Ср. некоторые параллели: этр. *zin-* 'изготовлять' : хет. *zinna-* 'изготовлять' (Георгиев — Пфиффиг); этр. *tupe* 'наказание' (?) : хет.-лув. *tup-* 'бить'; этр. *sta-* 'ставить' : хет. [sta] (ср. выше); этр. *tiv-* 'месяц' : хет. *siu-* 'свет, день, бог'; этр. *tin(s-)* : кар. **sin-* $<$ **divn-* (в имени бога **sinuri*); этр. *alpa-* 'подарок', *cvl-alp* : кар. *buvse-alp*, *ntalp*; этр. и лид. *alu-* (всюду собств. имена); этр. *tarχ-* : «позднехет.» [t(a)rk] (с характерным переходом хет.-лув. *h* $>$ «позднехет.» и этр. [k]; имеется сходство и в других фонетических процессах, а в синхронном плане — ярко выраженное сходство в структуре этрусских и лидийских — а также карийских — слов).

[10] Уже после выхода в свет рецензируемой книги Харсекин опубликовал блестящее исследование по этрусским числительным (А. И. Харсекин. К интерпретации этрусских числительных. — ВДИ, 1964, № 2). Обращает на себя внимание идентификация *maχ*, *muv-* в качестве «четверки» (подобная точка зрения высказывалась и ранее, однако без достаточных оснований): ср. хет. *mewa*, лув. *mauwa* (и лик. *mu-*?) 'четыре'. В 1965 г. выйдет в свет монография очень эрудированного этрусколога А. И. Пфиффига: A. J. Pfiffig. Die etruskische Sprache. Versuch einer Gesamtdarstellung. Wiesbaden (O. Harrassowitz).

[1] Vl. Georgiev. Die sprachliche Zugehörigkeit der Etrusker. Sofia, 1943, стр. 15.

[2] В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. — ВЯ 1954, № 4, стр. 51.

родственный хеттскому (и его потомку — лидийскому). Этрусский есть не что иное, как продолжение хеттского» (стр. 5)[3].

Рассмотрим, на чем основывается этот важнейший тезис рецензируемой книги.

Работа состоит из нескольких небольших глав. В первой очень кратко, в конспективной форме, излагаются основные явления сравнительной фонетики этрусского и хеттского языков.

Вторая глава (стр. 7—16) составляет основу всей книги. В ней рассматриваются этрусские и хеттские местоименные формы и их склонение. Очень интересно сравнение парадигм склонения местоимения *этот*, *эта*, *это*:

		Хеттские	Этрусские
Sing.	Nom. (m, f)	*kāš* 'hic, haec'	*ca*
	Acc. (m, f)	*kūn* 'hunc, hanc'	*cn*
	Nom., Acc. (n)	*kī* 'hoc'	*ki*
	Gen.	*kēl* 'huius'	*cel? cal?*
	Dat., Loc.	*kēti* 'huic, in hōc, in hāc'	*cϑi*, *calti*, *clϑ(i)*
	Abl.	*kēz* 'hōc, hāc'	*ceś*, *cś?*
Plur.	(N.) Acc. (m, f)	*kūš*, *kēuš* 'hos, has'	*cus*, *ceus*

Сходство настолько очевидно, что его нельзя не признать, даже если бы из этой таблицы пришлось изъять отдельные этрусские формы, значения которых пока еще не достаточно твердо установлены и поэтому они могут оказаться ошибочными. Такие сомнения вызывает прежде всего толкование этр. *ki*. Единственная надпись, исходя из которой В. Георгиев предлагает свое объяснение этой формы (TLE 718), сохранилась фрагментарно, содержание ее остается спорным, и по этой причине она не может служить достаточным основанием для данного толкования. Во всех других известных нам надписях, содержащих это слово, оно является не местоимением, а числительным ('два'). Следует также уточнить значение этр. *cϑi*, *clϑ(i)*. Это местоимение выступает в этрусских памятниках только в качестве локатива. Дательный падеж соответствующего корня имеет форму *cei*[4].

Из других местоименных форм в данной главе рассматриваются *apa*, *an*, *in*, *ta* и др. Предложенные сравнения с хет. *apāš* 'is, ea', *anniš* 'ille, illa', *eni* 'id', *eta-*, *ita-* 'is, ea, id (este)' не вызывают возражений. Жаль только, что автор не всегда достаточно строг в отборе используемых материалов. Так, на стр. 13 он толкует этр. *ti* как Acc. Sing. (n) к *ta*, т.-е. 'hoc, istud'. Такое значение, по его мнению, вытекает из надписи TLE 259. Однако указанная надпись (*tinia : ti. . .*), высеченная на жертвеннике из Орвьето, сохранилась лишь фрагментарно, поскольку часть камня утрачена. После *ti* у самого края излома в ней отчетливо видны следы еще одной буквы, вероятно *n*. Данное слово следует, очевидно, восстановить *tin[scvil]*. В этом случае мы получим формулу *tinia tinscvil* 'Юпитеру и Диоскурам', обычную для аналогичных этрусских памятников. Что касается предполагаемого местоимения *ti*, то оно просто не существует.

---

[3] Вопрос о возможном родстве этрусского и хеттского языков впервые был выдвинут чешским ученым Б. Грозным еще в 1928 г. на I Международном съезде этрускологов. Он, в частности, отметил ряд общих элементов в морфологии и словаре обоих языков, сходство в наименованиях ряда божеств, а также некоторую общность в религиозных представлениях этрусков и хеттов. Об этом см.: B. Hrozný. Etruskisch und die hethitischen Sprachen. — «Atti del 1° Congresso internazionale Etrusco. . .» Firenze, 1929, стр. 189—191, а также его одноименную статью в «Zeitschrift für Assyriologie» IV, 1928, стр. 171—184.

[4] Ср.: M. Pallottino. Elementi di lingua Etrusca. Firenze, 1936, стр. 48.

Весьма вероятным представляется предложенное В. Георгиевым объяснение элемента *-tś* в таких словах, как *santiś-tś*, *ϑapneś-tś* и др., как энклитически употреблявшегося притяжательного местоимения и его сближение с аналогичными хеттскими энклитиками. Благодаря этому становится понятным, почему до сих пор не удавалось обнаружить в этрусских текстах ни одного самостоятельно употребленного притяжательного местоимения.

Ко второй главе логически тесно примыкает третья (стр. 16—26), трактующая систему этрусского и хеттского именного склонения. Автор рассматривает падежные формы от *tin* 'Юпитер', *ϑesan* 'Аврора, утренняя заря' и *tivr* 'луна, месяц'. Но речь идет всего лишь о двух рядах флексий: *-as*, *-s*, *-ś* как показателе Gen. Sing. (= хет. *-aš* — Gen. Sing. и Gen., Dat., Loc. Pl.) и *-i*, *-ia* как признаке Dat. и Loc. Sing. (= хет. *-i*, *-(i)ya* — Dat.-Loc. Sing.).

Отдельно выделено склонение основ на *-ai* (стр. 19—22). Здесь, кроме уже отмеченных падежных окончаний, автор сопоставляет этр. *-au* (в *eterav*, TLE 169) с хет. Acc. Pl. *-auš*, *-āuš*, но именно указанная им (но не объясненная) надпись дает основания полагать, что в данной форме следует усматривать не Acc., а Gen. Pl. (*zilaϑ eterav-* 'трибун(?) плебеев').

Трудно согласиться с тем, что на основании этих скромных данных можно сделать достаточно убедительные выводы об унаследовании этрусским языком хеттской системы именного склонения. Гораздо правильнее, на мой взгляд, было бы предположить, что данные формы (так же как и другие, безусловно, известные автору этрусские именные флексии: *-u*, *-t* (*-ϑ*), *-ti* (*-ϑi*), *-eri* и др.) являются отражением общеиндоевропейских падежных форм.

О большей близости этрусского к хеттским, чем к другим индоевропейским языкам, могли бы свидетельствовать такие (не упоминаемые автором, но уже ранее известные) факты, как этрусский генитив на *-l* и хеттский местоименный генитив *-l*; этрусские и хеттские родовые имена с этим же окончанием; этрусский суффикс мн. числа *-rē*, первоначально имевший, вероятно, собирательное значение, и распространенный хеттский суффикс *-r-*, употреблявшийся для образования отвлеченных и собирательных имен, и нек. др.[5]

Четвертая глава посвящена исследованию глагольных форм. Этр. *eśmi* сравнивается с хет. *ešmi* 'sum', этр. окончания *-u(n)*, *-χu(n)* — с хет. *-un*, *-ḫḫun*; *-χ(e)*, *-c(e)* — с хет. *-ḫḫi*. Надо, однако, отметить, что выдвинутое автором толкование этр. *eśmi* 'sum' на основании единственной надписи (TLE 771), где само чтение этого слова не является несомненным, представляется недостаточно убедительным. Трудно также согласиться с тем, что этрусское окончание *-ce*, *-χe* служило, подобно хет. *-ḫḫi*, для образования 1-го лица ед. числа наст. времени. Контексты многочисленных этрусских надписей, в которых встречаются данные формы, свидетельствуют о том, что в них следует усматривать 3-е лицо ед. числа прош. времени (вероятно, перфекта, подобного греческому перфекту на -κε). Дополнительных доказательств требует также объяснение окончаний *-u(n)*, *-χu(n)* как 1-го лица ед. числа прош. времени. Контекст двух приведенных автором надписей не настолько ясен, чтобы на этом основании судить о значении указанной формы. Материалы же других надписей (которые автором не приводятся) позволяют предположить, что данное окончание является признаком либо 3-го лица прош. времени, либо одной из причастных форм (ср., например, TLE 99, 165, 173 и др.). Недостаточно убедительна также трактовка некоторых этрусских форм на *-l* (*acil*, *ril*) как причастных образований (стр. 29—30).

Последняя, наибольшая по объему глава, посвящена рассмотрению словарных соответствий (стр. 33—55). В небольшом вступлении автор за-

---

[5] Ср.: B. Hrozný. — «Atti...», стр. 190.

мечает, что «этрусский словарь ясно (unzweideutig) проявляет свое хеттское происхождение» (стр. 33). Однако сами словарные материалы меня в этом, к сожалению, не убеждают. Как известно, для определения языкового родства (а тем более такого близкого родства, о каком идет речь в книге) наиболее важны соответствия в словах основного фонда: терминах родства, числительных первого десятка, наименованиях природных явлений, наиболее употребительных глаголах и т. п. Но именно эти категории слов в работе В. Георгиева почти не рассматриваются. Словарные сравнения проводятся преимущественно на материале, не относящемся к основному фонду. В тех же редких случаях, когда сравниваются слова, принадлежащие к указанным категориям, этимологии обычно имеют такой характер, что могут свидетельствовать лишь об общем происхождении части этрусского и хеттского словаря, но не о развитии одного из другого. Так, например: этр. *ais*, *aiś* 'бог' сравнивается с хет. *išḫāš* 'хозяин, господин'; этр. *ceri-χu* 'построил' — с хет. *kešr-i-*, греч. χείρ 'рука'; этр. *ϑesan* 'утро, утренняя заря' — с хет. *teša-*, *teši-* 'жаркое время года' и т. д.

Достойно сожаления то, что в отдельных случаях в работе встречаются досадные недосмотры, упущения и довольно странные толкования. Так, на стр. 33 этр. корень *ac-* сопоставляется с хет. *ak(k)-* 'умирать, быть умерщвленным'. Наличие этого корня автор усматривает и в таких формах, как *acsi*, *acsiś*, засвидетельствованных, в частности, в надписях CIE 3811 (свинцовая пластинка, вложенная под крышку пепельной урны): *arnϑ acsiś. anei nal. clan* — CIE 3834 (крышка пепельной урны); *arnϑ. acsi. capruntial*, которые он соответственно переводит: «Арнт умирает (умерщвляется), сын А» и «Арнт, умри (будь умерщвлен) (ты, сын) К.» При этом он предупреждает читателей, что мнение, будто *acsi*, *acsiś* являются собственными именами, неправдоподобно (там же). В действительности же речь идет именно о собственных (родовых) именах, и трудно поверить, чтобы автору не было известно, что данные формы засвидетельствованы не только в двух упомянутых им надписях, но и в 23 других, обнаруженных вместе с ними в усыпальнице рода Аксе вблизи усадьбы Палаццоне (облаcть Перузии) и опубликованных в CIE (3809—3834). Все они содержат обычные ономастические формулы, и те две, перевод которых так запутан Георгиевым, в действительности следует перевести: CIE 3811: «Арнт Акси, Анейнии сын»; CIE 3834: «Арнт Акси, Капрунтии (сын)».

Давая общую оценку рецензируемой книге, следует иметь в виду исключительную сложность поставленных вопросов и те многочисленные трудности, с которыми пришлось столкнуться автору, понятные каждому, кто когда-либо занимался изучением скудно сохранившихся и еще не полностью дешифрованных памятников древних языков. Нельзя ожидать, чтобы все сразу стало ясным, все трудности были бы устранены, а все доказательства бесспорны.

Хотя основной тезис, заключающийся в том, что этрусский язык представляет более позднюю ступень хеттского, нельзя считать достаточно обоснованным, книга В. Георгиева содержит много интересных наблюдений и новых соображений. Собранные в ней материалы заставляют думать о наличии родственной связи (хотя и не такой близкой, как полагает автор) между этрусским и хеттским языками. Уже одно это имеет исключительную важность. Книга, несомненно, привлечет внимание специалистов и активизирует дальнейшие исследования в этом направлении. Поэтому у рецензента нет оснований сомневаться в том, что она будет полезной для всех, кто имеет то или иное отношение к исследуемой проблеме.

А. И. Харсекин

Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., Изд-во АН СССР, 1964, 306 стр.

Грузинский язык, крупнейший представитель картвельской языковой группы, является древнеписьменным. Древнейшие его памятники относятся к V в. н. э. К настоящему времени научное изучение грузинского языка имеет значительные достижения как в синхронном, так и диахронном плане. Немало сделано также и в исследовании других языков картвельской группы, являющихся бесписьменными: занского (или мегрело-чанского) и сванского. Рядом трудов большого научного значения заложены основы исторического и сравнительно-исторического изучения языков картвельской группы в целом. Однако до последнего времени не было обобщающих трудов по сравнительно-исторической грамматике и лексикологии картвельских языков. Поэтому надо особо отметить появление «Этимологического словаря картвельских языков», который, являясь определенным обобщением всего сделанного в этой области, несомненно, окажет свое влияние на дальнейший ход этимологических исследований языков этой группы.

Словарь Г. А. Климова содержит около 900 словарных статей. Каждая статья посвящена слову-основе или аффиксу, которые можно возвести к общекартвельскому или грузинско-занскому состоянию. Этим рецензируемый словарь отличается от этимологических словарей отдельных языков, которые обычно включают не только исконную лексику, но и заимствованные слова. Г. А. Климов следует в основном тому типу этимологических словарей, который представлен в этимологическом словаре индоевропейских языков Ю. Покорного. В известной мере оказал влияние на словарь Г. А. Климова и Б. Коллиндер своим этимологическим словарем уральских языков.

Г. А. Климовым подведен итог предшествующим этимологическим исследованиям и лексическим сопоставлениям в области картвельских языков, удовлетворяющим требованиям научной методики. Так, например, им широко используются те сопоставления Н. Я. Марра, которые вскрывают реальные связи между словами родственных языков, но совершенно не учитываются его фантастические сопоставления слов, между которыми нет ничего общего. В этой связи Г. А. Климов упоминает также западногерманского языковеда К. Боуду, методика которого «характеризуется игнорированием системы звукосоответствий между сравниваемыми языками, допущением натянутых семантических переходов, неучетом культурно-исторической перспективы исследования и многими другими недостатками». Следовательно, рецензируемый словарь не является справочником, суммирующим все этимологии, которые когда-либо предлагались, а представляет собой целесообразный отбор того материала, который соответствует принятой автором методике. Это придает рецензируемому словарю характер целостного, методически продуманного труда.

Словарная статья начинается фонетической реконструкцией, затем следует реконструируемое значение, которое, конечно, совпадает в большинстве случаев со значением слова во всех сравниваемых языках. Далее приводятся реально засвидетельствованные по картвельским языкам формы слова, его диалектные варианты, документальные иллюстрации употребления слова. В статьях обосновывается реконструкция, сопоставляются в пределах научной методики различные точки зрения исследователей, отмечается авторство предложенных сопоставлений, делаются ссылки на соответствующую литературу. Там, где позволяет материал, приводятся сопоставления картвельских лексем с абхазо-адыгскими и нахско-дагестанскими, что важно для дальнейших исследований по установлению более отдаленного родства кавказских (или, как их часто называют, иберийско-кавказских) языков. Иногда отмечается также мате-

риальная близость картвельских лексем с индоевропейскими, что, с одной стороны, представляет интерес в типологическом отношении, выявляя основы звукоподражательного и символического характера, с другой стороны, накапливает материал для дальнейших исследований по установлению культурных связей между кавказскими и индоевропейскими языками в далеком прошлом.

Словарь Г. А. Климова не только подводит итог ранее проводившимся этимологическим исследованиям, но он вводит в научный обиход довольно большой новый материал, принадлежащий самому автору, чем в значительной степени обогащается сравнительно-историческое изучение картвельских языков в целом. Это, в частности, объясняется тем, что Г. А. Климов большое значение отводит материалу сванского языка, который сохранил в своем составе много архаических черт. Предшествующие же исследователи часто недооценивали значение сванского языка для сравнительно-исторических штудий, рассматривая его как язык смешанный, подвергшийся значительным иноязычным влияниям.

Словарю предпослано теоретическое введение, в котором излагаются принципы, на которых основывается данный словарь, а также и принципы этимологических исследований вообще. Введение останавливает внимание читателя на ряде теоретических положений. Прежде всего указывается, что автор пользуется преимущественно методом сравнительной (или внешней) реконструкции, так как внутренняя реконструкция без опоры на сравнительный материал может привести к субъективным и недостаточно обоснованным построениям. Сравнительный материал не позволяет автору идти в своих реконструкциях дальше эпохи, непосредственно предшествовавшей распаду общекартвельской общности. Поэтому в словаре, в частности, не делаются попытки выявления окаменелых классных показателей или сведения к единому архетипу чередующихся по вокализму глагольных основ, так как материал не дает оснований считать, что общекартвельский праязык накануне распада в этом отношении существенным образом отличался от современных картвельских языков и был этимологически более прозрачным.

Автор останавливается во введении на таком важном теоретическом вопросе, как вопрос о реальности лингвистических реконструкций, совершенно правильно утверждая, что реконструкция не может пониматься лишь как условная формула соответствий; вместе с тем осуждается наивно-реалистическое понимание реконструкции как абсолютно адекватной копии языковой реальности. Удачно переносит Г. А. Климов это положение и на семантическую реконструкцию.

На наш взгляд, правомерно опирается Г. А. Климов и на глоттохронологическую методику М. Свадеша, устанавливая некоторые хронологические вехи процесса дифференциации общекартвельского единства: в применении к временным отрезкам большой длительности она себя вполне оправдывает.

Наконец, во введении делаются и некоторые культурно-исторические выводы из сравнительно-исторического анализа. Существенно важен вывод об автохтонности картвелов по отношению к занимаемой ими в настоящее время территории и о том, что миграции могли иметь место только в гораздо более ранние эпохи, чем эпоха, непосредственно предшествовавшая распаду картвельской языковой общности.

Специалисты-картвеловеды, может быть, отметят в рецензируемом словаре какие-либо недочеты. В первом опыте этимологического словаря они неизбежны. Но выход в свет «Этимологического словаря картвельских языков» Г. А. Климова — большое событие в кавказоведческой литературе. В первую очередь он предназначен для специалистов по картвельским языкам. Но не менее интересен он и для языковедов, занимающихся другими группами кавказских языков, а также и для компаративистов вообще, которые найдут в нем много полезного и поучительного.

Е. А. Бокарев

J. Hubschmid. Thesaurus praeromanicus, Faszikel 1. Grundlagen für ein weitverbreitetes mediterranes Substrat, dargestellt an romanischen, baskischen und vorindogermanischen *p*-Suffixen. Bern, 1963, 96 стр.

«Суффиксы на *-p-* распространены очень широко, — не только на Пиренейском п-ове, но также и во всей Франции, Италии (с Сардинией), в виде следов (выявляемых в собственных именах) в примыкающих периферийных областях с современным населением, говорящим на немецком языке, в Греции и далее к востоку» (стр. 9). Автор этого нового свода сведений о доиндоевропейском субстрате западного, латинского Средиземноморья, известный швейцарский романист и исследователь лингвистической проблематики древнего дороманского Средиземноморья И. Хубшмид, открыл свое новое издание выпуском-монографией об именах на суффикс *-p-*. Эти производные, по словам автора, типичны для баскского и для родственных последнему субстратных языков. Они обнимают огромную массу топонимических образований, а также оставшихся от дороманского субстрата реликтовых слов. По мнению Хубшмида, этот лексический материал образует четкие семантические категории, характеризуемые формальным признаком наличия суффикса *-p-*. Отрицательным аргументом, помогающим выделять *-p-* как доиндоевропейский формант, служит автору тезис о крайней редкости этого суффикса в исконно индоевропейском словообразовании. Хубшмид приводит некоторый материал из литературы, позволяющий судить о том, что актуальнее всего проблема форманта *-p-* для тех языков, которые расположились на доиндоевропейском средиземноморском субстрате.

Далее следует рассмотрение групп лексики с элементом *-p-*: 1. Уменьшительные, особенно в названиях животных; 2. Названия животных, личные собственные и этнические названия; 3. Мелкие части растений, отходы и т. п.; 4. Дальнейшие уменьшительные и пейоративные образования; 5. Растения и их части; 6. Топономастические апеллативы и местные названия; 7. Орудия и сосуды. Путем выделения некоторых производных на *-p-* в индоевропейских языках древней Анатолии и в картвельском автор приходит к мысли об испано-кавказском субстрате, затем сравнением с кельтскими *p-* суффиксами он заканчивает свое исследование.

Конечно, смелая работа Хубшмида не может не вызывать сомнений. Их слишком много, чтобы мы могли излагать их подробно. Кроме того, критику затрудняет экзотичность материала, в изобилии собранного автором, поэтому, за исключением одного-двух примеров, мы предпочитаем говорить о принципиальной стороне проблемы. Сомнения возникают уже при знакомстве с постановкой темы у Хубшмида. Во всяком случае подобная критически заостренная или, вернее, рискованно односторонняя постановка проблемы (выявление широкого средиземноморского субстрата на материале производных с одним формантом *-p-*!) может скорее повредить, даже в какой-то степени дискредитировать средиземноморскую субстратную лингвистику. Не находится ли подобный метод в противоречии с более систематической процедурой выявления субстрата, опирающейся на всю совокупность доступных средств? Подобные монографические попытки оценки словообразовательных следов местного субстрата в их взаимодействии со словообразованием индоевропейского суперстрата известны (ср. работу А. Товара об индоевропейском и «околоиндоевропейском» суффиксе *-k-*). Однако у нас есть право отнестись к ним с достаточной дозой скепсиса. Предполагается, что индоевропейский материал известен при этом наиболее полно. Но это далеко не всегда соответствует действительности. Достаточно привести пример из более ограни-

ченной области славянского словообразования, где до недавнего вр[illegible] были возможны споры насчет того, был ли в славянском суффикс -р-. Во всяком случае сейчас едва ли уместны категорические утверждения о том, что индоевропейский не знал суффикса *-p-* или почти не знал суффикса *-k-* и т. д. Индоевропейское словообразование — относительно новая и еще недостаточно развитая область науки (если не иметь в виду успехи главным образом в области теории индоевропейского корня), и это нужно постоянно помнить.

Если перейти к более частным вопросам, то нам кажется, что нельзя смешивать доиндоевропейскую лексику на *-p-* и вторичную продуктивность *-p-* в романском словообразовании. Лингвистическая география последнего явления не имеет ничего общего с доиндоевропейским субстратом. Само понятие дороманского субстрата получает, кроме того, в свете исследований последнего времени дополнительную сложность, так как становится очевидным, что отождествлять дороманский и доиндоевропейский можно не всегда, ср. гипотезу о доиталийском индоевропейском субстрате, а также из числа примеров на *-p-* у самого Хубшмида: дороманское лат. *tal-p-a* 'крот' с корнем, родственным лат. *tellus* 'земля' (этимология Бертольди, см. стр. 14 рецензируемой книги). Сомнительность отнесения к пласту субстратного *-p-* очевидна для многих слов. Греч. νῶρ-οψ, οἶν-οψ содержат, вероятно, *-οπ-* < **okᵘ* 'глаз, вид', ср. слав. *šir-okъ*, *vys-okъ*, а также приводимое далее самим Хубшмидом лат. *anti-quus* < **anti-ək^{w}o-* : *ok^{w}-* 'глаз' (стр. 84). Названия вроде иллирийского Βούρδ-ωπες могут отражать сложения с вариантом и.-е. **ap-*/**up-* 'вода', как было замечено другими исследователями.

Мы закончим критические замечания словами самого автора: «Одни совпадения суффиксов еще не доказывают родства всех языков, в которых могут быть раскрыты те же самые суффиксы» (стр. 82). Это следует помнить всем энтузиастам испано-кавказской гипотезы. Автор много и серьезно работает над дороманскими субстратами. Его знание материала и трудолюбие очевидны. Поэтому дальнейшие его разыскания в области средиземноморских субстратов, в частности направленные на выявление связей между Западным и Восточным Средиземноморьем (стр. 90), вызывают живейший интерес.

О. Н. Трубачев

«Szótörténeti és szófejtő tanulmányok», szerkesztette Pais D. és Benkő L. (=«Nyelvtudományi értekezések», 38. sz.). Budapest, 1963, 223 стр.

Сборник «Исследования по истории и этимологии слов», изданный Издательством Академии наук Венгрии под редакцией видных специалистов по венгерскому языку Д. Пайжа и Л. Бенке, целиком посвящен венгерской этимологии. Известны выдающиеся заслуги венгерского языкознания в разработке этимологии прежде всего финно-угорских, уральских и алтайских языков. Силами современных венгерских языковедов старшего и младшего поколений в настоящее время ведется активная работа по подготовке нового этимологического словаря венгерского языка. Ученые разной специализации деятельно разрабатывают отдельные крупные пласты венгерской лексики однородного происхождения — исконно финно-угорского, тюркского, славянского (ср., например, труд И. Книежи «Славянские заимствования в венгерском языке», 1-я и 2-я части 1-го тома. Будапешт, 1955), продолжая тем самым лучшие традиции венгерского языкознания, воплощением которых может служить классический труд З. Гомбоца о булгарско-тюркских заимствованиях венгерского языка

([illegible]). Глубокое своеобразие и — не в последнюю очередь — труднодоступность венгерского языка, порождающие почти неизбежно вакуум сил в этой области мировой лингвистики, имели своим следствием то, что венгерский языковед любой специализации почти обязательно обращался на каком-то этапе своей научной деятельности к исследованию своего родного языка. Для некоторых ученых, в прошлом — славистов, романистов и т. д., эта вторая специальность со временем становится основной; в качестве примера здесь могут быть названы имена Я. Мелиха, Г. Барци. Оба они, кстати сказать, работали над созданием этимологических словарей венгерского языка (в основном в довоенное время).

Интересующий нас сборник по истории и этимологии слов также носит на себе отпечаток этих специфических особенностей венгерской лингвистической науки. В него входят статьи финноугроведов Лако, Кальмана, Кароя, тюрколога Немета, славистов Книежи, Киша, Урхеди и др. Все эти ученые выступают со статьями по лексике венгерского языка, реже — других родственных финно-угорских языков. Диапазон привлекаемой лексики и соответственно этимологий весьма широк. Здесь и числительные, и местоимения, и полнозначные слова, среди последних — древнейшая исконная финно-угорская лексика и заимствования разного времени. Этимолога-слависта может заинтересовать статья И. Книежи о венг. *bátya* 'старший брат', этимология которого представляет значительные трудности в связи с возможностью трех точек зрения на его происхождение: 1) исконное финно-угорское; 2) заимствованное из славянских языков; 3) слово «детского языка». Серию заметок по этимологии и истории поздних заимствований публикует венгерский славист и русист Л. Киш. Среди прочих слов он занимается названием, которое в равной мере должно интересовать этимолога-русиста, — это довольно недавно проникшее в венгерский язык, как и в другие языки, и ставшее международным название ткани из синтетического волокна англ. *nylon* ['naɪlən] 'нейлон'. Это слово служит поучительным примером того, что степень забвения этимологических связей не обязательно стоит в прямой зависимости от возраста слова. Новые заимствования — это далеко не всегда слова с бесспорным происхождением и прозрачной этимологией. Этимологические исследования новых заимствований и вообще новых слов ведутся недостаточно интенсивно. Достаточно сказать, что слово *nylon* явилось обозначением реалии, изобретенной американским химиком Уоллесом Хьюмом Кэрозерсом в 1932 г. К настоящему времени известно по крайней мере полдюжины этимологий слова *nylon*: 1) из сокращения слов *New York London;* 2) аббревиатура из начальных букв фразы *Now you lousy old Nipponese!* 'Смотрите, вы, вшивые япошки!' (намек якобы на конкуренцию с японским шелком); 3) сокращение из слов *New York Pylon* в связи будто бы с тем, что впервые нейлон был представлен на нью-йоркской выставке, символом которой была статуя Свободы; 4) сокращение из начала слова *nitrogen* и особого словоэлемента *-lon*; 5) слово совершенно произвольного образования; 6) сложение из конца слова *vinyle* 'винил' и слова *cotton* 'хлопчатобумажная ткань'. Минуя анекдотические подробности отдельных толкований, мы вместе с Л. Кишем выделим наиболее достоверные факты, в частности определенную продуктивность словоэлемента *-(l)on*, который, помимо *nylon*, лег в основу слов *perlon*, *orlon*, *kapron* и ряда других. Их число продолжает увеличиваться, ср. *Dederon*, производимый в ГДР (*DDR*).

О. Н. Трубачев

G. Huxley. Crete and the Luwians. Oxford, 1961, X + 62 стр.

В 1961 г. разными авторами были опубликованы три книги, в которых сходную трактовку получила одна и та же проблема, а именно проблема «хеттского» или «лувийского» субстрата в языках Средиземноморья во II тысячелетии до н. э., см.: L. R. Palmer. Mycenaeans and Minoans (London), A. Heubeck. Praegraeca (Erlangen)[1] и рецензируемую брошюру.

Работа Дж. Хаксли «Крит и лувийцы» состоит из десяти основных разделов (1. Критская талассократия; 2. Микенская династия в Кноссе; 3. Минос и Сикания; 4. Минос, Сарпедон и Радамант; 5. Критяне, ликийцы и лувийцы; 6. Диктинна, Дельфиний и Парнас; 7. Анатолийские топонимы на Крите; 8. Среднеминойский Крит и лувийцы; 9. Данайцы и ахейцы; 10. Девкалион и Идоменей), приложения, озаглавленного «Некоторые проблемы хронологии», комментария, индексов и списка литературы. Основной тезис работы — «лувийцы на Крите»[2] — изложен автором в разделе 8 (стр. 33—35). По мнению Хаксли, лувийцы (народность, близко родственная хеттам) уже в XIX в. расселились в центральной Анатолии, прийдя туда с северо-запада или с востока (автор, принимая, по-видимому, тезис Ф. Зоммера о том, что хетты пришли «к себе» с востока, не склонен связывать с этим событием приход лувийцев). Автор полагает, что в ту же эпоху лувийцы находились и в западной Анатолии, занимая, в частности, территорию Бейгесултана; эти западные лувийцы проникли на Крит в период между 1900 и 1600 гг. до н. э., а возможно, и в более ранний период. С этой миграцией лувийцев автор ставит в связь возведение дворцов в Кноссе, Фесте и Маллии (Среднеминойский период 1)[3]. Хаксли полагает, что лувийцам же принадлежала постройка большого дворца в Бейгесултане (Малая Азия), разрушенного в середине XVII в. до н. э. В ±1600 г. критяне стали селиться в Милете, что было одним из проявлений усиления лувийского морского господства, сошедшего на нет лишь к началу XIV в., после того как Крит был захвачен микенскими греками примерно в 1450 г.

В доказательство своего тезиса Хаксли приводит негреческие (лувийские, по его мнению) имена, встречающиеся в греческих текстах критского линейного письма B: *Pijamunu-*, *Pijaseme*, *Pijasiro* (< хет.-лув. *pija-* 'давать', ср. м.-аз. *Pijammus*, *Pijassilis*); *Tiwatija* (ср. лув. *Tiwat-* имя бога солнца; однако *-ija* в кносской форме едва ли может получить в данном случае удовлетворительное объяснение). Имя Ῥαδάμανθος сопоставляется автором с лув. *Tarhundaradus* и *Pijamaradus* (стр. 20). Хаксли реконструирует таким путем именной элемент **Rada-/u-*; с фонетической точки зрения здесь скорее было **Arada-;* ср. кар. *ra-* [ara-], *rav-* [arav-]: хет. *A/ara-*, *arawa-*; кар. *rav-pleon* : хет. *arawa* + *Appaliuna* и т. д. В м.-аз. *Madduwattas* автор идентифицирует элемент **Mandus* с «ослабленным но-

---

[1] См. мои рецензии на эти книги в ВДИ 1964, № 2; см. также: В. В. Шеворошкин. Новые исследования по хеттологии. — ВЯ 1964, № 3.

[2] Ср. контртезис Ф. Шахермайра, изложенный в статье: F. Schachermeyr. Luwier auf Kreta? — «Kadmos» 1, 1962, стр. 27—39 (см. ниже, прим. 9).

[3] Заметим, что Л. Палмер (L. R. Palmer. Указ. соч., табл.) относит приход лувийцев на Крит к XVII в. (Среднеминойский период III B: «новая эра»; к более раннему времени Палмер относит приход лувийцев в материковую Грецию: ± 1900 г. до н. э.). Хаксли замечает, однако, что перестройка критских дворцов в XVII в. не означает того, что серьезные изменения в этническом составе критского населения произошли именно в эту эпоху.

совым», что сомнительно: в различных хетто-лувийских языках эта основа имела фонетическую форму |matu|: ср. хет. *Maddu-*, лид. Ματυ- и др. По сходным причинам крайне сомнительно отождествление лид. Σαδυ(αττης) с *Santas* 'бог Сандас' (стр. 21): во-первых, Σαδυ- сопоставимо с хет. *Salu(wanta)*[4], во-вторых, данная основа в хетто-лувийских языках сосуществует и отнюдь не смешивается с основой *santa-*, ср. хет.-лув. *Santa-*, лид. *śanτa-* (и кар. *senta?*). Отождествление основы имени Сарпедона с хет.-лув. *Sarpa-*, м.-аз. Σαρπα- в принципе возможно. Топонимы *Luwija* и Λυκια возводятся Хаксли к исходной основе *$luk^{w}i$-*. В принципе отождествление обоих типов основ возможно, но в качестве исходной формы следует предполагать **luki-* (ср. хет. *luk* (*k*)- 'hell werden'; ср. лувийскую форму основы *luha-* 'свет'): в ряде лувийских диалектов *k* исчезало (иногда через ступень *h*)[5]. Заметим, что основа **luka/i-* наличествует и в кар. *λuke-*; исходная форма *$luk^{w}a/i$* дала бы в карийском **λukue-* (соответственно отпадает гипотеза, согласно которой названия лувийцев и ликийцев восходят к слову со значением 'волк').

В египетской передаче крит. *S-n-t-k-p-p-w-y-i-i-m-n-t-r-k-k-r* Хаксли выделяет имена богов *Santa*, *Kubaba* и *Tarhu;* в *B-n-d-b-r* он находит элемент δβερρας, а в *R-w-n-t* видит имя бога *Uruwanta* (*Runda*) и т. п. (стр. 23). Эти сопоставления заманчивы (можно аналогичным образом интерпретировать и остальные элементы), однако их нельзя признать доказательными.

На стр. 24 Хаксли приводит известное сопоставление лин. А *wadunimi*, лик. *βadunimi*. Там же упоминается слово ταρχομν из негреческой надписи Крита, которое можно интерпретировать как анат. **Tarhumna* (Тархон?).

По мнению Хаксли, анатолийский суффикс *-umana/-wana* наличествует в ряде «догреческих» имен на -υνα (см. стр. 24—27). В греч. Παρνασ[σ]ός идентифицируется анат. *Parnassos* (от *parna-* 'дом, строить', ср. лик. *prñna-*, ср. также кар. Πρινασσος, где -ιν- = [n̥]). Крит. Τύλισσος сопоставляется Хаксли с лув. *tulijassos* < *tulija-* 'совет, собрание' (стр. 28). В принципе такое сопоставление допустимо; ср. лик. *tuli-* (⩽ лув. *tulija-*), возможно, наличествующее в лик. *prijeduii*[6] и кар. Αριδωλις. Однако следует иметь в виду, что, например, лид. Τυλ(λ)- восходит не к **tuli-*, а к хет. *Tuwala*[7] (ср. в этой связи и кар. *tovl*). Крит. Καρνησσόπολις связывается Хаксли с кар. 'Αλικάρνασσος (стр. 29). В форме *Κάρνασσος идентифицируется иер. лув. *harnasa-* 'крепость'. (Заметим, что и в ряде других случаев «ларингал» дает рефлекс *k* в карийском.) Суффикс *-ss-*, выделимый в этой основе, наличествует, по Хаксли, также в *Parnassos*, *Knos(ṡ)os* и т. п. Имя Μίνως сопоставляется Хаксли с писид. *Minassos* (стр. 29). Следует учесть в этой связи, что форма основы μινυ- может восходить к **minuwa*, с характерным анатолийским суффиксом *-uwa*.

Крит. Πριανσος сопоставляется Хаксли с анат. *Parijana* > Πριήνη («доионийский» топоним). По-видимому, Πριανσος следует анализировать как **prija + ns* и сопоставлять с кар. Σ(α)ρανσος < **sara + ns*; в обоих случаях перед нами формы на *-ns < *-nts*, образованные от хетто-лувийских наречий с пространственным значением. «Догреч.» Τασκ- сопоставляется Хак-

---

4 Ср.: O. Carruba. Lydisch und Lyder. — MIOF 8, 1963, стр. 401. Видимо, в данной основе представлен особый «эгейский» звук, передававшийся в неэгейских языках то в виде *d*, то в виде *l* (ст. 'Οδυσσεύς/'Ολυττεύς и т. п.).

5 Возможно, хет. *nakk-* и *nahh-* 'тяжелый'; 'почитать' представляют собой генетически тождественные формы (ср. лув. *nahhuwa* при хет. *nakki-* 'тяжелый'). В карийском и в данном случае находим форму с *-k-*: *nak-ok* 'почтенный' (?).

6 См.: Ph. Houwink ten Cate. Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera. Leiden 1961, стр. 174.

7 Ср.: O. Carruba. Указ. соч., стр. 402.

сли с хет. *Task-* (стр. 29 сл.); «догреч.» 'Ορουας, 'Ορυας сближается с писид. 'Ορας, лув. *ura-* 'великий' (стр. 30); приводится и ряд других соответствий [8].

Если отбросить малоубедительные параллели вроде -μανδυς ~ *Maddu-*, останется материал, с достаточной четкостью свидетельствующий о наличии «малоазийского элемента» в «догреческой» топономастике Эгеады. По-видимому, следует сконцентрировать внимание на отыскании таких соответствий, которые указывали бы на несомненное сходство между двумя формами сразу по нескольким пунктам (примером может служить предложенная нами трактовка пары топонимов крит. Πριανσος ~ кар. Σαρανσος). Подобные соответствия свидетельствуют о том, что поселения хетто-лувийских по происхождению этнических групп существовали в древнюю эпоху и в центральном Средиземноморье. Возможно, такие поселения были спорадическими, и в таком случае едва ли удастся связать передвижение хетто-лувийцев на западные территории с теми или иными смещениями в архитектурных стилях и т. п. Тем самым отпадают основные возражения, выдвигаемые противниками «хетто-лувийской» гипотезы [9], хотя несостоятельность ряда аргументов сторонников этой гипотезы лишает ее необходимой убедительной силы. Возможно, движение хетто-лувийцев на запад относилось к очень раннему времени (рубеж III и II тысячелетий до н. э.); в таком случае оно может быть связано с определенными культурными сдвигами, которые отмечаются археологами. Возможна, наконец, и иная трактовка проблемы: хетто-лувийские племена пришли с севера, распространившись одновременно на территории Греции и Анатолии, причем в составе первых волн шли лувийские племена, проникшие далеко на юг.

---

[8] В связи с трактовкой Хаксли имени Λέλεξ (ед. ч. от Λέλεγες) как протохеттского образования (ср. протохаттский префикс мн. ч. *le-/li-* — см. стр. 41) следует указать на возможность сближения грецизованной формы Λέλεγ- и хет. *lulahhi*, лув. *lulahi*; хет-лув. *lulah(h)i* находит аналогию в кар. *lùleki* (ср. также кар. *lùlk*, *iunk* или лув. *lulahi*, *iunahi*). Ср. хет. *lul-*.

[9] Заметим в этой связи, что лингвистические контраргументы Ф. Шахермайра (далее ссылки указывают на страницы его названной выше статьи) в ряде случаев неубедительны. Так, суффикс- *-uwa* (в греч. передаче -ύη), интерпретируемый Шахермайром в качестве эгейского (стр. 35), на самом деле является типично анатолийским — индоевропейским; то же может быть сказано в отношении суффикса *-mn-* хет.-лув. *-awana/-umna* (ср., однако, Schachermeyr, стр. 38). Независимо от происхождения основы *parn-* («эгейской», по Шахермайру, — стр. 35), наличие ее в топонимах следует рассматривать как убедительный аргумент анатолийского (хетто-лувийского) характера этих топонимов (ср. догреческие формы типа Παρνασσος в Греции). То же может быть сказано и о параллелях «догреч.» *Tylissos* ~ анат. *tulijassis*, *karnaso* ~ *harnasa*, сводимых Шахермайром к влиянию «эгейского» субстрата (стр. 37). Параллели же *Lyktos* ~ *Luqqatas*, *Pra(i)sos* ~ *Parassa* (там же) имеют, по-видимому, анатолийско-индоевропейское происхождение. Возражая против тезиса Хаксли о соответствии слоговой структуры минойского и лувийского языков, Шахермайр подчеркивает, что в лувийских формах имеется множество закрытых слогов (стр. 38). Тем не менее на основе сопоставления минойских и лувийских (в особенности же позднелувийских — ликийских) звуковых цепей действительно выявляется далеко идущий параллелизм между слоговой структурой обоих языков, который, впрочем, не обязательно свидетельствует о родстве между этими языками (см.: V. Ševoroškin. Linear A and Lykian. «Nestor» 66, 1963). Едва ли верен и важный тезис Шахермайра об «эгейском» характере этрусского: этот язык, возможно, является индоевропейским, причем, скорее всего, хетто-лувийским (см. мою рецензию на книгу А. И. Харсекина. — Наст. сб., стр. 370 сл.).

В. В. Шеворошкин

СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I (А — К'). М.—Л., 1958.
Абаев ОЯФ	В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М. — Л., 1949.
Бакотић	А. Бакотић. Рјечник српскохорватског књижевног језика. Београд, 1936.
Георгиев	Български етимологичен речник, Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, св. I, (а — бронз). София, 1962.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3. М., 1903.
Добровольский	В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Дополнение к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Караџић	Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. 3-е изд. Биоград, 1898.
Куликовский	Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лавровский	П. Лавровский. Сербско-русский словарь. СПб., 1870.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Мука	Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка. Петроград, 1921.
Носович	И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I—II. М., 1910—1914; окончание — «Труды ИРЯ», т. I, М., 1949.

Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
Ушаков	Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. I—IV. М., 1935—1940.
Andriotis	N. П. Ἀνδριώτης. Ἐτυμολογικὸν λεξικὸν τῆς κοινῆς νεοελληνικῆς. Ἀθῆναι, 1951.
Angere	J. Angere. Jukagirisch-deutshes Wörterbuch. Stockholm — Wiesbaden, 1957.
Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1907—1913.
Boisacq	E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grècque. 4e Ed. Heidelberg, 1950.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 2. Kraków, 1957.
Cioranescu	A. Cioranescu. Diccionario etymológico rumano. Universidad de la Laguna. 1958—1960 (a — poal.).
Collinder C. Gr.	B. Collinder. Comparative grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1960.
Collinder FUV	B. Collinder. Fenno-Ugric vocabulary. Stockholm, 1955.
ČSAV	Příruční slovník jazyka českého, d. I—V. Praha, 1935—1951.
Ernout — Meillet	A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine, I—II. 3e éd. Paris, 1951.
Feist	S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen, 1955—
Gebauer	J. Gebauer. Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916.
Glonar	J. Glonar. Slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1936.
Hofmann.	I. B. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. München, 1950.
Isačenko	A. V. Isačenko. Slovensko-ruský prekladovy slovník, I—II. Bratislava, 1950—1958.
Iveković—Broz	J. Iveković, J. Broz. Rjecnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901.
Jungmann	J. Jungmann. Slownik česko-německý, d. I—V. Praha, 1835—1839.
Karlgren A. D.	B. Karlgren. Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923.
Karlgren Gr. S.	B. Karlgren. Grammata Serica. Stockholm, 1940.
Karłowicz — Kryński — Niedźwiedzki	J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Kluge — Götze	F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951.
Kott	F. Št. Kott. Česko-německý slovník, d. I—VII. Praha, 1878—1893.

Lokotsch — K. Lokotsch. Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.

Machek — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Miklosich — F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Miklosich LP — F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

Niedermann—Senn — M. Niedermann, W. Senn, A. Salys. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Heidelberg, 1951—1963.

Pascu — G. Pascu. Dictionnaire étymologique macédo-roumain, I—II. Jaşi, 1918—1925.

Pfuhl — Dr. Pfuhl. Łužicki serbski słownik. Budyšin, 1866.

Pleteršnik — M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.

Pokorny — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.

Ramstedt KW — G. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Ramstedt SKE — G. Ramstedt. Studies in Korean etymology. Helsinki, 1949.

RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, d. I—XVIII. Zagreb, 1880—1963.

Schrader. Reall. — O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901.

Schrader—Nehring. Reall. — O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 2 Bde. 2. Aufl. hrsg. A. Nehring. Berlin—Leipzig, 1917—1929.

Sławski. — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, z. 1—8. Kraków, 1952—1963.

Šimek — Šimek. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947.

Tiktin — H. Tiktin. Rumänisch-deutsches Wörterbuch, I—III. Bukarest, 1903—1914.

Toivonen — I. H. Toivonen. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I. Helsinki, 1955.

Trautmann — R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Vasmer — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I—III. Heidelberg. 1953—1958.

Walde — A. Walde. lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.

Walde—Hofmann. — A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von I. B. Hofmann. Heidelberg, 1938—1954.

Walde—Pokorny — A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, 3 Bde., hrsg. I. Pokorny. Berlin—Leipzig, 1928—1932.

БЕ Български език
БЕз Балканско езикознание
ВСЯ Вопросы славянского языкознания
ВЯ Вопросы языкознания
ДСИЯ Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР
ЖМНП Журнал Министерства Народного Просвещения
Ж. Ст. Живая старина
ИОРЯС Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
КСИС Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
РФВ Русский филологический вестник
Сб. ОРЯС Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
Уч. зап. Ин. слав. Ученые записки Института славяноведения
ЭСФ Энциклопедия славянской филологии

AA American Anthropologist
Abh DMG Abhandlungen der Deutshen Morgenländischen Gesellschaft
AGI Archivio glottologico italiano
AfslPh Archiv für slavische Philologie
AJPh American Journal of Philology
ALH Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae
Ann. Ac. Sc. Fenn. Annales Academiae Scientiarum Fennicae
AOH Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae
BB Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen
BSL Bulletin de la Société de Linguistique de Paris
BUT Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës
HAIL Handbook of American Indian languages
JA Journal Asiatique
JAOS Journal of the American Oriental Society
JCS Journal of Cuneiform Studies
JEGPh Journal of Englisch and Germanic Philology
JP Język polski
JSAP Journal de la Société des américanistes de Paris
KZ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LF Listy Filologické
LP Lingua Posnaniensis
MIO Mitteilungen des Institutes für Orientforschung
MLN Modern Language Notes
MSL Mémoires de la Société de Linguistique de Paris
PMLA Publications of the Modern Language Association of America
PW Realencyclopädie der classichen Altertumswissenschaft begr. von Pauly, neu hrsg. von G. Wissowa
Rendiconti Rendiconti dell' Istituto Lombardo di Scienze e lettere
RES Revue des Etudes Slaves
RO Rocznik Orietalistyczny
Romania Romania. Recueil trimestriel consacré à l'étude des langues et des littératures romanes
RSl Rocznik slawistyczny
SWJA South-Western Journal of Anthropology
TPhS Transactions of the Philological Society
UAJb Ural-Altaische Jahrbücher

WZKM	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZfdPh	Zeitschrift für deutsche Philologie
ZfS	Zeitschrift für Slawistik
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie

абаз.	абазинский
абхаз.	абхазский
авар.	аварский
авест.	авестийский
адыг.	адыгский
адыгейск.	адыгейский
азерб.	азербайджанский
айн.	айнский
аккад.	аккадский
алб.	албанский
алеут.	алеутский
алт.	алтайский
алют.коряк.	алюторский диалект корякского языка
анат.	анатолийский
англ.	английский
англосакс.	англосаксонский
андийск.	андийский
араб.	арабский
арм.	армянский
арум.	арумынский диалект румынского языка
арх.	архангельский диалект русского языка
арх. кит.	архаический китайский
арчин.	арчинский
ассан.	ассанский
ассир.	ассирийский
атап.	атапасский
атт.	аттический
афг.	афганский
бав.-австр.	баварско-австрийский
балк.	балканский
балкар.	балкарский
балт.	балтийский
баргузин.	баргузинский
бахт.	бахтинский
бацбийск.	бацбийский
башк.	башкирский
беот.	беотийский
берб.	берберский
бирм.	бирманский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
буруш.	бурушаски
вакаш.	вакашский
валл.	валлийский
венг.	венгерский
в.-луж.	верхнелужицкий
в.-нем.	верхненемецкий
волог.	вологодский
гагауз.	гагаузский
герм.	германский
голл.	голландский
гом.	гомеровский
гот.	готский
греч.	греческий
греч. демот.	греческий демотический
груз.	грузинский
дагестан.	дагестанский
дагур.	дагурский
даргин.	даргинский
дат.	датский
дене-фин.	денефинский
догреч.	догреческий
др.-англ.	древнеанглийский
др.-болг.	древнеболгарский
др.-булг.	древнебулгарский
др.-венг.	древневенгерский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-дат.	древнедатский
др.-евр.	древнееврейский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-исл.	древнеисландский
др.-кит.	древнекитайский
др.-н.-нем.	древненижненемецкий
др.-норв.	древненорвежский
др.-польск.	древнепольский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-серб.	древнесербский
др.-тибет.	древнетибетский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-уйгур.	древнеуйгурский
др.-ханаан.	древнеханаанский
др.-чеш.	древнечешский
др.-чув.	древнечувашский
др.-шв.	древнешведский
др.-яп.	древнеяпонский
евр.	еврейский
егип.	египетский
енис.	енисейский
занск.	занский
зап.-румел.	западно-румелийские говоры турецкого языка
и.-е.	индоевропейский
иер. лув.	иероглифический лувийский
ижор.	ижорский

иллир.	иллирийский
имб.	имбатский диалект кетского языка
ингуш.	ингушский
инук.	инукский
ион.	ионийский
ион.-атт.	ионийско-аттический
ир.	иранский
ирл.	ирландский
ирон.	иронский
исавр.	исаврский
исп.	испанский
ит.	итальянский
ительм.	ительменский
каб.	кабардинский
кавк.	кавказский
каз.	казанский
казах.	казахский
кайк.	кайкавский диалект сербско-хорватского языка
калм.	калмыкский
камас.	камасинский
камч.	камчатский
кар.	карийский
карагас.	карагасский
карел.	карельский
карен.	каренский
карп.	карпатский
картв.	картвельский
качин.	качинский
кашуб.	кашубский
кв.	квакиютльский
кельт.	кельтский
кет.	кетский
килик.	киликийский
кит.	китайский
койб.	койбальский
кол. юкг.	колымский диалект юкагирского языка
копт.	коптский
кор.	корейский
коряк.	корякский
кос.-мет.	косовско-метохийский диалект сербско-хорватского языка
кот.	коттский
крит.	критский
кур.	курейский диалект кетского языка
кут.	кутенай
куц.-вл.	куцо-влашский диалект румынского языка
куш.	кушитский
лакон.	лаконский
лакск.	лакский
лат.	латинский
лезгин.	лезгинский
лесн. нен.	диалект лесных ненцев
ливск.	ливский
лид.	лидийский
лик.	ликийский
ликаон.	ликаонский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
луле-саамск.	диалект лулесаамского языка
м.-аз.	малоазийский
макед.	македонский
макед. алб.	македонский диалект албанского языка
макед.-рум.	македонорумынский диалект румынского языка
манс.	мансийский
маньчж.	маньчжурский
мар.	марийский
мегр.	мегрельский
монг.	монгольский
монгор.	монгорский
морав.	моравский
морд.	мордовский
мотор.	моторский
мтл.	маттоле
навах.	навахо
нан.	нанайский
нахск.	нахский
нган.	нганасанский
н.-вард.	нижневардский диалект македонского языка
н.-греч.	новогреческий
негидал.	негидальский
нем.	немецкий
нен.	ненецкий
нивх.	нивхский
нидерл.	нидерландский
нижегор.	нижегородский
нитинат.	нитинатский
н.-луж.	нижнелужицкий
н.-нем.	нижненемецкий
норв.	норвежский
норв.-дат.	норвежско-датский
новг.	новгородский
н.-перс.	новоперсидский
общегерм.	общегерманский
общегреч.	общегреческий
огуз.	огузский
окинав.	окинавский
олон.	олонецкий
ольчск.	ольчский
омок.	омокский
орд.	ордосский

оренб.	оренбургский
орл.	орловский
орок.	орокский
ороч.	ороченский
осет.	осетинский
ост.	остяцкий
офен.	офенский
пеласг.	пеласгский
перм.	пермский
перс.	персидский
писид.	писидийский
полаб.	полабский
польск.	польский
прасев.-кавк.	прасеверокавказский
праслав.	праславянский
протохат.	протохаттский
прусск.	прусский
псков.	псковский
пумп.	пумпокольский
рум.	румынский
русск.	русский
русск.-цслав.	русский церковнославянский
рюкюск.	рюкюский
саам.	саамский
сабельск.	сабельский
салиш.	салишский
санскр.	санскрит
сван.	сванский
сев.-кит.	северокитайский
сев.-кор.	северокорейский
сельк.	селькупский
семит.	семитский
сем.-хат.	семито-хамитский
серб.	сербский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
совр. венг.	современный венгерский
совр. монг.	современный монгольский
солон.	солонский
ср.-англ.	среднеанглийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-греч.	среднегреческий
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-монг.	среднемонгольский
ср.-перс.	среднеперсидский
ср.-тур.	среднетурецкий
ср.-тюрк.	среднетюркский
ст.-польск.	старопольский
ст.-слав.	старославянский
ст.-укр.	староукраинский
с.-хорв.	сербскохорватский
с.-цслав.	сербский церковнославянский
сым.	сымский
сюри	диалект рюкюского языка
табассаран.	табасаранский
тайгийск.	тайгийский
тат.	татарский
тибет.	тибетский
тлинг.	тлингит
тохар.	тохарский
тув.	тувинский
тунгус.	тунгусский
тур.	турецкий
туркм.	туркменский
т. юкг.	тундренный диалект юкагирского языка
тюрк.	тюркский
убых.	убыхский
удейск.	удейский
удм.	удмуртский
узб.	узбекский
уйгур.	уйгурский
укр.	украинский
ульч.	ульчский
уналик.	уналикский
урал.	уральский
урулгин.	урулгинский
фин.	финский
фин.-уг.	финно-угорский
фрак.	фракийский
франц.	французский
фриг.	фригийский
хакас.	хакасский
хакка	китайский диалект хакка
хант.	хантыйский
хет.	хеттский
хет.-лув.	хетто-лувийский
хлц.	хайльцук
хорв.	хорватский
цахур.	цахурский
цез.	цезский
ц.-слав.	церковнославянский
чад.	чадский
чамалин.	чамалинский
чан.	чанский
черкас.	черкасский
чечен.	чеченский
чеш.	чешский
чжурчен.	чжурченский
чуван.	чуванский диалект юкагирского языка
чуваш.	чувашский

чук.	чукотский
чук.-камч.	чукотско-камчатский
чук.-кор.	чукотско-корякский
чпв.	чипевьян
шахапт.	шахаптинский
шв.	шведский
широнгор.	широнгорский
шорск.	шорский
шумер.	шумерский
эвен.	эвенский
эвенк.	эвенкийский
эллин.	эллинистический
энец.	энецкий
эскалеут.	эскалеутский
эским.	эскимосский
эст.	эстонский
этр.	этрусский
эфиоп.	эфиопский
юк.	юкский
юкагир.	юкагирский
юж.-слав.	южнославянский
юж.-хант.	южнохантыйский
якут.	якутский
яп.	японский
яросл.	ярославский

Содержание

СТАТЬИ

CONTENTS

ARTICLES

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Коллектив авторов

Этимология

Принципы реконструкции и методика исследования

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *М. С. Кожухова*
Технический редактор *Л. А. Кленовская*

Объявлена в БЗ № 77—15

Сдано в набор 20/VIII 1964 г. Подп. к печати 18/II-1965 г.
Формат 60×90[1]/[16]. Печ. л. 24,75. Уч.-изд. л. 28.
Тир. 3000. Изд. № 4617/04. Тип. зак. № 923.

Цена 1 р. 78 коп.

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография изд. «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
84	9 св.	**korpъjь*	***kyprъjь***
136	16 св.	**thuk(h)a-*	**thūk(h)a-*
136	17 сн.	**þuk(h)u-*	**þūk(h)ū-*
338	2 св.	**k'*	***k'***
394	19 сн.	Gate	Cate
395	9 св.	Stachowskij	Stachowski

Этимология.